КАБРЬ 1915 ПТРГ.

ѢТОПИСЬ

СОДЕРЖАНІЕ:



ЛѢТОПИСЬ



ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ, НАУЧНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

ЖУРНАЛЪ

ДЕКАБРЬ **1915 г.**



Типо-лит. Акц. О-ва „Самообразованіе“. П-дъ, Забалканскій пр., № 75.

СОДЕРЖАНІЕ.

Статьи: М. ЛУРЬЕ. Настроенія на Западѣ. — Н. СУХАНОВА. Война и наши настроенія. — Г. ХАЙДМАНА. Кромвелизмъ безъ Кромвеля. — Н. СЕРГІЕВА. Дѣла церковныя — не могли быть помѣщены въ номерѣ по независящимъ отъ редакціи обстоятельствамъ.

СЛОВО.

Молчатъ гробницы, муміи и кости, —
Лишь Слову жизнь дана:
Изъ древней тьмы, на міровомъ погостѣ,
Звучатъ лишь Письмена.

И нѣтъ у насъ иного достоянья!
Умѣйте же беречь,
Хоть въ мѣру силъ, въ дни злобы и страданья
Нашъ даръ безсмертный — рѣчь.

Ив. Бунинъ.

ПОЭТУ.

Въ глубокихъ колодцахъ вода холодна,
И чѣмъ холоднѣе, тѣмъ чище она.
Пастухъ нерадивый напьется изъ лужи
И въ лужѣ напоитъ отару свою,
Но добрый опуститъ въ колодецъ бадью,
Веревку къ веревкѣ привяжетъ потуже.

Безцѣнный алмазъ, оброненный въ ночи,
Рабъ ищетъ при свѣтѣ грошовой свѣчи,
Но зорко онъ смотритъ по пыльнымъ дорогамъ,
Онъ ковшикомъ держитъ сухую ладонь,
Отъ вѣтра и тьмы ограждая огонь,
И знай: онъ съ алмазомъ вернется къ чертогамъ!

Ив. Бунинъ.

ШЕСТИКРЫЛЫЙ.

Мозаика въ соборѣ.

Алѣлъ Ты въ заревахъ Батыя —
И потемнѣлъ Твой жуткій взоръ.
Ты крылья рыже-золотыя
Въ священномъ трепетѣ простеръ.

Узрѣлъ Ты Грознаго юрода
Монашескій истертый шлыкъ —
И навсегда въ изгибѣ свода
Застылъ Твой большеглазый ликъ.

Ив. Бунинъ

ВОСПОМИНАНІЯ.

I.

Свѣтло-сѣрое съ голубымъ.

Сухой, холодный день осени. По двору тоскливо мечется пыльный, вѣтеръ, летаютъ крупныя перья, прыгаетъ комъ бѣлой бумаги; воздухъ наполненъ шорохомъ и свистомъ, а подъ окномъ моей комнаты торчитъ нищій и равнодушно тянетъ:

— Господи, Іисусе Христе, Сына Божію, поми-илуй насъ...

Лицо у него заржавѣло, стерто, съѣдено язвой, голый черепъ въ грязныхъ струпьяхъ; онъ очень подъ стать и грязному двору, и больному дню.

Вѣтеръ треплетъ его лохмотья, вздуваетъ пазуху, бьетъ его пылью по ржавой щекѣ, по уху. Нищій мотаетъ головою и гнусаво выводитъ, съ упорствомъ шарманки, унылый мотивъ:

— Благодѣтели и кормилицы, милостынку, Христа ради, подайте...

— Пошелъ къ чорту! — кричитъ изъ окна моя сосѣдка, дѣвица веселой жизни, маленькая, съ подведенными глазами и румянцемъ отъ ушей до зубовъ.

Нищій что-то урчитъ, вѣтеръ относитъ его слова, но я слышу мѣдный звонъ большой монеты, упавшей на камень двора, и сердитый голосъ дѣвицы:

— На, подавись, подлецъ!..

Странно, — въ голосѣ ея звучитъ обида, хотя обижаетъ сама она. Я живу рядомъ съ нею третьи сутки и уже дважды слышалъ, какъ эта веселая дѣвушка днемъ поетъ трогательныя пѣсни, а по ночамъ плачетъ скучными, пьяными слезами.

Сегодня она пришла домой на разсвѣтѣ и тотчасъ разбудила меня возней, хриплыми рыданіями.

— Эй, сударыня! — крикнулъ я въ щель переборки между нею и мной. — Вы мнѣ мѣшаете спать...

Помолчавъ съ минуту, она снова стала всхлипывать и тру-

бить носомъ, толкая въ переборку локтями и пятками, а потомъ начала ругать меня, тщательно выбирая самыя неудобныя слова.

— За что? — спросилъ я.

Она убѣжденно отвѣтила:

— Вы всѣ — собаки!

Но, удовлетворивъ себя этимъ, позвала меня:

— Иди ко мнѣ!

Я не успѣлъ поблагодарить ее за любезность, ибо она тотчасъ же добавила:

— Нѣтъ, не ходи, не надо, а то поутру Мишка придетъ, такъ онъ и тебѣ, и мнѣ . . .

— Это кто — Мишка?

— Мой кредитный. Тоже сыщикъ.

— А почему тоже?

— Да ты — кто?

— Газетчикъ, писатель . . .

— Письмоводитель? Тоже, поди-ка, изъ полиціи . . .

Послѣ этого она уснула, а утромъ, проснувшись, долго вздыхала, потомъ безуспѣшно училась свистать, что-то грызла — сахаръ или сухарь, — наконецъ постучала въ стѣну:

— Сосѣдъ!

— Доброе утро . . .

— Чего-о?

— Съ добрымъ утромъ, говорю . . .

Она фыркнула:

— Скажите, пожалуйста, какой вѣжливый! . . У васъ нѣтъ . . . ваксы?

— Нѣтъ.

— Ну, не надо . . . Ахъ, Господи!

— Что вы?

— Скучно. Васъ какъ зовутъ?

— Іегудіилъ.

— Вы развѣ жидъ?

— Нѣтъ, русскій . . .

— Ну, значитъ, врете . . .

Поговоривъ въ этомъ тонѣ еще нѣсколько минутъ, она снова захрапѣла, точно ее схватили за горло, и проснулась уже незадолго до появленія нищаго . . . Проснулась и, вскочивъ съ постели, запѣла веселымъ голосомъ:

„Самара, ты — городъ богатый,
А я, между тѣмъ, сирота.
Самара, тобою, проклятой,
Разбита о счастьѣ мечта...“

Было интересно: почему она, подавъ милостыню, обругала нищаго? Я спросилъ ее объ этомъ сквозь переборку, — она отвѣтила, подумавъ:

— Захотѣла, вотъ и обругала! А что еще?

Вѣтеръ за окномъ бѣсится все яростнѣе, катаетъ по двору соломенный чехолъ съ бутылки, перебрасываетъ по камнямъ нитяный носокъ, гоняетъ почтовый конвертъ, солитъ пылью стёкла окна. Надъ окномъ, на карнизѣ уныло воркуетъ голубь; раздражая, трещитъ какая-то щепочка; кажется, что сердце умираетъ подъ мелкой, холодной пылью.

Стѣна противъ окошка скупо оштукатурена грязноватой известью; кое-гдѣ известь отвалилась, обнаживъ красный кирпичъ. Небо надъ крышей тоже небрежно оштукатурено сѣроватыми облаками, между ними — глубокія синія ямы, и оттуда льется въ душу тоска.

— Сосѣдъ, — кричатъ изъ-за переборки, — идите чай пить!

— Благодарю васъ, иду...

Комната — меньше моей, и хозяйка ея — наполовину меньше меня. Но она — бойчѣе гостя, смотритъ на него смѣло; глаза у нея, дѣйствительно, веселые, голубенькіе, а рожица, съ которой она чисто смыла румяна и прочія краски, — миленькая, чистая, только очень ужъ блѣдная.

— Какой у васъ смѣшной носъ! — говоритъ она, присматриваясь ко мнѣ.

Молчу, улыбаясь, и не нахожу отвѣта, потомъ догадываюсь: сама она — курносая и, должно быть, завидуетъ мнѣ.

Одѣта она ослѣпительно: на ней красная кофточка, зеленый галстукъ съ рыжими подковами, юбка цвѣта бордо; это великолѣпіе увѣнчано серебрянымъ кавказскимъ поясомъ, а надъ ушами, на гладкихъ волосахъ — бантики оранжеваго цвѣта.

— Садитесь, пожалуйста, — говоритъ она солидно. — Въ накладку пьете или въ прикуску?

— Все равно.

Она поучительно замѣчаетъ:

— Кабы было все равно, такъ бы люди не женились!

Въ окна стучитъ пыль.

Бесѣдуемъ.

— Вы — сердитая?

— Я-то? Какъ придется. А что?

— Да вотъ... нищій... Интересно знать: за какую вину вы его обругали? Милостыню подали, а обругали...

Ея полудѣтское, простенькое лицо искажается сердитой,

брезгливой гримасой; дѣвушка смотритъ на меня въ упоръ, — брови ея дрожатъ, и она говоритъ звенящимъ голосомъ:

— Его бы надо кирпичомъ по башкѣ, — вотъ какъ!

— За что?

— За то!

— А все-таки?

Стукнувъ рукою по столу, она сердито говоритъ:

— Не приставайте! Это даже невѣжливо — прійти въ гости и приставать! Я васъ вовсе не знаю, а вы спрашиваете — про что не надо...

Съ минуту она молчитъ, а я очень смущенъ и желалъ бы уйти изъ этого чулана, но хозяйка его, замѣтивъ мое смущеніе, примирительно улыбается:

— Ага, испугался... Нѣтъ, ей-Богу же... Спрашиваете вы, а это вовсе и не интересно мнѣ. Я его видѣть не могу, жулика! Онъ вѣдь тотъ самый подлецъ, который сосваталъ меня одному тутъ судьѣ... Мнѣ тогда еще пятнадцати не было... безъ четырехъ мѣсяцевъ пятнадцать лѣтъ, а онъ ужъ... Развѣ это хорошо? А еще товарищъ папашинъ, вмѣстѣ лакеями служили, въ одной гостиницѣ. Хорошо, что папаша померъ, ничего не зная, а то бы убилъ онъ меня. Мамаша бѣлье стирала на гостиницу, а я носила... Ну, конечно, — дѣвчонка! Пригласили меня въ номеръ, напоили, — ничего не помню! Проснулась — Господи! — какъ раздавленная! Все этотъ виноватъ: онъ устраивалъ... «Двадцать пять рублей, — говоритъ, — дадутъ тебѣ, жить весело будешь». Видѣть не могу его, — честное слово! А онъ — хоть бы что! Ходитъ ко мнѣ, проситъ: будто хорошо сдѣлалъ, а я должна всегда его благодарить. Удивительно даже — какое безстыдство въ человѣкѣ! Раньше, когда я у судьи на содержаніи жила, такъ этотъ ко мнѣ каждый день почти шлялся: то рубль дай ему, то полтинникъ. Въ карты играетъ, жулябія несчастная, даже въ тюрьму сажали за карты, въ тюрьмѣ онъ и захворалъ, подлый. Я, бывало, говорю ему: «Ахъ, ты, безстыдный злодѣй, что ты ко мнѣ ходишь? Вѣдь это черезъ тебя я несчастна и даже совсѣмъ погибшая!» А онъ — ничего! «Полно-ка, — говоритъ, — Таня, не сердись, мало ли, кто въ чемъ виноватъ, — всѣхъ не накажешь!» Подумаю я, а вѣдь и вѣрно: развѣ всѣхъ накажешь, которые виноваты? Ну, и завью горе веревочкой...

Виновато улыбаясь, она смотритъ въ лицо мнѣ; потомъ какъ-то вдругъ изъ ея свѣтлыхъ глазъ выкатываются частыя, мелкія слезинки, и, продолжая улыбаться, она говоритъ сконфуженно:

— Вотъ видите! Вогнали меня въ слезы... Давайте лучше о другомъ о чемъ-нибудь поговоримъ...

Бесѣдуемъ о другомъ. Свиститъ вѣтеръ, бросая въ стёкла окна пыль. Спрятавъ руки въ карманы, сжимая кулаки, я думаю:

— Всѣхъ не накажешь, чортъ васъ возьми! Ловко устроено — не накажешь...

А дѣвушка мечтательно говоритъ:

— Красный цвѣтъ не къ лицу мнѣ, я знаю, а вотъ свѣтло-сѣрый или бы голубенькій...

II.

Книга.

Въ паркѣ, у стѣны маленькой старой дачи, среди сора, выметеннаго изъ комнатъ, я увидѣлъ растрепанную книгу; видимо, она лежала тутъ давно, подъ дождями осени, подъ снѣгомъ зимы, прикрытая рыжей хвоей и жухлымъ прошлогоднимъ листомъ. Теперь, когда весеннее солнце высушило ея страницы, склеенныя грязью, уже нельзя было прочитать, о чемъ говорятъ поблекшія линіи буквъ.

Я пошевелилъ ее носкомъ сапога и пошелъ дальше, думая о томъ, что, можетъ быть, это — хорошая, сердечно написанная книга, и не мало людей, читая ее, волновались, спорили, учились думать; можетъ быть, кого-то она оплодотворила новой мыслью и многихъ, въ холодные часы одиночества, согрѣла своимъ тепломъ.

Мнѣ вспомнилось, какимъ добрымъ другомъ была для меня книга во дни отрочества и юности, и особенно ярко встала въ памяти жизнь на маленькой желѣзнодорожной станціи между Волгой и Дономъ.

Станція стояла въ степи, скудно покрытой сѣрыми былинками, въ пустотѣ и тишинѣ, нарушаемой зимою унылымъ пѣніемъ снѣжныхъ вьюгъ. Лѣтомъ на станціи ныли комары, въ рыжей степи насмѣшливо и тихо свистѣли суслики, въ небѣ, мутномъ отъ зноя, молча кружились коршуны и бѣлые луни.

Бывало, смотришь съ перрона въ степь: надъ пустою землей, въ свинцовой дали струится марево, на бугоркахъ, около своихъ норъ, стоятъ суслики, приложивъ къ остренькимъ мордочкамъ ловкія переднія лапки, точно молятся. А больше никого нѣтъ, — дышишь пустотою, и сердце жалобно сжимается отъ скуки.

Лишь изрѣдка мохнатые чабаны, похожіе на святыхъ отшель-

никовъ съ картинъ, проведутъ съ юга на сѣверъ отару овецъ, и въ тишинѣ степной взвиваются ихъ странные крики:

— Р-ря-о! Р-ря-у . . .

Подуетъ вѣтеръ, осыплетъ станцію мелкимъ горячимъ пескомъ, принесетъ печальное клохтанье дрофы, свистъ грызуновъ, — и снова тихо, и жизнь кажется безконечнымъ сномъ.

Гдѣ-то, въ степныхъ балкахъ прятались казачьи хутора; позади станціи, верстъ за пять, къ Волгѣ, прикурнула на неплодной землѣ деревня — Пески; оттуда къ намъ зимою приходили бойкія дѣвицы очищать отъ снѣга станціонные пути, а по ночамъ на станцію являлись ихъ братья и отцы воровать щиты на топливо и товаръ изъ вагоновъ.

Особенно тяжко жилось въ жаркія лѣтнія ночи: въ тѣсныхъ комнатахъ — нечѣмъ дышать, духота и комары не позволяютъ уснуть; все населеніе станціи вылѣзало на перронъ и неприкаянно шлялось повсюду, заводя отъ скуки ссоры, раздражая дежурныхъ воющими зѣвками, жалобами на безсонницу и нездоровье, нелѣпыми вопросами. По двору, точно лунатики, ходятъ женщины въ бѣлыхъ одеждахъ, босыя, съ растрепанными волосами; курится костеръ, прикрытый сырымъ тальникомъ; въ безвѣтреныя ночи дымъ костра встаетъ къ небу сѣрымъ столбомъ, не отгоняя комаровъ, — они родятся въ мертвыхъ заводяхъ Волги и тучами летятъ сюда, въ сухую степь, на муку людямъ и на свою гибель.

Въ глухой тишинѣ, далеко гдѣ-то и точно подъ землею, рождается тяжелый шорохъ, растетъ, окутываетъ станцію желѣзнымъ гуломъ; поютъ рельсы, трясутся лампы; кто-нибудь дремотно говоритъ:

— Тринадцатый идетъ . . .

На краю степи, въ черную кожу тьмы вонзился красный лучъ, ранилъ ночь, и по землѣ растекается влажное пятно свѣта, напоминая кровь. Медленно приближаясь, лучъ двоится, и вотъ онъ сталъ похожъ на чьи-то желтые жуткіе глаза, они дрожатъ въ гнѣвномъ возбужденіи, — къ тремъ домикамъ станціи ползетъ изъ глубины ночи нѣкое злое чудовище, угрожая гибелью. Знаешь, что это — товарный поѣздъ, но хочется представить себѣ другое, хотя бы страшное, но другое.

Пассажирскіе поѣзда, пробѣгая мимо станціи, только усиливаютъ впечатлѣніе неподвижности жизни, углубляютъ сознаніе отрѣзанности отъ нея. Остановится поѣздъ на минуту, — изъ оконъ вагоновъ, какъ портреты изъ рамъ, смотрятъ на тебя какіе-то люди; вспыхиваютъ, точно искры въ темнотѣ, загадочные

глаза женщинъ, трогая сердце теплыми лучами мимолетныхъ улыбокъ.

Сердитый свистокъ — и въ облакѣ пара поѣздъ скользитъ дальше, лица людей въ окнахъ вагоновъ странно искажаются, вытягиваясь въ бокъ, всѣ въ одну сторону.

Къ этому мельканію жизни быстро привыкаешь; мимо тебя ежедневно проѣзжаютъ одни и тѣ же машинисты, кочегары, кондуктора; кажется, что и люди всегда одни и тѣ же, — они стали неразличимы, точно комары.

На станціи служило одиннадцать человѣкъ, четверо семейныхъ. Всѣ жили точно подъ стеклянным колпакомъ, о каждомъ было извѣстно все, чего не нужно знать о человѣкѣ, и каждый зналъ обо всѣхъ остальныхъ все, что хотѣлъ и не хотѣлъ знать. Всѣ ходили другъ передъ другомъ словно голые; человѣкъ при первомъ удобномъ случаѣ публично выворачивался наизнанку, понуждаемый скукой къ нечистоплотнымъ откровенностямъ и покаяніямъ.

Играли въ карты, страшно пили водку, порою, обезумѣвъ отъ пьянства и тоски, поражали другъ друга дикими выходками.

Однажды вечеромъ сторожъ Крамаренко, молодой, красивый мужикъ, подошелъ подъ окно квартиры смазчика Егоршина, лысенькаго и богомольнаго старика, женатаго на сиротѣ-казачкѣ, женщинѣ большой и молчаливой, — подошелъ, раздѣлся донага и сталъ орать въ окно:

— Егоршинъ, выходи, собака! Выходи, раздѣвайся, пусть жена твоя видитъ: который лучше!

Казачка, стиравшая бѣлье, выплеснула на грудь ему ковшъ кипятку; онъ завылъ и убѣжалъ въ степь, а Егоршинъ началъ бить жену гаечнымъ ключомъ. Люди отняли женщину, хотѣли отправить ее въ городъ, въ больницу, но казачка отказалась.

— Не надо, сама виновата, зачѣмъ ласково смотрѣла на него, — говорила она, лежа на дворѣ, обмотанная кровавыми тряпками, широко открывъ синіе глаза и облизывая губы маленькимъ языкомъ.

И дважды спросила тихонько:

— Больно я его обварила?

— Ой, безстыжая, — шептались женщины и дѣвицы.

Егоршинъ заперся въ квартирѣ и молился, стоя на колѣняхъ въ лужѣ мыльной воды. Люди смотрѣли на него въ окно и ругали старика.

Утромъ, на другой день, Крамаренко взялъ расчетъ и пѣш-

комъ ушелъ со станціи куда-то къ Дону; шелъ онъ вдоль линіи дороги странно-прямо, высоко поднявъ голову, какъ солдатъ на парадѣ.

А черезъ нѣсколько дней и Егоршинъ перевелся на другую станцію.

— Это, братъ, не поможетъ тебѣ, — сказалъ ему Колтуновъ, помощникъ начальника станціи, прощаясь съ нимъ. — Тебѣ въ землю надобно переводиться; отъ горя никуда, кромѣ какъ въ землю!..

* * *

Это былъ странный человѣкъ, — Петръ Игнатьевичъ Колтуновъ. Всегда полупьяненькій, болтливый, онъ, должно быть, имѣлъ какія-то свои догадки о жизни, но выражалъ ихъ неясно, и даже казалось, что онъ не хочетъ быть понятымъ.

Сухонькій, тощій, онъ постоянно встряхивалъ вихрастой, рыжей головой и, прикрывая сѣрые глаза золотистыми рѣсницами, опрашивалъ насъ — меня, вѣсовщика станціи, и товарища моего, телеграфиста Юдина, горбатаго и злого:

— Какому Богу служите, ребята, а? Потѣха!

Или вопрошалъ самъ себя:

— Развѣ я для того родился, чтобы меня комары ѣли?

Мы, я и телеграфистъ, часто и горячо говорили о будущемъ, онъ смѣялся надъ нами:

— Потѣха! Вы спросите меня: что будетъ черезъ десять лѣтъ, въ сей день и часъ? Я вамъ вѣрно скажу: то же самое! А черезъ двадцать пять? И тогда — то же самое...

Когда я съ Юдинымъ начали читать Спенсера, онъ, послушавъ, спросилъ:

— Англичанинъ?

— Да.

— Ну, значитъ, вретъ! Англичанинъ правду никогда не скажетъ.

И не сталъ слушать Спенсера.

Иногда Колтунова одолѣвали припадки нелѣпаго упрямства: онъ крутилъ пальцами обгрызанные усы и тоненькимъ, нервнымъ голосомъ настойчиво старался убѣдить насъ, что «Панъ Твардовскій» написанъ лучше «Фауста», а Тургеневъ барышничалъ лошадьми. Или кричалъ, высоко взмахивая правой рукою:

— Всѣ наши писатели — не русскіе: Пушкинъ — сынъ араба, Жуковскій — турчанки, Лермонтовъ — англичанинъ! А которые русскіе, такъ они всѣ — незаконнорожденные...

Онъ былъ сынъ священника изъ Тургайской области, учился въ Тамбовской семинаріи.

— Выучился водку пить, — пошелъ въ университетъ, въ Казань, — разсказывалъ онъ, и его сѣрые глаза уныло зеленѣли. — Въ нетрезвомъ состояніи души надѣлъ профессорову шубу, шапку и пропилъ сію арматуру. Потѣха! Ну, мнѣ предложили освободить университетъ. Ушелъ, лѣтъ пять присматривался къ разнымъ дѣламъ и незамѣтно очутился женатъ. Съ того времени — стопъ машина!

Жена ушла отъ него; онъ жилъ съ дочерью, шестилѣтней рыженькой дѣвочкой, спокойной и серьезной, какъ взрослый человѣкъ. Ея блѣдное неподвижное личико славно пряталось въ золотѣ кудрей, темные глазки смотрѣли на все сосредоточенно, улыбалась она рѣдко. Все населеніе станціи любило ее какою-то особенной любовью, боязливой и осторожной; мужчины при ней тише ругались, женщины ставили ее въ примѣръ своимъ дѣтямъ.

— Смотри, вонъ какая Вѣрочка смирненькая да аккуратная . . .

Отецъ звалъ дочь по имени и отчеству — «Вѣра Петровна»; онъ относился къ ней непонятно, — съ любопытствомъ и, какъ будто, съ боязнью, за которою скрывалась враждебность.

По тѣснымъ путямъ станціи маневрируетъ локомотивъ, входитъ поѣздъ съ Дона или Волги, а Вѣра Петровна, въ бѣломъ платочкѣ на золотыхъ кудряхъ, не спѣша идетъ черезъ рельсы; между локомотивами мелькаютъ ея тонкія ножки въ красныхъ нитяныхъ чулкахъ. Она идетъ въ скупую степь собирать бѣдные цвѣты, бѣгать за сусликами съ таловымъ прутомъ въ рукѣ.

Отецъ слѣдитъ за нею изъ окна станціи или съ перрона и кусаетъ усы, прикрывъ золотыми рѣсницами воспаленные глаза.

— Запретить бы ей ходить по путямъ, — говорятъ ему.

Но онъ равнодушно отвѣчаетъ:

— Ничего, она — осторожная . . .

Смотришь, бывало, какъ она одиноко расхаживаетъ по пустой землѣ, за версту отъ станціи, кланяясь рѣдкимъ цвѣтамъ и травамъ, и все больше не нравятся ея отецъ, станція, люди, — вся эта скучная, полусонная жизнь.

Не разъ по ночамъ она прибѣгала ко мнѣ, окутанная съ головы до ногъ большой, сѣрой шалью, похожая на летучую мышь, и говорила торопливо, но спокойно:

— Иди, отецъ опять назюзюкался до смерти!

Схвативъ ее на руки, я бѣжалъ на квартиру Колтунова.

Онъ валялся на полу синій, со вздувшимся лицомъ, вытаращенными глазами, похожій на утопленника. Нѣсколько капель наша-

тырнаго спирта съ водою, влитыя ему въ горло, оживляли его, онъ мычалъ, а дѣвочка убійственно-спокойно спрашивала:

— Еще не до смерти?

И садясь на полъ, у головы отца, гладила его рукою по шершавой щекѣ, приговаривая:

— Ахъ, какая пьяница несчастная! . .

Юдинъ, любившій дѣвочку больше, чѣмъ другіе, мечталъ:

— Если бы у меня была мать, или какая-нибудь дуреха согласилась бы выйти замужъ за горбатаго, я бы выпросилъ Вѣрочку себѣ. Зачѣмъ она Колтунову?

Онъ былъ золъ, дерзокъ, склоненъ къ пессимизму, но гдѣ-то въ глубинѣ его души теплились тоска о лучшей жизни и нѣжное состраданіе къ людямъ.

— Какъ жалко всѣхъ! — вздыхалъ онъ иногда, ночью, во время дежурства, когда мы, прочитавъ какую-нибудь книгу, говорили о ней. — Какъ жалко людей! . .

Это чувство онъ безплодно тратилъ на уходъ за пьяными и больными, на примиреніе семейныхъ ссоръ и на убѣдительныя письма товарищамъ своимъ, телеграфистамъ линіи. Одному онъ совѣтовалъ жениться, другому — играть на скрипкѣ, третьяго уговаривалъ идти въ колонію толстовцевъ.

Когда я немножко смѣялся надъ нимъ за это, онъ рѣзко возражалъ:

— А что дѣлать? Что можно дѣлать въ этой рыбьей жизни?!

* * *

Мы оба были страстными любителями чтенія, мы читали книги съ ненасытною жадностью, день и ночь, въ свободные часы. Книги были для насъ просвѣтами въ міръ дѣйственной жизни изъ міра мертвой пустоты.

Но очень быстро мы проглотили всѣ книги, какія нашлись на шести станціяхъ между Волгой и Дономъ, и вотъ наступила для насъ полоса духовнаго голода, — муки его знакомы только тѣмъ, кто жилъ въ пустотахъ нашей страны, задыхался въ густой скукѣ ея равнинъ. Нечѣмъ жить — это, кажется, самое жуткое ощущеніе, испытанное мною.

Долго маялись мы въ поискахъ хорошихъ книгъ, но не находили ничего, кромѣ романовъ Окрейща, старой «Нивы» и тому подобной нищеты.

Колтуновъ издѣвался надъ нами:

— Что, ребята, издыхаете? Потѣха!

И однажды, сжалившись, предложилъ:

— У меня въ Калачѣ знакомый есть, онъ выписываетъ журналъ. Хотите — попрошу?

Мы стали умолять его; онъ, посмѣявшись, согласился, и черезъ нѣсколько дней кондукторъ пассажирскаго поѣзда вручилъ Колтунову пакетъ и письмо.

— Вотъ онъ, журналъ! — сказалъ Колтуновъ, побѣдоносно взмахнувъ пакетомъ, но, прочитавъ письмо, закусилъ усы, оглянулся и, сунувъ пакетъ подъ мышку, плотно прижалъ его локтемъ.

— Ну, давай сюда, — попросилъ Юдинъ, радостно улыбаясь большимъ ртомъ.

Колтуновъ приподнялъ плечи и тономъ начальника заявилъ:

— Успѣешь, не лѣзь!

Юдинъ удивился, отступилъ на шагъ; они были пріятелями, и Колтуновъ никогда не говорилъ такъ грубо.

— Я схлопоталъ, — мнѣ и читать первому, а вы — послѣ! — добавилъ Колтуновъ сухо и сердито.

Это и меня обидѣло: раньше читали вслухъ, всѣ вмѣстѣ, или читалъ тотъ, у кого было свободное время. Книгу держали всегда на виду, въ телеграфной.

— Ты что форсишь? — спросилъ Юдинъ, а Колтуновъ отвѣтилъ еще болѣе сердито:

— Отстань! Я хочу читать для отдыха души, а не для спора да вздора. Читать надо молча, а вы разсуждаете: отчего такъ, зачѣмъ не этакъ! Надоѣло мнѣ это! Я хочу одинъ читать, — и убирайтесь къ чорту!

Онъ заперъ книгу въ ящикъ своего стола и до конца дежурства не разговаривалъ съ нами, гнѣвно озираясь, словно испуганный чѣмъ-то. Когда онъ, кончивъ дежурство, уходилъ къ себѣ, Юдинъ сказалъ ему:

— Ляжешь спать, положи книгу на видномъ мѣстѣ, я зайду, возьму ее...

Онъ не отвѣтилъ, только усмѣхнулся.

Около полуночи Юдинъ предложилъ мнѣ:

— Пойди-ка, возьми книжку, онъ, навѣрное, дрыхнетъ уже.

Днемъ часа полтора непрерывно хлесталъ землю обильный дождь, затѣмъ снова на вымытомъ небѣ явилось знойное солнце, щедро согрѣло землю,—теперь въ степи было темно и душно, какъ въ банѣ. Среди черныхъ тучъ, въ глубокихъ синихъ ямахъ тускло свѣтились золотыя звѣзды, — въ эту ночь всѣ онѣ казались угасающими. Предо мною, какъ бы указывая путь, прыгала лягушка; вдали гудѣлъ поѣздъ; съ водокачки доносилась тихая пѣсня коче-

гара-еврея, косоглазаго человѣка, съ печальной улыбкой на красныхъ губахъ, — кажется, ничто не могло стереть эту улыбку съ его остраго смутлаго лица. Изъ окна квартиры Колтунова изливался желтый свѣтъ, падалъ на землю, показывалъ въ темнотѣ штабель шпалъ и тонкій стволъ тополя. Сквозь кисею, натянутую въ рамѣ окна, я видѣлъ Колтунова: онъ сидѣлъ за столомъ въ ночномъ бѣльѣ, облокотясь, согнувшись, запустивъ пальцы въ рыжіе волосы. Его острый небритый подбородокъ судорожно вздрагивалъ, и на книгу, лежавшую между локтями, капали слезы, — при свѣтѣ лампы было хорошо видно, какъ онѣ падали одна за другою, — мнѣ казалось, что я слышу мокрые удары о бумагу. Не хорошо видѣть человѣка, когда онъ плачетъ...

Кромѣ лампы, на столѣ стояла едва початая бутылка водки и тарелка съ кускомъ соленаго арбуза. Въ плетеномъ креслѣ спала дѣвочка, свернувшись калачикомъ; лицо ея было сплошь закрыто кудрями, виденъ только ротъ, удивленно открытый. Глубже въ комнатѣ было такъ же темно, какъ въ степи, а освѣщенное пространство напоминало пещеру въ черной горѣ.

Колтуновъ выпрямился, посмотрѣлъ въ окно. Его незначительное лицо, обтаявъ въ слезахъ, казалось еще меньше и незначительнѣе. Вотъ онъ поднялъ книгу надъ лампой и сталъ сушить слезы; посушивъ и потрогавъ пальцемъ страницу, снова качаетъ книгу надъ огнемъ, а изъ глазъ его все катятся слезы, застревая въ усахъ.

Я ушелъ встрѣчать поѣздъ и, встрѣтивъ, сказалъ Юдину:

— Не спитъ, все еще читаетъ...

— Скотина! — ворчалъ телеграфистъ, выстукивая отправленіе. — Пріятель! Всѣ мы пріятели до перваго вкуснаго куска. Издѣвается...

Передъ разсвѣтомъ я снова стоялъ подъ окномъ, непріязненно разглядывая сквозь кисею маленькаго рыжаго человѣчка. Онъ, должно быть, спалъ: голова опустилась на грудь, руки безсильно лежали на колѣняхъ. Лампа погашена, но горитъ свѣча въ мѣдномъ подсвѣчникѣ, золотое копье огня двукратно отражается въ стеклѣ бутылки, — водки не убавилось. Комната еще темнѣе, чѣмъ была прежде, дѣвочки нѣтъ въ креслѣ, а закрытая книга лежитъ на углу стола, близко къ подоконнику.

Я тихонько прорвалъ кисею, просунулъ руку въ дыру. Колтуновъ вскочилъ на ноги, схватилъ подсвѣчникъ, размахнулся и заоралъ дикимъ голосомъ:

— Прочь! Убью!

Свѣча погасла, но я все-таки видѣлъ незнакомое искаженное лицо, тотчасъ утонувшее во мракѣ.

Черезъ минуту онъ спокойно и грубо спросилъ:

— Это кто?

— Я. За книгой.

— Не дамъ...

Я постоялъ подъ окномъ еще нѣсколько минутъ, глядя въ степь, на востокъ. Тамъ, за тучами, всходило солнце; на желтомъ пятнѣ зари маячилъ маленькій черный всадникъ; по землѣ за нимъ сѣрымъ облакомъ ползла отара овецъ.

Все это — знакомо, все это было. Какъ хорошо смотрѣть въ книгу и видѣть передъ собою другую жизнь!..

Дня четыре Колтуновъ дразнилъ насъ книгой: принесетъ ее на станцію и читаетъ одинъ, а когда мы попросимъ — издѣвается:

— Встаньте на колѣни — дамъ!

Юдинъ увѣщавалъ его:

— Дуракъ, вспомни, сколько мы давали тебѣ книгъ!

— Ну, такъ что?

— Ты читалъ же съ нами?

— Вставай на колѣни!

Онъ былъ противенъ и жалокъ, онъ самъ, видимо, чувствовалъ это и, наперекоръ себѣ, все болѣе упрямо дразнилъ насъ. Читаетъ и время отъ времени издаетъ разныя восклицанія.

— Ого! Потѣха! Вотъ какъ!

Эти словечки еще болѣе распаляли наше любопытство, нашу жажду познакомиться съ книгой. Мы такъ не взлюбили его, что даже на дѣвочку перенесли чувство, вызванное ея отцомъ. И когда она, любимая, подбѣгала къ намъ, мы холодно отстраняли ее, надѣясь хоть этимъ досадить ея отцу.

Я до сего дня помню, съ какимъ недоумѣніемъ смотрѣли на меня и Юдина темные глазки дѣвочки, какъ вздрагивалъ въ улыбкѣ огорченія ея алый ротъ, похожій на цвѣтокъ.

И Колтуновъ видѣлъ это. Но онъ только усмѣхался и дергалъ себя за усы нервнымъ движеніемъ руки.

— Хочется почитать, мальчишки? — спрашивалъ онъ, пряча книгу въ столъ. — А я не дамъ...

— Ударю я его, — грозилъ Юдинъ, задыхаясь и блѣднѣя. — Вотъ что: книгу эту не брать у него, хоть и дастъ, — не брать! Ладно?

Я соглашался:

— Ладно.

— Даешь слово?

— Даю.

Смѣшно вспомнить объ этомъ теперь, но въ тѣ дни я искренно страдалъ и боялся чего-то, потому что въ груди порою вскипала такая ненависть къ человѣку, что отъ нея кружилась голова, и передъ глазами мелькали красныя пятна.

Вся станція видѣла, что мы, трое друзей, поссорились; всѣ слышали, какъ Колтуновъ издѣвался надъ нами, всѣ чего-то ждали отъ насъ и что-то внушали намъ безмолвно, пытливыми взглядами, усмѣшками.

Кончилось это очень просто: утромъ Колтуновъ пришелъ на дежурство, бросилъ журналъ Юдину и сказалъ:

— На, читай...

Телеграфистъ схватилъ книгу на лету и тотчасъ молча воткнулъ большой носъ въ оглавленіе.

Ночью я читалъ вслухъ Юдину незначительный разсказъ о томъ, какъ хорошая женщина ушла отъ дурного мужа на работу для общества, для міра, — читалъ и думалъ:

— Надъ этимъ, что ли, плакалъ Колтуновъ?

Вдругъ онъ ввалился въ дверь и заоралъ, цѣпляясь руками за косяки:

— Н-не смѣть читать!

Ноги у него подгибались, онъ былъ безобразно пьянъ и дико таращилъ красные, мокрые глаза.

— Н-не смѣть... Никто не понимаетъ ничего... и тѣ, кто пишутъ, и всѣ...

Опустился на полъ, протягивая намъ руки и вскрикивая:

— Молчать!.. Не читать!..

А въ двери, за его спиною, стояла маленькая дѣвочка, Вѣра Петровна, въ разстегнутомъ платьицѣ, сползавшемъ съ плечъ, босая и встрепанная, — ея рыжіе кудри поднимались вверхъ, какъ пламя, — стояла и тусклымъ голосомъ спрашивала:

— Зачѣмъ вы его обидѣли?

III.

Какъ сложили пѣсню.

Вотъ какъ двѣ женщины сложили пѣсню, подъ грустный звонъ колоколовъ монастыря, лѣтнимъ днемъ. Это было въ тихой улицѣ Арзамаса, предъ вечерней, на лавочкѣ у воротъ дома, въ которомъ я жилъ. Городъ дремалъ въ жаркой тишинѣ іюньскихъ будней. Я, сидя у окна съ книгой въ рукахъ, слушалъ, какъ моя ку-

харка, дородная рябая Устинья, тихонько бесѣдуетъ съ горничной моего шабра, земскаго начальника.

— А еще чего пишутъ? — выспрашиваетъ она мужскимъ, но очень гибкимъ голосомъ.

— Да ничего еще-то, — задумчиво и тихонько отвѣчаетъ горничная, худенькая дѣвица, съ темнымъ лицомъ и маленькими испуганно-неподвижными глазами.

— Значитъ, — получи поклоны да пришли деньжонокъ, — такъ ли?

— Вотъ . . .

— А кто какъ живетъ, — сама догадайся . . . эхе-хе . . .

Въ прудѣ, за садомъ нашей улицы, квакаютъ лягушки странно-стеклянным звукомъ; назойливо плещется въ жаркой тишинѣ звонъ колоколовъ; гдѣ-то на задворкахъ всхрапываетъ пила, а кажется, что это храпитъ, уснувъ и задыхаясь зноемъ, старый домъ сосѣда.

— Родные, — грустно и сердито говоритъ Устинья, — а отойди отъ нихъ на три версты — и нѣтъ тебя, и отломилась, какъ сучокъ! Я тоже, когда первый годъ въ городѣ жила, неутѣшно тосковала. Будто не вся живешь, не вся вмѣстѣ, а половина души въ деревнѣ осталась, и все думается день-ночь: какъ тамъ, что тамъ? . .

Ея слова славно вторятъ звону колоколовъ, какъ будто она нарочно говоритъ въ тонъ имъ. Горничная, держась за острыя свои колѣни, покачиваетъ головою въ бѣломъ платкѣ и, закусивъ губы, печально прислушивается къ чему-то. Густой голосъ Устиньи звучитъ насмѣшливо и сердито, звучитъ мягко и печально.

— Бывало-то, глохнешь, слѣпнешь въ злой тоскѣ по своей-то сторонѣ; а у меня и нѣтъ никого тамъ: батюшка въ пожарѣ сгорѣлъ пьяный, дядя — холерой померъ, были братья, — одинъ въ солдатахъ остался, ундеромъ сдѣлали, другой — каменщикъ, въ Бойгородѣ живетъ. Всѣхъ будто половодьемъ смыло съ земли . . .

Склоняясь къ западу, въ мутномъ небѣ виситъ на золотыхъ лучахъ красноватое солнце. Тихій голосъ женщины, мѣдный плескъ колоколовъ и стеклянное кваканье лягушекъ — всѣ звуки, которыми живъ городъ въ эти минуты. Звуки плывутъ низко надъ землею, точно ласточки передъ дождемъ. Надъ ними, вокругъ ихъ, — тишина, поглощающая все, какъ смерть.

Рождается нелѣпое сравненіе: точно городъ посаженъ въ большую бутылку, лежащую на боку, заткнутую огненной пробкой, и кто-то лѣниво, тихонько бьетъ извнѣ по ея нагрѣтому стеклу.

Вдругъ Устинья говоритъ бойко, но дѣловито:

— Ну-ко-сь, Машутка, подсказывай...

— Чего это?

— Пѣсню сложимъ...

И, шумно вздохнувъ, Устинья скороговоркой запѣваетъ:

— Эхъ, да бѣлымъ днемъ, при ясномъ солнышкѣ,
Свѣтлой ноченькой, при мѣсяцѣ...

Нерѣшительно нащупывая мелодію, горничная робко, вполголоса поетъ:

— Безпокойно мнѣ, дѣвицѣ молодой...

А Устинья увѣренно и очень трогательно доводитъ мелодію до конца:

— Все тоскою сердце мается...

Кончила и тотчасъ заговорила весело, немножко хвастливо:

— Вотъ она и началась, пѣсня! Я-те, милая, научу пѣсни складывать, какъ нитку сучить... Ну-ко...

Помолчавъ, точно прислушавшись къ заунывнымъ стонамъ лягушекъ, лѣнивому звону колоколовъ, она снова ловко заиграла словами и звуками:

— Ой, да не зимою вьюги лютыя,
Ни весной ручьи веселые...

Горничная, плотно придвинувшись къ ней, положивъ бѣлую голову на круглое плечо ея, закрыла глаза и уже смѣлѣе, тонкимъ вздрагивающимъ голоскомъ продолжаетъ:

— Не доносятъ со родной стороны
Сердцу вѣсточку утѣшную...

— Такъ-то вотъ! — сказала Устинья, хлопнувъ себя ладонью по колѣну. — А была я моложе, — того лучше пѣсни складывала! Бывало, подруги пристаютъ: «Устюша, научи пѣсенкѣ!» — эхъ, и зальюсь же я!.. Ну, какъ дальше-то будетъ?

— Я не знаю, — сказала горничная, открывъ глаза, улыбаясь.

Я смотрю на нихъ сквозь цвѣты въ окнѣ; пѣвицы меня не замѣчаютъ, а мнѣ хорошо видно глубоко изрытую оспой, шершавую щеку Устиньи, ея маленькое ухо, не закрытое желтымъ платкомъ, сѣрый, бойкій глазъ, носъ прямой, точно у сороки, и тупой подбородокъ мужчины. Это баба хитрая, болтливая; она очень любитъ выпить и послушать чтеніе святыхъ житій. Сплетница она на всю улицу, и больше того: кажется, всѣ тайны города въ кар-

манѣ у нея. Рядомъ съ нею, крѣпкой и сытой, костлявая, угловатая горничная-подростокъ. Да и ротъ у горничной дѣтскій; маленькія, пухлыя губы надуты, точно она обижена, боится, что сейчасъ еще больше обидятъ, и вотъ-вотъ заплачетъ.

Надъ мостовой мелькаютъ ласточки, почти касаясь земли изогнутыми крыльями: значитъ, мошкара опустилась низко, — это признакъ, что къ ночи соберется дождь. На заборѣ, противъ моего окна, сидитъ ворона неподвижно, точно изъ дерева вырѣзана, и черными глазами слѣдитъ за мельканіемъ ласточекъ. Звонить перестали, а стоны лягушекъ еще звучнѣй, и тишина гуще, жарче.

— Жаворонокъ надъ полями поетъ,
Васильки-цвѣты въ поляхъ зацвѣли, —

— задумчиво поетъ Устинья, сложивъ руки на груди, глядя въ небо, а горничная вторитъ складно и смѣло:

— Поглядѣть бы на родныя-то поля!

И Устинья, умѣло поддерживая высокій, качающійся голосъ, стелетъ бархатомъ душевныя слова:

— Погулять бы съ милымъ другомъ по лѣсамъ!..

Кончивъ пѣть, онѣ длительно молчатъ, тѣсно прижавшись другъ ко другу; потомъ женщина говоритъ не громко, задумчиво:

— Али плохо сложили пѣсню? Вовсе хорошо вѣдь...

— Гляди-ко, — тихо остановила ее горничная.

Онѣ смотрятъ въ правую сторону, наискось отъ себя: тамъ, щедро облитый солнцемъ, важно шагаетъ большой священникъ въ лиловой рясѣ, мѣрно переставляя длинный посохъ; блеститъ серебряный набалдашникъ, сверкаетъ золоченый крестъ на широкой груди.

Ворона покосилась на него черной бусиной глаза и, лѣниво взмахнувъ тяжелыми крыльями, взлетѣла на сучокъ рябины, а оттуда сѣрымъ комомъ упала въ садъ.

Женщины встали, молча, въ поясъ, поклонились священнику. Онъ не замѣтилъ ихъ. Не садясь, онѣ проводили его глазами, пока онъ не свернулъ въ переулокъ.

— Охо-хо, дѣвушка, — сказала Устинья, поправляя платокъ на головѣ, — была бы я помоложе, да съ другой рожей...

Кто-то крикнулъ сердито, соннымъ голосомъ:

— Марья!.. Машка!..

— Ой, зовутъ...

Горничная пугливо убѣжала, а Устинья, снова усѣвшись на лавку, задумалась, разглаживая на колѣняхъ пестрый ситецъ платья.

Стонутъ лягушки. Душный воздухъ неподвиженъ, какъ вода лѣсного озера. Цвѣтисто догораетъ день. На поляхъ, за отравленной рѣкой Тёшей сердитый гулъ, — дальній громъ рычитъ медвѣдемъ.

IV.

Птичій грѣхъ.

Осенняя паморха повисла надъ землею, закрывъ дали. Земля сжалась въ небольшой, мокрый кругъ; отовсюду на него давила плотная, мутно-стеклянная мгла, и кругъ земной становился все меньше, словно таялъ, какъ уже растаяло въ сѣрую сырость небо, еще вчера голубое. Въ центрѣ земли — три желтыя шишки, три новенькихъ избы, — очевидно, выселки изъ какой-то деревни, невидимой во мглѣ.

Я направляюсь къ нимъ по разбухшему суглинку исковерканной дороги. Меня сопровождаютъ невеселымъ бульканьемъ осенніе ручьи, они текутъ по глубокимъ колеямъ тоже на выселки; а въ ямахъ межколесицы стоятъ лужи свинцовой воды, украшенныя пузырями. Иду точно дномъ рѣки, въ какой-то особенно и непріятно-жидкой, липкой водѣ; по сторонамъ дороги мерещатся кусты, печально повисли сѣдые прутья; на всемъ, что видитъ глазъ, — холодный налётъ ртути. Грязь сосетъ мои ноги, заглатывая ихъ по щиколотки; она жалобно чмокаетъ, когда я отнимаю у нея ступни одну за другою, и снова жадно хватаетъ ихъ толстыми губами. Холодно на землѣ, холодно и грязно; въ душѣ тоже — холодное безразличіе; все равно — куда идти — въ морѣ этой неподвижной мглы, подъ ослѣпшимъ небомъ.

Выселки строились съ расчетомъ образовать когда-то улицу: двѣ избы стоятъ рядомъ, связаны крытымъ соломою дворомъ, третья — побольше — напротивъ нихъ. Между домами большая лужа, въ ней плаваетъ щепа и деревянное ведро съ выбитымъ дномъ, а на краю ея, у воротъ и подъ окнами одинокаго дома, мнутъ грязь десятка полтора мужиковъ, бабъ и, конечно, ребятишекъ. Это странно: непогода, будни,—чего же ради мокнутъ жители и почему они говорятъ такъ необычно тихо? Покойникъ въ домѣ? Мужика смерть не удивляетъ... Ворота дома открыты настежь, посреди двора стоитъ телѣга, подъ задними колесами ея валяется куча тряпья; гдѣ-то обиженно хрюкаетъ свинья, лошадь жуетъ сѣно,

слышенъ вкусный хрустъ. Крѣпко пахнетъ навозомъ и еще чѣмъ-то, напоминающимъ жирный запахъ бойни.

Здороваюсь съ людьми, снявъ мокрый картузъ. Они смотрятъ на меня молча, непріязненно, безъ обычнаго въ деревнѣ интереса къ дальнему страннику.

— Что это вы собрались?

Большой чернобородый мужикъ, надвигаясь на меня грудью и животомъ, сурово спрашиваетъ:

— А тебѣ чего надо? Откуда таковъ?

Онъ не въ духѣ, но не настолько, чтобы драться; онъ, видимо, еще настраиваетъ себя на боевой ладъ.

— Паспортъ, — требуетъ онъ, протянувъ руку, похожую на вилы о пяти зубьяхъ.

Но когда я ему подалъ паспортъ, онъ сказалъ, ткнувъ рукою въ лужу:

— Ступай себѣ...

Изъ-за его широкой спины вывернулся старичокъ съ лицомъ колдуна и секретно, вполголоса, заговорилъ, пришепетывая, быстро шлепая темными губами:

— Ты, милъ человѣкъ, вали, иди дальше съ Богомъ! Тутъ тебѣ, промежду насъ, — не рука, прямо скажу, — ты иди-ко-сь!

Я пошелъ, но онъ, поймавъ меня за котомку, потянулъ къ себѣ, продолжая выбрасывать изо рта мятыя слова.

— Тутъ у насъ исторія сдѣлана...

Черный мужикъ сердито окрикнулъ его:

— Дядя Иванъ!

— Ась?

— Придержи языкъ-оть! Что, ей-Богу!..

— Да вѣдь, все едино, дойдетъ до деревни, — тамъ узнаетъ, скажутъ...

Кто-то повторилъ эхомъ:

— Скажутъ...

— Али такую исторію можно прикрыть?! — радостно воскликнулъ дядя Иванъ. — Вѣдь, кабы что другое, а то — отецъ...

— Отецъ,—снова равнодушно повторило эхо.—Отецъ, вы...

— А какъ же родители! — убѣжденно молвилъ дядя Иванъ и, сдвинувъ шапку на ухо, спросилъ меня:

— Ты — какъ, — грамотенъ? Чу, Никола, грамотный онъ...

Чернобородый поглядѣлъ на меня, на него и сказалъ съ досадой:

— Да ну его ко псамъ и съ тобой вмѣстѣ! Эка суета...

Старикъ, вздохнувъ, безпомощно махнулъ рукой, все придер-

живая меня. Мужики молчали, врастая въ грязь; бабы, заглядывая во дворъ и въ окна, шептались о чемъ-то; я слышалъ отдѣльныя слова:

— Сидитъ?

— Сидитъ, не шелохнется...

— А она?

— Да она въ сѣняхъ, не видно ее...

— Да-а...

Старикъ, подмигнувъ мнѣ добрымъ, свѣтлымъ глазомъ, отвелъ меня за уголъ избы, оглянулся, поправилъ шапку и дѣловито заговорилъ, поблескивая глазами, морщась:

— Тутъ, видишь ты, сынъ отца топоромъ укокалъ, да и жену повредилъ; баба-то еще жива, а старичокъ, тезка мнѣ — Иванъ Матвѣевъ, — онъ сразу кончился, упокой Господи...

— Снохачъ? — спросилъ я.

— Вотъ, это самое, за сноху потерпѣлъ убіенную смерть отъ руки сына. Черезъ бабу, да... Видалъ, — за телѣгой лежитъ, у заднихъ-то колесъ?

— Нѣтъ...

— А ты поди, взгляни, — воодушевленно и даже съ укоромъ посовѣтовалъ дядя Иванъ, дергая меня за рукавъ. — Кто не пуститъ? Ты — со мной, я тутъ въ родѣ за старосту, меня слушаютъ, какъ же!

Онъ усмѣхнулся, снова подмигнулъ, а, ведя меня сквозь народъ, поучительно сказалъ:

— Грѣхи учатъ...

Остановясь у телѣги, онъ снялъ шапку и приподнялъ рваный армякъ съ земли у колесъ: подъ армякомъ распластался такой же, какъ самъ дядя Иванъ, небольшой, милый и сухонькій старичокъ. Лежалъ онъ, словно споткнувшись на бѣгу, подогнувъ правую ногу подъ животъ, вытянувъ лѣвую и неестественно упираясь плечомъ въ землю. Одна рука заброшена на поясницу, другая — смята подъ бокомъ; жилистая шея перекрутилась, правая щека утонула въ навозѣ. Голова его была разрублена отъ уха до уха, — изъ трещины грибомъ вылѣзъ сѣро-красный мозгъ, отвалившійся лобъ закрылъ ему глаза. Ротъ, полный мелкихъ зубовъ, былъ искривленъ и широко разинутъ, — казалось, что старикъ этотъ, крѣпко зажмурясь отъ страха, кричитъ въ землю крикомъ, не слышнымъ никому, кромѣ ея.

— Вотъ какая исторія сдѣлана, — поучительно сказалъ живой старичокъ и, надѣвъ шапку, предложилъ:

— Айда въ избу!..

На полу сѣней, въ полосѣ свѣта изъ открытой въ избу двери, лежала на спинѣ, въ лужѣ застывшей и лоснившейся крови, молодуха, глядя въ потолокъ круглыми глазами, закусивъ толстую нижнюю губу, болѣзненно приподнявъ верхнюю. Изъ-подъ разорваннаго подола ея рубахи высовывались грязныя ноги, и на обѣихъ оттопыренные большіе пальцы тихонько, равномѣрно шевелились. Это было страшно видѣть, но еще страшнѣе была тишина въ избѣ и согнутая этой тишиной фигура мужика, сидѣвшаго на лавкѣ у стола со связанными за спиною руками, затылкомъ къ маленькимъ окнамъ, лицомъ въ сѣни.

Онъ сидѣлъ, наклонясь впередъ, высунувъ голову точно подъ топоръ; на его темномъ лицѣ по-волчьи блестѣли большіе глаза; встрепанные, рыжеватые волосы головы и бороды тоже блестѣли на стеклѣ окна, гудѣвшемъ подъ ударами большой черной мухи.

— Вотъ это и есть самый мастеръ, — громко и негодующе сказалъ старикъ, кивнувъ головою въ дверь избы.

Я оцѣпенѣлъ, ожидая, что мужикъ вырветъ руки изъ-за спины, бросится на полъ и на четверенькахъ побѣжитъ въ сѣни, во дворъ и дальше, въ поля, прикрытыя сѣрой паморхой.

— Нарошно посадили его эдакъ-то: пускай глядитъ, чего надѣлалъ, — объяснилъ мнѣ старикъ, и тогда я увидалъ, что мужика почти сплошь по всему тѣлу опутали вожжами и веревками, прикрутивъ его къ столу и скамьѣ.

Услыхавъ послѣднія слова старика, онъ покачнулся, тряхнулъ спутанными волосами, — все вокругъ его заскрипѣло, заскрежетало.

— Работничекъ былъ — золото, а вотъ она, дерзость руки, къ чему привела...

Женщина у нашихъ ногъ простонала коротенько и сказала медленно, страшно громко:

— Дѣдушка Иванъ, уди-и... уйдитя, Христа ради... Ты жа добрый...

— Ага-а, — протянулъ дѣдушка Иванъ сердито и печально, — надѣлала дѣловъ, а теперь стонешь!..

Махнувъ рукою, онъ пошелъ изъ сѣней, натягивая шапку на серебряную голову и говоря:

— Бабеночку жаль! Внучатная мнѣ, брата моего увнука. Жаль, хороша въ дѣвкахъ ходила...

Вышли за ворота, гдѣ попрежнему мялъ грязь, должно быть, весь народъ выселковъ.

— Ну, что? Какъ? — стали спрашивать бабы, толкая старика.

Онъ успокоительно отвѣтилъ имъ:

— Сидитъ, звѣрь ожесточенная, сидитъ...

Предо мною, въ густомъ, влажномъ воздухѣ, кто-то невидимый несъ трупъ старика. Я смотрѣлъ на разрубленную голову, на сѣро-красный гребень мозга, дряблый языкъ, лежавшій на нижнихъ зубахъ, и загнутые вверхъ, ко рту, жесткіе волосы бороды. Дождь сыпался пуще, настойчивѣе, земля стала еще меньше и грязнѣй. По жести чайника за моей спиною дробно барабанятъ капли, точно острые гвоздики сыплются на жесть. На крышѣ овина галдятъ галки, слышна трескотня сороки.

Дядя Иванъ, шагая рядомъ со мною, повѣствуетъ спокойнымъ голосомъ многоопытнаго мудреца:

— Въ нашихъ мѣстяхъ это зовется — птичій грѣхъ, когда свекорь со снохой соймется, али отецъ съ дочерью... Какъ птица, значитъ, небесная, ни родства, ни свойства не признаетъ она, вотъ и говорятъ: птичій грѣхъ... Да...

Въ стеклянномъ сумракѣ, какъ двѣ звѣзды, улыбаются мнѣ дѣтскіе глаза, такіе свѣтлые, полные кротости.

— Ни въ чемъ нонѣ старикамъ не уважаютъ! А бывало!.. Чу, колокольчикъ, — стало, ѣдутъ! Ну, прощевай, милъ человѣкъ!

Иду въ мокромъ шорохѣ дождя, и снова грязь сосетъ мои босыя ноги. Сердце тоже жадно и больно сосутъ чьи-то холодныя, толстыя губы...

М. Горькій.

КРУГИ ЖИЗНИ.

„Мигоножка, тоненькія ножки, чортъ длу ли ый, но незлобливый“.

Изъ разсказовъ нищаго, по имени „Благодать“.

Кругъ первый.

Былъ мартъ. Въ молочномъ туманѣ, какъ привидѣнія, ко мнѣ протягивали осклизлыя лапы голыя деревья. Шуршалъ снѣгъ. Усы, пальто и вѣки мои повлажнѣли. Пять дней, какъ я брелъ въ этомъ туманѣ, будто съ сѣткою на лицѣ. Хотѣлъ ѣсть, искалъ работы. Въ карманѣ лежало рекомендательное письмо въ Москву, на машиностроительный заводъ, но я шелъ на югъ, сквозь Черниговщину: у русскихъ окольные пути — не диво. Мнѣ 28 лѣтъ, я только что кончилъ военную службу, два мѣсяца сидѣлъ у брата на хлѣбахъ, придумывая, куда бы «смыться» на весну, и, ничего не придумавъ, шелъ на авось, вѣруя, что здоровье да крѣпкія руки вездѣ выручатъ. Шелъ съ двумя цѣлковыми за пазухой, бѣльевымъ мѣшочкомъ за плечами и кашей въ головѣ: тамъ мирно уживались Толстой, «Черная магія», «Гуакъ», Евангеліе, Ницше, «Цвѣты христіанскаго краснорѣчія», изданные по благословенію Святѣйшаго Синода, — я всему вѣрилъ, и все мнѣ казалось истиной.

Шелъ медленно, надерганныя ноги болѣли. Безшумно пушистыми шапками на дорогу падалъ снѣгъ съ хвои. Въ сторонѣ гудѣли рельсы. Цѣлый день этотъ гулъ соблазнялъ и звалъ къ себѣ: сѣсть бы въ поѣздъ и посвистывай безъ горя до самаго Кіева! Но жаль было денегъ, я крѣпился.

Къ вечеру ноги отказались служить; я подбадривалъ ихъ, стыдилъ, а самъ, съ радостью, замѣчалъ, что у лѣвой отстаетъ подметка. До Кіева оставалось еще верстъ полтораста. Если я всю дорогу пройду пѣшкомъ, — разсуждалъ я, — придется перемѣнить подметки: цѣлковый; а если я сяду въ товарный и заплачу кондуктору полтину: полтину выигрываю! Я повернулъ къ по-

лотну, дождался поѣзда, и кондукторъ усадилъ меня въ пустой товарный вагонъ.

Наступила ночь. Ѣхать было плохо, проклялъ и себя, и дорогу. На станціяхъ поѣздъ долго стоялъ въ тупикахъ, въ это время нельзя было ни слѣзть, ни кашлянуть. Вспотѣвшее бѣлье медленно и непріятно охлаждалось. Всю ночь, какъ волкъ, щелкалъ зубами и злился. Наконецъ осторожно постучался кондукторъ, говоря:

— Паренекъ, уснулъ? Къ Кіеву подъѣзжаемъ, два пролета.

— Выпусти, пожалуйста, — взмолился я, — лучше пѣшкомъ дойду!

Вылѣзъ изъ вагона и сразу очутился будто въ новой землѣ. Всходило солнышко. Туманъ исчезъ. Утро было тихое, ясное; на зарѣ слегка морозило. Прямо отъ станціи тянулось широкое, ровное шоссе. Вскинувъ на плечи суму, я бодро зашагалъ по боровку. Впереди меня, сзади, по бокамъ, несмотря на мартъ, шли толпы богомольцевъ, рабочіе, странники, деревенскія старухи. Пытался заговаривать съ ними, богомольцы отвѣчали односложно. Видно было, — имъ не до праздныхъ рѣчей.

Чѣмъ ближе къ городу, тѣмъ дорога становилась пріятнѣе. Снѣгъ почти стаялъ. Звенѣли жаворонки. Въ сотняхъ лужицъ и лужъ переливалось солнце. Парило. Деревья пьяно качались отъ соковъ. Да и мы были во хмѣлю: пошагаешь немного, остановишься и невольно захохочешь надъ какимъ-нибудь богатыремъ-дубомъ, который, забывъ свою силу и царственность, какъ и тощая хворостинка, что рядомъ съ нимъ, крѣпко впился могучими когтищами въ грудь земли, мнетъ ее, захлебываясь сокомъ, только рыжая макушка качается. Набѣжитъ теплый вѣтеръ, пощекочетъ ему лысину, — старикъ лишь досадливо отмахнется: не замай, занятъ!..

На песчаной равнинѣ, поросшей лознякомъ, тамъ и тутъ замелькали постройки. Встрѣтились юнецъ съ дивчиной въ допотопной таратайкѣ. Лошадь мухорчатая, съ шишками на колѣняхъ, поводъ пеньковый, а они оба розовые, залитые солнцемъ.

— Эй, молодецъ, — спросилъ я, приподнимая шапку, — это что за деревня?

— Слобода Воскресенская, — радостно отвѣтилъ онъ.

— Вы въ слободу Воскресенскую? Счастливый путь! — подхватила дивчина.

— А вамъ — счастливой жизни! — сказалъ я.

Звонко смѣясь, они поѣхали дальше и черезъ каждые десять шаговъ оборачивались, привѣтно махая руками.

— Счастливый путь! Счастливый путь!..

Въ слободѣ мнѣ надо было найти товарища по службѣ Алексѣя Батальщикова. Товарищъ встрѣтилъ радушно, у него хорошенькій крестьянскій домикъ, здоровая, веселая жена, ребенокъ. Я позавидовалъ, разгрустился.

— Ничего, братъ, время не потеряно, — утѣшалъ онъ.

А я не могъ забыть счастливаго смѣха юнца и дѣвушки.

Переночевавъ, отправился въ городъ. Еще погожѣе выдался день. Днѣпръ былъ въ полномъ разливѣ. Я заглядѣлся на него и цѣлый день, какъ во снѣ, просидѣлъ на берегу.

Слѣдующій день ходилъ по Кіеву, ища работу. Требовались слесаря, чертежники, портные, штукатуры; я не зналъ ремесла, на хорошую должность пристроиться не могъ, а быть чернорабочимъ показалось стыднымъ: бывшій гусаръ и вдругъ горбячитъ съ мужиками за полтину въ день!.. Такъ ходилъ нѣсколько безплодныхъ дней. Какой-то старикъ надоумилъ толкнуться въ полицію. Я подошелъ къ городовому, сталъ разспрашивать: нельзя ли поступить на должность? Онъ сказалъ, что можно, только мѣсяцъ или полтора придется служить безъ жалованья.

— А какъ же съ харчами? — спросилъ я.

— Харчиться отъ себя, въ полиціи такое заведенье. Да ты поѣзжай въ Екатеринославъ: тамъ въ разъ мѣсто будетъ.

— Такъ ли?

— Дай Богъ умереть, такъ! Садись на пароходъ и поѣзжай. У меня же тамъ беремя родныхъ и всѣ на должности!

Шумѣли пароходныя колеса; быстро, волна за волною, катились величественныя воды Днѣпра. Всплески волнъ, теплый, чистый воздухъ, пѣніе жаворонковъ, ласковое солнце, живописные, въ сини, берега успокоили и умиротворили душу. Жизнь стала представляться краше, заманчивѣе. Казалось: гдѣ-то тамъ, далеко, за этой синью, еще не изжитъ, не извѣданъ новый край, къ нему несетъ меня буйноводный, свѣтлый Днѣпръ. Хотѣлось пѣть пѣсни.

Съ обѣда подулъ сильный западный вѣтеръ. По небу поползли сизыя тучи. Днѣпръ наморщился. Съ вѣтромъ улетѣло и мое доброе настроеніе. Раздражали сосѣди, четыре толстыхъ торговца съ красными лицами. Почти отъ самаго Кіева они безпрерывно ѣли и пили. А напротивъ ихъ сидѣлъ человѣкъ, лѣтъ тридцати, одѣтый въ деревенскій суконный сѣрякъ и рваную шапку. Было тяжело слѣдить за нимъ: онъ былъ голоденъ и такъ жадно глядѣлъ, какъ ѣдятъ торгаши.

Эхъ, грустно...

Ночь была сырая, вѣтреная. Спали на палубѣ. Въ предутреннихъ сумеркахъ видѣлъ Кременчугъ: песчаный берегъ, хламъ на пристани, боченки съ дегтемъ и сельдями, ящики табаку, мочало, лѣсъ; угрюмые, сѣрые, какъ спросонокъ протиравшіе глаза домики; суетившихся евреевъ...

Къ вечеру пріѣхали въ Екатеринославъ. Ночевать пошелъ на станцію. Было много народа. Осмотрѣвшись, намѣтилъ группу рабочихъ, разспрашивалъ ихъ. Всѣ были голодны и злы, на вопросы отвѣчали срывно. Къ полночи прошли поѣзда, рабочіе схлынули, можно было лечь на лавку и вытянуть затекшія ноги. Проснулся рано утромъ. Ощупалъ паспортъ и рекомендательное письмо. Около меня, за столомъ и подъ столомъ, на загаженномъ полу, лежало человѣкъ двадцать. Среди нихъ выдѣлялся старикъ исполинскаго роста, съ широкой сѣдой бородой и сѣдыми длинными волосами... Сѣрые, маленькіе глаза его то безпокойно скользили по окружающимъ предметамъ, то застывали на одной точкѣ; тогда онъ словно цѣпенѣлъ. Ноздря мясистаго всѣхъ цвѣтовъ радуги носа была проколота. Неуклюже ползая на четверенькахъ между спящими, старикъ шарилъ у нихъ по карманамъ. А иногда выпрямлялся и гордо шагалъ взадъ, впередъ, ворча:

— Что такое жизнь человѣчья? Жизнь человѣчья — покушалъ и сытъ. А если покушать нечего? На одномъ вокзалѣ полста лежитъ да на другомъ полста, а по всей Расеи — тыщи! И всѣ лежатъ вдребезги пьяными и каждому хочется опохмѣлиться, — легко сказать!..

Замѣтивъ, что я слѣжу за нимъ, смутился и ударилъ себя ладонью по лбу.

— Дурачокъ ты, Алексѣй Иванычъ, истинный дурачокъ: сидитъ птичка на золотой вѣткѣ, перышки свѣженькія, а ты въ ротъ выросъ, не замѣтилъ!.. Эхъ, ты, зѣва!.. Опохмѣлись теперь холодной водицей!..

Вошелъ сторожъ съ метлой и сталъ поднимать ночлежниковъ, какъ сорьё, выметая ихъ вонъ, за дверь.

Съ вокзала я направился къ мосту, гдѣ была обычная стоянка рабочихъ-поденщиковъ. Въ карманѣ оставалось пятьдесятъ копеекъ, уже было не до капризовъ въ выборѣ работы. Стоялъ съ сотнями такихъ же, какъ самъ, до двухъ часовъ, но никто не пришелъ и не нанялъ. Всѣ были раздражены, зазорно ругали проходившую мимо чистую публику, особенно женщинъ.

Пять пропащихъ дней искалъ я работы, ночуя на вокзалѣ,

вмѣстѣ съ босяками и ворами. На шестой рѣшилъ пойти на шахты.

Къ полночи дошелъ до Синельникова. Какъ и въ Екатеринославѣ, станція была набита безработными. Большинство возвращалось съ шахтъ: былъ угольный кризисъ, ежедневно рабочихъ разсчитывали тысячами. Не зналъ, куда дѣться, вышелъ въ поле и долго блуждалъ по вязкой пашнѣ. Желудокъ былъ пустъ, но пуще голода томила безвыходность. Ослабъ, усталъ, карманъ жегъ послѣдній полтинникъ. Хотѣлось прійти на станцію и вдребезги напиться пьянымъ. И я уже повернулъ было туда, но словно кто-то посторонній крикнулъ надъ ухомъ:

— Борисъ, стыдись, носъ вѣшать рано, ты еще не былъ въ Крыму: туда всѣ наши порѣчане ходятъ на заработки, попробуй и ты удачу.

— Дѣло, — отвѣтилъ я: — носъ вѣшать рано! Иди, Борисъ, въ Крымъ!

Воротился на станцію, прикурнулъ, а потомъ сталъ цѣлиться, какъ бы проскользнуть пролета два съ товарнымъ. Часа въ три ночи удалось влѣзть въ порожній вагонъ и проѣхать верстъ пятьдесятъ. Стало свѣтать. Я такъ же незамѣтно спрыгнулъ, зашелъ на станцію, купилъ пару селедокъ, хлѣба, въ чайной напился чаю и снова зашагалъ по шпаламъ, распѣвая пѣсни и любуясь необозримыми степями Новороссіи.

Передъ вечеромъ снова захотѣлось ѣсть, а сумка была пуста. Случайно наткнулся на тлѣющій огонекъ, возлѣ него валялись полуиспеченныя картошки, штуки три. Онѣ были уже холодныя, но я ихъ съ удовольствіемъ съѣлъ. Въ пригородѣ купилъ хлѣба и двѣ маленькихъ рыбки-малосолки. Пировалъ, катался по душистой травѣ. Денегъ осталось двѣ копейки.

Ласково грѣло солнце, слѣпило глаза. На десятки голосовъ щебетали и заливались пичужки, а надъ ними стражемъ парилъ кобчикъ. Къ станціи подошелъ товарный. Вагоны были нагружены лѣсомъ. Въ одномъ, среди досокъ, была пустота. «Вотъ бы хорошо пролетецъ скрасть», — подумалъ у. Оглядѣлся, около поѣзда не было ни души. Я взобрался въ пустое пространство и замеръ. Ѣхать было опасно: отъ толчка доски могли сплюснуться и раздавить, но мнѣ это пришло въ голову уже послѣ, а въ то время я думалъ только о томъ,чтобы снаружи не видно было ногъ: корчился, кряхтѣлъ, поджимая ноги, свертывался складнемъ. Но кондукторъ, осматривая вагоны, все-таки замѣтилъ меня и крикнулъ:

— Эй, ты, а ну-ка, вылѣзай!

Было совѣстно: я былъ весь измятъ, пальто вывалялось въ трухѣ и опилкахъ. Кондукторъ съ презрѣніемъ посмотрѣлъ на меня и сказалъ:

— Эхъ, ты, барбосъ, с . . . с. . . . ! Мурло словно у кота, а подъ доски лѣзешь! . .

Отъ стыда я даже не ударилъ его: сгорбился и неровно зашагалъ, какъ былъ — въ опилкахъ, — по шпаламъ, съ закружившейся отъ обиды головою.

Черезъ двѣ версты работала артель ремонтныхъ рабочихъ. Я поклонился. Они молча пропустили мимо, потомъ, какъ по командѣ, затюкали вослѣдъ: «тю-тю! . . ат-ту! . . тю-тю его! . .» Было обиднѣе, чѣмъ отъ кондуктора.

За уклономъ встрѣтилась казарма ихъ. Я увидѣлъ дорожнаго мастера и спросилъ его:

— Нельзя ли у васъ пристроиться писцомъ?

Онъ мнѣ сказалъ:

— Мнѣ писца не надо, а вотъ слѣдующій мастеръ, онъ неграмотный и писца у него нѣтъ: толкнись, на счастье.

Зашелъ къ неграмотному.

— Я бы еще участокъ безъ вашихъ гумагъ соблюлъ, — отвѣтилъ онъ, — какіе тутъ писцы!

Двинулся дальше, до третьей казармы. Она была пуста. Дежурный рабочій варилъ обѣдъ. Продалъ ему двѣ рубашки и полотенце за 90 копеекъ.

А потомъ сколько шелъ — не помню. Только знаю: эти деньги я израсходовалъ и дошелъ до станціи Таганашъ, за Гниломорьемъ, и такъ утомился, что, кажется, упалъ бы да и не поднялся. Подошелъ пассажирскій поѣздъ. Не вѣря въ удачу, я попросилъ жандарма посадить меня; жандармъ оказался добрымъ человѣкомъ, посадилъ въ передній вагонъ, но, на несчастіе, здѣсь сѣлъ и контролеръ: меня на первой же остановкѣ выкинули.

Все же опытъ съ жандармомъ понравился. У меня были съ собой шпоры, въ которыхъ я пришелъ со службы. Я нашелъ вахмистра и предложилъ ихъ съ тѣмъ, чтобы онъ походатайствовалъ за меня передъ кондукторами, провезти до Симферополя. Повертѣвъ въ рукахъ шпоры, жандармъ похвалилъ ихъ и сказалъ:

— Онѣ мнѣ не годятся, но только это маловажно, жди до ночи, въ два часа придетъ поѣздъ, подойди и скажи оберу, что я велѣлъ посадить, — понялъ?

— Такъ точно, спасибо, г. вахмистръ.

Вышло, какъ было сказано. Подошелъ поѣздъ, билетная

публика усѣлась въ вагоны. Я подошелъ къ оберу и сказалъ, что вахмистръ велѣлъ посадить меня до Симферополя.

— Охъ, ужъ эти мнѣ вахмистры, въ печонку въѣлись! — отмахнулся кондукторъ: — лѣзь въ первый классъ, въ отопленіе!

Я благополучно доѣхалъ до Симферополя. Свѣтало. Было прохладно. Городъ закутался въ туманъ. Лишь каланчи да колокольни сонно вытягивали шеи. Надо было идти куда-нибудь, а куда — я не зналъ. Часовъ въ шесть зазвонили къ ранней: было Вербное воскресенье. Пошелъ въ соборъ. Всходило солнце. Переливчато играли молодой листвой уже распустившіяся деревья. По улицамъ толклись разносчики, кухарки, водовозы, угольщики. Татаринъ гналъ стадо козъ. Я вспомнилъ татарскую фразу, единственную, какую зналъ, и крикнулъ:

— Ипташъ, тамака баръ?

— Баръ, баръ, — добродушно отвѣтилъ пастухъ, обнажая бѣлые, какъ сахаръ, зубы, и полѣзъ за кисетомъ.

Я пожалъ ему руку и сказалъ:

— Нѣтъ, я шучу, ужъ больно у васъ тутъ хорошо въ Крыму.

— О-о! — многозначительно поднялъ онъ палецъ, — отчинь карошъ! .. нэбо — карошъ, сонцо — карошъ, гора — карошъ! ..

— Чилавѣкъ — карошъ! — въ тонъ ему сказалъ я.

— Чилавѣкъ — карошъ! — убѣжденно воскликнулъ пастухъ.

Бѣлобрюхая, съ надрѣзами на ушахъ, коза потерлась пыльной мордой о колѣно его.

— Смотри: каза — карошъ, ѣстъ просытъ! — засмѣялся онъ и, поклонившись, погналъ стадо къ окраинѣ.

Послѣ обѣдни спросилъ полицейскаго: нѣтъ ли свободныхъ мѣстъ въ полиціи и какое жалованье? Тотъ былъ полупьянъ, наболталъ мнѣ съ три короба про Таньку, на которой онъ чуть не женился, потомъ перешелъ на свое дѣтство.

— Да ты сначала разскажи про полицію, — просилъ я.

— О, въ полиціи служба — милое дѣло, прямо, можно сказать, и умирать не надо! Да ты, землякъ, смотнись лучше самъ, ей-же-ей! .. Вотъ я сейчасъ укажу тебѣ дорогу, вотъ ты пойдешь по этой улицѣ и сразу тебѣ полиція... Нѣтъ, а Танька-то, Танька-то, шельма: я къ вамъ, Кузьмичъ, на всю мою жизнь съ полнымъ уваженьемъ, я еще такого человѣка, гритъ, во всей своей жизни не встрѣчала ... У, выжига! .. Разморила хуже бани! ..

«Ну, — подумалъ я: — дѣло мое не клюнетъ, коли ты такъ много мелешь! До свиданья!»

Спустился къ Салгиру, съѣлъ послѣдній кусочекъ чернаго

хлѣба съ водой. Денегъ въ карманѣ опять оставалось только двѣ копейки. Съ ними я собрался въ Ялту. Путь выбралъ черезъ Алушту; сорокъ пять верстъ до нея надо было идти межъ горъ, это, главнымъ образомъ, и соблазнило меня. Сильно болѣли ноги, я чувствовалъ, что за день не отмахаю пути, ночевать въ горахъ ранней весной — прохладно, на постоялыхъ надо платить десять копеекъ, — стало быть, первая забота: добыть, сколько окажется возможнымъ, денегъ. Но, по случаю праздника, въ городѣ все было закрыто: ни продать, ни купить. Я зашелъ на почтовую станцію. Ямщики играли въ карты. Предложилъ одному изъ нихъ сапожную щетку за 18 копеекъ. Онъ взялъ. Да было двѣ копейки. Живи, Борисъ!..

Верстахъ въ пяти отъ Симферополя стояла татарская сакля. Въ саду работалъ старичокъ. Я попросилъ у него хлѣба. Татаринъ съ готовностью вынесъ кусокъ фунта въ четыре. Дорога была удивительно красивая, но жесткая: наломалъ и нашаркалъ ноги такъ, что хоть отруби. Къ вечеру съ трудомъ доплелся до постоялаго, сѣлъ на лавочку и, сидя, заснулъ, какъ убитый. Это было въ 27 верстахъ отъ Симферополя. Черезъ нѣкоторое время подъѣхалъ дилижансъ, шумно ввалились пассажиры и разбудили меня.

Страшно хотѣлось пить. Увидѣвъ на столѣ самоваръ, я попросилъ чаю, не справляясь о цѣнѣ. Мнѣ налили стаканъ.

— Почему же не даютъ чайника? — подумалъ я, но спросить не посмѣлъ.

Выпивъ стаканъ, попросилъ еще, потомъ еще, — три стакана. Наконецъ надоѣло просить.

— Сколько за чай?

— По три копейки за стаканъ.

Какъ кипяткомъ въ лицо плеснули. Проглотилъ половину своего состоянія и не напился! Дѣлать нечего, пришлось выпячивать денежки: девять копеекъ за чай да гривенникъ за ночлегъ. Осталась у меня одна разъединственная копеюшечка. Не спалъ отъ огорченія: ругалъ себя.

Рано утромъ отправился въ дорогу. Она ползла между двухъ горъ. На одной изъ нихъ виднѣлась, какъ бы искусственно высѣченная, человѣческая голова. Пытался влѣзть и поглядѣть поближе на нее, но не осилилъ.

Отъ этихъ горъ до Алушты оставалось верстъ двадцать. Ждалъ, съ замираніемъ сердца, моря: я его не видѣлъ никогда. Забылъ про боль. Перестали быть интересными горы, зеленые лѣса, пѣніе птицъ. Спѣшилъ, словно летѣлъ на крыльяхъ.

И вотъ сквозь ущелье, черезъ сѣть кудрявыхъ деревъ, что-то засинѣло, какъ будто вспаханная подъ зиму пашня. Въ безконечную даль отодвинулся горизонтъ. Такъ вотъ оно, раздольное! Сѣлъ на выступъ скалы и неотрывно глядѣлъ на синь его.

Текучими струями сверху лилось золотое солнце. По дорогѣ перепархивали пичужки. Дѣловито ползали муравьи. Стаей шаловливыхъ дѣтокъ, высунувъ головки изъ травы, смѣялись анемоны, одуванчики, заглядывая черезъ боровокъ на дорогу. О бокъ пріютилась милая, скромная, голубоглазая вероника.

Протащилась, плача, арба съ жердями. Проскакалъ верховой; на солнцѣ ярко блеснули козырекъ картуза и серебряный наборъ уздечки.

Къ полудню пришелъ въ Алушту, отыскалъ пекарню, спросилъ:

— Нѣтъ ли у васъ мѣста?

— А за пекаря можешь? — разглядывая меня, освѣдомился хозяинъ, старикъ, похожій на Іосифа Аримаѳейскаго.

— За пекаря не былъ, тѣстомѣсомъ могу.

Хозяинъ улыбнулся.

— Тѣстомѣсъ изъ тебя важный. Только мнѣ пекаря надо. На тѣстомѣсѣ не сойдемся, дружокъ.

Тогда я попросилъ у него хлѣба.

— Это можно, — сказалъ хозяинъ, — здоровому человѣку хлѣбецъ нуженъ, держи-ка.

Подвинулъ мнѣ самый большой хлѣбъ, фунтовъ въ восемь.

— Я вѣдь безъ денегъ прошу, — смущенно сказалъ я.

— Я съ тебя и не требую ихъ, — отвѣтилъ хозяинъ, — кушай на здоровье. Было время, и я этакъ мѣрилъ дороги.

Вышелъ изъ мѣстечка и бодро зашагалъ впередъ. Хлѣбъ и ласка подкрѣпили, ноги стали послушнѣе, въ головѣ звенѣло отъ тепла и свѣта, а мысли были ясныя. Подъ Гурзуфомъ, на шоссе, сидѣлъ человѣкъ въ фартукѣ, видимо, каменщикъ. Я спросилъ его:

— Далеко, дядя, до Ялты?

— До Ялты не далеко, верстъ тринадцать, — отвѣтилъ онъ, — но ты дойдешь, я вижу. Да зачѣмъ тебѣ въ Ялту?

— Ищу работу.

— Гм . . . работу. Вотъ что, милый человѣкъ, — каменщикъ всталъ, — мнѣ стится — ты свѣжій, небывалый, нешлихованный и подбился, идти тебѣ дальше нельзя. Вотъ въ Гурзуфѣ будутъ набирать полицію въ садъ, по двадцать четыре рубля въ мѣсяцъ. Одѣвши ты прилично, управляющій — генералъ. Ежли ты, милый человѣкъ, военный будешь, иди ты къ управляющему. А въ Ялтѣ

ты ничего не найдешь, — хошь — вѣрь, хошь — нѣтъ... безъ рукомесла ничего не найдешь.

— А гдѣ же этотъ Гурзуфъ? — спросилъ я.

— Гурзуфъ? А вотъ иди прямо внизъ.

Я поблагодарилъ и пошелъ. Причудливыми зигзагами вилась тропинка подъ гору, между участками распускающагося, еще не зеленаго, а янтарнаго виноградника, затѣмъ пошла по кипарисовой аллеѣ, и чѣмъ дальше, тѣмъ становилась прекраснѣе. Я словно шелъ по раю.

«Господи, — думалось, — вотъ я пересѣкъ Крымъ, встрѣчался съ жителями, видѣлъ отъ нихъ добро, помощь, ласковое слово, да можетъ ли сердце человѣка огрубѣть въ такой благодати, оскотиниться, быть камнемъ! Красоты-то сколько! Что ни шагъ, то новая и неожиданная радость въ душѣ!..»

Показался исполинскій паркъ на берегу моря, рядъ гостиницъ, церковь, службы, мастерскія. Надъ шпалерами розъ копался садовникъ съ бакенбардами. Я спросилъ про управляющаго.

— Иди къ бѣлому дому, — пробасилъ онъ, не поднимая головы.

Генералъ былъ дома, вышелъ. Одѣтъ въ военную форму. Взявъ подъ козырекъ, я изложилъ просьбу.

— Не надо, — отрывисто сказалъ онъ, повертываясь на каблукахъ.

Что жъ, не надо, такъ не надо. Въ такихъ благодатныхъ мѣстахъ можно прожить и безъ генераловъ. Спустился къ морю и первымъ дѣломъ попробовалъ, насколько солона морская вода.

— Эй, мужикъ, тутъ нельзя болтаться, — услышалъ я сзади окрикъ.

Кричалъ десяти-двѣнадцатилѣтній мальчикъ въ гимназической курткѣ, можетъ быть, даже сынъ генерала: слышалъ, какъ папаша покрикиваетъ, перенялъ.

— Паренекъ, поди-ка сюда, милый, я тебѣ уши натреплю, — позвалъ я крикуна.

— Что? Ты что-о? А?

— А ты иди, иди, это тебѣ будетъ на пользу.

— Какъ ты смѣешь, — что?

Сталъ швырять въ меня камнями.

Вечерѣло. Надо было подумать о ночлегѣ. Спросилъ встрѣчную бабу, гдѣ можно заночевать.

— У Петра, — сказала она, — а за ночлегъ берутъ пять копеекъ.

У меня же была одна копейка, остатокъ отъ злосчастнаго

чая, да хорошіе подштанники, — въ Варшавѣ рубль платилъ. Пошелъ снова къ морю, пополоскалъ ихъ въ водѣ, очень плохо отмылись: съ перваго раза поглядѣть, такъ даже хуже стали. Повѣсилъ на баркасъ сушить. Съ полчаса ждалъ, не сохнутъ. Снялъ сырыми и понесъ продавать рабочимъ. Никто не бралъ.

— Ну, что-о ты, у тебя тамъ, поди, обзаведенье, иди ты съ ими къ лѣшману!

Насилу нашелъ одного старика-бондаря.

— Мнѣ, шаланнушка, не подъ фѣнецъ, инка, по мнѣ сойдутъ. Школьке просишь?

— Полтину.

— Нѣ, нѣ, шчумѣлъ! Двастать копеекъ. Да и то промахнулъ, инка, пятнастать копеекъ.

— Ты, дѣдъ, не глупи: новые, рубль плачены.

— Ну, ладно, ладно, двастать копеекъ!

Отдалъ за двадцать копеекъ подштанники и отправился искать Петра. Въ двухъ аршинахъ отъ отвѣснаго обрыва, надъ рощицей оливъ, пріютилась татарская сакля, которую снималъ воронежскій мужикъ Петръ. Это была закоптѣлая дыра въ скалѣ, похожая больше на хлѣвъ, чѣмъ на жилье, или курную мужицкую избу, именно такую, что встрѣчаются въ Воронежской губерніи, грязную, вонючую, съ запахомъ пота и разлагающихся отбросовъ, съ полатями въ два яруса. Въ отгороженномъ шелевками заднемъ углу помѣщался хозяинъ съ семьей, въ передней — ночлежники. Въ саклѣ была одна хозяйка, маленькая, неопрятная баба на сносяхъ. Я попросился ночевать.

— А пачпортъ есть? — вяло спросила она.

— Есть.

— Ночуй.

Я отыскалъ на полатяхъ мѣстечко, прилегъ. Вотъ тутъ-то и заговорили мои ноги: ихъ ломило, какъ отъ жестокаго ревматизма, и все тѣло нудно, непріятно ныло, словно десять беззубыхъ собакъ впились въ него. Въ глубокихъ сумеркахъ пришли рабочіе-угольщики. Всемеромъ, они подрядились разгружать двѣ барки угля за пятьдесятъ рублей. Среди нихъ оказался землякъ, я ему обрадовался, какъ дорогой находкѣ, сталъ умолять принять и меня въ компанію. Землякъ поговорилъ съ остальными, тѣ сказали:

— Хорошо, завтра пойдемъ: осилишь — работай.

На зарѣ пошли. Отъ берега были вбиты козлы, саженей на десять, на козлы набросаны доски. Къ мосткамъ подъѣзжали два баркаса съ мѣшками угля, а сами барки стояли саженяхъ въ двух-

стахъ отъ берега. До этого времени я никогда мѣшковъ не носилъ, ни навыка, ни сноровки не было, я сталъ таскать ихъ на спинѣ, черезъ плечо. Острые куски угля впивались въ тѣло. Работа была гуртовая, быстрая, товарищи, на подборъ, здоровяки, привычные, я еще не отдохнулъ отъ путешествія, — мучительно было поспѣвать за ними. Спѣшка усугублялась тѣмъ, что черезъ три дня предстояла Пасха; всѣмъ хотѣлось до праздника закончить дѣло и получить заработокъ.

Съ усиліемъ я оттянулъ день и не взвидѣлъ свѣта бѣлаго: ободралъ въ кровь спину, плечи; шатаясь, дошелъ до ночлега и, не ужинавши, заснулъ мертвымъ сномъ.

А на другой день разбитому и разломанному тѣлу показалось еще тяжелѣе. На счастіе, къ десяти часамъ поднялся вѣтеръ, море заволновалось, снесло мостки, мы отдыхали. Обхвативъ руками колѣни, я глядѣлъ на неудержимую силу и бѣшеный порывъ, и какое-то молитвенное настроеніе создала въ душѣ его дикая своевольная музыка. Припомнилось полузабытое стихотвореніе:

„О рьяный конь, о конь морской,
Съ блѣдно-зеленой гривой,
То смирный, ласково-ручной,
То бѣшено-игривый!“

Лежавшій на животѣ около меня тулякъ Охинъ поднялъ рѣденькую, съ концовъ покраснѣвшую бороденку.

— Ну-ка, ну, ты это про что?

— О, это, братъ, хорошая штука! Поэтъ, старичокъ, сравнивалъ это море съ разыгравшимся конемъ, который мчится вѣтромъ по чистому полю.

„Люблю тебя, когда стремглавъ,
Въ своей надменной силѣ,
Густую гриву растрепавъ
И весь въ пару и въ мылѣ,
Къ брегамъ направивъ буйный бѣгъ,
Съ веселымъ ржаньемъ мчишься,
Копыта кинешь въ звонкій брегъ
И въ брызги разлетишься...“

— Хорошо али нѣтъ?..

— Уголь бы его разгружать, не такъ бы заржалъ, — сказалъ Охинъ, выслушавъ стихотвореніе. — Изъ господъ старичокъ-отъ твой?

— Ну, изъ господъ.

— Вѣстимо дѣло. И я бы — восемь самоваровъ охлеснулъ да четвертуху водки, — еще не такую бы брехню сложилъ... да дѣвку бы поядренѣе приказалъ привести...

Проработали еще день. Отъ усталости и плохого питанія у меня появилась куриная слѣпота: какъ только, бывало, сядетъ солнце, я не вижу ничего. Спасибо, Михайла, босячокъ изъ Карачевскаго уѣзда, водилъ меня.

Съ величайшими мученіями и натугой я, все же дотянулъ до конца: въ пятницу барки разгрузили. При расчетѣ подрядчикъ обжулилъ артель на одиннадцать рублей. Мнѣ пришлось рубль восемьдесятъ семь копеекъ.

Въ Святую субботу предложили расчищать дорожки въ саду, мы заработали еще по семь привенъ съ пятакомъ; итого я собралъ къ празднику — два рубля и шестьдесятъ двѣ копейки.

Рабочіе разошлись по квартирамъ, у нѣкоторыхъ были жены; всякому хотѣлось провести Свѣтлый праздникъ получше. У Петра осталось трое: я, Михайла-босячокъ и Никита, — бездомные.

Купили пасху, яицъ, колбаски и двѣ бутылки водки. У Михайлы-босячка денегъ не было, его долю внесли мы съ Никитой. Вдругъ къ вечеру у меня начались непереносныя колики, рѣзь, потомъ хлынулъ ужаснѣйшій поносъ. Спустилась ночь, я ослѣпъ, было опасно выходить одному за двери: неосторожный шагъ — и пропасть, а Михайлу просить было совѣстно, — измучилъ и себя, и товарищей.

Въ полночь зазвонили къ пасхальной заутренѣ. Мнѣ, изъ-за болѣзни, нельзя было идти, Никита отказался, такъ какъ не во что было одѣться. Михайла тоже ходилъ въ рваномъ пиджачишкѣ, но онъ сказалъ:

— Пойду, не съѣдятъ, что плохо одѣтъ: Богъ и для чистыхъ, и для грязныхъ!

На разсвѣтѣ Михайла возвратился изъ церкви и принесъ, вмѣсто своей маленькой базарной пасочки, которую оставилъ въ церкви, здоровеннѣйшую, фунтовъ въ двѣнадцать, сдобную домашнюю пасху и десятокъ яицъ.

— Вотъ, ты, Господи, несу паску и въ рукѣ будто чижельше! Чтой-то, думаю, никакъ я пасху-то гдѣ въ мокрое вляпалъ? Вотъ бѣда! Анъ, глядь, у меня чужая: обмишулился! Ну, думаю, инъ быть такъ: что волку въ зубы, то Егорій далъ.

Мы долго хохотали и хвалили Михайлу, а онъ безобидно и немного смущенно улыбался и говорилъ:

— Вотъ и мы съ Воскресеніемъ Христовымъ. Не помните яйца-то...

Сѣли разговляться. Я попробовалъ маленькій кусочекъ пасхи и легъ, а они ѣли, пили и поминали хозяевъ пасхи, за ихъ здоровье осушили обѣ бутылки водки и легли отдыхать.

Утромъ, какъ взошло солнышко, я всталъ и вышелъ на дворъ. На морѣ былъ штиль, подъ солнцемъ оно стало серебрянымъ, въ золотыхъ лучахъ солнца купались горы, лѣсъ, сады и виноградники.

Мимо проходила женщина, снимавшая лачугу по сосѣдству.

— Что съ вами? — спросила она, разглядывая меня. — Почему у васъ такой болѣзненный видъ?

Я разсказалъ про горе.

— Глупости! — воскликнула она. — Пойдемте ко мнѣ.

Дома налила большой стаканъ водки и бросила горсть сѣрой соли.

— Пей махомъ.

Я выпилъ. Женщина налила два стакана крѣпкаго, какъ деготь, чая и тоже приказала выпить.

— А теперь пойди и полежи, ослабъ ты, парень, — шутливо хлопая по плечу, сказала она.

Я подумалъ, что она меня не только за этимъ звала, и, въ свою очередь, легонько ударилъ ее по широкой и мягкой спинѣ.

— Нѣ, голубокъ, меня не тронь: я замужняя, — серьезно сказала женщина, — къ тебѣ я притронулась такъ, по ласкѣ, не принимай за худо.

Еще по дорогѣ я почувствовалъ, что боли стали тише, а потомъ и совсѣмъ прекратились.

На второй день у насъ деньги и провизія окончились, а на работу предполагали пойти только на четвертый день: цапать у татаръ землю подъ табакъ. Товарищамъ мозолило глаза мое пальто. Сговорившись, они стали насѣдать, чтобы я продалъ его.

— Вѣдь за работу денегъ не даютъ впередъ, — говорили они, — на что жъ мы будемъ харчиться?

Мнѣ было жалко разставаться съ пальто, но доводы ихъ показались правильными.

Втроемъ понесли продавать пальто. Его купилъ татаринъ-лавочникъ, знакомый Никиты. Торговались очень долго. Пальто было хорошее, но татаринъ больше трояка не хотѣлъ дать. Въ концѣ концовъ, сошлись на четырехъ рубляхъ двадцати. Купивъ, лавочникъ сталъ въ глаза смѣяться надо мной.

— Оно у тебя краденое, развѣ такое пальто продаютъ за четыре рубля? Ты — воръ.

Пили могарычъ — три бутылки. Никита настаивалъ на

томъ, чтобы выпить еще бутылку. Я отказался. Тогда онъ предложилъ играть въ карты. И въ карты не сѣлъ играть.

Послѣ продажи я остался въ одномъ бѣленькомъ парусиновомъ кителѣ.

На третій день пошли въ ту же деревню искать работу. Никиту тамъ всѣ собаки знали, работу скоро нашли: цапать подъ табакъ, семь привенъ въ день, харчи свои. Отобравъ паспорта, хозяинъ свелъ насъ въ сарай, тамъ мы должны были помѣщаться. На оставшіяся отъ пропоя деньги купили два пуда печенаго хлѣба. Ночи были холодныя, земля въ сараѣ сырая, одѣться и подостлать было нечего, а хозяинъ не далъ даже соломы, — страшно дрогли, охрипли.

Работа оказалась не изъ легкихъ: земля глинистая, подъ солнцемъ закаменѣла, а цапы съ короткими рукоятками. Согнувшись, надо было изо всей силы рубить ее, какъ дрова. За время жизни въ монастырѣ, а потомъ за военную службу, я отвыкъ отъ тяжелой работы, и она мнѣ показалась очень трудной. Вставали рано, до солнца. Шабашили послѣ захода, въ сумеркахъ. Харчи — хлѣбъ. Пойдемъ, бывало, къ колодцу, омочимъ кусокъ и ѣдимъ къ прихлебку.

Я никогда въ жизни не видѣлъ, чтобы человѣкъ могъ такъ много хлѣба съѣдать: ежедневно у насъ выходило двадцать семь фунтовъ, по девяти фунтовъ на человѣка.

Вскорѣ работа кончилась. Татаринъ выдалъ паспорта и деньги. У меня завелось три съ полтиной чистыхъ. Въ воскресенье Михайла съ Никитой сѣли играть въ карты. Пригласили меня. Я долго крѣпился, говорилъ, что играть не буду. А потомъ подумалъ: дай проиграю двугривенный. Сѣлъ и проигралъ сперва одинъ двугривенный, потомъ другой, и всѣ проигралъ. Хлѣба было купить не на что, я попалъ къ Никитѣ въ кабалу.

Проработали еще недѣлю — у другого хозяина, а спали въ томъ же сараѣ. Я расквитался съ Никитой и три рубля еще осталось. Надо бы было починить сапоги, они еще съ Кіева просили ремонта, а я сѣлъ отыгрываться и снова проигралъ все до тла. Михайла, не принимавшій въ игрѣ участія, осерчалъ на Никиту и сказалъ мнѣ:

— Еще когда ты пальто продавалъ, такъ Никита рѣшилъ обыграть тебя и прогнать. Жуликъ онъ. Сейчасъ я его поправлю!

Онъ срѣзался съ Никитой въ штоссъ, чисто обыгралъ его, вернулъ всѣ, мною проигранныя, и тѣ, что Никита заработалъ. Никита сталъ ругаться, плакать и хотѣлъ было удавиться, но Михайла предложилъ пропить эти деньги, и мы пошли пропивать.

верстахъ въ пяти была харчевня, содержала гречанка. Мы пришли къ ней, взяли бутылку водки, выпили; потомъ стали ѣсть какую-то ѣду съ острымъ перцемъ. Я до того оголодалъ за двѣ недѣли сухояденія, что съѣлъ восемь порцій да два фунта хлѣба. Выйдя изъ харчевни, выпили еще бутылку водки, я свалился подъ стѣнку шоссейной дороги пьянымъ.

На слѣдующей недѣлѣ, когда работа кончилась, Михайла бросилъ насъ и ушелъ на каменную ломку подъ Байдарскія Ворота. Мнѣ было жалко его. На мѣсто Михайлы къ намъ присталъ орловецъ, Игнатъ, картавый:

«Солъ я, блатъ ты мой, лазъ челезъ Сумфолополъ, а настлѣчу мнѣ таталинъ» . . .

Я снова заработалъ три съ полтиной. Никита и Игнатъ взялись сцапать полдесятины виноградника, потомъ предстояла еще полдесятина; послѣ этого они собирались въ Черноморье на косовицу. А я рѣшилъ уйти отъ нихъ въ Ѳеодосію, тамъ у меня жила тетка-молочница. Въ послѣднихъ дняхъ недѣли къ намъ было присталъ еще одинъ орелъ — Митрей, похожій на гориллу. Этого Митрея я и сбилъ идти вмѣстѣ. Но когда мы обсуждали маршрутъ, онъ прогнусавилъ:

— Такъ что же, если кто попадется, и ножъ въ животъ можно!

«Ахъ, ты вонъ какой! — подумалъ я, — оставайся-ка лучше здѣсь, я безъ тебя найду дорогу».

Пошелъ одинъ на Алушту. Вечеромъ зашелъ въ ночлежный пріютъ и рано утромъ подался на Судакъ. Отъ Алушты до Судака что-то подъ восемьдесятъ верстъ; около моря, говорятъ, меньше. Но я пошелъ по шоссе. Здѣсь дорога была болѣе пустынной и дикой, вилась зигзагами, обходя овраги и балки. Крутня вскорѣ надоѣла, я рѣшилъ взобраться на вершины и пойти по хребту горъ, думая, что какъ только взберусь на макушку, тамъ будетъ ровно. Въ одномъ мѣстѣ пришлось лѣзть на полуотвѣсный обрывъ. Долго лѣзъ, потомъ сорвался и сплылъ внизъ, на то же мѣсто. Но не унялся, снова сталъ карабкаться, съ предосторожностями; на этотъ разъ вылѣзъ. Поглядѣлъ, а тамъ — второй уступъ, такой же. Влѣзъ и на этотъ, а тамъ третій, четвертый . . . Очень много времени понадобилось, чтобы добраться до вершины. Съ полдня шелъ по хребту, ныряя изъ котловины въ котловину, съ вышки на вышку. Было хорошо, просторно, солнечно; кружилась голова отъ слишкомъ раздвинувшагося непривычнаго горизонта и сладкаго горнаго воздуха. Къ полудню почувствовалъ, что лучше спуститься. Сначала я лѣзъ

напрямикъ, потомъ начался лѣсъ съ незнакомыми мнѣ деревьями, къ концу, саженъ въ 70, крутой спускъ на шоссе. Спускаться было опасно, но я заупрямился и рѣшилъ спуститься. Кое-какъ держался за камни, кусты и кустики, травку, — она тамъ жесткая, крѣпкая, — потомъ пошла вывѣтрившаяся горная порода, которая подъ ногами осыпалась. На полдорогѣ руки мои неожиданно оторвались, и я полетѣлъ внизъ — и кубаремъ, и каткомъ, и вплавь, и черезъ голову, всего не упомню — какъ. Долетѣлъ до дороги, удачно пришелся ногами прямо въ мягкую землю, насыпавшуюся съ откоса. Только содралъ себѣ ухо, спину, правый бокъ, животъ и зашибъ колѣно, а, въ общемъ, обошлось благополучно.

Къ вечеру ноги стали отказываться идти, но не хотѣлось ночевать въ горномъ лѣсу, холодно, я пошелъ еще. Невдалекѣ была рабочая казарма. Я попросился ночевать. Дѣвочка въ окнѣ закричала:

— Папа, папа, татаринъ ночевать просится!

На мнѣ была татарская шапочка.

Смотритель казармы спросилъ: кто я, откуда, — ночевать разрѣшилъ. Войдя въ комнату, я сѣлъ на низенькую скамеечку и не могъ подняться: я прошелъ, по словамъ смотрителя, шестьдесятъ пять верстъ.

Черезъ полчаса хозяева ужинали. Мнѣ страшно хотѣлось ѣсть. Дѣвочка спросила:

— Мама, а почему ты не даешь дядѣ покушать?

Мать смутилась и послѣ ужина влила мнѣ въ деревянную чашку немного молока; хлѣбъ у меня былъ свой. Спалъ неспокойно, всю ночь снились кручи, обрывы, горы, а я по нимъ плыву, плыву, лѣзу безъ конца и никакъ не могу влѣзть.

На утро, едва поднялся, пошелъ на Судакъ. Въ Судакѣ ночевалъ, нашелъ попутчика на Кизильташъ-Илью. Кизильташъ — монастырёкъ, въ тридцати пяти верстахъ отъ Ѳеодосіи, въ горахъ, окруженный дремучимъ лѣсомъ, изъ котораго красиво острыя сѣрыя горы высовываютъ свои зубчатыя верхушки; на нихъ поставлены кресты.

Въ монастырь пришли рано, часамъ къ двѣнадцати, но обѣда не захватили. Зато хорошо отдохнули, выспались. На другой день тоже отдыхали, а потомъ, толпою въ девять человѣкъ, отправились на Ѳеодосію.

Среди насъ рѣзко выдѣлялся претоненькій, маленькій и щуплый человѣчекъ, брившій перочиннымъ ножомъ бородку подъ француза. Нельзя было счесть лохмотьевъ и заплатъ на его вы-

линявшемъ и грязномъ зимнемъ пальто, доходившемъ человѣчку до пятъ. Онъ съ восторгомъ разсказывалъ, какъ они артелью работали въ виноградникахъ и всѣ заработанныя деньги въ воскресенье пропивали у того же хозяина. Въ артели съ нимъ были сѣвскіе мужики. Весь недѣльный заработокъ артели хозяинъ, обыкновенно, вручалъ ему — старостѣ.

— Денегъ никому — ни гроша, — объявлялъ онъ, староста, мужикамъ, — если кто хочетъ пить съ нами, пей, а не хочетъ, все равно, ничего не получитъ, потому наше артельное дѣло такое: нельзя одному быть выскочкой, это — подлость, не по-товарищески . . .

Возмущенные мужики бѣжали къ хозяину.

— Какъ такъ, мы работаемъ, а онъ не даетъ жалованья, не желаемъ вина, подай деньги! . .

Хозяинъ имъ говорилъ:

— Деньги вамъ поданы, чего вы ко мнѣ пристаете? Развѣ это мое дѣло? Развѣ я вамъ судья? Хотите работать, работайте, не хотите — не надо, я же васъ не заставляю силой, мы сошлись полюбовно . . . Уходите прочь съ моихъ глазъ! . .

— Мы его убьемъ! — кричали мужики.

Хозяинъ улыбался и отвѣчалъ имъ на это:

— Охъ, ребята, глядите, кабы онъ первый васъ не порѣзалъ, какъ барановъ: онъ вѣдь безстрашный, ни тюрьмы, ни острога не боится . . .

Мужикамъ некуда было дѣться, не у кого искать правды. Съ горя, а главнымъ образомъ, чтобъ свое не пропадало, они набрасывались на вино, быстро перепивались, плакали, дрались, въ разбродъ пѣли свои цокающія пѣсни.

Разсказывая, человѣчекъ вытиралъ ладонью слезы смѣха.

Мой товарищъ, Илья, котораго я прихватилъ изъ Судака, былъ лѣтъ тридцати, небольшого роста, съ красненькимъ отъ загара носомъ, страшно заботившійся о своей наружности. Его мечтою было справить почище одежку. Всякій разъ, когда онъ говорилъ объ этомъ, лицо его покрывалъ румянецъ, маленькіе, выпукло-коричневые глаза истомно полуприкрывались, правая, суховатая, съ аккуратно подстриженными, хотя и грязными, ногтями рука ласково перебирала и безъ того приглаженный усъ.

— Пиджачокъ — рублика въ четыре, жилеточку, брючки — всѣ три подъ одинъ манеръ, шелковую рубашку съ воротничкомъ, фиксуарчику, духовитаго мыльца . . .

Илья могъ говорить объ этомъ часами и чѣмъ больше гово-

рилъ, тѣмъ лицо его шире растягивалось въ мечтательно-блаженную улыбку, голосъ журчалъ тише, слаще.

Илья не пилъ вина и водки. Въ Курской губерніи у него была жена съ ребенкомъ. А онъ вотъ ужъ восьмой годъ «вальяжничалъ», какъ онъ выражался, въ Крыму, и все несчастіе его въ томъ, что онъ до сихъ поръ не набрелъ на подходящаго и вѣрнаго товарища, съ которымъ бы могъ заработать двѣнадцать рублей на инструменты, чтобы пойти на Ай-Петри рѣзать дрова. Тамъ работать можно круглый годъ, по 80 копеекъ въ день, — скопить бы такимъ образомъ двѣсти рублей денегъ и снять на эти деньги баштанъ.

— Поставимъ шалашикъ, будемъ нанимать дѣвокъ на поденную, а сами — какъ господа!

Планъ несложный, глуповатый, а мнѣ нравился, — въ этомъ, очевидно, было виною краснорѣчіе Ильи. У насъ будетъ баштанъ и дѣвки-поденщицы, онѣ насъ сочтутъ за пріѣзжихъ богатыхъ арендаторовъ; мы сначала за ними будемъ ухаживать, а потомъ, къ осени, хорошо подработавъ и подѣливъ барыши, женимся на нихъ: я, какъ холостой, по закону; Илья — уговорно, подъ клятву.

Верстахъ въ четырехъ отъ Ѳеодосіи наша группа проходила по виноградникамъ, на которыхъ работали поденщики-крестьяне. Мы набросились на хозяина виноградниковъ, бронзоваго караима, принять и насъ заработать на «декофтъ», какъ говорятъ ѳеодосійскіе босяки, но онъ отказалъ.

Вечеромъ пришли въ Ѳеодосію, остановились въ ночлежномъ домѣ, одноэтажномъ зданіи, похожемъ на манежъ, съ цементнымъ поломъ и рядами наръ. Потолка въ ночлежкѣ не было, надъ нарами свѣшивались сѣрыя неструганныя балки и черепица. Въ немъ было сыро, холодно. Народу ночевало много, всѣ не помѣщались на нарахъ, спали на полу, подъ нарами, въ дверяхъ. Были мѣста привилегированныя: это мѣста завсегдатаевъ, старожиловъ, дешевыхъ котовъ и портовыхъ рабочихъ-бобылей. Они приходили поздно, пьяными; горе тому человѣку, который осмѣливался, по незнанію или умышленно, занять ихъ мѣста: соннаго, съ бранью и пинками, его хватали за ноги и отбрасывали къ порогу. Утромъ, уходя изъ пріюта, завсегдатаи оставляли на своихъ мѣстахъ «подушки», гладкіе булыжники съ набережной: тамъ, гдѣ «подушка», мѣсто считалось занятымъ.

Илья зналъ ѳеодосійскіе порядки и дѣйствовалъ дипломатично: старшему кланялся, шпану отсовывалъ, награждалъ подзатыльниками. Старшимъ, — ихъ пока было трое: босякъ съ флю-

сомъ, въ пестрой рубах, повязанный черезъ уши ветошью; молотобоецъ съ кузни, разбившій пальцы и потому не работавшій, и сухой, жилистый, съ лихорадочнымъ блескомъ глазъ грузинъ, плохо говорившій по-русски, — Илья мягко имъ доказалъ, съ упоминаніемъ мѣсяца и дня, что три года назадъ онъ спалъ здѣсь на нарахъ и потому имѣетъ право на нихъ. Съ этимъ согласились и мѣсто дали.

— А это — мой другъ, почти какъ братъ, десять разъ меня изъ нужды выручалъ! — съ достоинствомъ и даже съ нѣкоторою гордостью сказалъ Илья, указывая на меня; насчетъ нужды онъ приврал.

И мнѣ дали мѣсто.

Въ полночь я былъ разбуженъ крикомъ и бранью: пришли на ночлегъ старожилы. Брезжила лампочка. Воздухъ былъ спертый, парный, сизыми кольцами плавалъ махорочный дымъ. Повсюду въ самыхъ причудливыхъ позахъ разметались усталыя тѣла: сопѣли, бредили, ругались во снѣ. По ночлежкѣ расхаживалъ высокаго роста, рыжій мужчина съ кривымъ носомъ, одѣтый въ еврейскій лапсердакъ, и надтреснутымъ, перепойнымъ голосомъ кричалъ:

— Мы не пойдемъ къ нему даромъ работать, дождемся своего, когда будутъ платить по три рубля въ день!

— Мажара, — задорно сказалъ ему кто-то изъ угла, — а Трехъэтажный и Котелокъ говорятъ, что ты съ ними не справишься.

— Что? Съ двумя не справлюсь? — прохрипѣлъ, останавливаясь, Мажара. — Я? Не справлюсь? Да я пятерыхъ ихъ уберу, такъ и разъэтакъ!..

— Наверточка всегда вертитъ, — вставилъ кто-то изъ-подъ наръ, — спалъ бы, да и другимъ покой нуженъ!

Я опять забылся, но кто-то грузно плюхнулся мнѣ на ноги, я испуганно вскочилъ. Втрое согнувшись на нарахъ и держа межъ ногтей свѣтящійся окурокъ, Илья тоненько смѣялся, глядя изъ-за плечъ сидѣвшихъ впереди него бородачей, одинъ изъ которыхъ былъ голый. А человѣкъ десять, сбившись въ кучу между наръ, кричали что-то. Разобрать было трудно. Шумъ съ каждой минутой возрасталъ. Вотъ всѣ повскакали съ мѣстъ, завозились, запыхтѣли. Въ сторону, къ дверямъ, неожиданно отлетѣло тѣло очень длиннаго и худого человѣка, ноги, туловище и голова котораго какъ бы отдѣльно существовали и чуть-чуть были прикрѣплены другъ къ другу, чтобы не растеряться.

Мнѣ подумалось:

— Вѣроятно, это и есть Трехъэтажный.

Возня, пыхтѣнье и брань продолжались. Какой-то, небольшого роста, но плечистый человѣкъ крѣпко схватилъ мускулистыми руками Мажару поперекъ туловища, головой уперся въ грудь ему; Мажара метался и рычалъ, тщетно стараясь оторвать отъ себя низенькаго человѣка.

— А это, навѣрно, Котелокъ, — подумалъ я, — да и силенъ же!

Вдругъ послышалось грузное паденіе на цементъ. Всѣ на моментъ замерли, а потомъ неистово захлопали въ ладоши, крича:

— Браво, браво, Котелокъ! Ур-ра!..

Котелокъ побѣдилъ доселѣ непобѣдимаго Мажару. Мажара разсвирѣпѣлъ, какъ звѣрь, сталъ рваться, чтобы сбросить съ себя Котелка. Черезъ нѣкоторое время ему это удалось, и онъ вскочилъ на ноги. Снова завязалась отчаянная борьба, но и на этотъ разъ счастіе измѣнило Мажарѣ: Котелокъ опрокинулъ его на обѣ лопатки, придавилъ колѣномъ грудь и, занеся надъ лицомъ здоровенный кулакъ, глухимъ басомъ спросилъ:

— Покоряешься или нѣтъ?

Настaлъ самый важный и жуткій моментъ. Если бы въ ночлежкѣ пролетѣла муха, ее слышали бы. Мажара лежалъ блѣдный, обезсилѣвшій и ошеломленный.

— Покоряешься или нѣтъ? — грозно повторилъ Котелокъ.

— Покоряюсь, — хмуро сказалъ Мажара.

Гамъ, хлопанье въ ладоши и свистъ. Котелокъ помогъ Мажарѣ подняться и отвелъ его въ уголъ. Вокругъ новаго побѣдителя образовалось кольцо оруженосцевъ; онъ въ развалку, съ достоинствомъ, сѣлъ на нары и приказалъ всѣмъ спать.

Еще до восхода въ ночлежку пришли городскіе метельщики и стали выпроваживать ночлежниковъ. Пьяные отъ свѣжаго воздуха, мы пошли на толчокъ, долго стояли, но на работу никто не попалъ.

— Пойдемъ искать тетку, — сказалъ я Ильѣ, и мы отправились за городъ, на дачу Баранишниковыхъ, московскихъ тузовъ.

Намъ указали ее. У воротъ стояла крашеная будка, какъ при полиціи. Пузатенькій, бритый человѣчекъ, по виду изъ бывшихъ дворовыхъ, въ широкомъ лѣтнемъ картузѣ и желтыхъ, широкихъ же, штанахъ, покровительственно разсуждалъ съ козой. Мы спросили: не знаетъ ли онъ молочницы, Авдотьи Ивановны Таранкиной? Широкоштанный человѣчекъ окинулъ насъ презрительнымъ взглядомъ и закричалъ:

— Пошли вонъ, дряни! Какъ вы обращаетесь? Я вамъ не холуй! Кабы вы спросили, какъ слѣдуетъ, я бы сказалъ, а теперь — знаю, да не скажу.

— Дядюшка, пожалуйста, сдѣлай милость, мы тебя въ поминанье запишемъ... — низко кланяясь, насмѣшливо проговорилъ Илья.

Человѣчекъ подпрыгнулъ и схватилъ его за шиворотъ.

— Вонъ!.. Сей минутъ вонъ!.. Вы — живорѣзы!..

Вытолкалъ насъ изъ сада.

Отправились, другимъ ходомъ, въ самую дачу. Господа еще не пріѣхали. Тамъ сказали, что не знаютъ Авдотьи Таранкиной. А мнѣ доподлинно было извѣстно, что тетка у Баранишниковыхъ.

— Давай плюнемъ на нее, — предложилъ Илья, — вѣдь, все равно, ничѣмъ не поможетъ.

— Нѣтъ, надо поискать садовника, — сказалъ я, и мы пошли искать садовника. У задней стѣны сада стояли двѣ дѣвочки-погодки въ бѣленькихъ платьицахъ. Спросили ихъ:

— Здѣсь живетъ садовникъ?

— Здѣсь, — отвѣчали онѣ, — папы нѣтъ дома, мама дома.

— Позовите, пожалуйста, маму.

Недовѣрчиво оглядывая насъ, дѣвочки побѣжали вглубь сада. Мы долго стояли, ждали; было жарко, пересохло во рту: хотѣлось пить. Никто не выходилъ. Илья болѣлъ животомъ. Рѣшили уйти. Отойдя на полверсты, видѣли, что къ забору, гдѣ мы ждали, вышла женщина, но мы не воротились. На этомъ кончились наши поиски тетки-молочницы.

Отъ дачи, по предложенію Ильи, мы отправились на городскія свалки — поискать старыхъ ботинокъ. Илья хотѣлъ починить свои ботинки, а я ходилъ въ опоркахъ, выпрошенныхъ въ Кизильташѣ: мои сапоги давно вдребезги разбились, а голенища были проданы за восемь копеекъ.

Переночевали еще ночь въ пріютѣ и съ поздней зарей отправились на Симферополь. Дорога была каменистая, шоссейная. Зашли на дачу Айвазовскаго, обѣдали тамъ, ночевали. Утромъ, часовъ въ семь, дошли до долины, поросшей высокой, густой и сочной травой. Съ наслажденіемъ завалились въ траву спать и спали до обѣда. Хотѣлось ѣсть, а купить было не на что, просить же милостыню оба стыдились. Обвиняя другъ друга въ томъ, что каждому хочется проѣхаться на чужой спинѣ, лежали и дулись. Наконецъ я не вытерпѣлъ, пошелъ въ ближайшую деревню, собралъ фунта четыре хлѣба — въ первый разъ въ жизни; накормилъ себя и Илью.

Опорки мои развалились, пошелъ босой. У меня въ мѣшкѣ лежали тряпки, остатки отъ портянокъ, и старые куски войлока, собранные на свалкѣ. У Ильи оказались иголка и нитки. Я обернулъ войлокомъ и тряпками ноги, стянулъ на живую руку нитками. Опорки Илья не посовѣтовалъ бросать, говоря, что босымъ молодому человѣку ходить по городу неловко. Я положилъ опорки въ мѣшокъ.

Дорогой много спорили о Богѣ, сатанѣ, добрѣ и злѣ, политикѣ, чужихъ земляхъ. Илья ни въ чемъ со мной не соглашался, а мнѣ казался онъ глупымъ.

Подошли къ Карасубазару. Илья спросилъ молодого татарина:

— Знакомъ, какой это городъ?

— Карабазаръ, — отвѣтилъ татаринъ.

— Что — хорошій городъ?

— Карошъ городъ.

— Большой?

— Палшой городъ.

Пропустивъ его, Илья сказалъ, что татаринъ, кажется, дуракъ: не все отвѣтилъ; обыкновенно, они говорятъ такъ:

— Карабазаръ, Бахчисарай, Масква, Петенбурхъ — адна стаканъ вода.

Подъ городомъ Илья показалъ пещерку въ скалѣ, аршина полтора въ діаметрѣ: «Здѣсь, — говорилъ товарищъ, — въ старые годы водился четырехголовый змѣй, пожиравшій жителей; съѣлъ карасубазарскую царевну невиданной красоты». Я ему не повѣрилъ, Илья обидѣлся и сталъ упрекать меня, что когда я что-нибудь разсказываю ему, онъ во всемъ мнѣ вѣритъ, а лишь стоитъ ему начать, я перебиваю и кричу: «врешь! неправда! . . .»

Въ Карасубазарѣ заходили въ пекарни и разжились хлѣбомъ. Ночевать пришлось въ канавѣ. Ночь была холодная, росная: въ Крыму, въ маѣ, такія ночи бываютъ. На зарѣ насъ такъ пробрало, что нельзя было больше оставаться, мы вскочили и побѣжали. Бѣжали быстро и долго, пока не вспотѣли. Обогрѣло солнышко, на душѣ сразу полегчало, мы отдохнули и съѣли послѣдній кусочекъ хлѣба. У Ильи опять начались рѣзи, и онъ лежалъ. Потомъ шли цѣлый день. Пересѣкли, не останавливаясь, Симферополь, только на базарѣ напились воды. Не доходя Качи, встрѣтили большой фруктовый садъ, залѣзли туда на ночлегъ. Трава въ саду была покошена, мы сложили стожокъ сѣна и зарылись: было пряно, вспомнилась деревня — и какъ мы, бывало, барахтались въ новомъ сѣнѣ. Спустилась южная ночь. Черезъ деревья ярко просвѣчивали

звѣзды, невдалекѣ журчалъ ручей, а кругомъ, на тысячи ладовъ, заливались соловьи. Эта удивительная ночь до того очаровала насъ, что мы забыли обо всемъ на свѣтѣ, забыли свой голодъ, лишенія, бездомность и чувствовали себя счастливыми, довольными.

Илья пытался философствовать:

— Живемъ мы, какъ птицы небесныя...

Но я не слушалъ: хотѣлось молчать, молиться, созерцать...

Часовъ въ одиннадцать заснули. Полночью отъ Качи, по балкѣ, поползъ сырой туманъ, стало холодно, мы вскочили и пустились бѣгомъ, чтобы поспѣть къ обѣду въ Успенскій монастырь подъ Бахчисараемъ. Пройти надо было двадцать семь верстъ. Я время отъ времени ощупывалъ въ карманѣ рекомендательное письмо въ Москву, на машиностроительный заводъ; оно немного потрепалось.

Когда ободняло, свернули съ торной дороги на межу и шли полемъ. Въ росистой высокой травѣ пестрѣли пятна цвѣтовъ; низко кланялись матово-серебряные, колосившіеся хлѣба. Но мы ужъ не обращали вниманія на эту благодать: бѣжали, торопились, боясь опоздать къ обѣду.

Съ горы, надъ монастыремъ, услышали колокольный перезвонъ: кончилась поздняя.

— Слава Богу, поспѣли!

Илья и здѣсь былъ не разъ. Онъ прямо повелъ меня въ страннопріимную. Въ это время зазвонили къ трапезѣ.

— Ступай, ищи тамъ кого-нибудь, — толкнулъ спутникъ.

Я отыскалъ подъэконома, спросилъ:

— Батюшка, какъ бы намъ пообѣдать?

— Послѣ братіи, — отвѣтилъ онъ.

Братія пообѣдала. Насъ позвали на кухню. Всего обѣдающихъ было четверо: мы съ Ильей да два странника. Монахъ-поваръ принесъ больше полведра кастрюлю съ борщомъ. Прочитавъ молитву, мы принялись рушить ѣду и въ скоромъ времени кончили ее. Монахъ спросилъ:

— Рабы Божьи, не подбавить еще?

— Подбавь, — сказалъ одинъ странникъ.

Поваръ налилъ столько же. И это рѣшили. Монахъ подалъ большущую деревянную чашку крупяной каши, помаслилъ ее и полилъ борщомъ. Съѣли и кашу. Положилъ еще столько же, — съѣли. На закуску получили по доброму куску рыбы, парѣ пирожковъ и булкѣ. Я едва могъ подняться изъ-за стола; животъ отъ натуги готовъ былъ лопнуть; я задыхался. Еле передвигая ноги, всѣ поплелись подъ деревья, въ траву, отдыхать. Только тутъ я

понялъ слова своего покойнаго бати, что значитъ: «насадиться, какъ дуга»: трудно было согнуться, перелечь на другой бокъ, къ глоткѣ ежеминутно подкатывался словно камень, отъ котораго кружилась голова. До четырехъ часовъ валялся безъ сна, чувствовалъ себя больнымъ.

Зазвонили къ вечернѣ. Мы ходили осматривать церкви; вездѣ было покойно, чисто и оригинально. Въ высокой отвѣсной скалѣ были вырублены церковь, келіи, кладовыя. Внизу разстилался садъ; за нимъ — татарская деревушка. Словно въ саванахъ, по ней ходили группы завернутыхъ въ чадры татарокъ.

Въ монастырѣ попался какой-то старикъ-огородникъ, который предлагалъ поступить до осени на бахчу — поливать капусту. Сулилъ 60 рублей. Илья очень совѣтовалъ мнѣ поступить, а я почему-то заупрямился, не повѣрилъ старику и отказался. Потомъ не разъ жалѣлъ объ этомъ.

Переночевавъ еще двѣ ночи на страннопріимной, мы запаслись хлѣбомъ и пошли на Бахчисарай. Тамъ около вокзала, у стѣны, спалъ, накрывшись поддевкой, человѣкъ. Поодаль стояли новенькія ботиночки. Мы оба были босы.

— Вотъ бы смыть-то, — лаская ботиночки взоромъ, со вздохомъ проговорилъ Илья: — новы, прямо съ иголочки, щегреневыя!..

Страхъ быть пойманными удержалъ насъ.

Изъ Бахчисарая путь повели на-полдень. Миновали Бельбекъ. За нимъ, на полустанкѣ, работала артель ремонтныхъ рабочихъ. Старшій, зная, что босоногіе прохожіе никогда не идутъ въ ремонтъ, шутливо предложилъ:

— Ребята, въ ремонтъ не поступите?

— Нѣтъ, спасибо, — пѣвуче протянулъ Илья.

Рабочіе засмѣялись.

Я же, къ удивленію его, ухватился за эту мысль и сейчасъ же спросилъ:

— А почемъ жалованье?

— Жалованье — восемнадцать рублей, — не скрывая недовѣрчивой улыбкой, отвѣтилъ старшій, — а принимаетъ мастеръ, вонъ онъ — въ рабочей казармѣ.

Илья удивленно поглядѣлъ на меня и спросилъ:

— Ты это, Борисъ, взаправду? А я думалъ: мы гдѣ-нибудь подработаемъ на струментъ да махнемъ на Ай-Петри! Рублей бы двѣсти въ зиму выгнали, вотъ те и баштанчикъ, сами себѣ хозяева...

— Такъ вотъ давай подработаемъ.

— Нѣ-ѣ, ни въ жизнь, тутъ ничего не выйдетъ, только зря мараться... У какого-то такого пузыря да чтобы я былъ въ подчиненныхъ, гляди-ка, у него и морда-то, какъ у собаки, — нѣ-ѣ!...

Мы простились. Товарищъ пошелъ на Балаклаву. За нимъ осталось 50 копеекъ моихъ денегъ и войлочки, которые я ему уступилъ для ногъ.

Я пустился въ казарму. Мастеръ сидѣлъ съ какимъ-то человѣкомъ на лавочкѣ.

— Ты — что, молодецъ?

— Такъ и такъ, желаю поступить на работу.

— Хорошо, давай паспортъ.

Подавая паспортъ, я взглянулъ на человѣка, съ которымъ онъ сидѣлъ, и чуть не подпрыгнулъ отъ радости: онъ оказался нашимъ порѣчаниномъ, почти сосѣдомъ, билъ меня маленькаго.

— Дядя Селиверстъ! Дядя Селиверстъ! — закричалъ я.

Старикъ узналъ меня, обрадовался.

— Это ты, Борисъ? Развѣ ужъ кончилъ военную службу? Ловко!

Разговорились. Землякъ служилъ здѣсь путевымъ сторожемъ. Я разсказалъ ему о своемъ неудачномъ путешествiи.

— Ишь ты, вотъ тебѣ бы прямымъ путемъ въ Москву держать, — сказалъ онъ, выслушавъ. — Ну, да ничего, здѣсь подработаешь.

Далъ мнѣ свои старыя штиблеты, чтобы ходить на работу.

— Изъ хорошей семьи, — шепнулъ онъ мастеру, когда я въ сторонѣ примѣривалъ штиблеты. — Подбился какъ!..

Утромъ, — это было, помню, 17 мая, — я пошелъ на работу. Встали до восхода. Трудъ оказался возможнымъ: таскали шпалы, грузили щебень, подбивали путь. По желѣзнодорожнымъ порядкамъ, первое полумѣсячное жалованье удерживалось за конторой до окончательнаго расчета рабочаго. Мнѣ, такимъ образомъ, приходилось ждать полтора мѣсяца получки. А съ меня въ первый же день работы сдуло вѣтромъ въ прахъ сгнившую единственную рубашку. Я остался голымъ и такъ, голымъ, работалъ двѣ съ половиною недѣли. Товарищи надоумили условно объявить подъ расчетъ. Я объявилъ. Контора выдала девять рублей заработка. Паспорта я отъ мастера не взялъ, намѣреваясь еще поработать, тотъ понималъ причину хитрости, не придирался. На полученныя деньги я купилъ ботиночки за рубль девяносто, пару рубашекъ, расплатился съ долгами. Ботиночки оказались мошенническими, на второй день развалились, я опять остался босымъ.

Послѣ этого, безъ приключеній, проработалъ еще мѣсяцъ. Какъ-то въ праздникъ захотѣлось посмотрѣть Севастополь; городъ былъ въ шести верстахъ; я пошелъ. На Сѣверной торговка продавала груши. Меня удивило, что груши такъ скоро поспѣли: дѣло было за недѣлю до Петрова дня. Для пробы купилъ фунтъ. Груши были зелены, но я съѣлъ ихъ. Дойдя до Братскаго кладбища, почувствовалъ острую слабость. Легъ отдохнуть, лежалъ съ часъ и насилу поднялся. Шесть верстъ до казармы я съ трудомъ одолѣлъ только къ вечеру. Упалъ на початый штабель дровъ возлѣ казармы и лежалъ четверо сутокъ въ полуобморочномъ состояніи. Днемъ пекла жара, хотѣлось пить, а подать воды было некому. Ѣли оводы. Какъ по падали, по рукамъ и лицу, ползали зеленыя мухи. Истомила, замучила рвота.

На пятыя сутки боли прошли, я немного оправился, но работать не могъ и заявилъ мастеру расчетъ. Одновременно бралъ расчетъ курянинъ Червяковъ. У него на горловскихъ шахтахъ было много знакомыхъ. Сбилъ меня ѣхать туда. Взяли у мастера паспорта и расчетныя квитанціи и отправились въ Севастополь за получкою денегъ. Съ ранняго утра до четырехъ часовъ пополудни насъ протомили на нестерпимой жарѣ. У меня еще болѣла голова. Валялись подъ заборомъ, какъ чурки, въ сору, голодные. Часу въ пятомъ наконецъ смилостивились, выдали заработокъ, кассиръ обсчиталъ на полтинникъ. Мнѣ пришлось четырнадцать рублей съ копейками. Опять купилъ на нихъ ботинки за три тридцать, пиджачокъ, штаны, тройку рубахъ, фуражечку. Пять рублей оставилъ на дорогу.

Переночевавъ на Историческомъ бульварѣ у ночного сторожа, знакомаго Червякова, отправились съ нимъ на станцію, разыскивать багажнаго, другого его знакомаго, такъ какъ сговорились ѣхать безъ билетовъ. Поили его водкой; онъ сказалъ, что надо поднести и кондукторамъ, привелъ ихъ. Въ общемъ, затѣя обошлась дороже билетовъ: помимо угощенія севастопольскимъ кондукторамъ, намъ пришлось платить каждой смѣнѣ, и пяти рублей моихъ съ натяжкою хватило лишь до Синельникова. Дальше ѣхать было не на что. Тогда я пустился на хитрость: сказалъ товарищу, что потерялъ пять рублей. Ему пришлось везти меня на свои деньги.

Работы, какъ и надо было ждать, на рудникахъ не оказалось: безъ дѣла слонялись сотни заправскихъ шахтеровъ, рады были изъ-за куска хлѣба лѣзть въ шахту. Были на ртутномъ: «повремените». Были на разныхъ другихъ заводахъ и шахтахъ: «нѣтъ, не предвидится, своихъ дѣвать некуда, ждите . . .» Такъ мотались не-

дѣлю. Эту недѣлю жили у рабочаго. Уже на третій день рабочій сталъ вклинять въ разговоръ:

— Вотъ бываютъ разные лоботрясы: шландаетъ, будто дѣло ищетъ, а самъ отъ дѣла, какъ чортъ отъ ладана. Только загривки нажираютъ на чужихъ кускахъ.

Понятны и больны были эти клинья, но дѣться было некуда: краснѣлъ, молчалъ.

Въ субботу вечеромъ рабочій пришелъ пьянымъ. Я спалъ въ сѣняхъ. Онъ разбудилъ меня и выгналъ изъ квартиры.

Ощупью, придерживая сумочку, я пошелъ, самъ не зная — куда.

Ив. Вольновъ.

КИРА.

РАЗСКАЗЪ.

I.

Дома.

Для пятилѣтняго Киры нѣтъ ничего скучнѣе обѣда, когда приходится такъ долго сидѣть на одномъ мѣстѣ. Взрослымъ, навѣрное, тоже скучно. Если хорошенько приглядѣться, то прекрасно все видно. Отецъ, напримѣръ, отъ скуки забавляется тѣмъ, что наберетъ полонъ ротъ борща и, прежде чѣмъ его проглотить, пуститъ со свистомъ воздухъ черезъ волосатыя ноздри... Потомъ зашевелитъ ушами.

— Кира опять ничего не ѣстъ! — безпокоится мать.

— А тебѣ что? Это — его дѣло, — говоритъ отецъ, обсасывая усы. — Хочетъ остаться маленькимъ, вотъ и не ѣстъ... Отчего я такой большой? Дай-ка мнѣ еще одну.

Трудно повѣрить, чтобъ отъ котлеты человѣкъ тутъ же и увеличивался. Но какъ знать? И Кира никогда не забываетъ послѣ обѣда помѣряться съ матерью силами... Или вдругъ съ какой-то мыслью, загорѣвшейся въ серьезныхъ глазахъ, начнетъ стремительно набивать ротъ жаренымъ картофелемъ.

— Ну, зачѣмъ же такъ-то? — скажетъ мать, пряча улыбку въ дѣловито нахмуренныхъ бровяхъ. — Вотъ и не прожуешь...

Допивая молоко, мальчикъ лукаво поглядываетъ на мать изъ-за краевъ своего стакана.

— Ну, мама, давай руку...

— Зачѣмъ?

— Да давай же... какая ты!

Сказать прямо: «давай поборемся!» — что-то мѣшаетъ... Кира хочетъ, чтобы мать сама догадалась, и улыбается смущенно, съ нѣкоторой досадой. Но, какъ только начинается борьба, и Кира крѣпко обхватываетъ ноги матери, на его лицѣ уже нѣтъ никакой

улыбки. Кира тогда серьезенъ, строгъ и даже немножко страшенъ. Особенно въ тотъ моментъ, когда мать, стараясь его не задавить, валится на полъ... Потомъ оба искренно хохочутъ. У мальчика смѣхъ звонкій. И въ немъ, кромѣ искренней радости, слышна еще и неуловимая насмѣшка надо всей этой наивной исторіей, а, можетъ быть, и надъ собой.

Послѣ обѣда, такъ ужъ повелось, Кира съ отцомъ укладываются спать. Кто у кого изъ нихъ перенялъ эту привычку — трудно сказать. Очень ужъ много у нихъ общаго — и въ характерѣ, и въ наружности. Оба — небольшого роста, смуглы, крѣпко сколочены и походятъ издали на изсиня-черныхъ жуковъ — отецъ на большого, а Кира на маленькаго... И тотъ, и другой очень вспыльчивы. Какъ порохъ! Черные глаза тогда у обоихъ вспыхиваютъ синими огоньками. Наконецъ оба одинаково храпятъ и часто послѣ сна встаютъ съ лѣвой ноги. И трудно сказать, отъ котораго изъ нихъ больше достается матери... Старуха-нянька, когда Кира выведетъ ее изъ терпѣнія, такъ и говоритъ:

— У, ты! Батюшка родимый... Хрипуновская порода!

Въ кабинетѣ, куда является послѣ борьбы Кира, отецъ уже лежитъ на диванѣ. Рубашка у него разстегнута, и видна волосатая грудь. Вообще отецъ очень волосатъ. Даже пальцы на рукахъ, и тѣ мохнаты. А въ ушахъ и въ носу до того черно, что каждому, кто видитъ его въ первый разъ, начинаетъ казаться, будто въ комнатѣ только что накоптила лампа...

Кира молча перелѣзъ черезъ отца и легъ рядомъ съ нимъ. Но сейчасъ же поднялъ голову и провѣрилъ: такъ ли лежатъ его ноги, какъ у отца? Съ отцомъ у Киры совсѣмъ другія отношенія, чѣмъ съ матерью. Это два очень сдержанныхъ пріятеля. Въ глубинѣ души каждый относится къ другому, можетъ быть, и нѣжно, но со стороны никому этого не видно. Оба даже немножко грубоваты.

— Ну-ка, подвинься... — говоритъ ворчливо Кира.

Задремавшій отецъ молча тычетъ его пальцемъ въ бокъ и сладко зѣваетъ. Потомъ какъ будто некстати спрашиваетъ:

— А ты — пузырь?

— Пузырь... — отвѣчаетъ Кира, только чтобъ отвязаться. Спорить уже неохота. Къ дивану неслышно подходитъ на своихъ мягкихъ ногахъ сонъ, перепутываетъ всѣ мысли и наливаетъ тѣло сладкой тяжестью.

— Чш... чш... — шипитъ въ столовой мать, поднимая палецъ.

И прислушивается къ тому, какъ вдругъ задребезжали хрустальныя подвѣски на люстрѣ. Уснули... Проходитъ полчаса, часъ, еще полчаса. А подвѣски все еще позваниваютъ. Первымъ просыпается Кира. И, замѣтно, не въ духѣ... Это сразу видно. Стоитъ лишь взглянуть на щеки, на крѣпко прижатый къ груди подбородокъ и еще на двѣ маленькія ямочки надъ каждой бровью. Мальчикъ только что видѣлъ сонъ. Извѣстно, что чаще всего видишь во снѣ: придирки! Тѣ самыя придирки, отъ которыхъ и наяву нѣтъ житья. Только и слышишь: «Ты зачѣмъ взялъ? Отдай сейчасъ же! Тебѣ говорятъ?!»

Сонъ свой Кира уже забылъ, но эта возмутительная фраза все еще стоитъ въ ушахъ: «Сейчасъ же отдай!»...

Въ столовую, гдѣ уже давно пьютъ чай, Кира является мрачный. И громче, чѣмъ нужно, стучитъ каблуками. Шнурки на лѣвомъ башмакѣ у него развязались, концы съ желѣзками тащатся по полу, шелестятъ и раздражаютъ... Волосы у него послѣ сна въ пуху, взъерошены. А правая щека все еще въ розовыхъ рубцахъ отъ подушки.

Мать читаетъ книгу и, не отрываясь отъ нея, ищетъ по столу кусокъ своей булки и кусочекъ сахару. Лицо у нея равнодушное, разсѣянное.

«Притворяется! — думаетъ Кира, — а самой такъ и хочется что-нибудь запретить или отнять...» И дергаетъ къ себѣ сахарницу.

Положилъ въ стаканъ два куска сахару. Подумалъ и положилъ третій кусокъ. Еще подумалъ и положилъ четвертый... Опуститъ кусокъ и самъ взглянетъ на мать сбоку, вызывающе. Ахъ, какъ было бы хорошо, если бъ она сейчасъ крикнула, — обидѣла бы!...

Но мать только съ удивленіемъ и долго посмотрѣла на него поверхъ очковъ. Когда она смотритъ такъ, нагнувъ голову, то у нея надъ затылкомъ, сзади, показывается туго закрученный жгутикъ, шишечка.

— Это ты зачѣмъ же положилъ столько? Дай мнѣ сюда стаканъ!

«Ага!..» — подумалъ Кира, злобно косясь на шишечку, но не двинулъ ни однимъ пальцемъ.

— Дай мнѣ сюда стаканъ! Кира?!

Мать выпрямилась и съ трескомъ захлопнула книжку.

— Тебѣ говорю или нѣтъ?!

«Вотъ оно!» — пронеслось въ черной, взъерошенной головѣ. И Кира быстро скатился со своего стула на полъ. Но тутъ же

раздумалъ и торопливо, сопя, пригнувъ къ груди подбородокъ, выбѣжалъ изъ столовой.

Лицо у матери сморщилось отъ досады, усталости и раздраженія. Но стараясь совладать со своимъ раздраженіемъ, она сказала уставшимъ голосомъ:

— Кирикъ! Вѣдь я же только сказала тебѣ... Ну, куда ты побѣжалъ?

А Кирикъ шелъ по коридору и плакалъ. Плакалъ онъ хотя и громко, но вяло, безъ горечи и безъ всякаго удовольствія. И по тому, какъ онъ тянулъ, можно было догадаться, что мальчикъ все время ищетъ умомъ въ только что происшедшемъ такое, отъ чего бы сами собой полились обильныя, жгучія, остро-пріятныя слезы. Да, должно быть, ничего не подыскивалось.

— Кирикъ! Ахъ, Боже мой!.. Вѣдь я только спросила тебя!

Но Кирикъ все тянулъ, завывая полунасильно, съ досадой, что ничего не вспоминается. И, если ужъ говорить правду, ждалъ съ тайной надеждой, что мать не выдержитъ-таки, съ трескомъ оттолкнетъ стулъ, прибѣжитъ, дернетъ за руку...

Въ дѣтской Кира пнулъ подъ брюхо рыженькаго котенка, который хотѣлъ было потереться около его ноги. Котенокъ, перевернувшись въ воздухѣ, упалъ прямо на лапки и неодобрительно потрясъ головой.

Кира пересталъ плакать и, злой, смотрѣлъ, что будетъ дальше. Не подойдетъ ли котенокъ еще разъ?.. Но котенокъ пошелъ въ другую сторону, нюхая отъ скуки бумажки на полу. Понюхалъ одну и вдругъ, весь изогнувшись колесомъ, осторожно потрогалъ ее лапкой, какъ живую.

Кира нерѣшительно засмѣялся. А когда котенокъ, неожиданно поднявшись на заднія лапки, граціозно прыгнулъ на зашуршавшую бумажку и отъ страха удралъ въ уголъ, — мальчикъ громко захохоталъ и, все позабывъ, оживился.

Правда, на рѣсницахъ у него еще сверкаютъ слезинки, но онѣ уже другія, — онѣ тоже оживились.

Мать, которая какъ-то очутилась тутъ, сейчасъ же воспользовалась случаемъ:

— Давай-ка соберемъ слёзки въ карманъ или въ вазочку.

Теперь два недавнихъ врага, Кирикъ и мама, сидятъ въ дѣтской на кушеткѣ. Слышно, какъ мальчикъ говоритъ веселоудивленно:

— Смотри! Мужикъ вышелъ, а я выстригалъ дерево...

— Ну такъ что же? — возражаетъ мать. — Изъ этого му-

жика еще можно сдѣлать хорошее дерево. Дай-ка сюда ножницы-то. Ты руки-то ему не обрѣзай, только голову срѣжь, да бока вотъ такъ, вотъ такъ... Видишь?

Слышно, какъ въ кабинетѣ упалъ стулъ, и кто-то съ ожесточеніемъ плюнулъ. Это встаетъ отецъ... Вотъ онъ идетъ по коридору въ кухню умываться. По тому, съ какимъ шипѣніемъ шлепаютъ по полу туфли, какъ влетаетъ въ дѣтскую замшевый зайчикъ, попавшій подъ ногу, какъ гремитъ въ кухнѣ умывальникъ, не трудно догадаться, что и большой Хрипуновъ всталъ тоже съ лѣвой ноги.

Мать отводитъ близорукіе глаза отъ вырѣзаннаго мухомора, разгибаетъ спину и прислушивается съ тревогой. Прислушивается и старая нянька.

Всѣмъ кажется, что вотъ-вотъ Михайла Өедорычъ сейчасъ явится изъ кухни и стукнетъ по столу кулакомъ: «Я вамъ тысячу разъ говорилъ! Ты-ся-чу рразъ!»... И начнетъ ходить изъ угла въ уголъ, задѣвая сапогами за стулья.

Кира не трусъ, но и онъ въ такихъ случаяхъ притихаетъ. Молча слѣдитъ за отцомъ, а лѣвая бровь у него вздрагиваетъ и тревожно поднимается. На кого ни посмотри, — у всѣхъ подавленныя лица. Даже рюмки и стаканчики въ буфетѣ, и тѣ какъ-то по особенному позвякиваютъ. По особенному скрипятъ половицы. Поневолѣ притихнешь.

На-дняхъ Михайла Өедорычъ до того разшумѣлся, что Кира вдругъ поблѣднѣлъ и, точь въ точь какъ отецъ, стукнулъ кулакомъ по табуреткѣ:

— Не кричи, дуракъ!

И весь задрожалъ, затрясся.... А черно-синіе глаза по-отцовски вспыхнули ненавистью и вызовомъ. Мать даже сѣла отъ неожиданности

— Ну, Кирка! — смѣялся отецъ послѣ. — Я, кажется, чортъ, а ты будешь еще чище...

И смущенно хохоталъ, поддерживая животъ обѣими руками.

— Ей Богу! Вотъ еще зелье сибирское!..

Кира же долго еще вздрагивалъ и сверкалъ на отца сквозь горячія слезы своими черными глазами.

Сегодня, повидимому, все кончится благополучно. Мѣдный умывальникъ все еще гремитъ въ кухнѣ. Однако всѣмъ уже ясно, что настроеніе отца мѣняется. Очень ужъ холодна вода въ умывальникѣ, — какъ ледъ. Обливая крѣпкую стриженую голову, Михайла Өедорычъ крякалъ сначала сердито, а потомъ все больше и больше входя во вкусъ, пока наконецъ неожиданно не захо-

хоталъ... Послѣ умыванья онъ прибѣжалъ мелкими шажками, наклонившись, чтобы съ бороды не накапало за пазуху. И съ такимъ ожесточенiемъ теръ свою короткую шею, что она стала багровой.

II.

Въ гостяхъ.

Былъ дождь, но прошелъ. А канавы все еще шумятъ. Въ посвѣжѣвшей, омытой синевѣ неба — разорванныя, просвѣчивающiя сиреневыя облачка. Всѣ они стремительно несутся въ одну сторону.

Кира съ отцомъ и матерью идетъ въ гости на именины.

Послѣ дождя на асфальтовыхъ панеляхъ въ каждой ямкѣ чернѣетъ соблазнительная лужа. Едва съ ней поровняешься — и потянетъ тебя прыгнуть въ нее. Въ самую средину... Но этого никто не дѣлаетъ. Каждый косится и торопливо обходитъ, притворяясь равнодушнымъ. Только одинъ Кира не хочетъ притворяться. Поэтому мать и недовольна имъ, и придирается всю дорогу.

— Это — наказанiе Господне, а не ребенокъ! Ну, куда ты опять?

Часто она ставитъ ему въ примѣръ какого-нибудь робкаго мальчика, который все время держится за нянькину руку и ни на шагъ не отходитъ, а отойдетъ — сейчасъ же оглянется: тутъ ли? У Киры такого благоразумiя ничѣмъ нельзя вызвать, — ни примѣрами, ни наставленiями. Въ своихъ увлеченiяхъ, онъ никогда не оглядывается. Едва мать заговоритъ съ кѣмъ-нибудь, какъ онъ оказывается уже на другой сторонѣ улицы.

— Кира! Кира!

Михайла Өедорычъ не вмѣшивается. Ему — некогда. У каждаго дома онъ останавливается и кричитъ:

— А-а, душа моя!.. Семенъ Ильичъ!

Здороваясь, онъ такъ высоко поднимаетъ свою волосатую руку, будто хочетъ ударить Семена Ильича. «Душа моя!» И такъ шумно возмущается или хохочетъ, что прохожiе по нѣскольку разъ оглядываются, налетая на тумбы.

На именины немножко опоздали. Въ тѣсной передней уже раскидано по всему полу множество маленькихъ калошъ. Кто-то отворилъ дверь въ дѣтскую, — и оттуда вырвался топотъ и дружный смѣхъ.

Кира съ большимъ нетерпѣнiемъ ждалъ, пока мать попра-

вляла на немъ штанишки. И что ихъ поправлять? А она еще шопотомъ спрашиваетъ о разныхъ глупостяхъ.

— Да нѣтъ же, не хочу! — отвѣчаетъ онъ съ досадой . . . — Какая ты!

Прибѣжалъ раскраснѣвшійся именинникъ, Стива, тоненькій, голубоглазый мальчикъ съ длинными, до плечъ, свѣтлыми волосами. Не спуская съ Киры блестящихъ глазъ, онъ, будто невзначай, повернулся спиной. А за спиной у него висѣло новенькое ружье . . .

— А-а! — крикнулъ Кира, — душа моя!

И, не здороваясь, прямо взялся за ружье. Стива потянулъ было нерѣшительно къ себѣ.

— Это мнѣ подарили . . . — сказалъ онъ съ тревожнымъ недоумѣніемъ, но . . . ружья не удержалъ.

Такъ, съ чужимъ ружьемъ, Кира и отправился въ комнаты. Именинникъ въ бѣломъ костюмѣ и бѣлыхъ башмакахъ шелъ слѣдомъ за нимъ. Шелъ, уже не подпрыгивая то на той, то на другой ногѣ, а медленно, съ выраженіемъ растерянности въ большихъ синихъ глазахъ.

А Кира прицѣливался . . . Одинъ старичокъ, притворяясь испуганнымъ, вдругъ отскочилъ къ стѣнкѣ и замахалъ руками. Но Кира даже и не улыбнулся: ужъ очень было замѣтно притворство . . . Мужчины вообще не умѣютъ играть. Вотъ и отецъ тоже. Когда начнешь съ нимъ бороться, то сразу чувствуешь, что онъ тебя сильнѣй. Или ясно понимаешь, что онъ тебѣ поддается. Это ужъ не игра!

У стола съ игрушками Кира задержался. Деревянные кузнецы, барабанъ, волчокъ, кошка съ неподвижными желтыми глазами, а наверху — золотая пушка съ золотымъ ремнемъ . . . Не долго думая, Кира бросилъ ружье, дотянулся на цыпочкахъ до пушки и перекинулъ ее черезъ плечо.

Большая, свѣтлая дѣтская полна гостей, — все Стивины одногодки. Всѣ они сидятъ верхомъ на вѣнскихъ стульяхъ въ картузахъ и раскачиваются. По тому, съ какимъ напряженіемъ они сидятъ, и, главное, по выраженію лицъ совершенно ясно, что всѣ они скачутъ верхомъ на горячихъ коняхъ, которыхъ очень трудно сдерживать. И картузы не оставляютъ въ этомъ уже никакого сомнѣнія. Ѣдутъ они по широкому полю, почему и приходится такъ громко кричать: вѣтеръ относитъ голоса въ сторону. У каждаго за спиной по палкѣ. Извѣстно, какія это палки . . .

Кира, быстро сообразивъ въ чемъ дѣло, сбѣгалъ за шапкой и тоже сѣлъ верхомъ. И сейчасъ же закачался, зачмокалъ . . .

Почти всѣхъ гостей онъ видѣлъ въ первый разъ, не сказалъ съ ними ни одного слова и все же сразу попалъ на общую дорогу, на ту самую, съ которой всѣмъ видно одно и то же. Для этого онъ просто сѣлъ на свой стулъ и помчался...

— Тпру-у!.. — пронзительно закричалъ передній и, вытянувъ шею, прищурился.

— Во-онъ волкъ!

— Нѣтъ! — такъ же громко крикнулъ Кира. — Это... это челов-ѣчекъ...

Всѣ, приподнявшись на стременахъ, тоже вытянули шеи.

— Гдѣ?

— А во-онъ вышелъ изъ лѣса.

— Убить его? — спросилъ кто-то тоненькимъ голоскомъ, но такъ рѣзко, что проходившая мимо хозяйка вздрогнула.

— Убить! — приказалъ Кира и, втянувъ голову, торопливо снялъ съ плеча золотую пушку.

И всѣ, бросивъ раскачиваться, нацѣлились своими деревянными палками.

— Пу! пу... пу!

— Это еще что за новость! — ужаснулась хозяйка. — Кого вы убиваете? А?!

Но убійцы, ничего не слыша, вдругъ поскакали къ лѣсу со страшнымъ стукомъ...

Тутъ же скакалъ и Стива. Онъ былъ въ восторгѣ, на всѣхъ оглядывался, улыбаясь и встряхивая своими свѣтлыми, пушистыми волосами. Видно было, что самое главное для него тутъ — не человѣчекъ, не погоня, а все! Конечно, можно убить и человѣчка. Почему его не убить? Но это между прочимъ. И если щеки Стивы и разгорѣлись, то не только отъ сильныхъ ощущеній, но еще и отъ вѣтра, и отъ верховой ѣзды, и отъ очаровательной свободы, — все одинаково хорошо!

Кира скакалъ съежившись, весь захваченный своей мыслью. Одно было только досадно, что шапка попалась чья-то чужая, огромная и все время наплывала на глаза.

Въ игрѣ не принимаютъ участія только двое: дѣвочка съ маленькой, гладко причесанной головой и большими, очень блѣдными ушами да гимназистъ Ваня Емельяновъ. Ему уже девять лѣтъ... Дѣвочка все время сидитъ за столомъ, согнувъ колесомъ узенькую спину и приподнявъ подбородокъ. На вискахъ у нея сквозь блѣдную кожу просвѣчиваютъ синія жилки, а большіе водянистые глаза кротки. Когда дѣвочка поглядываетъ на взрослыхъ, то кромѣ кротости въ ея глазахъ появляется еще и радост-

ная увѣренность, что кротость эту всѣ замѣчаютъ... Особенно, если какой-нибудь увлекающійся ровесникъ полетитъ со стула. Глаза дѣвочки тогда начинаютъ быстро бѣгать по взрослымъ.

Гимназистъ тоже изрѣдка взглядываетъ на взрослыхъ, но это совсѣмъ другое. Просто, большой девятилѣтній человѣкъ конфузится своихъ новыхъ друзей. Какъ только Кира что-нибудь скажетъ, гимназистъ одернетъ свою курточку и, оглянувшись на большихъ, снисходительно улыбнется... Но стоитъ ему самому надѣть черезъ плечо деревянную шпагу и проскакать верхомъ хотя бы до порога, какъ вмѣсто снисходительной улыбки на его лицѣ появляется такое же свирѣпое выраженіе, какъ и у Киры...

Съ одинаковымъ увлеченіемъ играютъ и въ кошку съ мышкой, и въ кучеровъ, и въ желѣзную дорогу. Только дѣвочка съ большими, блѣдными ушами остается попрежнему равнодушной. Изъ-за стола она, правда, вышла, даже изрѣдка подходитъ къ шумной компаніи, но часто бѣгаетъ къ матери и что-то шепчетъ ей на ухо. А та гладитъ ее по головѣ, толстая, неподвижная...

Кира чувствуетъ себя прекрасно, — лучше всѣхъ. Его вліяніе замѣтно въ каждой игрѣ, хотя онъ и всѣхъ младше. Если играютъ въ кучеровъ, то и кнутикъ, и вожжи оказываются у Киры. Онъ ухаетъ и распоряжается. А всѣ остальные скромно сидятъ купцами...

— Нельзя, нельзя! — сердито кричитъ Кира на какого-нибудь пассажира, который не во-время вылѣзъ, — тпру-у!

И сошедшій покорно садится на свое мѣсто.

— Видишь: лѣсъ! Еще... еще волки съѣдятъ. И-эхъ ты ну!

И такъ въ каждой игрѣ. Вотъ садятся кружкомъ возлѣ паровозика и пускаютъ его по рельсамъ. Пускаютъ долго, съ увлеченіемъ и всѣ вмѣстѣ. Но это только сначала. А потомъ выходитъ какъ-то такъ, что и паровозикъ, и рельсы оказываются въ распоряженіи одного Киры. Рельсы онъ кладетъ между ногъ и, на всякій случай, широко раздвигаетъ локти... Не успѣетъ паровозикъ остановиться, какъ Кира уже протягиваетъ къ нему свою маленькую, крѣпкую руку. Если же кто-нибудь схватитъ паровозикъ раньше, Кира сейчасъ же говоритъ:

— Дай-ка сюда...

И говоритъ это такъ просто и твердо, что ни у кого и мысли не является противорѣчить.

— Ахъ, ты, разбойникъ! — смѣются взрослые, оглядываясь на Киру и подолгу задерживая на немъ глаза, одни съ ласковымъ удивленіемъ, другіе съ плохо скрытой непріязнью.

— Ну и разбойникъ!..

Чья-то широкая, враждебная ладонь попыталась было пригладить черные вихры, но вихры сейчасъ же опять поднялись...

— Это — вашъ?

— Мой! — смѣется мать неувѣренно.

Говоря о Кирѣ, она никогда не можетъ найти одного опредѣленнаго тона, невольно уступая блеску глазъ, устремленныхъ на нея мальчика...

Со всѣхъ сторонъ Киру окружаетъ дѣтская толпа. Тутъ же и Стива. Онъ не спускаетъ глазъ съ бѣднаго паровозика... Самъ онъ не сломалъ ни одной своей игрушки. Когда видишь, какъ онъ касается ихъ своими розовыми съ ладони пальчиками, то начинаетъ казаться, что игрушки — живыя существа, что имъ можетъ быть и больно, и пріятно.

— Будетъ!.. — нерѣшительно проситъ онъ Киру, — сломаешь! Отпусти его: онъ побѣжитъ...

Но Кира заводитъ да заводитъ. Да не только руками, но и бровями и даже языкомъ. Языкъ то выглянетъ наружу, то крѣпко упрется въ щеку... Въ этомъ обращеніи есть что-то такое, отъ чего паровозъ, если бы онъ чувствовалъ, долженъ бы обидѣться... Не то оно въ бровяхъ, не то въ языкѣ, не то просто въ томъ, какъ хватаютъ игрушку цѣпкія руки, хватаютъ и повертываютъ.

«Вотъ взять бы, — думаетъ Стива, — прямо взять бы и не отдавать... Какой еще! Прямо отнять бы...»

Но не отнимаетъ, а только смотритъ и мучится. Вдругъ паровозикъ у Киры крякаетъ, потомъ начинаетъ шипѣть, словно испускаетъ духъ... И ужъ послѣ этого, какъ его ни ставятъ на рельсы, какъ ни подталкиваютъ сзади пальцемъ, паровозикъ стоитъ словно мертвый.

— Вотъ!.. — только и можетъ сказать Стива упавшимъ голосомъ.

И глаза его наполняются слезами. Кроткая дѣвочка вытягиваетъ свою тонкую шею и впервые за весь вечеръ оживляется. Подбѣжавъ къ матери, она радостно шепчетъ ей на ухо:

— Черный-то мальчишка паровозикъ изломалъ... совсѣмъ!

И даже большія, блѣдныя уши ея оживаютъ и становятся розовыми.

Почти слѣдомъ за паровозикомъ такое же недоразумѣніе выходитъ и съ пушкой. Несчастія всегда приходятъ полосой... Кому же хоть разъ въ жизни не казалось, что вещи порой явно къ нему враждебны? Стоило Кирѣ, какъ слѣдуетъ, выпалить изъ пушки, какъ и въ ней что-то лопнуло... Послѣ этого она уже не стрѣляетъ, а только фыркаетъ.

Бѣдный Стива не можетъ оторвать глазъ отъ этихъ маленькихъ смуглыхъ, цѣпкихъ рукъ, въ которыхъ все ломается и крякаетъ. Есть въ нихъ что-то обидное не только для однѣхъ игрушекъ... Все время мѣняется выраженіе его большихъ красивыхъ глазъ. Наконецъ, не выдержавъ, онъ убѣгаетъ за дверь и горько тамъ плачетъ. Не такъ ему жалко игрушекъ, какъ горько и... и досадно: вѣдь онъ же старше Кирки и сильнѣй его! А тутъ еще эти глупыя слезы!.. Разнюнился... бѣдняжечка!.. И онъ щипалъ себя за щеку, зажималъ ротъ рукою, только бы задержать вырывающійся крикъ. Худенькія плечи его и грудь высоко и часто поднимались.

Кто-то прошумѣлъ юбкой и остановился.

— Стива! Родной мой!.. тебя обидѣли? Кто? Кира?

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!.. — торопливо говоритъ Стива сдавленнымъ голосомъ. — Никто не обидѣлъ, никто!..

А слезы такъ и капаютъ на пышный, бѣлый галстукъ.

— Оставьте меня! Я ничего... я самъ...

И отстранялъ голову отъ протянутой руки. Еще недоставало этой унизительной жалости! Сейчасъ сбѣгутся...

— Оставьте меня! Уходите...

Эта жалость большихъ людей почти всегда оскорбительна. Жалѣютъ, а сами поглядываютъ на обидчика съ нескрываемымъ восхищеніемъ... особенно, если онъ младше...

А рядомъ въ прихожей одѣвали Киру. Одѣвали его мать и еще двѣ женщины, потому что Кира ни за что не хотѣлъ уходить домой.

Когда дверь за Кирой захлопнулась, и крикъ сразу оборвался, въ комнатахъ еще нѣкоторое время раздавался басъ его отца. Большіе весь вечеръ играли отдѣльно, своимъ кружкомъ, около большого стола съ бутылками.

— Это вы, батенька, ерунду сморозили! — гудѣлъ Михайла Ѳедорычъ.

— Но позвольте... — пытался ему возражать нерѣшительный и озлобленный голосъ, — но позвольте...

— Ерунда, душа моя, ерунда! Чего тамъ... До свиданія!

А. Замираловъ.

НОЧНОЙ БОЙ. *

Клёкотъ суровый: трещатъ пулеметы,
Въ воздухѣ рѣетъ горячій свинецъ.
Бросили въ небо пурпурный вѣнецъ
Ракетъ, озаряющихъ взлеты, —
Взвились и въ небѣ угрюмомъ застыли,
Какъ будто созвѣздія новыя всплыли.
Снаряды надъ полемъ слѣды провели
Огнистыя нити съ валовъ на валы.
Несутся солдаты какъ черныя тѣни
И мечутся странно среди загражденій.
Вскипаютъ разрывы шрапнелей,
Въ пространствахъ небесныхъ огни расцвѣли,
И сотни осколковъ о смерти запѣли
Въ просторахъ несчастной земли.
А люди текутъ и текутъ окровавленной лавой,
Какъ звѣрь безсердечный, безглавый...
Ракеты на небѣ полночномъ застыли,
Какъ будто созвѣздья кровавыя всплыли.

М. Герасимовъ.

---

* *Авторъ этихъ стихотвореній — рабочій, эмигрантъ, рядовой французской арміи.*

АРГОНА.

Аргона, бѣдная Аргона!
Твои изрублены лѣса,
Гдѣ волны благостнаго звона
Вздымались мощно въ небеса.
Листвой осенней, пепломъ снѣжнымъ
Покрыта грустно вся страна,
И день, и ночь звучитъ мятежно
Глухое оханье гранатъ.
Березы стройныя Аргоны
Печальны въ снѣговой пыли,
И у корней ихъ анемоны
Пролитой крови расцвѣли.
А ночью, на фортахъ Вердена,
Прожектора лучистый мечъ
Сверкаетъ грозно и надменно,
Какъ бы готовясь міръ разсѣчь.
Снарядовъ огненные взвивы
Гудятъ, какъ эхо дальнихъ грозъ,
И мечутъ въ синихъ даляхъ гривы
Багряно-золотыхъ волосъ.
Холмы въ снѣгу — какъ въ горностаѣ,
За ними — красная луна,
Изъ крови молодой литая,
Какъ смерть безмолвна и жадна.

М. Герасимовъ.

ШАМПАНЬ.

Шампань, я не могу безъ боли
Взглянуть на пышные сады,
Гдѣ спятъ теперь, на взрытомъ полѣ,
Солдатъ недвижные ряды.
Всѣ виноградники Шампани
Гигантской срѣзаны косой,
Растоптаны въ кровавой брани,
Омыты красною росой.
Я слышу, какъ побѣдно пули
Напѣвы жуткіе поютъ
Живымъ, которые уснули,
Средь мертвецовъ найдя пріютъ.
Но все пройдетъ... Быть можетъ, скоро
Вновь зацвѣтутъ холмы, лѣса,
И башни Реймскаго собора
Вонзятся снова въ небеса.
Какъ призракъ, сумрачный и странный,
Храмъ снова тяжко броситъ тѣнь
На незалѣченныя раны
Разбитыхъ селъ и деревень.

М. Герасимовъ.

ВЕСНА.

Весна, весна — и вновь вербена
Въ поляхъ безснѣжныхъ расцвѣла,
И все, что призрачно и бренно,
Пріяла вешняя земля.

Помолодѣли рясы пиній
Надъ мраморомъ могильныхъ плитъ,
И бирюзой лучисто-синей
Міръ воскресающій обвитъ.

Цвѣтами розоватый клеверъ
Иконы окропилъ полей,
Надъ ними на далекій сѣверъ
Летятъ станицы журавлей.

Душистой кровью анемоны
Облили пышные сады,
И нѣжно льются перезвоны
Ивъ, преклоненныхъ у воды.

И я склоняюсь на колѣни
У плащаницы черныхъ розъ.
Душа вскрылитъ въ нѣмомъ моленьи
Подъ свѣтлый пламень звѣздныхъ слезъ.

М. Герасимовъ.

* * *

Я вижу пламенныя ризы,
Въ нихъ дымный городъ облаченъ,
Онъ молніями сквозь пронизанъ,
Закованъ въ орудійный звонъ.

Летятъ, какъ демоны, гранаты,
Весь городъ ими окрыленъ,
Ихъ пляской зданія объяты,
Скрипучій испускаютъ стонъ

Зіяютъ жутко въ крышахъ раны
И ребра сломанныхъ стропилъ;
Дома — какъ будто великаны,
На землю павшіе безъ силъ.

Горитъ и таетъ городъ мертвый,
Пустыни улицъ — безъ людей,
Лишь сотни труповъ распростерты
На плитахъ красныхъ площадей.

Бушуютъ огненныя волны,
Вздымаясь въ ропотъ глухомъ
На черный остовъ колокольни
Съ поникшимъ гальскимъ пѣтухомъ.

М. Герасимовъ.

Парижъ.
31/VII 1915.

ПРИКЛЮЧЕНІЕ.

МАРТИНЕСЪ СЬЕРРА.

Прелюдія.

Крути веретено свое, паукъ, — вѣдь солнце, вѣдь лѣто! Нити бѣлаго шелка, нити свѣта, свивайте мотки свои на кустахъ! Журчи свою пѣсню, источникъ холодный, журчи свою пѣснь,—вѣдь воздухъ пылаетъ, вѣдь земля горитъ, вѣдь лѣто! Звени хрусталемъ своимъ, ты, ручеекъ, что бѣжишь, что журчишь, что спѣшишь по зеленому лугу подъ лазурнымъ небомъ, — вѣдь лѣто! Разсыпь свои трели, соловей, — вѣдь лѣто! Забудь ночь, забудь луну, оставь сладкую, томную пѣснь, — будь жаворонкомъ, будь жаворонкомъ! А ты, жаворонокъ, заводи громче свою пѣсню надъ золотыми хлѣбами, надъ маками, надъ красными кончиками созрѣвающихъ тутовыхъ ягодъ! Поетъ ли рѣка? Пусть поетъ рѣка, пусть поютъ надъ рѣкой камыши, пусть поютъ за камышами тополи, а за ними ясени, что взбѣжали на пригорокъ, а дальше за ними — сосны, черныя сосны, голубыя сосны, фіолетовыя сосны, пусть поютъ своимъ голосомъ, глубокимъ, таинственнымъ и ласковымъ, — пусть поютъ! И маисовыя поля съ тихимъ непрестаннымъ шопотомъ пусть колышутъ бѣлые серебряные султаны, а серебристые тополи — серебро своихъ листьевъ, а осокори металлическимъ голосомъ разсказываютъ о своемъ восторгѣ, и пусть кричатъ перепела на жнивьѣ, пусть поютъ стрекозы въ дорожной пыли, и кузнечики — въ колосьяхъ! Потому что лѣто, потому что свѣтъ благостенъ, и жара щедра, и золото солнца — словно вино радости! Лѣто — бушуетъ кровь, и трепещетъ тѣло, и душѣ хочется пѣть и цѣловать румяныя уста. О свѣжая вода, ласкающая бѣлое тѣло, голыя ножки въ ручьяхъ, янтарь и розы юныхъ тѣлъ въ рѣкѣ, — и плескъ нетерпѣливыхъ рукъ, и взлеты пѣны, сверкающей на солнцѣ, и сумасшедшій смѣхъ, и битвы въ водѣ, и бисеръ безсвязныхъ словъ! О мягкій воздухъ на влажныхъ лбахъ, мокрыхъ волосахъ, на рукахъ, чуть поблѣднѣвшихъ послѣ купанья! А сладкая и волшебная дремота сіесты! Бѣлая веранда, камышевыя кресла, красная герань у рѣшетки; тихо колышется парусиновая занавѣска, и полузакрытые глаза

слѣдятъ за лучомъ свѣта, въ которомъ пляшетъ золотая пыль... А въ золотой пыли — ткань нашихъ грезъ? нѣтъ, нѣтъ! — веселая ткань истинныхъ былей, чудесной жизни, радостной любви, алыхъ губокъ и смѣха, звенящаго въ жизни! Лѣто, — пчелы жужжатъ и трудятся, подсолнечники киваютъ головками, розмарины покрылись голубыми цвѣтами, лавры колышутъ на горячемъ вѣтрѣ кораллы и снѣгъ своихъ вѣтокъ. Пахнетъ грозой, пахнетъ землей и глиной. Падаютъ ливни на виноградники, и съ шумомъ прыгаетъ вода по мохнатымъ листьямъ смоковницъ! А потомъ снова выходитъ солнце, садъ смѣется, обмытый и свѣжій, и смѣются дѣти, что попрятались на верандахъ, и выбѣгаютъ на дорожки подбирать упавшіе плоды. Пришло лѣто, пора золота, свѣта, пурпура, гвоздики и нарда и сентифольныхъ розъ. Крути веретено свое, паукъ! Разсыпай свои трели, жаворонокъ! Ручей, ключъ, рѣка, вода бѣгучая, пойте всѣ, пойте всѣ свои пѣсни!

Отрывки изъ писемъ.

Да, другъ, приключеніе! Земля Астуріи, моя родина, хранила для возвращенія своего блуднаго сына, подъ тѣнью своихъ каштановъ, на муравѣ своихъ луговъ, въ говорливой влагѣ одной изъ своихъ рѣкъ, средь тростниковъ и папоротниковъ, не болѣе, не менѣе, какъ настоящую эклогу. Эклогу свѣжѣе эклогъ Гарсиласо, съ любовной битвой, съ вишневыми устами, съ черными кудрями, разсыпавшимися по бѣлымъ плечамъ, съ рѣзвыми ножками Аталанты. Просыпается Панъ! Кельтическая тѣнь позлащается на мгновеніе солнцемъ Греціи. Возьми же свирѣль, поэтъ, и воспой стихами, пахнущими поцѣлуями, пчелинымъ медомъ и молокомъ бѣлыхъ миѳологическихъ козъ, подвигъ, о которомъ я сейчасъ разскажу тебѣ! Онъ стоитъ того...

Начнемъ исторію съ начала. Ты знаешь, что, безъ малаго недѣлю тому назадъ, тревожное письмо отца вырвало меня изъ нашего любимаго Мадрида. «Отчего ты не ѣдешь? Я очень старъ и боленъ. Мать твоя только и дѣлаетъ, что тоскуетъ по тебѣ. Домъ пріунылъ, потому что ты забылъ его. Три года ты не пріѣзжалъ, а я не хочу умереть, не повидавъ тебя». — Я пріѣхалъ. Отецъ вовсе не такъ дряхлъ, какъ ему нравится утверждать. Болѣзни — ни признака! Деревенскій воздухъ точно выдубилъ его, и старость его похожа на сморщенное яблоко, сохранившее сочность подъ съежившейся кожицей. Я засталъ его въ саду, подъ тѣнью каштана, среди еретическихъ газетъ, составляющихъ вѣчное отчаяніе моей матери, закоренѣлой церковницы. Пріѣхалъ я подъ вечеръ. Мы пообѣдали подъ вѣтвями орѣшниковъ, подъ аккомпанементъ чудеснѣйшаго заката, подъ музыку листьевъ и оглушительный пискъ птицъ, копошившихся въ вѣтвяхъ. Когда сложили салфетки, насталъ часъ ежедневной молитвы, мать про-

читала ее съ прислугой, горничными, конюхами и работниками; въ почтительномъ молчаніи я присоединился къ молитвѣ; отецъ развернулъ «Бунтъ» и углубился въ самое внимательное чтеніе. Мать, поглядывая на него, тяжко вздыхала, доходя до каждой десятой четки. Настала ночь, безъ луны, но звѣзды блистали взапуски. Надо тебѣ сказать, что въ домѣ у насъ большая веранда, занавѣсью для которой служитъ раскидистая зелень геліотропа. Мы сидѣли, не скажу, въ его тѣни, потому что была ночь и не въ его прохладѣ, потому что ночь была душная. Итакъ, мы сидѣли на верандѣ, — родители и сынъ. Сынъ, — справедливость требуетъ признать, — въ довольно меланхоличномъ настроеніи: расшитый звѣздами мракъ вызывалъ передо мною сверканіе культурнаго электрическаго свѣта; ванильный запахъ геліотропа — ароматы газа, шелковъ и тонкихъ женскихъ духовъ; торжественная музыка вѣтвей заставляла меня вспоминать другіе мотивы, пожалуй, менѣе стройные. Но, Боже мой! Ты знаешь, я обожаю лѣто въ Мадридѣ, а въ это лѣто нашъ Мадридъ имѣлъ для меня особое очарованіе. Вслѣдствіе всего этого, идиллическій міръ природы, вмѣсто того, чтобы пролить въ душу мою нектары умиротворенія, которые такъ расточительно приписываете ей вы, поэты, вызывалъ во мнѣ какое-то досадливое возбужденіе, какое-то нетерпѣніе, стремленіе бѣжать, сѣсть на поѣздъ, смѣнить эти пышныя и росистыя вѣтви на пыльныя и чахлыя вѣтки городского парка, гдѣ въ этотъ часъ...

— Ты что-то очень задумчивъ! — сказала мать.

Голосъ прорѣзалъ безмолвіе съ такой необычайной звучностью, что всѣ мои фантазіи сразу оборвались и исчезли.

— Ты не радъ, что вернулся въ родной уголокъ?

— Нѣтъ, нѣтъ, онъ прелестенъ.

— Но Мадридъ... — прошептала мать.

— Но Мадридъ... — подчеркнулъ лукаво отецъ. — Сколько тебѣ лѣтъ? — продолжалъ онъ.

— Тридцать, — вздохнулъ я съ искренней печалью.

— Тридцать, — повторила мать, — не можетъ быть! Столько же, сколько было твоему отцу, когда мы женились.

— Вѣрно! Мнѣ было тридцать лѣтъ, когда я женился.

Сердце мое сдѣлало предостерегающій скачокъ: разговоръ вступалъ на опасную почву.

Да такъ и продолжался. Основываясь на печальномъ аргументѣ тридцатилѣтія, отецъ и мать возымѣли намѣреніе доказать мнѣ, со всей своей мѣстно-астурійской діалектикой, что я пришелъ уже въ возрастъ разсудка, что мнѣ должны были надоѣсть безумства, что отецъ мой старъ, что все мое состояніе заключается въ этомъ помѣстьѣ, и если я хочу сохранить его, я долженъ о немъ заботиться, что земля, неумолимая земля, зоветъ меня, и я долженъ взять въ свои руки наше ужасное сельское хозяйство и же-

ниться. Если бъ ты слышалъ, какъ захохотали всѣ орѣшники въ рощѣ!

— Смотри-ка, какой вдругъ поднялся свѣжій вѣтеръ! — сказала мать.

— Жениться, да! . . . Путемъ искуснѣйшихъ оборотовъ и обходовъ, отецъ далъ мнѣ понять, что есть уже и кандидатка на мою руку: зовутъ ее Марсела, она совсѣмъ молоденькая, рано лишилась матери, а ея сеньоръ папаша считаетъ золото гарнцами и припасъ для нея великолѣпнѣйшій сахарный заводъ, устроенный въ старомъ дворцѣ, въ полумилѣ отъ нашего дома.

— Поистинѣ, не дѣвушка, а кладъ, — сказала мать.

— Чудесная дѣвушка, — пробормоталъ отецъ и съ грѣховнымъ смакованіемъ прибавилъ нѣсколько зажигательныхъ деталей.

— И чистая, чище воды!

— Прямая, какъ сосна . . .

Боже мой, почему, вмѣсто того, чтобы возвеселить меня, всякая новая прелесть невѣсты, преподносимая добрыми стариками, вызывала во мнѣ дьявольскую злость?! Я прекрасно знаю эстетическіе вкусы моего родителя по части женщинъ и, судя по его восторженнымъ похваламъ, представилъ себѣ красавицу въ видѣ мѣстной дѣвицы, плотную и румяную, съ кроткими и глупыми коровьими глазами, съ льняными волосами, угловатыми манерами и неподвижностью статуи, влюбчивую, простодушную и робкую. А мнѣ въ женщинахъ нравятся легкая, тонкая искусственность, хрупкая грація, завлекающее противодѣйствіе, кокетство и даже, пожалуй, нѣкоторая испорченность. Та, которой суждено влюбить и покорить меня, будетъ тоненькая, смуглая, съ умными глазами, съ смѣющимся ртомъ, одѣтая по послѣдней модѣ, изысканно надушенная, безъ тѣни ребячливости, но безпокойная, тревожная и, самое главное, тревожащая; я хотѣлъ бы часто страдать, пусть она даже немножко смѣется надъ моимъ страданіемъ. Словомъ, я думалъ о прекрасной Марселѣ, портретъ которой упорно рисовало мое воображеніе, и до такой степени разстроилъ себѣ нервы, что я сказалъ самъ себѣ: «Завтра же утромъ возвращаюсь въ Мадридъ!» и, оборвавъ на полусловѣ своихъ изумленныхъ родителей, попросилъ свѣчу и пошелъ спать. Немного погодя пришла сильно встревоженная мать.

— Ты боленъ, сынокъ? Что съ тобой?

— Ничего, ничего . . . Усталъ, хочу спать, нервы . . . Оставь меня!

— Ну, спи, спи!

И поправила простыню. У матери моей руки — какъ у дѣвочки, удивительно нѣжныя и всегда прохладныя. Я помню, что мальчикомъ не могъ заснуть, если онѣ не закрывали мнѣ глаза.

— Мама! Руки!

Она сдѣлала милый, привычный жестъ, улыбаясь съ тайной радостью.

— Мальчикъ мой!

Я ужъ спалъ, когда она ушла.

Когда я проснулся, утро было въ полномъ разгарѣ, и солнце свѣтило во всю; птицы щебетали въ саду; въ открытыя окна струился воздухъ, пахнувшій нардомъ и скошенной травой. О, какое наслажденіе — свѣжее дыханіе утра надъ садомъ! Я такъ спѣшилъ вдохнуть этотъ воздухъ, такъ спѣшило расшириться мое сердце, что глаза мои наполнились слезами, а на уста бурно рвались всѣ стихи, какіе я знаю наизусть. Въ сердцѣ таится цѣлое гнѣздо стиховъ, которые вылетаютъ въ минуты безпричиннаго восторга, пьянаго счастія, безпредметнаго и глубокаго ликованія, по утрамъ. Это странно: только по утрамъ душа вспоминаетъ, что она — малый ребенокъ.

— Педро, Педро! — прозвенѣлъ голосъ въ саду.

— Мама!

Въ саду — подъ орѣшникомъ накрытый столъ: дивно благоухающій шоколадъ, кружочки сливочнаго масла, словно выточенные изъ слоновой кости, румяныя булки, парное молоко. Какое безумное наслажденіе, какое счастіе новорожденнаго звѣрка! Мать, облокотившись на столъ, смотрѣла, какъ я ѣмъ, и улыбалась, а я — о горе! — я позабылъ про Марселу. Изъ кухни вышла дѣвушка, свѣжая, свѣтловолосая, бѣлая, пухленькая, легко неся на головѣ ведро; у нея были уже извѣстные тебѣ, кроткіе и глупые глаза, и ужасный призракъ такъ властно всталъ предо мною, что сердце мое заныло; навѣрное, я очень поблѣднѣлъ.

— Что съ тобой? — испуганно спросила мать.

И я, немножко смущенный, опустивъ глаза и считая нитки на скатерти, проговорилъ:

— Ничего, мамочка. Только я уѣзжаю... — я не посмѣлъ сказать: «сегодня», — я уѣзжаю завтра.

— Завтра? Ты уѣзжаешь?

— Да, мама. Видишь ли, — не сердись, — когда я получилъ письмо, то подумалъ, что папа боленъ, дѣйствительно боленъ, и выѣхалъ спѣшно, оставивъ дѣла. Понимаешь, дѣла?

— Дѣла въ Мадридѣ? Въ августѣ?

— Да, мама. Увѣряю тебя, мнѣ надо ѣхать.

— Хорошо, милый, хорошо. А пока, пойди, погуляй по деревнѣ и по полю, чтобы набраться аппетита. Отецъ ушелъ на зарѣ, пойди, поищи его!

Въ эту минуту появился отецъ, онъ шелъ съ ружьемъ на плечѣ и съ пустымъ ягдташемъ. Онъ шумно съ нами поздоровался, обнялъ мать.

— Ахъ, лѣнтяй, развращенный горожанинъ! Въ девять часовъ въ постели! Позавтракалъ? Что собираешься дѣлать?

— Онъ пойдетъ сейчасъ гулять. Ты не пойдешь съ нимъ?

— Нѣтъ, нѣтъ, я ужъ нагулялся и теперь долженъ просмотрѣть газеты.

Мать нахмурилась.

— Да, газеты, голосъ прогресса, милѣйшая моя жена! «Бунтъ» дѣйствуетъ замѣчательно. Надо тебѣ знать, что въ Вильянуэвѣ священникъ . . .

— Замолчи, замолчи! Ступай, милый, гулять! Въ часъ будемъ обѣдать. Можетъ быть, дойдешь до Ясеней? Это влѣво, внизъ по рѣкѣ. Марселиту я видѣла нынче утромъ. Свѣжа, какъ роза. Конечно, ея папаша, узнавъ, что ты пріѣхалъ, очень тонко пригласилъ насъ обѣдать въ субботу. Я ему сказала, что мы ужъ стары и не любимъ обѣдать не дома, такъ что пріѣдешь ты одинъ. Ну, желаю тебѣ удачи!

Нашъ садъ отдѣленъ отъ огорода зеленой изгородью. Въ огородѣ купы смоковницъ и яблонь, капуста всѣхъ оттѣнковъ бѣлизны, зелени и пурпура, пышныя гряды картофеля, грядки, на которыхъ краснѣетъ начинающая созрѣвать земляника, и, свѣшиваясь надъ дорожками, стоятъ розовые кусты съ крупными желтыми розами. Надъ низкимъ заборомъ — шиповникъ. Калитка выходитъ на дорогу, а по ту сторону ея линія ольховника отмѣчаетъ изгибы рѣки. Дорога — бѣлая, чистая, тѣнистая и шумитъ голосомъ бѣгущей у ея края воды. На горизонтѣ тянутся параллельно три линіи вершинъ горделивыхъ Астурійскихъ горъ: первая — зеленая, вторая — темно-фіолетовая, третья — лазурная и мглистая, таетъ въ мглистой лазури неба. Взявъ направо, я поднялся въ гору и пошелъ потихоньку, съ весьма умѣреннымъ желаніемъ встрѣтить красавицу. Навѣрное, въ этотъ часъ, — думалъ я, — она занята хозяйственными дѣлами, растрепанная, потная, красная, какъ земляника, — словомъ, одна изъ тѣхъ, какія, по слухамъ, больше, чѣмъ нужно, нравились сеньору дону Іоакиму Лопесъ де Аблану моему почтенному родителю.

Въ этомъ мѣстѣ долина широка; тусклая зелень свекловичнаго поля тянется по берегу рѣки. Я подумалъ, что эти поля, которыя будутъ моими, являются главной причиной моего предполагаемаго брака съ наслѣдницей Ясеней; повидимому, сейчасъ папаша Марселы покупаетъ свекловицу у моего отца. Какъ заливались въ ивнякѣ птицы! Дроздъ выдѣлывалъ изумительнѣйшее соло на флейтѣ; легкій вѣтерокъ шевелилъ листву. Дорога суживается и идетъ вдоль крутого выступа горы; рѣка испуганно прячется въ ущельѣ. Я стою въ узкомъ проходѣ, заросшемъ папоротниками. Рѣка шумитъ и пѣнится; склоны уходятъ все дальше и дальше вверхъ; изъ трещинъ скалы бьютъ тонкія струйки, ихъ свѣжесть вызвала роскошнѣйшую растительность, поднимающуюся отъ рѣки до вершины горы; камыши поднимаются въ самыхъ неправдоподобныхъ положеніяхъ; величественно, какъ въ саду,

стоятъ кипарисы; кустарники, папоротники, мхи устилаютъ землю. Рѣка дѣлаетъ заворотъ, и на ней вертятся колеса мельницы. Дальше она разливается широкимъ плёсомъ; напоръ воды подмылъ скалу, и она, измельченная въ желтый песокъ, образовала пляжъ, какъ на морѣ, но пляжъ закрытый, тѣнистый, прохладный, охраняемый отъ нескромныхъ взоровъ крутой горой и завѣсой зелени.

Ты знаешь, какое невыразимое очарованіе имѣетъ для меня вода! Часто, въ саду, въ какомъ-нибудь общественномъ мѣстѣ, проходя мимо фонтана, я испытываю потребность броситься въ полный бассейнъ, а если на спокойную поверхность воды падаютъ тревожные брызги струй, тогда желаніе это дѣлается настолько сильнымъ, что причиняетъ мнѣ настоящее физическое страданіе. Съ представленіемъ о водѣ, съ ея прохладной лаской, съ ея нѣжной подвижностью, связываются у меня самыя тонкія, самыя изощренныя и волнующія ощущенія наслажденія, но наслажденія чистаго, юнаго, свѣжаго, радостнаго. Въ водѣ я постоянно встрѣчаю объятія, которыя меня поддерживаютъ, голоса, которые мнѣ поютъ; я былъ бы любовникомъ всѣхъ наядъ и ундинъ, я плаваю, какъ рыба, и люблю волновать мирную влагу заводей, поднимая сильными взмахами шумныя брызги, разбивающія въ звонкую пѣну прозрачный хрусталь воды.

На гладкую пелену заводи падали каскады, поднимаемые лопастями мельничныхъ колесъ. Мнѣ захотѣлось выкупаться. Быстро, стремительно я бросилъ на землю шляпу, пиджакъ. Женскій смѣхъ остановилъ меня. За деревьями послышалось движеніе, шумъ; кто-то говорилъ.

— Да, сеньорита . . . — Нѣтъ, сеньорита.

— Какая, должно быть, сейчасъ чудесная вода! — сказалъ тотъ же голосъ, что раньше смѣялся.

Бѣлая фигура пробѣжала по берегу и на минуту вырисовалась во весь ростъ на камнѣ. Потомъ ударъ по водѣ, быстрый плескъ, масса пѣны, и среди нея — смуглое лицо, ясные глаза и волна влажныхъ черныхъ кудрей. Прерывистые радостные возгласы, потомъ — тишина. Наяда плыла молча. Въ тѣни жаркій воздухъ былъ удушливъ, какъ въ печи. Сквозь вѣтви пробивались лучи солнца, вонзавшіе золотыя стрѣлы въ тѣло, окутанное нескромной бѣлой пеленой. Наяда закрыла глаза; черная волна волосъ тяжело стлалась по водѣ; руки, играя, лѣниво ловили воду, сжимаясь и разжимаясь; маленькія бѣлыя ножки двигались шаловливыми толчками. Я помню яркій румянецъ губъ на поблѣднѣвшемъ отъ зеленоватаго свѣта лицѣ. Какой жаръ въ крови, какая жажда поцѣлуевъ! Если я не кинулся въ рѣку, то, повѣрь, только потому, что наяда вышла изъ воды съ такой же внезапностью, какъ вошла. Безподобнѣйшій водоворотъ пѣны крутился вокругъ ея тѣла. Она поднялась, побѣжала по водѣ, прыгая по круглымъ прибрежнымъ камнямъ, и, споткнувшись, чуть не упала на песокъ.

Но здѣсь — ужаснись, робкій и сладчайшій поэтъ! — ее подхватили мои раскрытыя объятія. Да, мои объятія! И, если бы ты зналъ, какъ извивалось въ нихъ молодое бѣлое тѣло, какъ трепетало подъ моей рукой полное ужаса сердце, какимъ гнѣвомъ пронизывали меня черные глаза! Она была храбра, эта невѣдомая наяда, храбра и обольстительна. Она защищалась, безъ единаго крика, и, въ то время, какъ губы мои искали ея и впились въ вишневыя уста, одна рука ея, вырвавшись изъ плѣна моей, вонзила мнѣ въ щеку стальные ногти. И тогда, — о мужская стойкость! — я вскрикнулъ и разомкнулъ объятія. Она убѣжала, а я почувствовалъ, какъ по щекѣ моей стекаетъ кровь. Моя Аталанта снова бросилась въ воду, пробѣжала по камнямъ и скрылась въ мельницѣ. Изъ кустовъ вышла, крича, служанка и послѣдовала за убѣжавшей красавицей, а у меня что-то оборвалось въ груди, не то сердце, не то жизнь. Какая шея, другъ, — янтарь и розы! Какая свѣжесть тѣла и какой небесный ароматъ! Я и не подозрѣвалъ, какъ головокружительно пахнетъ женщина, вышедшая изъ рѣки, да еще такая женщина! Холодныя губы, сочныя, какъ спѣлый плодъ, зубы еще холоднѣе, — злючка, во что бы то ни стало, хотѣла укусить меня. А темныя рѣсницы, дрожавшія надъ негодующимъ огнемъ глазъ!

Кровь лилась у меня изъ трехъ огромныхъ царапинъ, нанесенныхъ ея свирѣпыми ногтями. Пришлось умыться въ рѣкѣ, пришлось поднять пиджакъ, пришлось сѣсть и посушиться на солнцѣ, потому что мокрая волна кудрей обвила меня, какъ злая змѣя... И я сидѣлъ у воды, когда она вышла изъ мельницы, уже одѣтая, въ сопровожденіи служанки и мельника; съ видомъ оскорбленной королевы, вся въ бѣломъ, необыкновенно серьезная, подъ нряднымъ краснымъ зонтикомъ. Она, безъ сомнѣнія, видѣла меня, потому что прошла рядомъ, но не удостоила взглядомъ. Она высокая, стройная, въ изящнѣйшихъ, вышитыхъ бисеромъ туфелькахъ, шелковыхъ чулкахъ, съ множествомъ пышныхъ и бѣлыхъ, какъ пѣна, кружевныхъ волановъ. Мельникъ шелъ, вооруженный грозной дубиной.

И вотъ нѣжная и сладостная причина нелѣпости, объясненіе радости, съ какой я отказался отъ возвращенія теперь въ Мадридъ. Я не видалъ больше своей смутлой красотки и каждое утро и каждый вечеръ хожу къ рѣкѣ; утромъ и вечеромъ купаюсь въ заводи, возлѣ брызжущаго водопада, подъ тѣнью тростниковъ и кипарисовъ; но изъ скромности, — изъ робости, пожалуй, — не рѣшаюсь наводить справки и до сихъ поръ не знаю, кто она. Я сталъ ужаснѣйшимъ провинціаломъ, люблю Астурію больше всего на свѣтѣ и заявляю, что нѣтъ въ мірѣ мѣста, которое могло бы сравниться съ этимъ райскимъ уголкомъ. Повѣрь, поэтъ, я влюбленъ безповоротно. Завтра ѣду въ Ясени, бѣлокурая Марселита проиграла ставку..

* * *

Дорогая! Мое приключеніе имѣло вторую часть, не менѣе неожиданную и поразительную, чѣмъ самое приключеніе. Я не ходила больше на рѣку, какъ ты, конечно, можешь себѣ представить. Добродѣтельно купаюсь въ саду, да еще защищенная — кромѣ навѣса надъ виноградникомъ — палаткой изъ простынь. Солнце свѣтитъ на нихъ снаружи, внутри зеленая тѣнь лозъ, и, такимъ образомъ, когда, сидя въ водѣ, я поднимаю глаза, мнѣ удается позабыть, что я заключена въ прозаическую ванну, и я воображаю, будто живу въ японскомъ фонарѣ, и съ полузакрытыми глазами мечтаю о приключеніяхъ съ чудеснѣйшими развязками. Да, о приключеніяхъ; съ тѣхъ поръ, какъ со мной случилось настоящее и дѣйствительное приключеніе, мнѣ больше, чѣмъ когда-либо, нравится воображать другія, невозможныя. И самое курьезное, что къ перипетіямъ воображаемыхъ я примѣшиваю элементы дѣйствительно случившагося. Какіе элементы? По правиламъ мнѣ должно бы быть стыдно говорить о нихъ; но мнѣ не стыдно, и я признаюсь, съ нераскаянной дерзостью, по твоимъ словамъ, характерной для меня, что среди нихъ главное мѣсто занимаютъ голубые глаза дерзкаго любезника, бѣлокурые завитки, очень крутые надъ загорѣлымъ лбомъ, какая-то очень пріятная теплота подъ щекотаніемъ темныхъ усовъ, стройный станъ, какъ говорится въ романахъ, тонкій запахъ очень чистаго бѣлья и вербеновой воды. Не смотри съ такимъ возмущеніемъ. Извѣстно вѣдь, о добродѣтельнѣйшая изъ добродѣтельныхъ, что ты тоже любишь помечтать; но ты мечтаешь о маркизахъ въ стилѣ Людовика XIV, одѣтыхъ въ шелкъ и бархатъ. Неужели мои мечты менѣе добродѣтельны отъ того, что герой мой предстаетъ предо мной въ жилетѣ и крахмальной сорочкѣ? Увѣряю тебя, что она была бѣла, какъ снѣгъ, тончайшаго полотна, изумительно выглажена и сшита въ Мадридѣ, не сомнѣвайся! Какъ, въ краткое мгновеніе кратчайшаго объятія, я могла замѣтить столько подробностей? Кое на что мнѣ пригодилась моя опытность хозяйки, — на Рождествѣ мнѣ исполнится двадцать лѣтъ. Уже двадцать лѣтъ, Карлотта! Весна уходитъ стремительно, я вступаю въ лѣто жизни. Прощайте фіалки; прощайте, вздохи; прощайте, смутныя розовыя мечты! Мечты мои теперь лазурны и бѣлокуры, цвѣта его глазъ и кудрей. Ну, хорошо... На лазурной и золотой тропинкѣ фантазія моя немного путается и приходитъ къ нѣсколько смѣлымъ заключеніямъ, комментаріи къ которымъ я оставляю до нашего ближайшаго свиданія, потому что есть вещи, которыя можно сказать только между смѣхомъ, а бумага не смѣется. Противная бумага! Подумай, быть веселой, веселой, веселой, хотѣть смѣяться — и видѣть передъ собою эту плоскую бѣлую физіономію, не выражающую ни горя, ни радости! Письмо — вещь нелѣпая, антипатичная, глупая. Самыя забавныя и самыя чувствительныя вещи въ мірѣ пишутся на бумагѣ и — хлопъ! — сразу становятся безнадежно глу-

пыми. Потому-то я не люблю романовъ, написанныхъ другими, а люблю выдумывать ихъ сама: въ нихъ, дѣйствительно, есть и розовый свѣтъ, и смѣющіяся лица, и даже, изрѣдка, слезы. Слезы? О, да, въ моей купальнѣ, въ моей зеленой тѣни, слушая буколическую музыку — буколическая говорится вмѣсто скучной — шмеля, запутавшагося въ усикахъ лозъ, я по-настоящему плакала сегодня утромъ. Отъ горя? Отъ радости? Отъ злости, милая моя, не болѣе, не менѣе, отъ злости и раскаянія за чрезмѣрный смѣхъ! Да, душа души моей, Карлотта, вторая часть моей исторіи есть печальная глава о смѣхѣ. Выслушай ее, посмѣйся со мной и пожалѣй меня.

Начнемъ ab initio, какъ говоритъ мой братъ Хозелито, который съ тѣхъ поръ, какъ изъ-за твоего презрѣнія рѣшилъ сдѣлаться священникомъ, даже супу проситъ по-латыни. Ab initio, въ данномъ случаѣ, означаетъ фатальный часъ. Не можешь себѣ представить, съ какимъ величественнымъ видомъ я вышла изъ мельницы; даже не взглянула на него, хотя видѣла, какъ онъ сидѣлъ и сушился на солнцѣ. Карлотта! Когда я проходила, онъ вздохнулъ, но, конечно, не послѣдовалъ за мной. Дома на меня напала какая-то шальная веселость; въ семь часовъ мы пообѣдали; вечеромъ я попробовала навести дипломатически справки; никто не зналъ моего бѣлокураго незнакомца. Ясени — уединенное и равнодушное мѣсто; деревья, наши знаменитые ясени, какъ ни болтливы, но никогда не говорятъ того, что хочется узнать; каменистый ручеекъ, птицы въ вѣтвяхъ, вѣтеръ, играющій флюгеромъ, всѣ болтаютъ, кто во что гораздъ, но не со мной; отецъ — ни со мной и ни съ кѣмъ. Какъ-то поведетъ свои дѣла бѣдный незнакомецъ? Съ Хозелито я тоже не могу столковаться съ тѣхъ поръ, какъ онъ изучаетъ Горація; кромѣ того, онъ говоритъ, что я ужасно легкомысленна, и презираетъ мою бесѣду. Въ итогѣ мнѣ пришлось довольствоваться собственной персоной, и я сѣла за рояль и стала играть вальсы и польки. Канарейка, слушая меня, заливалась, какъ сумасшедшая; я стала ей вторить, и мы цѣлый вечеръ задавали концертъ Я слышала, какъ одно за другимъ захлопнулись три окна въ кабинетѣ моего папаши, потомъ два въ комнатѣ моего ученаго братца, и я осталась одна со своей музыкой. Есть ли, по-твоему, что-нибудь болѣе пріятное, чѣмъ возможность производить много шума? Не помню, въ какой-то комедіи говорятъ: «Моя душа звенитъ, какъ колокольчикъ». Мнѣ тоже часто кажется, что душа моя похожа на колокольчикъ, который катится съ горы, быстро, быстро, быстро, и звенитъ, звенитъ, заливается, и вдругъ падаетъ въ воду, и вода проникаетъ въ него и гудитъ тамъ, какъ въ морскихъ раковинахъ. У меня есть двѣ большихъ морскихъ раковины, снаружи золотистыя, а внутри розовыя. Онѣ чудесно гудятъ. И гулъ идетъ точно издалека, будто гудитъ душа другого міра, такъ что иногда хочется смѣяться, а иногда плакать.

Однако я заболталась. Когда стемнѣло, я вышла на балконъ. Опускаю описаніе пейзажа, такъ какъ ты знаешь его наизусть. Было жарко. Все было тихо и безмолвно. Вдругъ... — не пугайся: любезникъ не появился, — вдругъ закуковала кукушка. Кто устоитъ передъ лукавымъ искушеніемъ? Я спросила: «Сколько лѣтъ до моей свадьбы?» И знаешь, сколько разъ прокуковала проклятая? — Пятьдесятъ восемь! Обидно! Я захлопнула балконъ, пошла ужинать, но ни къ чему не притронулась. Папа сказалъ: «Въ субботу у насъ будутъ завтракать гости». Я заперлась въ своей комнатѣ и грустно занялась ночнымъ туалетомъ, но за полировкой ногтей постепенно пришла въ хорошее настроеніе. Какая алая кровь была у злодѣя, — алая и горячая! Увѣряю тебя, я здорово его поцарапала. Еще бы! При защитѣ цѣломудрія всякая жестокость простительна. Лукреція была бы моимъ идеаломъ, если бъ прибѣгла къ кинжалу пораньше. Заснула; во снѣ ничего не видала. Проснулась вмѣстѣ съ солнцемъ, ибо имѣю похвальное обыкновеніе спать съ открытыми окнами. И... но зачѣмъ продолжать! Два дня безъ всякихъ развлеченій, кромѣ прогулокъ по полямъ во всѣ стороны, но — увы! — безъ послѣдствій. Коварный Донъ-Жуанъ не показывался нигдѣ. Думаю, что онъ провелъ все время у рѣки, выжидая моего появленія. Удивительная логика у мужчинъ!

Настало утро субботы, унылое, предвѣщающее бѣды. Ясени совсѣмъ закутались въ туманъ, солнце гримасничало. Я, при содѣйствіи кухарки, составила меню парадного завтрака.

— А кто будетъ, сеньорита?

— Не знаю. Какой-нибудь папинъ знакомый коммерсантъ. Сдѣлайте побольше мяса.

— Марсела! — крикнулъ въ это время отецъ.

Я побѣжала въ кабинетъ. У Хозелито — торжественное лицо, у папы — какъ всегда.

— Что тебѣ, папочка?

— Сядь!

Сѣла. Театральная пауза. Хозелито смотрѣлъ въ потолокъ, папа въ полъ, потомъ оба принялись смотрѣть на меня съ болѣе, чѣмъ непріятной настойчивостью, и отецъ спросилъ ни съ того, ни съ сего:

— У тебя есть женихъ, Марсела?

Я посмотрѣла на него съ изумленіемъ.

— Женихъ?

— Ну-да, женихъ! Отвѣчай правду!

Я вздохнула.

— Ахъ, нѣтъ, папочка!

Такъ горестенъ былъ, должно быть, мой тонъ, что отецъ, мой безстрастный отецъ, чуть было не расхохотался. Опять пауза, не менѣе продолжительная и не менѣе торжественная.

— А хотѣла ли бы ты выйти замужъ?

— Сейчасъ?

— Сейчасъ или немного погодя?

— Смотря по тому, за кого, папа.

Отецъ посмотрѣлъ на Хозелито. Хозелито мефистофельски улыбнулся, я задрожала.

«Боже милостивый! — подумала я, — неужто онъ вздумалъ искать мнѣ мужа при помощи моего классическаго братца? О, ужасъ, ужасъ! Кто этотъ несчастный? То-есть, несчастной-то, собственно, буду я. Какого супруга можно откопать среди латинскихъ книгъ сына и свекловицы отца? Навѣрное, онъ старъ; навѣрное, объясняется въ любви гекзаметрами и безобразенъ. Нѣтъ, невозможно!»

Я встала и рѣшительнымъ голосомъ, съ трагическимъ жестомъ, произнесла:

— Нѣтъ, папа, я не хочу выходить замужъ.

И намѣревалась покинуть поле битвы. Отецъ ласково удержалъ меня.

— Послушай, Марсела, будь же благоразумна.

— Я сказала: нѣтъ!

— Подумай...

— Я не желаю выходить за старика.

— А если онъ не старъ?

— Не старъ? — Я остановилась. — Сколько ему лѣтъ?

— Не знаю. Двадцать восемь, тридцать.

— Онъ добрый?

— Добрый.

— Изящный?

— Послушай, Хозелито, — онъ изященъ?

— Кажется, да, — буркнулъ тотъ.

— Высокій? Блондинъ?

— Ахъ, милая моя... Не могу сказать тебѣ въ точности.

— Развѣ ты его не знаешь? — воскликнула я съ негодованіемъ.

— Что ты, Богъ съ тобой! Конечно, знаю, только давно не видалъ.

— Довольно, — сказала я не особенно благодушно. — Какъ его зовутъ?

Отецъ блаженно улыбнулся.

— Его зовутъ Педро Лопесъ де Абланъ.

— Перико Абланъ! Сынъ доньи Терезиты?

— Онъ самый.

— Да вѣдь онъ въ Мадридѣ!

— Онъ вернулся.

Ахъ, Карлотта! А еще говорятъ, что сердце — вѣщунъ. Мое вело себя въ этомъ случаѣ совсѣмъ предательски.

— Да вѣдь, говорятъ, онъ кутила!
— Ты сдѣлаешь изъ него святого.
— Но, папа...
— Что, Марсела?
— А если онъ мнѣ не понравится?
— Это мы скоро узнаемъ.
— Какимъ образомъ?
— Перико Абланъ будетъ у насъ завтракать.
— Онъ?!

Послышался конскій топотъ, остановившійся у нашего крыльца.

— Вотъ онъ!

Дѣйствительно, въ передней раздались голоса, шаги по коридору, дверь отворилась, и... Это былъ онъ, Карлотта, онъ, мой герой! Я опустила глаза. Претендентъ приблизился, отецъ взялъ меня за руку.

— Марсела, дочь моя, имѣю удовольствіе представить тебѣ...

Я подняла голову. Никогда не видѣла я болѣе удивленнаго лица! Онъ смотрѣлъ на меня, смотрѣлъ, а я, вспомнивъ сцену на рѣкѣ и увидѣвъ на его щекѣ побѣдоносные слѣды моихъ ногтей, красные, глубокіе, еще совсѣмъ свѣжіе, Карлотта, душенька, я не могла сдержаться! На меня напалъ неудержимый смѣхъ, и я начала хохотать, какъ безумная, съ криками, задыхаясь, почти извиваясь. И хохотала, хохотала, безъ конца! Отецъ смотрѣлъ на меня, ошеломленный; любезникъ не зналъ, куда дѣваться. Хозелито подбѣжалъ поддержать меня, потому что я падала отъ смѣха. Повалившись въ кресло, я почувствовала, что умираю; глаза мои наполнились слезами, но я все продолжала смѣяться. Наконецъ папа, потерявъ терпѣніе, схватилъ меня за руку и вытолкнулъ въ коридоръ. Я хотѣла заговорить, объяснить... Невозможно! Это былъ какой-то дьявольскій смѣхъ. Шатаясь, я поднялась по лѣстницѣ, вошла въ свою комнату, легла на диванъ... Черезъ минуту услышала стукъ захлопнувшейся двери, потомъ топотъ копытъ. Я подбѣжала къ балкону, выглянула, — мой Донъ-Жуанъ утекалъ во всю прыть. Ахъ, Карлотта, если бъ ты знала, какъ онъ хорошъ! Какъ блестѣли у него глаза, какъ задрожали губы, когда онъ услышалъ мой смѣхъ! Отъ страха? Отъ злости?

Когда припадокъ кончился, я взглянула на себя въ зеркало. Видъ у меня былъ такой, точно я не спала нѣсколько ночей: вѣки воспаленныя, лицо измятое, съ огромными синяками подъ глазами. Скорѣе въ воду! Мой японскій фонарь ждалъ меня. И тамъ, душа моя, я проливала слезы, о которыхъ говорила въ началѣ этого письма. Отецъ назвалъ меня сумасшедшей. Хозелито не удостаиваетъ меня взглядомъ. Мы обѣдали въ гробовомъ молчаніи. Понапрасну старалась моя бѣдная кухарка. Гость бѣжалъ, и я романтически вопрошаю: не бѣжало ли съ нимъ мое счастіе? Нѣтъ,

нѣтъ, Карлотта, этого не можетъ быть, потому что, несмотря ни на что, мнѣ все-таки безумно хочется смѣяться. «Сердце, — говорила намъ мать Каталина, — есть полый мускулъ». Чѣмъ же я заполню свое, если Перико Абланъ, напуганный моимъ пріемомъ, скрылся, какъ ласточка изъ стиховъ, чтобы больше не вернуться? Вернется? не вернется? Я превратилась въ бѣлокурую Гретхенъ и ощипываю пророческія маргаритки. Неужели кукушка сказала правду, Карлотта? Ждать цѣлыхъ пятьдесятъ восемь лѣтъ! Ты скажешь: жизнь — загадка. А я слыхала, что сфинксъ смѣялся и надъ жизнью, и надъ загадками. Ну, что жъ, будемъ смѣяться и мы!

Интермедія.

Святой Рохъ благословенный!

Волынка стонетъ, колокольчики заливаются; дѣвушки поютъ и кружатся въ хороводѣ; парни пляшутъ болеро, сверкая бѣлоснѣжными рубашками, яркими шелковыми платками, и сбиваютъ кегли, принимая позы, напоминающія древніе классическіе мраморы. Святой Рохъ благословенный! Женщины, скорчившись, сидятъ у корзинъ, полныхъ товарами. «По собачкѣ! по собачкѣ!» * Вотъ паточныя собаки, сахарные быки, овечки изъ леденца, розовые пряники съ вѣночками изъ глазури! «По собачкѣ! по собакѣ!» Вотъ меренги, миндальные прянички, бисквиты!

Святой Рохъ благословенный!

А вотъ свѣжіе орѣхи, спѣлыя груши, яблоки, бѣлыя и румяныя, какъ щечки милой, по три собачки пара! Вотъ сливы, полныя медвянаго сока и одѣтыя въ густой пурпуръ!

Святой Рохъ благословенный!

Волынка стонетъ, боченокъ съ пивомъ выставляетъ круглый животикъ; надъ нимъ прибитъ флагъ, какъ надъ гордой крѣпостью; а напротивъ — вражеская крѣпость — высокомѣрно выпятила брюхо пивная бочка. И стеклянный бокалъ гуляетъ взадъ и впередъ, полный сладкой пѣны, полный горькой пѣны. И языки чешутся, глаза блестятъ, щеки пышутъ полымемъ. А вотъ жареный миндаль, круглые орѣшки, возбуждающіе жажду! Играй, волынщикъ, — вѣдь сегодня праздникъ Святого Роха, сегодня ярмарка! Играй, волынщикъ! Звуки твоей волынки — точно небо моей родины и вздохи солнца, окутаннаго легкой утренней дымкой, точно мягкая мурава моихъ луговъ, точно пѣніе, доносящееся издалека ввечеру. Пой, волынка, плачь, мечтай о любви!

„Когда снѣгъ блеснетъ на тропинкѣ,
Прощай, моя любовь!
Когда снѣгъ блеснетъ,
Что мнѣ дѣлать?“

---

* Мѣдныя монеты въ 5 и 10 сантимовъ, съ изображеніемъ льва. Простонародье называетъ эти монеты „маленькой“ и „большой собакой“.

Святой Рохъ благословенный! Смотри, какъ волнуютъ воздухъ и раззадориваютъ пляску бѣлые платки надъ алыми улыбками. Дѣвушки моей родины похожи на голубей: бѣлый платочекъ — крылья, а къ нимъ нѣжное сердце и воркующій ротикъ. Танцуй, малютка, открывай румяныя губки и смѣйся карминомъ и бѣлой эмалью своему танцору, играй пальчиками, взмахивай руками, наклоняй лукавое личико, переступай ножками въ тактъ наивному, свѣжему, безхитростному ритму. Не обращай вниманія на волынку, что плачетъ вдали. Слушай лишь пѣніе собственнаго голоса, который веселъ, звонокъ и нѣженъ, какъ твое сердце.

Святой Рохъ благословенный!

Въ церкви пахнетъ чудесно; благостный святой улыбается на пьедесталѣ. Помолись ему, малютка, на твоемъ миломъ языкѣ; помолись ему и ты, любезникъ! Слышишь, какъ молятся ему колокола — эти бронзовыя сердца? Колокола молятся звукомъ; листья разсыпанной на полу мяты молятся тоже, потому что благоухаютъ. Помолись же и ты, потому что крѣпко любишь, веселое сердце, и ты, говорливый ротикъ!

Святой Рохъ благословенный! Посмотри, какъ темнѣетъ. Гдѣ же солнце? Заснуло солнце; кончилась ярмарка. Пойдемъ домой по тропинкѣ. Вдоль тропинки луна сіяетъ надъ маисовымъ полемъ. Воздухъ томится, вѣтки вздыхаютъ, вдали, точно флейта, стонетъ лягушка. Близко, близко, на твоихъ алыхъ губкахъ дрожитъ нѣжное слово...

Святой Рохъ благословенный!

Отрывки изъ писемъ.

Ты не можешь себѣ представить, какъ очаровательны ярмарки на моей родинѣ! Чтобы понять ихъ своеобразную поэзію, нужно напитаться свѣжестью этихъ полей и мягкимъ сіяніемъ неба, нужно умѣть слушать біеніе сердца астурійскаго народа, такого скрытнаго и вмѣстѣ наивнаго, такого глубокомысленнаго и вмѣстѣ ребячливаго. Я, ты, почти всѣ, кто, какъ мы съ тобой, имѣетъ нѣкоторую претензію на духовную утонченность, всѣ мы ненавидимъ народные праздники въ Кастиліи. И это не удивительно. Сказать: «народный праздникъ» значитъ сказать: пыль, запахъ горѣлаго сала, разгулъ, вино, развязныя женщины, грязныя слова, неопрятная любовь и шумное ночное веселье. Ярмарки на моей родинѣ не праздникъ, это ростокъ самой почвы, внезапно распустившійся цвѣтокъ поэзіи, звучащій волынкой, ароматный, благоухающій на яркомъ солнцѣ и въ тѣни густой листвы. Дѣвушки, мои землячки, всѣ носятъ бѣлые шелковые платки на головѣ и танцуютъ свои незатѣйливые танцы на свѣжей и безшумной травѣ, передъ часовней, и сердца ихъ переполнены безсознательной, примитивной радостью. Обаяніе природы можно сравнить съ

обаяніемъ женщины, противъ котораго безполезно бороться. Ты подходишь къ ней, разочарованный, презрительный, враждебный, а она улыбается и ничего не говоритъ. Ты презираешь ее, оскорбляешь, она продолжаетъ улыбаться и заставляетъ тебя подчиниться величественному покою своего молчанія. Ты стараешься не полюбить ее, не видѣть въ ней ничего хорошаго, — она прекрасна, она безмолвствуетъ и побѣждаетъ. Я принадлежу ей, зеленой, бархатистой, благоуханной моей родинѣ. Принадлежу ея тишинѣ, ея радости, радости матери и невѣсты, и мирный покой ея напоминаетъ мнѣ колыбель, потому что деревья мягкимъ колыханіемъ своимъ вызываютъ иллюзію тихаго покачиванія колыбели или баюкающихъ рукъ. И глаза смыкаются, лицо словно хочетъ прильнуть къ нѣжной материнской груди, и земля кажется колыбелью, матерью, а милая — материнской грудью. На глазахъ — свѣжее прикосновеніе рукъ, на губахъ — сладкій вкусъ молока, а въ ушахъ — что это? шелестъ вѣтра въ листвѣ? пѣніе воды въ рѣкѣ? любовныя рѣчи? — все — пѣснь матери, баюкающей дитя.

Ты говоришь, что интересуешься моей любовной сказкой, или сказкой о моей любви. Если такъ, прости мнѣ, ради нея, эту болтовню, въ которой виновата она. А такъ какъ ты столько же психологъ, сколько поэтъ, — разрѣши мои сомнѣнія. Наслажденіе ли природой предрасполагаетъ къ любви къ женщинѣ, или же любовь къ женщинѣ заставляетъ находить наслажденіе въ созерцаніи природы? Я, въ данное время, отчаянный поклонникъ природы, безъ памяти въ нее влюбленный.

Мое письмо постыдно безсвязно, — прости! Я началъ разсказывать о ярмаркахъ, — все въ мірѣ имѣетъ логическое объясненіе. Святой Рохъ — патронъ нашей деревушки. На ярмаркѣ Святого Роха, благословеннаго Святого Роха, я опять увидѣлъ ее! Опять!...

Ты уже знаешь, что я выбѣжалъ изъ ея дома взбѣшенный. «Вотъ несвоевременный и глупый смѣхъ! — думалъ я, въ то время какъ конь мой скакалъ по тропинкамъ, перелетая черезъ ограды и высѣкая копытами искры изъ камней. — Видали вы такую змѣю? Есть надъ чѣмъ смѣяться!» Я пришпоривалъ бѣднаго скакуна такъ, что онъ ужъ и не зналъ, куда дѣваться. Наконецъ прискакали мы на лугъ, мирнѣе котораго нельзя себѣ ничего представить. Молодая, только что пробившаяся зеленая травка, на краю ручеекъ, вдоль ручейка — рядъ тополей, и надъ лугомъ, ручейкомъ и тополями — чудеснѣйшее безмолвіе и полуденное сіяніе, — цѣлая поэма мирнаго покоя! Лошадь моя, уставшая отъ безтолковой скачки, остановилась; я, ни съ того, ни съ сего, соскочилъ на землю, разсѣянно повторяя вслухъ: «Скажите, пожалуйста, есть надъ чѣмъ смѣяться!» И вдругъ, точно звукъ собственнаго голоса разбудилъ меня отъ дурного сна, я сообразилъ,

что случай вполнѣ, какъ нельзя болѣе, достоинъ смѣха, такого именно безподобнаго, безумнаго, судорожнаго, неудержимаго смѣха, какимъ и запечатлѣла его Марсела. Конечно, такъ! Я думалъ, что Марсела блондинка, а она брюнетка. Я представлялъ ее толстой и угловатой, а она стройна и кокетлива. Я упорно рисовалъ ее покорной и робкой, а она — храбрая амазонка и караетъ кровью за похищенный поцѣлуй. Марсела, изящная и прекрасно приспособленная для жестокой и утонченной жизненной борьбы, хорошо сдѣлала, что разсмѣялась при видѣ рѣчного фавна, превратившагося въ вульгарнаго претендента на ея руку. Навѣрное, при видѣ растеряннаго выраженія, какое у меня, вѣроятно, было, когда вонзились въ меня стрѣлы ея насмѣшливыхъ глазъ, она подумала о своихъ золотыхъ сундукахъ. Ахъ, какъ изумительно хороша она была, когда смѣялась! То закрывала лицо руками, и смѣхъ прыгалъ межъ пальцевъ, какъ рѣчная вода по камнямъ. Изъ веселыхъ глазъ катились слезы, а ротъ, стараясь закрыться, дѣлалъ гримаски, которыя только и ждали другихъ губъ, чтобы стать поцѣлуями. «Нѣтъ, глупцомъ, непростительнымъ глупцомъ былъ я! — продолжалъ я свой монологъ. — Я долженъ былъ подбѣжать и поддержать ее, когда ея тѣло ослабѣло отъ взрывовъ этого властнаго веселья, я долженъ былъ закрыть ея уста своими, я долженъ былъ упиться этимъ смѣхомъ и навѣки напоить его радостной влагой свое сердце! А я, глупецъ, смущенный и уязвленный самолюбіемъ, уступилъ сладкую обязанность ея неуклюжему брату Хозелито! Я допустилъ, чтобы разсерженный отецъ вывелъ красавицу изъ комнаты, какъ невоспитанную дѣвчонку! Я могъ оскорбиться этой божественной веселостью и трусливо, — нѣтъ, подло! — покинулъ поле битвы! А теперь — какъ вернуться? Этотъ вопросъ я задавалъ себѣ три дня подъ рядъ. Софизмы, разсужденія, квинтъ-эссенцію іезуитизма, — все пустила въ ходъ моя злосчастная голова, и, несмотря на всѣ усилія, я не находилъ способа помочь бѣдѣ. Какъ очутиться снова подъ огнемъ ея лукавыхъ глазъ? Святой Рохъ разрѣшилъ за меня задачу. Благословенъ Святой Рохъ, — придется разориться на воскъ для ex voto!

Итакъ, я вернулся домой уже въ сумерки, сослался на нестерпимую мигрень, чтобы сейчасъ же броситься въ постель. Ночь посвятилъ горькой задачѣ убѣжденія себя въ томъ, что я дуракъ, плохой кавалеръ, безумецъ, недостойный никакого настоящаго приключенія. Мать на утро страшно перепугалась, увидя скомканную постель, и затопила меня липовымъ цвѣтомъ и померанцевой водой. Ахъ, Марселита, какъ бы ты посмѣялась надо мной! Я всталъ въ дьявольскомъ настроеніи. На слѣдующій день продолжалось то же миленькое состояніе. На третій, то-есть вчера, замѣтилъ необычное движеніе въ домѣ, увидѣлъ мать въ шелковомъ платьѣ, въ мантильѣ изъ блондъ, съ филигранными четками у запястья и

праздничнымъ молитвенникомъ съ перламутровыми застежками въ рукахъ.

— Сегодня день Святого Роха, милый. Ты не пойдешь къ обѣднѣ?

Я не пошелъ къ обѣднѣ, позавтракалъ въ угрюмомъ молчанiи, несмотря на всѣ деликатесы, поданные на столъ въ честь святого и мою. За столомъ кто-то упомянулъ о ярмаркѣ, подъ вечеръ я услыхалъ волынку. Увы мнѣ! Какъ неудержимо заплясало мое сердце! Я разрядился въ пухъ и прахъ и въ два прыжка очутился у часовни.

Часовня Святого Роха стоитъ подъ каштаномъ, а въ двухъ шагахъ отъ нея — покрытая муравой лужайка: центръ ярмарки, бальный залъ, кегельбанъ и карусель подъ открытымъ небомъ. Тамъ празднованiе совершалось шумно, и въ то время, какъ Святой отдыхаетъ въ тѣни каштановъ въ маленькой церквушкѣ, напоминающей языческiй храмъ, на лужайкѣ поютъ, танцуютъ, пьютъ, любятся и играютъ.

Когда, запыхавшiйся и дрожащiй, я прибѣжалъ, какъ на свиданiе, къ часовнѣ, праздникъ былъ въ полномъ разгарѣ... Я жадно смотрѣлъ во всѣ стороны. Замѣчалъ ли ты, какое странное впечатлѣнiе производитъ многочисленное собранiе людей, когда между ними еще нѣтъ той, кого мы хотимъ встрѣтить? Это точно картина, на которой нарисованъ только фонъ, точно гобеленъ, съ затушеванной фигурой принца или дамы, которая должна занимать первый планъ, — точно шифрованное письмо безъ ключа, точно звукъ словъ незнакомаго языка. Группы какъ-то не клеятся, движенiя не согласованы, звуки безсмысленны, лица не имѣютъ выраженiя, даже самый воздухъ какъ будто неподвиженъ. Удивительно! Какую власть имѣетъ умъ, какъ онъ всегда царитъ, какъ всегда заставляетъ все сотворенное служить трономъ, пьедесталомъ, фономъ, аксессуаромъ для той или того, кого онъ изберетъ своимъ властелиномъ.

Итакъ, я жадно смотрѣлъ и не видѣлъ ея. Вошелъ въ церковь; тамъ было темно и прохладно, пахло мятой, ситовникомъ и безчисленными душистыми травами, ковромъ покрывавшими полъ. На пьедесталѣ, окруженный цвѣтами и свѣчами, улыбался Святой Рохъ. Нельзя представить себѣ болѣе простоватаго святого. При видѣ его блаженно-снисходительной улыбки, хочется попросить у него самыхъ несообразныхъ вещей. Всякая мистическая идея, всякая религiозная экзальтацiя улетучивается передъ этой фигурой, которая, съ шляпой на затылкѣ, жеманнымъ жестомъ подбираетъ складки длиннаго облаченiя, показывая старательно вырисованную рану. При видѣ его собаки, держащей въ зубахъ хлѣбъ, мнѣ стало смѣшно, и я подумалъ, что Марсела, навѣрное, расхохоталась бы тоже. Нѣсколько очень дряхлыхъ и очень черныхъ старухъ ползли на колѣняхъ къ алтарю, въ экстазѣ пожирая гла-

зами святого. Я устыдился при видѣ ихъ твердой вѣры и вышелъ изъ храма. Она еще не приходила. Я говорю «еще», потому что былъ увѣренъ, что она придетъ. Я превратилъ желаніе въ увѣренность, душѣ моей отрадно было ожидать ее. Я сѣлъ на скамейку возлѣ церкви и камнемъ сталъ разбивать орѣхи. И, очищая ихъ, говорилъ себѣ: «Придетъ, не бойся, придетъ, по этой тропинкѣ, между вязами. Придетъ съ видомъ королевы, серьезная, чинная, съ головы до ногъ одѣтая въ бѣлое... конечно, въ бѣлое!» И я ждалъ въ такомъ упоеніи, такъ нетерпѣливо хотѣлъ, чтобы она пришла, что увидѣлъ ее — и не узналъ. Правда, она была въ красномъ платьѣ, дерзкомъ, радостномъ, сверкающемъ, какъ ея смѣхъ, и поразительно изящномъ. Гдѣ научилась одѣваться эта заколдованная провинціалка? Она шла съ отцомъ, съ Хозелито, съ какимъ-то старымъ прилизаннымъ выходцемъ изъ Индіи, однимъ изъ тѣхъ, что носятъ камзолъ и клеенчатый галстукъ, и еще съ такимъ же выходцемъ изъ Индіи, но уже изъ современныхъ, молодымъ, некрасивымъ и очень антипатичнымъ. Всѣ оживленно болтали. Она смѣялась, жизнерадостная, счастливая. «Ну-да, — подумалъ я, — она меня не любитъ и никогда не полюбитъ! Она счастлива. Зачѣмъ ей кого-нибудь любить? Вѣдь извѣстно, что если женщина знаетъ, что она хороша, да еще нацѣпитъ на себя красивую тряпку, ей ничего больше не нужно. Человѣкъ можетъ лишить себя изъ-за нея жизни, — ей все равно, такъ она полна смѣха и жизнерадостности». Какимъ дерзкимъ, какимъ невыносимо-дерзкимъ кажется счастіе женщины, когда являешься для него постороннимъ! Чего она смѣется? Пойдемъ, посмотримъ, чего она смѣется. И зачѣмъ надѣла это красное платье?

Красное платье горѣло на солнцѣ, и ликующій цвѣтъ его, какъ и она, смѣялся надо мной. Когда я ступилъ на лужайку, она меня увидала. Это замѣтно было по насмѣшливой искоркѣ, вспыхнувшей въ ея глазахъ. Она увидѣла меня, но не пожелала взглянуть. Я бросилъ орѣхи, бросилъ камень, которымъ разбивалъ ихъ, всталъ и началъ неистово ходить взадъ и впередъ. Она, въ сопровожденіи своей свиты, переходила съ мѣста на мѣсто. Мужчины покупали ей орѣхи и сласти, она складывала ихъ въ платокъ, связанный концами, какъ у крестьянокъ. Я слышалъ звукъ ея голоса, но не понималъ словъ. Она вошла въ часовню, сосредоточенно перекрестилась, набожно опустилась на колѣни. Чего просила она у деревяннаго святого? Потомъ вышла, покусывая листокъ мяты, поднятый съ пола. Остановилась поговорить со старухами, поцѣловала мальчугана.

Когда она ушла, я подозвалъ мальчишку, купилъ ему пряниковъ и тоже поцѣловалъ.

Должно быть, въ эту минуту она взглянула на меня, потому что я вдругъ сталъ краснѣе ея платья. Чего только ни продѣлы-

ваетъ мужчина подъ двойнымъ злокозненнымъ вліяніемъ черныхъ женскихъ глазъ и буколическаго веселья! Когда я наконецъ перевелъ духъ и поднялъ голову, жестокая пила сидръ изъ рюмки, которую некрасивый юноша поддерживалъ съ самой смѣхотворной церемонностью. Меня такъ и потянуло бросить камень и разбить въ его рукахъ рюмку, и — благословенное навѣки совпаденіе! — Марсела сдѣлала неосторожное движеніе, рюмка выскользнула изъ рукъ кавалера и разбилась вдребезги. Я обезумѣлъ отъ радости. Ахъ, вѣчно ребяческое, вѣчно необузданное сердце! Марсела, разумѣется, расхохоталась. День клонился къ вечеру, солнце спустилось за вязы, образовавъ блѣдно-золотой фонъ для ихъ вѣтвей. Вверху, на колокольнѣ, на горахъ, трепетала фіолетовая дымка. Звуки утончались, пріобрѣтали вибраціи отдаленности и тайны. Ахъ, какъ плакала волынка, какъ звенѣло дѣвичье пѣніе! Порханье бѣлыхъ платковъ казалось чѣмъ-то многозначительнымъ и символическимъ. Вдругъ Марсела нарушила миръ и бѣлизну танцующаго хоровода рѣзкой краснотой своего одѣянія. Гордо встала, подняла руки, выпрямила стройный станъ, наклонила голову, посмотрѣла на меня, какъ никогда ... и пустилась танцовать — съ нимъ, съ уродомъ! — танецъ, символическій, святой, влюбленный, прелестнѣйшій танецъ моей родины. Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Она танцовала, какъ ангелъ съ глазами дьявола. И я допускалъ это! Однимъ прыжкомъ я вскочилъ въ центръ хоровода, но она, сдѣлавъ полуоборотъ, увернулась отъ меня и продолжала танцовать. Я толкнулъ какого-то парня, который принялъ это за шутку и уступилъ мнѣ свое мѣсто.

— Ага, сеньорито! — сказала одна изъ дѣвушекъ, — пришли потанцовать съ крестьянками! Ну, что жъ, потанцуйте, потанцуйте ...

Дѣлать нечего, я сталъ танцовать. На половинѣ круга взглянулъ на свою даму — она была высока, какъ жердь, плотная, рыжая, красная, какъ піонъ, и страшная, ккъ смертный грѣхъ.

* * *

... Мужчины, душенька Карлотта, странный звѣрь, существо непонятное и въ то же время прозрачное, — окно, распахнутое въ глухую полночь на чудесный пейзажъ, нѣчто въ родѣ морской свинки, которую Провидѣніе любезно преподнесло намъ, женщинамъ, чтобы мы испытывали на немъ разныя степени ядовитости страстей, капризовъ, прихотей, благородныхъ рѣшеній, крайнихъ низостей. Считаешь ли ты мужчину способнымъ на какое-нибудь чувство, доброе или злое, если женщина не вздумаетъ заставить его испытать это чувство?

Всю эту безсвязную и противорѣчивую философію внушило мнѣ, помимо усерднаго чтенія классиковъ, жалкое и растерянное

лицо, съ какимъ Перико Абланъ ждалъ меня вчера на ярмаркѣ Святого Роха. Да, онъ ждалъ меня. Какъ ёкнуло мое сердце, когда я увидала его на скамейкѣ передъ часовней! Представь себѣ, что по каббалистическому соглашенію, въ какія сердце вступаетъ съ судьбой, я безповоротно рѣшила утромъ: «Если онъ придетъ на ярмарку—значитъ, любитъ. Если не придетъ—значитъ, уѣхалъ въ Мадридъ». Ставка на судьбу! И такъ страшило меня рѣшеніе, что, когда насталъ часъ идти на ярмарку, я хотѣла остаться дома. Но сейчасъ же, устыдившись своей трусости, отмѣнила опрометчивое рѣшеніе и храбро вышла на улицу. Я была съ отцомъ, съ Хозелито, съ дономъ Луисомъ и его сыномъ Теодоромъ, фатоватымъ юношей, который изучаетъ философію въ Овіедо и считается сатирикомъ и поклонникомъ твоей покорной слуги. Это многочисленное общество привело меня въ хорошее настроеніе. Вѣдь правда, что одно изъ самыхъ пріятныхъ ощущеній для женщины — это быть одной среди группы мужчинъ? Какой прекрасный эффектъ производитъ всегда одна женщина среди нѣсколькихъ мужчинъ! Нужно быть очень безобразной или очень глупой, чтобы не использовать чудеснѣйшихъ преимуществъ положенія. Мужчины, которые поодиночкѣ могутъ быть несносно скучными, въ группѣ всегда очаровательны, и чѣмъ ихъ больше, тѣмъ лучше. Каждый вноситъ свою долю любезности, и они чудесно пополняютъ другъ друга.

Итакъ, мой Донъ-Жуанъ, то-есть донъ Педро, ожидалъ меня на ярмаркѣ. Я очень обрадовалась, взглянула на него, думая, что онъ подойдетъ поздороваться, но онъ не подошелъ. Что это? Еще свѣжая досада? смущеніе? равнодушіе? Говорю тебѣ, мужчины — неразрѣшимая загадка. «Кто онъ?» — думала я. Если бы онъ подошелъ къ намъ, изящно поклонился, освѣдомился бы полушутя, полусерьезно, оправилась ли я отъ своего нервнаго припадка, — офиціально мой смѣхъ признанъ нервнымъ припадкомъ, — конфликтъ былъ бы разрѣшенъ, и острота положенія сглажена, онъ былъ бы на высотѣ, я — немножко унижена. Но нѣтъ, сеньоръ не подошелъ! И лучше всего то, что чудакъ пожиралъ меня глазами, а отецъ мой пожиралъ его, потому что ты не можешь себѣ представить, до какой степени запечатлѣлась въ сердцѣ моего папаши свекловица Лопесъ де Аблановъ. Повидимому, этотъ бракъ былъ бы прекраснымъ дѣльцемъ. Папа не въ состояніи сердиться на меня ни за что на свѣтѣ. Но сколько мысленныхъ вздоховъ вызывало въ немъ, съ того рокового часа, воспоминаніе о томъ, что онъ именуетъ моей нелюбезностью!... Что дѣлать? День уходилъ, а съ нимъ и благопріятный случай. Я продѣлывала, какъ ты можешь догадаться, всякія экстравагантности, болтала, смѣялась, пила сидръ — ничего! Пошла въ церковь, помолилась Святому Роху — ничего! Онъ не подошелъ подать мнѣ святой воды. Тогда мнѣ пришла великолѣпная идея — потанцовать съ моимъ фило-

софомъ. Вотъ тутъ чуть было кое-что не случилось. Перико Абланъ однимъ прыжкомъ врѣзался въ хороводъ. Какой сладкій трепетъ пронизалъ меня! Я вспомнила Дискобола, представила себѣ трагическое объятіе, романтическій обморокъ . . . Ничего подобнаго! Несчастный пустился танцовать съ самой некрасивой дѣвушкой — и какъ плохо танцовалъ! Я была въ ярости. Мнѣ хотѣлось опять оцарапать его, выбранить, заплакать, укусить его. Глупый, глупый, глупый! Зазвонили колокола. Должно быть, Святой Рохъ и его собака пришли мнѣ на помощь, Карлотта, потому что въ эту минуту меня осѣнила мысль, чудесная по простотѣ и дѣйствительности. Я взяла подъ руку отца и стала ходить съ нимъ, болтая о томъ, о семъ, потомъ равнодушнымъ тономъ спросила:

— Это не Перико Абланъ стоитъ въ дверяхъ часовни?

— Онъ, — вздрогнувъ, отвѣтилъ отецъ.

— Почему же ты ему не поклонишься?

Какую довольную мину состроилъ мой старикъ!

— Ты думаешь? — спросилъ онъ въ пріятномъ изумленіи.

— Ну, конечно, онъ смотритъ на насъ и не рѣшается подойти . . . изъ-за того раза.

— Какая ты сумасшедшая, Марсела!

— Да, папочка, знаю. Посмотри, какъ онъ глядитъ на насъ. Поклонись же скорѣе!

— Ты обѣщаешь не повторять своихъ фокусовъ?

— Обѣщаю.

Мы подошли къ церкви. Какіе взоры вонзалъ въ меня несчастный! Отецъ снялъ шляпу, я поклонилась легкимъ кивкомъ и полуулыбкой. Полуулыбкой, потому что не успѣла ее дополнить: такъ быстро, такъ стремительно любезникъ очутился передъ нами, съ шляпой въ рукахъ, красный, какъ макъ, бормоча въ прелестномъ смущеніи безсвязныя привѣтствія. Отецъ похлопалъ его по плечу, я протянула руку. Какъ онъ сжалъ ее, Карлотта! У меня врѣзались всѣ кольца.

— Вы уже давно на ярмаркѣ? — спросила я. — Мы васъ до сихъ поръ не видали.

Отецъ — бѣдняга! — взглянулъ на меня, пораженный.

— Я пришелъ раньше васъ.

— Вотъ какъ! — отвѣтила я, притворяясь обиженной. — Значитъ, вы не хотѣли намъ поклониться?

— Я думалъ . . . я полагалъ . . .

Несчастный чуть было не испортилъ все. Слава Богу, подошелъ Хозелито, подошли донъ Луисъ съ моимъ философомъ. Представленія, общій разговоръ. Тѣмъ временемъ онъ пришелъ въ себя и отважился взглянуть на меня. Я встрѣтила взглядъ съ самой любезной улыбкой. Онъ повторилъ взглядъ, я — улыбку. Наступило довольно опасное молчаніе.

— Какіе сумасшедшіе колокола! — сказала я, чтобы сказать что-нибудь.

— Вродѣ тебя, — отозвался Хозелито.

— Слава Богу! — воскликнула я.

— Вы благодарите Бога за то, что сумасшедшая? — серьезно спросилъ мой философъ.

— Да.

— Марсела права, — сказалъ Перико.

Марсела! Какимъ страннымъ голосомъ произнесъ онъ мое имя. Для меня оно прозвучало совсѣмъ новымъ, какъ будто до сихъ поръ никто и никогда не называлъ меня такъ.

— Она права, — продолжалъ онъ, — въ этомъ сладкое назначеніе женщины: сѣять въ мірѣ веселость своего безумія, звенѣть смѣхомъ, чтобы наполнять радостью сердца.

— Правда! Кто не умѣетъ смѣяться, у того черная душа. Да здравствуетъ смѣхъ!

— Да здравствуетъ! И пойдемте домой, потому что уже пора.

— Такъ рано!

— Уже смеркается.

Дѣйствительно, уже стемнѣло. Мой обожатель скорчилъ грустную физіономію, но потомъ сообразилъ, что можетъ и даже долженъ проводить насъ. Отецъ съ готовностью съ нимъ согласился; философъ мой, кажется, надулся, потому что взялъ подъ руку Хозелито и сталъ разсуждать о Святомъ Ѳомѣ. Отецъ затѣялъ сахарную полемику съ дономъ Луисомъ. Такъ что сама судьба оставила насъ вдвоемъ на аламедѣ, и мы шли, залитые луной, въ тепломъ сумракѣ, полномъ шумовъ и тишины, бѣлаго свѣта и жуткихъ тѣней, какъ въ сказкахъ, какъ въ жизни! Мы нѣсколько ускорили шаги. Мы ничего не говорили. Меня забавляло смотрѣть на длинныя наши тѣни, которыя бѣжали впереди насъ. Дошли до поворота дороги. Тѣни постепенно укорачивались, потомъ отступили назадъ и пошли за нами. Я обернулась взглянуть на нихъ и вскрикнула: никого не было! Отецъ, Хозелито, донъ Луисъ, философъ, — всѣ исчезли!

— Что такое?

— Мы не туда свернули. Мы одни!

— Вамъ страшно?

— Страшно?

Кто это сказалъ: «страшно!»?

Между деревьями слышался негромкій шумъ.

— Это рѣка.

Какое слово — рѣка! Услышавъ его, я почувствовала, что въ тѣло вернулась веселость, а въ душу ясность, какъ будто шумъ этотъ, какъ въ миѳахъ, былъ моимъ отцомъ и покровителемъ.

— Рѣка, — повторила я медленно и даже, кажется, немножко восторженно, не нарочно, — клянусь тебѣ! — потому что веселое

воспоминаніе о происшедшемъ, о свѣтлой водѣ, о полуденномъ солнцѣ, о синихъ сверкающихъ глазахъ наполнило сердце мое ликованіемъ. — Рѣка!

Видишь, какое краснорѣчіе! Два слова и легкое-легкое восхищеніе. Однако они подѣйствовали какъ цѣлая рѣчь, потому что лицо слышавшаго ихъ бѣдняги выразило, — если не обманулъ меня лунный свѣтъ, — крайнее волненіе, голубые глаза почти стали черными. Я смотрѣла на него. Такъ какъ волненіе заразительно, то взволновалась и я. Къ горлу у меня подступилъ клубокъ, какъ въ романахъ. Мнѣ захотѣлось заплакать, но голосъ рѣки напомнилъ мнѣ, что я обязана соблюдать женскую гордость, и я засмѣялась. Услышавъ мой смѣхъ, который ночью, дѣйствительно, прозвучалъ такъ, что удивилъ меня самоё, Абланъ схватилъ меня за руки и умоляюще заговорилъ:

— Простите, простите... простите...

Я продолжала смотрѣть на него, съ такимъ удивленіемъ, что не догадалась отнять у него руки. А когда замѣтила некорректность, то было уже поздно. А кромѣ того, бѣдный малый былъ какъ разъ на срединѣ страстнаго признанія, и мнѣ казалось жестокимъ оборвать нить его краснорѣчія невѣжливымъ и безполезнымъ движеніемъ. Онъ говорилъ что-то о росѣ для души и о хрустальномъ смѣхѣ надъ, не знаю, какимъ лугомъ и какими цвѣтами. Словомъ, всю обязательную любовную ложь, какъ никогда, благоуханную, потому что была ночь и лѣто, потому что вдали слышалось пѣніе возвращавшихся съ ярмарки людей. Потомъ, — такъ какъ красивыя слова обыкновенно служатъ преддверіемъ красивыхъ поступковъ, — представь себѣ въ заключеніе первоначальную сцену, начало милаго приключенія, но въ нѣсколько измѣненномъ видѣ, такъ какъ на этотъ разъ между наядой и фавномъ царило полное согласіе. Въ концѣ концовъ, послѣ краткаго мгновенія, мнѣ пришлось напустить на себя чрезвычайную серьезность, потому что шумъ воды, повидимому, необыкновенно возбуждаетъ дона Педро, — кто бы могъ подумать! Но, кажется, даже и моей серьезности было бы недостаточно, если бы кстати не прозвучалъ нѣсколько встревоженный голосъ отца.

— Марсела! Марсела! Марсела!

На этомъ и кончается моя исторія, милая Карлотта. Сейчасъ тоже ночь, тотъ же легкій вѣтерокъ шевелитъ вѣтки ясеней. И въ деревьяхъ поетъ кукушка. Ну, что жъ, пусть поетъ!

Серенада.

Пусть поетъ кукушка! Лѣтняя ночь страстна и бѣла. Пусть поетъ кукушка, потому что голосъ ея вѣщій и проникаетъ въ сердца. Дьявольскіе часы отбиваютъ время въ ея горлѣ, она кричитъ далеко, а слышится близко, въ сердцѣ! Существуетъ ли ку-

кушка? Этотъ металлическій голосъ — пѣніе птицы или же флейта, на которой играетъ по ночамъ воскресшій Панъ? Флейта, свирѣль, голосъ, — что говоришь ты въ кущѣ черныхъ кипарисовъ, подъ глубокимъ небомъ, гдѣ звѣзды мигаютъ, какъ бы подсмѣиваясь надъ сантиментальнымъ очарованіемъ тѣней? Что ты говоришь, кукушка? Никто этого не знаетъ. Но расцвѣтшія сердца угадываютъ; и, останавливаясь послушать тебя, они произносятъ страшный вопросъ. Солги имъ, кукушка! Солги имъ, флейта! Любовная свирѣль, повтори имъ сладкую ложь! Пойдемъ со мной, помоги мнѣ сказать имъ: «Все, о чемъ вы мечтали, — сбылось! Весь садъ вашей души въ бѣломъ цвѣту». И не говори имъ, что цвѣты его — цвѣты грезъ, краски — обманъ, отблескъ свѣта на водяныхъ пузыряхъ. Пусть поетъ кукушка! Кто отвѣтитъ на вѣщій голосъ? Что это звучитъ въ ночи? Вода въ рѣкѣ? Прозрачность струй? Жемчужность фонтана? Это смѣется невѣста! Ночь тепла, страстна и свѣтла. Если небо ясно, если вѣтерокъ ласкаетъ, если въ листвѣ звенятъ эоловы арфы, если луна играетъ въ прятки, а звѣзды лукаво подмигиваютъ свѣтиламъ, если поетъ кукушка и пришла любовь, — почему же не смѣяться влюбленной? Прочь, романтическія слезы! Романтиченъ смѣхъ. Когда смѣются уста, сердце бьется быстрѣе, отбиваетъ часы радости, и алыя отъ крови губы раскрываются, предлагая жизненную влагу, а въ груди порхаютъ голуби, спугнутые съ гнѣзда, и порхаютъ рѣсницы надъ блескомъ глазъ, похожихъ на звѣзды и на свѣтила. Смѣется невѣста. Ночь молчитъ, и трели ея смѣха разсыпаются четкими спиралями и поднимаются все выше, выше и выше. Вотъ онѣ уже на лунѣ, вотъ уже на свѣтилахъ, вотъ уже замутили миръ и безмолвіе Млечнаго Пути. И вотъ уже посыпались звѣзды, оттого, что засмѣялась невѣста. Гдѣ упадаютъ скатившіяся звѣзды? Мудрецы этого не знаютъ, но дѣвушки на моей родинѣ мудрѣе мудрецовъ и говорятъ: «Когда видишь падающую звѣзду, шепни желаніе, и если судьба захочетъ, желаніе сбудется». Стоитъ августъ, любовь моя, и падаютъ звѣзды. Пойдемъ смотрѣть на нихъ и шептать желанія, чтобы сбылась наша судьба. Пой, душа, свою чистую, свѣжую, мирную, веселую серенаду о сладкомъ часѣ, о лунной ночи. Рѣка бѣжитъ, колышутся вѣтки, шепчетъ что-то вѣтерокъ. Безмолвіе бодрствуетъ, время спитъ. Бабочка пробуждаетъ ароматы на тростникахъ, касаясь ихъ бархатными крылышками. Безшумно пролетаетъ сова. Въ чащѣ ясеней слышится волшебная трель. Идетъ любовь. Пусть же смѣется невѣста! Пусть поетъ кукушка!

Переводъ съ испанскаго **К. Жихаревой.**

РАЗСКАЗЫ ПЬЕРА МИЛЛЯ.

I.

Въ одинъ воскресный вечеръ.

Вотъ уже скоро тридцать лѣтъ, какъ супруги Гошъ живутъ въ той же самой деревнѣ, около Версаля, на одной и той же квартирѣ, въ которой мебель ни разу не передвигали съ мѣста за все время. И не безъ гордости говорили они о себѣ: «Мы — не парижане!».

Домъ ихъ, стоявшій возлѣ церкви, на вершинѣ холма, весь бѣлый; его фасадъ тщательно выкрашенъ масляной краской, окна обрамлены рѣзными фресками въ греческомъ стилѣ; подъ крышей, надъ вторымъ этажемъ, круглое окошко. Дома парижанъ новѣе; они тѣснились вокругъ вокзала, въ равнинѣ, и построены изъ кирпича и бураго известняка; у нихъ деревянныя галлереи и криво свисавшія крыши. Сады тамъ меньше и расположены, тщеславія ради, впереди дома; потолки ниже, комнаты тѣснѣе, и обитатели ихъ каждый день садятся въ поѣздъ и отправляются по дѣламъ, о которыхъ никто ничего не знаетъ. Къ тому же поставщики продаютъ имъ по другой цѣнѣ. Наконецъ они не домовладѣльцы, а всего лишь квартиронаниматели.

Итакъ, отъ того, что они не парижане, супруги Гошъ испытывали чувство аристократическаго превосходства. Когда-то они скорбѣли о томъ, что у нихъ нѣтъ дѣтей, — желаніе, свойственное всѣмъ людямъ, въ особенности, когда знаешь, что можешь завѣщать кое-что своему потомству. Но съ теченіемъ времени это чувство сгладилось. Больше того, они стали, если можно такъ выразиться, своими собственными дѣтьми: они смотрѣли за собой, берегли себя, наслаждались своимъ здоровьемъ, своими доходами, цвѣтами, фруктами своихъ деревьевъ. Но имъ трудно было жить безъ заботъ. А такъ какъ заботъ не было, то они ихъ выдумывали.

Если вы дадите себѣ трудъ немножко подумать, вы поймете, что это было неизбѣжно. Вѣдь мы научаемся наслаждаться жизнью лишь послѣ того, какъ познаемъ ея отрицательныя стороны. Вотъ почему счастливые, но праздные люди такъ часто мучатъ себя несуществующими бѣдами. Очень многіе изъ нихъ боятся «револю-

ціи». Но супруги Гошъ, очень мало интересовавшіеся политикой въ молодые годы, совсѣмъ перестали заниматься ею на склонѣ лѣтъ, — они ничего въ ней не понимали. Супруги Гошъ нуждались въ безпокойствѣ непосредственномъ и конкретномъ и они обрѣли его въ образѣ воровъ. И немудрено: когда живешь въ Парижѣ или его окрестностяхъ, трудно не опасаться воровъ. Что воры существуютъ — это внѣ сомнѣнія. Ихъ такъ много, что всѣхъ не успѣваютъ и никогда не успѣютъ переловить.

Итакъ, вотъ уже лѣтъ двадцать, какъ супруги Гошъ каждый вечеръ передъ сномъ заглядываютъ подъ свою кровать, нѣтъ ли тамъ вора.

Мадамъ Гошъ обшаривала шкапы и темные углы, а г. Гошъ съ фонаремъ въ рукахъ опускался въ погребъ. Друзья, которымъ они довѣрили тайну своихъ еженощныхъ поисковъ, добродушно подтрунивали надъ ними. Эммелина, ихъ единственная служанка, пообжившись, также не выказывала особеннаго сочувствія, и когда г. Гошъ требовалъ у нея фонарь, а г-жа Гошъ съ трепетомъ открывала дверь гардеробной, — вначалѣ чуть-чуть, затѣмъ на половину, а тамъ и всю настежь, — прислуга преспокойно уходила убирать посуду. Кому же, какъ не ей, было знать, что никто въ домъ не заходилъ?

Супруги Гошъ принимали гостей каждое воскресенье вечеромъ. За однимъ столомъ играли въ винтъ, за другимъ въ экарте.

Къ десяти часамъ подавались для дамъ чай, а для мужчинъ пиво; затѣмъ гости расходились до слѣдующаго воскресенья.

Въ то воскресенье послѣднимъ ушелъ г. Сюбръ, служащій въ регистратурѣ. Смѣясь, онъ сказалъ:

— А теперь вы займетесь своимъ обычнымъ обыскомъ?

Хозяева ничего не отвѣтили. Такого рода шуточки надъ привычкой, ставшей для нихъ второй натурой, привычкой, которой они обязаны были столь острыми переживаніями, стали раздражать ихъ. Эммелина пошла спать. Супруги Гошъ отправились къ себѣ въ спальню. Они испытывали чувство какъ бы униженія. Не легко отказаться отъ принципа, котораго придерживаешься въ теченіе двадцати лѣтъ, который сдѣлался почти основой жизни; они, пожалуй, готовы были сознаться, что немного смѣшно создавать себѣ ужасы, Богъ знаетъ, изъ чего.

— Что воры существуютъ, — произнесъ г. Гошъ, — это не подлежитъ никакому сомнѣнію: не проходитъ дня, чтобы газеты не печатали множество исторій о нихъ. Но, право, если они когда-либо сюда явятся, то не иначе какъ во время нашего сна или въ нашемъ отсутствіи. И чѣмъ больше предосторожностей мы понапрасну примемъ, тѣмъ больше надъ нами будутъ смѣяться!

Въ то время, какъ онъ говорилъ это, г-жа Гошъ открывала и закрывала шкапы, по обыкновенію, ничего не находя въ нихъ. Г. Гошъ пожалъ плечами, но вдругъ подсвѣчникъ выпалъ изъ

рукъ его супруги. Къ счастію, на ночномъ столикѣ стояла зажженная лампочка.

— Что такое? — спросилъ г. Гошъ.

— Тамъ человѣкъ, — отвѣтила жена, — человѣкъ подъ кроватью. Я видѣла его бороду, я видѣла его глаза...

— Не можетъ быть! — возразилъ г. Гошъ, который послѣ двадцати лѣтъ безрезультатныхъ поисковъ поневолѣ сдѣлался скептикомъ.

Тѣмъ не менѣе онъ досталъ револьверъ.

Тутъ до него донесся застѣнчивый и въ то же время угрюмый голосъ:

— Не стрѣляйте! Я сдаюсь! Я сдаюсь, говорю я вамъ...

Г. Гошъ сообразилъ, что воръ подъ кроватью — не особенно опасный соперникъ.

— Оставайтесь тамъ, гдѣ вы находитесь, — сказалъ онъ. — Что вамъ тутъ надо?

Человѣкъ отвѣтилъ, но не на этотъ вопросъ, а на другой, котораго ему не задавали. Это бываетъ иногда, когда испытываешь неловкость.

— Я влѣзъ въ окно со стороны сада, — сказалъ онъ.

Въ то же мгновеніе г. Гошъ замѣтилъ на своемъ столѣ солидный брусокъ стали съ обрѣзаннымъ наискось краемъ и связку ключей. Это уничтожило послѣднія его сомнѣнія: незнакомецъ явился сюда не съ добрымъ намѣреніемъ, какъ подумалъ было одну минуту г. Гошъ. Онъ закричалъ:

— Эммелина! Эммелина! Скорѣе, къ намъ воръ забрался подъ кровать!

— Не можетъ быть! — отвѣтила Эммелина изъ своей мансарды.

Тѣмъ не менѣе она, полураздѣтая, поспѣшила на зрѣлище.

Наконецъ человѣкъ вылѣзъ изъ-подъ кровати; г. Гошъ, сильно взволнованный, не мѣшалъ ему въ этомъ. Голыя ноги вора на коврикѣ передъ кроватью имѣли очень жалкій видъ, да и весь воръ былъ чрезвычайно жалокъ.

— Я ничего не взялъ. Я еще ничего не взялъ.

Г-жа Гошъ вскричала:

— Это воръ, воръ! Эммелина, вы видите теперь!

— Да, мадамъ, — сказала Эммелина.

— А что было бы, если бъ мы не посмотрѣли? — спросилъ г. Гошъ.

Да, если бы они не посмотрѣли! Напрасно надъ ними смѣялись, — въ концѣ концовъ у нихъ былъ воръ, они нашли его!

Странное чувство снисхожденія къ людямъ наполнило его душу.

— Милый мой, — сказалъ г. Гошъ, — я покажу вамъ, гдѣ дверь! Но во второй разъ ужъ не приходите!

Воръ заявилъ, — я предпочитаю не повторять употребленныхъ имъ терминовъ, — что у него нѣтъ ни малѣйшей охоты возобновить свой визитъ, — во всякомъ случаѣ, въ этотъ домъ.

Г. Гошъ проводилъ его по лѣстницѣ, не забывая, однако, пропустить его впереди себя. Когда они очутились въ передней, г. Гошъ увидѣлъ черезъ оставшуюся открытой дверь въ столовую неясныя очертанія бутылки пива, остатокъ недавняго угощенія. Онъ вспомнилъ, что до нея почти не дотронулись, и почувствовалъ въ то же время жажду.

— Вы, навѣрное, не откажетесь выпить стаканъ пива? — сказалъ онъ вору.

Тотъ, обезумѣвшій отъ страха и потерявшій всякую способность оріентироваться, отвѣтилъ:

— Что жъ, можно...

Они опустошили вдвоемъ бутылку. Но при этомъ они не могли смотрѣть другъ другу прямо въ глаза, имъ не о чемъ было говорить, имъ неловко было обмѣняться хоть парою фразъ, а это очень непріятно, когда пьешь вмѣстѣ! Не вымолвивъ слова, г. Гошъ открылъ выходную дверь...

Когда онъ вернулся въ спальню, жена спросила его съ волненіемъ, къ которому примѣшивалось какое-то теплое чувство:

— Онъ ушелъ? Ты увѣренъ, онъ ушелъ?

— Да, — отвѣтилъ мужъ кивкомъ головы.

— Ты хорошо закрылъ дверь на ключъ? Ты спустилъ засовъ, повѣсилъ цѣпь?

Г. Гошъ закрылъ дверь, какъ слѣдуетъ, повѣсилъ цѣпь. Оба раздѣлись, и при этомъ руки ихъ немного дрожали, но они не могли бы сказать, не примѣшивалась ли къ этому волненію доля тщеславія.

Они не могли заснуть.

Вдругъ г-жа Гошъ поднялась, открыла дверь на лѣстницу и крикнула:

— Эммелина! Эммелина!

— Мадамъ дурно? — отозвалась служанка.

— Вы хорошо видѣли его, не такъ ли, Эммелина? — спросила г-жа Гошъ. — Вы теперь сможете сказать всѣмъ, что у насъ былъ воръ!

II.

Воръ.

Когда Марли, послѣ обѣда у знакомыхъ, жившихъ въ самомъ концѣ Отейля, очутился на улицѣ, мысль взять извозчика, чтобы вернуться домой, показалась ему смѣшной: небо было чисто, улица суха, онъ чувствовалъ необычайный приливъ бодрости и веселья, переживая то состояніе, которое физіологи обозначаютъ

терминомъ эйфоріи. Каждый изъ насъ испыталъ хоть разъ въ жизни это восхитительное состояніе: въ осеннее утро, — если есть достаточно силы воли, чтобы встать спозаранку и отправиться на охоту, — кажется, будто такъ же молодъ, силенъ и радостенъ, какъ это мощное, радостное и молодое утро, такое свѣтлое, прозрачное и омытое росою; или послѣ того, какъ послушаешь музыку, — симфоніи Бетховена или нѣмецкія Lieder; или когда вы влюблены, и счастливы, что влюблены; или когда вы провели часокъ въ бесѣдѣ съ такими людьми, которые источаютъ энергію такъ же естественно, какъ звѣзда свѣтъ, — а вѣдь такіе люди есть; наконецъ по причинамъ болѣе банальнымъ, — напримѣръ, послѣ обильнаго обѣда или свѣтскаго разговора, въ которомъ вы сумѣли блеснуть умомъ и позабавить и себя, и другихъ.

Марли испытывалъ необычайную легкость, казался себѣ особенно ловкимъ, умнымъ. Въ такія минуты человѣкъ, въ зависимости отъ темперамента, считаетъ себя или геніемъ, или атлетомъ. Весь проникнутый этой безпричинной восторженностью, Марли спустился къ Сенѣ.

Въ то время, какъ онъ, радостно прислушиваясь къ звуку собственныхъ шаговъ, двигался по набережной, шедшій ему навстрѣчу человѣкъ вытащилъ вдругъ руки изъ кармановъ и быстрымъ движеніемъ протянулъ ихъ къ груди Марли. Послѣдній почувствовалъ скорѣе легкое прикосновеніе, чѣмъ толчокъ, а затѣмъ былъ грубо отброшенъ назадъ, при чемъ его жилетъ gala оказался разстегнутымъ почти на всѣ пуговицы. Марли чувствуетъ, что у него что-то срываютъ, слышитъ звукъ какъ будто падающей на камень пятидесяти-сантимной монеты: это покатилось кольцо отъ его золотой цѣпочки. А незнакомецъ продолжалъ свою дорогу, на этотъ разъ бѣгомъ, направляясь въ сторону къ Point du Jour, яркіе огни котораго неясно виднѣлись въ черныхъ аркахъ перекинувшагося черезъ рѣку моста.

Марли сунулъ руку въ карманъ жилета; человѣкъ вытащилъ у него часы.

Наша реакція на внѣшнія явленія зависитъ отъ того состоянія, въ которомъ находимся, а Марли подвергся нападенію въ моментъ, когда ощущалъ избытокъ силъ. Безпричинная радость, которою онъ весь былъ полонъ, сразу уступила мѣсто бѣшеной потребности сейчасъ же ринуться въ борьбу. Мозгъ его работалъ съ необычайной ясностью и быстротой; мысли вспыхивали отчетливо, — ему казалось, что онъ видитъ ихъ въ образахъ поступковъ, которые должны быть тотчасъ же совершены, какъ это бываетъ во время фехтовальнаго поединка. Въ карманѣ пальто лежалъ револьверъ. Инстинктивнымъ движеніемъ нащупалъ онъ стволъ и рукоятку оружія, спрятаннаго въ замшевомъ футлярѣ. Затѣмъ подумалъ:

«Если я останусь въ полосѣ луннаго свѣта, грабитель бу-

детъ видѣть меня, но не будетъ виденъ мнѣ. Онъ, должно быть, теперь въ тѣни, со стороны домовъ. Сдѣлаю и я то же самое».

Онъ пересѣкъ улицу и увидѣлъ, уже въ отдаленіи, вора, который поспѣшно удалялся. Марли бросился въ погоню; онъ бѣжалъ, оттопыривъ локти, гордый своей ловкостью и равномѣрной быстротой своихъ прыжковъ, при этомъ держась все время вдоль деревьевъ, съ цѣлью по возможности дольше оставаться въ тѣни. Вдругъ неизвѣстный исчезъ. Никакой поперечной улицы на томъ мѣстѣ не было, и Марли сообразилъ, что воръ, должно быть, притаился въ амбразурѣ воротъ или подъѣзда; можетъ быть, онъ пустится на хитрость и, пробормотавъ какое-нибудь имя, проникнетъ въ домъ съ тѣмъ, чтобы черезъ пару минутъ выйти снова на улицу.

Марли продолжалъ бѣжать. Онъ, очевидно, не ошибся, такъ какъ немного впереди его изъ тѣни выплыла человѣческая фигура: тотъ же силуэтъ, тотъ же ростъ, та же шляпа, то же пальто съ поднятымъ воротникомъ, — должно быть, чтобы скрыть лицо. Но на этотъ разъ воръ шелъ медленнымъ шагомъ, какъ человѣкъ, у котораго совѣсть совершенно чиста, — вполнѣ естественная хитрость въ данныхъ обстоятельствахъ. На бѣгущаго человѣка всякій обратитъ вниманіе, — не такъ ли?

Двигаясь съ большой осторожностью на цыпочкахъ, Марли приближался къ вору. Послѣдній, казалось, ни о чемъ не безпокоился. Онъ шелъ, опустивъ голову, не торопясь, какъ порядочный человѣкъ, положительно какъ вполнѣ порядочный человѣкъ. Да, сколько хладнокровія требуется въ этомъ ремеслѣ! Видно, напрактиковался!

Марли одну минуту даже полюбовался имъ, но затѣмъ ощутилъ безпокойство. Получить «свое» обратно, быть можетъ, будетъ не такъ легко. Онъ досталъ изъ кармана револьверъ, вынулъ его изъ футляра, все не переставая бѣжать, и спряталъ его за спиной. Теперь лишь нѣсколько метровъ отдѣляло его отъ человѣка, который не торопился, но, очевидно, услышалъ что-то за собой или инстинктивно почувствовалъ, потому что слегка повернулъ голову. Когда Марли остановился, онъ не обратилъ на это вниманія: кто-то идетъ въ ту же сторону, что и онъ, — вотъ и все! Марли ускорилъ шагъ, чтобы опередить незнакомца, затѣмъ повернулся и, приставивъ револьверъ ко лбу человѣка, произнесъ съ грубостью, которая поразила его, хотя онъ и старался говорить спокойно:

— Живо, дражайшій, часы! Часы, вы слышите! Вы понимаете, о чемъ я говорю?!

Произнося эти фразы, онъ посмотрѣлъ при свѣтѣ фонаря въ лицо незнакомца: мертвенно блѣдное, расширенные зрачки глазъ и, — смѣшно сказать, хотя, право, было не до смѣха, — пара

ушей, которыя слегка шевелились по обѣимъ сторонамъ этой побѣлѣвшей отъ ужаса маски. Нѣтъ, драться, какъ видно, съ нимъ не придется.

— Часы съ цѣпочкой! — повторилъ Марли. — Мигомъ!

Человѣкъ ни минуты больше не колебался. Онъ вынулъ часы изъ кармана и протянулъ ихъ, — рука его сильно дрожала.

— Ладно! — весело произнесъ Марли. — Разговоръ между нами оконченъ! До свиданія!

И онъ повернулъ спину. Воръ его не преслѣдовалъ. Трясущимися ногами онъ зашагалъ въ сторону къ Point du Jour.

У моста Гренель стоялъ фіакръ. Марли кликнулъ его, сказалъ кучеру адресъ и, развалившись на подушкахъ, закурилъ сигару. Онъ испытывалъ такое же чувство опьянѣнія побѣдой, какое, навѣрное, переживаетъ солдатъ, который побывалъ въ атакѣ и вернулся побѣдителемъ, безъ единой раны. Онъ тихо смѣялся, грудь его высоко вздымалась, какъ бы отъ сильнаго притока живительнаго воздуха, освѣжавшаго кровь.

— Я побѣдилъ! Я побѣдилъ! — говорилъ онъ себѣ. — Я устроилъ свое дѣльце одинъ, безъ всякой посторонней помощи. Это, чортъ возьми, пріятно! А когда я разскажу объ этомъ!..

Всѣми фибрами души наслаждался онъ предвкушеніемъ славы.

Переступивъ порогъ своего дома, онъ поспѣшилъ къ себѣ въ спальню, зажегъ электричество и сталъ осматривать себя въ зеркалѣ. Онъ показался себѣ другимъ, красивѣе, выше, чѣмъ раньше; какая солидность во всей фигурѣ, великолѣпное, величавое лицо, взглядъ повелителя, противъ котораго никому не устоять! Онъ пожалѣлъ, что около нѣтъ никого. Дѣйствительно, очень жаль, что никто не могъ видѣть его.

Наконецъ, обводя медленнымъ взглядомъ окружающіе предметы, какъ будто онъ видѣлъ ихъ въ первый разъ, потому что самъ чувствовалъ себя внутренно обновленнымъ, онъ сталъ раздѣваться.

— Кстати, — пробормоталъ онъ, — сколько же теперь времени? Мои часы!

Онъ вытащилъ ихъ изъ кармана жилета.

Золотые часы — какъ его собственные, и цѣпочка походила на его цѣпочку, но это была не его цѣпочка, это были не его часы.

— Что такое? — вскричалъ онъ. — Что такое?

Ему понадобилось нѣсколько минутъ, чтобы отдать себѣ отчетъ во всей гнусности того, что онъ сдѣлалъ.

Человѣкъ, за которымъ онъ гнался, къ которому онъ присталъ, которому онъ грозилъ револьверомъ, былъ вовсе не тотъ, кто похитилъ у него часы! Онъ ошибся, онъ съ оружіемъ въ рукахъ ограбилъ часы у перваго встрѣчнаго, у какого-то несчастнаго прохожаго!

Марли былъ такъ же блѣденъ, какъ тотъ, кого онъ, — уста его выговорили это слово рѣзко, безпощадно, — какъ тотъ, кого онъ «обокралъ».

III.

Обыкновенная исторія.

Съ тѣхъ поръ, какъ мнѣ сказали, что есть много людей въ моемъ положеніи, я сталъ по-настоящему любить человѣчество и жалѣть его. Человѣкъ, дѣйствительно, черезчуръ несчастенъ на землѣ, и, старѣясь, онъ дѣлается все несчастнѣе. Это поистинѣ несправедливо.

Онъ дѣлается все несчастнѣе потому, что, съ каждымъ днемъ, пропорціонально уходящему времени, увеличивается число людей, которыхъ онъ зналъ, которымъ онъ пожималъ руку, съ которыми онъ провелъ вмѣстѣ три часа, три недѣли или три минуты. Я узнаю ихъ всѣхъ болѣе или менѣе хорошо, или, по крайней мѣрѣ, мнѣ кажется, что узнаю, но я не могу запомнить ихъ имена, не могу, — прямо ужасъ! — не могу!

Возьмемъ хотя бы женщинъ. По отношенію къ нимъ слѣдовало бы признать закономъ и вписать въ кодексъ правилъ объ учтивости: «считается естественнымъ, позволительнымъ—не знать, что онѣ существуютъ». Я читалъ гдѣ-то исторію о быкѣ очень крутого нрава, который однажды убилъ своего пастуха потому, что не узналъ этого несчастнаго послѣ того, какъ пастухъ надѣлъ новое платье, не предупредивъ быка. Это кажется мнѣ очень правдоподобнымъ, такъ какъ женщины производятъ на меня аналогичное впечатлѣніе. Въ теченіе двухъ или, самое большее, трехъ недѣль, не больше того, сколько нужно, чтобы привыкнуть, вы знали, допустимъ, зеленую женщину. Вдругъ она становится красной или синей, иногда кремовой, лиловой, сиреневой, гіацинтовой или цвѣта персика. Какъ же знать, что это та же самая? Но я все-таки открылъ способъ выпутываться изъ неловкаго положенія. Я говорю въ такихъ случаяхъ:

— Вы меня простите, но у васъ прямо восхитительная шляпа! И при томъ вы съ каждымъ днемъ хорошѣете. Это положительно сбиваетъ съ толку вашихъ поклонниковъ.

Почти всегда этого достаточно. Онѣ довольны, что показались въ новомъ свѣтѣ. Онѣ довольны еще и потому, быть можетъ, что по характеру онѣ привѣтливы и въ то же время скрытны.

Но когда дѣло идетъ о мужчинѣ, задача становится труднѣе, мучительнѣе. Болѣе того, — очень часто она прямо неразрѣшима. Я совѣтовался съ врачами-спеціалистами, которые лѣчатъ сумасшедшихъ и слабоумныхъ. Они сказали, что тутъ ничего не подѣлаешь. Единственное — это прибѣгнуть къ мнемоникѣ. Такъ, напримѣръ, старайтесь сначала вспомнить первую букву того

имени, которое забыли. Вотъ вамъ доказательство, что специалистъ — человѣкъ крайне односторонній. Онъ врачъ, но не математикъ. Будь онъ математикомъ, онъ зналъ бы, что, имѣя одну начальную букву, можно, съ помощью двадцати трехъ другихъ буквъ, различно расположенныхъ, получить тридцать двѣ тысячи четыреста девятнадцать разныхъ комбинацій; понадобилась бы цѣлая жизнь, чтобы перечислить ихъ.

Есть еще и другіе пріемы, тоже эмпирическіе, но и тѣ почти никогда не приводятъ къ желанному результату. На-дняхъ я встрѣтилъ одного господина на бульварахъ. Я посмотрѣлъ на него, онъ на меня. Затѣмъ онъ направляется ко мнѣ, я — къ нему, потому что онъ идетъ ко мнѣ. Что же было дѣлать? Онъ заговариваетъ:

— Какъ поживаете?

Я боялся, что онъ замѣтитъ мое замѣшательство, и потому, приличія ради, поспѣшилъ выразить на своемъ лицѣ весь возможный энтузіазмъ и отвѣтилъ:

— Какая пріятная встрѣча!

Говорятъ, что передъ умственнымъ взоромъ тонущаго въ одно мгновеніе проносится вся его прошедшая жизнь. Утверждать это не берусь, ибо никогда не пробовалъ топиться. Но не подлежитъ сомнѣнію, что въ минуты отчаянія мозгъ работаетъ съ ужасающей быстротой и въ то же время совершенно безъ всякой пользы. Вначалѣ я подумалъ:

«Да, нечего сказать, пріятная встрѣча! И дернуло же меня повернуть голову въ сторону этого животнаго! Вѣдь могъ же я сдѣлать видъ, что не замѣчаю его!.. Но кто же это? Высокій, полный, шатенъ. Полный, но не слишкомъ. Жаль, что не очень полный: такихъ я знаю мало, — легче было бы вспомнить. Буду, однако, вспоминать потомъ, теперь надо что-нибудь сказать».

Побуждаемый настоятельной необходимостью, я произнесъ:

— Что вы подѣлываете теперь?

Вопросъ этотъ показался мнѣ очень умнымъ, и я внутренно похвалилъ себя. Если бы мнѣ еще удалось узнать общественное положеніе этого малознакомаго мнѣ господина, я значительно подвинулся бы впередъ въ своихъ поискахъ. Когда-то я встрѣчалъ свѣтлаго шатена съ такой же фигурой; тотъ имѣлъ касательство не то къ финансамъ, не то къ политикѣ, не то къ театру, не то къ промышленности, а, можетъ быть, къ искусству или даже къ мошенничеству. Но вотъ онъ пожалъ плечами и отвѣтилъ равнодушнымъ тономъ:

— То же, что и раньше. А вы?

Какой оселъ! Я съ наслажденіемъ убилъ бы его. Но Богъ обидѣлъ меня физической силой. Я возразилъ:

— Что дѣлаю? То же, что и прежде, какъ вы!

Мы оба засмѣялись, потому что вѣдь это сущая правда: ка-

ждый изъ насъ дѣлаетъ то же, что дѣлалъ раньше. Я нарочно продолжилъ этотъ приступъ веселости: благодаря ему я выигрывалъ время. Но пришлось все-таки остановиться, чтобы не показаться глупымъ. Но кто же это? кто? Я пробормоталъ:

— Какъ бы тамъ ни было, а видъ у васъ хорошій... Да, да, да, видъ у васъ хорошій! Сразу видно, что вы очень хорошо себя чувствуете теперь.

Это сказано было мною не безъ коварной цѣли: я знаю трехъ полныхъ шатеновъ, у которыхъ былъ аппендицитъ. Окажись онъ случайно однимъ изъ нихъ, это навело бы меня на слѣдъ.

Но онъ отозвался нѣсколько обиженнымъ тономъ:

— Я всегда чувствовалъ себя очень хорошо!

Опять я былъ побитъ; мною овладѣло бѣшенство. Оно мнѣ придало храбрости, и я уже собирался положить конецъ разговору, сказать ему: «Итакъ, дорогой другъ, до скораго свиданія... Надѣюсь, что на этотъ разъ мы увидимся вновь гораздо скорѣе!»

Но онъ снова заговорилъ:

— Зайдемъ, — предложилъ онъ, — на минутку въ это кафе!

Тутъ я вынужденъ сдѣлать признаніе. Знай я, кто онъ, я бы его предложенія не принялъ. Я никогда не хожу въ кафе. Но я чувствовалъ, что изъ насъ двухъ превосходство было на его сторонѣ, и именно потому, что я не зналъ, кто онъ, чортъ возьми! Это мнѣ казалось оскорбительнымъ. Ничто такъ не раздражаетъ, какъ тайна; и при томъ, это могла быть какая-нибудь важная шишка! Я смутно припоминалъ, что у меня были два или три знакомыхъ — тоже свѣтлые шатены, полные, — которые занимали очень высокое положеніе. Съ моей стороны было бы безусловно неосторожно попрощаться съ нимъ, не сказавъ ему нѣсколько лестныхъ словъ, которыхъ онъ, очевидно, ждалъ.

Мы зашли въ кафе. Есть что-то пріятное, одуряющее въ шумной сутолокѣ этихъ учрежденій. Она заполняетъ пустоту словъ, возбуждаетъ мозгъ, онъ начинаетъ быстрѣе работать, — въ концѣ концовъ, слова сами приходятъ на умъ. Знакомый незнакомецъ, бывшій для меня до тѣхъ поръ анонимомъ безъ имени, сразу преобразился въ тотъ симпатичный, неопредѣленнаго характера, типъ, который называется «рестораннымъ знакомымъ». Мы высказали сходныя мнѣнія по поводу нѣкоторыхъ общественныхъ явленій, о Богѣ, семьѣ, собственности, литературѣ и женщинахъ. Я вкусилъ нѣсколько счастливыхъ минутъ душевнаго покоя.

Но незамѣтно со столовъ исчезли графины и кружки, и на мѣстѣ ихъ появились бѣлыя скатерти и сверкающіе приборы. Лакеи стали разносить супъ въ металлическихъ мискахъ. Метрдотель конфиденціально подходилъ то къ одному, то къ другому изъ обѣдающихъ.

— А у нихъ тутъ нѣтъ хорошаго туринскаго вина? Я вѣдь родомъ изъ Турина . . .

Онъ родомъ изъ Турина! Ну, могъ ли я его покинуть теперь, когда наконецъ напалъ на слѣдъ? Могъ ли я совершить такой актъ малодушія послѣ того, какъ столько уже сдѣлано, столько сдѣлано?! .

— Не согласитесь ли пообѣдать со мною? — вскричалъ я.

Такимъ образомъ, я пригласилъ кого-то раздѣлить со мною мою вечернюю трапезу по той лишь причинѣ, что не могъ припомнить его имени. Не повести же его къ себѣ на домъ: у меня семья, я принужденъ былъ бы представить его. А какъ его представишь, разъ я не знаю его имени! Я повелъ его въ ресторанъ.

— Я знаю,—сказалъ я ему,—гдѣ можно найти туринское вино!

Я мучился угрызеніями совѣсти, такъ какъ не привыкъ обѣдать внѣ дома, не предупредивши семейныхъ. Къ несчастію, это мѣшало мнѣ спокойно сосредоточиваться на главной задачѣ: какихъ свѣтлыхъ шатеновъ солидной толщины знавалъ я въ Туринѣ? А что, если тѣ, которыхъ я знавалъ, никогда не признавались мнѣ, что они изъ Турина! О, во сколько разъ легче изслѣдовать дѣвственные лѣса, спуститься въ Сену въ водяномъ колоколѣ, написать Иліаду, даже Иліаду! Къ тому же Гомеръ умеръ; онъ оказалъ человѣчеству огромную услугу тѣмъ, что умеръ, или даже тѣмъ, что вовсе не существовалъ. По крайней мѣрѣ, не рискуешь встрѣтить его, чтобы затѣмъ мучиться вопросомъ: онъ ли это? Право, было бы куда удобнѣе, если бы весь свѣтъ умеръ.

Выпивши съ нимъ одну бутылку Бургей и двѣ бутылки Кло-де-Ротиссанъ, я узналъ, что человѣкъ, имя котораго неизвѣстно мнѣ, былъ женатъ, у него трое дѣтей, тетка, четверо братьевъ и предрасположеніе къ подагрѣ, что въ карманѣ у него хранится письмо отъ одной нѣсколько полной брюнетки. Но попрежнему не зналъ я его имени. А израсходовалъ я сорокъ четыре франка шестьдесятъ сантимовъ. Я замѣтилъ это, платя по счету. Мнѣ оставалось лишь бѣжать, бѣжать съ позоромъ, послѣ того, какъ я докатился до послѣдней ступеньки ослабленія умственныхъ способностей и униженія.

— Ну, — сказалъ я, — я долженъ васъ оставить. Но какъ я доволенъ сегодняшнимъ вечеромъ!

Взявъ его за обѣ руки, я прибавилъ съ бѣшенствомъ въ душѣ:

— До свиданія . . . дорогой другъ!

Въ это мгновеніе я замѣтилъ еще одного друга, настоящаго друга, — я хочу сказать: друга, имя котораго было извѣстно мнѣ. Онъ подсѣлъ ко мнѣ, поговорилъ, и затѣмъ, чтобы показать, что хорошо воспитанъ, этотъ жалкій идіотъ говоритъ мнѣ, указывая на человѣка, имя котораго я не могъ припомнить:

— Представь мнѣ, пожалуйста, твоего друга!

Не знаю, какъ я тогда не покончилъ съ собой!

IV.

Ежегодникъ.

Если на то пошло, скажу вамъ всю правду, — медленно произнесъ Ларшэ, очнувшись отъ глубокой задумчивости, — я ничему этому не вѣрю.

Это были его первыя слова за весь вечеръ, и потому г. Костепьеръ, его другъ и коллега, рѣшился спросить:

— Чему вы не вѣрите?

— Всѣмъ этимъ толкамъ о злоупотребленіяхъ въ министерствахъ, — отвѣтилъ Ларшэ. — Мнѣ это кажется невозможнымъ.

— А между тѣмъ... — сказалъ Костепьеръ.

— Нѣтъ, дорогой другъ, нѣтъ! Во Франціи ужъ такая традиція: контрольныя учрежденія обходятся гораздо дороже, чѣмъ тѣ безпорядки, которые они призваны устранять. Хорошо еще, если бы устраняли ихъ надлежащимъ образомъ! Какъ бы то ни было, привычка усвоена, и вы сами знаете, съ какимъ остервененіемъ администрація бросается за исправленіе ошибокъ въ пятьдесятъ сантимовъ. Во время моихъ историческихъ изысканій мнѣ пришлось близко ознакомиться съ архивами одного министерства, — вы позволите мнѣ не называть его имени. Въ нихъ я нашелъ неопровержимое доказательство этой безкорыстной заботы о казенныхъ суммахъ:

* * *

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ кабинетъ одного изъ высшихъ чиновъ министерства внутреннихъ дѣлъ вошелъ курьеръ.

— Съ вами немедленно желаетъ говорить, — доложилъ онъ, — чиновникъ департамента стачекъ и бунтовъ. Онъ сказалъ, что явился съ конфиденціальнымъ порученіемъ.

Посѣтителя ввели. Это былъ скромно одѣтый человѣкъ съ мягкими и учтивыми манерами.

— Меня послалъ начальникъ архивовъ нашего министерства узнать: умеръ ли великій князь Подоліи?

Высшій чинъ министерства внутреннихъ дѣлъ привскочилъ съ мѣста.

— Великій князь Подоліи! Развѣ онъ сталъ жертвой несчастнаго случая? Значитъ, на него было совершено покушеніе?! Онъ убитъ? Но откуда вы получили эту новость?

Чиновникъ архива пожалъ плечами; онъ былъ ошеломленъ потокомъ посыпавшихся на него вопросовъ.

— Право, не знаю что̀ отвѣтить вамъ. Я самъ ничего не знаю. Я исполняю порученіе, — вотъ и все. Мой начальникъ позвалъ меня и сказалъ: «Отправляйтесь сейчасъ же въ министерство внутреннихъ дѣлъ и справьтесь тамъ: умеръ ли его высоче-

ство великій князь Подоліи?» Я исполнилъ то, что мнѣ велѣли. А онъ умеръ?

— Не знаю, — отвѣтило высокопоставленное лицо. — Необходимо навести справки.

Справки были наведены. Никто въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ не зналъ, умеръ или нѣтъ великій князь Подоліи. Но всѣ сошлись на томъ, что нельзя оставаться въ неизвѣстности относительно столь потрясающаго обстоятельства, и что необходимо навести справку у префекта полиціи, но отнюдь не по телефону, чтобы не подслушали.

Важное лицо изъ министерства внутреннихъ дѣлъ вызвалось само сопровождать архивнаго чиновника министерства стачекъ и бунтовъ. Въ префектурѣ всѣ были какъ громомъ поражены. Бомба? Покушеніе съ политической цѣлью? Несчастный случай? Кто первый узналъ эту новость?

— Ничего не знаю, — повторилъ чиновникъ, попрежнему невозмутимый. — Начальникъ позвалъ меня и сказалъ: «Пойдите, справьтесь въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ: не умеръ ли великій князь Подоліи?» Изъ министерства внутреннихъ дѣлъ меня послали сюда. Я дѣлаю то, что мнѣ велѣно.

— Я тоже, — сказало высокопоставленное лицо изъ министерства внутреннихъ дѣлъ, — исполняю свой служебный долгъ, сопровождая этого господина.

А такъ какъ въ префектурѣ тоже ничего не было извѣстно, то рѣшили поѣхать въ министерство иностранныхъ дѣлъ, и къ представителямъ двухъ департаментовъ присоединился чиновникъ префектуры.

Посольство было принято молодымъ дипломатомъ, отличавшимся кроткимъ нравомъ и изящными манерами.

— Милостивый государь, — заявилъ чиновникъ архивовъ, — я пришелъ узнать: умеръ ли великій князь Подоліи?

— Вы имѣете въ виду принципіальную сторону дѣла, или рѣчь идетъ о справкѣ фактическаго характера? — спросилъ молодой дипломатъ.

Эта фраза сама по себѣ не имѣла никакого смысла; но въ дипломатіи такими словами принято скрывать волненіе. Они даютъ возможность выгадать время для того, чтобы оправиться, подумать и вызвать въ собесѣдникѣ чувство смущенія и уваженія.

— Не могу вамъ сказать, — упорствовалъ теперь уже чиновникъ министерства стачекъ и бунтовъ. — Мнѣ велѣно справиться: умеръ ли великій князь Подоліи? Мы вездѣ справляемся объ этомъ!

Въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ не знали, умеръ ли великій князь Подоліи. Но было точно извѣстно, что онъ находится въ Парижѣ. Это усугубляло важность всякаго событія, касающа-

гося его особы. Рѣшено было отправиться къ нему во дворецъ, куда вся компанія и добралась въ двухъ фіакрахъ.

— Милостивый государь, — обратились запыхавшіеся члены кортежа къ секретарю великаго князя, — мы хотѣли бы узнать: въ добромъ ли здравіи его высочество?

— Я думаю, господа, я думаю! — отвѣтилъ секретарь. — Его высочество будетъ безконечно тронутъ вашимъ вниманіемъ. Къ сожалѣнію, я лишенъ возможности поставить его въ извѣстность объ этомъ: онъ уѣхалъ въ Кабургъ, гдѣ предприметъ прогулку по морю на яхтѣ одного изъ своихъ друзей.

Замѣтивъ, однако, на лицахъ посѣтителей выраженіе ужаса, онъ прибавилъ:

— Что? Бомба, покушеніе, буря? Скорѣе, ради Бога, господа, ѣдемъ въ морское министерство за свѣдѣніями!

И они отправились на этотъ разъ въ трехъ фіакрахъ. Эта толпа людей, гнавшихся по слѣдамъ невѣдомой тайны, наводила страхъ на всѣхъ, кто попадался имъ на пути. Общее волненіе возрасло: въ морскомъ министерствѣ ничего не знали. Вмѣсто того, чтобы разсѣяться, тайна возрасла. Тѣмъ не менѣе, министръ, когда ему доложили обо всемъ, высказалъ простую и ясную мысль:

— Начальникъ архива желаетъ знать: умеръ ли великій князь Подоліи? Слѣдовало бы спросить его: почему онъ интересуется этимъ вопросомъ?

Мысль эта показалась остроумной. Четыре извозчика остановились у подъѣзда архивовъ. Делегація поднялась по лѣстницамъ, прошла коридоры. И, очутившись предъ первоначальнымъ виновникомъ всей суматохи, закричала въ одинъ голосъ:

— Вы узнали, что великій князь Подоліи умеръ? Откуда вы узнали объ этомъ?

Начальникъ архивовъ поднялъ голову и съ удивленіемъ отвѣтилъ:

— Я совсѣмъ не знаю, что онъ умеръ. Я спрашивалъ: въ живыхъ ли онъ еще? Это совсѣмъ не одно и то же. Мы печатаемъ статистическій ежегодникъ, который, по обыкновенію, разсылаемъ всѣмъ великимъ міра сего. И прежде, чѣмъ израсходоваться на экземпляръ для великаго князя Подоліи, я хотѣлъ знать, живъ ли онъ еще. Вполнѣ естественная предосторожность: переплетъ изъ краснаго сафьяна для этого изданія обходится намъ въ двадцать пять франковъ!

* * *

Г. Костепьеръ выслушалъ съ улыбкой разсказъ объ этомъ приключеніи.

— Вашъ другъ, начальникъ канцеляріи архивовъ, — сказалъ онъ Ларшэ, — имѣлъ въ виду съэкономить двадцать пять франковъ, но, благодаря его административной предусмотрительности,

государство истратило пятьдесятъ франковъ на извозчиковъ. Это, право, симптоматично... А затѣмъ вы, быть можетъ, вспомните, дорогой коллега, то мѣсто въ интересныхъ очеркахъ д'Авенеля о механизмѣ современной жизни, гдѣ онъ разсказываетъ исторію хозяина одного крупнаго магазина, который въ первые годы существованія предпріятія каждый вечеръ собиралъ съ женой кусочки веревокъ, валявшихся у прилавковъ. Онъ обнаруживалъ этимъ необычайную ревность къ дѣлу. А спустя нѣсколько лѣтъ кассиръ его смогъ украсть у него двѣнадцать тысячъ франковъ, и онъ даже не замѣтилъ пропажи. Государство сильно напоминаетъ мнѣ этого почтеннаго коммерсанта...

Переводъ съ французскаго **О. Сидерской.**

ПОСЛѢСЛОВІЕ КЪ „РОМАНЦЕРО“.

ГЕНРИХЪ ГЕЙНЕ.*

Я назвалъ эту книгу «Романцеро» потому, что въ стихотвореніяхъ, собранныхъ здѣсь, преобладаетъ тонъ романса. За немногими исключеніями, всѣ они были написаны въ послѣдніе три года, когда мое страдающее тѣло на каждомъ шагу было мнѣ помѣхой. Одновременно съ «Романцеро» я въ томъ же изданіи выпускаю книжечку, озаглавленную: «Докторъ Фаустъ, танцовальная поэма, съ добавленіемъ любопытныхъ свѣдѣній о чортѣ, вѣдьмахъ и поэзіи». Рекомендую ее почтеннѣйшей публикѣ, которая не прочь послушать о такихъ вещахъ, не ломая себѣ надъ ними головы: это легкая ювелирная работа, надъ которой, конечно, не одинъ кузнецъ покачаетъ головой. Вначалѣ я имѣлъ намѣреніе и это произведеніе включить въ составъ «Романцеро», но отказался отъ него, чтобы не нарушать единства настроенія, господствующаго въ послѣднемъ и придающаго ему свой особенный колоритъ. Эту танцовальную поэму я написалъ въ 1847 году, въ тотъ періодъ, когда мой злой недугъ уже изрядно развился, но еще не омрачалъ духа моего своей угрюмой тѣнью. Тогда у меня было еще немного мяса на костяхъ и язычества въ душѣ, и я еще не дошелъ до состоянія спиритуалистическаго скелета, который нынѣ близится къ полному распаду. Да развѣ въ дѣйствительности я еще существую? Тѣло мое до того все съежилось, что отъ него прямотаки ничего не осталось, кромѣ голоса, а кровать моя напоминаетъ мнѣ звучащую гробницу волшебника Мерлина, въ лѣсу Брозеліанъ, въ Бретани, подъ высокими дубами, верхушки которыхъ зелеными огнями возносятся къ небу. Ахъ, какъ я завидую тебѣ, коллега

---

* Предлагаемый читателямъ переводъ „Послѣсловія къ „Романцеро“ Генриха Гейне переведеннаго въ 1864 г. съ большими пропусками появляется на русскомъ языкѣ полностью впервые.

Эти страницы написаны уже умирающимъ поэтомъ и являются, на нашъ взглядъ, однимъ изъ наиболѣе цѣнныхъ и совершенно необходимыхъ матеріаловъ для характеристики поэта.

Интересъ къ нимъ усиливается еще и тѣмъ, что, за исключеніемъ своихъ мемуаровъ, уничтоженныхъ родственниками поэта, Гейне за этотъ періодъ мучительной своей болѣзни (1851—56 гг.), кромѣ этихъ страницъ да еще нѣсколькихъ стихотвореній, ничего не оставилъ.

Примѣч. ред.

Мерлинъ, изъ-за этихъ деревьевъ и прохлады, ими навѣваемой! Въ моей выложенной матрацами пещерѣ въ Парижѣ не шелохнетъ ни единый зеленый листокъ; съ ранняго утра до поздней ночи я только и слышу здѣсь громыханье телѣгъ, стукъ молотковъ, перебранку да бренчанье на фортепіано. Могила безъ тишины и покоя, смерть безъ привилегій умершихъ — не выдавать денегъ на расходы, не писать писемъ и, тѣмъ болѣе, книгъ — незавидная участь. Съ меня давнымъ-давно уже сняли мѣрку для гроба и для некролога, но я умираю такъ медленно, что это положительно становится скучнымъ и для меня, и для моихъ друзей. Но — терпѣніе: всему бываетъ конецъ. Какъ-нибудь утромъ вы найдете запертымъ балаганъ, гдѣ васъ такъ часто забавляли кукольныя комедіи моего юмора.

Но что станется, когда я умру, съ бѣдными маріонетками, которыя столько лѣтъ служили мнѣ для этихъ представленій? Что, напримѣръ, станется съ Масманомъ? Я неохотно разстаюсь съ нимъ, и на меня прямо-таки тоска нападаетъ, когда я вспомню стихи:

Не вижу больше короткихъ ножекъ,
И плоскаго носа нѣтъ ..
Какъ пудель выкидывалъ онъ, рѣзвъ и веселъ,
Въ травѣ за курбетомъ курбетъ.

И вдобавокъ онъ знаетъ латынь. Я столько разъ въ своихъ сочиненіяхъ утверждалъ противное, что въ концѣ концовъ никто уже не сомнѣвался въ правдивости моего утвержденія, и бѣдняга сдѣлался всеобщимъ посмѣшищемъ. Школьники спрашивали его, на какомъ языкѣ былъ написанъ «Донъ-Кихотъ», и когда мой бѣдный Масманъ отвѣчалъ: «на испанскомъ», — они возражали, что онъ заблуждается, что «Донъ-Кихотъ» написанъ по-латыни, а онъ это принимаетъ за испанскій языкъ. Даже собственная его супруга была столь жестока, что при каждомъ домашнемъ недоразумѣніи кричала, что удивляется, какъ это мужъ не понимаетъ ея; вѣдь она же говоритъ по-нѣмецки, а не по-латыни. Масмановская бабушка, прачка безупречной нравственности, нѣкогда стиравшая на Фридриха Великаго, до того огорчалась позоромъ внука, что сошла въ могилу; дядя его, честный старопрусскій сапожникъ, вообразилъ себѣ, что племянникъ опозорилъ всю семью, и съ горя запилъ.

Сожалѣю, что моя юношеская необдуманность причинила столько бѣдъ. Почтенную прачку я, къ сожалѣнію, не въ силахъ уже воззвать обратно къ жизни и дядю съ нѣжнымъ сердцемъ, нынѣ валяющагося по берлинскимъ канавамъ, не смогу уже отучить отъ водки; но его самого, моего бѣднаго Петрушку, Масмана, постараюсь реабилитировать въ общественномъ мнѣніи, торжественно взявъ назадъ все, что я когда-либо говорилъ о его без-

латинности, латинской импотенціи, его magna linguae romanae ignorantia.

Это облегчило бы мою совѣсть. Когда лежишь на смертномъ одрѣ, становишься очень чувствительнымъ и мягкосердечнымъ, и хочется заключить миръ съ Богомъ и всѣмъ свѣтомъ. Сознаюсь, многихъ я и царапалъ, и кусалъ; я далеко не былъ агнцемъ. Но, повѣрьте мнѣ, эти ваши хваленые агнцы кротости были бы гораздо менѣе кротки, если бъ природа надѣлила ихъ зубами и лапами тигра. Могу похвастать, что этимъ своимъ прирожденнымъ оружіемъ я пользовался рѣдко. Съ тѣхъ поръ, какъ самъ я нуждаюсь въ Божіемъ милосердіи, я всѣмъ моимъ врагамъ даровалъ амнистію; и потому многія прекрасныя стихотворенія, направленныя противъ очень высокихъ и очень низкихъ особъ, не были включены въ предлагаемый сборникъ. Стихотворенія же, заключавшія въ себѣ язвительныя выходки противъ Самого Господа Бога — хотя бы и въ затушеванномъ видѣ — я со страхомъ и трепетомъ предалъ огню: пусть ужъ лучше горятъ стихи, чѣмъ стихотворецъ. Да, я заключилъ миръ какъ съ Творцомъ, такъ и съ тварью, къ величайшему неудовольствію моихъ просвѣщенныхъ друзей, которые корятъ меня этимъ возвратомъ къ старымъ суевѣріямъ, какъ имъ угодно называть мое возвращеніе къ Богу. Нѣкоторые въ своей нетерпимости выражаются еще рѣзче. Весь высшій клиръ атеизма изрекъ мнѣ: «анаѳема», и среди поповъ невѣрія есть такіе фанатики, которые охотно вздернули бы меня на дыбу, чтобъ заставить меня отречься отъ моей ереси. Къ счастію, въ ихъ распоряженіи нѣтъ иныхъ орудій пытки, кромѣ ихъ писаній. Но я и безъ пытки готовъ во всемъ сознаться. Да, я, какъ блудный сынъ, вернулся къ Богу, послѣ того, какъ долгое время пасъ свиней у гегеліанцевъ. Нужда ли погнала меня назадъ? Или же менѣе мизерабельная причина? * Но только тоска по небесной отчизнѣ овладѣла мною и гнала меня черезъ дебри и ущелья, по самымъ головокружительнымъ горнымъ тропинкамъ діалектики. По пути я встрѣтилъ бога пантеистовъ, но для меня онъ оказался непригоденъ. Это жалкое, выдуманное существо срослось и переплелось съ міромъ, заключено въ немъ какъ въ темницѣ и — безвольное и безсильное — лишь пялитъ на тебя, зѣвая, глаза. Чтобы имѣть волю, надо быть личностью, а чтобы проявлять ее, надо имѣть локти свободными. Всякій же, жаждущій Бога, Который могъ бы помочь ему — а главное вѣдь въ этомъ, — обязанъ признать и Его личность, и Его внѣмірность, и всѣ атрибуты Его святости: всеблагость, всемудрость, всеправедность и пр. А затѣмъ уже въ концѣ торга онъ получитъ въ придачу и безсмертіе, и загробную жизнь: такъ мясникъ, когда онъ доволенъ покупателемъ, безвозмездно бросаетъ ему въ коробъ мозговую косточку. Эта вкус-

* Сравни „Введеніе къ Романцеро".

ная мозговая косточка на языкѣ французской кухни называется réjouissance и изъ нея варятъ чудеснѣйшій бульонъ, весьма полезный и крѣпительный для бѣднаго истомленнаго больного. Что я не отвергъ такой réjouissance, а, наоборотъ, не безъ удовольствія прибралъ ее себѣ, за это всякій человѣкъ съ душой можетъ только похвалить меня.

Я упомянулъ о богѣ пантеистовъ, но не могу не замѣтить кстати, что, въ сущности, онъ совсѣмъ и не богъ, точно такъ же, какъ пантеисты, въ сущности, только застыдившіеся (стыдливые) атеисты, боящіеся не столько самой вещи, сколько ея имени, ея тѣни на стѣнѣ. И большинство изъ нихъ въ Германіи въ періодъ реставраціи разыгрывали съ Господомъ Богомъ ту же пятидесятилѣтнюю комедію, какую здѣсь, во Франціи, разыгрывали съ монархизмомъ конституціонные роялисты, которые въ душѣ по большей части были республиканцами. Послѣ іюльской революціи и по эту, и по ту сторону Рейна маски были сброшены. Съ тѣхъ поръ, — въ особенности послѣ паденія Луи-Филиппа, лучшаго монарха, когда-либо носившаго конституціонный терновый вѣнецъ — здѣсь, во Франціи, сложилось такое убѣжденіе, что выдержать критику разума и опыта могутъ лишь двѣ формы правленія: абсолютная монархія и республика, и выбирать надо одну изъ двухъ: вся же промежуточная мѣшанина лжива, неустойчива и гибельна. Такимъ же манеромъ и въ Германіи всплыло на поверхность мнѣніе, что надо выбирать между религіей и философіей, между догматомъ вѣры, добытымъ путемъ откровенія, и послѣдними выводами мысли, — между абсолютнымъ библейскимъ Богомъ и атеизмомъ.

Чѣмъ смѣлѣй, рѣшительнѣй умы, тѣмъ легче они становятся жертвами такихъ дилеммъ. Что касается меня лично, въ политикѣ я не могу похвалиться особеннымъ прогрессомъ: я остался при тѣхъ же демократическихъ принципахъ, которымъ я далъ обѣтъ въ ранней юности и которые чѣмъ дальше, тѣмъ пламеннѣй отстаивалъ. Зато въ области теологіи я, каюсь, повиненъ въ регрессѣ, ибо, какъ уже сознался выше, я вернулся къ старымъ суевѣріямъ, къ личному Богу. Этого уже не затушуешь, какъ то пытались сдѣлать иные просвѣщенные и благожелательные друзья. И все же я вынужденъ категорически протестовать противъ слуховъ, будто мое обращеніе вспять привело меня къ порогу какой бы то ни было церкви или даже въ лоно ея. Нѣтъ, мои религіозные убѣжденія и взгляды остались свободными отъ всякой церковности; ни разу колокольный звонъ не соблазнилъ меня и ни одна свѣча у алтаря не ослѣпила. Я не заигрывалъ съ символикой, и не совсѣмъ отрекся отъ своего разума. Вообще я ни отъ чего не отрекался, ни даже отъ прежнихъ моихъ языческихъ боговъ, отъ которыхъ я хоть и отвернулся, но разстался съ ними любовно и дружески. Это было въ маѣ 1848 года, въ тотъ день, когда я въ

послѣдній разъ вышелъ изъ дому и простился съ милыми кумирами, которымъ я поклонялся въ годы моего счастія. Съ превеликимъ трудомъ дотащился я до Лувра и едва не упалъ отъ усталости, когда вошелъ въ высокій залъ, гдѣ стоитъ на своемъ пьедесталѣ благодатная богиня красоты, Мадонна Милосская. У ногъ ея я долго лежалъ и плакалъ такъ горько, что и камень сжалился бы надо мною. И богиня смотрѣла на меня сверху внизъ сострадательно и въ то же время безнадежно, какъ бы говоря: «Развѣ ты не видишь, что у меня нѣтъ рукъ, и, слѣдовательно, я не могу помочь?»

На этомъ я обрываю, ибо впалъ уже въ плаксивый тонъ, который можетъ, чего добраго, совсѣмъ овладѣть мною, если я подумаю о томъ, что теперь мнѣ надлежитъ проститься и съ тобою, дорогой читатель. При этой мысли я чувствую себя до извѣстной степени растроганнымъ, ибо съ тобою я разстаюсь неохотно. Авторъ, въ концѣ концовъ, привыкаетъ къ своей публикѣ, словно къ разумному существу. И тебя, повидимому, огорчаетъ, что я вынужденъ сказать тебѣ «прости»; ты растроганъ, дорогой читатель, и драгоцѣнные перлы капаютъ изъ слезницъ твоихъ. Но успокойся, мы свидимся съ тобою въ лучшемъ мірѣ, гдѣ я надѣюсь написать для тебя и лучшія книги, — предполагаю, что тамъ улучшится и мое здоровье, и что Сведенборгъ не обманулъ меня. Онъ положительно утверждаетъ, что въ мірѣ иномъ мы преспокойно будемъ продолжать жить тою же жизнью, какъ и въ этомъ, что индивидуальность наша останется нетронутой и что смерть отнюдь не является особенной помѣхой нашему физическому развитію. Сведенборгъ честнѣйшій малый, и его разсказы о загробномъ мірѣ, гдѣ онъ своими глазами видѣлъ лицъ, игравшихъ видную роль на нашей землѣ, — достойны вѣры. Большинство, по его словамъ, остались тѣмъ, чѣмъ были, и занимаются тѣмъ же, чѣмъ занимались раньше, вслѣдствіе чего кажутся устарѣлыми, старомодными, и это выходитъ иной разъ очень смѣшно. Такъ, напримѣръ, нашъ милѣйшій докторъ Лютеръ такъ и остался при своемъ ученіи о благодати, въ защиту котораго онъ въ теченіе трехсотъ лѣтъ изо дня въ день выдвигаетъ все тѣ же заплѣсневѣвшіе аргументы — точно такъ же, какъ и покойный баронъ Экштейнъ *, который двадцать лѣтъ подъ рядъ ежедневно помѣщалъ въ «Allgemeiner Zeitung» одну и ту же статью, постоянно пережевывая все ту же старую іезуитскую жвачку. Но, какъ уже было говорено, не всѣхъ, игравшихъ роль здѣсь внизу, Сведенборгъ нашелъ въ такомъ ископаемомъ оцѣпенѣніи; иные сумѣли на томъ свѣтѣ здорово развить свою личность и въ хорошую, и въ дурную сторону, и оттого тамъ встрѣчаются изумительныя вещи. Герои

* Ф. Экштейнъ, крещеный еврей, получившій дворянство, писалъ въ „Allgem, Zeit." статьи противъ либерализма.

и праведники, напримѣръ, тамъ опустились и стали хулиганьемъ и бездѣльниками, но бываетъ и обратное. Такъ, напримѣръ, одинъ отшельникъ страшно возгордился, узнавъ, какъ благоговѣйно чтитъ его и поклоняется ему весь католическій міръ, и онъ, — здѣсь на землѣ противостоявшій самымъ страшнымъ искушеніямъ, — теперь сталъ наглѣйшимъ повѣсой и распутникомъ, который соперничаетъ со своей свиньей въ искусствѣ барахтаться въ грязи. Цѣломудренную Сусанну довела до самаго постыднаго паденія кичливость своей нравственностью, которую она почитала непобѣдимой, и она, давшая такой славный отпоръ похотливымъ старцамъ, поддалась соблазнамъ юнаго Авессалома, сына Давидова. Наоборотъ, дочери Лота съ теченіемъ времени стали гораздо добродѣтельнѣе, чѣмъ были, и въ новомъ мірѣ слывутъ образцами благопристойности. Старикъ отецъ ихъ, къ сожалѣнію, продолжаетъ попивать.

Какъ ни глупо звучатъ такія свѣдѣнія, все же они важны и свидѣтельствуютъ о проницательности и умѣ великаго скандинавскаго провидца, который постигъ единство и недѣлимость нашего существованія, а также сумѣлъ признать и утвердить *неотъемлемыя* права нашей индивидуальности. Загробная жизнь для него не идеальный маскарадъ, въ которомъ мы наряжаемся въ новыя одежды и становимся новыми людьми; у него и человѣкъ, и костюмъ его остаются безъ измѣненій. Въ потустороннемъ мірѣ Сведенборга почувствовали бы себя, какъ дома, даже бѣдные гренландцы, которые, когда датскіе миссіонеры силились обратить ихъ въ христіанство, — спрашивали: «А на христіанскомъ небѣ есть тюлени?». И, получивъ отрицательный отвѣтъ, сокрушенно говорили: «Въ такомъ случаѣ христіанскій рай не годится для гренландцевъ, такъ какъ они безъ тюленей жить не могутъ».

Какъ возмущается вся душа наша при мысли о прекращеніи бытія нашей личности, о вѣчномъ уничтоженіи! Horror vacui — боязнь пустоты, приписываемая природѣ, гораздо болѣе свойственна человѣческому духу. Будь же спокоенъ, дорогой читатель, — есть жизнь и послѣ смерти, и въ мірѣ иномъ каждый найдетъ своихъ тюленей, безъ которыхъ онъ не можетъ жить.

А теперь прощай, и если я тебѣ что-нибудь долженъ, пришли мнѣ счетъ.

Переводъ **Натана Венгрова.**

Писано въ Парижѣ,
30 сентября 1851 г.

ЧЕЛОВѢКЪ ДРЕВНЯГО РИМА.

ІОГАННЕСА ЛИННАНКОСКИ.*

Словно это было вчера, — такъ отчетливо помню я день, когда впервые увидѣлъ тебя, человѣкъ древняго Рима!

Была весна. Виноградная лоза развертывала листья.

Я, человѣкъ Сѣвера, только что прибылъ изъ великихъ городовъ, каждый нервъ которыхъ заряженъ электрическимъ токомъ культуры и сверхъ-культуры XX вѣка.

Весенней ночью я мчался по направленію къ спокойной, мирной провинціи, чувствуя въ своихъ нервахъ шумъ міровыхъ городовъ. И вотъ предо мною всталъ ты, человѣкъ древняго Рима, покинувъ свою многовѣковую могилу. Ты явился какъ привидѣніе, титанъ и богъ, о которомъ я много читалъ, слышалъ, думалъ.

* * *

Вотъ что пережилъ я въ этотъ день.

Милый городокъ Прованса весь утопалъ въ золотыхъ лучахъ утренняго солнца, когда я, пришлецъ изъ чужой страны, направлялъ свои шаги по главной улицѣ на площадь города, наблюдая чужой мнѣ народъ и его жизнь.

Какъ ты прекрасна, женщина Прованса! Ты величественна, точно королева въ своей благородной прическѣ, въ изящныхъ складкахъ плаща, и я затрудняюсь сказать, что̀ ярче: блескъ твоихъ очей или солнечный лучъ?

О тебѣ, провансальскій мужчина, я также не хочу сказать чего-либо дурного; ты веселъ, твои добродѣтели — общительность и любезность.

Такъ наблюдалъ я до самаго полудня — горожанъ въ ихъ ежедневныхъ хлопотахъ, сельскихъ жителей, ѣдущихъ съ добродушной улыбкой въ маленькихъ повозкахъ, запряженныхъ осликами, — людей большого свѣта и ремесленниковъ, — взрослыхъ и дѣтей.

Я садился съ ними за столъ, радуясь ихъ веселью, любуясь изяществомъ, которое украшало каждый жестъ ихъ рукъ.

Потомъ я пошелъ за ними туда, гдѣ они играли, и наблюдалъ,

---

* Изъ матеріаловъ „Финскаго сборника" книгоиздательство „Парусъ".

какъ радостные крики наполняли паркъ, какъ старцы гонялись за мячомъ наравнѣ съ подростками, какъ гибкость юноши и грація дѣвушки соперничали въ плавномъ ритмѣ фарандолы.

«Счастливый народъ! — думалъ я, дитя мрачнаго Сѣвера, — тебѣ знакомы радость и веселье, ты сумѣлъ такъ устроить свою жизнь, что посторонній не вѣдаетъ, гдѣ кончается трудъ и гдѣ начинается игра».

* * *

И вотъ предсталъ предо мною ты, человѣкъ древняго Рима.

Я шелъ по улицѣ, всей душой утопая въ яркой сутолокѣ дня.

И вдругъ на поворотѣ, предъ моимъ взоромъ, встала часть почернѣвшей каменной стѣны.

Стѣна поднималась, какъ привидѣніе изъ могилы, и, глядя на могучія плечи этого привидѣнія, на вѣковые шрамы его мрачныхъ висковъ, я понялъ, что предо мною не творчество вчерашняго дня, не сооруженіе нѣжныхъ, хрупкихъ рукъ провансальца, предъ моими глазами — твой мощный трудъ, человѣкъ древняго Рима!

Самъ Цезарь проходилъ этими улицами, тяжелые шаги его легіоновъ потрясали эти равнины.

Я быстро иду вдоль стѣны Амфитеатра, иду и вижу, понимаю, что ты — исполинъ и что въ твоихъ рукахъ, римлянинъ, скалы были не тяжелѣе маленькихъ камней, которыми играютъ дѣти.

Слава о твоей архитектурѣ, человѣкъ древняго Рима, вѣками разносилась по свѣту въ рѣчахъ, книгахъ и картинахъ, но только сейчасъ, посреди арены, вмѣщавшей десятки тысячъ зрителей, мнѣ становится ясно, что ты былъ выше своей славы, что даже зрѣлища твои были зрѣлищами не человѣка, а титана.

Я хожу вдоль и поперекъ города и всюду на своемъ пути встрѣчаю возведенные тобою стѣны, ворота, колонны и тріумфальныя арки. Я ступаю по камнямъ улицъ, — они на четверть аршина протоптаны ногами безчисленныхъ поколѣній.

И когда я, послѣ всего видѣннаго, снова озираю городъ съ возвышеннаго мѣста, — люди, которые еще такъ недавно вызывали у меня восхищеніе, мужчины и женщины Прованса, сморщились, кажутся странно маленькими: я вижу, что они и по сей день живутъ, какъ зяблики, подъ защитою твоихъ стѣнъ, исполинъ!

Восхищеніе и любопытство побуждаютъ меня выйти за городъ, — я чувствую, что не видѣлъ всего, что долженъ увидать.

Я иду по дорогѣ шириною не менѣе самой широкой улицы современнаго города, по ровной, вѣковѣчной дорогѣ, недоступной сокрушительной силѣ временъ. И чѣмъ дальше я иду, тѣмъ чудеснѣе становится она, дорога титановъ.

Она тянется прямо, какъ туго натянутая струна. Еще немного, — и я вижу себя идущимъ на вышинѣ двухъэтажнаго дома

по віадуку черезъ обширную долину по направленію къ дальнимъ деревнямъ на горизонтѣ.

Я останавливаюсь, пораженный видомъ милліонныхъ полчищъ камней, которые ты, человѣкъ древняго Рима, собралъ здѣсь.

Въ эту минуту восхищенія я вижу провансальцевъ; широко улыбаясь, они ѣдутъ мимо меня. Глядя, какъ спичечныя ножки ихъ осликовъ семенятъ по твоей исполинской дорогѣ, которая кажется дорогою боговъ къ безсмертію, я не знаю, долженъ ли я плакать или смѣяться; я понимаю, что ты создалъ эти мощныя артеріи не для ословъ, я понимаю, что твои мускулы напрягались и горѣли силою и пламенемъ великой идеи. И желая понять, увидѣть ее воочію, я обращаю свой взоръ на долину.

Словно огромная змѣя, блистая серебряными чешуйками, пронизываетъ долину водная артерія. И это не природная рѣка, а твореніе человѣческихъ рукъ: я вижу, какъ далеко, на горизонтѣ она беретъ свою влагу изъ мощнаго русла Роны и исчезаетъ за областью зрѣнія въ противоположной сторонѣ.

Я начинаю подозрѣвать тайну этой серебристой змѣи и, устремляясь въ долину, вижу, какъ отъ береговъ главнаго канала, по обширной равнинѣ, къ ея краямъ тянутся тысячи оросительныхъ каналовъ. Но теперь эти каналы пусты, русла ихъ засорились, желѣзные шлюзы, вдѣланные въ камень, лежатъ опрокинутые, снѣдаемые ржавчиной, а жаждущая равнина взываетъ запекшимися устами: куда ушелъ ты, человѣкъ древняго Рима?

Мнѣ грустно, я поворачиваю назадъ, въ жаркія улицы города, полныя солнца. На обратномъ пути, встрѣтивъ дѣвушку, нѣжный цвѣтокъ Прованса, пасущую на обширной равнинѣ пару жалкихъ козъ, — я чувствую, что кровь въ моихъ жилахъ начинаетъ обиженно кипѣть, и я отвѣчаю на ея привѣтливую улыбку лишь суровымъ кивкомъ головы.

Въ моей груди пылаетъ огонь, и мнѣ думается, что этотъ огонь — сродни тому, который двѣ тысячи лѣтъ назадъ жегъ твою душу, человѣкъ древняго Рима, жегъ твою грудь жаждой дѣянія...

Почти бѣгомъ спѣшу я чрезъ долину на холмъ, чтобы послѣднимъ взоромъ окинуть творенія твоихъ рукъ во всей полнотѣ, чтобы понять идеи, которыя воодушевили твои желѣзныя руки на титаническій трудъ въ Галліи.

Взоромъ души я вижу легіоны, которые ты привелъ въ эту долину, вижу, какъ водружаешь ты свои орлы на самомъ высокомъ холмѣ ея, какъ сверкаетъ надъ головами галльскихъ племенъ твой короткій мечъ, завоевавшій міръ.

Но мечъ для тебя оружіе только двухъ первыхъ дней: уже на третій ты влагаешь его въ ножны и взамѣнъ его поднимаешь орловъ — божественныхъ птицъ труда и культуры.

Глаза благодарно ласкаютъ склоны садовъ, которыми ты

украшалъ края дикихъ обрывовъ, и я понимаю, что ты хотѣлъ сдѣлать изъ этой галльской долины рай, что ты уже видѣлъ душою, какъ на мѣстѣ болотъ волнуются колосья пшеницы, сотни тысячъ скота пасутся въ высокой, до головы человѣка, травѣ, зерно и всякая живность тянется безконечными обозами по исполинскимъ дорогамъ на радость людямъ и во славу боговъ.

Я разумѣю теперь, что твое появленіе было самымъ могучимъ переворотомъ, который когда-либо переживало человѣчество, и что твоя идея завоеванія міра была идеей труда, а не меча.

Спускаясь медленнымъ шагомъ съ возвышенности, я не могу воздержаться отъ мысли о нѣкоторыхъ современныхъ завоевателяхъ міра, не могу не спросить:

Гдѣ тѣ дороги, тѣ мосты, тѣ сады и каналы орошенія, та жгучая идея творчества и созиданія, которыми они, завоеватели, содѣйствовали культурѣ завоеванныхъ ими народовъ?

* * *

Солнце опустилось за лѣса и горы на западѣ; его послѣдніе лучи еще золотили вершины холмовъ, когда я возвращался въ городъ по римской дорогѣ, такой же вѣчной, какъ та, по которой я вышелъ изъ города.

Здѣсь, на дорогѣ, возлѣ самаго города, меня поразило еще одно видѣніе.

Аллея могучихъ деревьевъ стоитъ почетнымъ карауломъ, — я чувствую, какъ вѣетъ на меня покоемъ вѣчной ночи. Между деревьями, одна за другой, двумя безконечными рядами виднѣются гробницы. Сдѣланныя изъ большихъ каменныхъ глыбъ, эти усыпальницы имѣютъ угрюмый внушительный видъ. Я не могу подавить чувство, которое меня охватываетъ, порывистымъ движеніемъ обнажаю свою голову и, дитя пигмеевъ, почтительно кланяюсь гробницамъ исполиновъ.

* * *

Вечеромъ того же дня я сижу въ комнатѣ провансальскаго отеля, чувствую, какъ теплый токъ возбужденія проходитъ по моему тѣлу, и мнѣ хочется крикнуть дальнему Сѣверу:

«Ничего нѣтъ вѣчнаго въ мірѣ, кромѣ труда! Кто служитъ богамъ труда, тотъ стоитъ, окруженный вихрями вѣчнаго времени, съ высоко поднятой головой! И пусть колесница разрушенія раздавитъ его, — онъ будетъ жить въ своемъ творчествѣ и даже изъ руинъ созданнаго имъ гордо провозгласитъ міру:

— Я существовалъ и творилъ великое!»

Переводъ съ финскаго **Г. І. Тюнни.**

ИЛЕРМИ.

Баллада Эйно Лейно.*

Илерми, суровый воинъ,
На конѣ въ храмъ Божій въѣхалъ
И сказалъ, средь храма стоя:
— „Не таковъ я, какъ другіе!
Во грѣхахъ моихъ не каюсь,
Не нуждаюсь въ силахъ Неба!“

Со стѣны онъ слышитъ голосъ, —
Молвилъ слово образъ Дѣвы:
— „Ты покаешься, увидѣвъ,
Какъ твой домъ пожретъ огонь!“

Илерми, упрямый рыцарь,
Звякнулъ, брякнулъ мѣдной броней,
Поспѣшилъ изъ храма въ поле, —
А на мѣстѣ дома пепелъ!
Крикнулъ Илерми упрямый:
— „Я воздвигну здѣсь домъ новый,
Лучше прежняго гораздо!“

Илерми, безстрашный рыцарь,
Въѣхалъ къ самому амвону,
Дерзко хвалится во храмѣ:
— „Не таковъ я, какъ другіе.
Не склоню главу покорно
Предъ неправымъ наказаньемъ!“

Со стѣны онъ слышитъ голосъ, —
Говорятъ уста Іисуса;
— „Ты падешь во прахъ, увидѣвъ
Въ саванѣ твою жену!“

---

* Изъ матеріаловъ „Финскаго сборника“ книгоиздательство „Парусъ“.

Илерми, смѣльчакъ безумный,
Бьетъ коня тяжелой плетью,
Быстро скачетъ вонъ изъ храма,
Видитъ: умерла супруга!
Онъ вскричалъ у ложа смерти:
- „Я найду жену другую,
Лучше этой, краше этой!“

Илерми, суровъ и гнѣвенъ,
Къ алтарю отважно скачетъ,
Говоритъ безстрашный рыцарь:
— „Не таковъ я, какъ другіе!
Не жалѣю я о прошломъ,
Я несусь впередъ, какъ буря!“

И въ отвѣтъ ему съ угрозой
Златоризый образъ молвилъ:
— „Ты узнаешь жалость, воинъ,
Какъ твой сынъ ума лишится!“

Илерми, безумно храбрый,
Бьетъ копьемъ о камень пола,
Мчится бурей въ чисто поле,
Видитъ: сынъ его безуменъ!
Онъ схватилъ свою сѣкиру,
Поразилъ сѣкирой сына,
Распласталъ его средь поля,
Дикимъ голосомъ воскликнулъ:
— „Я рожу другого сына,
Лучше будетъ, чѣмъ погибшій“.

Илерми, орлу подобный,
Чрезъ окно во храмъ ворвался,
Конь его на богомольцевъ
Дышитъ огненнымъ дыханьемъ,
Очи молніями брызжутъ,
Но еще страшнѣй самъ рыцарь

Въ стременахъ стоитъ желѣзныхъ.
— „Не таковъ я, какъ другіе!
Не прошу пощады Неба!
Пусть желѣзо насъ разсудитъ!“

И тогда суровый голосъ
Грянулъ съ неба голубого:
„Воинъ, ты убавишь спеси,
Какъ войдешь въ предѣлы смерти!“

Илерми, суровый воинъ,
Слышитъ: треснулъ полъ во храмѣ;
Видитъ — пламя подъ ногами...
Тутъ кровавою сѣкирой
Отрубилъ себѣ онъ руку
И ее, съ перчаткой вмѣстѣ,
Гнѣвно бросилъ въ стѣну храма.
И сказалъ, ввергаясь въ пламя:
„Раньше годы храмъ разрушатъ,
Чѣмъ сойдетъ перчатка съ камня.
Стѣны эти пылью станутъ,
Не истлѣетъ кость руки
До тѣхъ поръ пока на смѣну
Не придутъ иные люди,
Что предъ смертью не отступятъ,
Не робѣютъ предъ могилой!“

Шпоры бьютъ коня по ребрамъ,
Пламя шлемъ златой скрываетъ...
Но блеститъ на сѣромъ камнѣ
Сталь перчатки и понынѣ.

Пер. съ финскаго **Г. I. Тюнни.**

ДВѢ ДУШИ.

Катастрофа, никогда еще не испытанная міромъ, потрясаетъ и разрушаетъ жизнь именно тѣхъ племенъ Европы, духовная энергія которыхъ наиболѣе плодотворно стремилась и стремится къ освобожденію личности отъ мрачнаго наслѣдія изжитыхъ, угнетающихъ разумъ и волю фантазій древняго Востока, — отъ мистики, суевѣрій, пессимизма и анархизма, неизбѣжно возникающаго на почвѣ безнадежнаго отношенія къ жизни.

Востокъ, какъ это извѣстно, является областью преобладанія началъ эмоціональныхъ, чувственныхъ, надъ началами интеллекта, разума; онъ предпочитаетъ изслѣдованію — умозрѣніе, научной гипотезѣ — метафизическій догматъ. Европеецъ — вождь и хозяинъ своей мысли; человѣкъ Востока — рабъ и слуга своей фантазіи. Этотъ древній человѣкъ былъ творцомъ большинства религій, основоположникомъ наиболѣе мрачной метафизики; онъ чувствуетъ, но не изучаетъ, и его способность объединять свой опытъ въ научныя формы — сравнительно ничтожна.

Воспринявъ чувственно и умозрительно силу стихій, Востокъ обоготворилъ ихъ и безвольно подчинился имъ, покорный всякой силѣ, тогда какъ люди Западной Европы, овладѣвая энергіей природы посредствомъ изученія ея, стремятся подчинить и подчиняютъ эту энергію интересамъ и разуму человѣка.

Задача европейской науки — именно въ томъ, чтобы, изучивъ силы природы, заставить ихъ работать на человѣка, освободить личность изъ плѣна догмата, суевѣрій, предразсудковъ, изъ тисковъ подневольнаго труда и претворить освобожденную физическую энергію въ духовную.

Эта задача европейской науки и культуры была невѣдома Востоку; только съ прошлаго столѣтія наиболѣе чуткіе люди и страны Азіи начали принимать великій научный опытъ Европы, ея методы мышленія и формы жизнедѣятельности.

Основное міроощущеніе Востока легко укладывается въ такую

формулу: человѣкъ навсегда подчиненъ непознаваемой силѣ, она не постижима разумомъ, и воля человѣка — ничто предъ нею. Для европейской науки непознаваемое — только непознанное.

„Кисметъ“ — говоритъ магометанинъ, покорно подчиняясь Року, а европеецъ Ромэнъ Ролланъ гордо заявляетъ: „Французъ не знаетъ Рока“.

Это не совсѣмъ вѣрно: Западъ знаетъ Рокъ, увѣренно борется съ нимъ и, чувствуя себя призваннымъ къ побѣдѣ надъ Рокомъ, постепенно вовлекаетъ въ эту великую борьбу и Востокъ. Западъ разсматриваетъ человѣка какъ высшую цѣль природы и органъ, посредствомъ коего она познаетъ самоё себя, безконечно развивая всѣ свойства этого органа; для Востока человѣкъ самъ по себѣ не имѣетъ значенія и цѣны.

Пытаясь ограничить непомѣрно развитую чувственность, Востокъ создалъ аскетизмъ, монашество, отшельничество и всѣ иныя формы бѣгства отъ жизни, мрачнаго отрицанія ея. Табакъ, опіумъ и другіе наркотики, цѣль которыхъ усилить или подавить эмоціи, — тоже излюблены и даны міру Востокомъ. Земная жизнь для усталаго, но чувственнаго человѣка восточныхъ странъ кажется призрачной, лишенной смысла, а убѣжденіе въ возможности иного, посмертнаго бытія побуждаетъ его уже на землѣ готовиться къ райскому покою, какъ это дѣлали пустынники Ѳиваиды, какъ дѣлаютъ аскеты Индіи и наши сектанты-мистики.

На Востокѣ берутъ свое начало скопчество, стремящееся прекратить размноженіе человѣческаго рода, и анархическое „бѣгунство“, „странничество“, отрицающее всѣ формы соціальной и политической организаціи.

Религіозная нетерпимость, фанатизмъ, изувѣрство — это тоже продукты эмоцій Востока, и хотя почти всѣ эти эмоціи привиты арійцамъ Запада, но это для западной культуры не характерно; здоровый человѣкъ можетъ заразиться проказой, но проказа — болѣзнь, рожденная на Востокѣ.

Для Европы характерна рѣзко выраженная ею активность ея жизни, ея культуры, основанной на изученіи и дѣяніи, а не на внушеніи и догматѣ — началахъ древней культуры Востока.

Человѣкъ Востока ожидаетъ вѣчнаго счастія и покоя за предѣлами земли, въ области воображенія; европеецъ хочетъ достичь долголѣтняго счастія на землѣ.

Цѣль европейской культуры — быть культурой планетарной, объединить въ своемъ трудѣ, въ своихъ идеяхъ все человѣчество нашей планеты.

Лозунги Европы — равенство и свобода, на основаніяхъ изученія, знанія, дѣянія.

Англичанинъ Содди, радіоактивистъ, оцѣнивая современное состояніе европейской науки, говоритъ: „Дѣйствительное богатство міра есть его энергія, и, благодаря новымъ открытіямъ науки, впервые стало выясняться, что жестокая борьба за существованіе изъ-за ничтожныхъ крохъ природной энергіи, на которыхъ развилось современное человѣчество, — не есть единственно возможная и вѣчная судьба человѣчества. Мы имѣемъ законное право вѣрить, что человѣкъ пріобрѣтетъ власть направить для собственныхъ цѣлей первичные источники энергіи, которые природа теперь такъ ревниво охраняетъ для будущаго". „Вслѣдствіе прогресса физики, мы находимся на поворотѣ восходящаго движенія цивилизаціи, дѣлая первый шагъ вверхъ, на низшую ступень слѣдующей восходящей вѣтви. Предъ нами, — хотя все еще неопредѣленно впереди — идетъ подъемъ къ физической власти надъ природой; онъ идетъ далеко за предѣлы мечтаній смертныхъ, мечтаній, выраженныхъ въ любой философской системѣ. Эти возможности новаго порядка вещей, лучшихъ условій бытія, чѣмъ какія когда-либо предсказывались, — не являются обѣщаніями изъ иного міра. Онѣ существуютъ въ этомъ мірѣ, за нихъ надо сражаться и бороться, чтобы вырвать ихъ изъ цѣпкихъ рукъ природы, какъ были вырваны въ прошломъ всѣ наши успѣхи, наша цивилизація работою коллективнаго мозга человѣчества, направляющаго и умножающаго ничтожную силу отдѣльнаго человѣка".

Это — боевой кличъ европейца, увѣреннаго въ творческой силѣ воли своей, разума своего.

Китаецъ Лао-Си учитъ:

„Единственно, чего я боюсь, это — быть дѣятельнымъ. Всѣ должны быть бездѣятельными. Бездѣятельность — полезнѣе всего, существующаго между небомъ и землею. Когда всѣ сдѣлаются бездѣятельными, то на землѣ наступитъ полное спокойствіе".

Вотъ непримиримое противорѣчіе Запада и Востока. Именно это, рожденное отчаяніемъ, своеобразіе восточной мысли и является одной изъ основныхъ причинъ политическаго и соціальнаго застоя азіатскихъ государствъ. Именно этой подавленностью личности, запуганностью ея, ея недовѣріемъ къ силѣ разума, воли и объясняется мрачный хаосъ политической и экономической жизни Востока. На протяженіи тысячелѣтій человѣкъ Востока былъ и все еще остается въ массѣ своей „человѣкомъ не отъ міра сего".

Конечно, и Востокъ по-своему дѣятеленъ, но его дѣятельность подневольна, ее вызываетъ только суровая сила необходимости, —

человѣку Востока незнакомо наслажденіе процессомъ работы, ему недоступна поэзія, невѣдомъ паѳосъ дѣянія.

Люди Запада давно уже доросли до пониманія планетарнаго смысла труда, для нихъ дѣяніе — начало, единственно способное освободить человѣка изъ плѣна древнихъ пережитковъ, изъ-подъ гнета условій, стѣсняющихъ свободу духовнаго роста личности.

На Западѣ трудъ — выраженіе коллективной воли людей къ созданію такихъ формъ бытіи, которыя имѣютъ цѣлью, — безконечно расширяя область приложенія энергіи человѣка къ борьбѣ съ природой, — поработить силы природы интересамъ и волѣ человѣка.

Оговорюсь, — противопоставляя Востокъ Западу, я отнюдь не думаю о какихъ-либо „метафизическихъ сущностяхъ“ или о „расовыхъ особенностяхъ“, которыя якобы органически и неискоренимо свойственны монголу, арійцу, семиту и навѣки будутъ враждебно раздѣлять ихъ.

Нѣтъ, я слишкомъ глубоко вѣрю въ силы разума, изслѣдованія, дѣянія, для того, чтобы считать временное — вѣчнымъ. Семиты — тоже люди Востока, но кто станетъ отрицать ихъ огромную роль въ дѣлѣ строительства европейской культуры, кто усомнится въ ихъ великой способности къ творчеству, въ ихъ любви къ дѣянію?

Я противопоставляю два различныхъ міроощущенія, два навыка мысли, двѣ души. Основная сущность ихъ — одинакова, — стремленіе къ добру, красотѣ жизни, къ свободѣ духа. Но, по силѣ цѣлаго ряда сложныхъ причинъ, большинство человѣчества еще не изжило древняго страха предъ тайнами природы, не возвысилось до увѣренности въ силѣ своей воли, не чувствуетъ себя владыкою своей планеты и не оцѣнило сущности дѣянія, какъ начала всѣхъ началъ.

Неоспоримо, что внѣшнія условія жизни Востока издревле вліяли и все еще продолжаютъ вліять на человѣка въ сторону угнетенія его личности, его воли. Отношеніе человѣка къ дѣянію — вотъ что опредѣляетъ его культурное значеніе, его цѣнность на землѣ.

* * *

Мысли, изложенныя выше, разумѣется, не представляютъ новаго; непримиримость міроощущеній Востока и Запада подчеркивалась не однажды и гораздо болѣе рѣзко, болѣе ярко.

Даже мыслители мусульманскаго міра признаютъ преимущества западно-европейской культуры и понимаютъ мрачныя стороны культуры Востока.

Касимъ Аминъ, прозванный „Лютеромъ Востока“, говоритъ въ своей книгѣ „Новая женщина“: „Происхожденіе разногласія между нами и западными объясняется тѣмъ, что они поняли природу человѣка, уважаютъ его личность“. Онъ же признаетъ, что „причиной, остановившей прогрессъ цивилизаціи на Востокѣ и ограничившей все движеніе жизни однимъ кругомъ, безъ возможности выйти изъ него“, — этой причиной явился „хроническій деспотизмъ“. Муаллимъ-Наджи, турокъ, литераторъ, еще въ 80-хъ годахъ писалъ Анджело Губернатису: „Мы не научимся понимать другъ друга, пока между вами и нами будетъ стоять стѣна религіознаго фанатизма“.

Критическое и отрицательное отношеніе мыслителей Востока къ основамъ своей культуры зародилось еще въ XVII вѣкѣ, послѣ пораженія турокъ подъ Вѣной. Уже съ той поры на Востокѣ время отъ времени стали раздаваться единичные голоса, осуждающіе лѣнь, косность и пассивное отношеніе къ жизни.

Въ „Китабе-Акдесъ“, священной книгѣ бабидовъ, стихъ 70-й учитъ: „О люди Беха, каждому изъ васъ обязательно занятіе какимъ-либо дѣломъ, — или ремесленнымъ, или промышленнымъ и тому подобнымъ“.

Стихъ 72-й говоритъ: „Самые ненавистные для Бога тѣ, которые сидятъ и просятъ; держитесь непрерывно дѣла.“

Еще дальше идетъ Беха-Улла, авторъ „Китабе-Акдесъ“, въ своей бесѣдѣ съ Э. Г. Броуномъ: „Мы желаемъ, — говоритъ онъ, — чтобы всѣ народы пришли къ единой вѣрѣ и люди стали братьями; чтобы рознь религіозная перестала существовать, и уничтожено было различіе національностей. Распри, кровопролитія и раздоры должны кончиться, и всѣ люди составятъ одну семью, одну родню. Да не возгордится человѣкъ тѣмъ, что любитъ свою родину, а пусть гордится тѣмъ, что любитъ родъ человѣческій!“ Въ 50-хъ годахъ XIX столѣтія бабиды были перерѣзаны, замучены, вожди ихъ истреблены, и практическое вліяніе силы западно-европейскихъ идей на соціальный бытъ Востока снова стало ничтожно, незамѣтно вплоть до начала XX вѣка. Проповѣдь научнаго мышленія въ Турціи, Персіи, Китаѣ, — не говоря о Монголіи, — до сихъ поръ не даетъ осязательныхъ результатовъ, являясь какъ бы лучеиспусканіемъ въ пустоту.

Это печальное явленіе я объясняю особенными свойствами восточной мысли, направленной не къ жизни, не къ землѣ и дѣянію, а къ небесамъ и покою. Поучительно противопоставленіе двухъ типовъ ума, сдѣланное извѣстнымъ писателемъ и соціалистомъ-фабіанцемъ Гербертомъ Уэльсомъ въ рѣчи, произнесенной имъ

24 января 1902 года въ Лондонскомъ институтѣ изученія Востока:

„Умъ человѣческій бываетъ двухъ типовъ, главное различіе между которыми заключается въ ихъ отношеніи къ времени, въ томъ, сколько значенія придаютъ они прошедшему и будущему. Первый, повидимому, господствующій типъ, находимый у большинства людей, о будущемъ совсѣмъ не помышляетъ, смотритъ на него какъ на какое-то темное „небытіе". Настоящее въ его понятіи какъ бы надвигается на будущее и пишетъ на немъ событія. Второй умъ, болѣе новый и гораздо рѣже встрѣчающійся, сосредоточиваетъ свое вниманіе главнымъ образомъ на будущемъ, а на прошедшемъ и настоящемъ останавливается лишь настолько, насколько оно обусловливаетъ будущія явленія."

„Съ точки зрѣнія перваго мы лишь пожинаемъ въ жизни посѣянное въ прошломъ, съ точки зрѣнія второго — жизнь служитъ для приготовленія и устройства будущаго".

„Въ противоположность первому, пассивному, это — активное состояніе ума, это умъ молодости, умъ, чаще встрѣчающійся среди западныхъ народовъ, въ то время какъ первый есть умъ дряхлаго Востока".

Каждый разъ, когда Западная Европа, утомленная непрерывнымъ строительствомъ новыхъ формъ жизни, переживаетъ годы усталости, — она черпаетъ реакціонныя идеи и настроенія отъ Востока. „Съ Востока свѣтъ!"

Въ утомленной крови побѣдоносно разливается отрава, воспринятая ею отъ столкновенія съ Азіей, отъ азіатской мысли, запуганной, безсильной, унижающей человѣка, той мысли, которая создана Востокомъ, въ печальныхъ условіяхъ его бытія поработила его и нынѣ отдаетъ въ плѣнъ и власть европейскаго капитала.

⁂

Явныя и постоянныя черты всякой реакціи всегда выражаются въ томъ, что побѣдители начинаютъ бояться разума, которымъ они пользовались какъ оружіемъ и силу котораго хорошо знаютъ; побѣжденные же сомнѣваются въ силѣ разума, міровое творческое значеніе котораго не вполнѣ ясно имъ, ибо побѣжденнымъ является народъ, а его, какъ извѣстно, не очень охотно знакомятъ съ могуществомъ разума и науки. Страхъ предъ разумомъ вызываетъ у побѣдителей стремленіе подорвать его силы: они начинаютъ говорить объ ограниченности разума, о томъ, что изслѣдованіе не способно разрѣшить загадки бытія, ставятъ на мѣсто изученія умо-

зрѣніе, на мѣсто изслѣдованія — созерцаніе. Можно думать, что все это проповѣдуется сознательно и безсознательно — съ намѣреніемъ еще болѣе укрѣпить сомнѣніе побѣжденныхъ въ могуществѣ разума.

Исторія оправдываетъ и утверждаетъ этотъ взглядъ.

Возьмемъ европейскую реакцію начала XIX вѣка, когда Европа, напуганная великою революціей, была подавлена деспотизмомъ Наполеона, а вслѣдъ затѣмъ подпала еще болѣе тяжкому гнету „Священнаго Союза“, который былъ основанъ противъ „вольномыслія, атеизма и ложной учености“. Тогда въ сферѣ мысли „испугались всесильнаго господства началъ разума, которое провозгласила матеріалистическая философія XVIII вѣка; въ сферѣ практической жизни и политики — самодержавія народа, которое провозгласилъ Руссо“.

На почвѣ этого страха и разочарованія буржуазіи въ способности взять всю „широту власти“ въ свои руки буржуазія почувствовала отвращеніе къ дѣйствительности, обманувшей ея надежды, и ея литература отдалась во власть романтизма. Основой романтизма является болѣзненно развитое ощущеніе своего „я“, которое романтики ставятъ выше всѣхъ явленій міра, выше всего міра, въ позицію божественнаго законодателя. Личность, по убѣжденію романтика, совершенно свободна отъ связи съ міромъ, отъ вліянія на нее дѣйствительности. Весьма возможно, что въ глубинѣ такого убѣжденія лежалъ недавній примѣръ Наполеона, который въ нѣсколько лѣтъ выросъ изъ поручика въ императора, поработилъ всю Европу, создавалъ изъ рядовыхъ солдатъ маршаловъ и королей.

Наиболѣе рѣзко и точно выражено отношеніе романтика къ себѣ и міру Ѳ. М. Достоевскимъ въ „Запискахъ изъ подполья“, сочиненіи, гдѣ соединены всѣ основныя идеи и мотивы его творчества.

„Свое собственное, вольное и свободное хотѣнье, свой собственный, хотя бы самый дикій капризъ, своя фантазія, раздраженная иногда хотя бы даже до сумасшествія, — вотъ все это и есть та самая пропущенная, самая выгодная выгода, которая ни подъ какую классификацію не подходитъ и отъ которой всѣ системы и теоріи постоянно разлетаются къ чорту“. „Стою за свой капризъ и за то, чтобы онъ былъ мнѣ гарантированъ, когда понадобится“. „Да я за то, чтобы меня не безпокоили, весь свѣтъ сейчасъ же за копейку продамъ. Свѣту ли провалиться или мнѣ чаю не пить? Я скажу, что свѣту провалиться, а чтобъ мнѣ всегда чай пить“.

Эта проповѣдь безудержнаго, ничѣмъ не ограниченнаго своеволія скрываетъ въ глубинѣ своей отчаяніе личности, не способной пріобщиться міру, оторванной отъ него, это анархизмъ отчаянія,

всегда свойственный настроенію романтиковъ. Убѣжденіе въ правѣ личности на неограниченное своеволіе открываетъ предъ романтикомъ въ одну сторону путь къ анархизму, безначалію, въ другую — необходимо приводитъ его къ идеализаціи единовластія, монархизма.

Среди равныхъ себѣ романтики не могутъ признать главу, и Новалисъ, одинъ изъ нѣмецкихъ романтиковъ, прямо говоритъ: „Король — это человѣкъ, исполняющій на землѣ роль небеснаго Провидѣнія".

Вотъ сужденія романтиковъ: Шатобріанъ, французскій писатель, говоритъ: „Зачѣмъ крестьянину знать химію? Въ народѣ гораздо болѣе ума, чѣмъ въ философахъ,—народъ не отрицаетъ чудесъ. Что бы ни говорили, а прекрасно всегда находиться среди чудесъ".

Это былъ вполнѣ сознательный реакціонеръ, посвятившій свои силы борьбѣ противъ философіи разума, созданной писателями XVIII вѣка. Его лозунгъ: „необходимо вернуться къ религіознымъ идеямъ" недавно провозглашенъ извѣстной группой русской интеллигенціи. Въ одномъ изъ писемъ къ другу своему, тоже реакціонеру, Де-Местру, онъ писалъ: „Все скрыто, все невѣдомо во вселенной. Всевѣчная судьба поставила Рокъ и смерть на двухъ концахъ нашего пути и съ высоты трона своего бросила нашу жизнь въ пустоту времени, чтобъ она катилась безъ основанія и смысла".

Этотъ вопль отчаянія раздался сто лѣтъ тому назадъ, — современная русская литература стократно повторила его и даже сумѣла придать ему комическую форму: года четыре назадъ одинъ изъ литераторовъ нашихъ сказалъ, вспомнивъ философію „Человѣка изъ подполья": „Ради мгновенія свободы стоитъ выкинуть за форточку всю вселенную съ ея жалкой пользой".

„Жизнь — болѣзнь духа! — говоритъ Новалисъ. — Да будетъ сновидѣніе жизнью!" Другой писатель, Тикъ, вторитъ ему: „Сновидѣнія являются, быть можетъ, нашей высшей философіей". Эти мысли тоже неоднократно повторены русской литературой послѣднихъ годовъ.

Романтики начала XIX вѣка предпочитали практической дѣятельности свободную игру фантазіи, созерцаніе — изслѣдованію, религію — наукѣ, вѣру — разуму.

Ихъ современникъ, великій поэтъ и мыслитель Гёте, такъ опредѣлилъ романтизмъ:

„Романтизмомъ я называю все больное. Большинство новѣйшихъ произведеній романтично, но не потому, что они новы, а вслѣдствіе присущей имъ слабости, чахлости и болѣзненности".

А историкъ литературы Іоганнъ Шерръ сказалъ, что „реакція и романтизмъ вполнѣ равнозначащія понятія".

Датскій историкъ литературы, знаменитый Брандесъ, — тотъ, котораго не пустили въ Россію читать лекціи, — говоритъ о настроеніи романтиковъ: „Ненависть къ прогрессу и міру дѣйствительности привела къ тому, что склонность къ фантазіи и чудесному стала душою поэзіи и прозы“.

Романтиковъ съ великой силою привлекалъ къ себѣ Востокъ. Историкъ нѣмецкой литературы Геттнеръ объясняетъ это такъ: „Романтикъ хочетъ стараго, потому что готовые, вполнѣ законченные и чувственно осязаемые образы и формы отжившаго прошлаго кажутся ему болѣе пріятными и поэтичными, чѣмъ создающееся новое, которое не можетъ представить для безпомощной фантазіи осязательныхъ и крѣпкихъ точекъ опоры“.

Основоположники теоріи романтизма, братья Фридрихъ и Августъ Шлегели рекомендовали поэтамъ той эпохи обращать вниманіе на Востокъ, потому что тамъ жизнь наиболѣе проникнута фантазіей. Они ставили въ примѣръ нѣмцамъ аскетовъ-индусовъ, какъ людей, которые достигаютъ совершенства въ созерцаніи тайнъ жизни и видятъ лицо Божіе. Августъ Шлегель писалъ: „Европа оказалась не стойкой въ религіи. Серьезная революція можетъ придти только изъ Азіи, только на Востокѣ не исчезъ энтузіазмъ“.

Это было сказано въ 1811—12 годахъ, когда Шлегель, защитникъ абсолютной свободы личности, состоялъ на службѣ реакціонера Меттерниха, читая лекціи въ Вѣнѣ и проповѣдуя походъ противъ духовной и гражданской свободы. А спустя почти полвѣка знаменитый изслѣдователь Востока Вамбери говоритъ: „Изумительна способность Востока грезить, фантазировать, но еще болѣе изумляетъ отсутствіе въ немъ энтузіазма и страстей, при наличіи болѣзненно развитой чувственности“.

Шлегели изучали Востокъ по книгамъ, которыхъ въ ту эпоху было не много. Современные намъ знатоки Азіи не видятъ въ ней залежей энтузіазма и энергіи, большинство изъ нихъ склонно думать, что возбудителемъ событій, совершающихся на Востокѣ въ наши дни, является энергія европейской культуры.

Говоря о романтизмѣ, я подразумѣвалъ, конечно, только романтизмъ индивидуалистовъ, людей, оторванныхъ отъ жизни. Соціальный романтизмъ Шиллера, Байрона, Гюго — одно изъ прекраснѣйшихъ созданій западно-европейской психики, это — священное писаніе генія дѣйственной жизни.

⁂

„Умъ дряхлаго Востока“ наиболѣе тяжко и убійственно дѣйствуетъ въ нашей, русской, жизни; его вліяніе на русскую психику

неизмѣримо болѣе глубоко, чѣмъ на психику людей Западной Европы. Русскій человѣкъ еще не выработалъ должной стойкости и упрямства въ борьбѣ за обновленіе жизни, — борьбѣ, недавно начатой имъ. Мы, какъ и жители Азіи, люди красиваго слова и неразумныхъ дѣяній; мы отчаянно много говоримъ, но мало и плохо дѣлаемъ, — про насъ справедливо сказано, что „у русскихъ множество суевѣрій, но нѣтъ идей"; на Западѣ люди творятъ исторію, а мы все еще сочиняемъ скверные анекдоты.

У насъ, русскихъ, двѣ души: одна — отъ кочевника-монгола, мечтателя, мистика, лѣнтяя, убѣжденнаго въ томъ, что „Судьба — всѣмъ дѣламъ судья", „Ты на землѣ, а Судьба на тебѣ", „Противъ Судьбы не пойдешь", а рядомъ съ этой безсильной душою живетъ душа славянина, она можетъ вспыхнуть красиво и ярко, но недолго горитъ, быстро угасая, и мало способна къ самозащитѣ отъ ядовъ, привитыхъ ей, отравляющихъ ея силы.

Это слабосиліе, эта способность легко разочаровываться, быстро уставать, объясняется, вѣроятно, нашимъ близкимъ сосѣдствомъ съ Азіей, игомъ монголовъ, организаціей Московскаго государства по типу азіатскихъ деспотій и цѣлымъ рядомъ подобныхъ вліяній, которыя не могли не привить намъ основныхъ началъ восточной психики. Чисто восточное презрѣніе къ силѣ разума, изслѣдованія, науки прививалось намъ не только естественно, путемъ неотразимыхъ вліяній, но и намѣренно, искусственно, домашними средствами. Мы слишкомъ долго, почти до половины XIX вѣка, воспитывались на догматахъ, а не на фактахъ, на внушеніи, а не на свободномъ изученіи явленій бытія.

Уже съ XIII вѣка Западная Европа рѣшительно и упорно приступила къ поискамъ новыхъ формъ мысли, къ изученію и критикѣ восточнаго догматизма, а у насъ въ XVII вѣкѣ требовалось, чтобы „никто изъ неученыхъ людей въ домахъ у себя польскихъ, латинскихъ и нѣмецкихъ и люторскихъ и кальвинскихъ и прочихъ еретическихъ книгъ не имѣлъ и не читалъ. — И таковыя книги сжигать. Аще же кто явится противенъ и оныя возбраняемыя книги у себя коимъ нибудь образомъ окажетъ, да иныхъ тому учить будетъ, и таковой человѣкъ безъ всякаго милосердія да сожжется".

Въ концѣ XV вѣка вся Европа была покрыта типографіями, вездѣ печатались книги. Москва приступила къ этому великому дѣлу въ 1563 году, но, послѣ того, какъ были напечатаны двѣ книги — Апостолъ и Часословъ, — домъ, гдѣ помѣщалась типографія, ночью подожгли, станокъ и шрифты погибли въ огнѣ, а типографы со страха бѣжали въ Литву. Естественно, что при такихъ условіяхъ русскій народъ долженъ былъ отстать отъ Запада въ своемъ духов-

номъ ростѣ, и естественно, что въ немъ должны были укрѣпиться начала Востока, обезличивающія душу. Эти начала вызвали развитіе жестокости, изувѣрства, мистико-анархическихъ сектъ — скопчества, хлыстовства, бѣгунства, странничества, и вообще стремленіе къ „уходу изъ жизни“, а также развитіе пьянства до чудовищныхъ размѣровъ.

На буржуазіи вліяніе азіатскихъ началъ сказалось и сказывается въ ея недовѣрчивомъ, но лишенномъ разумной критики, отношеніи къ опыту Западной Европы, въ усвоеніи восточной косности, которая мѣшаетъ росту торгово-промышленной иниціативы и росту сознанія буржуазіей своей политической роли въ государствѣ.

Недавно одинъ изъ чрезвычайно русскихъ мыслителей, В. В. Розановъ, расхваливая плохую книгу о Тургеневѣ, сказалъ:

„Съ Востока — лучшія дворянскія традиціи, съ ихъ бытомъ, привѣтомъ и милыми „закоулочками“, съ „затишьемъ“ и „лишними людьми“ захолустныхъ уѣздовъ“. Да, то, что Розановъ называетъ „лучшими традиціями дворянства“, — это съ Востока. Но либеральныя идеи дворянства, его культурность, любовь къ искусствамъ, заботы о просвѣщеніи народа, — это отъ Запада, отъ Вольтера, отъ XVIII вѣка.

А вотъ жестокость къ рабамъ и раболѣпіе предъ владыками, столь свойственное нашему дворянству, это отъ Востока вмѣстѣ съ „обломовщиной“, типичной для всѣхъ классовъ нашего народа Вѣрно также, что безчисленная масса „лишнихъ людей“, всевозможныхъ странниковъ, бродягъ, Онѣгиныхъ во фракахъ, Онѣгиныхъ въ лаптяхъ и зипунахъ, людей, которыми владѣетъ „безпокойство, охота къ перемѣнѣ мѣстъ“, это, одно изъ характернѣйшихъ явленій русскаго быта, — тоже отъ Востока и является не чѣмъ инымъ, какъ бѣгствомъ отъ жизни, отъ дѣла и людей.

Есть и еще много особенностей въ нашей жизни, въ строѣ нашихъ душъ, и есть не мало русскихъ людей, которые полагаютъ, что это наше особенное, самобытное имѣетъ высокое значеніе, обѣщаетъ намъ въ будущемъ всякія радости.

Мы полагаемъ, что настало время, когда исторія повелительно требуетъ отъ честныхъ и разумныхъ русскихъ людей, чтобы они подвергли это самобытное всестороннему изученію, безбоязненной критикѣ. Намъ нужно бороться съ азіатскими наслоеніями въ нашей психикѣ, намъ нужно лѣчиться отъ пессимизма, — онъ постыденъ для молодой націи, его основа въ томъ, что натуры пассивныя, созерцательныя, склонны отмѣчать въ жизни преимущественно ея дурныя, злыя, унижающія человѣка явленія. Они отмѣчаютъ эти явленія не только по болѣзненной склонности къ нимъ, но и по-

тому, что за ними удобно скрыть свое слабоволіе, обиліемъ ихъ можно оправдать свою бездѣятельность. Натуры дѣйственныя, активныя обращаютъ свое вниманіе, главнымъ образомъ, въ сторону положительныхъ явленій, на тѣ ростки добраго, которые, развиваясь при помощи нашей воли, должны будутъ измѣнить къ лучшему нашу трудную, обидную жизнь.

Русское „богоискательство" проистекаетъ изъ недостатка убѣжденности въ силѣ разума, — изъ потребности слабаго человѣка найти руководящую волю внѣ себя, — изъ желанія имѣть хозяина, на котораго можно было бы возложить отвѣтственность за безтолковую, непригляднуюжизнь.

Бѣгство отъ міра, отреченіе отъ дѣйствительности обыкновенно прикрывается желаніемъ „личнаго совершенствованія"; но все на землѣ совершенствуется работой, соприкосновеніемъ съ тою или иной силой. Въ существѣ своемъ это „личное совершенствованіе" знаменуетъ оторванность отъ міра, вызывается въ личности ощущеніемъ ея соціальнаго безсилія, наиболѣе острымъ въ годы реакціи. Такъ, у насъ, въ Россіи эпидемія „совершенствованія" была очень сильна въ глухую пору 80-хъ годовъ и возродилась послѣ 1905 года.

Современная буржуазная мысль, выработавшаяся, выродившаяся и безталанная, предвидя великія событія, бороться съ коими она не въ силахъ, идетъ къ Востоку, пытается оживить умирающія идеи и ученія о призрачности міра, о безсмысліи жизни, объ анархическомъ своеволіи личности, оправдывающемъ ея фантазіи и капризы, ея жестокость и деспотизмъ. Но Востокъ духовно отходитъ къ Европѣ, и безвольное движеніе буржуазной мысли такъ же нелѣпо, какъ нелѣпо было бы человѣку спѣшно ѣхать изъ Петрограда во Францію и Англію черезъ Азію и Тихій океанъ.

Поворотъ къ мистикѣ и романтическимъ фантазіямъ — это поворотъ къ застою, направленный, въ концѣ концовъ, противъ молодой демократіи, которую хотятъ отравить и обезсилить, прививъ ей идеи пассивнаго отношенія къ дѣйствительности, сомнѣніе въ силѣ разума, изслѣдованія, науки, задержать въ демократіи ростъ новой коллективистической психики, единственно способной воспитать сильную и красивую личность. Демократія должна умѣть разбираться въ этихъ намѣреніяхъ; она должна также научиться понимать, что̀ дано ей въ плоть и кровь отъ Азіи, съ ея слабой волей, пассивнымъ анархизмомъ, пессимизмомъ, стремленіемъ опьяняться, мечтать, и что̀ въ ней отъ Европы, насквозь активной, неутомимой въ работѣ, вѣрующей только въ силу разума, изслѣдованія, науки.

М. Горькій.

ЕДИНСТВО КУЛЬТУРЫ И НАЦІОНАЛИЗМЪ.

Никогда еще слово „культура“ не произносилось такъ часто, такъ выразительно, съ такимъ чувствомъ, какъ въ наше время; и никогда еще европейцы не призывали этого священнаго для нихъ имени съ такимъ явнымъ нарушеніемъ третьей заповѣди Моисеева десятисловія. — Густо населенныя, цвѣтущія провинціи стали безлюдными и безплодными пустынями; цѣлыя народности превратились въ кочующія толпы бездомныхъ нищихъ, — все во имя культуры, все къ вящшей славѣ ея.

Кто еще не выучился воспринимать всѣ эти событія, какъ благодѣянія цивилизаціи, тотъ пусть читаетъ произведенія современныхъ имперіалистовъ, — и прежде всего, конечно, германскихъ, которые въ области печатной обработки общественнаго мнѣнія, какъ и во многомъ другомъ, значительно опередили имперіалистовъ прочихъ странъ. Ни въ одной странѣ война не породила такого безчисленнаго количества патріотическихъ воззваній, рѣчей, докладовъ, листовокъ, брошюръ, какъ въ Германіи; и всѣ они проникнуты одной мыслью: торжество Германіи есть торжество европейской культуры, ибо только германцы являются въ настоящее время ея достойными носителями. Французская культура изображается нѣмецкими патріотами какъ переживающая глубокій упадокъ; но въ особенно мрачныхъ краскахъ рисуется ими культура англійская: въ ней все сводится къ вульгарному буржуазному комфорту; ни малѣйшихъ слѣдовъ идеализма, ни признака живого и безкорыстнаго творчества, — одно только мертвое царство матеріальной выгоды, голаго торгашескаго расчета!

Если мы обратимся затѣмъ къ нашей отечественной публицистикѣ, то съ изумленіемъ увидимъ, что германская культура, какъ двѣ капли воды, похожа на англійскую въ нѣмецкомъ освѣщеніи; можно подумать, что наши трибуны, по старой до-военной привычкѣ, просто перевели съ нѣмецкаго свои грозныя обличенія германизма, поставивъ слово „Германія“ во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ въ нѣмецкомъ подлинникѣ стоитъ „Англія“.

Невысокій уровень взаимно-обличительной литературы враждующихъ націй вполнѣ понятенъ. Острота переживаемаго кризиса исключаетъ возможность болѣе вдумчиваго и спокойнаго отношенія

къ врагу. Но на первый взглядъ не совсѣмъ понятно, почему имперіализмъ такъ усиленно старается отожествить свое дѣло съ дѣломъ европейской культуры и принизить культуру своихъ соперниковъ. Казалось бы, ему гораздо болѣе подъ стать точка зрѣнія простого и чистаго націонализма, т. е. трезвая защита своихъ реальныхъ интересовъ и очень спокойное отношеніе къ судьбамъ міровой культуры. Но, скажутъ намъ, нѣмецкіе имперіалисты, въ дѣйствительности, вовсе и не помышляютъ о высокихъ матеріяхъ, но лишь лицемѣрно прикрываютъ свои аппетиты разглагольствованіями о „всемірно-исторической" культурной миссіи германскаго народа. Это, быть можетъ, и вѣрно, но не уясняетъ дѣла. Что же заставляетъ имперіалистовъ искать себѣ лицемѣрнаго прикрытія? — вотъ въ чемъ вопросъ. „Лицемѣріе, — говорятъ, — есть та дань, которую порокъ уплачиваетъ добродѣтели". Но вѣдь дань свидѣтельствуетъ о вассальной зависимости, никто не станетъ платить дань добровольно и, такъ сказать, здорово живешь; менѣе всего, конечно, склоненъ порокъ облагать себя данью лицемѣрія ради прекрасныхъ глазъ добродѣтели.

Если нѣмецкій имперіализмъ оправдываетъ себя и свои планы интересами общеевропейской культуры, — значитъ, онъ вынужденъ это дѣлать; значитъ, этого требуетъ отъ него общественное мнѣніе Германіи. Какъ ни великъ, какъ ни стихіенъ тотъ патріотическій угаръ, которымъ, судя по всѣмъ доходящимъ до насъ свѣдѣніямъ, охвачено нѣмецкое общество, настроеніе его, очевидно, не исчерпывается все же такими примитивными чувствами, какъ слѣпая „любовь къ отечеству" и безотчетная „народная гордость". Нѣмецкая интеллигенція ищетъ объективнаго оправданія агрессивныхъ цѣлей войны; ей, во что бы то ни стало, хочется увѣровать въ свою всемірно-историческую миссію, въ то, что, способствуя успѣхамъ своего отечества, она тѣмъ самымъ поднимаетъ на высшую ступень культуру, и при томъ в с ю культуру, — не германскую только, а международную, европейскую.

Въ чемъ же магическая сила европейской культуры? Почему даже въ наши дни, когда фактически разрушена солидарность между европейскими народами и, повидимому, всѣ упоены взаимной ненавистью, не глохнетъ чувство принадлежности къ обще-европейской родинѣ?

За послѣдніе годы о европейской культурѣ очень много писали наши неославянофилы, и писали, разумѣется, весьма неблагосклонно. Сущность европейской культуры усматривалась ими въ погонѣ за матеріальными благами, ея притягательная сила сводилась къ соблазнамъ внѣшняго эстетизма жизни, изысканнаго эпикурейства и утонченнаго разврата. Дѣло, однако, едва ли обстоитъ такъ просто. Если современный нѣмецъ или французъ, отправляясь на позиціи, охотно вспоминаетъ, что онъ не только нѣмецъ или французъ, но, сверхъ того, еще европеецъ, — если ему легче умереть съ созна-

ніемъ, что онъ борется не только за отечество, но, сверхъ того, за высшіе интересы цивилизаціи, то, очевидно, эти высшіе интересы рисуются ему совсѣмъ не въ видѣ жизненныхъ удобствъ или чувственныхъ удовольствій.

Дѣйствительная и безсмертная сила европейской культуры — не въ ея достиженіяхъ, не въ благоустройствѣ жизни, даже не въ произведеніяхъ искусства и науки, а въ той творческой энергіи, которая во всемъ этомъ осуществляется.

Удачную характеристку современнаго европейца, какъ творца культуры, даетъ въ одной изъ недавнихъ своихъ работъ проф. Эйкенъ. „Трудъ, — пишетъ онъ, — не является для насъ простымъ средствомъ достиженія внѣ его лежащей цѣли, — въ трудъ мы вкладываемъ всю нашу душу, въ трудѣ раскрываемъ наше существо... Германская душевная жизнь высоко своеобразна и въ корнѣ отлична отъ индусской и вообще восточной. Насъ не влечетъ къ себѣ настроеніе отчужденности отъ міра, мы не чувствуемъ желанія бѣжать отъ окружающихъ насъ явленій, но мы носимъ въ себѣ стихійное стремленіе до конца воплотить все, что въ насъ живетъ, извлечь наружу глубины нашего сознанія и разработать ихъ въ искусствѣ, въ философіи, въ воспитаніи, въ морали. Всѣмъ строемъ своей жизни свидѣтельствуемъ мы о томъ, что въ насъ нѣтъ склонности ограничиваться интимными переживаніями одинокихъ душъ. Мы не хотимъ теряться въ мірахъ, порожденныхъ сновидѣніями, — мы хотимъ внѣшнюю дѣйствительность превратить въ царство нашего духа“.

Брошюра, изъ которой взята эта цитата, написана послѣ объявленія войны. Не удивительно, что духъ европейской культуры фигурируетъ въ ней подъ германскимъ псевдонимомъ. Эта неизбѣжная въ наше время патріотическая аберрація не мѣшаетъ, однако, характеристикѣ Эйкена быть очень вѣрной по существу. Авторъ вскрываетъ основную тенденцію современной культуры, ея стремленіе примирить въ творческой человѣческой дѣятельности тотъ роковой дуализмъ, которымъ до конца среднихъ вѣковъ болѣло европейское человѣчество, которымъ и по сей день болѣютъ многіе народы Востока: дуализмъ внѣшняго и внутренняго, свѣтлаго духа и темной плоти, высокой идеи и низменной матеріи. Впрочемъ, и въ самой Европѣ освободительная миссія новой культуры еще далека отъ своего завершенія.

Европейская философія, въ которой всего ярче отразился душевной строй новаго человѣка, насчитываетъ не мало попятныхъ движеній мысли и даже въ самыхъ высшихъ своихъ проявленіяхъ обыкновенно не свободна отъ перепѣвовъ отжившей старины. Мы самыми бѣглыми штрихами очертимъ здѣсь основные этапы въ развитіи творческаго самосознанія, чтобы затѣмъ намѣтить его отношеніе къ популярнымъ въ наше время національнымъ и націоналистическимъ настроеніямъ.

Въ классическомъ англійскомъ эмпиризмѣ новый строй мысли впервые проявилъ себя вполнѣ сознательно и провелъ рѣзкую грань между собою и средневѣковымъ міросозерцаніемъ. Блестяще разрушая ходячія метафизическія представленія того времени, англійскіе эмпирики XVII и XVIII столѣтій рѣшительно заявляли, что единственнымъ источникомъ нашего познанія является опытъ. По ученію Локка, наши идеи возникаютъ только изъ внѣшнихъ ощущеній или внутреннихъ воспріятій; нѣтъ никакихъ врожденныхъ, до-опытныхъ, а, тѣмъ паче, сверхопытныхъ идей. Юмъ подвергъ уничтожающей критикѣ не только идеалистическую догматику, но и самые научные методы, поскольку въ нихъ еще оставались слѣды метафизики. Мы занимаемся пустой игрой словъ, говоритъ Юмъ, когда опредѣляемъ причину, какъ нѣчто, „производящее“ данную вещь, или какъ то, „благодаря чему“ данная вещь существуетъ. На самомъ дѣлѣ причина есть то, после чего данная вещь постоянно присутствуетъ въ опытѣ, — вотъ все, что мы о ней дѣйствительно знаемъ.

Неразрывно связавъ духъ и матерію, идею и опытъ, эмпиризмъ далъ могучій толчокъ развитію точныхъ наукъ и пробилъ глубокую брешь въ традиціонномъ дуалистическомъ міровоззрѣніи. Однако это послѣднее еще не было разрушено имъ окончательно. Ахиллесова пята классическаго эмпиризма — его пассивность, его чисто созерцательное отношеніе къ реальному міру, его склонность ограничиться простымъ регистрированіемъ данныхъ уже осуществленнаго опыта. Отсюда двоякая слабость эмпирической философіи. Прежде всего, на этой почвѣ само научное познаніе теряетъ увѣренность въ себѣ и неизбѣжно приходитъ къ скептицизму. Въ самомъ дѣлѣ, созерцая теченіе событій, отмѣчая ихъ повторяющіяся сцѣпленія, мы можемъ узнать лишь то, что бывало, что неоднократно случалось, но ни въ коемъ случаѣ не можемъ умозаключить къ тому, что необходимо должно быть, что неизбѣжно будетъ. Между тѣмъ задача познанія именно и заключается въ отысканіи такихъ связей, которыя позволили бы человѣку не только знать прошлое, но и предвидѣть будущее, не только пассивно созерцать дѣйствительность но и активно овладѣть ею. — Другая слабая сторона эмпирической точки зрѣнія состоитъ въ томъ, что эта послѣдняя, изгоняя метафизику и теологію изъ области опыта и науки, безсильно останавливается передъ, такъ называемымъ, сверхопытнымъ или сверхраціональнымъ міромъ. Личное отношеніе къ этому міру у различныхъ эмпириковъ XVII и XVIII вѣковъ было далеко не одинаково. Бэконъ подчеркивалъ права мистическаго чувства, возвышающагося надъ „естественнымъ разумомъ“: „естественный разумъ“, писалъ онъ, „подобенъ Саррѣ, только посмѣявшейся надъ тѣмъ, во что повѣрилъ простодушный Авраамъ, а между тѣмъ эта вѣра Аврааму зачлась“. Локкъ, вопреки основнымъ принципамъ своей философіи, считалъ даже возможнымъ обосновывать деизмъ аргументами естественнаго разума. Религіозные взгляды осторожнаго Юма до сихъ поръ

не вполнѣ выяснены историками философіи, — повидимому, онъ оставался до конца вѣренъ своему скептицизму. Наконецъ многіе изъ французскихъ просвѣтителей, раздѣлявшихъ философскіе взгляды англійскихъ эмпириковъ, были атеистами. Но все это свидѣтельствуетъ болѣе о субъективныхъ склонностяхъ отдѣльныхъ послѣдователей ученія, нежели о его объективной логикѣ. Эмпиризмъ, какъ таковой, просто признавалъ себя некомпетентнымъ въ данной области. Критикуя метафизическія и религіозныя построенія человѣческаго разума, онъ вынужденъ былъ игнорировать тѣ запросы, которые въ этихъ построеніяхъ выражались, — ибо въ наличномъ опытѣ не находилъ данныхъ для ихъ удовлетворенія. Но въ идеологіи ничего нельзя разрушить, не замѣщая. Не удивительно, что послѣдовательные эмпирики и по сію пору нерѣдко дружатъ съ мистикой.

Крупнымъ шагомъ впередъ въ развитіи творческаго самосознанія была нѣмецкая идеалистическая философія. Въ кантіанствѣ разумъ человѣческій, оставаясь всецѣло въ предѣлахъ опыта, освобождается отъ пассивнаго, рабски копирующаго отношенія къ опытнымъ даннымъ и приходитъ къ сознанію своей творческой природы, провозглашаетъ свою автономію. Въ полномъ согласіи съ эмпириками Кантъ устанавливаетъ, что матеріаломъ нашего познанія могутъ быть только факты опыта. Но „формы познанія", — т. е. логическіе пріемы изслѣдованія, методы обработки фактовъ, — не пассивно списываются нами, а активно предписываются познанію, какъ орудія отысканія истины. Данныя опыта присутствуютъ или отсутствуютъ, вызываютъ въ насъ тѣ или другія впечатлѣнія, но, сами по себѣ, никоимъ образомъ не являются правильными или ошибочными. Столъ можетъ имѣть четыре, три или одну ножку, квадратную, круглую или иную форму, самую разнообразную окраску, но, очевидно, онъ не можетъ быть ни истиннымъ, ни ложнымъ. Истина не дана намъ извнѣ или изнутри, какъ предметъ благочестиваго преклоненія, а задана, какъ проблема, какъ результатъ постройки, которая еще должна быть воздвигнута силами нашего разума. Разумъ, во всеоружіи своихъ логическихъ аксіомъ, активно формируетъ данныя опыта, расчленяетъ ихъ на элементы и вновь соединяетъ, замѣщаетъ качественное разнообразіе явленій соизмѣримыми количественными отношеніями, строитъ математическія модели міра, пока наконецъ не достигаетъ такой конструкціи, которая позволяетъ предвосхищать грядущія событія, установивъ внутреннюю логическую необходимость тамъ, гдѣ пассивное наблюденіе констатируетъ лишь внѣшнюю послѣдовательность.

Выясненіе творческой автономіи разума въ его познавательной работѣ составляетъ наиболѣе существенную и наиболѣе цѣнную сторону того направленія философской мысли, начало которому положилъ Кантъ своимъ ученіемъ объ „апріорности" формъ познанія. Надо, впрочемъ, отмѣтить, что какъ у самого Канта, такъ и у боль-

шинства его послѣдователей эта сторона „апріоризма“ осталась недостаточно выявленной, но зато рѣзко подчеркнута другая, противоположная тенденція. Подъ апріорностью логическихъ законовъ Кантъ понимаетъ ихъ независимость не только отъ того опытнаго матеріала, къ которому они непосредственно прилагаются, но и отъ всякаго опыта вообще. Аксіомы апріорны, — это значитъ: вѣчны, абсолютны, неизмѣнны. Отсюда естественно сдѣлать шагъ къ признанію сверхчеловѣческой и сверхопытной санкціи нормъ человѣческаго духа. И если не по отношенію къ нормамъ логики, то по отношенію къ нормамъ нравственнаго сознанія Кантъ этотъ шагъ, дѣйствительно, сдѣлалъ. Черезъ посредство нравственнаго закона мистическія существа и сущности снова утвердили свое господство надъ автономнымъ разумомъ. Кантіанство не могло послѣдовательно осуществить своей освободительной тенденціи, потому что въ основахъ своихъ оно абсолютно статично: уясняя активность отдѣльныхъ проявленій познанія, оно провозглашаетъ неподвижность познанія въ цѣломъ. Кантіанству совершенно чужда идея развитія познавательныхъ формъ, идея органическаго роста самого познающаго разума.

Геніальную схему такого роста начерталъ Гегель. Его „діалектику“ можно разсматривать и какъ метафизическую идею, и какъ особый методъ познанія. Но для насъ она представляетъ наибольшій интересъ въ своемъ психологическомъ аспектѣ: какъ картина внутренняго развитія духа человѣческаго.

Діалектическій процессъ — въ отличіе отъ другихъ видовъ эволюціи — характеризуется тѣмъ, что въ немъ всякая новая стадія внутренно, органически связана со всѣми прежними. Высшая ступень не можетъ быть одностороннимъ развитіемъ одного или нѣсколькихъ элементовъ, но непремѣнно должна включить въ себя всѣ существенные элементы предыдущей фазы, объединивъ ихъ въ новомъ гармоническомъ синтезѣ. Такъ, напримѣръ, съ діалектической точки зрѣнія, споръ между религіозной догматикой и положительной наукой нельзя разрѣшить голымъ отрицаніемъ догматовъ, какъ произвольныхъ построеній, не выдерживающихъ научной критики. Тѣ запросы, на которые, худо ли, хорошо ли, отвѣчала религія, не могутъ быть просто отринуты, какъ недоступные для разума, или не заслуживающіе его вниманія. Критически разрушая суевѣрія, разумъ лишь обостряетъ свой конфликтъ съ ними, но еще не преодолѣваетъ ихъ окончательно. Чтобы одержать надъ ними полную побѣду, надо понять ихъ не какъ абсолютную ложь, а какъ исторически необходимое заблужденіе, какъ мнимый путь къ удовлетворенію дѣйствительной потребности. А это, въ свою очередь, предполагаетъ, что уже найденъ новый путь, ведущій не къ призрачному, а къ реальному удовлетворенію этой потребности. И лишь постольку, поскольку научное міросозерцаніе такой путь дѣйствительно раскрываетъ, оно имѣетъ право утверждать, что имъ

превзойдена стадія авторитарнаго догматизма, что въ немъ духъ человѣческій обрѣлъ высшую ступень своего развитія.

Такимъ образомъ, въ діалектическомъ процессѣ ничто не исчезаетъ и не теряется. Каждый новый шагъ есть не простая замѣна одного содержанія другимъ, но непремѣнно обогащеніе, расширеніе кругозора. Очевидно, что діалектичность не есть общій признакъ всякой вообще эволюціи; мало того, даже эволюція человѣческаго сознанія не всегда носитъ діалектическій характеръ. Если мы относимся къ окружающей дѣйствительности пассивно и созерцательно, если мы только воспринимаемъ ея текучее содержаніе, наша душевная жизнь чужда діалектики. Въ этомъ случаѣ новыя впечатлѣнія, идеи, настроенія просто вытѣсняютъ изъ поля сознанія все, что тамъ находилось раньше, становятся на мѣсто пережитаго, но не вбираютъ его въ себя, не обогащаютъ интеллектъ новыми и все болѣе и болѣе широкими синтезами. Сознаніе является здѣсь какъ бы экраномъ, на который отбрасываются извнѣ быстро мѣняющіяся картины: за „тяжелой драмой" изъ эпохи великой революціи слѣдуетъ проблема пола, „любовныя похожденія Глупышкина", за Глупышкинымъ — „англійскій флотъ, спасающій отечество отъ нападенія коварнаго сосѣда" и т. д. до безконечности. Передъ нами — процессъ непрерывныхъ превращеній, но полное отсутствіе развитія, — головокружительно быстрая смѣна новинокъ, но ничего по существу новаго, — угодливо-чуткое воспріятіе послѣдняго крика моды, но ни признака активности, ни намека на творчески свободный ростъ души. Способность „сжигать все, чему поклонялся, поклоняться всему, что сжигалъ", которую многіе оцѣниваютъ очень высоко, какъ проявленіе глубокой искренности и внутренней свободы, есть въ дѣйствительности характернѣйшій признакъ рабскаго плѣненія духа. Подлинная внутренняя свобода совпадаетъ съ внутренней необходимостью діалектическаго развитія. Конечно, и діалектическое развитіе не является всецѣло внутреннимъ и самодовлѣющимъ, какъ это училъ Гегель; и оно можетъ осуществляться лишь въ живомъ общеніи съ внѣшней дѣйствительностью, которая своимъ воздѣйствіемъ вноситъ все новыя и новыя противорѣчія въ наличное содержаніе душевной жизни и тѣмъ самымъ толкаетъ ее впередъ. Но вызываемое этими внѣшними толчками движеніе будетъ дѣйствительно идти впередъ, борьба съ противорѣчіями дастъ дѣйствительное освобожденіе отъ нихъ, лишь въ томъ случаѣ, если результатомъ этой работы явится не простое замѣщеніе одного жизненнаго принципа другимъ, а творческая организація всего пережитаго, примиреніе всѣхъ его основныхъ элементовъ въ высшемъ синтезѣ.

Формула діалектическаго развитія есть та самая „формула прогресса", которую въ семидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія такъ упорно искала русская прогрессивная мысль: она даетъ намъ вполнѣ надежный и при томъ совершенно объективный критерій, позволяющій отличить дѣйствительный прогрессъ отъ простого процесса из-

мѣненій, внутренній ростъ творческаго самосознанія отъ рабскаго усвоенія извнѣ воспринятыхъ идей. Однако самъ Гегель придавалъ иное значеніе своей діалектикѣ. Она была для него не развитіемъ человѣческаго, а раскрытіемъ божественнаго или мірового разума. А такъ какъ міровой разумъ всеобъемлющъ и ничего не имѣетъ внѣ себя, то, разумѣется, его діалектика абсолютно замкнута въ себѣ самой и развивается не во времени, не въ реальныхъ событіяхъ жизни, а въ отвлеченной и внѣвременной сферѣ логическихъ категорій. Конкретная исторія земного человѣчества метафизически преображена Гегелемъ въ абстрактное саморазвертываніе заоблачныхъ понятій, — и въ этомъ основной грѣхъ его философіи, главный источникъ ея реакціонности.

Очистить революціонное ядро гегелевской философіи отъ ея реакціонной оболочки составляло главную задачу, такъ называемыхъ, лѣвыхъ гегеліанцевъ, среди которыхъ первое мѣсто принадлежитъ Людвигу Фейербаху. Фейербахъ рѣшительно возстаетъ противъ метафизическаго неба нѣмецкой философіи и обѣими ногами становится на твердую землю конкретнаго человѣческаго опыта. Въ предисловіи ко второму изданію „Сущности христіанства“ онъ слѣдующимъ образомъ характеризуетъ свою позицію: „Эта философія отрѣшилась отъ субстанціи Спинозы, отъ „я“ Канта и Фихте, отъ абсолютнаго тожества Шеллинга, отъ абсолютнаго духа Гегеля и тому подобныхъ отвлеченныхъ, только мыслимыхъ или воображаемыхъ вещей и сдѣлала своимъ принципомъ дѣйствительную, вѣрнѣе, самую дѣйствительную сущность, истинное ens realissimum, человѣка, т. е. самое позитивное, реальное начало“. Но, въ отличіе отъ другихъ позитивистовъ, реалистовъ и матеріалистовъ, Фейербахъ полагаетъ, что разумъ человѣческій не можетъ ни уклониться отъ обсужденія проблемъ метафизики, ни ограничиться ихъ чисто отрицательной критикой. Фейербахъ разсматриваетъ атрибуты небесныхъ сущностей, какъ обоготворенныя потенціи самого человѣка; „человѣкъ человѣку — богъ!“ — восклицаетъ онъ. Отсюда непосредственно слѣдуетъ, что не въ умозрѣніи или откровеніи и не въ потустороннемъ бытіи, а въ конкретной земной жизни, въ человѣческой исторіи должны найти свое осуществленіе метафизическія и религіозныя чаянія.

Однако Фейербахъ только намѣтилъ этотъ выводъ. Развить его послѣдовательно онъ не могъ, такъ какъ, вооружаясь противъ метафизики въ теоріи, по настроенію своему онъ въ значительной степени оставался метафизикомъ. Познаніе характеризуется имъ какъ незаинтересованное созерцаніе, отрѣшенное отъ всякой „эгоистической воли“, исполненное преклоненія передъ природой, какъ она намъ дана. Всякое практическое, дѣятельное отношеніе къ природѣ онъ сводилъ къ грубому утилитаризму и третировалъ свысока, какъ нѣчто недостойное философа. Въ этомъ отношеніи Фейербахъ стоитъ даже ниже своихъ предшественниковъ-идеалистовъ,

какъ это отмѣтилъ другой лѣвый гегеліанецъ, Марксъ, отчетливо обрисовавшій въ немногихъ словахъ основные дефекты обоихъ философскихъ направленій того времени.

„Главный недостатокъ матеріализма, до Фейербаховскаго включительно, — говоритъ Марксъ, — состоялъ до сихъ поръ въ томъ, что онъ разсматривалъ дѣйствительность, предметный, воспринимаемый внѣшними чувствами міръ, лишь въ формѣ объекта или въ формѣ созерцанія, а не въ формѣ конкретной человѣческой дѣятельности, не въ формѣ практики, не субъективно. Поэтому дѣятельную сторону, въ противоположность матеріализму, развивалъ до сихъ поръ идеализмъ, но развивалъ отвлеченно, такъ какъ идеализмъ, естественно, не признаетъ конкретной дѣятельности, какъ таковой".

Такимъ образомъ, уже въ половинѣ прошлаго столѣтія „конкретная человѣческая дѣятельность" выдвигалась какъ руководящій принципъ, какъ такая точка зрѣнія, которая, осуществляя положительныя стороны идеализма и матеріализма, способна примирить въ высшемъ синтезѣ противорѣчія этихъ философскихъ направленій. Однако исходнымъ пунктомъ дальнѣйшаго развитія философіи „практика" все-таки не сдѣлалась. Фейербаховское „человѣкобожіе" явилось тѣмъ высшимъ пунктомъ, котораго достигло дерзновеніе свободной мысли, разбуженной революціоннымъ броженіемъ сороковыхъ годовъ. Уже матеріализмъ пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годовъ знаменуетъ собой значительный шагъ назадъ, возвращеніе къ ограниченной точкѣ зрѣнія старыхъ эмпириковъ. Съ семидесятыхъ годовъ начинается „возвратъ къ Канту", при чемъ особенное вниманіе въ его ученіи привлекаетъ къ себѣ не автономія познанія, а мнимый, неправильно поставленный вопросъ о „границахъ познанія". Тотъ же уклонъ мысли замѣчается и среди ученыхъ: раздаются знаменитые „Ignorabimus" Дюбуа Реймона, — тезисы, формулирующіе „то, чего мы никогда не познаемъ". Къ концу вѣка реакціонныя настроенія сгущаются еще сильнѣе.

И тѣмъ не менѣе творческое самосознаніе продолжаетъ идти впередъ, преодолѣвая всѣ препятствія, накладывая свою печать даже на такіе умы, которые чужды ему по общему своему складу. Такъ, напримѣръ, для уясненія активной природы познанія чрезвычайно много сдѣлалъ Махъ, приверженецъ „чистаго описанія", т. е. пассивнаго эмпиризма въ утрированномъ видѣ. Но особенно поучительно въ этомъ отношеніи ученіе Анри Бергсона. Сознаніе и воля этого интереснѣйшаго изъ философовъ современности явно устремлены назадъ: къ романтической метафизикѣ и мистикѣ. Грезы безвольнаго созерцанія для него выше разумной активности, инстинктъ значительнѣе интеллекта; ему хочется, во что бы то ни стало, принизить познаніе, какъ чисто утилитарную функцію духа. Но глубокая и неподкупная философская интуиція Бергсона идетъ вразрѣзъ со многими его предвзятыми намѣреніями. Въ результатѣ, именно Бергсонъ наноситъ смертельный ударъ метафизикѣ, раскрывая въ

творческомъ процессѣ становленія его подлинный, человѣческій смыслъ, метафизически замаскированный у Гегеля.

Бергсонъ различаетъ два рода организующей нашу психику памяти. Память перваго рода сохраняетъ въ насъ рядъ привычныхъ психическихъ реакцій на привычныя, неизмѣнно повторяющіяся воздѣйствія внѣшней среды. Сюда относятся пріемы повседневной работы человѣка, установившіяся формы общенія его съ другими людьми, — вообще все то, что составляетъ бытовую сторону нашей жизни. Чѣмъ лучше выработаны эти психическіе навыки, чѣмъ совершеннѣе они выполняютъ свое назначеніе, тѣмъ меньше въ нихъ участвуетъ сознаніе. Если бы психика была всецѣло поглощена такими привычными функціями, она неизбѣжно стала бы насквозь автоматичной, сознаніе угасло бы въ ней за ненадобностью. Но у насъ есть и другая память, — память, такъ сказать, „историческая". Она впитываетъ въ себя всѣ пережитыя нами въ прошломъ событія, непрерывно пополняетъ ихъ впечатлѣніями настоящаго и тѣмъ самымъ пробуждаетъ энергію сознанія, которое, устремляясь къ будущему, сплавляетъ въ одно органическое цѣлое всѣ пріобрѣтенія исторической памяти. И, очевидно, только въ этой творческой работѣ сознанія мы дѣйствительно живемъ, чувствуемъ теченіе времени или, какъ говоритъ Бергсонъ, „реально длимся".

Психическія привычки — внѣвременны: онѣ присутствуютъ въ насъ сегодня совершенно въ такомъ же видѣ, въ какомъ имѣлись вчера, въ какомъ будутъ завтра; онѣ въ любой моментъ находятся въ нашемъ распоряженіи, — и самая смѣна моментовъ для насъ совершенно непримѣтна, поскольку наша жизнь заполнена привычными отправленіями; такой типъ существованія не даетъ ни малѣйшей возможности узнать, что такое — время, исторія, развитіе.

Эта неразрывная связь реальнаго времени съ творческой функціей сознанія бросаетъ новый и неожиданный свѣтъ на вѣковую распрю между разумомъ и догматикой. Метафизика и теологія смотрятъ на человѣческую дѣятельность и на время, въ которомъ она протекаетъ, какъ на дефектъ нашей природы, какъ на результатъ грѣхопаденія. Печальной необходимости трудиться, преодолѣвать препятствія, непрерывно совершенствоваться въ процессѣ историческаго развитія, противопоставляется идеалъ абсолютнаго совершенства, въ которомъ всѣ цѣли достигнуты, всѣ противорѣчія разрѣшены, никакое движеніе впередъ не возможно и времени уже болѣе не существуетъ. Кантіанскій идеализмъ, объявляя время формой нашего созерцанія, косвенно поддерживалъ это благочестивое построеніе; для кантіанца внѣвременное бытіе совершеннаго существа есть предѣльная идея, недоступная нашему ограниченному разуму, но тѣмъ болѣе заслуживающая преклоненія со стороны нашего чувства. Для Гегеля реальна логическая діалектика абсолютнаго понятія, а не развитіе во времени. Бергсонъ, первый среди

философовъ, провозгласилъ декларацію неотъемлемыхъ правъ времени. Какъ мы только что видѣли, — по его ученію, время неотдѣлимо отъ творческаго сознанія. Чѣмъ интенсивнѣе наше творчество, чѣмъ шире его размахъ, чѣмъ ярче горитъ въ насъ свѣтъ сознанія, тѣмъ отчетливѣе ощущаемъ мы теченіе времени, тѣмъ „историчнѣе" наша жизнь и тѣмъ, значитъ, дальше мы отъ того типа бытія, которое метафизика и теологія считаютъ совершеннымъ. Наоборотъ, духовно мертвый, выжившій изъ ума, но физически здоровый старикъ представляетъ наивысшее изъ доступныхъ для человѣка приближеній къ идеалу покоящагося совершенства. Въ самомъ дѣлѣ, никакихъ „событій", будящихъ сознаніе, въ жизни такого старика не происходитъ, а потому историческая память въ немъ замираетъ. Существованіе его сводится къ ряду всегда одинаковыхъ, неизмѣнныхъ отправленій, — вслѣдствіе чего для него нѣтъ разницы между „сегодня", „вчера" и „годъ тому назадъ"; онъ живетъ поистинѣ внѣ времени, пользуется блаженствомъ вполнѣ завершеннаго бытія, не подлежащаго никакимъ перемѣнамъ. Духовная опустошенность законченнаго существа, очевидно, не зависитъ отъ того, на какой ступени развитія оно застыло, насколько значительны и разнообразны достигнутые имъ успѣхи. Мы можемъ представить себѣ, что совершенства его безконечны, и все-таки обладаніе этими совершенствами будетъ не апоѳеозомъ, а угашеніемъ духа, разъ творческій процессъ развитія уже болѣе не можетъ имѣть мѣста. Завершенность духовнаго развитія, хотя бы и на божественно высокой стадіи, равносильна прекращенію сознательной жизни.

Уже отсюда видно, насколько мало обоснованы по существу попытки Ле-Руа и нѣкоторыхъ другихъ почитателей Бергсона использовать его идеи въ интересахъ подновленія католической догматики и укрѣпленія ея падающаго авторитета. Если толкованія подобнаго рода и находятъ себѣ нѣкоторыя точки опоры въ настроеніяхъ французскаго мыслителя, то они стоятъ въ кричащемъ противорѣчіи съ основнымъ духомъ его философіи. Не подлежитъ, однако, спору, что внѣшнихъ прицѣпокъ для реакціоннаго использованія сочиненія Бергсона даютъ болѣе, чѣмъ достаточно.

Вообще, какъ мы только что видѣли, развитіе творческаго самосознанія, — особенно, начиная съ половины прошлаго вѣка, — далеко не является побѣднымъ тріумфальнымъ шествіемъ: оно какъ бы уходитъ въ глубину и струится, хотя и могучимъ, но скрытымъ потокомъ подъ корою враждебныхъ ему настроеній. Причина понятна. Діалектика человѣческаго духа не довлѣетъ себѣ, но совершается въ неразрывной связи со всѣми прочими сторонами жизни — прежде всего съ жизнью соціальной. „Предразсудки" не могутъ умереть раньше, чѣмъ исчезнутъ питающія ихъ учрежденія. Все богатство присущихъ ей возможностей человѣческая мысль развернетъ лишь тогда, когда общественная организація перестанетъ сковывать ея развитіе и окончательно превратится изъ „Бастиліи духа" въ

питомникъ свободы. Европа второй половины XIX столѣтія была еще очень далека отъ этой цѣли; не близка она къ ней и въ настоящее время, — что̀ съ особенной наглядностью иллюстрируютъ текущія событія.

Въ общеевропейскомъ революціонномъ движеніи 1848 года ярко проявились и освободительныя, и культурно-объединяющія тенденціи буржуазнаго строя. Народы братались между собой въ совмѣстной борьбѣ съ послѣдними пережитками феодализма и радостно смотрѣли въ будущее, которое рисовалось имъ въ видѣ мирнаго соперничества и сотрудничества всѣхъ участниковъ міровой культуры. Но этотъ молодой энтузіазмъ, охватывавшій самые разнообразные слои буржуазнаго общества, скоро погасъ. Капиталистическое развитіе оказалось неспособнымъ обезпечить единство и свободу культурнаго творчества ни на міровой аренѣ, ни въ предѣлахъ каждой отдѣльной страны. Соціальныя противорѣчія, все болѣе и болѣе опредѣляясь, принимая форму все болѣе и болѣе организованной классовой борьбы, ставили подъ знакъ вопроса самыя основы существованія буржуазнаго общества и порою вызывали почти физическое ощущеніе надвигающейся грозы, неминуемой катастрофы. Отсюда у людей, боящихся грозы и не вѣрящихъ въ ея цѣлительную силу, естественно возникаетъ чувство прозрачности, роковой обманчивости и какъ бы предварительности наличнаго бытія; это послѣднее начинаетъ казаться лишь намекомъ на какую-то скрытую реальность, лишь обѣтованіемъ какой-то подлинной жизни. Такія сумеречныя настроенія, порожденныя общественными противорѣчіями, неизбѣжно распространялись буржуазными мыслителями на всю область человѣческаго опыта, окрашивали собой все міросозерцаніе. Въ результатѣ создавалась психологія, какъ нельзя болѣе благопріятная для торжества умственной реакціи въ обоихъ ея главнѣйшихъ проявленіяхъ: и въ формѣ романтически мечтательно, и въ формѣ догматически религіозной. Съ другой стороны, капитализмъ, несмотря на всю свою международность, не создалъ и дѣйствительнаго единства міровой культуры. Передовыя промышленныя страны стали обособленными центрами кристаллизаціи капитализма, и каждый изъ этихъ центровъ претендуетъ не только на полную самостоятельность, но и на міровое господство. Только страхъ сдерживалъ до поры до времени эти вожделѣнія капиталистическаго имперіализма въ извѣстныхъ границахъ. За послѣднія десятилѣтія имперіалистическія страны неоднократно пытались мирно подѣлить собой между территоріи некультурныхъ племенъ и разнести по „сферамъ вліянія“ территоріи полукультурныхъ народовъ. На этой почвѣ была создана теорія „равновѣсія силъ“, явно неискренняя и натянутая, всѣми позабытая немедленно же послѣ того, какъ международныя тренія, созданныя имперіалистической политикой, привели къ военной катастрофѣ. По устраненіи внѣшней узды съ полной очевидностью обнаружилось, что всякому имперіализму присуще стремленіе къ

безграничному расширенію, и что предѣлъ этому расширенію могутъ положить лишь фактически неодолимыя преграды, а отнюдь не соображенія о какомъ-то равновѣсіи. Имперіализмъ есть національно-государственная форма воплощенія интернаціональной тенденціи капитализма, — естественно, что философія имперіализма всегда отправляется отъ идеи культурно-историческаго призванія данной націи къ міровому господству.

Единство міровой культуры, въ его чистомъ видѣ, отстаивалось до сихъ поръ только представителями рабочаго класса. Но въ современномъ обществѣ рабочіе являются въ гораздо большей степени объектами всесторонняго использованія, нежели субъектами и творцами высшихъ культурныхъ формъ. И хотя психологически они во многомъ уже преодолѣли ограниченность культурнаго сознанія нашей эпохи, но побѣдоноснаго теоретическаго выраженія эти многообѣщающіе зачатки получить, конечно, не могли. Культура пролетаріата пока еще — музыка будущаго. Въ настоящее же время провозвѣстники этой грядущей музыки нерѣдко сами увлекаются такими мелодіями, которыя не имѣютъ съ ней ничего общаго. Такъ, большой популярностью среди демократіи, не исключая и демократіи рабочей, пользуется въ наши дни концепція, ополчающаяся противъ идеологіи имперіализма не во имя свободной всечеловѣческой культуры, а во имя правъ замкнутой въ себѣ самодовлѣющей національности. Теорія, выдвигающая эту идею оборонительнаго націонализма, утверждаетъ, что единство человѣческаго рода есть лишь абстракція, сухая отвлеченная мысль, которая не встрѣчаетъ отзвука въ народномъ сознаніи и потому не можетъ породить творческаго вдохновенія; живое, конкретное единство человѣчества ограничено рамками національности; все, что создано великаго въ философіи, въ искусствѣ, въ общественности, носитъ на себѣ печать національнаго генія; слѣдовательно, задача истинной культуры должна заключаться не въ погонѣ за тощими абстракціями общечеловѣчности, а въ раскрытіи сокровищъ народнаго духа. Политическій идеалъ этого направленія сводится къ огражденію правъ каждой народности на обособленное и самобытное развитіе.

Мы не можемъ здѣсь изслѣдовать, насколько существенны тѣ національныя особенности, которыми различаются между собой культуры отдѣльныхъ европейскихъ народовъ. Несомнѣнно, во всякомъ случаѣ, что особенности эти имѣются. Присматриваясь, напримѣръ, къ англійской философіи, не трудно замѣтить въ психологіи авторовъ, въ ихъ манерѣ мышленія нѣкоторыя характерныя черты, общія всѣмъ мыслителямъ англосаксонской расы, начиная съ Локка и кончая Джемсомъ. Не менѣе отчетливо національный характеръ проявляется въ произведеніяхъ искусства, въ укладѣ общественной жизни и во многомъ другомъ. Но вопросъ заключается не въ томъ, отмѣчены ли, и въ какой мѣрѣ отмѣчены, національными особенностями результаты культурнаго развитія, а въ томъ, можно ли поставить

эти особенности сознательной цѣлью культурнаго творчества. Юмъ — характерный англичанинъ, Гегель — типичный нѣмецъ; но ни Юму, ни Гегелю въ голову не приходило, что ихъ задача должна заключаться въ уясненіи особенностей англійскаго или германскаго мышленія. Не нѣмецкую или англійскую истину, а истину вообще, истину всечеловѣческую ищетъ даже самый національный изъ національныхъ философовъ. „Когда я мыслю, — говоритъ Гегель, — я отрѣшаюсь отъ своихъ субъективныхъ особенностей, погружаюсь въ предметъ, предоставляю мысли развиваться изъ самой себя, и я мыслю дурно, если прибавлю что-нибудь отъ самого себя". Въ актѣ творчества человѣкъ не можетъ сознавать себя ни англичаниномъ, ни нѣмцемъ, не можетъ вообще ставить передъ собой никакихъ предвзятыхъ, извнѣ заимствованныхъ цѣлей, но всецѣло отдается внутренней логикѣ самого творческаго порыва, который развивается „изъ самого себя" и не признаетъ никакихъ границъ для своей автономіи. Творческое вдохновеніе носитъ сверхличный и сверхнаціональный характеръ уже въ силу своей внутренней свободы, отрицающей всякія заранѣе составленныя предписанія. Но подлинному творчеству присуще также и положительное сознаніе своей всеобщности, „общезначимости", универсальности. И именно въ этомъ его несокрушимая сила; именно отсюда возникаетъ та мужественная увѣренность, о которой говоритъ Бергсонъ: увѣренность въ томъ, что великое устремленіе побѣдоносной жизни способно „опрокинуть на своемъ пути всѣ препятствія, преодолѣть всѣ сопротивленія, быть можетъ, даже самую смерть".

Ни эта увѣренность, ни порождающій ее творческій энтузіазмъ, очевидно, не знакомы людямъ, которые говорятъ о культивированіи національныхъ особенностей, какъ о высшей задачѣ цивилизаціи. Придерживаться въ своей работѣ заранѣе составленныхъ шаблоновъ или схемъ можетъ ремесленникъ, а не артистъ. И уже самая жажда такихъ схемъ свидѣтельствуетъ о ремесленномъ вырожденіи творчества. Если художникъ умышленно ищетъ вдохновенія въ національныхъ мотивахъ, то это значитъ, что призывы свободнаго, самопроизвольнаго вдохновенія въ немъ уже умолкли, что душа его пуста, что его фантазія нуждается въ гипнозѣ со стороны, чтобы наполниться образами, — и, разумѣется, результатомъ такой, извнѣ направляемой работы явится не великое произведеніе искусства, а лишь болѣе или менѣе ловкая ремесленная подделка подъ него.

Правда, были крупные мыслители, которые не только непроизвольно отражали въ своихъ произведеніяхъ особенности своего народа, но и сознательно проповѣдовали національную идею. Таковъ, напримѣръ, у нѣмцевъ Іоганнъ Готлибъ Фихте, у насъ Владимиръ Соловьевъ. Однако эти кажущіяся исключенія въ дѣйствительности являются наилучшимъ подтвержденіемъ сказаннаго выше. Въ самомъ дѣлѣ, ни Фихте, ни Соловьевъ не вдохновлялись культурными особенностями своего народа, какъ таковыми. И тотъ, и другой при-

давали своимъ философскимъ идеямъ всечеловѣческое, и даже „вселенское“, значеніе. Родной народъ былъ для каждаго изъ этихъ философовъ не источникомъ истины и предметомъ поклоненія, а лишь носителемъ истины и орудіемъ ея распространенія среди другихъ нарсдовъ. Не самодовлѣющую національную культуру хотѣли они развивать, а во главѣ міровой культуры мечтали поставить свой народъ, считая его избраннымъ вождемъ человѣчества. Говоря короче и употребляя современные термины, они были философами „имперіализма“, а отнюдь не культуртрегерами „національнаго самоопредѣленія“.

Общественно-политическая программа проповѣдниковъ національнаго самоопредѣленія чужда всякихъ насилій и захватовъ, носитъ очень чистенькій и скромный характеръ, подкупаетъ своей безпорочно-демократической внѣшностью. И, само собою разумѣется, демократія не имѣетъ ни права, ни интереса противиться осуществленію этой программы тамъ, гдѣ она отстаивается большинствомъ заинтересованной націи. Вѣдь уже давно и справедливо сказано, что „никого не вгонишь въ рай дубиной“; внѣшнія препоны къ политическому и культурному обособленію данной народности могутъ лишь безмѣрно обострить ея національное самосознаніе, довести ее до полнаго духовнаго уродства. Тѣмъ не менѣе нельзя не констатировать, что, по своей основной тенденціи, по своему идейному содержанію, теорія національнаго самоопредѣленія носитъ глубоко упадочный характеръ. Если бы исторія привела къ ея повсемѣстному торжеству, это знаменовало бы полный развалъ современной культуры, замѣну ея великаго мірового размаха безысходнымъ убожествомъ самодовлѣющей и самодовольной провинціальности.

Ни безчеловѣчная политика имперіализма внѣ Европы, ни тѣ ужасныя бѣдствія, которыя онъ обрушилъ, обрушиваетъ и еще будетъ обрушивать на самую Европу, не должны все же заслонять отъ насъ того факта, что по уровню своей идеологіи этотъ профессіональный насильникъ значительно выше тихонькаго, скромно самоопредѣляющагося и никого не задѣвающаго національзма. Здѣсь сознаніе единства міровой культуры угасаетъ окончательно, тамъ оно лишь искажается, выступая подъ маской міровой миссіи народа-избранника. Торжество чистаго національзма было бы крушеніемъ современной цивилизаціи; торжество имперіализма является лишь ея глубокимъ кризисомъ.

И едва ли могутъ быть сомнѣнія въ исходѣ этого кризиса. Европейская культура создана вольнымъ сотрудничествомъ всѣхъ участвующихъ въ ней племенъ. Такъ она выросла и окрѣпла, такъ она развивалась до сихъ поръ, такъ будетъ развиваться и впредь. Никакія случайности военныхъ успѣховъ или неудачъ не могутъ отдать господство надъ Европой въ руки отдѣльной націи или группы родственныхъ націй. И когда исторія докажетъ призрачность имперіалистическихъ притязаній въ Европѣ; когда подъ уда-

рами событій для всѣхъ станетъ ясно, что Европа не потерпитъ надъ собой ничьей гегемоніи, ...

. . . .

. . . . когда ощетинившіеся другъ на друга европейскіе имперіализмы воочію увидятъ передъ собой свои старыя разбитыя корыта... — надо надѣяться, что въ этотъ часъ великихъ итоговъ культурное единство Европы, никогда не угасавшее окончательно въ общественномъ сознаніи, вспыхнетъ новымъ и побѣднымъ свѣтомъ, ...

. . . .

. . . .

В. Базаровъ.

ПИСАРЕВЪ И ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ.

(КЪ 75-ЛѢТІЮ СО ДНЯ РОЖДЕНІЯ.)

I.

Шестидесятые годы — одна изъ самыхъ яркихъ эпохъ въ исторіи русскихъ общественныхъ движеній. Это была эпоха освободительныхъ стремленій и освободительныхъ дѣйствій, эпоха зарожденія демократической публицистики и журналистики. Никогда еще не ставились русскимъ обществомъ вопросы болѣе важные, болѣе глубокіе. Весь укладъ жизни, весь бытъ подвергался пересмотру, создавались общественные идеалы, подготовлялась почва для широкихъ народныхъ движеній. Самые разнообразные круги людей были захвачены этимъ могучимъ потокомъ, въ самые захолустные углы проникали новыя идеи. Читались и перечитывались статьи Добролюбова, Чернышевскаго и Писарева, заучивали наизусть стихи Некрасова, смѣялись надъ Глуповцами Щедрина, чутко прислушивались къ звону далекаго „Колокола"... Страстная жажда полезной дѣятельности овладѣла лучшими людьми того времени, — отсюда тотъ бодрый оптимизмъ, который проникаетъ русское общество, отсюда то колоссальное вліяніе, которое на него оказываютъ трибуны-писатели, отсюда вражда къ фразамъ, боязнь лишнихъ словъ. Не будетъ преувеличеніемъ сказать, что тогда буквально грезили о трудѣ, о „живомъ дѣлѣ вмѣсто словъ". Десятилѣтіями подготовлялась потенціальная общественная энергія, и теперь, подъ вліяніемъ фактора внѣшняго — нашествія непріятеля и пораженія на войнѣ, она превратилась въ энергію кинетическую — энергію движенія и дѣйствія. „Всѣ чувствовали, — пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ Шелгуновъ, — что порвался какой-то нервъ, что дорога къ старому закрылась... Это былъ одинъ изъ тѣхъ моментовъ, которые неустранимы, какъ лавины въ горахъ, какъ ливни подъ экваторомъ". Герценъ писалъ въ „Колоколѣ": „Теперь въ Россіи нѣтъ лишнихъ людей, — теперь, напротивъ, къ этимъ огромнымъ запашкамъ не хватаетъ рукъ. Кто теперь не найдетъ дѣла, тому, въ самомъ дѣлѣ, пенять не на кого, тотъ, въ самомъ дѣлѣ, пустой человѣкъ, свищъ или лѣнтяй". („Колоколъ", 1859 г., № 4). У него же мы находимъ слѣдующую образную характеристику 60-хъ годовъ: „Безъ сомнѣнія, утренняя заря наша была ярче,

эту величественную увертюру до сихъ поръ еще никто не оцѣнилъ во всемъ ея юномъ, поэтическомъ, широкомъ, богатомъ значенiи. Въ ней слышались зародыши всей будущей оперы, всѣ ея мотивы. Она привела къ слову нѣмую боль, она высказала наши стремленiя и если не нашла путей, то указала цѣль и поставила вѣхи. Масса идей, идеаловъ, вопросовъ, сомнѣнiй, фактовъ, ринутыхъ въ оборотъ, въ общее броженiе въ продолженiе семи лѣтъ, изумительна. Были промахи, но, глядя на нихъ отступя и сквозь мрачное пятилѣтiе, только и остается, что общее благословенiе свѣтлой полосѣ и людямъ утра".

Это писалось въ 1868 году, но и теперь, черезъ пятьдесятъ почти лѣтъ, наше поколѣнiе, пережившее другую освободительную эпоху, можетъ вполнѣ присоединиться къ этимъ словамъ Искандера-Герцена. Многимъ, слишкомъ многимъ хотѣлось бы сдать въ архивъ идеалы и труды дѣятелей-шестидесятниковъ, но стоитъ только безпристрастно приглядѣться къ тому, что дѣлается теперь, и перечитать то, что писалось шестидесятниками, чтобы почувствовать острую волнующую современность многихъ идей того времени. Съ особенной силой чувствуется эта современность при перечитыванiи сочиненiй одного изъ самыхъ свѣтлыхъ умовъ освободительнаго времени 60-хъ годовъ, сочиненiй Дмитрiя Ивановича Писарева.

II.

Несмотря на неоднократные клеветническiе выпады противъ Писарева, образъ этого писателя можетъ считаться выясненнымъ въ нашей литературѣ.

Блестящiй аналитическiй умъ, огромное критическое дарованiе, мысль честная и смѣлая, свѣтлая вѣра въ лучшее будущее человѣчества, темпераментъ борца, приводящiй нерѣдко къ крайностямъ и односторонности, свободолюбiе и демократизмъ — вотъ черты, которыя неразрывно связаны съ образомъ Писарева.

Но если образъ писателя очерченъ съ достаточною ясностью, то этого же нельзя сказать о его идеяхъ. Многое еще не получило своей разработки, о многомъ слѣдуетъ еще говорить, — таковы, напримѣръ, педагогическiе взгляды Писарева и его отношенiе къ естествознанiю, мысли о значенiи котораго принадлежатъ къ числу его самыхъ любимыхъ и задушевныхъ. О нихъ много писалось, но большею частью вскользь, мимоходомъ, — настоящiя строки и написаны съ цѣлью хоть нѣсколько восполнить этотъ пробѣлъ.

Однако дѣятельность Писарева была бы понята нами нѣсколько односторонне, если бы мы не отмѣтили отношенiя тогдашняго общества къ наукѣ. Не Писаревъ создалъ увлеченiе естествознанiемъ,— онъ только наиболѣе рѣшительно и ярко выразилъ это стремленiе эпохи.

Еще Герценъ посвятилъ рядъ статей естествознанію. Онъ считаетъ одною изъ главныхъ потребностей времени сообщеніе истинно-научныхъ свѣдѣній объ естествознаніи. „Ихъ много, — пишетъ онъ, — въ наукѣ, мало въ обществѣ, надобно втолкнуть ихъ въ потокъ общественнаго сознанія, надобно ихъ сдѣлать доступными, надобно имъ дать языкъ откровенный, простой, какъ ея собственный языкъ, которымъ она развертываетъ безконечное богатство своей сущности въ величественной и стройной простотѣ. Намъ кажется почти невозможнымъ безъ естествовѣдѣнія воспитать дѣйствительно мощное умственное развитіе; никакая отрасль знаній не пріучаетъ такъ ума къ твердому положительному шагу, къ смиренію предъ истиной, къ добросовѣстному труду и, что еще важнѣе, къ добросовѣстному принятію послѣдствій, *такими, какими они выйдутъ*, — какъ изученіе природы; ими бы мы начинали воспитаніе для того, чтобы очистить умъ отроческій отъ предразсудковъ, дать возмужать ему на этой здоровой пищѣ и потомъ уже раскрыть для него, окрѣпнувшаго и вооруженнаго, міръ человѣческій, міръ исторіи, изъ котораго двери отворяются прямо въ дѣйствительность, въ собственное участіе въ современныхъ вопросахъ". (Сочиненія, т. IV, стр. 337.)

Въ приведенныхъ словахъ Герцена — цѣлое общественно-педагогическое міровоззрѣніе. Это міровоззрѣніе было близко и Чернышевскому, который посвящаетъ цѣлую статью въ защиту того положенія, что „основаніемъ для той части философіи, которая разсматриваетъ вопросы о человѣкѣ, точно такъ же служатъ естественныя науки, какъ и для другой части, разсматривающей вопросы о внѣшней природѣ". („Современникъ", 1860 г.)

Исторически вполнѣ понятно, почему естествознаніе въ пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годахъ пользовалось такимъ признаніемъ. Конецъ XVIII и первая половина XIX столѣтія въ исторіи естествознанія представляютъ одну изъ замѣчательныхъ эпохъ. Во всѣхъ областяхъ естествознанія были сдѣланы весьма глубокія завоеванія. Достаточно напомнить, что въ это время въ области химіи и физики утверждается законъ сохраненія энергіи и создается атомистическая гипотеза, развивается ученіе объ электричествѣ и парѣ, въ астрономіи дѣлается рядъ открытій Лапласомъ и Гершелемъ, въ біологіи цѣлый переворотъ совершается Кювье, Ламаркомъ и Дарвиномъ, въ прикладномъ естествознаніи дѣлается громадное количество изобрѣтеній. Цѣлый рядъ первоклассныхъ ученыхъ — Гексли, Гельмгольцъ, Фарадэй, Либихъ, Тиндаль и многіе другіе своими работами расширяютъ область достиженій естественныхъ наукъ. Однимъ словомъ, создавалось новѣйшее экспериментальное естествознаніе, открывая поразительныя явленія, даря человѣчеству полезныя знанія, измѣняя въ корнѣ бытъ культурнаго человѣка.

Въ то же время въ философской мысли Запада происходитъ рѣзкій поворотъ отъ идеализма къ матеріализму. И новыя фило-

софскія построенія создаются подъ сильнымъ вліяніемъ небывало расцвѣтшей экспериментальной науки. Характерно, что именно въ это время слагается ученіе историческаго матеріализма, и знаменитое „Zur Kritik“ Маркса выходитъ въ одинъ годъ съ „Происхожденіемъ видовъ“ Дарвина.

Естествознаніе пользовалось общимъ признаніемъ, какъ средство борьбы противъ метафизическихъ системъ первой четверти XIX вѣка. Опираясь на естественныя науки, стремились къ созданію монистическаго взгляда на міръ. „Жизнь есть способъ существованія бѣлковыхъ тѣлъ“, говоритъ Энгельсъ; дуализму ни философскому, ни натуралистическому не было больше мѣста.

Увлеченіе естествознаніемъ, несомнѣнно, пришло въ Россію съ Запада, такъ какъ наша русская наука только еще зарождалась. И широкіе круги интеллигенціи русской со страстнымъ рвеніемъ отдались изученію естествознанія, въ которомъ они увидѣли могучаго союзника въ борьбѣ за освобожденіе. Очереднымъ лозунгомъ русскаго общества была эмансипація отъ всѣхъ пережитковъ крѣпостного права, отъ крѣпостничества въ сферѣ общественной и интеллектуальной. Необходимо было просвѣтить народъ, освободить отъ путъ суевѣрія, отъ опеки реакціоннаго духовенства. Для этого нужны были мыслящія личности, которыя могли бы произвести подобную работу. Какъ подготовить такихъ лицъ? Для шестидесятника вопросъ былъ простъ и ясенъ. Мыслящая личность можетъ воспитаться только на основѣ изученія естествознанія, которое является фундаментомъ для всѣхъ другихъ наукъ и въ то же время служитъ наиболѣе надежнымъ средствомъ для борьбы съ предразсудками и суевѣріями. Лучшіе люди того времени полагали задачей своей жизни распространеніе естественно-научныхъ свѣдѣній. Появлялось множество популярныхъ книгъ, и онѣ покупались нарасхватъ. Переводъ Брэма былъ встрѣченъ всеобщимъ восторгомъ. Естествознаніемъ занимались люди самыхъ разнообразныхъ профессій. „Музыканты, художники, пѣвцы и артисты, — разсказываетъ г-жа Водовозова въ своихъ „Воспоминаніяхъ“, — забрасывали искусство ради изученія естественныхъ наукъ и вмѣстѣ съ другими бѣгали на ботаническія, зоологическія и другія экскурсіи, работали съ микроскопомъ, опредѣляли тщательно собираемые камешки, всѣ были загипнотизированы великимъ значеніемъ естествовѣдѣнія“.

Въ такое-то время выступилъ Писаревъ со своей поистинѣ восторженной проповѣдью необходимости изученія естественныхъ наукъ. Въ шести томахъ его сочиненій всюду разбросаны замѣчанія, такъ или иначе касающіяся естествознанія. Замѣчанія эти въ большинствѣ случаевъ глубоко вѣрны, и приходится только удивляться, какъ онъ, типичный гуманистъ по образованію, пришелъ къ такому вѣрному ощущенію метода естественныхъ наукъ, которое у него такъ ярко и такъ полно выразилось въ его статьяхъ. И

этому своему увлеченію естествознаніемъ онъ никогда не измѣнялъ. Въ различные годы его дѣятельности, въ различныхъ статьяхъ — о Толстомъ, Щедринѣ, объ Островскомъ, въ своихъ знаменитыхъ „Реалистахъ“ онъ находитъ случай вернуться къ любимой темѣ. Какъ писатель-учитель, писатель-пропагандистъ, онъ не можетъ спокойно, академически разсуждать о значеніи естествознанія, онъ страстно проповѣдуетъ, какъ догматъ своего символа вѣры, необходимость изученія естествознанія, посвящая этому вопросу одни изъ самыхъ горячихъ мѣстъ въ своихъ статьяхъ, требуя полнаго обновленія нашего образованія на основѣ естествознанія.

III.

Взгляды Писарева на естествознаніе не являются у него чѣмъ-то привнесеннымъ извнѣ, они стоятъ въ тѣсной связи со всѣмъ его міровоззрѣніемъ, какъ оно выразилось въ его наиболѣе зрѣлыхъ статьяхъ, по которымъ и слѣдуетъ оцѣнивать писателя. Основы этого міровоззрѣнія хорошо извѣстны: это реализмъ во всѣхъ сферахъ дѣятельности, демократизмъ и эмансипація личности на основѣ эмансипаціи труда.

Основой человѣческаго счастія является трудъ, но трудъ просвѣщенный, основанный на наукѣ. Нѣтъ ничего опаснѣе, какъ отчужденіе науки отъ труда. Нѣтъ ничего возмутительнѣе, какъ увеличеніе человѣческихъ страданій благодаря прогрессу науки. Человѣкъ долженъ сдѣлаться сознательнымъ повелителемъ машины, а не ея рабомъ. „Машины должны составлять для человѣка источникъ довольства и счастія, а на повѣрку выходитъ другая исторія“, горько замѣчаетъ писатель. При существующемъ строѣ онъ не ждетъ улучшенія: „И такія трагическія недоразумѣнія между наукой и жизнью будутъ повторяться до того времени, пока не прекратится гибельный разрывъ между трудомъ мозга и трудомъ мускуловъ“. Для Писарева совершенно очевидно, кто долженъ быть „сознательнымъ повелителемъ“ машины, среди кого поэтому должны распространяться знанія. Онъ говоритъ опредѣленно: „...въ массахъ земледѣльцевъ и фабричныхъ должно сосредоточиваться и обращаться больше знаній, чѣмъ въ другихъ кучкахъ людей“. Наука должна быть демократична: „Монополія знанія и гуманнаго развитія представляетъ, конечно, одну изъ самыхъ вредныхъ монополій. Что за наука, которая по самой сущности своей недоступна массѣ! Что за искусство, котораго произведеніями могутъ наслаждаться только немногіе спеціалисты! Вѣдь надо же помнить, что не люди существуютъ для науки и искусства, а что наука и искусство вытекли изъ естественной потребности человѣка наслаждаться жизнью и украшать ее всевозможными средствами“. (Сочиненія, 1861 г., т. I, стр. 366.)

Итакъ, наука должна быть распространена въ народѣ, среди

тѣхъ милліоновъ людей, „которые имѣютъ одинаковое право на человѣческую жизнь, образованіе и соціальное усовершенствованіе". Кто же долженъ взяться за это дѣло? Писаревъ отвѣчаетъ: реалисты, т. е. „мыслящіе работники, съ любовью занимающіеся трудомъ". Задачи реалистовъ заключаются въ слѣдующемъ: „надо понимать и любить общую пользу, надо распространять правильныя понятія объ этой пользѣ, надо уничтожать смѣшныя и вредныя заблужденія и вообще надо вести всю свою жизнь такъ, чтобы личное благосостояніе не было устроено въ ущербъ естественнымъ интересамъ большинства". (Соч., 1864 г., т. IV, стр. 81.)

Это — основная идея Писарева; ея выясненію и иллюстрированію онъ посвятилъ цѣлый рядъ статей. Съ этой точки зрѣнія онъ оцѣниваетъ почти всѣ явленія общественной жизни. Понятно поэтому, что и къ наукѣ онъ подошелъ съ опредѣленными требованіями: наука должна воспитать мыслящихъ работниковъ, тѣхъ „реалистовъ", которые явятся движущей силой общественнаго прогресса. „Въ наукѣ, — говоритъ онъ, — и только въ ней одной, заключается та сила, которая, независимо отъ историческихъ событій, можетъ разбудить общественное мнѣніе и формировать мыслящихъ руководителей народнаго труда". (Соч., 1864 г., т. IV, стр. 133.)

Какія же знанія, какую науку слѣдуетъ распространять? Отвѣтъ ясенъ: нужно распространять знанія, „которыя даютъ каждому человѣку вообще, безъ отношенія къ его частнымъ занятіямъ, вѣрный, разумный и широкій взглядъ на природу, на человѣка и общество. Разумѣется, здѣсь, какъ и вездѣ, на первомъ планѣ стоятъ тѣ науки, которыя занимаются изученіемъ всѣхъ видимыхъ явленій: астрономія, физика, химія, физіологія, ботаника, зоологія, географія и геологія". (Соч., 1864 г., т. IV, стр. 145.)

Таковъ тотъ логическій путь, который ведетъ къ признанію первенствующаго значенія естествознанія для подготовки дѣятелей народнаго просвѣщенія, съ наибольшей полнотой выраженный Писаревымъ въ его статьѣ „Реалисты". Однако не только въ этой статьѣ, но и въ самыхъ первыхъ статьяхъ Писарева мы найдемъ аналогичные взгляды на образовательное значеніе естествознанія. Перейдемъ къ изложенію этихъ взглядовъ.

Для Писарева наибольшая цѣнность естественныхъ наукъ — въ ихъ методѣ. Естествоиспытатель исходитъ всегда отъ факта и только на основаніи таковаго строитъ свои выводы. Эта сторона дѣла особенно привлекала Писарева. Естествоиспытатель — по существу его занятій врагъ фразъ и фантазій. „Мы сильно нуждаемся, — говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, — въ положительной почвѣ для нашихъ изслѣдованій, въ фактическомъ матеріалѣ, изъ котораго можно было бы выковать себѣ воззрѣнія и убѣжденія металлической твердости и незыблемой основательности. Будемъ же смотрѣть вокругъ себя, на живую природу, вмѣсто того, чтобы

зажмуривать глаза или съ упорнымъ вниманіемъ устремлять ихъ на буквы, слова и фразы". (Соч., 1862 г., т. II, стр. 306.)

„Естественныя науки важны и значительны потому не только по предмету своего изученія, но и по своему методу. Это науки, основанныя исключительно на наблюденіи и опытѣ... Только въ нихъ гипотезы не остаются гипотезами; только онѣ показываютъ намъ истину и даютъ намъ возможность убѣдиться въ томъ, что это дѣйствительно истина". (Соч., 1863 г., т. III, стр. 110.)

Писаревъ сравниваетъ естествознаніе съ другими науками съ точки зрѣнія метода и приходитъ къ убѣжденію въ превосходствѣ естествознанія. „Естественныя науки не то, что исторія, — пишетъ онъ, — въ исторіи все дѣло въ воззрѣніи, въ гуманной личности самого писателя; въ естественныхъ наукахъ все дѣло въ фактѣ..." (Соч., 1861 г., т. I, стр. 310.)

Естествознаніе — наука общечеловѣческая, такъ какъ естествоиспытатель работаетъ для всѣхъ людей вообще, а не только для своей націи: „Изъ всѣхъ реалистовъ только одни естествоиспытатели работаютъ для человѣчества в о о б щ е, безъ отношенія къ отдѣльнымъ національностямъ и къ различнымъ условіямъ мѣста и времени". (Соч., 1864 г., т. IV, стр. 69.)

Въ то же время естествознаніе — демократично по своимъ методамъ: „Истинная наука ведетъ къ осязательному знанію, а то, что осязательно, что можно разсмотрѣть глазами и ощупать руками, пойметъ и десятилѣтній ребенокъ, и простой мужикъ, и свѣтскій человѣкъ".

Постоянное занятіе изученіемъ природы не можетъ не вліять на весь духовный обликъ человѣка. Къ этой мысли Писаревъ неоднократно возвращается. „Естественныя науки, — вѣрно замѣчаетъ онъ, — сообщаютъ человѣку, посвятившему себя ихъ изученію, такую трезвость и неподкупность мышленія, такую требовательность въ отношеніи къ своимъ и чужимъ идеямъ, такую силу критики, которая сопровождаетъ этого человѣка за предѣлы избранныхъ имъ наукъ, которая не оставляетъ его въ дѣйствительной жизни и кладетъ свою печать на всѣ его разсужденія и поступки". (Соч., 1863 г., т. III, стр. 110.)

Таково образовательное значеніе естествознанія.

Читая Писарева, ясно видишь, какъ глубоко прочувствовалъ онъ свои мысли о реальномъ знаніи, о его нужности, необходимости. Онъ, несомнѣнно, любилъ науку самой подлинной любовью. Изученіе ея давало ему и отдыхъ, и высокое наслажденіе. Въ одной изъ первыхъ своихъ статей онъ пишетъ: „Веселѣе жить, легче дышать, когда вмѣсто призраковъ и отвлеченностей видишь осязательныя явленія и сознаешь какъ свою зависимость отъ нихъ, такъ и свое господство надъ ними".

IV.

Особенно важное значеніе придавалъ Писаревъ тому обстоятельству, что естественныя науки сближаютъ человѣка съ подлинной жизнью, а не уводятъ его въ область абстракціи и фикціи. Больше всего въ жизни онъ ненавидѣлъ пустую фразу, безъ живого въ ней содержанія. Въ естествознаніи онъ видѣлъ средство для борьбы съ потокомъ словъ и только словъ. Въ слѣдующихъ краснорѣчивыхъ строкахъ онъ доказываетъ это положеніе: „Только однѣ естественныя науки глубоко коренятся въ живой дѣйствительности; только онѣ совершенно независимы отъ теорій и фикцій; только въ ихъ область не проникаетъ никакая реакція; только онѣ образуютъ сферу чистаго знанія, чуждаго всякихъ тенденцій; слѣдовательно, только естественныя науки ставятъ человѣка лицомъ къ лицу съ дѣйствительной жизнью, не подкрашенной нравоученіями, не обрѣзанной системами, не сочиненной досужнымъ мышленіемъ философовъ“. (Соч., 1863 г., т. III, стр. 107.) Писаревъ обрушивается на наше общество, которое не знаетъ законовъ природы и не хочетъ ихъ знать, полагая, что „эти законы писаны только для двухъ-трехъ десятковъ чудаковъ, называемыхъ натуралистами“, а „ему (обществу), по русской пословицѣ, законъ не писанъ“. Великая книга природы открыта передъ всѣми, „и въ этой великой книгѣ прочтены только первыя страницы“.

Полвѣка тому назадъ написаны эти строки, но онѣ нисколько не утратили своей злободневности. Наше общество и теперь невѣжественно въ природѣ, наша школа, въ лицѣ самыхъ распространенныхъ учебныхъ заведеній, не даетъ знанія природы. Мы окружены новѣйшими завоеваніями науки, человѣческій геній заставилъ служить себѣ природу, а мы знаемъ о ней и понимаемъ въ этихъ новѣйшихъ изобрѣтеніяхъ не больше того дикаря, который во время затменія поднимаетъ шумъ, чтобы прогнать злого духа, закрывшаго солнце. Пусть каждый изъ „образованныхъ“ людей спроситъ себя, что̀ онъ знаетъ объ устройствѣ автомобиля, телефона, электрическаго счетчика, лифта, трамвая; что̀ онъ знаетъ о дѣятельности различныхъ органовъ своего тѣла и тѣла растеній; что̀ наконецъ онъ знаетъ о методахъ естествознанія и вообще методахъ изслѣдованія природы. Найдется ли треть среди всѣхъ „интеллигентовъ“, населяющихъ нашу громадную страну, которая понимаетъ, что такое — циклонъ и антициклонъ и какое отношеніе имѣютъ эти невѣдомые господа къ погодѣ?

Въ этомъ мы не ушли далеко отъ общества шестидесятыхъ годовъ. Несомнѣнно, тѣ причины, противъ которыхъ боролся Писаревъ, не устранены и дѣйствуютъ еще до сихъ поръ. Въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій политика вѣдомства, которому принадлежитъ руководство громаднымъ большинствомъ нашихъ школъ, оберегала эту школу отъ реальныхъ знаній, видя въ нихъ

опасныя знанія. Развѣ тѣ упреки, которые высказалъ Писаревъ по адресу современной ему школы, не сохраняютъ силу и до сихъ поръ? Развѣ не въ XX столѣтіи министерствомъ народнаго просвѣщенія въ качествѣ учебника педагогики рекомендованъ учебникъ, въ которомъ, на стр. 255, написано: „Розги не должно быть близко подъ рукой учителя... ее лучше держать подъ замкомъ... Для пощечины имѣются нѣкоторыя основанія, такъ какъ причина и слѣдствіе находятся при пощечинѣ въ удивительно близкомъ отношеніи съ точки зрѣнія времени и мѣста, а большинство людей болѣе воспріимчивы къ очевиднымъ слѣдствіямъ, чѣмъ къ менѣе замѣтнымъ успѣхамъ... Если прибавить къ этому, что пощечину хвалили даже короли... то, пожалуй, пощечину никогда нельзя будетъ изгнать изъ школы вполнѣ“?!

Развѣ не о нашей интеллигенціи написаны эти горькія строки Писарева: „Оно (наше общество) не только мало размышляетъ, но оно даже не имѣетъ никакого понятія о томъ, что такое дѣятельность мысли. Лексиконъ мудреныхъ словъ, цѣлые сборники готовыхъ изреченій, цѣлыя библіотеки игрушечныхъ произведеній праздной фантазіи, — вотъ весь умственный капиталъ, обращающійся въ нашемъ обществѣ, и обладаніе такимъ сокровищемъ должно считаться болѣе тягостнымъ бѣдствіемъ, чѣмъ самая голая умственная нищета... Мы, какъ видите, знаемъ чрезвычайно много; всякія собственныя имена, всякія спеціальныя слова и техническія выраженія, — все это намъ доподлинно извѣстно. Не знаемъ только бездѣлицы, не знаемъ тѣхъ живыхъ явленій, которыя обозначаются этими словами, и не знаемъ, кромѣ того, какъ эти неизвѣстныя намъ явленія связываются одно съ другимъ“.

V.

Писаревъ не получилъ естественно-научнаго образованія и самъ былъ знакомъ съ методами естествознанія только теоретически. Какъ онъ самъ говоритъ, ему было поздно „приниматься за микроскопы и за анатомическій ножъ“, но онъ рѣшилъ перечитать все, что „есть замѣчательнаго по естествознанію“, и успѣлъ въ этомъ.

Несмотря на свое чисто книжное знакомство съ естествознаніемъ, онъ удивительно вѣрно схватилъ суть естественно-научнаго метода и почти нигдѣ, на протяженіи почти всѣхъ страницъ его сочиненій, вы не найдете ошибки противъ метода. Въ то же время онъ не воспринималъ чужихъ взглядовъ пассивно, онъ выработалъ свое цѣльное міровоззрѣніе, и въ естествознаніи онъ былъ представителемъ послѣдовательнаго реализма (механизма), — его онъ проводилъ до конца. Опираясь на естествознаніе, онъ отрицалъ сверхчувственное, непостижимое человѣческими чувствами. Для него „невозможность очевиднаго проявленія исключаетъ дѣйствительность существованія“. Такъ же, какъ и западные матеріалисты, онъ стремился къ устано-

вленію монистическаго взгляда на природу. Дуализма въ его воззрѣніяхъ нѣтъ. Вполнѣ понятно поэтому, что витализмъ не нашелъ въ немъ своего приверженца. Характерно, что и другіе писатели того времени, какъ Чернышевскій и Герценъ, не были виталистами. Герценъ образно называетъ понятіе о жизненной силѣ „маленькимъ привидѣньицемъ" (Соч., т. IV, стр. 163), отъ котораго не избавлены и естественныя науки; Чернышевскій высказывается не менѣе опредѣленно.

Писаревъ въ нѣсколькихъ статьяхъ касается вопроса о жизненной силѣ. Въ статьѣ „Процессъ жизни" онъ сочувственно заключаетъ цитату изъ Фохта слѣдующимъ восклицаніемъ: „Итакъ, жизненной силы, какъ чего-то самостоятельнаго, неразлагаемаго, не существуетъ; послѣдній оплотъ невѣжества разрушенъ; маска сорвана съ мистицизма, и изслѣдователи смотрятъ на природу внимательно, но просто, безъ суевѣрнаго благоговѣнія, безъ институтской мечтательности". (Соч., 1861 г., т. I, стр. 314.) Писаревъ идетъ дальше. Онъ полагаетъ, что понятія „психическая жизнь, психическое явленіе будутъ со временемъ разложены на свои составныя части. Ихъ участь рѣшена: они пойдутъ туда же, куда пошелъ философскій камень, жизненный эликсиръ, квадратура круга, чистое мышленіе и жизненная сила. Слова и иллюзіи гибнутъ, факты остаются". (Соч., 1861 г., т. I, стр. 321.)

Отсутствіе естественно-научнаго образованія, несомнѣнно, вредило Писареву, — многое онъ былъ принужденъ брать на вѣру, многаго онъ просто не зналъ, но популяризаціи его великолѣпны. Стоитъ только указать на его блестящія популяризаціи Фохта, Бюхнера, Дарвина, Конта. Были ошибки, были въ цѣломъ неудачныя статьи, какова его извѣстная статья „Подвиги европейскихъ авторитетовъ", гдѣ онъ выступаетъ рѣшительнымъ противникомъ Пастера и защитникомъ теоріи самопроизвольнаго зарожденія. Но онъ владѣлъ безконечно важнымъ богатствомъ для естествоиспытателя: въ немъ жило чувство естественно-научнаго метода, безъ котораго самыя обширныя знанія — ничто.

VI.

Писаревъ не считаетъ нужнымъ доказывать практическую пользу естествознанія, — это значило бы ломиться въ открытую дверь. „Читатель самъ понимаетъ, что все матеріальное благосостояніе человѣчества зависитъ отъ его господства надъ окружающей природой, и что это господство заключается только въ знаніи естественныхъ силъ и законовъ". Онъ скорбитъ о томъ, что слишкомъ мало людей занимается естествознаніемъ. По его мнѣнію, „рутина и предразсудки погибли бы на вѣки, потому что держатся теперь только благодаря тому обстоятельству, что самые простые законы природы неизвѣстны даже образованному обществу".

Нужно, слѣдовательно, познакомить общество съ этими законами. Другими словами, слѣдуетъ заняться популяризаціей науки. Эту популяризацію Писаревъ считалъ „самой животрепещущей потребностью нашего общества", потому что всѣ остальныя науки опираются на естествознаніе.

Въ своемъ увлеченіи онъ доходитъ до крайности, совѣтуя Щедрину бросить Глуповъ и заняться популяризаціей естественно-научныхъ идей. Совершенно серьезно и убѣжденно Писаревъ высказываетъ мысль, что будь живъ Добролюбовъ, „онъ посвятилъ бы лучшую часть своего таланта на популяризированіе европейскихъ идей естествознанія и антропологіи". Бѣлинскій-натуралистъ, „а не эстетикъ и гегельянецъ, принесъ бы въ десять разъ больше пользы", по мнѣнію Писарева.

Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ матери онъ набрасываетъ цѣлую программу своей популяризаторской дѣятельности. Указавъ въ началѣ письма, что всѣ наши хорошіе писатели имѣли значительную слабость къ отвлеченнымъ разсужденіямъ и высшимъ взглядамъ, являющимся роскошью для общества, которому не хватаетъ самыхъ простыхъ и элементарныхъ знаній, Писаревъ высказываетъ убѣжденіе, что общество надо знакомить съ лучшими представителями европейской науки и что эта задача ему во всѣхъ отношеніяхъ по душѣ и по силамъ. Онъ доказываетъ это довольно подробно. „Во-первыхъ, — пишетъ онъ, — я пишу, какъ тебѣ извѣстно, чрезвычайно быстро; во-вторыхъ, я пишу весело и занимательно; въ-третьихъ, я усваиваю себѣ очень легко чужія мысли, такъ что могу передавать ихъ совершенно понятнымъ образомъ; и, наконецъ, въ-четвертыхъ, я одержимъ страстной охотой читать... Принявши все это въ расчетъ, ты поймешь, сколько настоящей пользы могу принести я при моемъ порядочномъ здоровьѣ, при моей способности писать, не раздражаясь, при моей ненависти къ фразамъ и при моемъ постоянномъ стремленіи доказывать и объяснять, придерживаясь метода опытныхъ наукъ"...

На популяризацію реальныхъ знаній Писаревъ смотритъ какъ на чрезвычайно большое и отвѣтственное дѣло. Въ „Реалистахъ", на нѣсколькихъ страницахъ, онъ выразилъ требованія, которыя слѣдуетъ предъявлять къ популярному изложенію. Популяризаторомъ можетъ сдѣлаться далеко не всякій: онъ долженъ быть художникомъ слова, — „высшая, прекраснѣйшая, самая человѣческая задача искусства состоитъ именно въ томъ, чтобы слиться съ наукой". Слѣдовательно, изложеніе должно быть художественно, оно не должно быть скучно. Если общество настолько неразвито, что не можетъ воспринять науки въ ея естественномъ, такъ сказать, видѣ, можно нарядить ее въ арлекинскій нарядъ, помня, однако, что „идея прежде всего". „Шути, — говоритъ Писаревъ, — но такъ, чтобы твоя шутка была строго разсчитана и чтобы совокупность твоихъ шутокъ выражала всю научную идею, которую ты хочешь

провести въ сознаніе твоихъ читателей, всю, какъ есть, безъ искаженій и утаекъ. Если ты соблюдаешь постоянно это условіе, ты — честный и полезный популяризаторъ". Далѣе, изложеніе должно быть достаточно обстоятельно и отнюдь не отвлеченно.

Въ заключеніе Писаревъ высказываетъ совершенно правильную мысль о ненужности популяризированія прикладныхъ знаній. Инженеры, технологи, механики нужны обществу, но, несомнѣнно, ихъ не могутъ создать популярныя книги. Популяризировать слѣдуетъ тѣ науки естественно-историческаго цикла, которыя имѣютъ общеобразовательный характеръ, т. е. ботанику, зоологію, физіологію человѣка и растеній и т. п.

VII.

Какъ писатель-учитель, Писаревъ не могъ пройти мимо школы, ему современной. Естественно, что его міросозерцаніе привело его къ вполнѣ опредѣленнымъ педагогическимъ взглядамъ. Уже отмѣчалось, что въ области педагогическихъ идей Писаревъ современенъ и до сихъ поръ. Его идеи о воспитаніи, половомъ вопросѣ, дѣтской литературѣ, о системѣ обученія и т. д. далеко опередили свой вѣкъ, и теперь онѣ кажутся такими же свѣжими и интересными, какъ и тогда, когда онѣ впервые появились на свѣтъ.

Мы остановимся лишь на вопросѣ о школьномъ естествознаніи. Филологъ по образованію, Писаревъ страстно возставалъ противъ классицизма въ школѣ. По мнѣнію Писарева, въ XIV столѣтіи было вполнѣ естественно класть въ основу изученія латинскій и греческій языки, такъ какъ въ это время „философія и поэзія языческой древности производили полный переворотъ въ идеяхъ и чувствахъ образованныхъ европейцевъ". Напротивъ, въ XIX столѣтіи умственное движеніе эпохи совершается не въ области классической филологіи, и „естествознаніе составляетъ настоящій центръ общаго образованія. Кто знаетъ естественныя науки, тотъ знаетъ все, что долженъ знать современно образованный человѣкъ, тѣмъ болѣе, что естественныя науки даютъ человѣку ту подготовку, при помощи которой онъ уже безъ руководителя можетъ слѣдить въ теченіе всей своей жизни за развитіемъ и разработкой различныхъ соціальныхъ вопросовъ". (Соч., 1865 г., т. IV, стр. 590.)

Эта основная мысль красной нитью проходитъ черезъ всѣ педагогическія статьи Писарева. Но относительно того, съ какого возраста можно начинать обученіе естествознанію, Писаревъ колеблется. Въ двухъ статьяхъ, посвященныхъ этому вопросу, — „Университетская наука" и „Школа и жизнь", — высказаны два діаметрально противоположныхъ взгляда. Въ первой статьѣ выдвинуто опредѣленное пожеланіе, чтобы изученіе математическихъ и естественныхъ наукъ было положено въ основу гимназической программы; во второй онъ не менѣе опредѣленно высказывается противъ естествознанія въ средней школѣ: „Люди, — говоритъ онъ, —

которымъ дорого распространеніе реальныхъ знаній въ Россіи, должны желать ссобенно сильно, чтобы естественная исторія вмѣстѣ съ химіей была совершенно исключена изъ гимназическаго курса".

Въ первой статьѣ Писаревъ высказываетъ нѣсколько совершенно правильныхъ соображеній о томъ, что „знанія о природѣ вполнѣ соотвѣтствуютъ естественнымъ потребностямъ дѣтскаго ума". Ребенокъ не интересуется тѣмъ, что было тысячу лѣтъ тому назадъ, онъ не спрашиваетъ, что такое добро, красота, истина, но „первые проблески ребяческой любознательности направляются прямо на окружающія впечатлѣнія". „Ребенокъ постоянно пристаетъ къ взрослымъ съ вопросами... О чемъ же онъ спрашиваетъ? Конечно, о томъ, что онъ видитъ. Отчего мѣсяцъ сегодня стоитъ серпомъ, а недѣлю тому назадъ былъ круглый? и т. д." „Періодъ такой живой любознательности обыкновенно продолжается недолго; взрослые большею частью отвѣчаютъ на вопросы ребенка такъ глупо, что ребенку надоѣдаетъ спрашивать".

Во второй статьѣ — „Школа и Жизнь" Писаревъ уже приводитъ цѣлый рядъ аргументовъ противъ естествознанія въ средней школѣ. Значеніе естествознанія въ системѣ общаго образованія Писаревымъ здѣсь подчеркивается попрежнему, но оно переносится цѣликомъ въ высшую школу, что не вполнѣ согласуется съ тѣмъ утвержденіемъ, которое онъ высказалъ раньше.

Естествознаніе, по его мнѣнію, нельзя ввести въ среднюю школу, при современныхъ условіяхъ, во-первыхъ, потому, что на него отводится страшно мало времени: на восемь естественныхъ наукъ столько же часовъ, сколько на одинъ французскій языкъ; во-вторыхъ, Писаревъ, нѣсколько противорѣча себѣ, не находитъ матеріала для занятій естествознаніемъ съ дѣтьми перваго класса.

Однимъ изъ самыхъ яркихъ доводовъ въ пользу неумѣстности естественной исторіи въ школѣ, по Писареву, является необходимость для преподавателей замалчивать многіе факты изъ области физіологіи животныхъ — половыя отношенія, факты эмбріологіи и дѣторожденія и т. д.

Наконецъ Писаревъ полагаетъ, что преподаватели, давая дѣтямъ только „жалкіе лохмотья великой науки", будутъ „подкрашивать эти лохмотья такъ, чтобы они дѣйствовали на чувство и воображеніе учениковъ именно съ той стороны, съ которой желательно на нихъ подѣйствовать". Изученіе природы, такимъ образомъ, превратится въ „шатобріановскія и ламартиновскія сахарно-слезливыя медитаціи", отъ которыхъ, конечно, образовательнаго вліянія ждать нечего.

Естественная исторія изъ школы упраздняется, и на ея мѣсто вводится въ „колоссальныхъ размѣрахъ" математика, которая должна подготовить дѣтей къ изученію природы въ высшей и отчасти въ средней школѣ (физика съ космографіей).

Несомнѣнно, здѣсь есть противорѣчія. Чѣмъ они вызываются? Прежде всего, отмѣтимъ, въ первой статьѣ писатель строитъ свой идеалъ школы вообще, „не заботясь о практической приложимости своего разсужденія“. Во второй статьѣ Писаревъ критикуетъ уже существующій уставъ реальныхъ училищъ. Чувствуется, что Писаревъ не вѣритъ современной школѣ, не вѣритъ въ то, что она сможетъ надлежащимъ образомъ поставить естествознаніе. Онъ какъ бы не можетъ разстаться со своимъ любимымъ дѣтищемъ и отдать его въ руки ремесленниковъ отъ педагогіи, которые безповоротно скомпрометируютъ самую идею. Онъ не сказалъ этого прямо, но вся его статья проникнута этимъ чувствомъ. Характерно и то, что нигдѣ въ статьѣ онъ не мотивируетъ перемѣны своихъ взглядовъ, хотя послѣ появленія „Университетской науки“ прошло всего два года.

По тѣмъ даннымъ, которыя разбросаны Писаревымъ во всѣхъ его статьяхъ, не трудно представить, какой характеръ, по его мнѣнію, должно было носить преподаваніе естествознанія, гдѣ бы оно ни было введено, — въ средней или высшей школѣ.

Оно должно быть индуктивнымъ и основано на опытѣ и наблюденіи, должно быть предметнымъ, а не словеснымъ, должно исходить изъ факта, уча видѣть, а не догадываться, должно приводить къ пониманію закономѣрности совершающагося въ природѣ.

Современные методисты естествознанія всѣ свои усилія направляютъ на то, чтобы эти идеи воплотить въ жизнь, но даже и теперь изученіе природы въ нашей средней школѣ далеко не таково, какимъ хотѣлъ бы его видѣть Писаревъ.

VIII.

Мы далеко не исчерпали всего идейнаго богатства, заключеннаго въ статьяхъ Д. И. Писарева по затронутому нами вопросу. Но и сказаннаго достаточно, чтобы оцѣнить его исключительный умъ и блестящій талантъ, позволившие ему овладѣть методами опытныхъ наукъ и съ такой глубиной передавать ихъ въ своихъ работахъ.

Шелгуновъ въ своихъ воспоминаніяхъ бросилъ слѣдующую пессимистическую мысль о Писаревѣ: „Пройдетъ нѣсколько лѣтъ, — и его такъ же не будутъ читать, какъ не будутъ читать и тѣхъ авторовъ, о которыхъ онъ писалъ“. Дѣйствительность не оправдала этого предсказанія. Обаяніе статей Писарева, значительныхъ и глубокихъ по содержанію, блестящихъ, но въ то же время простыхъ по формѣ, еще не исчезло и — кто знаетъ! — можетъ быть, переживетъ славу многихъ корифеевъ современности. Пусть часть нашей интеллигенціи съ пренебреженіемъ смотритъ на Писарева съ эстетическихъ и мистическихъ высотъ, пусть 75-лѣтіе со дня его рожденія забыто почти всею русской прессой, — мы не сомнѣваемся, что многія статьи Писарева, особенно по естествознанію, не потеряли

своего значенія и для современнаго намъ читателя. Несомнѣнно, Писаревъ во многомъ ошибался, бывалъ одностороннимъ, онъ не уловилъ тѣхъ новыхъ идей коллективизма, которыя въ его время уже вполнѣ окристаллизовались на Западѣ, онъ явно недооцѣнивалъ значенія искусства, но все же память о немъ, какъ борцѣ за демократизацію науки, за освобожденіе личности и уничтоженіе „гибельнаго разрыва между трудомъ мозга и трудомъ мускуловъ", жива и по сей день.

А. Пинкевичъ.

ВОЙНА И НАША ВАЛЮТА.

Валютные вопросы въ настоящее время вызываютъ, несомнѣнно, повышенный интересъ. Не только въ спеціальныхъ экономическихъ періодическихъ изданіяхъ или въ ежемѣсячныхъ журналахъ, но и въ газетахъ постоянно встрѣчаются статьи, трактующія валютные вопросы. Кромѣ того, зашевелились замолкнувшіе было сторонники бумажной валюты, и вновь раздаются ихъ голоса. . . . . . .

Теперь, когда прошло уже больше года съ начала войны, имѣется возможность подвести кое-какіе итоги относительно положенія валюты.

I.

Размѣнъ кредитныхъ билетовъ на золото былъ пріостановленъ „временно впредь до минованія чрезвычайныхъ обстоятельствъ" 23 іюля 1914 года въ порядкѣ 87 ст. осн. зак., и тогда же расширено эмиссіонное право Государственнаго банка на 1200 мил. руб. Такимъ образомъ, банкъ имѣлъ право выпуска кредитныхъ билетовъ при наличности покрытія въ 300 мил. руб. на 1800 мил. руб. (600 мил. руб. при условіи покрытія на 50%+1200 мил. руб. на основаніи закона 23 іюля). Тѣмъ же закономъ Государственному банку предоставлялось" учитывать краткосрочныя обязательства Государственнаго казначейства „въ размѣрѣ, вызываемомъ потребностями военнаго времени", т. е., иными словами, въ неограниченномъ количествѣ. Затѣмъ, 17 марта 1915 года, опять въ порядкѣ 87 ст., эмиссіонное право Государственнаго банка было повышено еще на 1000 мил. руб. Такимъ образомъ, банкъ могъ выпустить кредитныхъ билетовъ на 2800 мил. руб. при покрытіи золотомъ въ 300 мил. руб. Выпуски же кредитныхъ билетовъ сверхъ указаннаго количества должны были быть покрыты полностью. Далѣе, въ сессію Государственной Думы, начавшуюся 19 іюля, эмиссіонное право Государственнаго банка вновь было увеличено на 1000 мил. руб., — слѣдовательно, при 300 милліонахъ покрытія Государственный банкъ могъ выпустить кредитныхъ билетовъ на 3800 мил. руб. Такова, въ краткихъ чертахъ, эволюція эмиссіоннаго права Государственнаго банка за первый годъ войны.

Спрашивается, каковы же причины троекратнаго расширенія контингента? Отвѣтъ на этотъ вопросъ могутъ дать цифры балансовъ Государственнаго банка.

Мы приводимъ здѣсь данныя о важнѣйшихъ операціяхъ Государственнаго банка, при чемъ нами взяты ариѳметическія среднія за каждый мѣсяцъ, исчисленныя на основаніи еженедѣльныхъ балансовъ банка, а также процентное отношеніе металлическаго покрытія къ выпущеннымъ въ обращеніе кредитнымъ билетамъ.

Вотъ эти данныя:

Движеніе операцій Гос. банка за 1915 г. по мѣсяцамъ (въ мил. руб.)

мѣсяцы.	Золото.	Золото за границей.	Векселя.	Краткосрочныя обяз. Гос. казначейства.	Ссуды подъ %-ыя бумаги.	Ссуды подъ товары.	Кредитные билеты.	Проц. отнош. золота къ кред. билет.
Январь . . .	1 557,82	157,92	579,51	775,31	233,06	112,07	3 020,82	51,56
Февраль . .	1 568,90	139,81	536,81	1 042,61	199,99	103,20	3 089,61	50,78
Мартъ . . .	1 568,98	139,80	498,13	1 153,89	307,12	93,61	3 209,61	48,88
Апрѣль . . .	1 571,19	139,53	422,91	1 408,49	264,24	80,10	3 306,29	47,82
Май	1 572,53	138,63	401,67	1 570,39	527,82	65,60	3 406,74	46,16
Іюнь	1 575,74	111,95	415,50	1 557,09	581,87	57,71	3 568,30	43,32
Іюль	1 579,71	93,46	402,14	1 787,73	550,81	54,02	3 818,38	41,37
Августъ . .	1 584,90	70,82	388,00	2 310,49	528,93	50,91	4 044,44	39,18

Обращаясь къ разсмотрѣнію этихъ данныхъ, мы должны прежде всего отмѣтить, что коммерческія операціи сильно сократились. Именно, учетъ векселей упалъ съ 579 мил. руб. до 388 мил. руб., — пониженіе на 191,51 милл. руб.; ссуды подъ товары упали съ 112 мил. руб. до 50,94 мил. руб., — пониженіе 61,13 мил. руб.; всего пониженія по обѣимъ операціямъ составляли 252,64 милл. руб. Обѣ указанныя операціи являются чисто коммерческими. Пониженіе ихъ вполнѣ понятно. Война, несомнѣнно, повліяла подавляюще на экономическую жизнь и вызвала состояніе депрессіи. Однако, если мы обратимся къ ссудамъ подъ процентныя бумаги, то здѣсь мы увидимъ довольно значительное повышеніе, а именно, съ 1 января 1915 года по 1 августа онѣ возрасли на 295,87 мил. руб. Не останавливаясь на причинахъ возрастанія этой операціи, мы можемъ установить слѣдующее: общее движеніе разсмотрѣнныхъ коммерческихъ операцій даетъ въ результатѣ незначительное возрастаніе въ 43,23 мил. руб. (возрастаніе по ссудамъ подъ процентныя бумаги на 295,87 мил. руб. — пониженіе по вексельной и товарно-ссудной операціи 252,64 мил. руб.).

Если же мы обратимся къ рубрикѣ кредитныхъ билетовъ, то увидимъ, что съ января по іюль количество ихъ возрасло на 1023,62 мил. руб. Очевидно, что такое громадное возрастаніе ихъ не можетъ быть вызвано увеличеніемъ коммерческихъ операцій на 43,23 мил. руб. Слѣдовательно, объясненія этого обстоятельства мы должны искать въ другихъ операціяхъ Государственнаго банка.

Обращаясь къ его балансамъ, мы находимъ тамъ новую рубрику „краткосрочныхъ обязательствъ Государственнаго казначейства, учтенныхъ въ Государственномъ банкѣ“.

Что это за обязательства — станетъ ясно, если вспомнить, что, согласно закону 23 іюля 1914 года, Государственному банку предоставлено учитывать краткосрочныя обязательства Государственнаго казначейства „въ размѣрѣ, вызываемомъ потребностями военнаго времени". По балансамъ, эти обязательства за январь 1915 года составляли 775,31 мил. руб., за августъ 2310,49 мил. руб., увеличеніе количества ихъ составляетъ 1535,18 мил. руб. Здѣсь и разгадка причины увеличенія количества кредитныхъ билетовъ: оно объясняется исключительно необходимостью покрывать военные расходы. Не трудно a priori видѣть, что количество находящихся въ обращеніи кредитныхъ билетовъ далеко превышаетъ потребности оборота. Въ самомъ дѣлѣ, до войны, въ періодъ хозяйственнаго подъема, имѣлось въ обращеніи кредитныхъ билетовъ по балансу Государственнаго банка на 16 іюля 1914 года 1633,35 мил. руб. Считая, что, кромѣ того, въ оборотѣ имѣлось около 300 мил. руб. золота, мы получимъ сумму 1933,37 мил. руб. Золото въ настоящее время исчезло изъ оборота по причинамъ, которыхъ мы коснемся въ дальнѣйшемъ. Такимъ образомъ, мы можемъ считать, что количество циркулирующихъ денегъ возрасло съ 1933,37 мил. руб. до 4621,75 мил. руб. *. Увеличеніе составляетъ 2688,38 мил. руб. . . . .
. . Оживленіе нѣкоторыхъ отраслей промышленности, занятыхъ изготовленіемъ предметовъ снабженія арміи, конечно, не можетъ потребовать такого грандіознаго увеличенія кредитныхъ билетовъ. Итакъ, кредитные билеты выпускаются не для обслуживанія оборота, а независимо отъ послѣдняго — для покрытія расходовъ военнаго времени. Кромѣ того, дѣло значительно осложняется еще положеніемъ Государственнаго банка. Обыкновенно эмиссіонный банкъ является независимымъ учрежденіемъ, находящимся подъ контролемъ правительства. Такъ поставлено дѣло въ Англіи, Франціи, Бельгіи, Италіи, Германіи, Австріи. Не то мы видимъ у насъ: Государственный банкъ непосредственно подвѣдомственъ министру финансовъ и, слѣдовательно, въ соотвѣтствіи со своимъ названіемъ, является учрежденіемъ государственнымъ, а поэтому неразмѣнные кредитные билеты являются государственными бумажными деньгами. Это даетъ возможность министру финансовъ при всякомъ затрудненіи прибѣгать къ устраненію его посредствомъ печатнаго станка Экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ. Правда, соединенныя комиссіи Государственной Думы, бюджетная и финансовая, высказали пожеланіе, чтобы расширеніе эмиссіоннаго права Государственнаго банка происходило въ нормальномъ законодательномъ порядкѣ. Но контроль Государственной Думы весьма ограниченъ, такъ какъ въ случаѣ ея несогласія на расширеніе эмиссіи всегда имѣется ст. 87 основныхъ законовъ. Вѣдь прецедентъ уже налицо.

---

* Количество кредитныхъ билетовъ по балансу Государственнаго банка на 16 сентября 1915 года.

Правда, въ началѣ войны необходимо было провести пріостановку размѣна и расширеніе эмиссіи возможно быстро, такъ какъ всякое промедленіе грозило значительными осложненіями. Но этихъ мотивовъ не было и не могло быть, когда былъ изданъ въ порядкѣ 87 ст. законъ 17 марта 1915 года.* Государственной Думѣ, когда этотъ законъ былъ представленъ ей на утвержденіе, ничего не оставалось, какъ санкціонировать его post factum. Эта возможность безконтрольно распоряжаться эмиссіоннымъ правомъ Государственнаго банка, предоставленная министру финансовъ, несомнѣнно, является однимъ изъ самыхъ больныхъ мѣстъ устава банка, — наслѣдіемъ дореформеннаго времени. При реформѣ нашего Государственнаго банка С. Ю. Витте не рѣшился порвать съ установившимся порядкомъ, и реформированный банкъ остался подвѣдомственнымъ министру финансовъ.
. . . .
. . Выпускъ бумажныхъ денегъ на покрытіе военныхъ расходовъ — явленіе хорошо намъ знакомое. Эта мѣра примѣнялась уже Екатериною II. Далѣе, въ періодъ 1812—1818 годовъ производились безпрестанные выпуски ассигнацій, вызванные Наполеоновскими войнами. То же мы видимъ и во время Крымской кампаніи. Съ 1853 по 1857 годъ количество кредитныхъ билетовъ возрасло на 401,9 мил. руб. Затѣмъ Русско-Турецкая война опять повела къ усиленію выпусковъ кредитныхъ билетовъ, при чемъ количество ихъ за періодъ съ 1877 по 1879 годъ увеличилось на 398,1 мил. руб.**. Итакъ, мы можемъ установить, что Государственный банкъ вновь вступилъ теперь на путь выпуска бумажныхъ денегъ для военныхъ надобностей, путь весьма удобный для финансоваго вѣдомства. . . . .
. . Конечно, настоящая война, безпримѣрная по своимъ размѣрамъ, требуетъ и безпримѣрныхъ затратъ. Поэтому обойтись совершенно безъ выпусковъ кредитныхъ билетовъ на военныя надобности врядъ ли было возможно. Но необходимо было соблюдать при этомъ величайшую осторожность и по мѣрѣ возможности изыскивать другіе пути. Этого, однако, не было сдѣлано. Къ этому вопросу мы, впрочемъ, еще вернемся, а теперь посмотримъ, какъ отозвалось на цѣнности валюты отмѣченное выше возрастаніе количества кредитныхъ билетовъ.

II.

Вотъ какъ характеризуетъ создавшееся нынѣ положеніе въ „Новомъ Экономистѣ“ г. Меньковъ. Послѣ перехода къ бумажно-денежному режиму „послѣдовали милліардные выпуски бумажныхъ денегъ, каналы денежнаго обращенія полнымъ-полно переполнились ими, перейдены на этомъ пути разумные предѣлы, инфля-

* Докладъ по законопроекту о расширеніи предоставленнаго Государственному банку права выпуска государственныхъ кредитныхъ билетовъ, стр. 7.

** Миклашевскій, l. c., стр. 585 и сл. и табл. А.

ція бумажно-денежнаго обращенія въ острой и опасной для народнаго хозяйства формѣ налицо со всѣми своими характерными признаками: быстрымъ ростомъ вексельныхъ курсовъ, появленіемъ преміи на золото, исчезновеніемъ золотой, а въ нѣкоторыхъ странахъ (между прочимъ въ Россіи. *Г. З.)* и высокопробной серебряной монеты и, наконецъ, революціоннымъ ростомъ товарныхъ цѣнъ.“ * Такова общая характеристика настоящаго положенія дѣла.

Выпуски бумажныхъ денегъ, какъ мы отмѣтили выше, далеко превышаютъ потребности оборота, а увеличеніе количества бумажныхъ денегъ сверхъ потребностей оборота является главнымъ факторомъ ихъ обезцѣненія. Происходитъ какъ бы автоматическое приспособленіе имѣющагося налицо количества бумажныхъ денегъ къ потребностямъ оборота, путемъ уменьшенія ихъ цѣнности, что находитъ свое выраженіе, съ одной стороны, въ появленіи лажа на полноцѣнную, въ данномъ случаѣ золотую, монету, съ другой — въ ростѣ товарныхъ цѣнъ. . . . .

. . Что касается товарныхъ цѣнъ, то невѣроятное ихъ повышеніе за послѣднее время достаточно извѣстно. Конечно, дороговизна вызвана отнюдь не только обезцѣненіемъ кредитныхъ билетовъ. Несомнѣнно, тутъ играютъ роль и другіе факторы, какъ-то: дезорганизація желѣзнодорожнаго сообщенія, спекуляція, ведущаяся оптовиками при благосклонномъ участіи коммерческихъ банковъ и отчасти самими коммерческими банками черезъ подставныхъ лицъ. „Извѣстно, что опредѣленные банки спекулируютъ хлѣбомъ, мясомъ и другими товарами первой необходимости. По поводу банковой спекуляціи съ сахаромъ министръ финансовъ вынужденъ былъ даже вмѣшаться и пригрозить репрессіями“. ** Но помимо этихъ факторовъ, несомнѣнно, сыграло свою роль и обезцѣненіе кредитныхъ билетовъ“. „Исторія бумажныхъ денегъ у насъ, въ Россіи, съ правильностью отмѣчаетъ значительное вздорожаніе товаровъ вслѣдъ за усиленнымъ выпускомъ бумажекъ. Такъ было въ послѣдніе годы царствованія Екатерины II послѣ выпуска ассигнацій, паденіе стоимости которыхъ, послѣ значительнаго увеличенія ихъ количества, особенно при Александрѣ I (подъ вліяніемъ безпрерывныхъ войнъ), дошло до 25—26 коп. серебромъ за ассигнаціонный рубль. Цѣны товаровъ соотвѣтственно росли. То же наблюдалось послѣ Крымской и Турецкой войнъ, когда кредитные билеты выпускались въ повышенномъ количествѣ“. ***) Это обычное явленіе имѣетъ мѣсто и въ настоящее время. „Офиціальный органъ министерства финансовъ („Торгово-Промышленная Газета“) прямо констатируетъ, чтъ о б щ і й подъемъ цѣнъ въ Россіи составляетъ 15—20% въ среднемъ. Но это какъ разъ с р е д н е е п а д е н і е

* „Новый Экономистъ“, № 35.

** Докладъ по законопроекту о расширеніи предоставленнаго Государственному банку права выпуска гос. кред. бил., стр. 15.

*** Цит. докладъ, стр. 15.

нашей валюты на международномъ рынкѣ".* Конечно, эти данныя не слѣдуетъ понимать въ томъ смыслѣ, что повышеніе товарныхъ цѣнъ строго пропорціонально росту количества бумажныхъ денегъ. Ростъ товарныхъ цѣнъ идетъ неравномѣрно: одни товары повышаются въ цѣнѣ сильнѣе, чѣмъ другіе. Сначала повышеніе касается привозныхъ товаровъ и затѣмъ постепенно, благодаря связи между отдѣльными хозяйственными отраслями, захватываетъ все новыя и новыя категоріи товаровъ. Понятно, что страдаетъ отъ такого движенія товарныхъ цѣнъ, главнымъ образомъ, рабочій классъ, а также классы населенія, получающіе фиксированный доходъ. Въ настоящее время хуже всего приходится именно послѣднимъ. Рабочіе пострадали сравнительно меньше, такъ какъ война, оторвавъ множество рукъ отъ производительнаго труда, создала крайній недостатокъ въ рабочихъ силахъ. Это, естественно, повело къ чрезвычайно сильному повышенію заработной платы, такъ что ежедневный заработокъ въ 6—7 руб. является въ настоящее время среднимъ для квалифицированнаго рабочаго. Фиксированные же доходы, если и возрасли, то очень немного и, конечно, не настолько, чтобы компенсировать для ихъ получателей повышеніе товарныхъ цѣнъ.

Какъ мы указали выше, обезцѣненіе бумажныхъ денегъ происходитъ не только относительно товаровъ, но также относительно полноцѣнной монеты и валютнаго металла. Иными словами, — устанавливается лажъ на золото. Обезцѣненіе кредитныхъ билетовъ относительно товаровъ, какъ мы видѣли, имѣетъ мѣсто; слѣдовательно, должно быть и обезцѣненіе относительно золота.

Что касается установленія лажа на золотую монету, то его непосредственно констатировать невозможно. Дѣло въ томъ, что до 12 января 1915 года золото обмѣнивалось въ случаѣ представленія его въ Государственный банкъ по нарицательной стоимости на кредитные билеты, т. е. происходилъ обмѣнъ полноцѣнной монеты на неразмѣнныя бумажныя деньги, обезцѣненіе которыхъ уже началось. Естественно, что результатомъ такой политики Государственнаго банка было то, что золотая монета быстро исчезла изъ оборота. Кромѣ того, тутъ необходимо принять во вниманіе и другое обстоятельство. Дѣло въ томъ, что при всякихъ платежахъ должнику выгоднѣе платить болѣе дешевыми или „худшими" деньгами, т. е., въ данномъ случаѣ, кредитными билетами, а не золотомъ. Благодаря этому золотая монета была демонетизирована для внутренняго оборота, была изъята изъ обращенія держателями ея. Такимъ образомъ, золото было вытѣснено изъ обращенія кредитными билетами, т. е. сказалось дѣйствіе знаменитаго закона Грешема, гласящаго: „money af less value drives out money of more value".**

---

* П. П. Мигулинъ. Бумажныя деньги. „Новый Экономистъ", № 15. Курсивъ автора.

** Лучшія деньги изгоняются изъ обращенія худшими.

Но такъ какъ обмѣнъ золота на кредитные билеты по нарицательной стоимости привелъ къ тому, что въ кассы Государственнаго банка золото вовсе не попадало, а увеличеніе золотого резерва было весьма желательно, то не оставалось ничего другого, какъ признать совершившійся фактъ обезцѣненія кредитныхъ билетовъ относительно золота. Этого рода признаніе могло выразиться только въ установленіи лажа. Послѣднее же можетъ быть совершено двоякимъ образомъ. Возможно прямое установленіе лажа путемъ выдачи за золотую монету кредитныхъ билетовъ болѣе, чѣмъ на нарицательную стоимость, т. е. установленіе преміи на золото. Но этотъ способъ нѣсколько рискованъ, такъ какъ чрезвычайно трудно зафиксировать лажъ. При установленіи лажа ниже существующаго на рынкѣ, эта мѣра ни къ чему не поведетъ, и золото не будетъ поступать въ кассы Государственнаго банка. При установленіи же болѣе высокаго лажа золото поступать будетъ, но еще болѣе обезцѣнятся кредитные билеты. Впрочемъ, министерство финансовъ отказалось отъ прямого установленія лажа не по указаннымъ выше причинамъ, а изъ боязни, что офиціальное установленіе лажа окончательно подорветъ довѣріе къ нашей валютѣ за границею. . . . . . Итакъ, путь прямого установленія лажа былъ отвергнутъ. Оставался другой путь, а именно косвенное установленіе лажа; этотъ путь и избрало министерство. Въ засѣданіи финансоваго комитета 12 января 1915 года рѣшено было выдавать въ обмѣнъ на золото иностранную валюту по теоретическому паритету съ удержаніемъ 2% комиссіонныхъ. Какъ мы увидимъ въ дальнѣйшемъ, эта мѣра мало помогла при привлеченіи золота. Теперь же для насъ важно то, что тѣмъ или инымъ способомъ былъ косвенно установленъ лажъ на золото. Дѣло въ томъ, что наша валюта за границей обезцѣнена довольно сильно. Въ среднемъ можно считать, что на дружественныхъ намъ рынкахъ, лондонскомъ и парижскомъ, она упала на 20—30% противъ теоретическаго паритета. Слѣдовательно, если при такомъ положеніи дѣла сначала обмѣнять золото на иностранную валюту въ Государственномъ банкѣ, а послѣднюю продать эту валюту за кредитные билеты, то очевидно, что въ результатѣ сумма, полученная отъ этой операціи, не будетъ соотвѣтствовать нарицательной стоимости золотой монеты, а будетъ на столько больше ея, на сколько иностранная валюта на нашемъ рынкѣ расцѣнивается выше теоретическаго паритета за вычетомъ 2% комиссіонныхъ.

Пояснимъ это примѣромъ. Положимъ, въ Государственный банкъ представлено 100 руб. золотомъ и на эту сумму выдана англійская валюта по теоретическому паритету. На кредитные билеты англійская валюта расцѣнивается на 20% дороже паритета. Слѣдовательно, при продажѣ валюты, полученной за 100 руб. золотомъ, владѣлецъ ея получитъ 120 руб. кредитными билетами, за вычетомъ двухъ руб. комиссіонныхъ, что составитъ 118 руб. кредитными билетами. Въ конечномъ итогѣ этой операціи получено 118 руб. кре-

дитными билетами за 100 руб. золота, — слѣдовательно, премія на золото составитъ въ разсматриваемомъ примѣрѣ 18 руб.

А разъ это такъ, то ясно, что обмѣнъ золота на иностранную валюту, въ сущности, является не чѣмъ инымъ, какъ косвеннымъ признаніемъ со стороны министерства финансовъ лажа, установившагося помимо его вліянія на рынкѣ.*

Кромѣ этого, имѣются и другія данныя, позволяющія утверждать, что кредитный рубль обезцѣненъ относительно золота, а именно цѣна золота, идущаго для промышленныхъ надобностей. „До войны шлиховое золото 890—895 пробы продавалось у насъ на рынкѣ, въ качествѣ матеріала для ювелирныхъ издѣлій, по 5 руб. 30 коп. — 5 руб. 50 коп. за золотникъ... Въ настоящее время (сентябрь 1915 года *Г. З.)* за то же золото въ Петроградѣ ювелиры платятъ 7 руб. 50 коп. — 7 руб. 70 коп. за золотникъ.“ **

Итакъ, цѣна золота для промышленныхъ надобностей, какъ мы видимъ, повысилась на 2 р. 20 к. за золотникъ, что составляетъ надбавку на цѣну до войны въ 5 р. 30 к. — 5 р. 50 к., равняющуюся приблизительно 40%. Слѣдовательно, и цѣна золота, какъ товара, указываетъ на то, что кредитные билеты относительно золота обезцѣнены.

Резюмируя все вышесказанное, мы приходимъ къ слѣдующимъ выводамъ: наша валюта значительно упала въ цѣнѣ внутри страны, что нашло свое выраженіе: 1) въ ростѣ товарныхъ цѣнъ и 2) въ установленіи лажа на золото. Причинами, вызвавшими указанное обезцѣненіе, являются 1) увеличеніе количества кредитныхъ билетовъ свыше потребностей оборота для покрытія военныхъ расходовъ.

. . . .

. . Таково положеніе валюты во внутреннемъ оборотѣ. Но, кромѣ внутренняго рынка, существуетъ и рынокъ внѣшній, на которомъ также производится оцѣнка нашей валюты, находящая свое выраженіе въ движеніи вексельныхъ курсовъ и ихъ отношеніи къ теоретическому паритету. Къ разсмотрѣнію вексельныхъ курсовъ мы и обратимся.

Въ нормальное время вексельные курсы опредѣляются спросомъ и предложеніемъ, при чемъ размахъ ихъ колебаній заключенъ въ узкіе предѣлы между верхней и нижней золотыми точками, при томъ условіи, конечно, что въ обѣихъ странахъ установлена золотая валюта***. Совершенно иное мы видимъ при сношеніяхъ страны съ бумажной валютой со страною, обладающей металлической валютой. Тутъ для размаха колебаній вексельныхъ курсовъ почти не имѣется границъ.

* Въ настоящее время установлена и прямая премія на золото, сдаваемое въ казенныя золотосплавочныя лабораторіи и монетный дворъ въ количествѣ не менѣе 1 фунта чистаго золота, причемъ размѣръ ея опредѣленъ въ 30% (Т. Пр. Ф № 262). Насколько эта мѣра будетъ способствовать привлеченію золота въ Государственный банкъ покажетъ будущее.

** „Новый Экономистъ“, № 38. Ф. Меньковъ. Инфляція бумажно-денежнаго обращенія и мѣры борьбы съ нею.

*** Г. Гешенъ. Теорія вексельныхъ курсовъ. Изд. Неклюдова 1867 г., стр. 62.

Регулируются въ данномъ случаѣ вексельные курсы факторами, которые при золотой валютѣ могутъ быть не принимаемы въ расчетъ. Огромную роль играютъ довѣріе къ странѣ, обладающей бумажною валютою, и надежда на возстановленіе размѣна. Далѣе — учитываются и политическія событія. Затѣмъ весьма важенъ въ этомъ случаѣ торговый балансъ. . . . .

. . Вотъ данныя по внѣшней торговлѣ Россіи по европейской границѣ съ 1 января по 30 августа текущаго года. Вывозъ составлялъ 150 690 тыс. руб., ввозъ 299 703 тыс. руб., превышеніе ввоза надъ вывозомъ 149 004 тыс. руб. Такимъ образомъ, мы видимъ, что торговый балансъ для насъ явно неблагопріятенъ. Къ сожалѣнію, у насъ нѣтъ въ распоряженіи данныхъ относительно ввоза и вывоза по азіатской границѣ. Но можно предполагать, что и тамъ наблюдается та же картина. Покрывать ввозъ путемъ вывоза въ данномъ случаѣ врядъ ли возможно, такъ какъ на наше сырье ни въ Японіи, ни въ Соединенныхъ Штатахъ не можетъ быть спроса.

Совокупность всѣхъ указанныхъ обстоятельствъ должна невыгодно вліять на курсъ нашей валюты, какъ это видно изъ приведенныхъ ниже данныхъ.

Курсъ рубля на лондонской и парижской биржахъ съ 16 марта по 13 апрѣля въ $^0/_0{}^0/_0$*.

Лондонъ.	16 мар.	23 мар.	30 мар.	6 апр.	13 апр.
Цѣнность въ $^0/_0{}^0/_0$.	83,48	82,63	83,00	82,63	83,00
Потеря въ $^0/_0{}^0/_0$ . .	16,52	17,37	17,00	17,37	17,00
Парижъ.					
Цѣнность въ $^0/_0{}^0/_0$.	83,43	83,06	83,43	83,43	83,43
Потеря въ $^0/_0{}^0/_0$ . .	16,57	16,94	16,57	16,57	16,57

Согласно свидѣтельству „Новаго Экономиста“ **, 7 іюля потеря цѣнности рубля составляла 38$^0/_0$. Таково положеніе нашей валюты на дружественныхъ рынкахъ. Если же мы обратимся къ нейтральному рынку Нью-Іорка, то и тамъ мы увидимъ ту же картину.

Курсъ рубля на Нью-Іоркской биржѣ за 4 мѣсяца съ 8 апрѣля по 19 августа въ $^0/_0{}^0/_0$.

Мѣсяцъ.	Апрѣль.			Май.			Іюнь.			
Число.	8	16	22	14	20	27	3	9	23	25
Цѣнность въ $^0/_0{}^0/_0$	81,03	79,69	78,24	76,80	72,96	73,92	73,92	73,92	71,04	61,44
Потеря въ $^0/_0{}^0/_0$	18,97	20,31	21,76	23,20	27,04	26,08	26,08	26,08	28,96	38,56

Мѣсяцъ.	Іюль.			Августъ.		
Число.	8	15	22	6	11	19
Цѣнность въ $^0/_0{}^0/_0$ . .	62,88	62,40	65,28	65,28	66,25	65,28
Потеря въ $^0/_0{}^0/_0$ . . .	37,12	37,60	34,72	34,72	33,75	34,72

Таково положеніе нашей валюты на заграничныхъ рынкахъ. Какъ видимъ, оно вполнѣ соотвѣтствуетъ обезцѣненію ея на внутреннемъ рынкѣ.

---

* „Новый Экономистъ“, № 16.

** № 36.

III.

Вопросомъ огромной важности является состояніе металлическаго резерва эмиссіоннаго банка и процентное отношеніе его къ выпущеннымъ банкнотамъ. Бумажная валюта разсматривается какъ временное явленіе. Открытіе же размѣна возможно только при условіи достаточной металлической наличности. Особенно вѣрно это положеніе въ томъ случаѣ, если довѣріе къ валютѣ пошатнулось. Въ такомъ случаѣ открытіе размѣна неминуемо вызоветъ усиленное предъявленіе бумажныхъ денегъ къ размѣну: каждый будетъ стремиться сбыть съ рукъ бумажки и получить взамѣнъ полноцѣнную монету. Если размѣнный фондъ недостаточенъ, то онъ быстро истощится, размѣнъ будетъ прекращенъ, курсъ бумажныхъ денегъ упадетъ, полноцѣнная монета исчезнетъ изъ оборота, и положеніе валюты, въ общемъ, будетъ хуже, чѣмъ до открытія размѣна, такъ какъ уже не будетъ размѣннаго фонда, и бумажная валюта воцарится на долгое время.

Достаточно указать хотя бы на попытку возобновленія размѣна у насъ въ 1862—63 годахъ. На 1 января 1862 года состояло выпущенныхъ кредитныхъ билетовъ 713 мил. руб. при размѣнномъ фондѣ въ 80 мил. руб.*. Конечно, такая попытка не можетъ быть названа иначе, какъ безумною. Результатомъ было то, что размѣнный фондъ быстро изсякъ, и размѣнъ былъ прекращенъ. Что же касается стоимости кредитнаго рубля въ металлическихъ копейкахъ, то она съ 89,62 коп. въ 1862 году поднялась до 94,65 коп. въ 1863 году, но уже въ 1864 году упала до 84,19 коп., т. е. ниже, чѣмъ она стояла за все время существованія кредитныхъ билетовъ съ 1843 года; затѣмъ въ 1865 году она составляла 81,39 коп., въ 1866 году 76,35 к. и только въ 1867 году поднялась до 84,03 коп.**. Правда, въ 1866 году началась Австро-Прусская война, и сильное паденіе курса въ этомъ году отчасти объясняется послѣдней. Но если даже оставить въ сторонѣ 1866 годъ, то все же оцѣнка кредитнаго рубля за 1864 и 1865 годы достаточно характерна. Неудачная попытка размѣна въ результатѣ вызвала рѣзкое пониженіе курса бумажнаго рубля.

Обращаясь къ разсмотрѣнію нашего золотого резерва, мы замѣчаемъ, что онъ понизился какъ абсолютно, такъ и относительно. Такъ, по балансу на 16 іюля 1914 года, т. е. послѣднему балансу до войны, золота значилось на 1 603,66 мил. руб., по балансу на 16 сентября 1915 года — 1 590,79 мил. руб., пониженіе 12,87 мил. руб. При этомъ не принято во вниманіе золото за границей, сумма котораго понизилась весьма значительно. По балансу на 16 іюля 1914 года его имѣлось на 140,79 мил. руб., по балансу на 16 сентября 1915 года 38,49 мил. руб., пониженіе составляетъ 102,30 мил. руб.

---

* И. И. Кауфманъ. Бумажныя деньги въ Австріи. Стр. 73.

** Миклашевскій, е. с., табл. А.

Слѣдовательно, общее пониженіе количества золота составляетъ 115,17 мил. руб. Что же касается пониженія золота относительно выпущенныхъ кредитныхъ билетовъ, то представленіе объ этомъ могутъ дать слѣдующія данныя *.

Въ среднемъ за іюнь 1914 года находилось въ обращеніи непокрытыхъ билетовъ на 41,07 мил. руб., за январь 1915 года на 1463,00 мил. руб. и за августъ 2459,54 мил. руб. Слѣдовательно, количество непокрытыхъ кредитныхъ билетовъ возрасло съ іюня 1914 до августа 1915 года на 2418,47 милл. руб.

Картину движенія процентнаго отношенія золота къ кредитнымъ билетамъ даетъ имѣющаяся въ началѣ таблица. За январь золотое обезпеченіе составляло 51,56 %, за августъ уже только 39,18 %, пониженіе 12,38 %. За іюнь 1914 года обезпеченіе составляло 90,74 %, пониженіе за все время войны составляетъ 51,56 %.

Обращаясь къ сравненію съ состояніемъ золотого резерва французскаго и германскаго имперскаго банковъ, мы видимъ слѣдующее. Къ 16 іюля 1914 года (по нов. ст.) во французскомъ банкѣ покрытіе золотомъ составляло 67,7 %, къ 15 января 1915 года (нов. ст.) 40,4 % и къ 24 іюня (нов. ст.) 32,4 %. Слѣдовательно, пониженіе за все время войны составляетъ 35,3 %, т. е. на 16,2 % менѣе, чѣмъ у насъ **.

Въ германскомъ имперскомъ банкѣ къ 15 іюля 1914 года (всѣ даты по новому стилю) покрытіе составляло 67,3 % по отношенію къ банкнотамъ и 61,8 % по отношенію ко всѣмъ видамъ бумажныхъ денегъ, къ 31 декабря 1914 года 41,5 % и 36,5 % и наконецъ 23 іюня 1915 года 45,7 % и 38,1 %. Пониженіе покрытія за все время войны составляетъ по отношенію къ банкнотамъ 21,6 % и по отношенію ко всѣмъ видамъ бумажныхъ денегъ 23,7 %. Абсолютное же возрастаніе золотого запаса составляетъ 1041 мил. марокъ ***.

Если выпуски кредитныхъ билетовъ будутъ продолжаться, то обезпеченіе ихъ золотомъ, конечно, будетъ падать все больше и больше, а это явится весьма серьезнымъ препятствіемъ для возобновленія размѣна. На вопросъ, каково должно быть покрытіе при возобновленіи, отвѣтить весьма трудно. Все зависитъ отъ того, при какихъ условіяхъ будетъ открытъ размѣнъ. Если размѣнъ будетъ открытъ al pari при обезцѣненной валютѣ, то, можетъ быть, и покрытія въ 50—60 % не хватитъ. При девальваціи же и прекращеніи дальнѣйшихъ выпусковъ бумажныхъ денегъ для нуждъ казны возможно, что достаточно будетъ покрытія въ 30 %. Поэтому намъ кажется, что соединенныя комиссіи бюджетная и финансовая врядъ ли стали на правильную точку зрѣнія, заявивъ, что „не должно допускать, чтобы обезпеченность... падала ниже 30 %, что будетъ примѣрно

* Въ дальнѣйшемъ мы при всѣхъ расчетахъ не принимаемъ во вниманіе золота за границей.

** См. цит. докладъ, стр. 3.

*** Цит. докладъ, стр. 2.

соотвѣтствовать установленному германскимъ эмиссіоннымъ закономъ обезпеченію въ 33,3 %" *... Противъ этого положенія можно выдвинуть два возраженія: 1) германскій законъ, предусматривающій покрытіе въ $^1/_3$, разсчитанъ на нормальное функціонированіе денежнаго аппарата и 2) какъ мы уже указывали, норма покрытія, необходимая при возобновленіи размѣна, должна быть установлена въ зависимости отъ условій открытія размѣна. Норма же въ 30% является чисто случайною. Никакого основанія для принятія этой нормы соединенныя комиссіи не выставили, да и не могли выставить. Да, впрочемъ, третичное покрытіе вовсе не является общепринятымъ. Во Франціи вообще не существуетъ законной нормы покрытія; тамъ просто устанавливается опредѣленный контингентъ эмиссіи, который можетъ быть измѣненъ только законодательнымъ порядкомъ. Въ Бельгіи установлено покрытіе въ 40%, но не съ суммы эмиссіи, а со всѣхъ обязательствъ эмиссіоннаго банка. Въ Австро-Венгріи принято покрытіе въ $^2/_5$ на случай отмѣны ст. 111 устава банка, пріостанавливающей размѣнность банкнотовъ на неопредѣленное время **.

Относительно нормы покрытія можно выставить только слѣдующее: для возобновленія размѣна безъ девальваціи необходимо возможно большее покрытіе; покрытіе же въ 30% является въ этомъ случаѣ недостаточнымъ. Поэтому вопросъ объ увеличеніи золотого запаса Государственнаго банка пріобрѣтаетъ огромную важность. Но возможность увеличенія количества золота у насъ весьма ограничена. Въ самомъ дѣлѣ, около 80% всего золота сосредоточено въ Государственномъ банкѣ. Въ оборотѣ, такимъ образомъ, находится 200—250 мил. золота. Кромѣ того, золотыхъ издѣлій имѣется приблизительно на 100 мил. рублей. Всего же имѣется 300—350 мил. золота. Но золотыя издѣлія заполучить въ Государственномъ банкѣ чрезвычайно трудно. Что касается золотой монеты, то она отчасти, несомнѣнно, запряталась такъ далеко, что извлечь ее почти невозможно. При наличности этихъ условій, извлечь золота изъ оборота можно не болѣе, чѣмъ на 175—200 мил. руб. ***. Далѣе, добыча золота въ Россіи даетъ не болѣе 50—60 мил. руб. въ годъ. Изъ всего сказаннаго ясно, что разсчитывать на большое увеличеніе золотого запаса Государственнаго банка изъ внутренняго оборота не приходится. Это было возможно въ Германіи, гдѣ оборотъ былъ насыщенъ золотомъ, возможно во Франціи, гдѣ въ обращеніи также имѣется значительное количество золотой монеты, но не у насъ.

А если это такъ, то необходимо ограничить выпускъ бумажныхъ денегъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ процентъ обезпеченія падетъ еще ниже, и возстановленіе размѣна придется отсрочить

* Цит. докладъ, стр. 25.

** R. G. Lévy. Banques d'émission et trésors publics. — Кауфманъ. Бумажныя деньги въ Австріи.

*** „Русскія Вѣдомости", № 219.

на неопредѣленное время. Слѣдовательно, необходимо изыскать пути, помимо выпуска кредитныхъ билетовъ, для покрытія военныхъ расходовъ. Однимъ изъ этихъ путей является заключеніе займовъ, какъ внутреннихъ, такъ, по мѣрѣ возможности, и внѣшнихъ. Но этого, однако, мало. Необходимо также привести въ болѣе или менѣе приличный видъ и нашъ бюджетъ.

Прекращеніе казенной продажи питей является, несомнѣнно, весьма благотворной и своевременной мѣрой. Но при этомъ въ доходномъ бюджетѣ оказалась брешь приблизительно въ 800 мил. руб. Сумма, конечно, не малая, и необходимо было ее какимъ-либо образомъ возмѣстить. Наиболѣе раціональнымъ было бы реформировать всю систему взиманія налоговъ и построить ее на основаніяхъ прямого подоходнаго обложенія. За цѣлый годъ, казалось бы, для этого было достаточно времени. Однако правительство избрало другой путь. „Вмѣсто составленія плана необходимыхъ финансовыхъ и хозяйственно-экономическихъ реформъ, вмѣсто энергичнаго проведенія его въ жизнь... правительство провело въ порядкѣ ст. 87 осн. зак. рядъ случайныхъ и безсистемныхъ мѣръ“..., при чемъ „почти все свелось къ самому легкому, но въ то же время и мало дѣйствительному пріему простого повышенія почти всѣхъ видовъ существующихъ прямыхъ и косвенныхъ налоговъ, пошлинъ, регалій“ *.

Правда, во время іюльской сессіи проектъ подоходнаго налога былъ разсмотрѣнъ въ Государственной Думѣ, но затѣмъ сессія законодательныхъ палатъ была прервана, и введеніе подоходнаго налога опять отложено на неопредѣленное время. Такимъ образомъ, мѣропріятія финансоваго вѣдомства до настоящаго времени сводятся къ тому, чтобы ставить заплаты на нашъ старый разваливающійся бюджетъ и покрывать военные, а отчасти и невоенные расходы посредствомъ выпуска бумажныхъ денегъ. Выпускъ же бумажныхъ денегъ на нужды государства является однимъ изъ самыхъ опасныхъ способовъ покрытія расходовъ, и поэтому совершенно правъ былъ проф. П. П. Мигулинъ, указывая, что „учетъ государственныхъ обязательствъ въ Государственномъ банкѣ... представляетъ собою самую опасную для прочности валюты операцію“ **.

Поэтому и упомянутый авторъ настаиваетъ на нерасширеніи эмиссіоннаго права Государственнаго банка ***. Но рессурсы для веденія войны необходимы. И вотъ проф. П. П. Мигулинъ не находитъ лучшаго средства создать эти рессурсы, какъ у в е л и ч и т ь к о л и ч е с т в о бумажныхъ денегъ, не расширяя, однако, при этомъ эмиссіоннаго права Государственнаго банка. Достигнуть этого можно путемъ выпуска казначейскихъ билетовъ мелкихъ купюръ. Имѣющіеся же въ обращеніи кредитные билеты рублеваго и трехруб-

---

* Цит. докладъ, стр. 7.

** „Новый Экономистъ“, 1914 г., № 31.

*** „Новый Экономистъ“ № 15.

леваго достоинства признаются также билетами Государственнаго казначейства. Такимъ образомъ, количество кредитныхъ билетовъ уменьшается, и Государственный банкъ безъ расширенія эмиссіоннаго права можетъ выпустить кредитные билеты крупныхъ купюръ на сумму изъятыхъ изъ его вѣдѣнія мелкихъ билетовъ. Слѣдовательно, предлагаемая проф. П. П. Мигулинымъ комбинація тожественна съ тѣмъ, что продѣлало въ 1866 году правительство въ Австріи *. Мы не будемъ вдаваться въ подробную критику предлагаемой мѣры. Какъ мы уже отмѣтили выше, предлагаемая проф. Мигулинымъ мѣра сводится къ увеличенію количества бумажныхъ денегъ. Но, какъ извѣстно, цѣнность бумажныхъ денегъ въ значительной степени зависитъ отъ количества ихъ, находящагося въ обращеніи. Отсюда ясно, что предлагаемая проф. П. П. Мигулинымъ мѣра можетъ привести только къ дальнѣйшему обезцѣненію всего количества бумажныхъ денегъ, независимо отъ того, будутъ ли онѣ выпущены Государственнымъ банкомъ или казначействомъ. Намъ кажется, что приведеннаго довода достаточно, чтобы по достоинству оцѣнить разсматриваемую мѣру. Что же касается податного обезпеченія билетовъ Государственнаго казначества, то таковое врядъ ли что-либо измѣняетъ. Ассигнаціи при Александрѣ I также обладали податнымъ обезпеченіемъ, и все же это ничуть не помѣшало имъ упасть до 26 коп. серебромъ. Указаніе же на то, что „нынѣшніе наши государственные кредитные билеты рублеваго и трехрублеваго достоинства также никогда не были размѣнны на золото по той простой причинѣ, что золотой монеты рублевой и трехрублевой у насъ нѣтъ и не было вовсе“ **, весьма похоже на довольно грубый софизмъ. Если за одинъ трехрублевый билетъ и не дадутъ золота, то два рублевыхъ и одинъ трехрублевый билетъ, или пять рублевыхъ билетовъ, или наконецъ пять трехрублевыхъ билетовъ до войны обмѣнивались на золото безъ всякихъ затрудненій. А разъ это такъ, то ясно, что, вопреки утвержденію проф. П. П. Мигулина, кредитные билеты мелкихъ купюръ были размѣнны на золото. Съ такимъ же основаніемъ можно утверждать, что сторублевые кредитные билеты не размѣнны на золото, „по той простой причинѣ, что золотой монеты сторублевой у насъ нѣтъ и не было вовсе“.

Наконецъ, по поводу предлагаемой проф. П. П. Мигулинымъ мѣры, мы приведемъ еще мнѣніе одного изъ наиболѣе авторитетныхъ спеціалистовъ по вопросамъ денежнаго обращенія, именно А. Вагнера: „Принципіально подобнаго рода бумажныя деньги необходимо отклонить и избѣгать ихъ лучше всего на практикѣ, особенно, если не предусмотрѣнъ особый фондъ для ихъ размѣна“***.

* И. И. Кауфманъ. Бумажныя деньги въ Австріи. Стр. 90 и сл.
** „Новый Экономистъ“, № 15.
*** A. Wagner. Theoretische Socialökonomik, т. II, стр. 687.

Для улучшенія положенія нашей валюты, помимо прекращенія расширенія бумажно-денежнаго обращенія, необходимо еще одно, а именно планомѣрная девизная политика Государственнаго банка. Въ этой области, т. е. въ области регулированія вексельныхъ курсовъ, нашъ Государственный банкъ никогда не былъ особенно силенъ, а теперь онъ выпустилъ это регулированіе окончательно изъ рукъ. Вершителями курсовыхъ цѣнъ являются частные коммерческіе банки, ведущіе самую беззастѣнчивую валютную спекуляцію.

„Валюта должна быть изъята изъ частныхъ рукъ, международные расчеты должны быть возложены на государство, Государственный банкъ долженъ создать необходимую организацію, отдѣльнымъ выступленіямъ банковъ на иностранныхъ рынкахъ долженъ быть положенъ конецъ“ *. Итакъ, резюмируя все сказанное, мы приходимъ къ слѣдующимъ выводамъ: для избѣжанія дальнѣйшаго обезцѣненія нашей валюты необходимо: 1) прекращеніе дальнѣйшихъ выпусковъ бумажныхъ денегъ на государственныя надобности; 2) привлеченіе по возможности золота въ Государственный банкъ, хотя эта мѣра, въ виду незначительнаго количества золота въ обращеніи, не можетъ имѣть особеннаго значенія; 3) повышеніе платежеспособности населенія путемъ коренной реформы нашей налоговой системы, которая отнынѣ должна быть основана на прогрессивномъ подоходномъ налогѣ; 4) покрытіе военныхъ расходовъ по возможности займами, какъ внутренними, такъ и внѣшними, и наконецъ 5) регулированіе вексельныхъ курсовъ Государственнымъ банкомъ, при чемъ валютной спекуляціи коммерческихъ банковъ долженъ быть безусловно положенъ конецъ. Выпускъ же билетовъ Государственнаго казначейства долженъ быть рѣшительно отвергнутъ, какъ мѣра, могущая повести только къ дальнѣйшему обезцѣненію валюты.

IV.

Нашъ очеркъ былъ бы не полонъ, если бы мы не остановились еще на одномъ вопросѣ, пріобрѣтшемъ за послѣднее время особенную остроту, а именно—относительно недостатка размѣнныхъ денегъ, или биллона. Какъ извѣстно, въ августѣ въ Петроградѣ и въ другихъ городахъ разразилась паника, нашедшая свое выраженіе во внезапномъ наступленіи недостачи биллона въ весьма острой формѣ. Является вопросъ: чѣмъ была вызвана эта паника? Съ одной стороны, несомнѣнно, оказали вліяніе бѣженцы изъ эвакуированныхъ мѣстностей, гдѣ недостатокъ размѣнной монеты ощущался весьма остро. Но одинъ этотъ моментъ, конечно, не могъ имѣть рѣшающаго значенія. Кромѣ этого, налицо былъ дѣйствительный недостатокъ размѣнной монеты. Прежде всего въ началѣ августа изъ обращенія исчезла

* „Русскія Вѣдомости“, № 197. Э. Петроградскій. Что нужно дѣлать съ валютой.

высокопробная серебряная монета, такъ какъ „цѣна на серебро поднялась до 23—24 руб. за фунтъ, и банковая серебряная монета, которая передъ войною содержала серебра всего на 60—70 коп. въ рублѣ, теперь стоитъ по содержанію металла отъ 1 р. 01 к. до 1 р. 05 к. и имѣетъ тенденцію къ дальнѣйшему повышенію" *. Слѣдовательно, тутъ оказалъ вліяніе цитированный выше законъ Грешема. Къ 1 января 1915 года состояло всего размѣнной монеты 183,4 мил. руб., при чемъ высокопробнаго серебра имѣлось на 44,7 мил. руб. **. Такимъ образомъ, количество размѣнной монеты уменьшилось не менѣе, какъ на 44,7 мил. руб. Далѣе нужно принять во вниманіе и слѣдующее. Количество кредитныхъ билетовъ чрезвычайно возрасло. Соотвѣтственно долженъ былъ возрасти и спросъ на размѣнную монету. Однако выпускъ ея сильно отставалъ отъ выпуска кредитныхъ билетовъ. Вотъ данныя объ отношеніи размѣнной монеты къ кредитнымъ билетамъ мелкихъ купюръ (1, 3 и 5 руб.) на 1 января 1912, 1913, 1914 и 1915 годовъ въ мил. руб.***.

	1912 г.	1913 г.	1914 г.	1915 г.
Мелкихъ билетовъ . . .	398,0	448,4	499,4	900,1
Размѣнной монеты. . . .	145,9	152,4	159,3	183,4
процентное отношеніе монеты къ билетамъ .	36,7%	34%	32%	20%

Итакъ, мы видимъ, что ростъ количества размѣнной монеты отставалъ уже до войны отъ роста количества кредитныхъ билетовъ мелкихъ купюръ. Во время же войны это отставаніе, какъ видно изъ вышеприведенной таблицы, проявилось особенно рѣзко. Это, конечно, должно было создать нѣкоторыя затрудненія при мелкихъ оборотахъ, и достаточно было толчка, чтобы вспыхнула паника. Этотъ толчокъ и дали бѣженцы. Единственнымъ средствомъ для борьбы съ этимъ явленіемъ „является безпрепятственный и неограниченный размѣнъ кредитныхъ билетовъ на мелкую монету, самое широкое раскрытіе кассъ для размѣна" **.

Конечно, какъ только разразилась у насъ паника, то съ усердіемъ принялись разыскивать виновныхъ. Но такого рода поиски оказались тщетными, такъ какъ извѣстно очень мало случаевъ спекуляціи размѣнной монетой. Весьма оригинальную позицію по этому вопросу занялъ проф. П. П. Мигулинъ. По его мнѣнію, виноваты въ недостаткѣ размѣнной монеты... нѣмцы. Оказывается, что ихъ агенты скупаютъ размѣнную монету, потому что въ Германіи ощущается сильная нужда въ мѣди. „Скупщики мѣди и мѣдной монеты — это несомнѣнно германскіе агенты и шпіоны. Съ ними и необходимо поступать такъ, какъ со шпіонами" ***. Откуда

* „День", № 238, отъ 30 августа 1915 года.

* „Новый Экономистъ", № 31. Ф. А. Меньковъ. Монетный кризисъ

** „Новый Экономистъ", № 35. П. П. Мигулинъ. Недостатокъ размѣнной монеты.

авторъ черпаетъ свѣдѣнія о скупкѣ мѣдной монеты „германскими шпіонами“, онъ, къ сожалѣнію, не указываетъ. Однако очевидно одно. Разъ размѣнная монета скуплена германскими агентами, то она никакъ не можетъ опять появиться въ обращеніи. Между тѣмъ, по минованіи паники, размѣнная монета опять появилась, и мелкіе обороты производились безъ особеннаго затрудненія. Неужели нѣмцы, увидѣвъ, какую бѣду они натворили, скупивъ размѣнную монету, почувствовали раскаяніе и вернули ее, чтобы прекратить монетный голодъ? Предположеніе не особенно вѣроятное. Но въ такомъ случаѣ откуда же взялась исчезнувшая было монета? Выводъ возможенъ только одинъ, а именно тотъ, что нѣмцы въ данномъ случаѣ ни при чемъ. Что же касается проф. Мигулина, то мы полагаемъ, что почтенный экономистъ боленъ модной болѣзнью - „шпіономаніей“, такъ какъ иныхъ основаній для выставленнаго имъ положенія мы, при всемъ желаніи, не можемъ найти. Итакъ, мы приходимъ къ выводу, что виноваты, во всякомъ случаѣ, не нѣмцы, а скорѣе наше финансовое вѣдомство, не принявшее своевременно нужныхъ мѣръ для увеличенія количества биллона. Въ самомъ дѣлѣ, по объяснительной запискѣ по выпуску размѣнныхъ марокъ, министерство финансовъ „еще въ самомъ началѣ войны, предвидя возрастаніе спроса на мелкіе денежные знаки, вызванное нарушеніемъ правильнаго хода хозяйственной жизни, приступило къ усиленной чеканкѣ размѣнной монеты“ *. Но когда нужда въ биллонѣ приняла острую форму, то Монетный дворъ оказался технически не въ состояніи чеканить необходимое количество его. Такимъ образомъ, несмотря на предвидѣніе, министерство финансовъ за цѣлый годъ ничего не сдѣлало, чтобы имѣть возможность въ случаѣ необходимости значительно повысить производительность Монетнаго двора. Вмѣсто этого оно прибѣгло къ другой мѣрѣ, а именно къ выпуску размѣнныхъ марокъ. Если даже не говорить о техническихъ неудобствахъ этой мѣры, ее все же нужно считать довольно рискованной. Результаты ея уже налицо. Размѣнная низкопробная монета почти совершенно исчезла изъ оборота. А въ такомъ случаѣ размѣнныя марки будутъ обращаться не наравнѣ съ серебромъ, а вмѣсто серебра. Первоначально предположено было выпустить ихъ на 100 мил. руб. Но при этомъ не было принято въ расчетъ исчезновеніе мелкаго серебра. Но серебро исчезло, а такъ какъ 100 мил. размѣнной монеты слишкомъ мало, то очевидно, что сумму выпуска въ скоромъ времени прійдется увеличить весьма значительно, приблизительно до 300 мил., т. е. до суммы имѣющейся въ обращеніи размѣнной монеты. Такимъ образомъ, у насъ прибавится еще 300 мил. бумажныхъ денегъ купюрою ниже рубля. . . . .

Г. Веземанъ.

*** „Русск. Вѣд.“ № 211. З. Каценеленбаумъ. Размѣнныя бумажныя деньги.

ДОРОЖНЫЙ РАЗГОВОРЪ.

(ВЪ КУПЕ ВАГОНА II КЛАССА.)

Первый пассажиръ.

Въ современныхъ общественныхъ настроеніяхъ меня больше всего поражаетъ та почти гипнотическая власть, какую сохраняютъ надъ умами людей разныя сантиментальныя идейки, несмотря на весьма опредѣленные и отнюдь не сантиментальные уроки исторіи. Возьмемъ хотя бы ту идею, что крахъ германскаго милитаризма будетъ крахомъ милитаризма вообще, откроетъ новую эру безпечальнаго и мирнаго житія для европейскихъ демократій. Это убѣжденіе до сихъ поръ раздѣляется всѣми сторонниками „войны до конца" — и самыми лѣвыми, и самыми умѣренными. Даже крайніе правые какъ будто поддаются гипнозу этой проповѣди: они „германофильствуютъ" изъ страха, что побѣда надъ Германіей принесетъ съ собой повсемѣстное . . . . и торжество демократическихъ свободъ. Между тѣмъ, казалось бы, вовсе не требуется особенной проницательности для того, чтобы видѣть, на какомъ шаткомъ фундаментѣ покоится эта почти всеобщая вѣра, какіе сокрушительные удары наноситъ ей каждый новый шагъ въ развитіи событій.

Второй пассажиръ.

Я не совсѣмъ понимаю васъ. Можно ли назвать шаткимъ и необоснованнымъ утвержденіе, что Германія есть самая агрессивная, самая милитаристическая страна Европы? Это — не идея, не вѣра, а несомнѣнный, бьющій въ глаза фактъ. Завоевать себѣ „новое мѣсто подъ солнцемъ", оттѣснить всѣ другіе народы на задній планъ исторіи — вотъ та задача, которую осуществляютъ нѣмцы въ своей титанической борьбѣ противъ всего культурнаго міра. Напротивъ, стремленія прочихъ великихъ націй Европы очевиднѣйшимъ образомъ направлены лишь къ тому, чтобы возстановить европейское равновѣсіе, сохранивъ за каждымъ народомъ его старое мѣсто подъ солнцемъ, искони и по справедливости ему принадлежащее. Мнѣ кажутся поэтому вполнѣ естественными тѣ демократическія упованія, которыя связываются у насъ — да и не только у насъ! — съ ожидаемымъ разгромомъ нѣмцевъ. Пораженіе Германіи, заставивъ нѣмецкихъ милитаристовъ смириться передъ коллективной волей Европы,

должно принести освобожденіе европейскимъ демократіямъ, возможность спокойно отдаться мирному культурному творчеству.

Правда, подъ вліяніемъ тяжелыхъ уроковъ истекшаго года, нѣсколько ослабѣла увѣренность въ достижимости полной и окончательной побѣды надъ милитаризмомъ. Годъ тому назадъ мы мечтали о томъ, что теперешняя война будетъ послѣдней европейской войной. Пусть это — „сантиментальная идейка"! Пусть не въ послѣдній разъ льется кровь европейскихъ народовъ! Несомнѣнно все же, что угроза новой европейской войны отодвинется тѣмъ дальше, чѣмъ рѣшительнѣе будетъ успѣхъ четверного согласія. Если мы не въ силахъ теперь же дать вѣчный миръ всему міру, то обязаны позаботиться, по крайней мѣрѣ, о томъ, чтобы хоть дѣти наши могли нѣсколько передохнуть, чтобы хоть надъ ихъ головами милитаризмъ не тяготѣлъ съ такой безпощадностью, какъ въ наше время.

Первый пассажиръ.

Но вотъ эта-то цѣль и представляется мнѣ совершенно неосуществимой. Даже при полномъ военномъ успѣхѣ четверного согласія наши дѣти едва ли будутъ избавлены отъ, такъ называемаго, „гнета" милитаризма. Я убѣжденъ, наоборотъ, что наша эпоха есть лишь преддверіе настоящаго, вполнѣ достойнаго своего имени, милитаризма. До сихъ поръ мы видѣли лишь его первые и сравнительно робкіе шаги. Даже въ самой Германіи только за послѣднее время, подъ вліяніемъ неумолимыхъ требованій, созданныхъ блокадой, начинаетъ складываться тотъ новый общественный строй, который соотвѣтствуетъ нуждамъ вполнѣ созрѣвшаго военнаго государства. Строй этотъ обѣщаетъ стать классическимъ для культурнаго человѣчества грядущей исторической эпохи, и есть всѣ основанія думать, что торжество его обезпечено при всякомъ исходѣ войны. Только усвоивъ себѣ систему германскаго милитаризма, можно одолѣть Германію; въ еще большей степени это необходимо для того, чтобы использовать плоды побѣды.

Второй пассажиръ.

О какомъ **н о в о м ъ** строѣ вы говорите? Я вижу въ современной Германіи лишь окончательное упроченіе власти той самой реакціонной клики, которая пріобрѣла тамъ господство еще задолго до войны, — клики имперіалистовъ и шовинистовъ.

[illegible]

[illegible]

Тѣмъ не менѣе на мой **земной** взглядъ разница настолько велика, что я не располагаю даже словомъ для ея характеристики. Германія до войны была образчикомъ высоко развитаго капитализма. Тотъ общественно-экономическій укладъ, который начинаетъ формироваться въ ней во время войны, уже не есть, въ строгомъ смыслѣ слова, капитализмъ. За неимѣніемъ подходящаго термина я назвалъ бы его описательно „военно-государственной организаціей хозяйства".

Второй пассажиръ.

Теперь я, кажется, начинаю васъ понимать. Вы, очевидно, имѣете въ виду монополизацію государствомъ хлѣбной торговли, порціонную раздачу населенію, такъ называемаго „военнаго хлѣба" и т. п. Такого рода государственная организація хозяйства испоконъ вѣка практикуется комендантами осажденныхъ крѣпостей. Я слышалъ, правда, что въ Германіи нашлись остроумные соціалъ-демократы, привѣтствовавшіе эту мѣру, какъ шагъ къ соціализму. Но я никакъ не ожидалъ, чтобы эта наивность не по разуму усердныхъ нѣмецкихъ патріотовъ могла встрѣтить такой горячій откликъ въ комъ-либо изъ моихъ соотечественниковъ.

Первый пассажиръ.

„Хорошо смѣется тотъ, кто смѣется послѣднимъ", говорятъ наши союзники французы. А потому ваши сарказмы были бы дѣйствительнѣе, если бы вы сначала позволили мнѣ высказаться.

Второй пассажиръ.

Пожалуйста! Я только того и добиваюсь, чтобы вы наконецъ мотивировали вашъ странный скептицизмъ.

Первый пассажиръ.

Прежде всего не подлежитъ сомнѣнію, что система военно-государственнаго хозяйства, вводимая въ современной Германіи, отнюдь не ограничится тѣми временными мѣропріятіями, которыя, какъ вы изволили выразиться, „практикуются комендантами всѣхъ осажденныхъ крѣпостей". Въ частности, сосредоточеніе хлѣбной торговли въ рукахъ государства полезно и необходимо не только въ періодъ осады. Реформа эта давно уже проектировалась нѣмецкими аграріями, какъ единственный способъ обезпечить интересы крупнаго землевладѣнія, не возлагая непосильной тяжести на низшіе классы. Въ самомъ дѣлѣ, она даетъ возможность государству, пользуясь дешевымъ заграничнымъ хлѣбомъ, закупать зерно у отечественныхъ помѣщиковъ по очень высокимъ цѣнамъ и продавать его по цѣнамъ сравнительно умѣреннымъ.

Такимъ образомъ, и овцы оказываются цѣлы, и волки сыты, и опекающая тѣхъ и другихъ государственная казна остается далеко не въ накладѣ. Но хлѣбная монополія есть лишь одно изъ звеньевъ въ сложной цѣпи реформъ, направленныхъ къ государственному регулированію народнаго хозяйства Германіи. Сюда присоединяются: монополизація производства и распредѣленія электрической энергіи, табачная, спичечная и цѣлый рядъ другихъ монополій, охватывающихъ важнѣйшія отрасли хозяйственной жизни страны. Всѣ эти мѣропріятія частью уже разработаны и близки къ осуществленію, частью спѣшно разрабатываются. Вызванныя обстоятельствами военнаго времени, они, несомнѣнно, сохранятся и въ будущемъ, такъ какъ нѣтъ другого средства покрыть тотъ колоссальный ростъ государственныхъ расходовъ, который явится неизбѣжнымъ послѣдствіемъ войны.

Разъ вступивъ на путь такого рѣшительнаго огосударствленія производства и торговли, Германія быстро доведетъ этотъ процессъ до конца, до полнаго уничтоженія личнаго произвола въ хозяйственной жизни. Задача эта къ тому же существенно облегчается всѣмъ предшествующимъ развитіемъ Германіи. Еще до войны управленіе главными отраслями германской промышленности было сосредоточено въ рукахъ десятка крупнѣйшихъ банковъ, которые образуютъ, въ сущности, одну гигантскую организацію. Благодаря этому, государству нѣтъ надобности ни организовать заново національную промышленность, распыленную между многими самостоятельными предпринимателями, ни выкупать отдѣльныя предпріятія. Оно просто входитъ въ соглашеніе съ союзомъ банковъ-распорядителей, гарантируетъ имъ монополію и взамѣнъ этого получаетъ право высшаго контроля и нѣкоторую долю чистой прибыли.

Неизбѣжнымъ дальнѣйшимъ шагомъ явится сведеніе дивиденда и вообще частной предпринимательской прибыли къ опредѣленной фиксированной государствомъ, нормѣ, которая, при уничтоженіи элемента риска, естественно должна упасть до уровня процентовъ, приносимыхъ государственными бумагами. Такимъ образомъ, бывшіе предприниматели незамѣтно превращаются въ государственныхъ рантье, а все управленіе народнымъ хозяйствомъ переходитъ къ централизованному, дисциплинированному корпусу офицеровъ государственной промышленности, которые рекрутируются преимущественно изъ инженеровъ, банковыхъ дѣятелей и вообще изъ квалифицированнаго персонала теперешнихъ частныхъ предпріятій, отчасти же изъ рядовъ чиновной бюрократіи.

Второй пассажиръ.

Но можетъ ли быть такая бюрократическая организація производства достаточно жизнеспособной? Какъ общее правило, промышленность успѣшно функціонируетъ лишь постольку, поскольку

она оплодотворяется частнымъ почином ъ, личной творческой иниціативой. Это признаютъ даже наиболѣе толковые изъ соціалистовъ. Такъ, напримѣръ, по ученію фабіанца Гобсона, государственная организація примѣнима только къ нѣкоторымъ производствамъ, которые вслѣдствіе своихъ техническихъ особенностей сравнительно мало пострадаютъ отъ бюрократической рутины.

Первый пассажиръ.

Но вспомните, какова основная предпосылка Гобсона и подобныхъ ему теоретиковъ. Всѣ они разсматриваютъ экономическіе вопросы такъ, словно никакихъ другихъ силъ, кромѣ тенденцій внутренняго хозяйственнаго развитія страны, не существуетъ, словно мы имѣемъ передъ собой изолированное государство, которому извнѣ не грозитъ и не можетъ грозить никакихъ потрясеній. Тогда, разумѣется, государственная бюрократія неизбѣжно должна быть рутинной. Абсолютно гарантированная отъ всякихъ катастрофическихъ неожиданностей, она будетъ тормозить техническій и всякій иной прогрессъ; она будетъ избѣгать, какихъ бы то ни было, перемѣнъ, нарушающихъ безмятежное теченіе ея работы въ налаженныхъ формахъ, привычныхъ и милыхъ, какъ старый засаленный халатъ. Не забывайте, однако, что дѣло идетъ не просто о государственномъ, но о в о е н н о-государственномъ хозяйствѣ. Порожденный величайшей въ исторіи міра войной, грядущій строй поставитъ своей главной задачей готовиться къ новой войнѣ и энергіей этой подготовки держать въ уздѣ столь же энергичныхъ противниковъ, которые подстерегаютъ лишь удобный случай, чтобы обрушиться всѣми своими силами на оплошавшаго сосѣда. Международное военное соперничество послѣ войны, несомнѣнно, достигнетъ неслыханной, поистинѣ лихорадочной интенсивности, во много разъ превзойдетъ все то, что мы видѣли въ послѣднія десятилѣтія. Эта бодрящая напряженная атмосфера, этотъ благодѣтельный „гнетъ“ всепроникающаго милитаризма пришпорятъ бюрократическій штабъ промышленной арміи съ такой силой, какой никогда не въ состояніи достигнуть частный интересъ частнаго предпринимателя. Не надо къ тому же упускать изъ виду, что самое представленіе о военной готовности государства должно радикально измѣниться подъ вліяніемъ уроковъ текущей войны. Война показала, что нѣтъ такого закоулка въ народно-хозяйственной жизни, нѣтъ такого винтика въ колоссальномъ механизмѣ національной промышленности, которые были бы безразличны для военнаго могущества страны. И, повѣрьте, промышленная бюрократія будущаго приложитъ всѣ усилія къ тому, чтобы, елико возможно, форсировать темпъ хозяйственнаго прогресса. Она жадно будетъ ловить и осуществлять все, что создаетъ хотя бы ничтожное повышеніе производительности труда, вноситъ хотя бы незначительное усовершенствованіе въ организацію любой отрасли

народнаго хозяйства. Пора, давно пора оставить банальное противопоставленіе милитаризма мирной культурной работѣ. Если подъ „мирной культурной работой“ вы понимаете полусонное прозябаніе на лонѣ уже достигнутыхъ культурныхъ благъ, то, конечно, вы имѣете основаніе ненавидѣть милитаризмъ. Но если вы не на словахъ, а на дѣлѣ цѣните культурное творчество, неустанное движеніе впередъ, безбрежное расширеніе горизонтовъ, вы должны привѣтствовать грядущій милитаризмъ, какъ величайшую культурную силу.

Второй пассажиръ.

Я, къ сожалѣнію, не въ состояніи раздѣлить вашей вѣры въ культурное творчество бюрократіи, хотя бы и грядущей. Утѣшаетъ меня въ моемъ невѣріи лишь то, что на моей сторонѣ оказываются какъ разъ наиболѣе прогрессивные элементы наиболѣе прогрессивныхъ націй современнаго культурнаго міра. Вашъ прогнозъ имѣетъ нѣкоторую тѣнь правдоподобія только по отношенію къ искони бюрократической Германіи. Но онъ, очевидно, непримѣнимъ къ свободолюбивой Англіи, съ ея вѣковыми традиціями ничѣмъ не стѣсняемой частно-хозяйственной иниціативы, съ ея глубокимъ демократизмомъ. Ни англо-саксонская, ни романская раса не продадутъ своего первородства за чечевичную похлебку тѣхъ сомнительныхъ матеріальныхъ выгодъ, которыя сулитъ вашъ идеалъ универсальной бюрократизаціи.

Первый пассажиръ.

Что касается Англіи, то она — увы! — уже пожертвовала своими „вѣковыми традиціями“ въ интересахъ чечевичной похлебки и въ настоящій моментъ заботится лишь о томъ, чтобы похлебка эта была, какъ можно, обильнѣе и питательнѣе. Въ самомъ дѣлѣ, что такое „мобилизація промышленности“, съ такой энергіей и такимъ успѣхомъ осуществляемая Ллойдомъ-Джорджемъ? Развѣ это не та же самая система военно-государственной организаціи хозяйства? Англія позднѣе Германіи вступила на надлежащій путь, но тѣмъ рѣшительнѣе ея разрывъ съ прошлымъ.

Или вы думаете, что все это только на время войны, что послѣ побѣды надъ „германскимъ милитаризмомъ“ все снова вернется къ прежнему положенію? Нѣтъ ничего наивнѣе подобнаго рода надеждъ. Даже если бы Германія потерпѣла такой полный разгромъ, о какомъ мы мечтали въ началѣ войны, это отнюдь не привело бы ее къ необходимости разрушить военно-государственную организацію промышленности, [illegible] наоборотъ, заставило бы проводить эту организацію во всѣхъ сферахъ народной жизни съ особой неуклонностью и [illegible]. Ибо только такимъ путемъ она могла бы сосредоточить въ рукахъ своего правительства тѣ

колоссальныя средства и силы, которыя необходимы для того, чтобы успѣшно залѣчить ужасныя раны, нанесенныя войной народно-хозяйственному организму. Только такимъ путемъ она сумѣла бы быстро оправиться отъ пораженія и приступить къ накопленію новыхъ силъ для реванша, который въ этомъ случаѣ, конечно, сталъ бы завѣтной мечтой каждаго нѣмца.

Неужели же можно допустить хотя бы на минуту, что въ то время, какъ Германія, спаянная въ одинъ стальной механизмъ, будетъ планомѣрно и организованно подготовляться къ новому нападенію на Европу, Англія вернется къ прежней безпечности, распуститъ своихъ добровольцевъ безъ замѣщенія ихъ постояннымъ контингентомъ и демобилизуетъ промышленность въ угоду „вѣковымъ традиціямъ" личной свободы и самоопредѣленія? Конечно же, нѣтъ! Трудно было англо-саксонцамъ отказаться отъ традицій, и поздно пришли они къ убѣжденію въ необходимости съ ними покончить. Но разъ покончивъ, разъ совершивъ рѣшительный поворотъ на 180^0, они уже, навѣрное, не будутъ топтаться на мѣстѣ, но попытаются возможно скорѣе догнать и обогнать нѣмцевъ на новомъ поприщѣ.

Второй пассажиръ.

Позвольте, вы совершенно забываете о народныхъ массахъ, которыя въ Западной Европѣ представляютъ могучую организованную силу и съ наступленіемъ мира, конечно, не захотятъ покорно нести ярмо вашего военнаго государства. Я не думаю даже, чтобы нѣмецкіе соціалъ-демократы сохранили послѣ войны свою теперешнюю лояльность и согласились безропотно отдать себя на съѣденіе промышленной бюрократіи.

Первый пассажиръ.

Но никакого „съѣденія" и не предвидится. Какъ разъ наоборотъ. Въ числѣ многихъ мѣръ, направленныхъ къ улучшенію положенія рабочихъ, Германія вводитъ въ настоящее время реформу колоссальнаго значенія: государственное страхованіе отъ безработицы. Въ Англіи эта же реформа была обѣщана Ллойдомъ-Джорджемъ еще до войны. Принимая на себя обязанность ограждать рабочаго отъ бѣдствій безработицы, государство тѣмъ самымъ признаетъ безработицу не естественнымъ и необходимымъ явленіемъ, какъ это было до сихъ поръ, а случайной аномаліей, результатомъ оплошности, за которую оно беретъ отвѣтственность на себя. Отнынѣ въ своихъ же собственныхъ фискальныхъ интересахъ оно вынуждено возможно скорѣе и рѣшительнѣе исправить эту оплошность, уничтожить безработный резервъ промышленной арміи или, по крайней мѣрѣ, свести его къ минимальнымъ размѣрамъ. И, дѣйствительно, въ Германіи уже организованы государственныя биржи

труда, задача которыхъ — осуществить планомѣрное распредѣленіе наличныхъ рабочихъ силъ между различными отраслями промышленности. Такое государственное регулированіе предложенія труда является, очевидно, необходимымъ дополненіемъ къ бюрократизаціи производства: это тотъ фундаментъ, на которомъ только и можетъ быть воздвигнуто величественное зданіе военно-государственной организаціи хозяйства. Какъ видите, рабочій не только не „съѣдается" этой системой, но впервые обрѣтаетъ въ ней прочное и достойное положеніе. Рабочій перестаетъ быть объектомъ частной эксплоатаціи и становится носителемъ почетной государственной должности, какъ бы чиновникомъ низшаго ранга. Само собой разумѣется, онъ не будетъ пользоваться такой свободой, такъ много получать и такъ мало работать, какъ это ему рисовалось въ его наивныхъ мечтахъ о торжествѣ краснаго соціализма. Международное соперничество заставитъ военное государство внести въ ряды своей промышленной арміи строжайшую дисциплину и до конца использовать производительную силу каждой рабочей единицы. Однако именно въ интересахъ этого использованія здѣсь не можетъ быть допущено никакого чрезмѣрнаго гнета, никакихъ эксцессовъ эксплоатаціи, преждевременно изнашивающихъ организмъ труженика. Рабочій долженъ пользоваться матеріальнымъ довольствомъ, здоровьемъ, находиться въ бодромъ и жизнерадостномъ расположеніи духа, — только тогда государство дѣйствительно извлечетъ изъ него всю ту чистую прибыль, которую онъ въ состояніи создать въ теченіе своей трудовой жизни.

Конечно, безъ протестовъ дѣло не обойдется; не сразу помирятся рабочіе съ исторической неизбѣжностью. Однако надо надѣяться, что, въ концѣ концовъ, они оцѣнятъ преимущества новаго строя, который, хотя и далекъ отъ ихъ революціонныхъ утопій, но все же радикально устраняетъ наиболѣе существенные недостатки современнаго общества.

Но, быть можетъ, говоря о соціалъ-демократахъ, вы имѣли въ виду не только рабочія массы, но также ихъ вождей? И эти послѣдніе не внушаютъ мнѣ особенныхъ опасеній. Въ большинствѣ своемъ, дѣятели германскаго, какъ и англо-романскаго рабочаго движенія — вовсе не фанатики революціи, а очень трезвые политики, прекрасные, дѣльные и талантливые организаторы, которымъ найдется почетное мѣсто среди офицеровъ и генераловъ военно-промышленной арміи. Я не удивлюсь, если уже въ ближайшіе годы на казенныхъ квартирахъ многихъ Geheimrat'овъ водворятся „Genossen", которые до сихъ поръ пользовались казеннымъ помѣщеніемъ только тогда, когда отбывали тюремное наказаніе за неумѣренную агитацію.

Правда, останется небольшая, но энергичная группа непримиримыхъ: молодые энтузіасты типа пресловутаго Либкнехта да рядъ заслуженныхъ стариковъ, которые воспитались въ классическую эпоху марксизма, быть можетъ, помнятъ еще основателей Интерна-

ціонала и не въ состояніи отрѣшиться отъ своихъ романтическихъ воспоминаній. Эти люди, располагай они достаточнымъ вліяніемъ на массы, несомнѣнно, натворили бы большихъ бѣдъ. Я долженъ сознаться, что идея Интернаціонала стала бы особенно опасной именно въ ближайшіе годы послѣ войны, если бы ей удалось снова овладѣть умами рабочихъ. До сихъ поръ это была лишь благочестивая мечта. Теперь, когда разбужены такія исполинскія организующія силы, и пока онѣ еще не отлились въ прочныя формы, попытка революціонно настроенныхъ массъ использовать эти силы въ духѣ международнаго соціализма могла бы грозить серьезнѣйшими испытаніями самымъ основамъ государственнаго бытія отдѣльныхъ націй. Не было еще въ исторіи и, вѣроятно, долго не будетъ момента, объективно болѣе благопріятнаго для самыхъ дерзкихъ соціальныхъ опытовъ. Но, къ счастію, субъективно, психологически, такой оборотъ дѣла, повидимому, невозможенъ. Здоровый и бодрый патріотизмъ настолько глубоко проникъ въ сознаніе европейскихъ рабочихъ, что слащавая утопія международнаго братства и товарищества всѣхъ людей не скоро сможетъ вернуть себѣ былое обаяніе. А разъ періодъ лихорадочнаго переустройства пройдетъ благополучно и система военно-государственнаго хозяйства успѣетъ пустить прочные корни, поворотъ въ сторону Интернаціонала станетъ и объективно почти неосуществимымъ. Вотъ почему я позволяю себѣ надѣяться, что призывы интернаціоналистовъ не будутъ имѣть успѣха. Своими обличеніями — одинокими и безсильными — они, вѣроятно только увеличатъ ореолъ реформы, сыграютъ роль тѣхъ профессіональныхъ хулителей, которыхъ въ древнемъ Римѣ заставляли бѣжать за колесницей тріумфатора.

Какъ видите, я отнюдь не раздѣляю надеждъ наивныхъ людей, усматривающихъ въ мобилизаціи промышленности шагъ къ соціализму въ обычномъ, революціонномъ, смыслѣ этого слова. Я привѣтствую новый строй не какъ шагъ къ соціальной революціи, а какъ гранитный оплотъ противъ нея. Исчезаетъ все, что такъ долго питало соціальную ненависть, такъ упорно разжигало революціонныя страсти: необезпеченность рабочихъ, случайныя колебанія конъюнктуры, катастрофическіе кризисы, банкротства, безработица. Создается планомѣрная, отъ всякихъ потрясеній гарантированная организація хозяйства и мудро уравновѣшенная общественная іерархія, которая каждому отводитъ достойное мѣсто и даетъ ровно столько благъ, сколько соотвѣтствуетъ его дѣйствительной цѣнности для государства и общества. Стройная лѣстница промышленно государственныхъ должностей объемлетъ всѣхъ безъ исключенія членовъ націи, соединяетъ посредствомъ ряда нечувствительныхъ переходовъ послѣдняго рабочаго и перваго сановника въ одно гармоническое цѣлое. Можно надѣяться, что эта благодѣтельная система упорядоченнаго и облагороженнаго неравенства надолго, если не навсегда, очиститъ горизонтъ Европы отъ революціонныхъ утопій всеобщаго

поравненія, отъ того краснаго призрака, который еще такъ недавно грозилъ намъ очень реальной опасностью.

Второй пассажиръ.

Не слишкомъ ли дорогой цѣной хотите вы оградить Европу отъ краснаго призрака? Всеохватывающій бюрократизмъ подавитъ индивидуальную свободу не только въ хозяйственной сферѣ, но и во всѣхъ прочихъ областяхъ жизни, гдѣ она до сихъ поръ гарантировалась демократическими учрежденіями и почиталась краеугольнымъ камнемъ всякой истинной культуры. Развѣ возможно представить себѣ, что парламентаризмъ, отвѣтственность исполнительной власти передъ народнымъ представительствомъ, свобода устнаго и печатнаго слова, свобода собраній и организацій не потерпятъ никакого ущерба въ вашемъ военномъ государствѣ? А если имъ будетъ угрожать хоть малѣйшая опасность, то неужели вы думаете, что западно-европейскіе народы, потратившіе столько силъ, пролившіе столько крови ради завоеванія демократическихъ учрежденій, не встанутъ, какъ одинъ человѣкъ, на ихъ защиту?

Первый пассажиръ.

Военно-государственная система хозяйства сама является совершеннѣйшей изъ всѣхъ возможныхъ демократій, ибо въ ней нѣтъ ни кастовыхъ, ни сословныхъ, ни классовыхъ перегородокъ, и, въ идеѣ, всякій солдатъ при достаточномъ талантѣ и достаточной научной подготовкѣ можетъ дослужиться до фельдмаршала. Тѣмъ не менѣе парламентъ и другія демократическія учрежденія стараго порядка должны, дѣйствительно, частью измѣнить свой характеръ, частью атрофироваться вовсе. Однако я не думаю, чтобы этотъ неизбѣжный процессъ вызвалъ въ обществѣ какія-либо серьезныя волненія или потрясенія. Ибо, съ одной стороны, съ измѣненіемъ структуры общества многіе интересы, охранявшіеся до сихъ поръ демократическими учрежденіями, утратятъ свою остроту; съ другой стороны, необходимыя перемѣны произойдутъ незамѣтно, какъ бы сами собой, безъ всякихъ правительственныхъ декретовъ, отмѣняющихъ традиціонныя свободы, — однимъ словомъ, безъ одіознаго привкуса, такъ называемой, политической „реакціи“.

Такъ, напримѣръ, парламентаризмъ, очевидно, теряетъ значительную долю своего смысла. Этотъ типъ государственной организаціи цѣлесообразенъ лишь при такомъ соціальномъ строѣ, когда хозяйственная жизнь есть свободная игра частнаго предпринимательства, а правительство призвано лишь охранять тѣ общія нормы, которыми регулируются возникающія отсюда столкновенія личныхъ или групповыхъ интересовъ. Самое установленіе этихъ нормъ, естественно, нельзя довѣрить правительству, занимающему столь

скромное мѣсто въ соціальной структурѣ страны. Съ нѣкоторою надеждою на успѣхъ эта задача можетъ быть поручена только представителямъ всѣхъ хозяйственно-самостоятельныхъ и хозяйственно-творящихъ индивидуумовъ. Отсюда полновластіе демократически избраннаго парламента и политическая отвѣтственность передъ нимъ министерства. Но положеніе дѣлъ радикально мѣняется, разъ государство беретъ на себя всю организацію хозяйства и проводитъ эту организацію планомѣрно въ интересахъ цѣлаго, устраняя тѣмъ самымъ почву для глубокихъ индивидуальныхъ конфликтовъ или классовыхъ противорѣчій. Тогда такія важныя функціи современныхъ парламентовъ, какъ соціальное законодательство, какъ регулированіе имущественныхъ правоотношеній гражданъ, частью переходятъ къ бюрократіи, частью утрачиваютъ свое значеніе и совершенно ликвидируются за ненадобностью. За парламентомъ сохранится, главнымъ образомъ, функція контроля надъ администраціей.

Вмѣстѣ съ тѣмъ и внѣшнія формы парламентской дѣятельности должны существенно измѣниться. Уже теперь матеріалъ, поступающій въ парламентъ при разсмотрѣніи бюджета, настолько обширенъ, что главную работу этого рода приходится вести въ комиссіяхъ, а не въ общихъ засѣданіяхъ. Съ превращеніемъ въ государственныя учрежденія всѣхъ промышленныхъ предпріятій матеріалъ этотъ еще во много разъ увеличится. Съ другой стороны, тѣснѣйшая связь между постановкой дѣла въ различныхъ отрасляхъ государственнаго хозяйства и военной подготовленностью страны явится вполнѣ понятнымъ мотивомъ къ тому, чтобы закрыть двери большинства комиссіонныхъ и многихъ пленарныхъ засѣданій палаты. Такимъ образомъ, большіе парламентскіе дни, яркіе дебаты, живымъ эхомъ прокатывающіеся по странѣ, все болѣе и болѣе будутъ отходить въ область преданій. Публичныя засѣданія, какъ это мы уже наблюдаемъ въ наше военное время, станутъ очень рѣдкими и будутъ созываться лишь для того, чтобы передать народу итоги и выводы закулисной работы его избранниковъ, т. е. или прокричать существующему порядку „ура", или сообщить объ исправленіи его погрѣшностей. Парламентъ, оставаясь высоко полезнымъ и необходимымъ учрежденіемъ, приметъ чисто дѣловой характеръ, перестанетъ быть центромъ сенсацій, средоточіемъ постояннаго и напряженнаго вниманія, что, конечно, послужитъ ему лишь на пользу, ибо оттолкнетъ отъ него профессіональныхъ политикановъ, претендующихъ на роль народныхъ трибуновъ, а, наоборотъ, привлечетъ на его скамьи людей реальнаго дѣла, чуждыхъ красивыхъ фразъ и несбыточныхъ мечтаній.

Такому дѣловому оздоровленію атмосферы народнаго представительства должно сильно поспособствовать также ослабленіе партійной борьбы, неизбѣжное при послѣдовательномъ осуществленіи системы военно-государственнаго хозяйства. Конечно, нѣкоторыя политическія разногласія останутся навсегда, и всегда они будутъ

дѣлить граждан на спорящія группы или, если хотите, партіи. Но когда устранятся тѣ глубокія общественныя противоположности, которыя мы наблюдаемъ между дворянскимъ и торгово-промышленнымъ сословіемъ, между этимъ послѣднимъ и рабочимъ классомъ, когда всѣ граждане превратятся въ членовъ единой національной іерархіи, то исчезнутъ непримиримыя политическія позиціи. Останутся лишь сравнительно второстепенныя разномыслія относительно средствъ, технически наиболѣе пригодныхъ для достиженія общей всѣмъ цѣли. И, само собой разумѣется, люди, разномыслящіе по одному такому техническому вопросу, всегда окажутся солидарными по многимъ другимъ. Поэтому разслоеніе гражданъ на устойчивыя партіи, несогласныя между собой по всѣмъ важнѣйшимъ вопросамъ политики, на партіи съ, такъ называемыми, политическими „программами“, не будетъ уже больше имѣть мѣста. А въ связи съ этимъ становится ненужной и даже невозможной политическая отвѣтственность министерства, обязующая его хранить вѣрность программѣ господствующей въ парламентѣ партіи. При единой общенаціональной программѣ вѣрность ей подразумѣвается сама собой, — невѣрность будетъ уже квалифицироваться не какъ политическое разномысліе а какъ государственная измѣна, — и фактически отвѣтственность правительства передъ парламентомъ неизбѣжно сведется къ отвѣтственности за умѣлое и добросовѣстное выполненіе этой общепризнанной программы.

Намекъ на эти новыя отношенія даютъ намъ, такъ называемыя, „коалиціонныя министерства“, т. е. министерства, составленныя изъ лучшихъ представителей всѣхъ партій и призванныя вести не партійно-программную, а безпартійную и безпрограммную, или, лучше сказать, межпартійную и межпрограммную, „дѣловую“ политику. Коалиціонныя министерства всегда знаменуютъ собой крахъ парламентаризма. Обычно они возникаютъ въ парламентарныхъ странахъ лишь въ томъ случаѣ, если ни одна изъ партій не обладаетъ достаточной силой для того, чтобы навязать государству свою программу. Тѣмъ знаменательнѣе образованіе коалиціоннаго министерства въ современной Англіи, въ моментъ, когда господствующая партія располагала солиднымъ большинствомъ, вполнѣ достаточнымъ для твердаго управленія рулемъ государственнаго корабля. Говорятъ, что Англія рѣшила пожертвовать традиціей парламентаризма — одною изъ самыхъ старыхъ и самыхъ священныхъ своихъ традицій! — лишь на военное время и лишь для того, чтобы демонстрировать единство націи въ колоссальной работѣ внутренняго переустройства, необходимаго въ интересахъ войны. Но это внутреннее переустройство какъ разъ и есть введеніе той военно-государственной организаціи, которая подрываетъ почву подъ парламентарнымъ строемъ, и которую, какъ я уже говорилъ, отнюдь нельзя будетъ ликвидировать по окончаніи войны, а, наоборотъ, придется всемѣрно укрѣплять и развивать. Если Англія и вернется къ системѣ партійнаго

управленія страной, то это бабье лѣто парламентаризма не будетъ ни яркимъ, ни продолжительнымъ. Во всякомъ случаѣ, англійское коалиціонное министерство есть поучительнѣйшій симптомъ или, если хотите, „прообразъ“ грядущаго.

Итакъ, насколько я могу судить, приведеніе парламентаризма въ соотвѣтствіе съ новыми потребностями произойдетъ мирно и безболѣзненно, безъ всякаго насилія сверху, путемъ мудраго самоограниченія, отрадные примѣры котораго мы наблюдаемъ уже въ настоящее время. То же самое я сказалъ бы о свободѣ ассоціацій и всѣхъ прочихъ „свободахъ“. Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что культурно-просвѣтительныя ассоціаціи встрѣтятъ со стороны бюрократіи новаго строя всяческую поддержку. Что же касается обществъ и союзовъ соціально-политическаго или экономическаго характера, то имъ, аналогично парламенту, придется пережить процессъ извѣстнаго приспособленія. Такіе общественные союзы, какъ кооперативы, будутъ просто инкорпорированы военно-промышленной организаціей государства. Профессіональные союзы также войдутъ въ ея составъ съ нѣсколько измѣненнымъ характеромъ, — къ чему въ Германіи уже намѣчаются практическіе шаги. Все, что общественныя организаціи потеряютъ въ свободѣ, внѣшней декоративной яркости и не всегда здоровой экспансивности своихъ проявленій, будетъ имъ сторицею возмѣщено посредствомъ колоссальнаго роста ихъ матеріальнаго могущества, ихъ силы и авторитета.

Второй пассажиръ.

Въ самомъ дѣлѣ, какая умилительная картина! Все такъ благоустроено, такъ точно разсчитано, такъ непогрѣшимо урегулировано, что упраздняются за ненадобностью всякіе принципы, программы, всякія общія идеи. Умственная пища этого счастливаго человѣчества сводится къ обсужденію „техническихъ разномыслій“, которыя, конечно, отнюдь не возбуждаютъ нездоровой экспансивности, но, благополучно разрѣшаясь, даютъ бодрое дѣловое настроеніе, хорошій аппетитъ и безмятежный сонъ. Но подумали ли вы о томъ, на какую ужасную духовную смерть обрекаются благодушествующіе обитатели этой великолѣпной національной казармы? Гдѣ здѣсь мѣсто великимъ томленіямъ духа, порывамъ мятущейся совѣсти, тоскѣ по нездѣшнему идеалу, религіозному подвижничеству и религіозному вдохновенію, — всему тому, чѣмъ былъ до сихъ поръ живъ человѣкъ, достойный этого имени?!

Первый пассажиръ.

Если вы согласны признавать религіозную и вообще духовную жизнь только тамъ, гдѣ все преисполнено тоски, смятенія и томленія, то шансы духа въ нарождающемся европейскомъ обществѣ, дѣй-

ствительно, не блестящи. Мнѣ кажется, однако, что высшія духовныя отправленія и, въ частности, религіозныя вѣрованія вовсе не обязательно связаны съ перечисленными вами признаками. Я боюсь даже, что столь любезныя вамъ „мятущіяся порыванія“ въ дѣйствительности характерны только для одной религіозной разновидности: для, такъ называемыхъ, исканій новѣйшей русской интеллигенціи. Если же отрѣшиться отъ этого специфически россійскаго пониманія религіи, то нельзя не признать, что грядущее общество представитъ очень благопріятную почву для расцвѣта духовно-религіозной жизни. Напряженное военное и промышленное соперничество породитъ героическое національное самосознаніе; могучая общественная іерархія разбудитъ и укрѣпитъ вѣру въ авторитеты. Какъ и весь строй жизни, религіозность будущаго должна быть, разумѣется, бодрой и и могущественной. Гражданинъ военно-промышленнаго государства долженъ вѣрить, что, доблестно неся обязанности работника и солдата, онъ тѣмъ самымъ уже выполняетъ свое высшее религіозное призваніе, строитъ подлинное царство Божіе. Онъ долженъ вѣрить, далѣе, что его народъ Самимъ Богомъ призванъ къ владычеству, что промышленное или военное покореніе другихъ націй не только матеріально выгодно и пріятно для самолюбія, но диктуется нравственной обязанностью, божественной миссіей народа-избранника.

Второй пассажиръ.

Я не буду съ вами спорить относительно Западной Европы. У нѣмцевъ уже теперь національное самомнѣніе приняло, если и не религіозный въ подлинномъ смыслѣ слова, то, во всякомъ случаѣ, демоническій характеръ. Но всякій, кто хоть сколько-нибудь знакомъ съ духомъ нашего народа, скажетъ вамъ, что русскій вѣрующій человѣкъ не способенъ религіозно воспринять этой національной гордыни, но всегда отнесется къ ней какъ къ бѣсовскому навожденію и величайшему кощунству. Да и независимо отъ соображеній религіознаго порядка, прогнозъ вашъ къ Россіи уже никакъ не можетъ быть примѣненъ. Правда, бюрократизма и военнаго духа у насъ болѣе, чѣмъ достаточно. Но можно ли говорить о военно-государственной организаціи хозяйства въ странѣ, четыре пятыхъ которой — мелкіе крестьяне-собственники?

Первый пассажиръ.

Вотъ противъ этого, дѣйствительно, трудно спорить. Здѣсь, дѣйствительно, трагедія, омрачающая всѣ мои историческія предвкушенія. . . . .

. . . .

. . Тутъ поѣздъ подошелъ къ узловой станціи; оба пассажира бросились разыскивать носильщиковъ, и разговоръ прекратился.

В. Плуталовъ.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

БАЛКАНСКІЯ ДѢЛА.

I.

За послѣдніе мѣсяцы въ ряду вопросовъ, привлекавшихъ къ себѣ общественное вниманіе, одно изъ первыхъ мѣстъ занимали событія, развертывающіяся на Балканахъ: разрывъ Болгаріи съ четвернымъ согласіемъ, наступленіе австро-германскихъ и болгарскихъ армій въ Сербіи, колебанія Греціи. Начиная съ сентября, туда, на Балканы, перемѣстился центръ тяжести стратегическихъ операцій; туда же были направлены и главныя усилія дипломатіи обѣихъ борющихся группъ державъ. Балканскій кризисъ оттѣснилъ на задній планъ и перипетіи внутренней борьбы въ отдѣльныхъ государствахъ, и даже событія на главныхъ театрахъ военныхъ дѣйствій, что уже приходится признать явленіемъ довольно необычнымъ.

Такой повышенный интересъ къ Балканскимъ дѣламъ вполнѣ оправдывается тѣмъ значеніемъ, какое имѣетъ исходъ военныхъ и дипломатическихъ дѣйствій на Балканахъ для развитія, — а, можетъ быть, и для конечныхъ результатовъ, — переживаемаго нами общеевропейскаго пожара. Разумѣется, побѣда центральныхъ державъ на Балканскомъ театрѣ войны еще не означаетъ ихъ полнаго торжества; но, во всякомъ случаѣ, она даетъ имъ весьма значительныя преимущества, устраняетъ съ ихъ пути весьма серьезныя препятствія, наноситъ весьма чувствительный ударъ дѣлу четверного согласія.

Прежде всего успѣхъ на Балканахъ возстанавливаетъ непосредственную связь между Австріей и Германіей, съ одной стороны, и Турціей — съ другой. Съ первыхъ же мѣсяцевъ участія Турціи въ войнѣ пресса согласія не уставала твердить изо дня въ день о близкомъ, о наступающемъ, о совершившемся наконецъ развалѣ Оттоманской имперіи. Эти выводы прессы основывались на очень скудномъ конкретномъ матеріалѣ и свидѣтельствовали больше о желаніяхъ и ожиданіяхъ читательской массы, для которой предназначались, чѣмъ о положеніи дѣлъ въ Турціи. Тѣмъ не менѣе предположенія о внутреннемъ кризисѣ въ Турціи, о близости ея къ сепаратному миру должны были представляться a priori до-

вольно правдоподобными. Дезорганизація турецкаго государственнаго механизма, событіями послѣднихъ лѣтъ (рядомъ государственныхъ переворотовъ, мѣстныхъ возстаній, Триполитанской войной, Балканской войной) не укрѣпленнаго, а расшатаннаго; финансовое оскудѣніе, дѣлавшее необходимымъ непрерывный притокъ средствъ изъ Германіи; недостаточное военно-техническое оборудованіе и т. п., и т. п., — все это заставляло относиться скептически къ силѣ и къ длительности сопротивленія Турціи. Но такъ обстояло дѣло только до возстановленія непосредственныхъ сношеній Турціи съ ея центрально-европейскими союзницами. Какъ только эти сношенія возобновились, такъ должны были сами собою исчезнуть и всѣ надежды на сепаратный миръ съ Турціей, на ея измѣну Германіи и Австріи.

Вмѣстѣ съ тѣмъ должны были скрыться съ политическаго горизонта, — надолго, . . . расцвѣтшія столь пышно и столь преждевременно мечтанія о Царьградѣ, объ обладаніи проливами. Мало того, какова бы ни была судьба проливовъ послѣ войны, захватъ ихъ державами согласія сейчасъ, вовремя войны, имѣлъ бы для нихъ большое стратегическое и экономическое значеніе, облегчивъ снабженіе Россіи военными матеріалами и вывозъ изъ Россіи русскаго сырья. Пожалуй, „прорывъ“ черезъ Дарданеллы былъ не менѣе важенъ для державъ согласія, чѣмъ „прорывъ“ черезъ Балканы для Германіи и Турціи.
. . . .
Какъ извѣстно, въ Англіи вопросъ о смыслѣ продолженія Дарданельской операціи послѣ успѣха Германіи на Балканахъ былъ поставленъ лицами весьма компетентными (между прочимъ — командующимъ Галипольской арміей); и если онъ не рѣшенъ въ отрицательномъ смыслѣ, то, повидимому, не столько изъ стратегическихъ, сколько изъ политическихъ соображеній. Уходъ съ Галипольскаго полуострова былъ бы тяжкимъ ударомъ для англійскагопрестижа на Востокѣ. Естественно, что при такихъ условіяхъ англійское правительство рѣшило воздержаться отъ ликвидаціи, — по крайней мѣрѣ, до тѣхъ поръ, пока размѣры успѣха Балканской операціи центральныхъ державъ еще не вполнѣ опредѣлились. . . . .
. . Уже перечисленныхъ результатовъ Балканскаго „прорыва“ достаточно, чтобы уяснить себѣ его стратегическій и политическій вѣсъ. . . Но значеніе дипломатическихъ и военныхъ успѣховъ центральныхъ державъ на Балканахъ этимъ не ограничивается. При сравнительной оцѣнкѣ силъ двухъ борющихся группъ державъ въ плюсъ австро-германской группѣ ставится обычно болѣе высокій уровень техники и организованности, — словомъ, извѣстныя культурныя преимущества; въ минусъ — относительный недостатокъ первичныхъ матеріаловъ: въ первую очередь людского запаса, затѣмъ питательныхъ веществъ, нако-

нецъ всякаго рода сырья (хлопка, шерсти, мѣди и т. д.). И вотъ какъ разъ въ этомъ отношенiи событiя на Балканахъ, безспорно, измѣняютъ положенiе центральныхъ державъ къ лучшему.

Во-первыхъ, германская и австрiйская армiи уже и сейчасъ непосредственно усилены присоединенiемъ къ нимъ болгарскихъ войскъ. По статистикѣ до-военнаго времени болгарская армiя исчислялась въ 280 000; но весьма вѣроятно, что и Болгарiя, подобно прочимъ воюющимъ странамъ, несмотря на истощенiе въ войнахъ 1912—13 годовъ сможетъ дать при извѣстномъ напряженiи значительно больше. Во-вторыхъ, Германiя получаетъ возможность использовать въ болѣе полной мѣрѣ рессурсы Турцiи, до сихъ поръ, какъ утверждаютъ военные спецiалисты, использованные лишь весьма слабо вслѣдствiе правительственной дезорганизацiи Оттоманской имперiи. Населенiе Турцiи (свыше 21 000 000) впятеро превосходитъ населенiе Болгарiи; но, разумѣется, дѣлать отсюда выводы о возможныхъ размѣрахъ будущей „германо-турецкой“ армiи не приходится, ибо различные элементы населенiя имперiи могутъ быть привлечены къ несенiю воинской повинности далеко не въ одинаковой мѣрѣ. Какъ бы то ни было, кое-что сдѣлать здѣсь въ желательномъ для Германiи и Турцiи направленiи еще возможно. . . . .

Гораздо меньше обѣщаетъ Ближнiй Востокъ Германiи и Австрiи въ отношенiи сырья. Здѣсь точные подсчеты еще болѣе рискованны, чѣмъ въ вопросѣ о людскомъ матерiалѣ. Но все же по цифрамъ турецкаго экспорта дозволительно до извѣстной степени судить о возможныхъ запасахъ сырья въ Турцiи. По всей видимости, Германiя сможетъ получить изъ Турцiи кое-что въ пополненiе испытываемаго ею недостатка въ продовольственныхъ средствахъ. Скотъ, животные продукты, зерно, плоды составляютъ, вмѣстѣ взятые, главную статью турецкаго экспорта (свыше 8 000 000 фунтовъ стерлинговъ въ 1910—11 годахъ). Вывозила также Турцiя шерсть. Возможно, что при содѣйствiи германскаго капитала она сможетъ повысить нѣсколько добычу мѣди и нефти и начнетъ снабжать ими Германiю. Но послѣднее уже весьма проблематично (особенно во время войны), и врядъ ли Германiя въ этомъ отношенiи очень разсчитываетъ на помощь Турцiи.

Подводя итоги тѣмъ положительнымъ съ германо-австрiйской точки зрѣнiя результатамъ, какiе обѣщаетъ центральнымъ державамъ ихъ успѣхъ на Балканахъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, слѣдовательно, итоги мотивамъ ихъ Балканской экспедицiи, приходится упомянуть еще объ одномъ, весьма вѣскомъ для правительствъ Германiи и Австрiи, соображенiи. Поскольку въ Англiи они видятъ душу анти-германской коалицiи, главную движущую силу согласiя, Англiя для нихъ — главный врагъ. Но этотъ врагъ въ то же время недосягаемъ. Германо-австро-турецкiя войска могутъ наносить пораженiя и Россiи, и Францiи; добраться до Англiи, со-

крушить ея силу они не могутъ, пока на морѣ господствуетъ британскій флотъ. А до тѣхъ поръ, пока Англія остается неприкосновенной, побѣда центральныхъ державъ не можетъ дать всѣхъ результатовъ, къ какимъ онѣ стремятся. Ибо Англія будетъ попрежнему имѣть въ рукахъ въ видѣ блокады германскихъ береговъ мощное орудіе давленія на Германію, Германія же противъ Англіи будетъ безсильна. Это соображеніе заставляетъ германскихъ стратеговъ и политиковъ искать уязвимый пунктъ, больное мѣсто Англіи. Такой уязвимый пунктъ, собственно говоря, давно уже найденъ: это — Египетъ. Индія слишкомъ далека. Походъ въ Индію черезъ всю Переднюю Азію, черезъ Анатолію, Месопотамію, Персію былъ бы предпріятіемъ слишкомъ грандіознымъ, почти фантастическимъ. Другое дѣло — походъ на Египетъ. Онъ казался настолько осуществимымъ, что попытка въ этомъ направленіи была сдѣлана турецкой арміей, даже безъ существенной помощи со стороны Германіи, въ самомъ началѣ войны. Эта попытка закончилась полнымъ фіаско; но нѣтъ достаточныхъ основаній для увѣренности въ томъ, что ея повтореніе съ участіемъ германскихъ силъ, германской артиллеріи, подъ личнымъ руководствомъ Макензена или какого-либо иного германскаго генерала, останется столь же безрезультатнымъ. А если есть хотя бы незначительные шансы на успѣхъ, опытъ долженъ быть сдѣланъ, такъ какъ къ концу войны Германіи необходимо держать въ рукахъ какое-либо изъ цѣнныхъ англійскихъ владѣній и этимъ парировать давленіе англійскаго флота.

II.

Для достиженія германо-австро-турецкихъ цѣлей на Балканахъ было необходимо присоединеніе Болгаріи къ этому новому тройственному союзу. Безъ соглашенія съ Болгаріей одного разгрома Сербіи было еще недостаточно, чтобы установить непосредственную связь между центральными державами и Турціей. Въ эту сторону, — въ сторону Болгаріи, — и были съ самаго начала направлены усилія австрійской и германской дипломатіи. Но, разумѣется, значеніе Болгаріи ясно сознавалось и въ противоположномъ лагерѣ. Болгарія являлась поэтому до послѣдняго момента, до своего выступленія, объектомъ самаго откровеннаго, самаго беззастѣнчиваго торга между дипломатіями обѣихъ группъ воюющихъ державъ, съ одной стороны, и собственнымъ болгарскимъ правительствомъ — съ другой. Интересы болгарскихъ народныхъ массъ, истощенныхъ двумя балканскими войнами, принимались при этомъ въ расчетъ лишь постольку, поскольку со стороны этихъ массъ можно было ждать отпора той или иной правительственной авантюрѣ. Но возможенъ ли былъ такой отпоръ? . .

. . . .

. . . .
. . . . Слабость буржуазныхъ группъ, заинтересованныхъ въ военной авантюрѣ, отнюдь не облегчала здѣсь задачъ оппозиціи войнѣ, ибо эта слабость, дополняемая безсиліемъ демократическихъ слоевъ, превращала номинальный болгарскій парламентаризмъ въ фикцію и передавала фактически всю власть въ руки правящей камарильи.

Несмотря на всѣ эти соображенія, пресса согласія возлагала на болгарскій народъ нѣкоторыя надежды. Не въ томъ смыслѣ, конечно, что онъ воспротивится рѣшительно всякимъ попыткамъ вовлечь Болгарію въ войну, а въ томъ, что онъ не пойдетъ воевать противъ согласія. Война на сторонѣ согласія, наоборотъ, вполнѣ соотвѣтствуетъ, по мнѣнію этой прессы, интересамъ болгарскаго народа. Надежды эти основывались на двухъ положеніяхъ: во-первыхъ, на славянскомъ родствѣ болгаръ съ русскими; во-вторыхъ, на благодарности, которую болгары должны питать къ Россіи за свое освобожденіе. О первой идеѣ говорить долго не приходится. Ни близость языковъ, ни близость историческихъ судебъ за много вѣковъ до настоящаго момента не могутъ, конечно, вліять сколько-нибудь существенно на политическія настроенія народныхъ массъ. Что касается до родства въ смыслѣ культурной зависимости, то эта послѣдняя ясно сознается въ тонкомъ слоѣ болгарской интеллигенціи, но врядъ ли доступна пониманію общественныхъ низовъ. Остается, слѣдовательно, благодарность, какъ факторъ международныхъ отношеній. Само собою разумѣется, что международныя отношенія опредѣляются болѣе реальными мотивами. Но, сверхъ того, необходимо принять во вниманіе слѣдующее.

Болгарія, конечно, создана какъ особое государство въ результатѣ Русско-Турецкой войны. Однако вѣдь было бы чрезмѣрной идеализаціей утверждать, что Россія не преслѣдовала нѣкоторыхъ собственныхъ политическихъ цѣлей. Достигнуть ихъ осуществленія полностью Россіи не удалось, во-первыхъ, вслѣдствіе противодѣйствія западно-европейскихъ державъ, во-вторыхъ, какъ разъ вслѣдствіе того, что Болгарія съ первыхъ же шаговъ своего существованія начала проявлять склонность къ фактической, а не номинальной только независимости дѣйствій. . . . . .
. . . .
. . . . Такъ создалась почва для руссофобскихъ настроеній въ Болгаріи, которыя подъ вліяніемъ дальнѣйшихъ дѣйствій русской дипломатіи на Балканахъ только усиливались. Затѣмъ Россія, опять-таки въ своихъ политическихъ интересахъ, нѣсколько смягчила свое отношеніе къ Болгаріи. Наступилъ новый періодъ сближенія между освободительницей и освобожденной, но это сближеніе закончилось еще болѣе рѣзкимъ разрывомъ. Кого бы мы ни считали виновникомъ второй Бал-

канской войны 1913 года, но въ сознаніи болгарскихъ массъ не могло не запечатлѣться различное отношеніе Россіи въ этотъ періодъ къ Болгаріи и къ ея противникамъ. И само собою разумѣется, что дѣятельность русской дипломатіи . . . . .
. . . .
. . . . не содѣйствовала повышенію популярности имени Россіи среди болгаръ.

Такимъ образомъ, надежды на народный протестъ, который прогрессивная европейская пресса столь строго осуждаетъ у себя дома и къ которому она недвусмысленно призывала на Балканахъ, были, въ сущности, весьма и весьма сомнительны. Дипломаты обѣихъ группъ державъ, предоставивъ прессѣ апеллировать къ народной благодарности, къ славянскимъ чувствамъ и т. п., оперировали съ совершенно иными, болѣе вѣскими аргументами и обращались съ ними не къ народнымъ массамъ, а къ правящимъ группамъ. Что же предлагали они Болгаріи?

1913 годъ нанесъ великодержавнымъ мечтамъ болгарскихъ правителей рядъ тяжелыхъ ударовъ. Во-первыхъ, Болгаріи пришлось поступиться въ пользу Сербіи и Греціи всей Македоніей и западной частью Ѳракійскаго побережья. Во-вторыхъ, ей пришлось вернуть обратно Турціи завоеванный съ такимъ трудомъ Адріанополь и участокъ желѣзной дороги, соединяющій коренную Болгарію съ Эгейскимъ побережьемъ. Наконецъ она уступила Румыніи часть болгарской Дубруджи. Въ этихъ трехъ направленіяхъ и должны были явнымъ образомъ идти предложенія дипломатовъ. Конечно, одна группа шла дальше въ одномъ направленіи, другая — въ другомъ. Державы согласія охотно соглашались уступить Болгаріи турецкую Ѳракію съ Адріанополемъ до линіи Эносъ-Мидія, ибо они вели съ Турціей войну. Въ то же время онѣ убѣждали Румынію отказаться въ пользу Болгаріи отъ Добруджи, а Грецію — отъ Кавалы и Драмы, обѣщая компенсаціи первой за счетъ Австріи, второй — за счетъ Турціи. Зато въ отношеніи сербской Македоніи онѣ были далеко не такъ щедры. Въ началѣ ихъ обѣщанія носили здѣсь совершенно неопредѣленную форму. Затѣмъ, подъ вліяніемъ, такъ сказать, усилившейся конкуренціи со стороны центральныхъ державъ, эти обѣщанія все болѣе и болѣе расширялись и конкретизировались. Но до самаго выступленія Болгаріи согласіе не могло гарантировать ей всей сербской Македоніи, на чемъ болгарское правительство рѣшительно настаивало.

Дипломатія центральныхъ державъ, наоборотъ, очень охотно обѣщала Болгаріи сербскія территоріи: вѣдь съ точки зрѣнія Австріи и Германіи раздѣлъ Сербіи представляется идеальнымъ рѣшеніемъ сербскаго вопроса. Онѣ соглашались поэтому признать за Болгаріей право не только на всю Македонію, но и на значительныя части Старой Сербіи. Болѣе затруднительнымъ

представлялось для австро-германскихъ дипломатовъ урегулированіе болгаро-турецкаго вопроса. Но и здѣсь имъ удалось, въ концѣ концовъ, достигнуть извѣстнаго компромисса, пріемлемаго для обѣихъ сторонъ и легшаго въ основаніе болгаро-турецкаго соглашенія. По этому соглашенію Адріанополь остается за Турціей, а весь правый берегъ р. Марицы съ желѣзнодорожной линіей, связывающей Болгарію съ ея единственнымъ и болѣе или менѣе удобнымъ портомъ на Эгейскомъ морѣ, Дедеагачемъ, перешелъ къ Болгаріи. По нѣкоторымъ свѣдѣніямъ, недостаточно достовѣрнымъ, хотя и идущимъ изъ авторитетнаго источника, Германіей была, сверхъ всего прочаго, обѣщана Болгаріи и греческая часть Македоніи. Это представляется мало-правдоподобнымъ, ибо Германія была, какъ увидимъ ниже, очень заинтересована въ нейтралитетѣ Греціи, и отталкивать отъ себя Грецію для нея не было смысла. Гораздо вѣроятнѣе, что Болгаріи предлагалось овладѣть для округленія ея территоріи нѣкоторою частью Албаніи.

Подписавъ (еще въ іюлѣ) договоръ съ Турціей, болгарское правительство тѣмъ самымъ окончательно опредѣлило линію своего дальнѣйшаго поведенія. Ясно, что уступка была сдѣлана Турціей не даромъ, а въ обмѣнъ на извѣстное обязательство. Чѣмъ же руководствовались болгарскіе политики, отдавъ предпочтеніе, послѣ долгихъ колебаній, посуламъ центральныхъ державъ предъ посулами согласія?

Мотивы такого рѣшенія могли быть довольно разнообразны. Безспорно, не малую роль сыграла тутъ, напримѣръ, идея „освобожденія“ Македоніи отъ сербскаго ига. Присоединеніе Македоніи — исконная мечта правящихъ круговъ Болгаріи. Но въ отличіе отъ другихъ чисто завоевательныхъ мечтаній она окружена ореоломъ національнаго идеализма. Македонія связана съ Болгаріей самыми тѣсными узами: не столько спорной этнографической близостью, сколько многолѣтней культурной работой. Значительная часть македонцевъ, несомнѣнно, смотритъ на себя какъ на болгаръ, значительная часть македонскихъ дѣятелей эмигрировала въ Болгарію. Лозунгъ „за Македонію“ въ извѣстной части болгарскаго общества всегда вызывалъ откликъ и сознавался какъ лозунгъ не завоевательный, а освободительный. Сначала освобождали отъ турокъ. Освободили въ союзѣ съ сербами, но затѣмъ немедленно поссорились изъ-за того, къ кому присоединить освобожденныхъ. Побѣдили сербы, — и теперь приходится освобождать отъ сербовъ, искореняющихъ въ Македоніи болгарское культурное вліяніе. Такимъ образомъ, поднимая оружіе противъ Сербіи, болгарское правительство борется какъ будто во имя идеала національнаго объединенія. Поскольку борьба идетъ за Македонію, постольку ему обезпечено въ извѣстной мѣрѣ сочувствіе извѣстныхъ общественныхъ элементовъ.

Это общественное сочувствіе, этотъ ореолъ, окружающій „македонскую идею“, конечно, облегчалъ выборъ болгарскаго правительства. Облегчали его и тѣ руссофобскія настроенія, о которыхъ шла рѣчь выше. Безъ нихъ ему пришлось бы дѣйствовать въ очень ужъ враждебной общественной атмосферѣ. Но не это все же, думается, опредѣлило его рѣшеніе. Главный мотивъ ясно формулированъ въ запискѣ, циркулярно распространявшейся въ Болгаріи по органамъ мѣстнаго самоуправленія наканунѣ ея выступленія. Этотъ мотивъ — вѣра въ конечное торжество центральныхъ державъ, вѣра въ то, что только въ союзѣ съ ними болгарское правительство сможетъ осуществить свои великодержавные замыслы. Не слѣдуетъ забывать, что рѣшеніе Болгаріи было принято окончательно лишь послѣ долгихъ колебаній и при томъ какъ разъ лѣтомъ этого года, — въ моментъ наивысшихъ успѣховъ австро-германскихъ армій. Сговорившись съ Германіей, заключивъ соглашеніе съ Турціей, Болгарія въ теченіе нѣкотораго времени не выступала только потому, что ей нужно было координировать свои дѣйствія съ планами германскаго генеральнаго штаба. . . . .
. . . .

III.

Балканская кампанія вообще, участіе въ ней Болгаріи въ частности — въ странахъ согласія произвели ошеломляющее впечатлѣніе. Во Франціи недовольство дѣятельностью дипломатіи вызвало смѣну министра иностранныхъ дѣлъ, а затѣмъ послужило толчкомъ, ускорившимъ назрѣвавшій министерскій кризисъ. Въ Англіи дѣло ограничилось только частичными перемѣнами въ кабинетѣ да созданіемъ особаго военнаго совѣта; но и здѣсь положеніе министерства было одно время чрезвычайно затруднительнымъ. Въ дѣятельности обоихъ правительствъ наблюдалась въ теченіе нѣкотораго періода крайняя растерянность. Непосредственной, ближайшей ихъ задачей было созданіе на Балканахъ противовѣса болгарской арміи, который могъ бы парализовать значеніе ея выступленія и помочь сербамъ дать отпоръ надвигающимся австрійскимъ и германскимъ войскамъ. И эта задача оказалась, вслѣдствіе цѣлаго ряда недоразумѣній и колебаній, невыполненной.

Сначала главныя надежды возлагались здѣсь на армію Греціи, которая, въ силу союзнаго договора, должна была прійти на помощь Сербіи въ случаѣ нападенія на нее Болгаріи. У власти стояло въ Греціи министерство Венизелоса, высказывавшееся въ пользу вмѣшательства. Министерство пользовалось довѣріемъ большинства палаты, а потому державы согласія считали выступленіе Греціи обезпеченнымъ. Но они не приняли въ расчетъ двухъ обстоятельствъ: во-первыхъ, фиктивности греческаго парламентаризма; во-вторыхъ, силы того страха, какой внушала и грече-

скимъ правящимъ кругамъ, и греческимъ народнымъ массамъ возможность столкновенія съ могущественной Германіей. Между тѣмъ этотъ страхъ являлся надежной опорой для, такъ называемыхъ (далеко не точно), греческихъ германофиловъ, онъ связывалъ ихъ съ массами и облегчалъ имъ нарушеніе отнюдь еще не упрочившихся въ Греціи нормъ формальнаго парламентаризма. Исторія переговоровъ съ Греціей и ея колебаній за время войны могла бы, казалось, многому научить въ этомъ отношеніи дипломатовъ согласія.

Еще въ началѣ текущаго года Венизелосъ, бывшій и тогда премьеромъ, представилъ королю Константину докладную записку, въ которой нарисовалъ широкую и смѣлую схему возможныхъ для Греціи пріобрѣтеній въ случаѣ ея выступленія на сторонѣ согласія. По его мнѣнію, помимо уже занятой Греціей южной Албаніи, она могла разсчитывать на то, что ей достанутся всѣ остающіеся еще въ рукахъ Турціи острова Эгейскаго моря (въ томъ числѣ оккупированный Италіей Додеканесъ) и громадная территорія въ юго-западномъ углу Малой Азіи (отъ залива Адрамити до мыса Финека). Это должно было удвоить греческія владѣнія. Но такъ какъ тогда еще предполагалось возможнымъ присоединеніе къ согласію Болгаріи, то Венизелосъ оговаривался относительно необходимости уступить Болгаріи Кавалу и Драму. И увѣренность, съ какою Венизелосъ говорилъ о будущей Великой Греціи, и упоминаніе объ уступкахъ Болгаріи доказываютъ съ несомнѣнностью, что его докладная записка являлась только изложеніемъ того, что предлагали Греціи державы согласія за ея участіе въ проектировавшейся въ это время Дарданельской экспедиціи.

Условія, какъ мы видимъ, были исключительно благопріятны для Греціи; военные успѣхи Германіи были тогда далеко не столь значительны, какъ за время лѣтней кампаніи. И все же правящіе круги Греціи не соблазнились и тогда этими заманчивыми перспективами. Не соблазнились не потому, конечно, чтобы это казалось имъ недостаточнымъ, чтобы они мечтали о Византіи: греческіе политики прекрасно понимаютъ, что сейчасъ Константинополя они не могутъ получить ни отъ той, ни отъ другой изъ борющихся группъ державъ. Они не рѣшились выступить исключительно по той причинѣ, что у нихъ не было увѣренности въ побѣдѣ согласія, а въ случаѣ его пораженія безсильная сама по себѣ Греція рисковала бы слишкомъ многимъ. Весь инцидентъ съ предложеніями согласія закончился отставкой Венизелоса, роспускомъ палаты и образованіемъ новаго, „германофильскаго", кабинета.

Если таковы были итоги попытки втянуть Грецію въ войну полгода тому назадъ, то сейчасъ разсчитывать на ея помощь было еще меньше основаній. Между тѣмъ на этотъ разъ дипло-

маты согласія, какъ кажется, не позаботились даже о томъ, чтобы выяснить Греціи возможныя для нея компенсаціи. Они надѣялись, что Греція двинетъ свои войска въ Македонію изъ одного только страха передъ усиленіемъ Болгаріи, не замѣтивъ, что въ Греціи гораздо сильнѣе страхъ передъ мощью Германіи.

Результатъ оказался такимъ, какого и слѣдовало ожидать на основаніи предыдущаго опыта. Снова Венизелосъ ушелъ въ отставку, и у власти сталъ снова кабинетъ, враждебный вмѣшательству. Но положеніе было теперь гораздо болѣе серьезнымъ для согласія, чѣмъ въ первые мѣсяцы 1915 года, отъ вмѣшательства Греціи зависѣло слишкомъ многое, и англійская дипломатія сдѣлала еще одну попытку ее соблазнить. Кое что изъ старыхъ предложеній пришлось отбросить, ибо Додеканесъ, заселенный почти исключительно греками, былъ, такъ сказать, закрѣпленъ за Греціей послѣ ея выступленія, — очевидно, въ силу того же принципа защиты правъ малыхъ національностей, въ силу котораго Италіи же была обѣщана сѣверная Далмація. Эту потерю Англія должна была возмѣстить Греціи, уступивъ ей островъ Кипръ. Сверхъ того, Греціи было указано, повидимому, на возможность захвата ею всего Ѳракійскаго побережья Болгаріи. Если это указаніе было дѣйствительно сдѣлано, то, очевидно, для Болгаріи державами согласія была предрѣшена въ случаѣ ихъ побѣды та же участь, какую Германія и Австрія готовятъ для Сербіи, т. е. раздѣлъ. Если бы греческое правительство просто сравнивало относительную цѣнность для себя тѣхъ посуловъ, какіе дѣлались ему согласіемъ и Германіей, то оно, конечно, должно было бы стать на сторону перваго. Ясно, что Германія не могла предлагать Греціи ни участія въ раздѣлѣ Турціи, ни участія въ раздѣлѣ Болгаріи. И тѣмъ не менѣе, Греція отклонила и эти „максимальныя“ предложенія согласія. Попытка новаго вмѣшательства въ пользу согласія Венизелоса и большинства палаты привела только къ роспуску послѣдней. Очевидно, не было никакой возможности заставить Грецію выйти изъ состоянія нейтралитета, пока положеніе на театрѣ военныхъ дѣйствій складывалось неблагопріятно для согласія.

Въ ожиданіи выступленія Греціи Англія и Франція рѣшили послать на помощь ей небольшой отрядъ. Этотъ отрядъ высадился въ Салоникахъ, не обращая, конечно, вниманія на то, что Греція въ этотъ-то, по крайней мѣрѣ, моментъ была, несомнѣнно, страной нейтральной. Когда выяснилось, что Греція не выступитъ, было рѣшено, — и то еще послѣ нѣкоторыхъ колебаній, — не отзывать отрядъ обратно, а, наоборотъ, постепенно его усиливать. Въ то же время были предприняты шаги съ цѣлью побудить Италію принять активное участіе въ Балканской кампаніи, и, по послѣднимъ извѣстіямъ, Италія, дѣйствительно, начала уже высадку своихъ войскъ въ нѣкоторыхъ пунктахъ Албанскаго по-

бережья. Но пока тянулись переговоры съ Греціей, пока наконецъ новые отряды шли изъ Англіи, Франціи и Италіи на Балканы, — Сербская кампанія была уже проиграна, и весь желѣзнодорожный путь Бѣлградъ-Нишъ-Софія-Адріанополь-Константинополь оказался въ рукахъ новаго германо-австро-болгаро-турецкаго союза. Прежняя задача — помѣшать „прорыву" — смѣнилась новою, несравненно болѣе трудною, требующею несравненно больше силъ: разорвать уже налаженную связь.

Когда и какъ будетъ разрѣшена эта задача, разрѣшима ли она вообще — большой и сложный вопросъ. Сейчасъ, во всякомъ случаѣ, до этого еще очень далеко. Пока силы согласія на Балканахъ вынуждены ограничиваться обороной и думать не столько о подготовкѣ наступленія, сколько объ обезпеченіи своего тыла на случай отступленія. Положеніе сербской арміи, отходящей къ греческой границѣ, и союзной арміи, опирающейся на Салоники, было до сихъ поръ въ этомъ смыслѣ весьма неудобно. Отступленіе возможно для нихъ только на нейтральную греческую территорію. Строго говоря, греческое правительство, если оно желаетъ оставаться нейтральнымъ, обязано ихъ разоружить. Покамѣстъ оно не осмѣливается на этотъ шагъ.

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

Желаніемъ гарантировать себя отъ подобной возможности попасть въ такое положеніе и была вызвана послѣдняя нота, обращенная къ Греціи державами согласія. Въ ней не было уже болѣе рѣчи объ участіи Греція въ Балканскомъ походѣ; въ ней выговаривались лишь извѣстныя условія, при которыхъ союзныя войска смогутъ чувствовать себя въ безопасности отъ нападенія съ тыла.

При господствѣ на морѣ британскаго флота, который можетъ въ любой моментъ прекратить всю морскую торговлю Греціи, а въ случаѣ крайности подвергнуть обстрѣлу почти всѣ греческіе города, вполнѣ понятно, что Греція должна была пойти на эти уступки, несмотря на свой страхъ передъ Германіей. На этотъ разъ дипломатія согласія одержала побѣду.

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

В. Волгинъ.

ЛИТЕРАТУРА О БУДУЩЕМЪ МИРѢ.

(ПИСЬМО ИЗЪ ФРАНЦІИ.)

Какова будетъ карта освобожденной отъ германскаго милитаризма Европы? Какъ обезопасить Европу и все цивилизованное человѣчество отъ повторенія въ ближайшемъ будущемъ страшнаго крòваваго побоища, уносящаго милліоны молодыхъ и цвѣтущихъ жизней? И наконецъ какъ наказать виновниковъ и зачинщиковъ міровой войны, чтобы отбить у нихъ на долгіе годы охоту пускаться въ кровавыя авантюры, нарушая законы нравственности и права? Вотъ вопросы, которые не сходятъ со страницъ повременной и періодической французской печати, и которымъ посвященъ рядъ брошюръ и книгъ, появившихся на французскомъ книжномъ рынкѣ. Ученые, профессора, политики, публицисты и дипломаты — всѣ спѣшатъ высказаться по этому жгучему вопросу, и теперь можно уже подвести нѣкоторые итоги этому потоку брошюръ и книгъ, посвященныхъ будущему миру. Ниже мы познакомимъ русскихъ читателей съ наиболѣе характерными произведеніями союзныхъ литераторовъ.

* * *

Начнемъ съ памфлета „Въ куски Германію! Драконовскій миръ!" Авторъ этой брошюры — Онезимъ Реклю, географъ, произведенія котораго раздаются въ видѣ наградъ въ народныхъ школахъ. Первая глава называется: „Жалкій государь, сумасшедшій народъ"; вторая глава — „Злой дѣлаетъ дѣло, которое обращается противъ него", и третья глава посвящена Бисмарку и носитъ названіе: „Грандіозный мерзавецъ". Чего хочетъ авторъ? Прежде всего онъ не хочетъ „хромого мира".

„Не надо забывать, — говоритъ профессоръ, — что нѣмцы злобны, измѣнчивы, мстительны, несправедливы, отчаянны, и поэтому ихъ нужно свести къ политическому и военному ничтожеству" (стр. 16). „Германія всегда была, и особенно въ Африкѣ, коварна, безстыдна и злобна. Прежде всего у Германіи нужно отобрать всѣ колоніи, чѣмъ мы окажемъ большую услугу другимъ народамъ, ибо Германія — отвратительный сосѣдъ. Затѣмъ германскія колоніи авторъ дѣлитъ между союзниками: Англія возьметъ юго-западную нѣмецкую Африку — всего 83 милліона гектаровъ; Франція возь-

метъ Камерунъ, съ прилегающими областями, всего 75 мил. гектаровъ; Того, имѣющій 10 мил. гектаровъ, будетъ принадлежать цѣликомъ Франціи или будетъ полюбовно раздѣленъ съ Англіей. Восточно-африканскія германскія земли, лучшія изъ нѣмецкихъ колоній, Англія, конечно, не выпуститъ изъ рукъ, чѣмъ округлитъ свои восточно-африканскія владѣнія".

„Такимъ образомъ, — прибавляетъ Реклю, — изгнанные съ чернаго континента, они намъ заплатятъ за ихъ африканскія наглости... и за ихъ экстравагантныя претензіи на Марокко". Далѣе авторъ обращается къ Азіи. То же самое съ Новой Гвинеей, Новой Помераніей, Новымъ Мекленбургомъ и т. д. и т. д., т. е. весь Бисмарковскій Архипелагъ, Острова Каролинскіе, Маріанскіе, Маршальскіе и Соломоновы, Самоа — все это будетъ подѣлено между Японіей и Англіей.

„Міръ завтрашняго дня, — говоритъ Эдуардъ Дріо въ своей брошюрѣ „Франція и война", — будетъ раздѣленъ между Франціей, Англіей и Россіей.... Необходимо, чтобы Франція получила часть, пропорціональную своимъ жертвамъ и міровымъ интересамъ... Экономическое благосостояніе, на которое мы имѣемъ право разсчитывать, развитіе торговаго флота... будутъ прямо пропорціональны колоніальнымъ рынкамъ, которые мы себѣ обезпечимъ. Особенно же рынки (колоніи) этихъ кліентовъ намъ надо будетъ себѣ гарантировать и организовать... Въ Азіи, на китайскомъ рынкѣ наше положеніе будетъ консолидировано крахомъ германскихъ претензій" (стр. 71, 72). Что касается Африки, то историкъ Дріо тоже полагаетъ, что Африка должна быть освобождена отъ нѣмцевъ, и тогда „Франція сможетъ закончить организацію своей громадной сѣверо-африканской имперіи".

Но послѣдуемъ дальше за Онезимомъ Реклю и посмотримъ на его карту будущей Европы. Прежде всего Франція возьметъ Эльзасъ-Лотарингію, прибавитъ къ этому весь угольный Саарскій бассейнъ, затѣмъ „мы ни въ какомъ случаѣ не допустимъ Рейнской Баваріи, Рейнской Пруссіи и великаго герцогства Люксембургскаго, не способнаго защитить себя противъ нѣмецкаго нашествія. Больше не должно быть нѣмецкихъ земель вдоль Мозеля, на лѣвомъ берегу Рейна. Чтобы насъ не обвиняли въ злоупотребленіи, мы предложимъ этимъ провинціямъ выборъ между аннексіей, французскимъ протекторатомъ или независимостью". Профессоръ не сомнѣвается, что провинціи эти выскажутся за полное присоединеніе къ Франціи, и вы знаете — почему? „Что могло бы ихъ склонить, — говоритъ Реклю, — это отвращеніе къ грубымъ пруссакамъ, которыхъ они еще недавно ненавидѣли; честь принадлежать къ благородному народу и отечеству, увѣренность стать во всей Франціи полезными работниками и колонизовать съ нами Африку и наконецъ не стонать подъ тяжестью сказочнаго вознагражденія, которое должны будутъ платить виновники этой войны".

Для устраненія всякихъ сомнѣній въ томъ, что Рейнскія провинціи захотятъ присоединиться къ Франціи, географъ ищетъ авторитетовъ, чтобы доказать, что весь лѣвый берегъ Рейна искони вѣковъ принадлежалъ Франціи *.

Этимъ же отысканіемъ историческихъ доказательствъ занимается и Андрэ Сарду, сынъ знаменитаго Викторьена Сарду, въ своей брошюрѣ „L'Independance Européenne“. Еще Юлій Цезарь въ своихъ мемуарахъ заявлялъ, что „Галлія распространяется отъ Рейна до Пиренеевъ и отъ Альпъ до Океана“, а Тацитъ въ своихъ „Нравахъ германцевъ“ утверждалъ, что Германія отдѣлена отъ Галліи Рейномъ. Послѣ Тацита, Страбона и другихъ тысячелѣтнихъ авторитетовъ идутъ Ришелье, Дантонъ, Карно и наконецъ французская тяжелая артиллерія — Наполеонъ I, который со свойственной ему рѣшительностью заявилъ: „Франція рано или поздно отвоюетъ свои естественныя границы, являющіяся такимъ же завѣтомъ Господа, какъ и Альпы и Пиренеи“. Утомленный своими историческими изысканіями и боясь, очевидно, что съ точки зрѣнія исторической справедливости можно потерять Марокко, Алжиръ, Тунисъ и Индо-Китай и часть чистыхъ французскихъ провинцій, Сарду заявляетъ: „Не прикрываясь историческими авторитетами, мы вообще разсматриваемъ, какъ минимумъ нашихъ претензій, отнятіе у Германіи всѣхъ территорій лѣваго берега Рейна, до впаденія этой рѣки въ Голландію; взять только Эльзасъ-Лотарингію было бы надувательствомъ“.

На той же точкѣ зрѣнія исторической справедливости стоитъ нѣкто A. D., помѣстившій въ органѣ французской финансовой буржуазіи „L'Information“ рядъ статей подъ общимъ заглавіемъ „Рейнъ не-прусскій“. „Если отвлечься отъ языка, — говоритъ А. Д. въ номерѣ отъ 5 апрѣля, — то со всѣхъ точекъ зрѣнія — географической, этнографической, исторической, религіозной, политической и экономической, — разница между заэльбской Пруссіей, съ одной стороны, и Рейнской Пруссіей, съ другой, такъ очевидна... и вообще между западной и южной Германіей, что ихъ ассимиляція кажется совершенно ирраціональной и подчиненіе южной Германіи Пруссіи абсолютно несправедливымъ... Рейнскія области, случайно ставшія прусскими, хранятъ тѣ же политическія либеральныя идеи, что и Франція, и ту же католическую религію... Онѣ слѣдуютъ той же экономической эволюціи, что и сосѣднія области, и становятся активно индустріальными и коммерческими. Это настоящая историческая безсмыслица, а также географическая, экономическая и этнографическая, чтобы граждане старыхъ латинскихъ и французскихъ городовъ Рейна, чтобы цивилизованные индустріальные ганзейскіе города стали подданными феодальнаго суверена... только

* Этимъ же историческимъ доказательствамъ посвящена брошюра члена института Camile Fulian'a „Le Rhin Français, Le Rhin gaulois“.

потому, что его предки сумѣли выдрессировать для войны ихъ славянскихъ рабовъ. Будетъ непослѣдовательно и несправедливо, если католическое и промышленное населеніе будетъ принесено въ жертву аграріямъ и протестантамъ".

Географъ Онезимъ Реклю вспоминаетъ, что Метцъ, Страсбургъ, Кельнъ, Трирь, Аахенъ, Шпоръ, Вормсъ, Кобленцъ имѣли свои настоящія латинскія имена, а, слѣдовательно, всѣ эти города, какъ не нѣмецкіе, подлежатъ отчужденію. Что же возьметъ Франція? Эльзасъ-Лотарингію, Палатинатъ (Баварское владѣніе), Рейнскій Гессенъ, княжество (бывшее) Биркенфильдъ, нижнюю долину Мозеля и область Эйфель. Бельгія заберетъ себѣ территорію, равняющуюся одной трети ея нынѣшней территоріи, съ богатѣйшими городами Аахеномъ, Кельномъ, Дюссельдорфомъ и Крефельдомъ (Сарду, стр. 42). Цѣль всѣхъ этихъ аннексій? Она чрезвычайно ясно указана у того же Сарду. „Франція и Бельгія, — говоритъ этотъ авторъ, — нуждаются въ территоріяхъ, обладающихъ естественными богатствами и представляющихъ новые рынки; наконецъ мы преслѣдуемъ двоякую цѣль: увеличить нашу экономическую мощь, ослабляя въ то же время экономическую мощь нашихъ враговъ, ибо намъ не менѣе необходимо бороться противъ коммерческой и промышленной гегемоніи Германіи, чѣмъ противъ ея военнаго могущества"

Въ журналѣ „La Nature" (февраль) мы находимъ слѣдующее экономическое обоснованіе аннексіи Саарскаго угольнаго района:

„Не будетъ преувеличеніемъ сказать, что бассейнъ, эксплоатируемый со всей необходимой интенсивностью, съ приложеніемъ всѣхъ необходимыхъ капиталовъ, сможетъ значительно компенсировать недочетъ для нашей страны въ углѣ... Если намъ и придется обращаться къ англичанамъ и бельгійцамъ за нѣкоторыми сортами угля, этотъ ввозъ будетъ компенсированъ вывозомъ угольнаго Саарскаго бассейна. Такъ выступаетъ въ области экономической капитальный интересъ присоединить этотъ угольный бассейнъ къ Эльзасу-Лотарингіи, когда эта провинція вернется къ намъ". Идеалистическіе мотивы объ исторической справедливости, подкрѣпленные соображеніями утилитарнаго характера, пріобрѣтаютъ здѣсь особый вѣсъ.

„Мы должны требовать Саарскій бассейнъ, — говоритъ въ цитированной уже брошюрѣ историкъ Дріо, — потому что онъ необходимъ для экономическаго завершенія единства Лотарингіи. Пруссія на лѣвомъ берегу Рейна — это угроза Франціи, Бельгіи и Англіи. Весь лѣвый берегъ Рейна долженъ принадлежать Франціи, потому что онъ уже ей принадлежалъ отъ 1794 до 1814 года, и наконецъ потому, что „въ той или другой формѣ надо поставить противъ варваровъ барьеръ Рейна, укрѣпленный грандіозными крѣпостями" (стр. 68). Другіе доводы въ пользу „отчужденія" лѣваго берега Рейна выдвигаетъ Савари въ своей

брошюрѣ „la Frontière du Rhin“. Помимо всѣхъ уже перечисленныхъ историческихъ и стратегическихъ доказательствъ, Савари приводитъ то соображенiе, что отнятiе лѣваго берега Рейна у Германiи является предпосылкой европейскаго и мiрового равновѣсiя. Равновѣсiе это устанавливается слѣдующимъ путемъ: съ отнятiемъ лѣваго берега Рейна, Шлезвигъ-Гольштинiи и Польши въ Германiи останется отъ 50 до 55 мил. жителей, во Францiи же будетъ приблизительно столько же или на нѣсколько миллiоновъ меньше, а, слѣдовательно, эта послѣдняя будетъ въ состоянiи содержать одинаковую съ Германiей армiю, чѣмъ обезпечитъ европейское и мiровое равновѣсiе. Если Францiя не хочетъ отказаться отъ своей мiровой миссiи, необходимо, чтобы она вернула въ свои границы всѣхъ французовъ, насильно отдѣленныхъ германцами, Вѣнскимъ конгрессомъ и Франкфуртскимъ договоромъ; необходимо, чтобы она взяла обратно границу Рейна, ея границу естественную, историческую и моральную, — реальную границу галловъ, Меровинговъ и Каролинговъ, границу, необходимую для равновѣсiя Францiи и равновѣсiя Европы. (Стр. 44.)

Если перечисленные выше авторы останавливаются въ раздумьѣ на Рейнѣ, то Сарду рѣшительно декретируетъ: „Всѣ территорiи праваго берега Рейна должны принадлежать Францiи, защищая такимъ образомъ Бельгiю и ея прiобрѣтенiя на лѣвомъ берегу Рейна противъ всякихъ угрозъ съ востока. Кромѣ городовъ Фрибурга, Карлсруэ, Гейдельберга, Мангейма, Дармштадта, Висбадена, Эльберфельда и Эссена, мы получили бы громадные угольные бассейны Рура, Сита и Лана, ибо мы нуждаемся въ новыхъ территорiяхъ съ естественными богатствами“.

Такимъ образомъ, Эльзасъ-Лотарингiя берется по праву, Саарскiй каменноугольный бассейнъ (Сарду предлагаетъ подумать и о Рурскомъ бассейнѣ) — для завершенiя экономическаго единства, а всѣ города съ ихъ зонами защиты на обоихъ берегахъ Рейна — для заслона отъ варваровъ.

Будущiй Галло-Бельгiйскiй союзъ, о которомъ говоритъ анонимъ, предлагающiй таможенное объединенiе между Францiей, Бельгiей, Люксембургомъ и Голландiей (!), занимаетъ также и Эдуарда Дрiо.

„Послѣ общихъ испытанiй и общихъ жертвъ, — говоритъ историкъ, — мы будемъ интимно связаны съ Бельгiей, и чтобы вырвать ее отъ экономическаго нашествiя Германiи, нужно будетъ войти съ ней въ очень тѣсный экономическiй союзъ“ (стр. 68) *.

Все это начинаетъ походить на знаменитую „организацiю“ Европы, возвѣщенную Оствальдомъ.

---

* О необходимости тѣснаго экономическаго союза съ Бельгiей и Голландiей говоритъ и Dontenville въ своей брошюрѣ: „Les Allemagnes, la France, Belgique et la Hollande“.

Но — вопросъ: что дѣлать съ жителями вновь завоеванныхъ провинцій? Тутъ замѣчаются между авторами довольно серьезныя разногласія. Анонимъ предлагаетъ не брать на себя никакихъ обязательствъ по отношенію къ жителямъ аннексированныхъ областей, ибо въ этихъ новыхъ французскихъ областяхъ придется ввести военный режимъ и осадное положеніе. Географъ Онезимъ Реклю полагаетъ, что придется аннексировать населеніе „вопреки знаменитому принципу національностей", и предлагаетъ строить въ каждой деревнѣ школу, гдѣ населеніе будетъ изучать" нашъ языкъ, менѣе щетинистый, менѣе скабрезный, менѣе трудный, болѣе цивилизованный и гораздо болѣе міровой, чѣмъ deutsch". Историкъ Дріо поддерживаетъ ту точку зрѣнія, что „не надо бросать впередъ, какъ безспорную аксіому, принципъ національностей, который намъ принесъ уже столько зла. Національность текуча . . . Въ сущности, населеніе лѣваго берега Рейна кельтское; оно въ продолженіе долгихъ вѣковъ получало галло-римское воспитаніе и только поверхностно пруссифицировано гнуснымъ милитаризмомъ". Интересное рѣшеніе вопроса предлагаетъ Андрэ Сарду. Провозгласивъ, какъ принципъ, что было бы нелогичнымъ, несправедливымъ и плохой политикой навязать національность побѣдителя со всѣми правами и обязанностями побѣжденному населенію, территоріи которыхъ аннексированы, Андрэ Сарду рѣшительно заявляетъ: „Намъ кажется болѣе соотвѣтствующимъ справедливости, какъ для побѣдителей, такъ и для побѣжденныхъ, аннексировать исключительно территорію, но не жителей, которые могли бы продолжать тамъ жить на извѣстныхъ условіяхъ, очень ограничительныхъ, и были бы разсматриваемы на французской территоріи какъ иностранцы" (стр. 45). Далѣе идетъ подробное изложеніе „правъ" новыхъ иностранцевъ, которыя далеко оставляютъ за собой „права" румынскихъ евреевъ.

Чаянія и надежды всѣхъ этихъ писателей прекрасно выразилъ академикъ Морисъ Барресъ въ одной изъ своихъ статей, посвященныхъ борьбѣ тевтонской и латинской расъ.

„Дѣло идетъ о томъ, — писалъ Барресъ, — чтобы выгнать нѣмцевъ, разбить ихъ единство и принять предосторожности на Рейнѣ" („L'Echo de Paris", 10 января 1915 г.).

Менѣе радикаленъ по отношенію къ населенію Рейнскихъ провинцій извѣстный историкъ французской революціи Оларъ. Въ своей брошюрѣ „La paix future d'après la revolution française et Kant" („Будущій миръ согласно французской революціи и Канту") онъ пишетъ: „Мы не запретимъ рейнскимъ жителямъ оставаться нѣмцами, мы не заставимъ ихъ быть французами, если они этого не хотятъ, они не станутъ французами противъ своей воли, но мы ихъ избавимъ отъ всякаго вліянія Пруссіи, мы запретимъ имъ вооружаться противъ насъ, мы ихъ нейтрализуемъ и сдѣлаемъ изъ нихъ государства-буфера и наконецъ мы вернемъ имъ вкусъ

къ миру, мы заставимъ ихъ любить миръ и жить въ мирѣ; мы запретимъ имъ войну, мы отнимемъ у нихъ всякую возможность вести ее" (стр. 29—30). Заставить любить миръ — задача чрезвычайно сложная, и достигнуть этого А. Оларъ хочетъ вооруженной силой, а еще Робеспьеръ сказалъ, что „вооруженныхъ миссіонеровъ не любятъ".

⁂

Отгородивъ Западъ отъ вторичнаго нашествія варваровъ посредствомъ укрѣпленнаго Рейна, государствъ-буферовъ и пр., кабинетные дипломаты переходятъ къ упорядоченію всего міра. Прежде всего Германія должна будетъ уплатить „tous les pots cassés", т. е. протори и убытки за европейскую войну. Сколько съ нея взять? „Сто одинъ милліардъ, — отвѣчаетъ Онезимъ Реклю, — 101 милліардъ, который надо разложить на 101 годъ, чтобы будущія поколѣнія Германіи чувствовали всю тяжесть преступленія своихъ отцовъ". Надо тутъ же отмѣтить, что 101 милліардъ — цифра сравнительно скромная, ибо редакторъ „La Revue" Жанъ Фино требуетъ 170 милліардовъ.

А одинъ поэтъ, Рауль Поншонь, облекъ требованіе контрибуціи даже въ стихотворную форму:

„Мы ихъ разоружимъ и такимъ путемъ,
Что въ теченіе долгаго времени
Эти отвратительные звѣри
Больше не вылѣзутъ изъ своихъ берлогъ.
Они намъ заплатятъ военные милліарды,
Хотя бы имъ пришлось
Сто лѣтъ подъ рядъ ѣсть одну картошку
Или хлѣбъ К.-К.".

„Изъ 170 милліардовъ контрибуціи Германія должна будетъ уплатить 110—112 милліардовъ, — говоритъ Марсель Маркезъ въ № 5 бюллетеня „Антигерманской Лиги" отъ 1 марта, — и поэтому придется принять соотвѣтствующія мѣры финансоваго контроля: повысить желѣзнодорожныя ставки, увеличить налогъ на табакъ, напитки и пр. Германія достаточно богата, чтобы заплатить колоссальную контрибуцію, а чтобы она не попыталась отъ этого уклониться, надо занять войсками ея богатѣйшія провинціи." Германія достаточно богата, чтобы заплатить громадную контрибуцію, — таково содержаніе недавно опубликованной книги экономиста Даніеля Белле: „Comment payer les frais de guerre".

„Сверхъ-человѣки, — говорилъ Реклю, — вели сверхъ-войну, заставимъ же ихъ заплатить сверхъ-контрибуцію. Къ ихъ несчастію, мы — жертвы, мстители и судьи. Они, руководители нѣмецкаго народа, заслуживаютъ, чтобы ихъ таскали съ веревкой на шеѣ по всѣмъ дорогамъ и продали на рынкѣ". Кто долженъ быть наказанъ?" „Всѣ! — отвѣчаетъ Реклю. — Прежде всего педагоги и духо-

венство католическое и лютеранское, безконечный міръ негоціантовъ, фабрикантовъ, заводчиковъ, финансистовъ, всѣ журналисты, публицисты, экономисты, историки до метафизиковъ включительно и наконецъ особенно военная каста — юнкеры отъ самаго маленькаго офицера до Вильгельма. Вся нація виновна. Они (нѣмцы) достойны, чтобы ихъ обратили въ рабство; наложимъ на нихъ, не колеблясь, чрезмѣрную контрибуцію, — необходимо, чтобы теоретики и практики превентивной войны были превентивно разорены вдрызгъ".

Не менѣе категориченъ по части вознагражденія и бывшій морской министръ Де-Ланессанъ. Въ недавно выпущенной брошюрѣ „Pourquoi les germanes seront vaincus" онъ заявляетъ, что германцы должны будутъ уплатить всѣ громадныя издержки, понесенныя союзниками. Что же касается размѣра этого вознагражденія, то это зависитъ отъ продолжительности войны. Необходимо, чтобы адепты силы поняли, какому риску они подвергаются, когда заставляютъ другія націи объединиться, чтобы противодѣйствовать ихъ злоупотребленіямъ. Для того, чтобы наложенная контрибуція была уплачена, нужно будетъ оккупировать богатѣйшія провинціи Германіи, наложить руку на желѣзныя дороги и таможенные сборы. Побѣдители смогутъ даже заставить заводы работать для оплаты вознагражденія и возстановленія разрушенныхъ бельгійскихъ и французскихъ фабрикъ и заводовъ. „Во всякомъ случаѣ, условія мира должны быть такія, чтобы миръ былъ обезпеченъ на неопредѣленно долгое время" (стр. 139—140).

Большая, многомилліардная контрибуція служитъ довольно часто темой для большой прессы, которая не видитъ выхода изъ экономическаго тупика внѣ германскихъ милліардовъ. Но для того, чтобы Германія могла заплатить грандіозную контрибуцію, необходимо, чтобы ея экономическое могущество не было подорвано войной, а между тѣмъ Андрэ Сарду декретируетъ, что „необходимо ослабленіе экономической активности Германіи, ибо уменьшить ея богатство — это значитъ увеличить настолько же наше" (стр. 18). Съ другой стороны, „Le Temps" неоднократно напоминалъ, что необходимо подорвать экономическое могущество врага, если хотятъ дѣйствительно ослабить Германскую имперію, а при такихъ условіяхъ вопросъ о контрибуціи, да еще грандіозной, становится все болѣе и болѣе проблематичнымъ.

Война, какъ мы знаемъ, направлена противъ германскаго милитаризма. Эта борьба объединяетъ теперь всѣ партіи отъ монархистовъ до гедистовъ, и совершенно естественно, что всѣ авторы выдвигаютъ ту или иную программу освобожденія Европы отъ прусскаго милитаризма. „Французское общественное мнѣніе, — пишетъ академикъ Морисъ Барресъ, — требуетъ полнаго, радикальнаго разоруженія Германіи... Уничтоженіе всякой арміи, — ни одного офицера, ни одного солдата. Внутренняя гражданская полиція, —

ничего больше. Ни пушекъ, ни митральезъ. Запрещеніе даже фабриковать военный матеріалъ для другихъ. (Крезо избавится, такимъ образомъ, отъ Круппа.) Нужно просто уничтожить военный и морской бюджетъ. Счастливые нѣмцы! — восклицаетъ академикъ, — мы ихъ избавимъ отъ воинской повинности и въ то же время мы облегчимъ ихъ налоговое бремя". (Цитирую по брошюрѣ „La Paix impossible avant la Revanche".)

Разоруженіе германскаго милитаризма, по мысли цитированныхъ авторовъ, сулитъ Франціи эпоху развитія военной мощи. Въ самомъ дѣлѣ, если Германію нужно разоружить силой оружія, то надо и послѣ войны содержать большую армію для того, чтобы Германія не вздумала отказаться отъ своего счастія. „Германію, — говоритъ О. Реклю, — надо разбить на двѣ части: на южную Германію и Германію сѣверную". Для того же, чтобы эти двѣ Германіи остались расчлененными, географъ предлагаетъ воздвигнуть между ними колоссальныя, хорошо оборудованныя крѣпости, расположенныя въ неприступныхъ мѣстахъ и съ сильными европейскими гарнизонами.

Надо мужественно раскромсать Пруссію и Германію. Ни Германской конфедераціи, ни Пруссіи, ни Австріи! Каждая провинція автономна, замкнутая въ самой себѣ, безъ альянса съ сосѣдями. Свободные города: Гамбургъ, Бременъ, Любекъ, Франкфуртъ-на-Майнѣ и др. — подъ англійскимъ, французскимъ и русскимъ протекторатомъ. Маленькія королевства — Померанія, Мекленбургъ, Ольденбургъ, Бранденбургъ, Вестфалія, Гессенъ, Баденъ, Вюртембергъ, Баварія, Тироль, Австрія и т. д. Однимъ словомъ, пусть не останется и слѣда отъ 1864, 1869 и 1870 годовъ!

„Мы отрицаемъ за Германіей право на единство", — такъ заявляетъ сторонникъ расчлененія Германской имперіи J. Dontenville въ своей брошюрѣ: „Les Allemagnes, la Belgique et la Hollande". Авторъ предлагаетъ создать изъ Германіи и Австріи двѣ конфедераціи — южную и сѣверную, ампутировавъ предварительно Ганноверъ, Франкфуртъ-на-Майнѣ, Познань, Силезію, Гельголандъ, весь лѣвый берегъ Рейна, всѣ вольные города и т. д.; въ южную конфедерацію войдетъ нѣмецкая Австрія, всѣ же остальныя земли Габсбургской монархіи или отойдутъ къ сосѣдямъ (Галиція и Буковина къ русскимъ, Трансильванія къ румынамъ, Боснія, Герцеговина, Банатъ, Славонія къ сербамъ, Тріентъ, Тріестъ, Истрія и Далмація (!) къ итальянцамъ), или образуютъ самостоятельныя королевства (Богемія, Венгрія). „Побѣдоносная Франція не позволитъ, чтобы рядомъ въ ея непосредственномъ сосѣдствѣ существовало перенаселенное и компактное государство" (стр. 30). Болѣе подробно останавливается на этомъ нѣкій*** въ брошюрѣ „La paix, que nous devons faire". Послѣ произведеннаго чернаго передѣла останутся только четыре великихъ государства — Россія, Франція, Англія и

Италія. Пруссія будетъ уничтожена, Австрія подѣлена между сосѣдями. Отъ Австріи останется только великое княжество Вѣнское. Однимъ словомъ, центральная Европа возвращается въ первобытное состояніе. Германія и Австрія будутъ разбиты на рядъ маленькихъ государствъ, роль которыхъ будетъ служить буферами между оставшимися гигантами. Авторъ обсуждаетъ вопросъ о томъ, какая должна быть конституція этихъ карликовыхъ государствъ и какъ обезопасить цивилизованный міръ отъ попытокъ расчлененной Германіи слиться въ единую имперію? Не нужно забывать, что весь этотъ „черный передѣлъ“ производится во имя правъ угнетенныхъ народностей, и побѣда союзниковъ повлечетъ за собой исправленіе всѣхъ историческихъ несправедливостей. Прежде всего „возстанавливается свободная Польша подъ скипетромъ нашего благороднаго союзника“. Россія, какъ увѣряетъ анонимъ, не нуждается въ увеличеніи своей территоріи, а желаетъ только пополнить Польшу. Однако она возьметъ восточную и западную Пруссію, которыя „правда, населены германцами“, но „тутъ въ нѣкоторыхъ уѣздахъ звучитъ славянская рѣчь“, и Россія спасетъ здѣсь все, „что осталось отъ полонизма“, аннексируя обѣ провинціи. Россія беретъ также Познань, населенную славянами, и тѣ области Силезіи, „гдѣ звучитъ славянская рѣчь“, а если Россія захочетъ, „она можетъ присоединить и всю Силезію“. Правда, это какъ будто противорѣчитъ принципу національностей, но это ничего не значитъ, говоритъ Онезимъ Реклю: „очень долго славяне принадлежали нѣмцамъ; пусть же теперь нѣмцы будутъ подчинены славянамъ“.

Вообще принципъ національностей, являющійся боевымъ лозунгомъ противъ центральныхъ монархій, теряетъ всю свою силу, какъ только дѣло доходитъ до нѣмцевъ, которые должны быть расчленены даже и помимо ихъ желанія, — правда, для ихъ же собственнаго блага.

Радикальный историкъ великой революціи Оларъ даже утверждаетъ, что необходимо измѣнить конституцію Германіи, депруссифицировать ее такъ, чтобы каждое государство нѣмецкое имѣло свою собственную автономную армію, но чтобы всѣ эти арміи не могли соединиться, какъ орудіе завоеванія.

Логически слѣдовало бы присоединить къ Германіи австрійскихъ нѣмцевъ и предоставить имъ устраиваться, какъ они хотятъ. Примѣненіе этого принципа къ Германіи оказалось бы чрезвычайно опаснымъ, — говоритъ Оларъ, — „ибо, такъ называемый, принципъ національностей можетъ повлечь за собой тиранническія послѣдствія, такъ какъ онъ можетъ привести къ созданію громадныхъ, угрожающихъ свободѣ всего міра, государствъ. Даже принципъ свободы народовъ мы сумѣемъ примѣнить съ умѣренностью, безъ донкихотства, безъ неосторожнаго пропагандизма“... (стр. 31).



Если аннексія лѣваго берега Рейна вызываетъ у нѣкоторыхъ авторовъ, какъ Де-Ланнессана и Виктора Баша (см. его La guerre de 1914 et lé droit) сомнѣнія, и споръ идетъ о томъ, нужно ли брать населенныя нѣмцами провинціи, то когда дѣло доходитъ до Оттоманской имперіи, всѣ ужъ за то, чтобы аннексировать возможно больше. Затрудненія вызываетъ только вопросъ о Константинополѣ и проливахъ. Кому владѣть ключами Святой Софіи? Если Сарду находитъ, что Константинополь, Босфоръ, Дарданеллы, Галиполи и Мраморное море надо отдать Россіи, а Де-Ланнессанъ предоставляетъ Россіи выбирать между аннексіей и интернаціонализаціей, — то анонимъ высказывается категорически противъ аннексіи.

„Этотъ великій городъ, — говоритъ анонимъ, — долженъ образовать интернаціональное владѣніе, подчиненное спеціальному режиму, гарантированному всѣми державами, которыя примутъ участіе въ конгрессѣ мира... Я не игнорирую того факта, что нѣкоторые русскіе политическіе дѣятели требуютъ для своей страны Константинополь и проливы, но я не вѣрю, чтобы великая Россія хотѣла вызывать международныя подозрѣнія, пытаясь наложить руку на проливы, которые должны остаться свободными для всѣхъ, а также на великій Константиновъ городъ, отдаляющій ее отъ Румыніи и Болгаріи, для освобожденія которыхъ она такъ много сдѣлала"... Но самый исчерпывающій отвѣтъ на этотъ щекотливый вопросъ далъ бывшій антимилитаристъ Густавъ Эрвэ.

Послѣ долгихъ и упорныхъ усилій по перекройкѣ Европы и по постановкѣ новыхъ межевыхъ знаковъ, Густавъ Эрвэ предложилъ отдать Константинополь бельгійскому королю Альберту за его рыцарское поведеніе въ этой войнѣ (въ послѣднее время Эрвэ отдаетъ уже Константинополь Россіи). „Я вылѣчилъ уже, — писалъ Эрвэ, — польскую язву, язву еврейскую, а теперь остается еще язва турецкая", и онъ усиленно занимается „турецкой язвой", не зная, что дѣлать съ турками послѣ освобожденія Оттоманской имперіи отъ нѣмцевъ.

Что Константинополь не долженъ принадлежать больше туркамъ — это для всѣхъ ясно, и не менѣе ясно, что Азіатская Турція должна быть раздѣлена между союзниками. Андрэ Сарду находитъ (стр. 60), что „будетъ справедливымъ, если зона вліянія будетъ признана за Франціей въ Сиріи, гдѣ мы имѣемъ столько моральныхъ и матеріальныхъ интересовъ, столько воспоминаній прошлаго... Мы должны требовать вмѣстѣ съ Италіей протектората надъ Ливаномъ. Палестина должна быть подъ протекторатомъ Италіи" (Эрвэ, отдавая Палестину евреямъ, полагаетъ, что Палестина должна находиться подъ протекторатомъ Франціи). Скромныя притязанія Сарду на Ливанъ не удовлетворяютъ уже цитированнаго дипломата, скрывающагося за тремя звѣздочками. „Франція, — говоритъ онъ, — возьметъ тѣ области, гдѣ она имѣетъ преобладающее

вліяніе уже въ теченіе столѣтій и которыя находятся подъ ея моральнымъ протекторатомъ, т. е. Сирію, Ливанъ и Святыя Мѣста, которыя она сорганизуетъ, какъ она это понимаетъ, при условіи охраненія порядка, торговли и провозглашенія безъ всякихъ ограниченій полной религіозной свободы". Эта аннексія охватитъ вилайеты Сиріи, Алеппо и Бейрута и области Іерусалима и Ливана — иначе говоря, всѣ области отъ моря „до лѣваго берега Евфрата, включая сюда Сирійскую пустыню" (стр. 68).

Моральные интересы республиканской и свѣтской Франціи въ Турціи заключаются, главнымъ образомъ, въ конгрегаціонныхъ школахъ, организованныхъ въ Константинополѣ, Бейрутѣ, Смирнѣ и другихъ городахъ Оттоманской имперіи. Во главѣ этихъ школъ стоятъ іезуиты, лазаристы, францисканцы и другія разновидности черной арміи католицизма, а французская республика продолжаетъ выдавать субсидіи всѣмъ этимъ школамъ, несмотря на отдѣленіе церкви отъ государства. Знаменитая формула Гамбетты: „Клерикализмъ — вотъ нашъ врагъ!" смягчена, какъ говоритъ Ренэ Пинонъ въ своей интересной книгѣ „Европа и Оттоманская имперія", новой формулой практической политики: „антиклерикализмъ не есть предметъ вывоза", т. е. антиклерикализмъ хорошъ для внутренняго употребленія. Кромѣ того, если вспомнить, что Франція уже во времена Крестовыхъ Походовъ стала защитницей католицизма въ Оттоманской имперіи, что еще Гарунъ-аль-Рашидъ призналъ за Франціей право охраны Святыхъ Мѣстъ, что, начиная съ 1535 года, турецкіе султаны признавали духовный протекторатъ Франціи надъ католиками, что въ 1604 году Генрихъ IV получилъ торжественное подтвержденіе этихъ правъ отъ турецкаго султана черезъ французскаго посла Савари де Брэвъ, что капитуляціи 1620 и 1740 годовъ увеличили привилегіи короля Франціи, что Конвентъ продолжалъ политику покровительства католиковъ въ Турецкой имперіи и что наконецъ Франція XIX и начала XX вѣковъ ревниво охраняла на Ближнемъ Востокѣ „завѣщанное предками наслѣдство", — то станутъ понятными слова графа Крессати, что „отъ Карла Великаго до нашихъ дней Франція всегда разсматривала Сирію какъ свое моральное достояніе и охраняла сирійскій народъ своимъ материнскимъ покровительствомъ" (см. его брошюру „La Syrie Française", 1915, стр. 23).

„Сирія, — говоритъ графъ Крессати, — имѣетъ громадное значеніе для Франціи съ точки зрѣнія экономической, стратегической и политической. Франція является не только самой большой католической страной, но и великой арабской державой. Какъ католическая нація, она должна владѣть Святыми Мѣстами; какъ держава арабская, она должна изъ этого центра консолидировать свою мусульманскую имперію. Если Франція хочетъ охранить и увеличить свое могущество въ мусульманскомъ мірѣ, ей нужно завоевать мозгъ и сердце — ей нужно обладать Сиріей" (стр. 21). „Кромѣ правъ дипломатическихъ, религіозныхъ и политическихъ,

Франція имѣетъ на Сирію еще другія права, вытекающія изъ ея преобладающаго вліянія въ области экономической, промышленной и моральной. Франція имѣетъ тамъ 769 километровъ желѣзныхъ дорогъ, ей принадлежитъ трамвай между Бейрутомъ и Малмезонъ, она имѣетъ концессію на линію Райакъ-Лидія и преимущество на линію Гомсъ-Деиръ-эль-Зоръ; Франціей построена дорога Бейрутъ-Дамаскъ, она имѣетъ въ Сиріи шелковыя фабрики, химическіе заводы и владѣетъ значительными земельными участками, принадлежащими религіознымъ конгрегаціямъ. Однимъ словомъ, съ точки зрѣнія промышленной и финансовой она занимаетъ въ Сиріи первое мѣсто" (стр. 24). Выводъ, къ которому приходитъ графъ Крессати, — тотъ, что „права Франціи въ Сиріи подтверждены и освящены цѣлыми рядами традицій, дипломатическими актами многовѣковой давности, ея привилегированнымъ положеніемъ, промышленнымъ и финансовымъ преобладаніемъ, а также желаніемъ сирійскаго населенія" (стр. 31).

Отношеніе же самой Сиріи къ Франціи характеризуется въ пышной статьѣ Шарля Венсена въ „Revue Hebdomadaire" отъ 15 мая 1915 года такъ: „Сирія объявила себя нашей пріемной дочерью, — провозглашаетъ Венсенъ. — Она хочетъ отдать намъ свою кровь... свои безпримѣрныя богатства... свои незаселенныя поля... свою торговлю... Отъ глагола католической Франціи Левантъ ждетъ призыва къ воскрешенію"...

Графъ Крессати болѣе всего боится, чтобы Франція не удовлетворилась „урѣзанной" Сиріей, и онъ, принимая во вниманіе, что „Россія и Англія берутъ себѣ обширныя территоріи", требуетъ „естественныхъ границъ" для французской Сиріи. Изъ приложенной гр. Крессати карты видно, что „неурѣзанная" Сирія представляетъ одну изъ лучшихъ частей Оттоманской имперіи, ибо это „моральное достояніе" состоитъ изъ слѣдующихъ трехъ частей: южная Сирія: Палестина, Святыя Мѣста и Заіорданскія области; сѣверная Сирія: вилайеты Адана, Алеппо съ портомъ Александретой, и центральная Сирія: княжество Ливанское, вилайеты Бейрутскій и Дамасскій съ портами Латакіе, Триполи, Яффа, Кайфа, Сайдо, Тиръ и Газа.

Для „отчужденія" лѣваго берега Рейна можно еще, цѣпляясь за „историческую справедливость", сказать, какъ это дѣлаетъ Савари, что „эта великая война исправляетъ не только Седанъ, но Лейпцигъ и Ватерлоо", если тотъ же Савари доказываетъ, что „Франція абсолютно нуждается въ границѣ Рейна, что̀ дѣлаетъ ее шедевромъ природы", (стр. 32). Но какъ же обстоитъ дѣло съ притязаніями Франціи къ Оттоманской имперіи? „На самомъ дѣлѣ, — отвѣчаетъ на этотъ вопросъ профессоръ парижскаго университета Эрнестъ Дени въ своей книгѣ „La Guerre", — дѣло не въ хищнической политикѣ, а въ защитѣ населенія Оттоманской имперіи отъ взаимнаго истребленія". „Одинъ изъ самыхъ разительныхъ примѣровъ турецкой неспособности, — говоритъ ученый профессоръ, — это то, что она (Турція) оставляетъ ликвидаторамъ хаосъ народовъ,

гдѣ нѣтъ ни одной національности, способной къ самостоятельной жизни. Это настоящія вакантныя земли, res nullius... Среди этихъ туземцевъ — курдовъ, грековъ, армянъ, арабовъ, — которые поочередно рѣжутъ другъ друга, кому ввѣрить будущее этихъ областей? Одинъ знатокъ Востока сказалъ: если Турція исчезнетъ, и если никакая европейская нація не замѣнитъ ее, — марониты, греки, метюалисы, не говоря уже о друзахъ и курдахъ, истребятъ другъ друга въ кровавой внутренней борьбѣ. Волей-неволей ничего другого не остается дѣлать, какъ распредѣлить между иностранными протекторатами народы, которые еще слишкомъ жестоки и молоды, чтобы ихъ можно было предоставить ихъ собственной неопытности" (стр. 347). Такимъ образомъ, Турція будетъ раздѣлена для ея же собственной пользы; человѣчество выиграетъ, а Франція не будетъ въ убыткѣ, ибо, какъ говоритъ ученый профессоръ, „грамотъ Франціи на Сирію и Палестину никто никогда не оспаривалъ".

Трудно было бы примирить „принципъ національностей" съ освобожденіемъ Турціи отъ турокъ, если бы неспособность этихъ послѣднихъ управлять Оттоманской имперіей не поставила ихъ внѣ рамокъ цивилизованнаго человѣчества и если бы передъ Франціей не стояли міровыя задачи. „Франція, — говоритъ Савари, — имѣетъ своей исторической миссіей практическое объединеніе міра. Эту благородную и тяжелую миссію чемпіона справедливости Франція, выступившая на зарѣ христіанства, какъ старшая дочь церкви, выполнитъ во имя своего національнаго развитія, равновѣсія Европы и прогресса всего міра"... Болѣе „матеріалистическое" объясненіе политикѣ раздѣла Турціи даетъ „L'Asie Française", органъ, не склонный къ идеалистическому любомудрію. „Не оставить за собой этой области (дѣло идетъ объ интегральной Сиріи), — говоритъ этотъ журналъ, — было бы непоправимымъ diminutio capitis и, болѣе того, это было бы неизвинительнымъ: въ настоящее время, когда всѣ народы, принимающіе участіе въ этой гигантской борьбѣ, мечтаютъ о томъ, чтобы удовлетворить свои чаянія на спинѣ (sur le dos) Турціи и Австро-Венгріи, а добра хватитъ, конечно, для всѣхъ, — Франція, болѣе всѣхъ пострадавшая отъ войны, можетъ спасти завѣты своего великаго прошлаго на Востокѣ... Ей достаточно этого захотѣть и показать, что она этого хочетъ: не забудемъ, что на международномъ банкетѣ не приходится ожидать услугъ отъ своего сосѣда" (мартъ 1915).

Не надѣясь, очевидно, на „международный банкетъ", гр. Крессати совѣтуетъ завладѣть немедленно Сиріей, ибо „въ сферѣ дипломатіи „владѣніе стоитъ грамоты" и „fait accompli на службѣ права представляетъ собой наиболѣе вѣрное и въ то же время наиболѣе законное орудіе успѣха" (стр. 40).

Таковы тѣ чаянія и надежды, которыя выплываютъ на взбаламученную войной поверхность французской общественной жизни и вскрываютъ движущія силы современнаго мірового конфликта.

А. Лозовскій.

РУМЫНІЯ ВЪ СОВРЕМЕННОМЪ МЕЖДУНАРОДНОМЪ КОНФЛИКТѢ.

I.

Съ того момента, какъ Италія вступила въ войну съ Австріей, самымъ важнымъ дипломатическимъ вопросомъ, волновавшимъ прессу и кабинеты европейскихъ государствъ, являлся вопросъ о томъ, какой шагъ предприметъ Румынія передъ лицомъ разыгрывающихся событій. Примкнетъ ли Румынія къ Германіи и Австро-Венгріи и, въ силу тайной конвенціи, подписанной покойнымъ королемъ Карломъ, объявитъ войну Россіи и ворвется въ Бессарабію? Будетъ ли Румынія сохранять „строгій нейтралитетъ" и, продавая по крайне выгодной цѣнѣ хлѣбъ, керосинъ и всякаго рода другіе продукты центральнымъ державамъ и Турціи,— содѣйствовать, такимъ образомъ, обогащенію класса земледѣльцевъ и немногочисленныхъ промышленниковъ, пользующихся кровавой бойней, царящей во всей Европѣ, для устройства своихъ дѣлишекъ и наживанія капиталовъ? Подчинится ли наконецъ Румынія условіямъ тайнаго договора, подписаннаго ею съ нашимъ правительствомъ уже во время самой войны, именно въ октябрѣ 1914 года, и займетъ своими войсками территорію Австро-Венгерской имперіи, населенную румынами?

До Дарданельской экспедиціи, начатой, какъ извѣстно, въ февралѣ нынѣшняго года, казалось несомнѣннымъ, что вотъ-вотъ Румынія не сегодня-завтра выйдетъ изъ состоянія нейтралитета и бросится на Австро-Венгрію. Дарданельская экспедиція снова осложнила вопросъ о вмѣшательствѣ Румыніи въ пользу Россіи и союзниковъ послѣдней. Эта экспедиція въ необычайной мѣрѣ усилила позиціи румынскихъ нейтралистовъ и даже дала серьезное оружіе въ руки немногочисленнымъ сторонникамъ австро-германской оріентаціи. Все же, когда въ маѣ нынѣшняго года Италія, связанная очень дружественными отношеніями съ Румыніей, объявила войну Австро-Венгріи, не только печать тройственнаго согласія, но и многіе органы австро-венгерской прессы писали въ такомъ тонѣ, какъ будто военное вмѣшательство Румыніи противъ центральныхъ державъ было уже фактомъ неустранимымъ. Однако съ той поры прошло уже много мѣсяцевъ, и въ

тотъ моментъ, когда я пишу эти строки, Румынія продолжаетъ сохранять свой нейтралитетъ, но все же вопросъ о румынскомъ вмѣшательствѣ продолжаетъ обсуждаться и въ австро-германской прессѣ, и въ печати враждебныхъ державъ. Какія условія диктуютъ румынскій нейтралитетъ, какія причины, наоборотъ, толкаютъ это маленькое государство вмѣшаться въ свалку первоклассныхъ государствъ—вотъ вопросъ, который я постараюсь теперь освѣтить.

Но прежде всего поставимъ вопросъ: что можетъ дать вмѣшательство маленькой Румыніи той коалиціи державъ, на сторону которой она станетъ, — т. е. какую силу представляетъ собой армія небольшого государства, какую военную помощь можетъ оказать Румынія одной сторонѣ, какой ударъ можетъ нанести другой?

Румынія — небольшая страна, протяженіемъ въ 131 000 квадратныхъ километровъ съ населеніемъ въ 7 250 000 жителей. По численности населенія, по своему промышленному развитію, по своей финансовой мощи, наконецъ по густотѣ своей желѣзнодорожной сѣти Румынія является безусловно самымъ могучимъ изъ Балканскихъ государствъ.

По численности населенія Румынія равняется Болгаріи и Греціи, взятымъ вмѣстѣ. Ея внѣшняя торговля (1 милліардъ франковъ) превосходитъ по своимъ размѣрамъ внѣшній товарооборотъ всѣхъ остальныхъ Балканскихъ государствъ (Болгаріи, Сербіи, Греціи, Черногоріи), вмѣстѣ взятыхъ. Наконецъ ея желѣзнодорожная сѣть по своему протяженію (3755) километровъ превосходитъ желѣзнодорожную сѣть двухъ любыхъ изъ ея балканскихъ сосѣдей. Въ Румыніи одна школа приходится на 13 000 жителей. Число студентовъ въ одномъ только Букарестскомъ университетѣ превосходитъ число учащихся въ трехъ университетахъ—Софіи, Бѣлграда и Аѳинъ, вмѣстѣ взятыхъ. Эти цифры, показывающія, что, по развитію своихъ производительныхъ силъ, Румынія является самымъ сильнымъ изъ Балканскихъ государствъ, имѣютъ громадное значеніе и для опредѣленія военной мощи Румыніи, ибо всѣ событія нынѣшней войны доказали, что боевая сила всякой страны опредѣляется не только голымъ числомъ штыковъ, которые она можетъ выставить, но и степенью ея экономическаго развитія, густотой ея желѣзнодорожной сѣти, быстротой ея мобилизаціи и т. п.

Вооруженныя силы Румыніи состоятъ изъ дѣйствующей арміи, резерва и милиціи. Дѣйствующая армія и ея резервъ назначаются для дѣйствія въ полѣ, милиція — для внутренней службы: охраны мостовъ, желѣзныхъ дорогъ, крѣпостей и т. п. Военная служба обязательна для всѣхъ гражданъ въ возрастѣ отъ 21 до 42 лѣтъ *. Ежегодно призывается къ набору до 75 000 чело-

---

* Въ мартѣ 1913 года румынскій военный министръ внесъ проектъ о продленіи срока военной службы до 46 лѣтъ.

вѣкъ, изъ коихъ принимается на службу до 50 000, т. е. 76% всего призываемаго населенія. Срокъ казарменной службы — два года въ пѣхотѣ, три въ кавалеріи. Каждый румынъ, отбывшій воинскую повинность, числится въ, такъ называемой, активной арміи до 28 лѣтъ. Затѣмъ онъ переходитъ въ резервъ, гдѣ числится до 38 лѣтъ. Наконецъ онъ переходитъ въ территоріальную милицію, гдѣ остается до 42 лѣтъ.

Въ мирное время румынская армія насчитываетъ болѣе 100 000 человѣкъ. Въ случаѣ войны или вообще въ тревожные моменты немедленно призываются подъ оружіе всѣ граждане въ возрастѣ до 28 лѣтъ, и, такимъ образомъ, формируется, такъ называемая, активная армія, состоящая изъ 5 корпусовъ (10 дивизій) или 266 батальоновъ пѣхоты. Эта армія можетъ быть мобилизована въ нѣсколько дней. Кромѣ того, первые классы резервистовъ старше 28 лѣтъ также призываются немедленно подъ оружіе въ случаѣ объявленія всеобщей мобилизаціи и образуютъ пять резервныхъ дивизій или 60 батальоновъ, — стало быть, по одной резервной дивизіи на каждый корпусъ. Такимъ образомъ, каждый корпусъ въ случаѣ войны состоитъ изъ двухъ активныхъ дивизій и одной резервной. Вся полевая румынская армія состоитъ изъ 15 пѣхотныхъ дивизій, двухъ кавалерійскихъ дивизій (120 эскадроновъ) и около 30 артиллерійскихъ полковъ.

Уже изъ этихъ данныхъ мы видимъ, насколько преувеличиваютъ силу румынской арміи тѣ публицисты, которые вслѣдъ за румынскимъ профессоромъ Базилеско повторяютъ, будто Румынія можетъ своимъ вмѣшательствомъ бросить на чашу вѣсовъ 1 милліонъ штыковъ и разрѣшить конфликтъ согласно своей волѣ въ ту или другую сторону. Если Румынія вмѣшается въ пользу Австріи, милліонная румынская армія вторгнется въ Бессарабію, овладѣетъ Кишиневомъ, Бендерами, пойдетъ на Одессу, Херсонъ, отрѣжетъ всю южную Россію отъ Чернаго моря, сдѣлаетъ безполезной всю Дарданельскую экспедицію и заставитъ Россію капитулировать передъ центральными державами. Атакуй, наоборотъ, милліонная румынская армія Австро-Венгрію — и тогда судьба Европы приметъ другой характеръ. Двуединой имперіи придется отвлечь многіе корпуса отъ русской границы, отъ сербской территоріи для борьбы съ грозной румынской арміей, опирающейся на удивительную систему крѣпостей. Облегченно вздохнетъ 170-милліонная Русская Имперія и, воодушевленная громадной поддержкой, оказанной ей могучей Румыніей, съ удвоенными силами бросится на врага. И не только Сербія, но и Россія, Франція, Англія, Бельгія, Италія и даже Японія будутъ, такимъ образомъ, благодаря милліону румынскихъ штыковъ, спасены отъ вѣрнаго пораженія въ борьбѣ съ страшнымъ германскимъ колоссомъ и выйдутъ побѣдителями изъ конфликта съ послѣднимъ.

Пусть мой снисходительный читатель не думаетъ, что я шар-

жирую. Я только повторяю почти съ буквальной точностью разсужденія одного изъ видныхъ политическихъ дѣятелей Румыніи, профессора и депутата Базилеско, опубликовавшаго въ швейцарской газетѣ „Journal de Génève“ (1 іюня 1915 г.) статью, гдѣ доказывается, что „шпага Румыніи можетъ лечь рѣшающимъ грузомъ на вѣсахъ войны“, что „милліонъ румынскихъ штыковъ держитъ на своихъ остріяхъ судьбу Европы“ и т. д. „Я бы могла васъ убить!“ — какъ бы говоритъ устами Базилеско Румынія, обращаясь то къ центральнымъ державамъ, то къ четверному согласію: „Что дадите вы мнѣ, дабы я этого не сдѣлала и вмѣсто васъ убила вашего противника?“

Прежде всего скажемъ, что эта цифра — 1 милліонъ штыковъ, которая такъ часто встрѣчается не только въ румынской, но и въ европейской прессѣ, представляетъ собой чистѣйшій абсурдъ. Страна въ 7—8 милліоновъ душъ населенія не можетъ выставить на театръ войны милліонъ штыковъ. При характерѣ современнаго боя, при разрушительной силѣ современнаго огня, всякая страна, ведущая войну, вынуждена на ряду съ арміями, дѣйствующими на линіи огня, сооружать въ тылу, въ такъ называемыхъ, резервныхъ батальонахъ, цѣлыя арміи для непрерывнаго пополненія убыли въ сражающихся на фронтѣ войскахъ. Мнѣ извѣстенъ случай одного полка во Франціи, который, имѣя численный составъ въ 3000 человѣкъ, уже успѣлъ потерять убитыми, ранеными, вообще выбывшими изъ строя 12.000 человѣкъ, а составъ полка все остается тотъ же, ни на одну единицу меньше, чѣмъ онъ былъ, когда выступилъ въ походъ. Каждый полкъ, несмотря на самыя страшныя потери, остается и долженъ оставаться въ численномъ отношеніи какъ бы безсмертнымъ. Само собой разумѣется, что для того, чтобы полкъ сохранилъ свою боевую силу и оставался численно всегда равенъ себѣ, необходимо имѣть наготовѣ въ резервныхъ батальонахъ достаточное количество обученныхъ военному дѣлу и вооруженныхъ солдатъ для пополненія страшной убыли въ сражающихся на фронтѣ войскахъ. Только въ тотъ моментъ, когда резервные батальоны перестаютъ осуществлять свою функцію, когда они уже не въ состояніи пополнять непрерывныя потери въ сражающихся на фронтѣ батальонахъ, полкахъ, корпусахъ, — можно сказать, что боевая мощь данной страны начинаетъ клониться къ упадку и что страна идетъ къ пораженію.

Такимъ образомъ, если бы Румынія даже располагала милліономъ вооруженныхъ и обученныхъ военному дѣлу гражданъ, это не значило бы, что она можетъ двинуть къ границамъ милліонъ штыковъ. Мы видѣли, что румынская армія состоитъ изъ 5 армейскихъ корпусовъ. Кладя на каждый корпусъ по 60 000 комбатантовъ (максимальная цифра для корпуса), мы получаемъ, что въ случаѣ войны Румынія можетъ выставить 300 000 пѣхо-

тинцевъ. Присоединяя сюда кавалерію и артиллерію, мы получимъ армію въ 400 000 человѣкъ, такъ называемой, первой линіи.

400 000 человѣкъ — вотъ вся сила, которую Румынія можетъ бросить на театръ войны, вотъ тотъ мечъ, который со страшнымъ напряженіемъ своихъ силъ можетъ удерживать въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ на чашѣ европейскихъ вѣсовъ эта небольшая страна. Правда, румынская армія прекрасно вооружена, хорошо обучена военному дѣлу; правда, за долгій періодъ нынѣшней войны румынское правительство успѣло заготовить достаточное количество снарядовъ, такъ что эта армія представляетъ собой внушительную силу, но все же какъ далеко отъ этой скромной цифры 400 000 до фантастическихъ выкладокъ профессора Базилеско!

Однако былъ моментъ, когда вмѣшательство 400-тысячной прекрасно вооруженной румынской арміи могло сыграть очень серьезную роль въ нынѣшней войнѣ. Это было тогда, когда русскія арміи стояли у Карпатскихъ проходовъ и угрожали Венгерской равнинѣ, направляя свой путь на Будапештъ. Въ этотъ моментъ нападеніе румынской арміи при содѣйствіи 200 000 сербовъ на южныя границы Австріи могло бы въ значительной мѣрѣ парализовать силы Двуединой имперіи и помѣшать позднѣйшему наступленію австрійскихъ войскъ противъ Россіи. Это былъ рѣшительный моментъ. Этотъ моментъ Румынія пропустила, и теперь она его не вернетъ. Конечно, и теперь вмѣшательство Румыніи могло бы оказать значительную пользу ея будущимъ союзникамъ и нанести серьезный вредъ ея врагамъ. Нападеніе 400-тысячной румынской арміи на границы Бессарабіи значительно ослабило бы силы Россіи на другихъ фронтахъ. Наоборотъ, вмѣшательство Румыніи противъ Австріи поставило бы центральныя державы въ очень неудобное положеніе: во-первыхъ, была бы окончательно прервана всякая связь между этими державами и Оттоманской имперіей; во-вторыхъ, даже въ томъ случаѣ, если бы румынской арміи не удалось ворваться на австрійскую территорію, на Австро-Венгрію выпала бы новая задача защищать новый фронтъ протяженіемъ въ 400 километровъ (отъ Желѣзныхъ Воротъ до Черновицъ); въ-третьихъ, вмѣшательство румынской арміи обезопасило бы правый флангъ сербской арміи и увеличило бы наступательную силу послѣдней.

Во всякомъ случаѣ, въ настоящій моментъ вмѣшательство Румыніи въ пользу четверного согласія могло бы имѣть серьезное вліяніе на ходъ военныхъ дѣйствій только при самомъ энергичномъ наступленіи противъ болгарскихъ и австро-нѣмецкихъ войскъ со стороны союзныхъ армій и при поддержкѣ Греціи. Роль же румынской арміи въ качествѣ самостоятельнаго фактора не можетъ быть велика въ нынѣшней грандіозной войнѣ, и потому понятно, что Румынія ни въ коемъ случаѣ не можетъ

оказать того рѣшающаго вліянія на исходъ войны, какое грезилось румынскому патріоту Базилеско.

* * *

Несомнѣнно, что если Румынія выйдетъ изъ своего нейтралитета, она примкнетъ къ сильнѣйшей сторонѣ, и примкнетъ въ тотъ моментъ, когда ея правящимъ классамъ будетъ казаться, что дѣло Румыніи — „дѣло вѣрное“, и что страна ничѣмъ не рискуетъ — кромѣ нѣсколькихъ сотъ тысячъ человѣческихъ жизней и разоренія трудовыхъ массъ, — ввязываясь въ кошмарную войну между могучими европейскими державами. Насколько осторожно румынское правительство въ этомъ отношеніи, какъ боится оно скомпрометировать себя, прежде чѣмъ окончательно не выяснятся шансы побѣды той или другой изъ воюющихъ коалицій, видно изъ того факта, что когда — въ моментъ вторженія австро-германскихъ войскъ въ Польшу и Курляндію — датская газета „Berlinske Tidende“ напечатала сообщеніе о заключеніи договора между Румыніей и четвернымъ согласіемъ, генеральный румынскій консулъ немедленно послалъ въ упомянутую газету слѣдующее опроверженіе:

„Сообщеніе, опубликованное Вами, о договорѣ съ четвернымъ согласіемъ и о вмѣшательствѣ Румыніи въ войну противъ центральныхъ державъ представляетъ собой печальную мистификацію. Я прошу Васъ принять во вниманіе это заявленіе и довести до свѣдѣнія Вашихъ читателей, что это алармистское сообщеніе лишено всякаго основанія“

Вотъ какъ перепугалось румынское правительство, располагающее милліономъ всесокрушающихъ штыковъ, когда датская газета, въ моментъ наступленія австро - германскихъ войскъ на Польшу, сообщила о намѣреніи Румыніи бросить свой тяжелый и острый мечъ на чашу вѣсовъ!

Какіе интересы связываютъ и разъединяютъ Румынію съ воюющими другъ съ другомъ сосѣдними странами? Въ чемъ заключаются имперіалистскіе планы господствующихъ классовъ этого балканскаго государства? Почему многіе румынскіе государственные дѣятели съ такой тревогой ставятъ передъ собой вопросъ: „На кого выгоднѣе напасть въ удобный моментъ — на Россію или на Австро-Венгрію? Противъ кого изъ этихъ двухъ государствъ Румынія должна бросить всѣ свои силы, чтобы осуществить наконецъ созданіе новаго могучаго Румынскаго государства“?

Съ другой стороны, если существуютъ такіе румынскіе публицисты, какъ Кортони, который пишетъ въ журналѣ „Viata Romaneasca“, издаваемомъ въ Яссахъ, что Румынія должна быть готова напасть съ тылу на Россію, все одно — выйдетъ ли послѣдняя побѣдительницей или побѣжденной, и доказываетъ, что

въ случаѣ пораженія Россіи нужно будетъ отнять у нея Бессарабію, а въ случаѣ побѣды Россіи надъ Австріей нужно будетъ отнять у Русской Державы эту побѣду силой румынской арміи,— зато существуютъ вліятельные писатели и государственные дѣятели, въ родѣ Николая Филипеску, Тако Іонеску и др., которые утверждаютъ, что главнымъ врагомъ Румыніи является Австро-Венгрія, и что поэтому воевать нужно только съ послѣдней, опираясь на помощь Россіи и ея союзниковъ.

II.

Экономическое положеніе Румыніи заслуживаетъ большого вниманія для пониманія ея внѣшней политики. Въ экономической структурѣ страны, въ реальныхъ интересахъ ея господствующихъ классовъ мы находимъ могучіе факторы, которые толкаютъ Румынію, съ одной стороны, къ сближенію съ Франціей и Англіей, а съ другой, наоборотъ, связываютъ это балканское государство съ Австро-Венгріей и Германіей.

Почва Румыніи очень бѣдна углемъ. Ея единственнымъ минеральнымъ богатствомъ является керосинъ. Это отсутствіе угля задерживаетъ развитіе въ Румыніи фабрично-заводской промышленности. Страна имѣетъ земледѣльческій характеръ. Вывозъ сельскохозяйственныхъ продуктовъ составляетъ главную статью румынскаго экспорта (74%). Кромѣ того, вывозятся керосинъ и лѣсъ. Будучи очень слабо развита въ фабричномъ отношеніи, Румынія ввозитъ изъ-за границы металлы, машины, текстильные предметы и одежду. Гдѣ покупаетъ Румынія эти необходимыя ей желѣзо, одежду, сельскохозяйственныя машины? Куда продаетъ, въ обмѣнъ, эта страна свой хлѣбъ, свой керосинъ и лѣсъ? Вотъ вопросы, отвѣты на которые разъяснятъ намъ не мало въ англофильскихъ, франкофильскихъ, германофильскихъ чувствахъ Румыніи или, наоборотъ, въ ея „антипатіяхъ" къ той или другой странѣ.

Главнымъ кліентомъ Румыніи является Англія, которая прямымъ путемъ черезъ Лондонъ или обходнымъ черезъ Антверпенъ поглощаетъ половину всего экспорта Румыніи, при чемъ покупаетъ $^3/_4$ румынской пшеницы. Далѣе немаловажными кліентами Румыніи являются Бельгія, Франція, Италія, которые покупаютъ румынскій керосинъ. Итакъ, Румынію съ Франціей, Англіей, Бельгіей, Италіей связываютъ въ торговомъ отношен и узы, которыя соединяютъ поставщика съ его наиболѣе важнымъ и наиболѣе выгоднымъ кліентомъ.

Обратныя отношенія связываютъ Румынію съ Австро-Венгріей и Германіей. Румынія является уже не поставщикомъ для этихъ странъ, а ихъ кліентомъ. Румынія покупаетъ у Германіи въ пять разъ болѣе, чѣмъ продаетъ послѣдней. Итакъ, борьба

между англо-французскимъ вліяніемъ въ Румыніи и вліяніемъ австро-германскимъ есть, въ сущности, борьба между клiентами и поставщиками этой страны. Мы любимъ нашихъ клiентовъ, особенно такихъ, которые хорошо расплачиваются за товаръ, но мы зависимъ отъ нашихъ поставщиковъ. Положеніе очень деликатное. Господствующіе классы Румыніи, ея земледѣльцы — „бояре“ наживаются на продажѣ своихъ сельскихъ продуктовъ и керосина въ Англію, Францію, Бельгію. Однако необходимость покупать сравнительно громадное количество товаровъ въ Австро-Венгріи и Германіи вызываетъ необходимость въ австро-германскомъ кредитѣ, усиливаетъ финансовую зависимость отъ центральныхъ государствъ. Въ Букарестѣ имѣются три нѣмецкихъ банка, только одинъ англійскій и ни одного французскаго. Проникновеніе германскаго капитала и нѣмецкихъ товаровъ въ Румынію усиливалось въ теченіе послѣднихъ лѣтъ съ необычайной быстротой и вело къ „германизаціи“ страны. Французскій языкъ до сихъ поръ остается разговорнымъ языкомъ въ румынскихъ салонахъ, но въ магазинахъ говорятъ по-нѣмецки.

Понятно, что экономическое и финансовое вліяніе центральныхъ державъ, роль австро-германскихъ банковъ не мало содѣйствовали „германофильскимъ“ тенденціямъ въ правящихъ кругахъ Румыніи и ослабляли значеніе „симпатій“ къ Англіи и Франціи, этимъ странамъ, „являющимся очагами цивилизаціи и культуры, носителями идей свободы“ и т. п. На ряду съ экономическимъ и финансовымъ факторомъ, вліянію „германофильской“ партіи въ Румыніи сильно содѣйствовали два благопріятныхъ условія: династическія связи центральныхъ державъ съ Румыніей и недоброжелательство нѣкоторой части румынскаго общества къ Россіи изъ-за вопроса о Бессарабіи.

Недовольный отнятіемъ у Румыніи Бессарабіи, король Карлъ въ 1883 году заключилъ тайную конвенцію съ тройственнымъ союзомъ, по которому Румынія въ случаѣ войны центральныхъ державъ съ Россіей обязывалась вторгнуться своими войсками въ Бессарабію и не заключать мира безъ согласія державъ тройственнаго союза. Такимъ образомъ, эта конвенція была заключена черезъ годъ послѣ подписанія военнаго договора между Австріей и Германіей, съ одной стороны, Италіей — съ другой. Румынская военная конвенція съ тройственнымъ союзомъ возобновлялась нѣсколько разъ, но офиціально о ея существованіи въ Румыніи не было извѣстно никому, кромѣ короля и президентовъ совѣта министровъ.

Въ силу этой конвенціи, румынская армія въ случаѣ войны должна была идти отъ Штафанештъ черезъ Бѣльцы до Могилева Подольскаго, въ то время какъ австрійская двигалась бы изъ южной Галиціи и Буковины черезъ Каменецъ-Подольскъ на Кіевъ. Параллельно съ этимъ предполагалось движеніе нѣсколькихъ кор-

пусовъ итальянской арміи въ промежуткахъ между войсками румынскими и австрійскими. Такимъ образомъ, румынскіе солдаты, настроенные не очень дружелюбно по отношенію къ австрійскимъ, не находились бы на поляхъ битвъ въ непосредственномъ соприкосновеніи съ ними.

Впервые покойный король Карлъ сообщилъ объ этой тайной конвенціи на экстраординарномъ засѣданіи всѣхъ нынѣшнихъ и бывшихъ министровъ и лидеровъ партій, состоявшемся въ Синайѣ въ моментъ взрыва нынѣшней войны. Король Карлъ настаивалъ на томъ, что Германія одна собственными силами въ состояніи разбить и Россію, и Францію, вмѣстѣ взятыя, и указывалъ, что Румынія только выиграетъ, если ея знамя будетъ развѣваться рядомъ съ знаменемъ нѣмецкимъ, и требовалъ отъ своихъ министровъ исполненія условій подписанной имъ военной конвенціи. Совѣтъ министровъ и лидеровъ партій единогласно, за исключеніемъ голоса бывшаго министра Карпа, — отвергъ требованіе короля и нашелъ, что конвенція не дѣйствительна ни по формѣ, ни по существу. Конвенція, — доказывали члены совѣта, — подписана только однимъ королемъ и, такимъ образомъ, является его личнымъ актомъ, обязывающимъ румынскаго монарха какъ частнаго человѣка, но не обязывающимъ ничуть страну. Въ силу румынской конституціи, для страны имѣютъ обязательную силу только конвенціи, ратификованныя палатами. Одинъ изъ участниковъ совѣщанія, консерваторъ, указалъ, что ни онъ, ни его коллеги, ни даже члены кабинета никогда не читали конвенціи, которая держалась въ секретѣ, чѣмъ были нарушены основныя политическія традиціи, требующія, чтобы секретныя соглашенія съ иностранными державами получили санкцію обѣихъ палатъ. Король доказывалъ, что Румынія находится въ томъ же положеніи, что и Италія, входящая въ тройственный союзъ, но, по ироніи судьбы, во время этого засѣданія была получена телеграмма, что Италія рѣшила держаться строгаго нейтралитета. Это усилило позицію противниковъ войны: „Конвенція заключена съ тройственнымъ союзомъ, т. е. съ Германіей, Австро-Венгріей, Италіей, вмѣстѣ взятыми, а не съ одной или съ двумя изъ державъ этого союза. Разъ Италія не воюетъ, — конвенція теряетъ всякое значеніе не только для страны, но лично для короля, подписавшаго ее. По условіямъ конвенціи, въ случаѣ войны съ двойственнымъ союзомъ, половина итальянской арміи должна была идти къ русско-австрійской границѣ и дѣйствовать здѣсь на юго-восточномъ фронтѣ въ соединеніи съ румынскими войсками. Разъ одно изъ условій конвенціи по волѣ или противъ воли Австро-Венгріи и Германіи нарушено одною изъ сторонъ, подписавшихъ эту конвенцію съ Румыніей, конвенція теряетъ всякое обязательное значеніе для Румыніи“. Такъ аргументировали противники войны съ Россіей, и король, требовавшій войны съ послѣдней, остался въ меньшинствѣ.

Эта конвенція показываетъ, между прочимъ, какимъ серьезнымъ противникомъ считалась въ то время Россія. Въ случаѣ войны съ послѣдней и Франціей часть нѣмецкой арміи (саксонскіе корпуса), вся австрійская армія, вся румынская, половина итальянской арміи должны были идти именно противъ Россіи.

Весь стратегическій смыслъ этой конвенціи заключался въ томъ, что, согласно ей, именно на долю румынской арміи, предназначенной къ движенію отъ Штафанештъ черезъ Бѣльцы къ Могилеву Подольскому, выпала бы защита Перемышля и Львова. Румынская пресса объясняетъ первоначальную отдачу Львова и Перемышля, обратное взятіе которыхъ потребовало столько энергіи отъ австро-нѣмецкихъ войскъ, именно тѣмъ обстоятельствомъ, что румынская армія, которой предполагалось поручить защиту этихъ пунктовъ, оказалась внѣ строя, между тѣмъ какъ австрійскимъ арміямъ пришлось заниматься другими операціями.

Нынѣшняя война началась совершенно неожиданнымъ образомъ въ томъ отношеніи, что Германія и Австрія сразу же потеряли двухъ союзниковъ: Румынію и Италію, съ которыми онѣ были связаны въ теченіе болѣе тридцати лѣтъ постоянно возобновлявшимися военными конвенціями, въ то время какъ Россія и Франція, наоборотъ, пріобрѣли союзниковъ, которыхъ Германія никакъ не разсчитывала увидѣть на сторонѣ Россіи, какъ, напримѣръ, Японію.

Отказываясь присоединиться къ Германіи и Австріи на основаніи тайной конвенціи, румынскіе министры мотивировали свое отрицательное отношеніе къ предложенію короля тѣми же аргументами, что и итальянское правительство, объявившее въ самомъ началѣ войны свой нейтралитетъ. Румынія, подобно Италіи, подписала съ Германіей и Австріей оборонительный союзъ, между тѣмъ Германія и Австрія первыя начали войну, — стало быть, это война наступательная, и Румынія въ ней не обязана была принимать участіе. Но, конечно, причины румынскаго нейтралитета, какъ и итальянскаго, лежали въ другихъ областяхъ:

1) Подобно Италіи, Румынія не желала вступить въ конфликтъ съ Франціей и особенно съ Англіей; 2) въ виду сильнаго негодованія, которое во всей нейтральной Европѣ, въ болѣе передовыхъ слояхъ общества и особенно въ рабочихъ массахъ, вызвало нападеніе Германіи на Бельгію, румынское правительство, подобно итальянскому, не желало компрометировать себя сочувствіемъ въ этомъ слишкомъ вопіющемъ преступленіи; 3) наконецъ, подобно Италіи, имперіалистская Румынія имѣла свои причины не желать усиленія Австріи, а, наоборотъ, ожидать осуществленія своихъ мегаломанскихъ плановъ отъ ослабленія или распаденія послѣдней.

Подобно тому, какъ мы это видимъ въ Италіи, въ Румыніи существуетъ свое ирредентистское движеніе, движеніе въ пользу присоединенія къ королевству „неосвобожденныхъ земель". Ру-

мынская раса широко разбросана за предѣлами современной Румыніи и разселена въ однихъ мѣстахъ компактными группами, въ другихъ небольшими островками. Десятки тысячъ румынъ живутъ далеко отъ границъ Румыніи, въ Македоніи, въ Греціи, въ Моравіи, но главная масса зарубежныхъ румынъ, около пяти милліоновъ ихъ, живетъ въ областяхъ, примыкающихъ непосредственно къ границамъ современнаго Румынскаго королевства. Уже одна эта цифра — пять милліоновъ — показываетъ, какое громадное значеніе для имперіалистской Румыніи, все населеніе которой составляетъ всего 7 милліоновъ душъ, имѣетъ ея ирредентистское движеніе.

И какъ разъ главная масса зарубежныхъ румынъ населяетъ прилегающія къ королевству австро-венгерскія области: болѣе 2 000 000 румынъ живетъ въ Трансильваніи, гдѣ румынскій элементъ представляетъ 55 % населенія, около 700 000 — въ Банатѣ, 650 000 въ Маросѣ, 250 000 въ горахъ Мармароса, 259 000 въ Буковинѣ, — итого около 4 000 000 душъ. И за исключеніемъ Мармароса, во всѣхъ этихъ австрійскихъ областяхъ румынскій элементъ представляетъ абсолютное большинство. Нѣкоторые румынскіе историки опредѣляютъ число румынъ въ прилегающихъ къ Румыніи австрійскихъ областяхъ въ 5 000 000 душъ. Такимъ образомъ, присоединивъ эти области, Румынія увеличитъ почти вдвое свою территорію и свое населеніе и создастъ себѣ прекрасную стратегическую границу на сѣверѣ, образуемую Трансильванскими Карпатами, представляющими собой природную первоклассную крѣпость.

Не удивительно, что румынскіе ирредентисты облегченно вздохнули, когда узнали, что совѣтъ министровъ отклонилъ предложеніе короля начать войну противъ Россіи, Франціи, Англіи въ союзѣ съ Германіей и Австро-Венгріей: Трансильванія, Банатъ, Буковина, — всѣ эти австрійскія земли должны рано или поздно принадлежать Румыніи, и потому было бы безуміемъ со стороны послѣдней поддерживать разлагающуюся Двуединую имперію, особенно Венгрію, этого „наслѣдственнаго врага“ румынской націи. Правда, Банатъ, Трансильванія, Буковина — все это такія мѣстности, гдѣ, какъ общее правило, населеніе пестрое, смѣшанное, гдѣ на ряду съ румынами живутъ венгры, евреи, русины, которые отнюдь не желаютъ попасть подъ иго румынскихъ бояръ, но какое до этого дѣло румынскимъ ирредентистамъ, жаждущимъ „освободительной“ войны, правда, въ удобный моментъ и съ наименьшимъ рискомъ.

Кромѣ Баната, Трансильваніи, Буковины, существуетъ еще одна область, о присоединеніи которой къ королевству мечтаютъ румынскіе ирредентисты: я имѣю въ виду Бессарабію, въ которой насчитывается до милліона румынъ. Но это касается уже русско-румынскихъ отношеній, и къ этому вопросу мы сейчасъ переходимъ.

III.

Въ 1877 году Россія объявила войну Турціи во имя освобожденія славянскихъ народностей: болгаръ, сербовъ, черногорцевъ и т. п. Въ началѣ военныя дѣйствія развивались очень успѣшно для русской арміи, которая легко перешла Дунай и быстро двигалась впередъ, пока не была остановлена у Плевны знаменитымъ турецкимъ генераломъ Османомъ-Пашой. Хотя Плевна не представляла сильной природной крѣпости и хотя у Османа-Паши не было большой арміи, турецкому полководцу удалось въ теченіе шести мѣсяцевъ удерживать русскія арміи и нанести послѣдней рядъ пораженій. Османъ-паша былъ геніальнымъ полководцемъ, предугадавшимъ роль траншей въ современной войнѣ, и, благодаря примѣненію этого метода защиты, онъ превратилъ Плевну въ неприступную крѣпость. Три раза — 8 іюля, 18 іюля, наконецъ 30 августа — русскія войска бросались въ атаку противъ плевненскихъ позицій, подъ командой знаменитаго генерала Скобелева, но каждый разъ Османъ-Паша отбрасывалъ русскихъ, нанося имъ страшныя потери. Положеніе Россіи страшно осложнилось. Престижъ ея въ Европѣ началъ сильно падать. Нужно было, во что бы то ни стало, выйти поскорѣе изъ критическаго положенія и покончить съ Плевной. Рѣшено было обратиться за помощью къ Румыніи. Румынія согласилась дать 30-тысячную армію съ сильной артиллеріей, но поставила опредѣленныя условія: передачу командованія надъ всѣми войсками румынскими и русскими румынскому королю. Пришлось согласиться на это условіе, столь лестное для маленькаго государства, но, въ сущности, не имѣющее никакого реальнаго значенія.

Въ декабрѣ Османъ-Паша, вынужденный голодомъ гарнизона, отрѣзаннаго отъ всѣхъ сообщеній, сдѣлалъ попытку пробиться и сдался, потерявъ 4000 человѣкъ. Дорога на Константинополь была открыта для русской арміи, и Турція вынуждена была подписать миръ. Сдачу Плевны румыны приписываютъ своей арміи.

. . . .

. . . .

Когда, по окончаніи войны, Берлинскій конгрессъ закрѣпилъ за Россіей Бессарабію, въ Румыніи, на почвѣ общаго возмущенія этимъ „вѣроломнымъ“ актомъ, создалась сильная руссофобская партія, во главѣ которой стояли бывшій министръ Карпъ, издающій теперь германофильскую газету „Moldova“, историкъ Ради Розетти, редактирующій журналъ „Viata Romaneasca“, далѣе Маргиломанъ и многіе другіе. Руссофобы доказываютъ, что Румынія не должна стремиться къ отторженію отъ Австріи Буковины, Трансильваніи, а должна направить всѣ свои усилія къ отнятію у русскихъ Бессарабіи.

Однако руссофобская пропаганда наталкивается на одно очень

важное препятствіе. Дѣло въ томъ, что въ Бессарабіи числится всего 1 милліонъ румынъ, въ то время какъ въ австрійскихъ земляхъ ихъ въ четыре раза больше. Конечно, было бы хорошо имѣть и Бессарабію, и Трансильванію, но такъ какъ этого трудно достигнуть, — приходится довольствоваться перспективой отторженія земель отъ одной Австріи.

Имѣется еще одно обстоятельство, которое за послѣднее время сильно ослабило ирредентистскія стремленія Румыніи по отношенію къ Бессарабіи. Дѣло въ томъ, что въ этой русской провинціи живетъ не мало евреевъ. Главный городъ Бессарабіи, Кишиневъ — чисто еврейскій городъ. Реакціонная Румынія имѣетъ 300 000 своихъ евреевъ и считаетъ, что этого числа для нея достаточно. Между тѣмъ реакціонному румынскому боярству хорошо извѣстны высокій культурный уровень и свободолюбивый духъ еврейской интеллигенціи и еврейскаго пролетаріата южной области Россіи и въ томъ числѣ Бессарабіи. Румынской реакціи не желательно ввести въ маленькую Румынію новый элементъ революціоннаго броженія въ лицѣ передовыхъ слоевъ бессарабскаго еврейства, стоящаго во всѣхъ отношеніяхъ несравненно выше румынскаго еврейства.

Принимая во вниманіе всѣ эти обстоятельства, многіе румыны находятъ, что Бессарабія, населенная всего однимъ милліономъ ихъ соплеменниковъ, при томъ сильно руссифицированная за послѣдніе 40 лѣтъ, не представляетъ области, имѣющей **жизненное** значеніе для Румыніи. Въ виду этого можно было бы, съ точки зрѣнія этихъ румынъ, вполнѣ удовлетвориться уступкой со стороны Россіи двухъ-трехъ пограничныхъ округовъ Бессарабіи, гдѣ населеніе почти сплошь румынское и гдѣ „руссификація" не имѣетъ особыхъ успѣховъ.

Такимъ образомъ, когда началась нынѣшняя война, Румынія рѣшила, несмотря на конвенцію съ Австріей, примкнуть къ Россіи за небольшую компенсацію на границѣ Бессарабіи и за право захватить военной силой австрійскія земли, населенныя румынами. Румынскому посланнику Діаманди было поручено вступить въ переговоры съ русскимъ правительствомъ объ условіяхъ вмѣшательства Румыніи въ войну съ центральными державами. Миссія, возложенная на Діаманди, кончилась полной неудачей (сентябрь 1914 года). По этому поводу и въ русской, и въ европейской прессѣ дѣлались намеки, будто Румынія потребовала отъ Россіи въ награду за вмѣшательство уступки всей Бессарабіи. Какъ извѣстно въ настоящее время изъ источниковъ, не возбуждающихъ никакихъ сомнѣній, Діаманди подчеркнулъ, что Румынія не домогается ни еврейскаго Кишинева, ни округовъ Бессарабіи, гдѣ болѣе или менѣе многочисленъ русскій или болгарскій элементъ, что она готова удовлетвориться исправленіемъ пограничной черты, которое дало бы ей возможность присоединить къ

своей территоріи 200 000 бессарабскихъ румынъ. Это предложеніе Румыніи было рѣшительно отвергнуто русской дипломатіей, которая согласилась уступить Румыніи нѣкоторыя австрійскія территоріи, но ни клочка территоріи русской. Обиженная такимъ отвѣтомъ, Румынія рѣшила вложить мечъ въ ножны и прекратить переговоры съ русскимъ правительствомъ.

Однако черезъ мѣсяцъ, въ октябрѣ того же года, Румынія снова вступила въ переговоры съ Россіей и подписала конвенцію, по которой Румынія въ награду за свой нейтралитетъ получитъ право аннексировать австро-венгерскія области, населенныя румынами, при условіи оккупаціи этихъ территорій до окончанія войны. Это условіе „до окончанія войны" ясно показывало, что Румынія заключила наступательный союзъ съ Россіей и обязалась въ моментъ, который она найдетъ удобнымъ, ворваться въ Австрію.

Однако скоро возникли недоразумѣнія. Россія заявила, что подъ словами „области, населенныя румынами" надо разумѣть „области, населенныя большинствомъ румынъ". Основываясь на этомъ, Россія отказывалась уступить Румыніи австрійскую Буковину, гдѣ румыны не представляютъ большинства, равнымъ образомъ австрійскій Банатъ, который русская дипломатія обѣщала уже Сербіи, и соглашалась отдать Румыніи только Трансильванію. Эти переговоры велись въ тотъ моментъ, когда австрійскія войска держали въ своихъ рукахъ всѣ эти спорныя области и не только не думали уходить оттуда, но собирались ворваться въ русссія владѣнія.

Въ концѣ концовъ, переговоры прервались, и обѣ стороны повернулись другъ къ другу спиной. Тѣмъ не менѣе октябрьскій договоръ, по которому Румынія обязалась до окончанія войны аннексировать австрійскія области, оставался въ силѣ. Нѣсколько разъ въ теченіе минувшихъ мѣсяцевъ Россія предлагала Румыніи воспользоваться предложеннымъ ей правомъ, но каждый разъ румынское правительство отвѣчало, что „до окончанія войны" времени еще много и что оно успѣетъ воспользоваться предоставленнымъ ему правомъ.

Наконецъ наступаетъ моментъ, когда сдѣлалось окончательно извѣстно правительствамъ Россіи, Франціи и Англіи, что Италія объявляетъ войну Австріи. Русская армія стояла у Карпатъ, и румынская армія, прикрывая лѣвое крыло русской арміи и опираясь, въ свою очередь, на сербскія войска, могла бы сыграть очень важную роль въ развитіи военныхъ операцій въ благопріятномъ для Россіи направленіи. Россія предложила Румыніи сейчасъ же начать кампанію, но правительство румынское поставило непремѣннымъ условіемъ уступку Черновицъ. Русская дипломатія отвергла эти притязанія румынъ, заявивъ, что Россія желаетъ въ случаѣ разгрома Австріи присоединить Черновицы в

прилегающую зону къ своей собственной территоріи. Однако румынскій премьеръ-министръ Братіано обнаружилъ рѣшительную непреклонность въ вопросѣ о Черновицахъ.

Изъ-за вопроса о Черновицахъ переговоры опять прервались. 400-тысячная румынская армія не двинулась въ бой, сербскія и черногорскія войска, лишенныя, такимъ образомъ, всякой связи съ румынскими силами, остались на мѣстѣ, что, конечно, не могло не ослабить нашей карпатской операціи.

Послѣ этого веденіе переговоровъ о румынскомъ вмѣшательствѣ взяла въ свои руки Франція. Переговоры въ самомъ дружескомъ тонѣ начались 8 іюня въ Парижѣ. Но обстоятельства уже значительно измѣнились. Русская армія отступила отъ Карпатъ. Перемышль былъ занятъ австро-германскими войсками, которыя, перейдя Днѣстръ, начинали уже свое наступательное движеніе по направленію къ Львову. Вмѣшательство Румыніи не могло уже имѣть того значенія, что мѣсяцъ тому назадъ, при томъ оно было связано съ громаднымъ рискомъ для Румыніи.

Въ настоящій моментъ Румыніи въ награду за своевременное осуществленіе октябрьскаго договора, подписаннаго ею съ Россіей и включавшаго неопредѣленное выраженіе: „до окончанія войны", обѣщаютъ Трансильванію, Буковину съ Черновицами до линіи Буга-Прута и часть области Баната и Темешвара, за исключеніемъ округовъ, населенныхъ сербами и имѣющихъ стратегическое значеніе для защиты Бѣлграда. Этотъ кусокъ Баната и Темешвара, являющійся территоріальнымъ прикрытіемъ для сербской столицы, долженъ перейти по планамъ четверного согласія къ Сербіи, которая жалуется, что ее хотятъ обездолить ея же союзники.

Какъ бы то ни было, теперь, послѣ отступленія русской арміи изъ Галиціи и Польши, дипломатія четверного согласія обѣщаетъ Румыніи не мало. Ирредентистская программа румынъ по отношенію къ Австріи принята почти цѣликомъ четвернымъ согласіемъ. Румынія получаетъ возможность увеличить свою территорію на 69% и численность ея населенія на 60%.

IV.

Однако со времени Дарданельской экспедиціи на сцену выступилъ новый факторъ: вопросъ о судьбѣ проливовъ не можетъ не волновать румынъ. Изъ всѣхъ Балканскихъ государствъ наиболѣе заинтересована въ вопросѣ о проливахъ Румынія. Достаточно замѣтить, что изъ 4 479 328 тоннъ, цифры, представляющей общій балансъ внѣшней торговли Румыніи въ 1911 году, — только 280 626 тоннъ были перевезены сухимъ путемъ, остальныя 4 199 702 тоннъ были перевезены по морю. Эти цифры даютъ ясное представленіе о томъ, въ какой мѣрѣ вся экономическая жизнь Румыніи связана съ вопросомъ о проливахъ.

„Никакое территоріальное увеличеніе не можетъ искупить той потери, которую Румынія понесла бы, если бы была ограничена свобода проливовъ“, говоритъ „L'Independance Roumaine“. „А это могло бы случиться при переходѣ Константинополя въ руки сильной Россіи. Румынія предпочитаетъ, чтобы проливы находились подъ контролемъ слабой Турціи, чѣмъ могущественнаго сѣвернаго колосса. Проливы всеобщая дверь, а вовсе не только русская. Иначе Черное море превратится въ румынскую темницу“.

Таковы аргументы, которые выдвигали румынскіе дипломаты въ своихъ переговорахъ съ французскими и англійскими министрами по вопросу о румынскомъ вмѣшательствѣ.

Однако теперь передъ Румыніей встаетъ новая, болѣе грозная опасность. Если Сербія будетъ разгромлена и раздавлена германо-болгарской коалиціей, Константинополь перейдетъ въ руки нѣмцевъ или болгаръ, и Румынія, все равно, очутится въ морской „темницѣ“, потерявъ при этомъ свободу сухопутнаго сношенія съ Франціей, Англіей, Италіей и т. д. Такимъ образомъ, въ случаѣ успѣха австро-германскихъ и болгарскихъ армій на Балканахъ положеніе Румыніи можетъ сдѣлаться очень критическимъ.

Вмѣшается ли Румынія въ нынѣшнюю войну и когда?

Когда одного румынскаго дипломата спросили, кто онъ, германофилъ или франкофилъ, этотъ государственный дѣятель, занимавшій долго постъ министра внутреннихъ дѣлъ, отвѣтилъ:

„Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что сочувствіе и симпатія подавляющаго большинства общества находятся на сторонѣ четверного согласія. Но мы не враги центральныхъ державъ и Турціи. Я ни германофилъ, ни франкофилъ, а румынъ прежде всего. Я прекрасно отдаю себѣ отчетъ въ томъ, что мы — маленькій и бѣдный народъ и что мы не можемъ позволить себѣ роскоши участія въ затяжной войнѣ... Когда мы придемъ на будущій мирный конгрессъ ослабленными и обезкровленными, намъ, навѣрное, не предложатъ тѣхъ областей, на которыя мы заявимъ притязанія, и мы будемъ лишены возможности поднять свой голосъ въ защиту своихъ правъ. Насъ или попросятъ вооружиться терпѣніемъ, или отрѣжутъ намъ кусокъ Буковины, что отнюдь не является нашимъ національнымъ идеаломъ. Поэтому мы должны оставаться сильными, чтобы нашъ голосъ былъ выслушанъ. Всѣ мы придерживаемся такой точки зрѣнія: если активное вмѣшательство Румыніи можетъ возымѣть какія-либо реальныя послѣдствія, то оно должно наступить, какъ можно, позже.“

Въ этихъ словахъ румынскаго государственнаго дѣятеля — ключъ къ пониманію противорѣчивой, полной всякихъ колебаній, политики Румыніи.

Румынія, тридцать лѣтъ находившаяся въ тайномъ военномъ

союзѣ съ Австріей и Германіей, разорвала эту конвенцію въ рѣшительный моментъ и, болѣе того, въ октябрѣ 1914 года подписала договоръ съ Россіей. Но самые авторитетные румынскіе дѣятели не знаютъ, какой шагъ сдѣлаютъ они завтра.

Какъ Буридановъ оселъ, стоитъ имперіалистская Румынія между двумя стогами сѣна, не зная, къ которому изъ нихъ потянуться, и сознавая лишь одно: какое бы рѣшеніе она ни приняла, ей предстоитъ изрядная трепка и смертный бой съ владѣльцами соблазняющихъ ее стоговъ.

Но не сама перспектива войны пугаетъ правящіе классы Румыніи. Румынія, какъ и Греція, желаетъ вмѣшаться въ конфликтъ. Но обѣ страны хотятъ вмѣшаться, какъ можно, позже, съ наименьшимъ рискомъ и съ перспективами получить, какъ можно, больше. Они хотятъ вступить въ войну въ тотъ моментъ, когда обѣ воюющія теперь стороны окажутся достаточно истощенными, такъ, чтобы не только во время войны, но въ особенности во время будущаго мирнаго конгресса арміи каждаго изъ этихъ маленькихъ государствъ могли представлять болѣе или менѣе внушительную величину на ряду съ арміями хотя несравненно болѣе сильныхъ, но зато совершенно обезкровленныхъ и ослабленныхъ первоклассныхъ державъ.

Вотъ въ какихъ условіяхъ и Румынія, и Греція желаютъ вмѣшаться въ нынѣшнюю войну. Ихъ цѣль — оттянуть моментъ интервенціи къ концу войны. Цѣль же четверного согласія — заставить эти государства немедленно выйти изъ своего нейтралитета. Во всякомъ случаѣ, намѣреніе и Греціи, и Румыніи заключается въ томъ, чтобы поспѣшить на помощь наиболѣе сильному, а не наиболѣе слабому. Рѣшительная побѣда четверного согласія на Балканахъ или на какомъ-либо другомъ театрѣ войны была бы, по мнѣнію дипломатовъ, самымъ лучшимъ средствомъ, чтобы заставить и Грецію, и Румынію отбросить въ сторону всякія колебанія и броситься на помощь побѣдителю.

Мих. Павловичъ.

АНГЛІЙСКІЯ НАСТРОЕНІЯ.

(ПИСЬМО ИЗЪ АНГЛІИ.)

I.

Впервые за пятнадцать мѣсяцевъ войны Англія переживаетъ полосу внутренняго кризиса. Правда, недѣли, когда за кулисами парламента создавался коалиціонный кабинетъ, были необычайно тревожны, и слухи, ходившіе по Лондону, исключительно фантастичны, но тогда внутреннія осложненія налетѣли очень быстро и такъ же скоро промчались, оставивъ правительство болѣе крѣпкимъ, чѣмъ раньше. Тогда привлеченія въ министерство восьми консерваторовъ было достаточно, чтобы умиротворить начинавшуюся бурю и заставить замолкнуть громовые раскаты недовольства и критики. Теперь положеніе гораздо болѣе сложно, запутано и затруднено, и правительственныя осложненія имѣютъ всѣ данныя превратиться въ затяжной кризисъ, временами теряющій свою остроту и почти забываемый, порой становящійся острымъ и угрожающимъ.

Основная причина весеннихъ перемѣнъ въ кабинетѣ и нынѣшнихъ трудностей, передъ которыми поставлено правительство, лежитъ въ ходѣ военныхъ операцій. Въ этомъ случаѣ англійскому кабинету приходится отвѣчать даже не за свои промахи и недосмотры, а за тѣ событія, которыя предопредѣлены европейской исторіей послѣднихъ десятилѣтій. „Испытаніе войной", которому подвергаетъ суровая исторія современныя государства, обнаруживаетъ и ошибки прошлыхъ поколѣній, и промахи, допущенные въ послѣднее время. Оно дѣлаетъ перекличку всѣмъ элементамъ государственнаго организма и провѣряетъ добротность и налаженность всѣхъ частей общественной жизни.

Только по роковой случайности за итоги развитія страны за послѣднія 20—30 лѣтъ приходится отвѣчать кабинету, сейчасъ находящемуся у власти. Но психологически очень понятна тенденція общественнаго мнѣнія валить всю отвѣтственность на нынѣшнихъ кормчихъ. Среди тревожныхъ, вихремъ мчащихся событій, общественное мнѣніе въ своихъ атакахъ подобно неопытному артиллеристу, который наводитъ разрушительный огонь на близкую видимую цѣль, а не на отдаленные, не-

винные съ виду пригорки, гдѣ, въ сущности, и таятся главныя силы непріятеля.

Страна и ея пресса всегда хотятъ найти „виновника“ реальнаго, персональнаго, близкаго. Иногда это выгодно и въ партійныхъ цѣляхъ. Это часто пріятно самолюбію народа, потому что помогаетъ ему не видѣть тѣхъ общихъ причинъ, за которыя отвѣтственъ каждый гражданинъ въ частности. Это всегда имѣетъ успѣхъ, потому что носитъ характеръ чрезвычайной убѣдительности и простоты: замѣните Асквита Бонаръ-Лоу — и дѣло въ шляпѣ.

Нападки на кабинетъ, идущія не только изъ консервативныхъ круговъ, но и изъ рядовъ либеральной партіи, стали особенно настойчивы и рѣзки послѣ послѣднихъ осложненій на Балканахъ. Ни разу за все время войны Англія не получала болѣе сенсаціонной вѣсти, чѣмъ телеграмма о присоединеніи Болгаріи къ центральнымъ державамъ. Конечно, поведеніе правительства царя Фердинанда было болѣе всего продиктовано нѣсколько преждевременной увѣренностью въ германской побѣдѣ и давнишними неладами кое съ кѣмъ изъ малыхъ и большихъ державъ, но англійская пресса обратила главное вниманіе на промахи, допущенные британской дипломатіей.

До самыхъ послѣднихъ недѣль ни одинъ министръ либеральнаго кабинета не пользовался бо́льшимъ общимъ довѣріемъ обѣихъ партій, чѣмъ Эдуардъ Грей. До войны только руководитель министерства иностранныхъ дѣлъ получалъ похвалы изъ устъ консервативныхъ публицистовъ. Это не удивительно, такъ какъ въ сферѣ иностранной политики либералы, въ сущности, только продолжали традиціонную англійскую политику, и лорду Лэнсдоуну почти не приходилось оппонировать своему преемнику.

Со времени образованія коалиціи оба министра иностранныхъ дѣлъ стали дѣйствовать совмѣстно, и поэтому упреки по адресу англійской дипломатіи правильнѣе было адресовать, какъ сдѣлалъ, напримѣръ, „Economist“, всей системѣ, укоренившейся въ Англіи за долгія десятилѣтія. „Economist“ указалъ, что министерство иностранныхъ дѣлъ уже давно стало какимъ-то забронированнымъ министерствомъ, которое, ссылаясь на необходимость тайны, осталось недосягаемымъ для парламентской критики и превратилось въ самовластное учрежденіе. Не только нижняя палата, но даже и самъ кабинетъ потеряли власть надъ руководителями внѣшней политики Британской имперіи.

Кромѣ того, самый составъ дипломатическаго корпуса пересталъ соотвѣтствовать современнымъ требованіямъ. Дипломатическій корпусъ испоконъ вѣковъ считается въ Англіи какимъ-то родовымъ достояніемъ поземельной аристократіи. Доступъ въ него свободенъ для родовитыхъ, но бездарныхъ молодыхъ людей и совершенно закрытъ для талантовъ, не удовлетворяющихъ

строгимъ требованіямъ геральдіи. Давно уже необходимо приравнять службу по министерству иностранныхъ дѣлъ къ другимъ категоріямъ государственной службы, т. е. демократизировать ее.

Такія замѣчанія сдѣлалъ либеральный органъ финансоваго міра. Не менѣе рѣзко напали на дипломатію и органы совсѣмъ иного политическаго направленія. Вотъ что, напримѣръ, писалъ „Morning Post“: „Результаты Британской дипломатіи на Ближнемъ Востокѣ достаточно выяснились теперь не только для всей Европы, но и для самихъ англичанъ, для которыхъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ дѣйствія министерства иностранныхъ дѣлъ были покрыты мракомъ неизвѣстности. Наша дипломатія потерпѣла полную и позорную неудачу. Министерство, желавшее обладать всевѣдѣніемъ и требовавшее для успѣшности своей деликатной и нѣжной работы полной неприкосновенности отъ всякой критики или комментаріевъ, совершило цѣлый рядъ промаховъ. Король Фердинандъ продавалъ свою помощь тому, кто больше дастъ, и это элементарное обстоятельство не было извѣстно министерству иностранныхъ дѣлъ. Если въ министерствѣ и въ нашемъ посольствѣ въ Софіи не было ни одного человѣка, кто понималъ бы положеніе дѣлъ, сэръ Эдуардъ Грей могъ бы найти кого-нибудь понимающаго и попросить совѣта. Но наше министерство иностранныхъ дѣлъ такъ же глухо къ предупрежденіямъ, какъ оно опасливо ко всякой публичности. Оно дѣйствовало подъ покровомъ священной тайны и было побито во всѣхъ пунктахъ.“

Въ такомъ же рѣзкомъ тонѣ пишутъ и „Times“, и „Daily Mail“, и ихъ противоположность, вѣскій органъ либерализма, „Manchester Guardian“. Эта послѣдняя газета посвятила нѣсколько статей критикѣ ошибокъ англійской дипломатіи и заявила, что „если бы министерство иностранныхъ дѣлъ дѣйствовало такъ, какъ нужно, Балканскій союзъ давнымъ-давно былъ бы возстановленъ“.

Какъ видите, обвиненія, выставляемыя прессой всѣхъ оттѣнковъ противъ англійской дипломатіи, въ сущности, носятъ совершенно интернаціональный характеръ, и mutata mutandis могутъ быть примѣнены ко всякой европейской странѣ. Дипломатія такъ, какъ она сложилась къ моменту міровой войны, вездѣ и всюду оказалась институтомъ архаическимъ, не удовлетворяющимъ задачамъ, которыя себѣ ставитъ демократическое государство.

Но только одна Англія нашла мужество открыто признаться въ дипломатическихъ неудачахъ и ошибкахъ.

II.

Бѣда не приходитъ одна. Дипломатическая неудача сопровождалась и нѣкоторыми ошибками иного характера. Вотъ что откровенно сообщаетъ о нихъ англійская печать. Снова дадимъ слово руководящимъ газетамъ различныхъ направленій.

Консервативный „Observer“ заявляетъ: „Когда нѣмцы напали на Сербію, и Болгарія сбросила маску, у насъ не было ни намека на какой-нибудь планъ дѣйствій, и намъ потребовалось цѣлыхъ три недѣли, чтобы принять рѣшеніе. Гроза разразилась. Она была предсказана за годъ. Въ теченіе многихъ мѣсяцевъ всѣ детали положенія были выяснены. Планъ дѣйствій долженъ бы былъ быть выработанъ до мелочей. Ничего этого не было сдѣлано“.

Статья радикальной газеты „Manchester Guardian“ повторяетъ тѣ же упреки: „По крайней мѣрѣ, три мѣсяца назадъ выяснилось, что нѣмцы пойдутъ на Ближній Востокъ, и въ теченіе этого періода у насъ имѣлась возможность послать въ Дарданеллы колоссальныя силы. Если бы это принесло удачу, нѣмецкая атака на Сербію была бы предотвращена или, по крайней мѣрѣ, не принесла бы ничего рѣшающаго. Представляющейся возможностью мы не воспользовались. Мало того, уже мѣсяцъ тому назадъ правительство должно было точно знать, что предполагаютъ дѣлать Болгарія и Германія. Если тогда считали, что операціи въ Дарданеллахъ сулятъ больше успѣха и что новая кампанія въ Македоніи нежелательна, то намъ не слѣдовало бы высаживаться въ Салоникахъ и дѣлать какія-нибудь обѣщанія Сербіи. Въ нашихъ вычисленіяхъ мы какъ будто бы совсѣмъ не учитываемъ одного существеннѣйшаго фактора — времени“.

Балканское положеніе вызвало такую рѣзкую критику, потому что оно находилось въ непосредственной связи съ ходомъ событій на Галиполи. Чтобы избѣжать всякаго обвиненія въ субъективизмѣ, я снова сошлюсь на безпристрастное свидѣтельство англійской печати. Прежде всего — на лекцію представителя англійскихъ газетъ Ашмеда Бартлета, проведшаго съ экспедиціоннымъ корпусомъ бо́льшую часть кампаніи и едва не погибшаго въ Дарданеллахъ на броненосцѣ „Маджестикъ“. Эта лекція была почти въ стенографической передачѣ опубликована во всѣхъ газетахъ, пропущена военной цензурой и не встрѣтила опроверженій.

Сущность замѣчаній Бартлета сводится къ слѣдующему (цитирую по „Times“ и „Daily Chronicle“): „Мы начали Дарданельскую экспедицію, не имѣя достаточно точнаго представленія о Турецкой имперіи. Мы полагали, что она находится при послѣднемъ издыханіи, но она даже теперь имѣетъ подъ ружьемъ 800 тысячъ человѣкъ. Наши карты были никуда не годны. Во время высадки никто не зналъ, гдѣ находятся какіе холмы и какіе именно холмы надо занять. Только послѣ того, какъ къ намъ въ руки попали турецкія карты полуострова, мы получили точное представленіе о мѣстности. Между дѣйствіями нашего флота и сухопутной арміей не было достаточной согласованности. Высадка въ Анзасѣ была ошибкой. Когда 8 мая выяснилось, что при имѣвшемся количествѣ войскъ продвинуться впередъ нѣтъ

возможности, намъ надо было переработать весь планъ дѣйствій. Вмѣсто того мы остались на прежнемъ мѣстѣ и новыя подкрѣпленія употребили для мѣстныхъ атакъ, не приведшихъ ни къ чему. Сухопутная операція была затруднена, такъ какъ мы не могли сконцентрировать артиллерійскій огонь на нѣкоторыхъ частяхъ непріятельскихъ траншей. Наши солдаты совершенно не знали мѣстности. Артиллеріи (особенно гаубицъ) было недостаточно и снарядовъ ограниченное число. Неудача при Сувла-Бай объясняется тѣмъ, что наши войска никогда еще не были подъ огнемъ и имъ пришлось сразу идти въ рукопашную и дѣйствовать безъ руководства офицеровъ, а у солдатъ не было запасовъ воды, такъ какъ разсчитывали достать ее на берегу, а колодцы и ручьи оказались зараженными. Наконецъ тайна о задачахъ высадки была такъ велика, что даже многіе офицеры не знали, что надо дѣлать, и высадившіеся солдаты должны были ждать приказаній. (Добавлю: офицеръ, командовавшій этой высадкой, смѣщенъ.) Тамъ, гдѣ мы находимся, мы стоимъ крѣпко, но и врядъ ли мы сможемъ двинуться дальше. И если даже мы пройдемъ Narrows (узкую часть Дарданеллъ), до Константинополя будетъ еще очень далеко, такъ какъ вся область сильно укрѣплена."

Въ добавленіе къ этимъ замѣчаніямъ человѣка, благія желанія котораго не приходится заподозрѣвать, интересно привести мнѣніе американскаго корреспондента, капитана Фортескью, наблюдавшаго Дарданельскую кампанію съ другого фронта — со стороны турокъ. Фортескью только что выпустилъ въ Англіи свою книгу („What of the Dardanelles?"), пропущенную англійской военной цензурой и теперь широко цитируемую здѣсь.

Фортескью указываетъ, что ошибкой было начинать морскія операціи безъ сухопутныхъ; отмѣчаетъ, что англичане не имѣли представленія о мѣстности и о турецкихъ силахъ; указываетъ, что въ самомъ началѣ дѣло могло бы увѣнчаться удачей, если бы было послано гораздо больше войска. Вначалѣ у турокъ были плохія ружья и мало амуниціи. Очень скоро, однако, нѣмцы создали свою собственную фабрику и арсеналы въ Константинополѣ для изготовленія всего нужнаго. Заключенія Фортескью очень пессимистичны: „Дарданельская экспедиція должна быть отозвана — или она будетъ истреблена. При наличности Балканскаго кризиса эвакуація Дарданеллъ можетъ быть извинена требованіями военной необходимости и отойти въ область исторіи".

Наконецъ, если мы обратимся къ третьему источнику, который долженъ подавать примѣръ историческаго безпристрастія, къ капитальной „Исторіи войны", издаваемой „Times'омъ", то въ только что вышедшемъ Дарданельскомъ выпускѣ (№ 62) мы прочтемъ: „Первыя атаки въ Дарданеллахъ (сухопутныя и морскія) имѣли незначительный результатъ, такъ какъ трудности операцій были не дооцѣнены, къ атакамъ приступили черезчуръ поспѣшно, схема

операціи была недостаточно продумана. и въ самомъ началѣ была совершена фатальная ошибка: флотъ сталъ дѣйствовать безъ поддержки съ суши" (363 стр.). „Самыя существенныя ошибки были сдѣланы не на морѣ, а на сушѣ" (366 стр.). „Сухопутная операція не удалась потому, что атаки были произведены безъ достаточныхъ силъ, вѣроятно, не тамъ, гдѣ надо" (370 стр.) и т. д., и т. д.

Конечно, чтобы оцѣнить значеніе Дарданельской экспедиціи въ цѣломъ, надо учесть и многія положительныя стороны. Она отвлекла вниманіе Турціи отъ Кавказа и Египта. Она дала возможность англійской экспедиціи, идущей отъ Персидскаго залива, дойти почти уже до Багдада. Силы, сосредоточенныя на Галипольскомъ полуостровѣ, будутъ имѣть крупное значеніе при рѣшеніи балканскихъ дѣлъ.

Но въ мою задачу не входитъ оцѣнка этихъ операцій въ цѣломъ, — я только хочу отмѣтить тѣ настроенія и взгляды, на которые наталкивается наблюдатель англійской жизни.

Отношеніе англійской прессы къ положенію на Ближнемъ Востокѣ только иллюстрація. Имѣется извѣстная неудовлетворенность ходомъ военныхъ операцій и на другихъ театрахъ войны; раздаются голоса о недостаточности мѣропріятій противъ набѣговъ цеппелиновъ. Критика поднимаетъ голову.

III.

Если извѣстную неудовлетворенность ходомъ военныхъ операцій надо признать всеобщей, то во внутреннихъ дѣлахъ страны такую же общую критику вызываетъ вопросъ о цензурѣ. Понятіе военной тайны очень растяжимо даже въ Англіи. По представленію нѣкоторыхъ, даже разговоры о необходимости усилить производство снарядовъ являются гибельными для задачъ обороны страны, а признаніе сдѣланныхъ ошибокъ — чѣмъ-то въ родѣ государственной измѣны. Теперь, кажется, не осталось ни одного органа печати, который бы защищалъ систему тайны, во что бы то ни стало. Страна все болѣе убѣждается, что именно въ мужественномъ признаніи своихъ промаховъ лежитъ залогъ успѣшной борьбы въ будущемъ. Только тотъ побѣждаетъ, кто не прячется отъ самого себя и смѣло критикуетъ ошибки, чтобы выяснить необходимыя перемѣны и улучшенія.

Всѣ тѣ, кто пытается оградиться щитомъ молчанія, встрѣчаютъ единодушное осужденіе. Вотъ что говорилъ на-дняхъ извѣстный консерваторъ лордъ Милнеръ: „Чѣмъ закалить наши сердца и укрѣпить наши нервы для конечной побѣды? Одни думаютъ, что это можно лучше всего достигнуть тактикой страуса; они думаютъ, что если народу не дать возможности понять, какъ плохо обстоитъ дѣло, то это дастъ ему удивительное воодушевле-

ніе. Нѣтъ ничего ошибочнѣе. Намъ говорятъ, что, если мы откровенно говоримъ о нашихъ упущеніяхъ, мы этимъ подбодряемъ нашего врага. Но вѣдь мы ободряемъ врага именно тогда, когда мы обнаруживаемъ боязнь взглянуть правдѣ въ глаза. Нѣтъ, надо смѣло взглянуть правдѣ въ глаза и рѣшительно идти впередъ.“

Недавній членъ либеральнаго министерства лордъ Морлей въ своей рѣчи въ палатѣ лордовъ объявилъ, что дѣйствующая система цензуры, не позволяющая прессѣ опубликовывать полную истину о ходѣ дѣлъ на театрахъ войны, выгодна только Германіи, а отнюдь не Англіи. Совершенно аналогичныя замѣчанія мы находимъ и въ либеральной прессѣ.

Упреки въ замалчиваніи и недовольство цензурой естественно направляются по адресу кабинета. Понятно, что консервативная пресса даже рѣзче нападаетъ на цензуру, чѣмъ либеральная: коалиціонное правительство все же опирается прежде всего на партію либераловъ.

Образованіе коалиціи никѣмъ не было привѣтствуемо съ особымъ восторгомъ. При ея зарожденіи скептическое отношеніе, подкрѣпленное опытомъ прошлыхъ англійскихъ коалиціонныхъ кабинетовъ, было преобладающимъ. Теперь выдѣлились органы, которые ведутъ систематическую борьбу съ нимъ, точнѣе, съ ея либеральнымъ большинствомъ. На словахъ исчезнувшая борьба партій фактически продолжается, можетъ быть, только не въ такой открытой формѣ, и агитаціей противъ кабинета руководятъ, прежде всего, видные органы тори.

Что, кромѣ злоупотребленія военной тайной, консерваторы ставятъ на видъ правительству Асквита?

Нашумѣвшая книга Оливера („Ordeal by battle“) главную вину кабинета видитъ въ томъ, что онъ не имѣетъ въ своихъ рядахъ человѣка, который былъ бы общепризнаннымъ лидеромъ страны. Напрасно думаютъ, говоритъ авторъ, что демократія, въ концѣ концовъ, побѣдитъ пруссіанизмъ. Она побѣдитъ, „если найдетъ лидера, достойнаго довѣрія“. „Мы больше всего нуждаемся сейчасъ въ лидерѣ. Намъ нуженъ человѣкъ, который примѣромъ своей личной храбрости, мужества, увѣренности и стойкости вызвалъ бы наружу лучшія качества нашего народа, чье глубокое сознаніе долга отбросило бы оппортунистовъ въ сторону. Любовь и вѣра въ такого лидера возбудятъ сердца и пробудятъ сознаніе націи. Вотъ такого-то вождя намъ все время недоставало“.

Въ части консервативной прессы слово „лидеръ“ замѣняется еще болѣе выразительнымъ терминомъ „диктаторъ“. Это слово раздалось даже въ палатѣ общинъ, когда извѣстный вождь ульстерскихъ повстанцевъ сэръ Карсонъ закончилъ свои нападки на премьера.

Въ этомъ лозунгѣ: „намъ нуженъ диктаторъ" отчасти сказывается упрекъ по адресу премьера, но несомнѣнно, что въ стремленіи къ началу твердой и единоличной власти лежатъ болѣе общія причины. Стремленіе къ диктатурѣ является только однимъ изъ элементовъ усиленія реакціонныхъ и консервативныхъ силъ страны.

Интересно, что даже крайній радикалъ и полу-соціалистъ Уэльсъ въ либеральной газетѣ заговорилъ... о преимуществахъ диктатуры.

Эти толки о лидерѣ, который своей личной волей поведетъ страну къ побѣдѣ, показатель широко распространеннаго недовольства не только кабинетомъ, но и теперешней системой правленія. Именно объ этого рода недовольствѣ говоритъ въ послѣдней книжкѣ „Edinb urgh Review" редакторъ этого журнала, извѣстный либеральный публицистъ Гарольдъ Коксъ.

Упреки Кокса по адресу министерства довольно близки къ тѣмъ, которые дѣлаютъ и консерваторы: „Кабинету не хватаетъ храбрости, а въ войнѣ храбрость — первое условіе успѣха. Государственные дѣятели, управляющіе нами, повидимому, ежеминутно трепещутъ, опасаясь, какъ бы ихъ политическая жизнь не подверглась опасности, и боятся сдѣлать малѣйшій шагъ, который можетъ привести ихъ въ политически опасную зону",

Но Гарольдъ Коксъ находитъ и другое объясненіе извѣстной медлительности и нерѣшительности кабинета. „На двадцать два джентльмена, называемыхъ кабинетомъ, судьба возложила непосильное бремя". Кабинетъ черезчуръ громоздокъ, министры слишкомъ завалены дѣлами своихъ департаментовъ. Необходимо реорганизовать центральную власть не путемъ созданія диктатора, а образованіемъ кабинета изъ пяти министровъ безъ портфелей.

Ту или иную мотивировку необходимости образованія „малаго кабинета" мы встрѣчаемъ въ очень различныхъ органахъ англійской печати. И хотя детали всѣхъ проектовъ сильно разнятся между собой, суть остается одна и та же: необходимо создать исполнительный органъ изъ 3—7 человѣкъ для рѣшенія всѣхъ срочныхъ дѣлъ и для общаго руководства войной. Одни предлагаютъ передать функціи этого верховнаго правительства тайному совѣту короля или небольшой группѣ тайныхъ совѣтниковъ; другіе (какъ, напримѣръ, шумливый редакторъ бульварнаго, но популярнаго, „Джона Булля" Боттомли) — особому тріо, состоящему изъ Китченера, адмирала Джелико и какого-либо „человѣка дѣла"; наконецъ третьи хотятъ просто выдѣлить руководящую пятерку или семерку изъ состава нынѣшняго кабинета.

Это послѣднее рѣшеніе и будетъ, очевидно, проведено на практикѣ, но оно врядъ ли остановитъ агитацію за дальнѣйшія перемѣны системы правленія. Эта агитація, исходящая преимущественно изъ консервативныхъ круговъ, имѣетъ задачей не

только вырвать власть изъ рукъ либераловъ, но, что важнѣе, придать англійскому правленію автократическія черты минувшихъ эпохъ.

IV.

Если у консерваторовъ за нападками на кабинетъ кроется желаніе пріобщиться къ власти, то у англійской демократіи горечь вызывается замѣтнымъ укрѣпленіемъ позицій правыхъ элементовъ. Страну политической свободы война заставила вернуться въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ къ давно прошедшимъ временамъ исключительныхъ положеній. И даже, если всѣ спеціальныя мѣры въ той или иной области, ограничивающія право гражданъ, будутъ цѣликомъ сметены по окончаніи войны, то далеко не такъ просто будетъ избавиться отъ навыковъ и привычекъ, которые принесутъ съ собой всѣ эти исключительныя мѣропріятія.

Англійскій гражданинъ узналъ теперь прелести паспортной системы: удостовѣреніе личности требуется не только для поѣздки на континентъ, но и при посѣщеніи всѣхъ многочисленныхъ областей, находящихся на исключительномъ положеніи.

Англійская пресса познакомилась съ цензурой. Рабочая пресса узнала судебныя преслѣдованія за проповѣдуемые взгляды. Чуть ли не впервые за цѣлое столѣтіе цѣлая серія брошюръ по поводу войны, изданныхъ Независимой рабочей партіей, подверглась уничтоженію.

Условія найма и труда, выработанныя трэдъ-юніонами и признанныя предпринимателями послѣ долгой борьбы, временно отмѣнены, и взамѣнъ рабочіе получили проблематическое благо — зарабатывать значительно больше прежняго путемъ интенсификаціи своего труда и безграничнаго использованія сверхурочныхъ часовъ.

Борьба за введеніе всеобщей воинской повинности съ точки зрѣнія внутреннихъ отношеній относится къ той же категоріи борьбы за укрѣпленіе началъ консерватизма. Сторонники этой реформы врядъ ли побѣдятъ, но система волонтерства въ ея прежнемъ видѣ уже умерла. Элементъ „доброй воли“ рекрутовъ, записывающихся въ армію, сведенъ на нѣтъ. Агитація, убѣжденія, упреки, давленіе со стороны хозяевъ и правительства фактически очень приблизили волонтерство къ системѣ всеобщей повинности.

Перемѣны въ составѣ кабинета и во внутри-парламентскихъ отношеніяхъ тоже знаменуютъ постепенное оттѣсненіе либераловъ съ политической арены. Вынужденное обстоятельствами созданіе коалиціоннаго кабинета было, несомнѣнно, тяжелымъ ударомъ для либеральной партіи. Сейчасъ коалиція не избавляетъ либеральныхъ министровъ отъ того, что всѣ упреки за ошибки и неудачи сыплются именно на нихъ, а не на кабинетъ въ цѣломъ. Въ своихъ дѣйствіяхъ по вопросамъ внутренней по-

литики либераламъ приходится учитывать голосъ восьми консерваторовъ и предпринимать шаги, на которые прежній кабинетъ никогда бы не рѣшился.

Наблюдается и другое любопытное явленіе. Такъ какъ въ нижней палатѣ исчезла организованная оппозиція, и критика правительства попала въ руки маловліятельныхъ и неспѣвшихся представителей различныхъ оттѣнковъ мнѣній, роль верховной оппозиціонной инстанціи перешла къ палатѣ лордовъ. Въ то время, какъ нижняя палата, уступая давленію кабинета, отказалась поднимать и дебатировать многіе щекотливые вопросы, касающіеся войны и бывшіе у всѣхъ на устахъ, верхняя палата, не связанная никакими обязательствами съ кабинетомъ, выступила съ рѣзкой критикой. А такъ какъ обсуждавшіеся вопросы (о Дарданеллахъ, Балканахъ, численности кабинета, цензурѣ и т. д.) были дѣйствительно очень остры, и многія замѣчанія лордовъ попадали прямо въ цѣль, то нѣсколько забытая и заглохшая за послѣднее время палата пэровъ неожиданно явилась въ роли, привлекшей на ся сторону сочувствіе очень многихъ. Цитадель консерватизма внезапно оказалась болѣе популярной, чѣмъ нижняя палата.

Всѣ указанные мной настроенія и злобы дня современной Англіи позволяютъ сдѣлать одинъ общій выводъ. Война, показавъ извѣстную неподготовленность страны къ войнѣ и обнаруживъ нѣкоторые недостатки англійскаго государственнаго и общественнаго механизма, ослабила позиціи либеральной партіи и англійской демократіи вообще. Во всѣхъ сторонахъ жизни замѣчается нѣкоторое усиленіе началъ консерватизма. Само веденіе войны требуетъ отъ демократическаго государства централизаціи, усиленія правительственной власти и ограниченія правъ отдѣльныхъ гражданъ и тѣмъ самымъ снова возвращаетъ его къ пройденнымъ стадіямъ общественной эволюціи.

Какъ крѣпки и длительны будутъ завоеванія консерватизма — это прежде всего будетъ зависѣть отъ дальнѣйшаго хода войны и внутреннихъ отношеній въ странѣ. Несомнѣнно, что военныя удачи Англіи помогутъ укрѣпленію позиціи либеральной партіи, неуспѣхъ повлечетъ къ распаденію кабинета, гдѣ большинство либераловъ, и передастъ власть въ руки тори.

Лондонъ.
3 ноября (н. ст.) 1915 г.

В. Керженцевъ.

ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО.

ВЪ ЛАБОРАТОРІИ Л. Н. ТОЛСТОГО.

Пять лѣтъ прошло со дня смерти Толстого. Читающій міръ еще далеко не вступилъ во всѣ права того громаднаго наслѣдства, которое оставилъ послѣ себя великій писатель. За пять истекшихъ лѣтъ создалась цѣлая литература около имени Толстого, которая продолжаетъ расти. Пять лѣтъ — срокъ небольшой, но за этотъ срокъ острота утраты, острота цѣлаго ряда вопросовъ, связанныхъ со смертью Толстого, нѣсколько ослабѣла, и пора приступить къ болѣе спокойному изученію произведеній великаго писателя, пора приняться хоть за частичную разборку великаго наслѣдства.

Произведенія великихъ писателей очень часто кажутся читателямъ такими простыми и естественными, какъ будто эти произведенія сразу выливались изъ-подъ пера, не требуя отъ автора никакого труда и обработки. Мы, конечно, знаемъ, что это не такъ и что большая часть знаменитыхъ произведеній является результатомъ усиленнаго и продолжительнаго труда, но намъ въ высшей степени трудно представить себѣ, какъ совершается писательская работа, какими путями сырой матеріалъ жизненныхъ наблюденій превращается въ законченный плодъ художественнаго творчества.

Когда ваятель превращаетъ глиняную глыбу въ прекрасную статую, все лишнее остается кусками безформенной глины и не даетъ представленія о томъ, какъ шла работа. У художника слова нерѣдко остаются черновики, позволяющіе мысленно заглянуть въ его лабораторію и получить хотя нѣкоторое представленіе о томъ, какимъ путемъ создаются образцы литературнаго творчества.

Я позволю себѣ обратить вниманіе читателей на небольшой отрывокъ черновика безъ начала и конца изъ рукописей Л. Н. Толстого, черновика, употребленнаго авторомъ въ качествѣ оберточной бумаги для того, чтобы завернуть пачку писемъ. Вотъ этотъ отрывокъ:

„...потому что, видишь, — я вмѣстѣ въ острогѣ сидѣлъ, — и видѣлъ, какъ онъ прощался со всѣми и Евангеліе держалъ и всѣ плакали, а онъ радостенъ былъ и какъ сіяніе отъ него шло.

Истинной вѣры человѣкъ былъ. Вотъ я, видѣвъ

это, сказалъ себѣ: найду людей этой вѣры и поклонюсь, — ну, чтобъ открыли мнѣ. Сказывали, ты этой вѣры. Вотъ я и пришелъ поклониться тебѣ. Открой мнѣ свою вѣру.

— Удивительный былъ старикъ. Сказалъ я ему, во что мы вѣруемъ...

— То-есть, что же вы сказали? — спросилъ Нехлюдовъ.

— Сказалъ ему, что мы вѣримъ въ то, что всѣ люди должны пользоваться каждый своими трудами, что не должно быть богатыхъ и бѣдныхъ, всякій за всѣхъ. Ну, какъ сказалъ. Не повѣрилъ. Все допрашивалъ, какъ мы молимся...

Всѣ помолчали."

На этомъ черновикъ обрывается. Прежде всего возникаетъ вопросъ: къ какому произведенію относится этотъ черновикъ? Упоминаемая въ немъ фамилія Нехлюдова указываетъ на „Воскресеніе". Но въ этомъ романѣ ничего похожаго на вышеприведенную сцену нѣтъ.

Нѣчто похожее можно найти въ другомъ произведеніи Толстого, а именно въ „Божескомъ и человѣческомъ". Тамъ старикъ-раскольникъ старается узнать у его товарища, въ чемъ заключается вдохновляющая ихъ вѣра; когда же ему излагаютъ извѣстную политическую программу дѣйствій, онъ не хочетъ вѣрить.

. . . .

. . . .

„Старикъ тяжело вздохнулъ, всталъ, расправилъ полы халата, опустился на колѣни и легъ къ ногамъ Меженецкаго, стукнувшись лбомъ о грязныя доски пола.

— Зачѣмъ вы кланяетесь?

— Не обманывай ты меня, открой, въ чемъ вѣра ваша, — сказалъ старикъ, не вставая и не поднимая головы.

— Я сказалъ въ чемъ наша вѣра. Да вы встаньте, а то я и говорить не буду.

Старикъ поднялся."

Можно думать, что матеріалъ, изъ котораго создалось „Божеское и человѣческое", заключался въ матеріалахъ „Воскресенія". Строгая рука художника откидывала все, что нарушало задуманный планъ, какъ бы оно ни было значительно и интересно. Но откинутое не пропало и послужило послѣ окончанія „Воскресенія" для новаго произведенія.

Приведенный нами черновикъ не попалъ ни въ „Воскресеніе", ни въ „Божеское и человѣческое", но въ то же время онъ стоитъ въ несомнѣнной связи съ обоими произведеніями.

Старикъ-сектантъ, о которомъ говорится въ этомъ отрывкѣ, появляется въ „Божескомъ и человѣческомъ" нѣсколько разъ. Онъ —

выразитель Божескаго начала. Въ „Воскресеніи“ онъ обрисованъ лишь какъ лицо эпизодическое. Но, несомнѣнно, въ этихъ лицахъ есть нѣчто общее. И лица эти не вымышлены авторомъ, но взяты имъ изъ жизни. Въ „Божескомъ и человѣческомъ“ арестанты прозвали этого старика „табачной державой“. Это тоже не выдумано. Эту „табачную державу“ мнѣ пришлось видѣть въ Ясной Полянѣ. Меня познакомилъ съ ней самъ Левъ Николаевичъ. Это былъ неугомонный поборникъ истины, старообрядецъ, не мало претерпѣвшій за свои убѣжденія. Сектантъ, описанный въ „Воскресеніи“, является какъ бы соединеніемъ „табачной державы“ съ другимъ оригинальнѣйшимъ сектантомъ, Андреемъ Васильевичемъ Власовымъ, знакомымъ съ Толстымъ по перепискѣ. Въ 1899 году Власовъ написалъ Льву Николаевичу характерное письмо, которое очень заинтересовало Толстого. Толстой въ то время заканчивалъ „Воскресеніе“, и письмо это послужило матеріаломъ для сцены на паромѣ (III часть, глава XXI).

Мы позволимъ себѣ привести нѣкоторыя выдержки изъ этого письма:

„Такъ сказалъ Христосъ: „Будьте совершенны такъ, какъ совершенъ Отецъ вашъ Небесный“. Поэтому я и отказался отъ всякаго земного общества и отъ всякихъ религіозныхъ убѣжденій, отъ имени, отчества и фамиліи, сталъ одинъ самъ себѣ и сказалъ такъ: „Я не вашъ, одинъ самъ себѣ“.

За эти убѣжденія привлекли меня къ судебному слѣдователю.

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

Многоуважаемый старикъ Левъ Николаевичъ, — заканчиваетъ Власовъ свое письмо, — я написалъ вамъ нѣсколько словъ, что я принялъ на вѣру. Если чего можетъ быть не хватаетъ, то прошу сообщить письмомъ. Я прочиталъ вашу книгу „Ходите въ свѣтѣ, пока есть свѣтъ въ васъ“, что и заставило меня написать къ вамъ, потому что она подошла къ моей мысли точь въ точь, если я не ошибаюсь.

Не знающій васъ Андрей Васильевичъ Власовъ.

Отъ сего письма остаюсь живъ и здоровъ, того и вамъ желаю.

Пятидесятилѣтній старикъ Андрей Власовъ.“

. . . .

. . . .

Интересно сравнить письмо Власова къ Толстому съ изображеніемъ старика-странника въ XXI главѣ III части „Воскресенія“.

„Старикъ этотъ былъ одѣтъ въ заплатанный озямъ, суконные штаны и разношенные, заплатанные бродни. За плечами была небольшая сумка, на головѣ высокая мѣховая вытертая шапка.

— Ты что же, старый, не молишься? — сказалъ Нехлюдовскій ямщикъ, надѣвъ и оправивъ шапку. — Аль некрещеный?

— Кому молиться-то? — рѣшительно наступающе и быстро выговаривая слогъ за слогомъ, сказалъ лохматый старикъ.

— Извѣстно кому, Богу, — иронически проговорилъ ямщикъ.

— А ты покажи мнѣ, игдѣ Онъ, Богъ-то?

— Игдѣ? Извѣстно, на небѣ.

— А ты былъ тамъ?

— Былъ — не былъ, а всѣ знаютъ, что Богу молиться надо.

— Бога никто же не видѣлъ нигдѣ же. Единородный Сынъ, сущій въ нѣдрѣ Отчемъ, Онъ явилъ, — строго хмурясь, той же скороговоркой сказалъ старикъ.

— Ты, видно, нехристъ, дырникъ. Дырѣ молишься, — сказалъ ямщикъ, засовывая кнутовище за поясъ и оправляя шлею на пристяжной.

Кто-то засмѣялся.

— А ты какой, дѣдушка, вѣры? — спросилъ немолодой уже человѣкъ, съ возомъ стоявшій у края парома.

— Никакой вѣры у меня нѣтъ. Потому никому я, никому не вѣрю, окромѣ себѣ, — такъ же быстро и рѣшительно отвѣтилъ старикъ.

. . . .

. . . Вѣръ много, а духъ одинъ. И въ тебѣ, и во мнѣ, и въ немъ. Значитъ, вѣрь всякъ своему духу, и вотъ будутъ всѣ соединены. Будь всякъ самъ себѣ, и всѣ будутъ заедино.

Старикъ говорилъ громко и все оглядывался, очевидно, желая, чтобы какъ можно больше людей слышали его.

— Что же, вы давно такъ исповѣдуете? — спросилъ его Нехлюдовъ.

— Я-то? Давно ужъ. Ужъ они меня двадцать третій годъ гонятъ.

— Какъ гонятъ?

— Какъ Христа гнали, такъ и меня гонятъ. Хватаютъ, да по судамъ, по попамъ, — по книжникамъ, по фарисеямъ, и водятъ. Въ сумашедшій домъ сажали. Да ничего мнѣ сдѣлать нельзя, потому я слободенъ. „Какъ, говорятъ, тебя зовутъ?“ Думаютъ, я званіе какое приму на себя. Да я не принимаю никакого. Я отъ всего отрекся: нѣтъ у меня ни имени, ни мѣста, ни отечества, — ничего нѣтъ. Я самъ себѣ. „Зовутъ какъ?“ — Человѣкомъ. „А годовъ сколько?“ — Я, говорю, не считаю, да и счесть нельзя, потому что я всегда былъ, всегда и буду. — „Какого, говорятъ, ты отца, матери?“ — Нѣтъ, говорю, у меня ни отца, ни матери, окромѣ Бога и земли. Богъ — отецъ, земля — мать . . . . .
. . . . Ну, говорятъ, съ тобой разговаривать. — Я говорю: я и не прошу тебя со мной разговаривать. Такъ и мучаютъ.“

Изъ приведенной выдержки очевидно, что многія выраженія изъ письма Власова почти дословно включены въ „Воскресеніе“.

Всѣмъ извѣстно, какъ много и тщательно перерабатывалъ Толстой свои произведенія, онъ ихъ по нѣскольку разъ передѣлывалъ, выправлялъ, дѣлалъ вставки, безжалостно выбрасывалъ превосходнѣйшія страницы, если онѣ, по его мнѣнію, не соотвѣтствовали общему плану, откладывалъ даже совсѣмъ въ сторону почти оконченное произведеніе, чтобы вернуться къ нему иногда черезъ нѣсколько лѣтъ. Толстой говорилъ: „Надо, чтобы писатель выучился задерживать въ себѣ свои мысли съ тѣмъ, чтобы онѣ перерабатывались, чтобы изъ тысячи мыслей избиралась одна, и потомъ эта одна мысль изъ 1000 мѣстъ, въ которыя она можетъ быть помѣщена, находила бы наконецъ одно свойственное ей мѣсто“.

И вотъ, представляя себѣ это отношеніе Толстого къ художественному творчеству, да не только къ художественному, а и вообще къ литературной работѣ, не можетъ не показаться нѣсколько страннымъ, что въ „Воскресеніе“ могъ попасть тотъ матеріалъ, который только что появился у Толстого. Вѣдь огромная работа уже заканчивалась, всѣ облюбованные образы и мысли ставились на свои мѣста... И вдругъ въ это самое время получается письмо отъ совершенно незнакомаго человѣка, и, какъ результатъ этого письма, въ душѣ автора возникаетъ новый, совершенно не связанный съ „Воскресеніемъ“, образъ и властно входитъ въ почти законченное произведеніе.

Почему онъ туда попалъ? Почему допустилъ туда Толстой этого человѣка?

Дѣло въ томъ, что еще задолго до письма Власова образъ человѣка не отъ міра сего, человѣка самого по себѣ, жилъ въ душѣ Толстого. Жизнь Толстого въ Ясной Полянѣ за послѣднія десятилѣтія называли иногда сплошнымъ страданіемъ. Это, разумѣется, невѣрно. Скорѣе ее можно назвать перемежающейся лихорадкой страданія. Большое количество работы, общественные интересы, интересы искусства, посѣщенія, — все это отвлекало вниманіе, помогало не думать объ основномъ противорѣчіи повседневной жизни. Но примириться съ этимъ противорѣчіемъ и признать крестьянскую бѣдность и помѣщичье довольство нормальными явленіями Толстой не могъ, и мука этого сознанія какъ лихорадка терзала Толстого, то затихая, то возобновляясь съ удвоенной силой. Толстому давно въ самыхъ заманчивыхъ краскахъ рисовалась возможность ухода, возможность рѣшительнаго разрыва съ неправеднымъ міромъ, ухода въ новый міръ, въ массу простого рабочаго люда, и, рисуя попытку сближенія Нехлюдова съ этимъ міромъ, онъ естественно могъ нарисовать, на ряду съ внѣшнимъ, частичнымъ уходомъ Нехлюдова изъ міра, уходъ настоящій, рѣшительный, тотъ уходъ, который такъ манилъ воображеніе великаго писателя.

Поэтому не удивительно, что Толстой сразу ухватился за письмо Власова. Оно было ему необходимо. Оно точно нарочно было

приготовлено для него. Образъ непріемлющаго міръ странника носился въ воображеніи. Не хватало послѣдняго заключительнаго штриха, отголоска живой жизни. Этимъ отголоскомъ и явилось письмо Власова.

Образъ непріемлющаго міра, ищущаго истинной вѣры странника со страницъ „Воскресенія“ перешелъ и въ „Божеское и человѣческое“, — тѣснаа связь этихъ двухъ произведеній видна изъ черновика, приведеннаго въ началѣ этой статьи. Та же идея рисуется и въ „Отцѣ Сергіѣ“, и въ „Запискахъ Ѳедора Кузьмича“.

Въ одно изъ моихъ посѣщеній Ясной Поляны, проходя съ Толстымъ по коридору нижняго этажа, я услыхалъ незнакомый мнѣ голосъ человѣка, не то читавшаго что-то, не то говорившаго такимъ размѣромъ, какъ будто онъ читаетъ. Мы остановились въ дверяхъ небольшой комнатки, гдѣ убирали посуду; въ уборкѣ лакею помогалъ небольшого роста человѣкъ, судя по одеждѣ — крестьянинъ, съ небольшой желтоватой бородкой и такими же, быть можетъ, нѣсколько темнѣе, длинными волосами.

Когда мы вошли, разговоръ прервался.

— Вотъ позвольте васъ познакомить съ моимъ пріятелемъ, — сказалъ мнѣ Толстой, указывая на вытиравшаго тарелку человѣка, и, какъ бы продолжая прежній разговоръ, съ ласковой усмѣшкой сказалъ ему:

— Такъ какъ же? Табашная держава?

Человѣкъ быстро повернулся въ нашу сторону и, окинувъ меня острымъ взглядомъ маленькихъ, но бойкихъ глазъ, не безъ нѣкотораго задора сейчасъ же откликнулся:

— А какъ же! Извѣстно, табашная. Табашная и кабашная держава. Потому какая въ чемъ основа, таковое и названіе. А у нашей какая основа? Табакъ и кабакъ! Почему такая основа? Потому что больше всего денегъ собираютъ съ продажи водки да съ табаку. Вотъ и выходитъ, значитъ, двѣ основы: табакъ и кабакъ. И держава, значитъ, табашная-кабашная. А у Ивана Златовуста прямо сказано...

Человѣкъ не ограничился Іоанномъ Златоустомъ, но ссылался и на другіе авторитеты. Въ особенности же любилъ Апокалипсисъ, загадочность, котораго давала большой просторъ его воображенію.

Когда мы поднялись въ залу, Толстой сказалъ мнѣ, что „Табашная держава“ — старообрядецъ, явившійся въ Ясную Поляну, чтобы переговорить о вопросахъ вѣры. Не желая пользоваться гостепріимствомъ даромъ, онъ просилъ, чтобы ему дали поработать что-нибудь, подсобить людямъ. Странникъ этотъ, неугомонный Михаилъ Максимычъ, и человѣкъ „самъ себѣ“ Андрей Власовъ сообща дали Толстому матеріалъ и для „Воскресенія“, и для „Божескаго и человѣческаго“. Оба они являются выразителями той народной мысли, которая ищетъ своихъ особыхъ путей для осуществленія своихъ религіозныхъ запросовъ. Оба они почувствовали въ Толстомъ родственную по духу натуру, и это привлекло ихъ къ нему.

А. Хирьяковъ.

СКРЯБИНЪ.

Русская музыкальная культура очень молода. Можно пересчитать по пальцамъ художниковъ, съ творчества которыхъ совсѣмъ уже слетѣлъ дилетантскій душокъ... Вѣдь еще такъ недавно, возведенный въ принципъ, дилетантизмъ имѣлъ въ своихъ рядахъ такихъ незаурядно талантливыхъ музыкантовъ, какъ Бородинъ, Балакиревъ, Мусоргскій. И только послѣднія десятилѣтія выдвигаютъ на арену музыкальной жизни истинныхъ maestro, чьи перлы являются передъ нами въ достойной, мастерской оправѣ. Первый большой мастеръ въ исторіи русской музыки — Римскій-Корсаковъ; его разрывъ съ „могучею кучкой" нужно считать исходнымъ этапомъ нашего культурнаго пути, на которомъ въ столь краткій срокъ мы достигли такихъ вершинъ, какъ творчество Танѣева и Скрябина. Сопоставленіе этихъ именъ, сближенныхъ нынѣ еще и роковыми датами ихъ почти одновременной смерти, было бы весьма плодотворно для выясненія цѣлаго ряда глубоко принципіальныхъ положеній (къ сожалѣнію, болѣе освѣщающихъ творчество С. И. Танѣева, чѣмъ — Скрябина), могущихъ послужить матеріаломъ для цѣннаго изслѣдованія. Они — представители разныхъ поколѣній, и у Танѣева мы можемъ прослѣдить не мало устремленій общихъ съ его сверстниками, столь тяготѣвшими къ національному въ своемъ музыкальномъ творчествѣ, чего у Скрябина нѣтъ абсолютно.

Менѣе, чѣмъ кто-либо другой, Скрябинъ — русскій художникъ. Его творчество ни однимъ корнемъ не врастаетъ въ національную почву, генеалогію этого творчества не удается прослѣдить въ ростѣ русской музыкальной культуры — ни въ смыслѣ преемственности средствъ, ни въ конечныхъ устремленіяхъ художника, опредѣляющихъ содержаніе его искусства. Онъ одинокъ, этотъ гигантъ современной музыкальной мысли, равно одинокъ и въ средѣ своихъ соотечественниковъ, и внѣ этой среды. И пока онъ не предстанетъ передъ нами въ планѣ исторической перспективы, пока его творчество не будетъ точно координировано исторически, всѣ попытки подвести итогъ его творческой жизни — безплодны. Кажется, никто изъ русскихъ композиторовъ не удостоился столь обширной литературы о себѣ, какъ Скрябинъ, — и что же? Что знаемъ мы въ данный моментъ о Скрябинѣ? Установлены ли хотя бы основныя черты его творческой физіономіи? Сомнѣваюсь, чтобы хотя одна

изъ указуемыхъ сейчасъ критикой обладала достаточною приближенностью, дабы съ нею могъ считаться будущій историкъ. Въ полной гармоніи съ этимъ — и исполнительскій кризисъ, свидѣтелями коего мы нынѣ являемся: Скрябинъ-піанистъ, котораго, какъ таковаго, критика при жизни „не такъ высоко“ ставила, унесъ съ собою въ могилу тайну автоинтерпретаціи вдохновеній композитора. Первоклассные maestro фортепіано терпятъ здѣсь неизмѣнное фіаско, и, несомнѣнно, болѣе глубокое и рѣшительное, чѣмъ это отмѣчаютъ представители нашей критической мысли: идеи, стимулировавшія творчество покойнаго, такого порядка, такъ органически слиты съ его чисто-музыкальнымъ геніемъ, такъ неотдѣлимы отъ его музыки, что мы можемъ утверждать положительно: нашему поколѣнію уже не услыхать произведеній Скрябина не искаженными въ самой своей сущности, и это едва ли не самая трагическая сторона его безвременной кончины...

Въ чемъ же дѣло? Въ томъ, что „интерпретація“ Скрябина и критическая и исполнительская далеко выходитъ за музыкальные предѣлы — во-первыхъ, а во-вторыхъ — и въ этихъ предѣлахъ требуетъ сочетанія столь же разнородныхъ „одаренностей“, каковыя были присущи творческой личности покойнаго, личности совершенно исключительной для музыканта.

Въ самомъ дѣлѣ: Скрябинъ — гармоническій новаторъ столь далеко ушедшій въ своей л и ч н о й эволюціи звукосозерцанія, что опытнѣйшіе и наиболѣе близко стоящіе къ нему теоретики-аналитики безсильно опускаютъ руки передъ непосильной проблемой — хотя бы элементарной классификаціи тѣхъ безграничныхъ богатствъ, которыя вложены художникомъ въ гармоническую архитектонику его творчества. Скрябинъ-наовторъ эволюціонировалъ въ техникѣ своей столь молніеносно, что „догнать“ его не было никакой возможности для всякаго, кто не былъ столь же одаренъ „критически“, какъ онъ творчески. Подъ конецъ отстали даже его апологеты, отстали настолько, что отзывы ихъ о послѣднихъ o p u s'ахъ Скрябина болѣе чѣмъ сдержанны, почти отрицательны, — во всякомъ случаѣ, вполнѣ недоумѣнны. Легко представить себѣ, насколько болѣе трудной задачей является преодолѣніе хотя бы о д н о й э т о й г р а н и для интерпретатора-исполнителя: таковой долженъ претворить въ себѣ „новый“ языкъ настолько, чтобы именно н о в и з н ы-то его и не чувствовать... А можно ли повѣрить въ „эволюцію“, столь быструю, отъ Бетховена, Шопена, Листа, этихъ „трехъ китовъ“, на коихъ стоитъ до сего дня піанизмъ, къ Скрябину п о с л ѣ д н я г о п е р і о д а, если даже т е о р е т и к у ощутимо недостаетъ „неизданныхъ“ этаповъ для цѣльной картины творческаго пути художника?— И это несмотря на то, что теоретику обезпеченъ сознательный аналитическій подходъ къ созвучіямъ Скрябина, въ то время какъ рядовому исполнителю, равно слушателю, остается лишь движеніе по „роковой“ координатѣ: отъ новизны впечатлѣнія — къ

постепенно внѣдряющейся привычкѣ къ данной звучности... „Сколь шатка такая критическая опора — нужно ли доказывать? А вѣдь гармоническое новаторство у Скрябина не самодовлѣетъ, отнюдь не на первомъ мѣстѣ, а является лишь скромною гранью его „специфически-музыкальной личности“...

* * *

Искусство — Природа, Природа — Искусство: великія теза и антитеза, божественный хаосъ и человѣческая гармонія, двуединое воплощеніе силы творящаго Духа. Въ сліяніи съ Божественнымъ человѣческое обрѣтаетъ проникновенность въ тайны мірового хаоса — Человѣкобогъ рождаетъ Искусство. Величавая музыка стихій чаруетъ духъ человѣка своею недосягаемою мощью. Солнце, играя воздушнымъ смычкомъ на струнахъ воды и тверди, творитъ великую симфонію, гдѣ нѣжный шелестъ листвы и грозный грохотъ прибоя чудесно смѣняютъ и дополняютъ другъ друга, какъ струнное pianissimo con sordini и трубное organo pleno. Монументальностью стиля подкупаетъ насъ музыка стихій, но истинная Музыка, искусство человѣческое — это великая побѣда творческаго духа надъ хаосомъ міровой плоти. Человѣкъ вырвалъ у хаоса скрытые законы, разложилъ его на элементы и могучимъ синтезомъ возсоздалъ первозданный аккордъ въ его дѣвственной чистотѣ. Онъ научился управлять звукомъ, нашелъ въ душѣ своей отвѣтныя ему струны и языкомъ его души стала укрощенная стихія. Еще одна побѣда впереди: приблизить мятущійся творческій духъ къ стихійному діапазону и тѣмъ искупить плотскую немощь человѣческаго созиданія. Вѣдь даже издалека не примемъ мы морской прибой за журчаніе ручейка, лѣсной пожаръ за мирный костеръ рыболова... И стихійная мощь и монументальность не въ сотняхъ литавръ и трубъ придетъ къ намъ, но лишь тогда, когда въ самой душѣ загорятся лѣсные пожары, когда волненіе духа достигнетъ величія морского прибоя!

Таковъ именно Скрябинъ: подчинивъ себѣ матеріальную стихію звука, какъ никто до него, онъ одухотворилъ ее небывалымъ доселѣ творческимъ заданіемъ, — небывалымъ, ибо если философскія и религіозно-мистическія устремленія можно отмѣтить и у иныхъ художниковъ прошлаго, то ни у кого изъ нихъ они не достигали глубины чистаго лиризма. Лирическій паѳосъ, составляющій истинную сущность творчества Скрябина, паѳосъ, проникающій каждый звукъ его созданій, — воплощенъ средствами чистой музыки, этой воистину „пѣсни ни о чемъ“, чудесная сказка безъ словъ...

Есть сказки — и сказки: сказкой мать тѣшитъ малаго ребенка, сказкой геній покоряетъ человѣчество. Вѣритъ дитя, — вѣритъ человѣчество. Но недаромъ дитя населяетъ „хоками“ темные углы дѣт-

ской, — кишатъ нежитью по ночамъ дремучіе лѣса: не терпитъ сказка дневного свѣта...

Эпически подошелъ къ своей „Мистеріи" Вагнеръ, мобилизовалъ всѣ искусства для ея воплощенія. И вотъ — написанной, осуществленной — мы ей не вѣримъ: передъ нами сценическое представленіе на миѳологическій сюжетъ — не больше... Когда умеръ Скрябинъ, то даже наиболѣе скептически настроенные по отношенію къ его грандіозной мечтѣ не удержались отъ недоумѣннаго вопроса: а какъ же теперь Мистерія? Ибо увѣровали въ глубинѣ душѣ раньше, чѣмъ „вложили персты". Удивила ихъ эта внезапная, непонятная и въ то же время столь трагически простая смерть... А почему? Не потому ли, что, не требуя отъ насъ, какъ Вагнеръ, перевоплощенія въ чуждый бытъ и эпоху, не стремясь къ иллюзорному „чуду", Скрябинъ всѣмъ своимъ творчествомъ убѣждалъ насъ, что близится моментъ, когда сотрется послѣдняя грань, отдѣляющая публику отъ эстрады, когда бывшіе слушатели „концерта" станутъ активными участниками „Дѣйства" — лирически воплощеннаго Экстаза. Дѣйствительно, предѣлы лирическаго расширены у Скрябина до небывалаго, — сразу бросается въ глаза огромное количество новыхъ динамическихъ терминовъ и эмоціальныхъ указаній, до Скрябина никѣмъ не употреблявшихся: онъ измѣнилъ даже традиціонному итальянскому языку, избравъ для своего творчества болѣе гибкій и выразительный французскій. Обиліе нюансовъ настроеній въ данномъ случаѣ тѣмъ болѣе показательно, что, въ сущности, сфера „содержанія" его музыки у́же, одностороннѣе (я говорю о зрѣломъ періодѣ творчества), чѣмъ у любого классика, ибо онъ не выходитъ изъ рамокъ пантеистической религіи Востока, поглотившей цѣликомъ все его художественное творчество. Тѣмъ не менѣе, будучи отраженіемъ грандіозныхъ религіозно-творческихъ процессовъ въ душѣ художника, музыка Скрябина до конца осталась чистою музыкой, и намъ нѣтъ никакой необходимости погружаться въ изученіе теософскихъ догматовъ, чтобы воспринять въ полной мѣрѣ и пережить самимъ тотъ грандіозный пожаръ, что горѣлъ въ душѣ Скрябина въ моментъ ея созиданія.

„Мистическій Эросъ", проникающій творчество Вагнера, очевиденъ, но и слишкомъ грубъ, матеріаленъ, чтобы безъ оговорокъ принять его, какъ мистическій. Мистическій Эросъ Скрябина былъ бы даже недоказуемъ, если бы не текстъ „Поэмы Экстаза", если бы не нѣкоторыя указанія на него въ подзаголовкахъ и динамическихъ терминахъ фортепіанныхъ произведеній, и однако... такого могучаго воздѣйствія на человѣческую психику, какъ Скрябину, не удалось достичь ни одному автору: захватъ слушателя столь цѣленъ и всеобъемлющъ, что не удается даже расчленить его на отдѣльные моменты, найти въ немъ тѣ или иные элементы воздѣйствія. Таково истинное „высокое искусство". Претвореніе „содержанія" въ „форму" такъ полно, музыкально-творческій „аппа-

ратъ" художника столь совершененъ что для критическаго анализа нѣтъ никакой возможности углубляться въ „міросозерцаніе" автора, и весь матеріалъ приходится черпать лишь изъ самихъ произведеній, изъ „формы" ихъ, воплотившей собою это міросозерцаніе.

Скрябинъ-философъ, Скрябинъ-мистикъ, Скрябинъ-эротикъ поглощены Скрябинымъ-поэтомъ, разсказывающимъ намъ волшебныя сказки о тѣхъ видѣніяхъ и грезахъ, что посѣщали его въ часы творческаго экстаза.

Что же говоритъ намъ форма творчества Скрябина? Какіе выводы можемъ мы сдѣлать изъ нея, какъ таковой? Чтобы не быть введенными въ заблужденіе, намъ нужно отрѣшиться отъ того ранняго періода, въ которомъ личность художника, еще не сформировавшаяся, не окрѣпшая, была подавляема въ той или иной мѣрѣ чуждыми вліяніями. Какъ піанистъ, Скрябинъ эволюціонировалъ отъ Шопена и Листа, — это законно и неизбѣжно для всякаго композитора-піаниста, ибо одно преодолѣніе фортепіаннаго стиля обоихъ мастеровъ накладываетъ на технику игры и письма крѣпкія путы, порвать которыя — удѣлъ уже зрѣлаго творчества. Съ большимъ правомъ можно утверждать, что технически Скрябинъ до конца не освободился отъ ихъ вліянія: онъ лишь послѣдовательно, гармонично со своею личностью развилъ технику обоихъ композиторовъ, углубилъ ихъ техническіе пріемы, но основа, скелетъ остался тотъ же. Есть критики, склонные утверждать, что съ тѣмъ и другимъ у Скрябина нѣкое „родство душъ": съ Шопеномъ его де роднитъ аристократическая изысканность, изящество творческой натуры, съ Листомъ — склонность къ звуковому оргіазму, мистическій уклонъ etc... Но вѣдь тогда придется приписать ему и нѣчто отъ Вагнера (нѣкоторые и передъ этимъ не останавливаются), что является со всяческихъ точекъ зрѣнія неосновательнымъ. „Мистерія" Вагнера насквозь пропитана соками народнаго эпоса, Вагнеръ — націоналистъ, доходящій даже въ предѣлахъ художественно-религіознаго творчества почти до шовинизма; Скрябинъ — адептъ всечеловѣческой религіи, его мистицизмъ — цвѣтокъ, расцвѣтшій на вершинѣ человѣческаго древа, далекій отъ земли, питающей его корни; и если взоры обоихъ съ любовью устремлялись на Востокъ, то какая огромная разница! Вагнеръ и въ праарійскихъ миѳахъ искалъ утвержденія духовной и кровной гегемоніи германцевъ надъ всѣми народами, производя царствующую германскую династію едва ли не отъ самого Тристана; Скрябинъ же взялъ у арійскаго Востока лишь его пантеистическую философію, его экстатическое міропріятіе... Ужели же способъ примѣненія въ оркестрѣ мѣднаго tutti является моментомъ болѣе рѣшительнымъ въ оцѣнкѣ творчества, чѣмъ глубокое различіе міросозерцаній?

Такъ или иначе, но за нѣкіимъ предѣломъ мы можемъ считать Скрябина вполнѣ свободнымъ отъ вагнеризма или листіанства и раз-

сматривать выработанныя имъ творческія нормы, какъ индивидуально-самодовлѣющія.

И прежде всего останавливаетъ вниманіе подавляющая, исключительная роль одного инструмента, фортепіано, въ столь многогранномъ творчествѣ, какъ Скрябинское: изъ 74-хъ opus'овъ, изданныхъ при жизни композитора, 67 фортепіанныхъ. Среди остальныхъ семи — фортепіанный же концертъ... фортепіанная же сольная партія „Прометея". Почему, откуда такая техническая односторонность? На то много серьезныхъ причинъ: во-первыхъ, столь крупный гармоническій новаторъ, какъ Скрябинъ, въ наше время долженъ неизбѣжно стать передъ дилеммой: либо въ корнѣ разрушить основу современной гармонической ткани — равномѣрную темперацію, — и, такимъ образомъ, выйти на желанный просторъ, — увы! — отказавшись надолго отъ реальнаго творчества; либо, сохранивъ творческія возможности въ полной мѣрѣ, избрать путь техническаго компромисса и лишь довести до возможнаго максимума всѣ техническія возможности, даваемыя старой системой.

Здѣсь мы входимъ въ узко-музыкальную область.

Многіе ли знаютъ, напримѣръ, о томъ, что музыка въ настоящій моментъ находится наканунѣ грандіознаго переворота, грозящаго измѣнить направленіе двухвѣковой творческой работы нѣсколькихъ поколѣній музыкантовъ? Многимъ ли извѣстно, что виною тому I. С. Бахъ, утвердившій геніальностью своего творчества музыкальную систему въ высокой мѣрѣ произвольную, не только не коренящуюся въ требованіяхъ музыкальнаго слуха, но рѣзко ихъ нарушающую? Было такъ: пока музыкальное искусство пребывало въ лонѣ западной церкви и исчерпывалось музыкальной интерпретаціей ритуальныхъ пѣснопѣній, исполняемыхъ хоромъ à capella, — были налицо всѣ данныя для того, чтобы эволюція формъ музыки совершалась вполнѣ закономѣрно. Человѣческій голосъ — неподкупный инструментъ: пѣвецъ можетъ спѣть лишь то, что онъ мыслитъ, что органически вытекаетъ изъ требованій музыкальной логики звуковъ. Логика эта математически строга, и первые вѣка развитія многоголосной музыки являютъ собою поразительно-точную эволюцію „пріятія" консонансовъ въ послѣдовательности ряда натуральныхъ чиселъ. Послѣ пѣнія въ унисонъ (1 : 1) и октаву (1 : 2) появились попытки (такъ наз. „organum") пѣть въ параллельныхъ квинтахъ (2 : 3) и квартахъ (3 : 4), позже появились въ аккордахъ терціи, сперва большая (4 : 5), потомъ и малая (5 : 6), наконецъ въ расцвѣтѣ итальянской полифоніи мы сталкиваемся съ септимой аккорда (4 : 5 : 6 : 7), играющей пока роль проходящаго диссонанса, но уже систематически примѣняемой.

Параллельно духовно-вокальной музыкѣ развивалась и пріобрѣтала художественное значеніе музыка инструментальная. Ко времени появленія на музыкальномъ горизонтѣ Себастьяна Баха былъ выработанъ типъ клавишнаго инструмента съ фиксированными звукоотноше-

ніями, оказавшійся весьма удобнымъ для развитія виртуозной техники; однако эволюція звукосозерцанія далеко опередила музыкально-строительную технику инструментовъ, и не было никакой возможности вмѣстить въ созданные типы клавіатуръ всѣ звуки, необходимые для творческихъ цѣлей. Музыка попала въ такой тупикъ, что самые остроумные теоретики не умѣли указать выхода изъ него. Несомнѣнно, что, появись Бахъ полустолѣтіемъ позже, былъ бы принятъ единственно логичный выходъ — отказъ отъ инструментовъ съ фиксированной звучностью, и тогда эволюція пошла бы прежнимъ закономѣрнымъ путемъ. Случилось иначе: геніальный художникъ пришелъ въ самый разгаръ анархіи и санкціонировалъ своимъ творчествомъ грубо-компромиссную схему, придуманную съ чисто-утилитарною цѣлью — дать минимально-сложную клавіатуру, дабы не затруднить гг. виртуозовъ, пожертвовавъ при этомъ самымъ драгоцѣннымъ — чистотою музыкальной интонаціи: точныя звукоотношенія были замѣнены грубо-приблизительными. Черныхъ клавишъ, которыхъ, по-настоящему, должно быть по нѣскольку между каждою послѣдовательною парою бѣлыхъ, — стало всего пять въ октавѣ, зато онѣ стали „универсальными". Не будучи на самомъ дѣлѣ ни до-діезомъ, ни ре-бемолемъ, ни си-дубльдіезомъ, единственная клавиша, находящаяся на ихъ мѣстѣ, стала по произволу автора и исполнителя изображать то, и другое, и третье, а слухъ, не имѣя для точной оріентировки никакой опоры (все оказалось „равномѣрно-разстроеннымъ"), былъ систематически обманываемъ. Обманъ сталъ принципіальнымъ, получилъ особый „музыкально-научный" терминъ — энгармонизмъ; иные авторы сдѣлали себѣ на этомъ „творческомъ пріемѣ" карьеру (отъ нихъ же первый — Вагнеръ), поражая одурачённый слухъ „смѣлостью" послѣдованій и „энгармоническихъ модуляцій". Въ наши дни систематическое злоупотребленіе этимъ пріемомъ роковымъ образомъ привело къ полному разрушенію лада, какъ таковаго: мажорныя и минорныя „гаммы", кое-какъ все же умѣщавшіяся на 12 клавишахъ въ различныхъ комбинаціяхъ изъ нихъ по семи, были окончательно оставлены, у „ключа" исчезли постоянные діезы и бемоли, характеризующіе тотъ или иной ладъ, наводнивъ собою междутактовое пространство. Въ результатѣ музыка пришла къ „хроматической" гаммѣ, какъ основному базису, къ клавіатурѣ in corpore, какъ единому комплексу тоновъ безъ внутренней координаціи, а такъ какъ клавишъ въ октавѣ всего 12, то всѣ сколько-нибудь пріемлемыя ихъ созвучанія были быстро исчерпаны: Баховскаго „Wohl"-темперованнаго строя едва хватило на два столѣтія. Переворотъ назрѣлъ, и возвратъ къ истинной логикѣ звуковъ, открывающей новыя возможности, произойдетъ не иначе, какъ путемъ полнаго разрыва съ техникой темперованныхъ инструментовъ, и, повторяю, нужно либо ждать осуществленія этой инструментальной реформы, либо примириться со старой системой.

Избравъ ради высшихъ творческихъ цѣлей второй путь, новаторъ

типа Скрябина роковымъ образомъ долженъ остановиться на фортепіано, какъ инструментѣ наиболѣе приспособленномъ для творческаго „эксперимента“ (что Скрябинъ упорно искалъ свои гармоніи — внѣ сомнѣнія) и въ наивысшей мѣрѣ выносливомъ въ осложненіи гармонической фактуры, благодаря закрѣпленнымъ, постояннымъ тоноотношеніямъ. Легко представить себѣ, что получилось бы, если бы фортепіанныя композиціи Скрябина * были написаны для струннаго квартета или хора: онѣ были бы неисполнимы, ибо не связанные „клавишами“ инструменты до сей поры не подчинились нивелирующему принципу темпераціи, а музыка Скрябина только въ темпераціи и мыслима.

Во-вторыхъ, присущій музыкѣ Скрябина динамизмъ, окрыленность его ритмики, оргійность его мистическихъ „танцевъ“ находятъ въ четкой техникѣ инструмента, способнаго къ наивысшей виртуозности, благодарнѣйшій матеріалъ; лишенныя привычнаго для музыкантовъ исполнителей мажоро-минорнаго устоя (лишь въ предѣлахъ котораго „техника“ ихъ болѣе или менѣе развита), произведенія Скрябина безмѣрно затруднили бы виртуозовъ оркестра, если бы на нихъ былъ перенесенъ центръ тяжести звукового оргіазма.

Въ-третьихъ, гармоническое мышленіе Скрябина, по существу своему внѣ-ладовое, омнитональное, не могло и создаться иначе, какъ на фортепіано. Всѣ экскурсіи критики въ „ультрахроматическія“ сферы, якобы завоеванныя Скрябинымъ, въ высокой мѣрѣ безпочвенны. Разрывъ съ современной темпераціонной системой тоновъ, когда онъ наконецъ будетъ свершенъ нѣкіимъ грядущимъ геніемъ, ознаменуетъ собою величайшую революцію въ музыкальномъ искусствѣ: это будетъ не только возвратъ къ чистотѣ ладоваго и гармоническаго строя, но и возвратъ къ утраченной за послѣдніе два вѣка логикѣ звуковъ. Сверженіе ига темпераціи раскроетъ передъ творцами будущаго заповѣдные доселѣ пути: со стыдомъ должны мы признаться, что даже наша народная пѣсня (не говоря уже о пѣснѣ восточныхъ народовъ) располагаетъ болѣе богатыми мелодическими возможностями, построена на болѣе развитомъ звукорядѣ, чѣмъ „высоко-культурная“ музыка. Наша система нотописанія, вполнѣ пригодная для творческихъ цѣлей геніальнѣйшихъ композиторовъ, оказывается недостаточной, какъ только мы хотимъ „записать“ простую народную пѣсню: мы должны исказить ея мелодическую физіономію, силкомъ вогнать ея оригинальную мелодику въ узкій шаблонъ фортепіанной клавіатуры — воистину Прокрустово ложе для перловъ народнаго творчества. Тончайшіе нюансы мелодической интонаціи, свойственные народной пѣснѣ, не имѣютъ въ нашей грубой діезо-бемольной нотаціи знаковъ для своего зафиксированія.

Несомнѣнно, однако, что если народъ имѣетъ возможность сохранить изъ поколѣнія въ поколѣніе физіономію своего музыкальнаго творчества, не прибѣгая ни къ какимъ записямъ, одною лишь

---

* Напримѣръ, Prélude op. 74, № 4.

изустною передачей, — значитъ, употребляемые имъ мелодическіе ходы глубоко органичны, — значитъ, они имѣютъ какую то (акустика знаетъ — какую) опору въ самомъ слуховомъ аппаратѣ человѣка... И современная наука ручается намъ за то, что подавляющее одноголосіе народной пѣсни не роковымъ образомъ вытекаетъ изъ свойствъ народной мелодики, но зависитъ лишь отъ ея эмоціальной примитивности. Гармонію, отвѣчающую характеру народной пѣсни, создать вполнѣ возможно, при непремѣнномъ, однако, условіи отказа отъ мелодической приблизительности, возведенной въ принципъ въ равномѣрно-темпераціонной системѣ. Народная пѣсня, слѣдовательно, отъ вѣка „ультрахроматична", болѣе богата мелодическими интонаціями, чѣмъ наша предѣльная хроматическая гамма, и намъ лишь остается послѣдовать за нею, вооружившись должною эрудиціей для развитія изъ нея богатыхъ полифоническихъ формъ. Я уже указалъ выше, какъ далекъ былъ Скрябинъ отъ народнаго творчества; столь же далекъ онъ и отъ тѣхъ возможностей, которыя оно открываетъ въ только что указанномъ смыслѣ искусству будущаго.

Глубокій анализъ его гармоническаго стиля безжалостно разрушаетъ легенду объ „ультрахроматическомъ Скрябинѣ": его произведенія безконечно болѣе логичны и консонантны въ темперованномъ строѣ, чѣмъ въ какомъ-либо другомъ: внѣ темпераціи — нѣтъ Скрябина. А такъ какъ ни одинъ инструментъ не въ силахъ конкурировать съ фортепіано въ точности „разстройки" всѣхъ гармоническихъ интерваловъ, то Скрябину ничего иного и не оставалось, какъ до конца пребывать въ вѣрности этому идеально разстроенному музыкальному аппарату...

Все это, конечно, нисколько не умаляетъ художественной цѣнности произведеній художника: пока царство темпераціи не пало подъ натискомъ революціонно-ультрахроматическихъ силъ, Скрябинъ останется недосягаемой вершиной, и если его историческая роль не столь же грандіозна, это касается чувствительно лишь критики, приписавшей ему незаслуженные лавры революціонера, — классическій императивъ существующей системы тоновъ у Скрябина остался до конца нерушимымъ. Онъ — типичный завершитель эпохи.

Если взглянуть теперь на форму музыки Скрябина съ точки зрѣнія узко-музыкальной, имѣя въ виду лишь ея звуковую архитектонику, — выводы изъ нея окажутся глубоко интересными для оцѣнки творческой личности художника. Форма эта, непрестанно тяготѣя къ законченной абстрактности, столь характерной для адептовъ „чистой музыки", носитъ тѣмъ не менѣе явные слѣды импровизаціонности. Получается впечатлѣніе внутренней борьбы двухъ началъ въ душѣ композитора: любуясь красотою звукопостроеній (это, кстати сказать, и есть та „поза", о которой такъ много говорятъ и пишутъ, видя въ ней, — ошибочно, конечно, — склонность къ „самолюбованію" автора!), Скрябинъ не могъ, однако, поставить

самодовлѣющую ихъ красоту во главу угла: „расплавленная архитектура“ — не Скрябинское заданіе. Его широкая философская концепція, его устремленность къ религіи не позволяли ему такъ оскопить духовно свою музыку, такъ сузить ея задачи. А лишь только мы подходимъ къ звуку, какъ къ матеріалу для выявленія своего духовнаго *я*, лишь только мы хотимъ видѣть въ музыкѣ „языкъ души“, — мы уже у грани формальнаго анархизма. Ребиковъ правъ по своему, утверждая, что „чувства человѣческія не имѣютъ ни формы, ни тональности, ни кадансовъ“ . . . Однако такое credo, проведенное послѣдовательно въ музыкѣ, привело бы къ агоніи звуковъ, ни въ какомъ родствѣ съ искусствомъ не состоящей. Если чувства и мысли живыхъ людей не укладываются въ геометрическую схему квадрата или эллипса, это еще не значитъ, что форма этихъ фигуръ совершенно лишена художественно-эстетическаго содержанія, что онѣ эмоціально невыразительны. Истинное искусство живо именно этою вѣчною борьбою четкаго геометризма формы съ неуловимостью контуровъ человѣческихъ идей и эмоцій, и „муки творчества“ — какъ разъ въ „уловленіи“ послѣднихъ, но, конечно, только генію удается въ полной мѣрѣ этотъ труднѣйшій изъ синтезовъ. И нѣтъ лучшей поруки за геніальность Скрябина, какъ классическая строгость его формъ, вмѣщающихъ въ себѣ почти невмѣстимое. Если вчитаться въ поэтическую автоинтерпретацію „Поэмы Экстаза“, оставляя въ сторонѣ незначительную литературную цѣнность этого стихотворенія — литературный даръ не былъ удѣломъ Скрябина, — нельзя не подивиться грандіозности самаго замысла, гдѣ человѣческое самоутвержденіе личности становится космическимъ процессомъ, равновеликимъ акту міросозданія. И космическимъ процессамъ, конечно, свойственны закономѣрность и гармоничность, но все же отлить такое заданіе въ ясную, прозрачную музыкальную форму, не порвавъ даже съ классическимъ „сонатнымъ“ принципомъ — сдѣлать это могъ лишь геній. И „Поэма Экстаза“ — не исключеніе, быстрый духовный ростъ личности Скрябина съ нея лишь начинается: идейное и эмоціальное содержаніе позднѣйшихъ произведеній углубляется у Скрябина съ каждымъ opus'омъ. Весь послѣ-прометеевскій фортепіанный періодъ его творчества — дождь драгоцѣнныхъ осколковъ изъ-подъ молота титана, высѣкавшаго форму для своей грядущей Мистеріи, и до самаго конца эти осколки сохранили кристаллическую ясность и законченность. Свою любовь къ причудливымъ узорамъ рѣзко изломанныхъ линій художникъ сумѣлъ сдѣлать могучею союзницей своего религіозно-мистическаго творчества. Глубоко, въ самыхъ малыхъ „ячейкахъ“ формы, гдѣ она наиболѣе близко соприкасается съ эмоціальнымъ содержаніемъ, скрылъ Скрябинъ причудливыя арабески своихъ настроеній; общіе же контуры просты, быть можетъ, даже нѣсколько наивны, какъ наивна та эзотерическая доктрина, исповѣдникомъ которой былъ композиторъ. И

именно въ сложности этихъ минимальныхъ ячеекъ причина „импровизаціонной“ внѣшности его произведеній. Слухъ не сразу оріентируется въ столь фантастичномъ тематизмѣ, и періодичность ритмическихъ возвращеній далеко не всегда очевидна. Есть, конечно, и другія причины этой кажущейся импровизаціонности: слишкомъ непривычна гармоническая фактура музыки Скрябина, и музыкальные „знаки препинанія“, эти ритмико-гармоническіе элементы формы, сплошь и рядомъ недоступны пониманію слушателя, привыкшаго къ „sol-do-do-sol“ классическихъ кадансовъ, — онъ ихъ не улавливаетъ; наконецъ самое исполненіе (я говорю, конечно, объ авторскомъ) всегда, съ первыхъ шаговъ композитора-піаниста (1893—1894 годы), было такъ ритмически-неустойчиво, такъ подчинялось всегда настроенію автоинтерпретатора, что мы съ большимъ правомъ можемъ назвать Скрябина „импровизаторомъ“ въ ритмическихъ и динамическихъ нюансахъ. И въ записи своихъ произведеній онъ предпочитаетъ терминологію настроеній обычной музыкально-динамической номенклатурѣ, оставляя, такимъ образомъ, широкій просторъ индивидуальности истолкователя, — лирическій паѳосъ и здѣсь является элементомъ рѣшающимъ.

Есть еще одна сторона творчества Скрябина, которая осталась загадкой изъ-за его безвременной смерти: проблема синтеза искусствъ была для него проблемой очень серьезной; порукою за то — упорное игнорированіе художникомъ дешевыхъ ея разрѣшеній, являющихся въ сущности своей не синтезомъ, но грубымъ параллелизмомъ, не „химическимъ соединеніемъ“, но механическимъ ихъ конгломератомъ, — я говорю о „вокальной“ музыкѣ и всевозможныхъ видахъ приспособленія музыкальнаго искусства къ сценическому „дѣйству“. Скрябинъ за всю жизнь не написалъ ни одного „романса“, ни оперы, ни „музыкальной драмы“, ни одного произведенія, въ которомъ человѣческая рѣчь была бы связана съ рѣчью музыкальной. Лишь въ его ранней симфоніи, очевидно, подъ вліяніемъ „девятой“ Бетховена, участвуетъ хоръ, поющій гимнъ Искусству, какъ Религіи; въ „Прометеѣ“ хоръ уже лишенъ словъ... Такое отношеніе къ вокальной музыкѣ, граничащее съ полнымъ ея отрицаніемъ, свидѣтельствуетъ о высшемъ уваженіи художника къ стихіи музыкальнаго звука: ибо если справедливо, что „гдѣ кончаются слова — начинается музыка“, то не менѣе справедливо обратное положеніе: гдѣ начинаются слова — музыка кончается. Независимо отъ красоты и значительности „словъ“, музыка, прибѣгающая къ ихъ помощи, тѣмъ самымъ расписывается въ собственномъ безсиліи. То же и съ другими искусствами: критика совершенно справедливо отмѣтила, что въ „Прометеѣ“ есть одна лишняя строка партитуры, именно „свѣтовая“: самое фантастическое искусственное освѣщеніе не сможетъ прибавить ни іоты къ той лучезарности, которою проникнутъ каждый звукъ этой геніальной „Поэмы Огня“... И снова мы видимъ: возвратившись въ послѣднихъ

opus'ахъ (70, 72, 73) къ стихіи огня, Скрябинъ уже не требуетъ параллелизма звуковъ съ эффектами освѣщенія: „lumineux vibrant, de plus en plus radieux“, „Flammes sombres“, „Vers la flamme“ — все это несомнѣнная аналогія съ отказомъ отъ словъ у хора въ „Прометеѣ“. Каждый разъ, сдѣлавъ попытку ввести „помощника“, Скрябинъ отказывается отъ него въ послѣдовательномъ развитіи своемъ и возвращается къ чистой музыкѣ, очевидно, вполнѣ овладѣвъ уже средствами чисто музыкальнаго воплощенія всѣхъ нюансовъ „Feu“ — отъ „sombres“ до „radieux“ включительно...

Некрологи извѣстили насъ, что послѣ смерти Скрябина остался „законченный текстъ“ предварительнаго Дѣйства „Мистеріи“; онъ пока еще не опубликованъ, и мы не можемъ судить, было ли это — либретто или аналогичное „Поэмѣ Экстаза“ самостоятельное литературное произведеніе; но даже независимо отъ этого мы знали отъ близкихъ къ нему лицъ, что авторомъ „Мистеріи“ предначертанъ синтезъ всѣхъ искусствъ до игры ѳиміамовъ включительно... Апологеты Скрябина весьма склонны утверждать, что лишь смерть помѣшала ему выполнить свою задачу, ибо онъ „имѣлъ всѣ шансы воплотить въ жизнь и реальность свою мечту о синтезѣ искусствъ“... Такъ ли? Не отказался ли бы самъ Скрябинъ съ тою же неуклонною послѣдовательностью и отъ ѳиміамовъ, и отъ всѣхъ прочихъ атрибутовъ матеріальнаго воздѣйствія на психику, какъ только осозналъ бы въ себѣ „магическую“ способность одними звуками творить пространственныя формы и ѳиміамы, какъ это блестяще удалось ему со словомъ и огнемъ? И не стала ли бы „осуществленная“ Мистерія просто симфоническимъ произведеніемъ, пріобщающимъ слушателя къ творческому „дѣйству“ лишь всемогуществомъ проникновеннаго лиризма? Или, быть можетъ, Скрябинъ будущаго порвалъ бы и съ симфонизмомъ и сталъ бы настоящимъ импровизаторомъ, овладѣвшимъ всѣми средствами своего искусства настолько, чтобы выпало промежуточное звено между задуманнымъ и осуществленнымъ произведеніемъ — періодъ „сочиненія“, „композиціи“ его?

Не такова ли была до конца неосознанная мечта композитора о „единомъ, неповторяющемся Актѣ, живущемъ лишь краткій мигъ творческаго Экстаза“?

Арсеній Авраамовъ.

СУДЬБА КАРТИНЫ.

(ЗАМѢТКИ О „МИРѢ ИСКУССТВА“.)

Выставка „этюдовъ, эскизовъ и рисунковъ“, устроенная комитетомъ „Міра Искусства“ и первоначально открывшаяся подъ ни чѣмъ не оправданнымъ и, очевидно, ошибочнымъ названіемъ „Выставки картинъ“ (ибо весь ея смыслъ въ томъ, что она — выставка „не картинъ“), знаменуетъ новое и по своему весьма симптоматичное начинаніе этого общества: распредѣленіе совершеннаго за годъ совмѣстнаго усилія по двумъ параллельнымъ русламъ. Задача этой первой „осенней“ выставки, за которой черезъ нѣсколько мѣсяцевъ имѣетъ, повидимому, послѣдовать вторая, „весенняя“, представляется — согласно вѣроятному плану устроителей, въ общихъ чертахъ уже отмѣченному печатью, — какъ бы предварительной.

Выставка не имѣетъ цѣли познакомить насъ съ добытыми художниками окончательными результатами, съ тою работой синтеза, изъ которой возникаетъ „картина“. Напротивъ, она должна ввести насъ въ интимную лабораторію живописнаго творчества во всѣхъ его послѣдовательныхъ стадіяхъ, начиная отъ первичной схемы построенія картины — наброска углемъ, перомъ или карандашомъ и ея красочнаго первообраза — эскиза. Намъ рисуется и иное заданіе для этого новаго типа выставокъ: разгрузка основной, собственно отчетной выставки отъ того изобилія прикладныхъ а особенно театральныхъ работъ, которыми могло казаться затемненнымъ и искаженнымъ истинное предназначеніе выставки картинъ, т. е. довлѣющихъ себѣ и формально въ себѣ замкнутыхъ живописныхъ достиженій. Подобныя побочныя или даже паразитныя явленія и должны были — независимо отъ своей безотносительной цѣнности — быть отведены въ это новое русло.

Чрезвычайно важный вопросъ о методѣ организаціи выставокъ отнюдь не долженъ, — я въ томъ увѣренъ, — быть воспринятъ читателями общаго журнала, какъ тема узко профессіональная и техническая. Вѣдь выставка — единственный путь сближенія художника, отъединеннѣйшаго изъ тружениковъ, съ обществомъ, его періодическая встрѣча съ соотечественниками и современниками; выставка имѣетъ для „обобществленія“ искусства, для

реализаціи художественнаго воздѣйствія на массы, наконецъ для оплодотворенія творчества черезъ прикосновеніе къ этимъ массамъ значеніе не меньшее, чѣмъ книга для культуры слова. Исключительное значеніе этихъ выступленій умножается еще и тѣмъ, что подобное общеніе художника со зрителемъ можетъ быть лишь кратковременнымъ, что оно затруднено у насъ почти непреодолимо внѣшними условіями и ограничено, въ сущности, лишь двумя культурными центрами — Петроградомъ и Москвою. Цѣлесообразное устройство выставокъ является, на ряду съ „собираніемъ искусства" въ музеяхъ, однимъ изъ основополагающихъ вопросовъ всякой серьезной „художественной политики". Поэтому-то новый боевой планъ, принятый „Міромъ Искусства" — и успѣвшій, если вѣрить газетнымъ сообщеніямъ, вызвать подражаніе у „Передвижниковъ", — заставилъ насъ насторожиться; совершенно самоочевидная неудача этой попытки не лишаетъ ея, однако, поучительности.

Въ самомъ дѣлѣ, изъ какого побужденія, изъ какой внутренней потребности возникло это начинаніе? Отъ какого избытка былъ удѣленъ матеріалъ для этой выставки? Имѣлъ ли „Міръ Искусства", „что̀ сказать", ее создавая? Врядъ ли! Предпріятіе это не болѣе какъ ставка на новизну замысла, на сомнительные шансы эксперимента. Мнѣ не хотѣлось бы повторно возвращаться къ вопросу о — ставшемъ хроническимъ — кризисѣ „Міра Искусства", тѣмъ болѣе, что тема эта успѣла сдѣлаться общимъ мѣстомъ большинства сужденій. Что дѣлать, если ироническая судьба не надѣлила группу дѣятелей, безъ сомнѣнія, призванныхъ къ культурному водительству и улучшенію эстетическаго уровня русскаго общества, — неисповѣдимымъ и стихійнымъ даромъ творчества? Чѣмъ помочь и кого обвинять, если эта первая версія „Русскаго Возрожденія" поманила насъ несбывшейся большой надеждой, но свелась лишь къ счастливому обновленію вкуса, къ расширенію нашей эстетической воспріимчивости? Если новое художественное движеніе породило всего лишь декораторовъ, иллюстраторовъ и критиковъ? А вѣдь эта вторичность, эта отраженность творчества, обходящаго прямую задачу искусства, и является главнымъ аргументомъ критики, оспаривающей данное направленіе.

Между тѣмъ „Міръ Искусства", подобно гвардейцамъ въ Наполеоновской легендѣ, умираетъ, но не сдается. Въ подобномъ упорствѣ есть и смыслъ, и великодушіе. Общество словно блюдетъ нѣкоторое историческое обязательство. Вѣдь „Міръ Искусства" еще не дождался законнаго преемника, способнаго либо воспринять его прямое наслѣдіе и утвердить его дѣло, либо отстранить его во имя спасительной, страстно чаемой нами новизны.

Стоитъ сегодня распасться культурной ячейкѣ „Міра Искусства", и, быть можетъ, весь организмъ нашего молодого искус-

ства утратитъ свою относительную плотность, разрыхлится и растворится въ несказанномъ хаосѣ, — въ косности или судорогѣ. Отсюда — миссія дѣятелей „Міра Искусства“, этого поколѣнія призванныхъ, но не избранныхъ. Отъ этого сознанія — или смутнаго чувства — собственной своей недостаточности, неполноты своего вклада и исходило, какъ намъ кажется, названное общество за всѣ послѣдніе годы. Оно ненасытно вбирало въ себя и такъ или иначе приспособляло сторонніе элементы, привлекая ихъ изъ мастерскихъ Академіи Художествъ, равно какъ изъ независимой среды самыхъ эксцентричныхъ искателей новизны. Нынѣ этимъ элементамъ принадлежитъ — объ этомъ свидѣтельствуетъ отчетная выставка — численный перевѣсъ надъ членами общества. Въ свою очередь, изъ числа послѣднихъ развѣ что третья часть принимаетъ участіе въ этомъ публичномъ соревнованіи. Самая характеристика облика каждой изъ ближайшихъ къ намъ по времени выставокъ слагается изъ сочетанія этихъ пришлыхъ художественныхъ силъ. Однако подобная широта критеріевъ, несовмѣстная не только со строгостью эстетической доктрины, но и со всякою „органичностью“ усилія вообще, не могла привести „Міръ Искусства“ къ чуду внутренняго обновленія. Тогда-то, — догадываемся мы, — и созрѣло рѣшеніе выдѣлить побочную выставку, о которой мнѣ и предстоитъ высказаться.

* *
*

Самое названіе выставки даетъ намъ ключъ къ ея „идеологіи“. Оно противополагаетъ понятія этюда, эскиза и рисунка понятію картины. Казалось бы, что̀ можетъ быть проще, чѣмъ принципъ этого различенія! А между тѣмъ его весьма нелегко уловить. Дѣленіе на двѣ выставки, въ сущности, пріемъ уже испытанный, — объ этомъ говоритъ хотя бы примѣръ Берлинской Сецессіи; однако тамъ произведенія группировались по признакамъ чисто техническимъ. Одна изъ выставокъ была всецѣло посвящена живописи, другая — графикѣ, т. е. рисунку и гравюрѣ. Дѣленіе же, принятое „Міромъ Искусства“, коренится въ психологіи творческаго процесса. Отсюда возникаетъ его чрезвычайная смутность.

Начать съ того, что въ современной художественной практикѣ понятія картины и этюда смежны до полнаго сліянія другъ съ другомъ, — особенно въ искусствѣ пейзажа. Нѣкогда, для пейзажа классическаго, для Пуссэна или Лоррэна (я всего лучше сумѣю пояснить свою мысль на примѣрѣ французскаго искусства, гдѣ эволюція живописныхъ цѣнностей запечатлѣлась всего полнѣе и отчетливѣе) этюдъ подлинно былъ лишь студіей натуры, сырымъ, неодушевленнымъ матеріаломъ, который отливался въ условныя формы въ горнилѣ неуклонной „воли къ стилю“. Концепція картины населяла этотъ матеріалъ героической жизнью.

Позднѣе барбизонцы, какъ, напримѣръ, Теодоръ Руссо, сводили свои непосредственныя записи живыхъ аспектовъ природы къ нарочитому композиціонному равновѣсію картины, къ полновѣсному выраженію лирическаго характера пейзажа — въ отрѣшенности и нейтральномъ свѣтѣ мастерской, обращенной на сѣверъ. Импрессіонизмъ, столь властно завладѣвшій искусствоощущеніемъ нашихъ дней и донынѣ не вполнѣ преодолѣнный, все это измѣнилъ. Онъ отобразилъ природу въ ея мимолетныхъ подобіяхъ, въ ея прямой и мгновенной дѣйствительности. Онъ лишилъ предметы существенныхъ признаковъ цвѣта, пластической формы, плотности и всякаго самодовлѣющаго бытія, подчинивъ это бытіе законамъ и прихотямъ свѣта, единственной реальности. Мозгъ художника сталъ какъ бы пассивнымъ аппаратомъ оптическаго воспріятія, пластинкой, чувствительной къ свѣту. Импрессіонизмъ пожелалъ забыть, что этотъ жизнедавецъ-свѣтъ родился изъ тьмы; онъ изгналъ черный цвѣтъ и его градаціи — былую основу колорита. Онъ объявилъ контуръ фикціей и истолковалъ очертаніе, какъ нечеткій предѣлъ двухъ красочныхъ массъ. Такъ были исключены или утрачены всѣ почти свойства, образующія „картинность" (Bildmässigkeit, какъ выражаются нѣмцы), всѣ средства „организаціи плоскости": линейный ритмъ, привносящій единство композиціонное, гамма тоновъ, создающая гармонію красочную, свѣтотѣнь, углубляющая картину до трехмѣрности, степень интенсивности цвѣта („валёры"), расчленяющая ее на планы. Опытъ показалъ, что все это не противорѣчитъ насыщенной и праздничной жизни поверхности. Но импрессіонизмъ идетъ дальше. Онъ игнорируетъ замыселъ, выдумку, свободную дѣйственность воображенія художника; онъ выключаетъ духъ, сказали бы его противники. Такъ или иначе, импрессіонизмъ и наслѣдовавшія ему направленія отвергли первенство **мотива** и право сюжета, — иными словами, упразднили выборъ и сочетаніе предметовъ изображенія, а, съ другой стороны, идеологическій или психологическій стержень творчества. Міръ обратился для художника лишь въ безразличный обьектъ субъективнаго зрительнаго переживанія. Такъ съ аскетическимъ презрѣніемъ къ обольщенію предметовъ, къ соблазну связанныхъ съ ними ассоціацій, Сезаннъ повторяетъ много десятковъ разъ знаменитую „мертвую природу" изъ нѣсколькихъ яблокъ, салфетки и крынки, сгруппированныхъ на голой доскѣ стола. Такъ отпадаютъ одна за другой особенности, опредѣляющія „картину, какъ таковую", картину въ ея традиціонномъ смыслѣ. Отнынѣ она совпадаетъ съ этюдомъ: то отрѣзокъ природы, увидѣнный, — по знаменитой формулѣ литературнаго натурализма, — „сквозь темпераментъ художника". Винцентъ Ванъ Гогъ пишетъ самыя насыщенныя, пронизанныя молніями мятущагося духа картины въ полѣ, на вѣтрѣ, въ нѣсколько часовъ,

выдавливая въ лихорадочномъ нетерпѣніи тубы красокъ прямо на холстъ, разминая ихъ коченѣющими пальцами.

Говорю здѣсь объ этомъ не для того, чтобы оспаривать доктрину импрессіонизма; онъ утвердилъ свободу искусства отъ всякихъ стороннихъ внушеній, отъ всякихъ преемственныхъ принужденій; онъ провозгласилъ автономію и „специфичность“ живописнаго воспріятія міра. Но предѣлъ импрессіонизма обозначается тамъ, гдѣ кончается міръ явленій.

Въ наше время реакціи противъ аналитическаго, „бездушнаго“ искусства, искусства зрительной воспріимчивости, время поисковъ новаго формальнаго и идеологическаго углубленія живописи, возродилось представленіе о картинѣ въ прежнемъ смыслѣ слова: въ смыслѣ волевого и сознательнаго творческаго усилія, объединенія дробной и неодушевленной случайной дѣйствительности въ цѣлостномъ образѣ, подчиненія ея космической, организующей волѣ художника. Сезаннъ, завершившій и преодолѣвшій импрессіонизмъ первый изъ великихъ мастеровъ нашего времени, возвратилъ живописному изображенію плотность и конструктивность. Яблоки его и крынки обрѣтаютъ мощную, почти монументальную внушительность. Красочныя плоскости его пейзажей слагаются въ нерасторжимое строительное единство. Труды его послѣдователей, Дерэна или Фріеза, Вламенка или Маркэ, воспринимаютъ отъ него эту строительную схему; пейзажи ихъ родственны грузнымъ и суровымъ формамъ романскаго зодчества. Наконецъ завершители движенія, кубисты, сводятъ зрѣлище внѣшняго міра къ его геометрическимъ измѣреніямъ, къ сочетанію „объемовъ“; вмѣстѣ съ тѣмъ красочность предметовъ потухаетъ въ этомъ безвоздушномъ пространствѣ отвлеченныхъ схемъ. Отраженное же движеніе футуризма представляется послѣднимъ рефлексомъ, предсмертной судорогою аналитическаго и динамическаго духа импрессіонизма.

Эволюція картинности, изложенная мною съ возможнымъ упрощеніемъ, протекаетъ у насъ безъ той закономѣрной послѣдовательности дѣйствія и противодѣйствія, что наблюдается на Западѣ. Лишенное еще органической цѣльности, не коренясь глубоко въ культурной традиціи, искусство наше движется впередъ толчками, безъ руля и безъ вѣтрилъ, колеблемое внезапными порывами вѣтра, доносящимися изъ остальной Европы, или мистическимъ дуновеніемъ нашей оживающей древности. Однако и мы пережили импрессіонистское повѣтріе, сказавшееся у нашихъ „московскихъ парижанъ“. Противодѣйствіе же этому устремленію опредѣлило тяготѣніе къ декоративности, принявшее у насъ исключительные размѣры (во Франціи декоративный уклонъ ознаменованъ творчествомъ Гогена и его круга). Я говорю объ этомъ вполнѣ законномъ явленіи, какъ объ уклонѣ въ связи съ интересующей насъ „проблемою кар-

тины". Всякое декоративное твореніе, будь то фреска или виньетка, лишено основного признака картины: самоцѣльности. Фреска расчленяетъ и украшаетъ плоскость стѣны, иногда углубляетъ символически смыслъ архитектурнаго замысла; виньетка расчленяетъ и украшаетъ страницу книги, а вмѣстѣ съ тѣмъ истолковываетъ ея содержаніе. Картина же — прежде всего вещь „въ себѣ"; рама, изолирующая ее отъ плоскости стѣны, на которой она виситъ, и отдѣляющая ее отъ окружающей дѣйствительности, есть необходимое условіе эстетическаго бытія картины. Точно такъ же, какъ этюдъ, но по другимъ причинамъ, не можетъ, слѣдовательно, считаться картиной и декоративное панно.

Нельзя отрицать, что устремленіе къ картинѣ намѣчается и у насъ, но всего болѣе въ формѣ пожеланія или прогноза. Есть у насъ и доктринеры, мнящіе обрѣсти путь къ возрожденію картины въ условномъ канонѣ академіи, въ предустановленныхъ анатомическихъ нормахъ, въ преобладаніи пластической формы надъ живописной, въ симметріи композиціи; но и они пошли немногимъ далѣе литературныхъ манифестовъ о своемъ призваніи. Наконецъ, чрезвычайно любопытно обозначилось тяготѣніе къ картинной полнотѣ, къ сочетанію сюжета и строенія въ весьма двусмысленномъ и оспоримомъ родѣ живописи — эскизѣ театральной декораціи; эскизы „Бѣсовъ" Добужинскаго, intérieur „Мнимаго Больного" и макеты для „Трактирщицы" А. Бенуа, циклъ „Смерти Пазухина" Кустодіева приближаются, минуя свою чисто служебную задачу пособія театра, къ самостоятельному значенію „жанровыхъ" картинокъ.

* * *

Въ силу подобной шаткости и относительности принятой „Міромъ Искусства" для новѣйшей своей выставки классификаціи, послѣдняя могла привести лишь къ хаотической разноголосицѣ. Относя къ этой выставкѣ все, что не есть „картина", общество, въ сущности, отожествляетъ ее съ выставкой „основной", ибо и тамъ вѣдь отсутствуютъ картины въ томъ специфическомъ смыслѣ, который мы попытались формулировать: одно или два замѣчательныхъ исключенія лишь подтверждаютъ правило. Неясность заданія и непригодность относительныхъ и условныхъ понятій привели къ тому, что каждый почти экспонентъ истолковалъ это заданіе по своему, въ смыслѣ чисто техническомъ или же въ эстетическомъ. Свелось это расхожденіе къ тому, что каждый пытался дѣлать „не свое дѣло". Одни показали свои работы цвѣтными карандашами и устранили этюды масляными красками, художники „театральные" по преимуществу воздержались отъ демонстраціи эскизовъ декорацій, а портретисты выставили театральные эскизы; иные иллюстраторы пожелали испытать себя въ акварельномъ пейзажѣ, другіе остались вѣрны своимъ орна-

ментальнымъ задачамъ. Многіе дали вещи, совершенно аналогичныя тѣмъ, что они посылаютъ на основную выставку, но меньшія по размѣрамъ и болѣе слабыя по выполненію. Точно такъ же были допущены на выставку этюдовъ и художники „похуже", чьи достоинства показались бы недостаточно достовѣрными для главной выставки. Нѣкоторые изъ выставлявшихъ тщились раскрыть передъ нами самый органическій процессъ своего творчества, собравъ скудныя подготовительныя работы къ уже извѣстнымъ вещамъ. Остальные выставили циклы этюдовъ, нарочито согласованныхъ съ заданіемъ. Наконецъ новая програма сдѣлала возможнымъ появленіе на выставкѣ силуэтовъ, рѣзанныхъ изъ бумаги (курьезныхъ, впрочемъ, и мѣткихъ) или матерчатыхъ куколъ въ „стильныхъ" костюмахъ и позахъ. Все же возведеніе рукодѣлія на степень искусства менѣе оскорбляетъ чувство художественнаго достоинства, чѣмъ низведеніе искусства на степень плачевно-дилетантскаго, случайнаго рукодѣлія, — а и тому на выставкѣ имѣются дотолѣ невиданные примѣры. Можно, безъ всякаго сомнѣнія, набрести при осмотрѣ и на нѣкоторые оазисы, явленія своеобычныя и интересныя, но они не могутъ оправдать непродуманности, непринужденности и суетности всего начинанія. Не этимъ ли слѣдуетъ объяснить характеризующее эту выставку воздержаніе цѣлаго ряда постоянныхъ работниковъ „Міра Искусства" отъ участія въ ней?

На мой взглядъ, исходъ этого начинанія былъ до нѣкоторой степени предопредѣленъ. Оно пыталось разрѣшить дилемму нашего художественнаго „бездорожія" — путемъ исключительно внѣшнимъ и, такъ сказать, административнымъ. Логика учитъ насъ, однако, что изъ формальнаго преобразованія понятія ни въ коемъ случаѣ не получается понятія новаго. Въ Крыловской баснѣ дѣло не идетъ на ладъ, какъ бы ни разсѣлись участники квартета. Подобный опытъ мы переживаемъ и на примѣрѣ „Выставки этюдовъ, эскизовъ и рисунковъ". Какія бы ни придумывать группировки и ни прикидывать новыя названія, внутреннее существо дѣла остается неизмѣннымъ. Недостаточность же наличныхъ силъ и отсутствіе большихъ цѣлей еще болѣе обнажаются подъ пристальнымъ взглядомъ.

Андрей Левинсонъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ПРОГРЕССИВНЫЙ БЛОКЪ И БЮРОКРАТІЯ.

Впродолженіи истекшаго года наша внутренняя жизнь ускореннымъ темпомъ свершила циклъ развитія, уже неоднократно свершенный ею за послѣднія десятилѣтія, и въ настоящій моментъ уперлась въ тотъ тупикъ, которымъ неизмѣнно заканчивались эти циклы.

Русское „общество", распыленное, разбитое и подавленное почти десятилѣтней реакціей, съ объявленіемъ войны почувствовало себя воспрянувшимъ и помолодѣвшимъ. Трагичность военной катастрофы, обрушившейся на Европу, конечно, отмѣчалась словесно, но не испытывалась внутренно. Патріотическій подъемъ создавалъ не только повышенное, но и какое-то легкое, почти беззаботное настроеніе, переживался, несмотря на осеннюю пору года, какъ-то по-весеннему радостно, — извѣстно, впрочемъ, что общественная весна, обыкновенно, наступаетъ у насъ осенью. Но, конечно, радость патріотическаго одушевленія при всей своей легкости не чужда была и оттѣнка торжественности: не только общественная, но и частная жизнь въ самыхъ обыденныхъ своихъ проявленіяхъ пріобрѣла вдругъ характеръ чего-то знаменательнаго, осіяннаго ореоломъ „историчности". „Историческое" засѣданіе Думы, „историческая" рѣчь Ивана Петровича, „историческій" жестъ Петра Ивановича... общественному дѣятелю шагу нельзя было ступить, не попавъ въ исторію. И даже обыватель, совершая свою обычную прогулку по улицамъ только что обновленнаго переименованіемъ Петрограда, выступалъ особенно внушительно, словно его калоши попираютъ не стертыя плиты тротуара, а священныя скрижали исторіи, словно съ крышъ сосѣднихъ домовъ на него глядятъ не мокрыя вороны, а, по меньшей мѣрѣ, наполеоновскіе „сорокъ вѣковъ".

Лозунгомъ этихъ историческихъ дней было единеніе и забвеніе: единеніе на почвѣ тѣхъ великихъ задачъ, которыя поставила передъ родиной война, — забвеніе тѣхъ внутреннихъ распрей, которыя создавали пропасть между „мы" и „они", между прогрессивнымъ обществомъ и реакціонной бюрократіей. Дѣятели реакціи, какъ остроумно замѣтила впослѣдствіи одна газета, получили отъ общества полную амнистію: „въ эту трудную историческую минуту мы

поддерживаемъ правительство не ставя ему никакихъ условій", торжественно провозгласила отвѣтственная оппозиція нашего парламента. Лишь немногіе безотвѣтственные люди пытались указать на опасности, которыми чревата такая „безусловность" объединенія. Выполненіе извѣстныхъ политическихъ условій, — говорили они, — есть необходимая предпосылка достиженія тѣхъ цѣлей, ради которыхъ проповѣдуется само объединеніе. Но эти предостерегающіе голоса прозвучали, какъ гласъ вопіющаго въ пустынѣ. Либеральная оппозиція, еще такъ недавно поносившая бюрократію, доказывавшая ея неспособность справляться съ обычными нуждами мирнаго времени, теперь не допускала ни малѣйшихъ сомнѣній въ томъ, что эта же самая бюрократія окажется на высотѣ грандіозныхъ задачъ, выдвинутыхъ войной. И любопытно, что либералы были въ этомъ отношеніи даже болѣе оптимистичны, чѣмъ бюрократическія сферы; въ то время какъ офиціально задачи войны опредѣлялись сравнительно сдержанно, въ то время какъ Марковъ II предостерегалъ отъ недооцѣнки силъ противника, либеральные патріоты положительно захлебывались отъ восторга передъ тѣми необъятными перспективами, которыя предвкушались ими и на Ближнемъ Востокѣ, и въ области спрямленія нашей западной границы до Данцига, и вообще, вездѣ, куда только ни заносили ихъ бурные порывы имперіалистической фантазіи. Такъ сильна была вѣра въ мощь патріотическаго чувства, что даже отчетливое сознаніе нашихъ многочисленныхъ дефектовъ не внушало серьезныхъ опасеній; всѣ отвѣтственные руководители общественнаго мнѣнія рѣшили, и всѣ газеты на разные лады повторяли, что мы побѣдимъ не совершенствомъ нашей технической подготовки, и вообще не тлѣнными изобрѣтеніями кичливаго разума, а нетлѣнною силою нашего духа, твердаго въ бѣдствіяхъ, великаго своимъ непоколебимымъ смиреніемъ.

Съ наступленіемъ весны въ природѣ начала подходить къ концу весна въ общественныхъ настроеніяхъ. Патріотическій восторгъ все замѣтнѣе и замѣтнѣе осложнялся патріотической тревогой. Эта послѣдняя получила свое первое яркое выраженіе на петроградскомъ съѣздѣ промышленниковъ, въ „исторической" рѣчи г. Рябушинскаго, которая, однако, до сихъ поръ не занесена въ лѣтописи исторіи по обстоятельствамъ, отъ лѣтописцевъ не зависящимъ, и сохраняется лишь въ изустномъ преданіи, вслѣдствіе чего не можетъ быть здѣсь процитирована.

Съ этого момента наша внутренняя жизнь начинаетъ развиваться лихорадочнымъ темпомъ. Сознаніе, что существующая организація снабженія арміи боевыми припасами дѣйствовала до сихъ поръ крайне неудовлетворительно, побуждаетъ промышленниковъ и инженеровъ выступить съ лозунгомъ: „мобилизація промышленности". Разрабатывается планъ созданія военно-промышленныхъ комитетовъ, которые должны сплотить всѣ силы страны, способныя непосредственно содѣйствовать оборонѣ, и заставить ихъ планомѣрно обслуживать

нужды фронта. Разъ бюрократическая система снабженія доказала свою несостоятельность, „народъ долженъ самъ стать своимъ интендантомъ“. Само правительство приходитъ, повидимому, къ сознанію нѣкоторыхъ недостатковъ наличнаго бюрократическаго механизма и дѣлаетъ рядъ шаговъ навстрѣчу объятому патріотической тревогой обществу. Благожелательно встрѣчаются общественныя начинанія по организаціи обороны. Устраняются нѣкоторые министры. Одинъ изъ нихъ, г. Сухомлиновъ, возбудилъ негодованіе общественныхъ круговъ тѣмъ, что „обманулъ Государственную Думу“; другой г. Маклаковъ, сталъ неудобенъ вслѣдствіе привычки нервировать депутатовъ слишкомъ игривыми проявленіями своего анти-конституціоннаго темперамента; въ министерствѣ народнаго просвѣщенія, которое Провидѣніе незадолго передъ тѣмъ освободило отъ руководителя, отличавшагося также чрезмѣрной темпераментностью, была, какъ встарь, провозглашена эра благожелательности и сердечнаго попеченія. Но всѣ эти и многія другія, не менѣе значительныя, уступки общественному мнѣнію не произвели должнаго впечатлѣнія.

. . . .

Собралась Государственная Дума, но и она, занятая междупартійными переговорами, долгое время держалась нерѣшительно и, подобно правительству, отставала отъ общественнаго настроенія. Иниціативу взяла на себя Москва. Здѣсь, въ сердцѣ Россіи, сначала на частномъ совѣщаніи, а потомъ въ собраніи городской думы впервые прозвучалъ новый лозунгъ: „министерство общественнаго довѣрія“. Давленіе Москвы ускорило перегруппировку парламентскихъ партій; прогрессисты, кадеты, октябристы, часть націоналистовъ и правыхъ составили „прогрессивный блокъ“, который принялъ платформу московскихъ резолюцій и въ добавленіе къ принципу безусловной поддержки провозгласилъ, что образованіе министерства изъ лицъ, пользующихся довѣріемъ общества, есть то минимальное условіе, при которомъ можетъ быть продуктивна политика всеобщаго единенія. Такъ какъ на сторонѣ министерства, не пользующагося довѣріемъ общества, кромѣ собственныхъ его членовъ, оставалась, повидимому, лишь очень немногочисленная группа крайнихъ правыхъ, то уступка этому основному требованію блока казалась неизбѣжной. Газеты писали о пошатнувшемся здоровьѣ престарѣлаго предсѣдателя совѣта министровъ, и изъ среды общественныхъ дѣятелей намѣчались и горячо обсуждались кандидатуры на постъ премьера. Ходъ событій, однако, скоро обнаружилъ безпочвенность мечтаній подобнаго рода. Дума была распущена. Поддержка требованій прогрессивнаго блока двумя всероссійскими съѣздами, собравшимися въ Москвѣ какъ разъ къ моменту роспуска Думы, присоединеніе къ московскимъ резолюціямъ многихъ городскихъ думъ и земскихъ собраній — не измѣнили положенія дѣлъ. Здоровье г. Горемыкина замѣтно поправилось, и офиціозная печать писала о немъ уже не какъ о слабомъ старикѣ, а какъ объ

опытномъ кормчемъ, который не разъ спасалъ государственный корабль во время бури.

Ситуація окончательно опредѣлилась съ назначеніемъ на постъ министра внутреннихъ дѣлъ А. Н. Хвостова. Новый министръ мечтательной идеѣ единства и довѣрія противопоставилъ твердую концепцію принудительнаго „параллелизма"; онъ привѣтствовалъ печать и общественныя организаціи, поскольку онѣ работаютъ параллельно съ правительствомъ, — а все, что сверхъ сего, призналъ пустыми академическими разговорами, не заслуживающими вниманія серьезныхъ дѣловыхъ людей. Еще раньше, въ качествѣ члена Государственной Думы, А. Н. Хвостовъ сурово обличалъ спекуляцію, взвинчивающую цѣны на продукты массоваго потребленія. Сдѣлавшись министромъ, онъ еще разъ подчеркнулъ, что „въ Россіи нѣтъ внутренняго врага, кромѣ тѣхъ, кто спекулируетъ на предметахъ первой необходимости". Такимъ образомъ, организація продовольствія тыла выдвинулась впередъ, какъ боевая задача внутренней политики, — именно на этой реальной и конкретной почвѣ рѣшено дать генеральное сраженіе прогрессивному блоку съ его академическими требованіями министерской и другихъ реформъ. Такой выборъ поля сраженія диктовался самимъ ходомъ событій. Съ окончаніемъ лѣтней кампаніи текущаго года положеніе дѣлъ на фронтѣ утратило свою остроту. Наоборотъ, дезорганизація тыла достигла ужасающихъ размѣровъ. Неслыханная дороговизна, разстройство транспорта и, какъ слѣдствіе этого, недостатокъ топлива въ столицахъ, почти полное отсутствіе въ нихъ сахара, муки, а впослѣдтвіи и мяса — вотъ что выдвинулось теперь на первый планъ. Вотъ тотъ „внутренній врагъ", котораго надлежало прежде всего побѣдить, чтобы упрочить свое положеніе. Естественно, что именно сюда направилось главное вниманіе бюрократіи. Правда, практически въ этомъ направленіи сдѣлано пока не особенно много: осмотрѣны нѣкоторые узлы нашей желѣзнодорожной сѣти, получили отставку одинъ начальникъ дороги и одинъ начальникъ станціи, торжественно открыта одна потребительская лавка, успѣвшая, какъ говорятъ, въ первый же день своего существованія распредѣлить среди благодарнаго населенія нѣсколько сотъ пакетиковъ съ сахаромъ. Вотъ, кажется, и все.

Едва ли, впрочемъ, сами руководители нашей внутренней политики придаютъ единичнымъ мѣропріятіямъ подобнаго рода болѣе, чѣмъ чисто демонстративное и, такъ сказать, символическое значеніе. При желаніи число такихъ символическихъ актовъ легко было бы значительно увеличить; не составляло бы большого труда придать дѣятельности по экономическому благоустройству тыла внѣшне-кипучій характеръ. И если попытокъ въ этомъ направленіи фактически не наблюдается, — значитъ, онѣ признаны излишними, — значитъ, позиція „бюрократіи" и безъ того считается совершенно неприступной для „прогрессивнаго блока".

Чѣмъ же питается такая, на первый взглядъ, необоснованная увѣренность? На какую силу опирается современный курсъ? Сила эта — объединенное дворянство, которое въ лицѣ предсѣдателя совѣта, г. Струкова, рѣшительно выступило противъ прогрессивнаго блока еще въ самый разгаръ его думской работы. Въ письмѣ отъ 23 августа г. Струковъ обращается къ предсѣдателю совѣта министровъ съ такимъ увѣщаніемъ: „По глубокому убѣжденію совѣта, произносимыя и передаваемыя прессою во всѣ концы страны, лѣвыя рѣчи, нѣкоторыя заключенія столичныхъ совѣщаній и злоупотребленія печатнымъ словомъ являются предвѣстниками новыхъ смутъ, съ цѣлью измѣненія государственнаго строя Россіи. Только незыблемость основъ существующаго порядка, въ соединеніи съ твердою и единою правительственною властью въ центрѣ и на мѣстахъ, оградитъ страну отъ шатанія мыслей и внутренней смуты". Относительно происхожденія этого письма ходили самые разнообразные слухи. Утверждали, что оно написано г. Струковымъ чуть ли не по собственной иниціативѣ и встрѣчаетъ рѣзкое осужденіе въ средѣ самихъ дворянъ. Толки эти до извѣстной степени подтверждались протестами противъ письма, исходившими отъ отдѣльныхъ дворянъ и дворянскихъ обществъ, при чемъ общество полтавское и костромское даже вышли изъ состава объединеннаго дворянства. Въ настоящее время опубликованы выдержки изъ журнала засѣданій совѣта объединеннаго дворянства, проливающія полный свѣтъ на исторію возникновенія письма. Какъ оказывается, еще 27 іюня членъ совѣта г. Мосоловъ предлагалъ „довести до свѣдѣнія правительства, что существуетъ преобладающая въ Россіи группа лицъ, не склонныхъ раздѣлять пожеланія, исходящія отъ лѣвыхъ партій, и что эта благонамѣренная группа можетъ всегда поддержать правительство въ случаѣ предъявленія какихъ-либо требованій, клонящихся къ измѣненію существующаго строя". Но такъ какъ въ то время такихъ требованій еще не предъявлялось, совѣтъ постановилъ воздержаться „до времени отъ какихъ-либо выступленій", но вмѣстѣ съ тѣмъ „съ особеннымъ вниманіемъ слѣдить за происходящими событіями и домогательствами политическихъ партій, и когда того потребуютъ обстоятельства, принять соотвѣтствующія мѣропріятія". Моментъ этотъ наступилъ 22 августа. Въ засѣданіи совѣта, происходившемъ въ этотъ день, нынѣшній министръ земледѣлія А. П. Наумовъ горько скорбѣлъ о шатаніяхъ власти и настойчиво обращалъ вниманіе собравшихся на „то огромное и роковое значеніе, которое сможетъ имѣть введеніе въ устои нашего государственнаго строя начала отвѣтственности министерства, какъ основы парламентаризма". Собраніе поручило г. Струкову обратиться отъ имени совѣта къ предсѣдателю совѣта министровъ, результатомъ чего и явилось извѣстное письмо.

Что касается дворянской оппозиціи поведенію совѣта, то она оказалась и немногочисленной, и неглубокой. Лучшимъ показате-

лемъ дѣйствительнаго настроенія широкихъ круговъ дворянства были выборы дворянскихъ представителей въ Государственный Совѣтъ, на которыхъ, какъ извѣстно, побѣдили противники программы прогрессивнаго блока.

Иного и нельзя было, конечно, ожидать. Дворянство есть тотъ „правящій классъ“, къ которому, согласно компетентному разъясненію „Колокола“, по природѣ своей принадлежать всѣ русскіе сановники. Привилегія на занятіе высшихъ государственныхъ должностей для нашей земельной аристократіи гораздо драгоцѣннѣе, чѣмъ для любой изъ аристократій цивилизованнаго міра. Возьмемъ хотя бы прусское юнкерство, реакціонность котораго такъ любитъ разоблачать наша либеральная пресса военнаго времени. Юнкерство также располагаетъ фактической монополіей на цѣлый рядъ государственныхъ должностей и цѣпко держится за свои политическія прерогативы. Но для него политическія привилегіи — лишь естественное выраженіе экономическаго господства въ сельскохозяйственной отрасли національнаго производства. Достаточно взглянуть на то положеніе, которое юнкеры занимаютъ въ прекрасно организованномъ союзѣ нѣмецкихъ аграріевъ, чтобы убѣдиться, что это дѣйствительно вожди, признанные руководители класса сельскихъ хозяевъ. И если бы демократизація политическаго строя вырвала привилегіи изъ рукъ юнкеровъ, они все же сохранили бы свою господствующую роль въ качествѣ высшихъ представителей капиталистическаго земледѣлія. Русскіе поземельные дворяне — не вожди, а жертвы капиталистическаго сельскаго хозяйства. Купеческое и даже крѣпкое крестьянское землевладѣніе растетъ въ значительной степени за счетъ разоряющихся дворянскихъ помѣстій. Правда, Россія, какъ страна, экспортирующая хлѣбъ, не можетъ поддержать свое дворянство при помощи аграрнаго протекціонизма, въ такихъ широкихъ размѣрахъ практикуемаго въ Германіи. Но все, что государство въ силахъ сдѣлать въ этомъ направленіи, оно сдѣлало. Поддержка „оскудѣвающаго центра“, т.-е., въ сущности, оскудѣвающаго дворянскаго землевладѣнія, издавна составляла лейтмотивъ нашей внутренней политики. И неслыханно льготный земельный кредитъ, и тарифная система, облагающая фактической пошлиной ввозимый въ Европейскую Россію дешевый хлѣбъ не-дворянской Сибири, и цѣлый рядъ другихъ мѣропріятій, — все направлено къ огражденію интересовъ первенствующаго сословія. Если, тѣмъ не менѣе, сословіе это продолжаетъ экономически падать, то оно, очевидно, должно видѣть въ своихъ политическихъ привилегіяхъ единственный якорь спасенія. Лишиться этого якоря значитъ для него превратить медленный процессъ своего упадка въ настоящую катастрофу.

Вотъ почему намъ представляется глубоко безплодной та полемика, которая ведется между либеральной и черносотенной печатью по вопросу о конституціонномъ смыслѣ термина „министерство общественнаго довѣрія“. Либералы изъ кожи лѣзутъ, чтобы доказать,

что эта формула не имѣетъ ничего общаго съ принципомъ парламентской отвѣтственности министерства, а, слѣдовательно, не противорѣчитъ основамъ существующаго строя. Но дѣло здѣсь не въ принципахъ, не въ теоретическомъ освѣщеніи, а въ самомъ фактѣ. „Правящій классъ“ еще могъ бы согласиться — какъ онъ не разъ уже соглашался — принять въ свою среду отдѣльныхъ „общественныхъ дѣятелей“, сохранивъ за собой высшій контроль. Но выпустить изъ своихъ рукъ руль государственнаго корабля, отдать всѣ министерскіе портфели представителямъ чужого класса, позволить этимъ господамъ назначить своихъ людей на всѣ сколько-нибудь отвѣтственныя должности, — на такой головокружительный экспериментъ можно отважиться лишь подъ давленіемъ крайней необходимости, лишь при полной безвыходности положенія.

Такой безвыходности пока еще нѣтъ, и прогрессивный блокъ, если бы даже онъ захотѣлъ, едва ли былъ бы въ состояніи ее создать, опираясь на однѣ только собственныя силы. По составу своему прогрессивный блокъ есть организація цензовой буржуазіи, и при томъ по преимуществу городской, торгово-промышленной. Это классъ быстро прогрессирующій, имѣющій передъ собой широкія перспективы экономическаго развитія. Тѣмъ не менѣе онъ рѣдко возвышается до широкой классовой политики, отстаивающей интересы нашей промышленности въ цѣломъ. Извѣстно, напримѣръ, какъ гибельно вліяло на ходъ нашего промышленнаго развитія ограниченіе въ правахъ инородцевъ, въ особенности — евреевъ; несмотря на это октябристы, составлявшіе ядро торгово-промышленнаго представительства въ Государственной Думѣ, долгое время явно поддерживали антисемитскую и вообще противоинородческую политику. Только въ моментъ кризиса крупная буржуазія болѣе или менѣе единодушно выставила требованіе равноправія національностей и почувствовала неотложную необходимость разрѣшить цѣлый рядъ общихъ политическихъ вопросовъ, на которые она въ обычное время въ полномъ согласіи съ нынѣшнимъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, смотритъ, какъ на „академическіе“.

При нормальномъ теченіи событій общіе и классовые интересы нашей буржуазіи стушевываются передъ интересами отдѣльныхъ комбинацій, группъ и фирмъ. За отсутствіемъ писанныхъ прерогативъ развивается погоня за неписанными привилегіями, министерскія переднія представляются гораздо болѣе важной ареной дѣятельности, чѣмъ трибуна Государственной Думы; перспектива исключительно выгоднаго заказа заставляетъ смотрѣть сквозь розовые очки на мѣропріятія, явно вредныя для отечественной промышленности. Эти навыки мирнаго времени не могли, конечно, исчезнуть съ наступленіемъ войны, — наоборотъ, на почвѣ тѣхъ колоссальныхъ требованій, которыя предъявляетъ государство къ мобилизованной промышленности, они укрѣпились и развились въ неслыханныхъ дотолѣ размѣрахъ. Пробудившаяся подъ вліяніемъ

грозныхъ событій душа промышленника рвется въ высь, жаждетъ послужить отечеству, спасти его хотя бы цѣною рѣшительной битвы съ бюрократіей, а грѣшное тѣло тянется попрежнему на дно, къ закулиснымъ соглашеніямъ съ бюрократіей. И ни для кого не тайна, что техника этихъ соглашеній достигла за послѣдніе мѣсяцы необычайной развѣтвленности и сложности. Развились самыя фантастическія формы посредничества: десятки тысячъ уплачиваются не только за положительное содѣйствіе полученію заказовъ, но и за простое умолчаніе о тѣхъ или иныхъ фактахъ и комбинаціяхъ.

Эта двойственность промышленной буржуазіи чрезвычайно ослабляетъ ея политическую позицію . . . .
. . . .
. . . .

Въ то время, какъ въ Англіи или въ Германіи промышленная мобилизація дѣйствительно централизуетъ и существенно улучшаетъ всю систему національнаго производства, создаетъ изъ него стройный хозяйственный организмъ, наши военно-промышленные комитеты, повидимому, играютъ, главнымъ образомъ, роль справочныхъ и посредническихъ бюро, къ которымъ заинтересованныя фирмы и вѣдомства обращаются лишь по мѣрѣ надобности, — въ огромномъ же большинствѣ случаевъ связь между заказчиками и исполнителями носитъ попрежнему непосредственный, интимный характеръ. Такимъ образомъ, если бы конфликтъ между прогрессивнымъ блокомъ и бюрократіей поставилъ послѣднюю передъ дилеммой: уступить или распустить военно-промышленные комитеты, — второй исходъ не былъ бы сопряженъ съ какими-либо неопреодолимыми трудностями.

Къ еще болѣе неутѣшительнымъ результатамъ пришли бы мы, если бы попытались сравнить итоги работы заграничныхъ муниципалитетовъ и нашихъ городскихъ думъ по обслуживанію хозяйственныхъ нуждъ тыла. Правда, малоуспѣшность нашихъ городскихъ самоуправленій въ значительной мѣрѣ зависитъ отъ тѣхъ препонъ, какія ставитъ передъ ними законодательство. Не подлежитъ, однако, сомнѣнію, что муниципалитеты крупнѣйшихъ и важнѣйшихъ нашихъ центровъ не сдѣлали и сотой доли того, что они могли бы и должны бы были сдѣлать, для такъ называемой, „организаціи тыла“. Нѣтъ необходимости иллюстрировать это примѣрами, — они и такъ у всѣхъ на устахъ. Во всякомъ случаѣ, этой сферой своей дѣятельности торгово-промышленный классъ отнюдь не снискалъ въ широкихъ массахъ городского населенія . . . симпатій . . . .
. . . .
. . . .

Намъ кажется, поэтому, что „бюрократія“ имѣетъ серьезныя основанія считать свою позицію неприступной до тѣхъ поръ, пока противъ нея выступаютъ только организованные кадры прогрессивнаго блока. Вѣдь уже не разъ переживала она конфликтъ на той же

самой почвѣ, съ тѣмъ же самымъ противникомъ, и всегда выходила изъ него побѣдительницей. Такъ, еще при Витте велась цензовыми либералами борьба за „министерство общественныхъ дѣятелей" и закончилась торжествомъ Дурново. Позднѣе, аналогичное положеніе создалось въ третьей Думѣ, когда лидеръ тогдашняго октябристскаго большинства, г. Гучковъ, бросилъ Столыпину свой вызовъ: „мы ждемъ!" — какъ извѣстно, онъ дождался лишь полнаго развала собственной партіи. Къ этой же мертвой точкѣ подошла наша внутренняя жизнь и въ настоящій моментъ.

Оглядываясь на уроки прошлаго, дѣятели нашей „отвѣтственной" оппозиціи должны испытывать въ настоящее время то чувство, которое нѣкогда овладѣло Пьеромъ Безухимъ: „О чемъ бы онъ ни начиналъ думать, онъ возвращался къ однимъ и тѣмъ же вопросамъ, которыхъ онъ не могъ разрѣшить и не могъ перестать задавать себѣ. Какъ будто въ головѣ его свернулся тотъ главный винтъ, на которомъ держалась вся его жизнь. Винтъ не входилъ дальше, не выходилъ вонъ, а вертѣлся, ничего не захватывая, все на томъ же нарѣзѣ, и нельзя было перестать вертѣть его".

. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

Несторъ.

КООПЕРАЦІЯ И ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫЙ КРИЗИСЪ.

Дороговизна жизни — это одна сторона явленія, выросшаго на почвѣ хозяйственной дезорганизаціи. Другая сторона его — недостатокъ предметовъ потребленія, и тѣхъ, главнымъ образомъ, которые въ мирное время вывозились изъ страны. Такимъ образомъ, въ ходѣ войны дороговизна предметовъ потребленія, такъ сказать, углубилась, развившись въ общій продовольственный кризисъ.

Дороговизна — явленіе старое. Война ея не создала, а только усугубила.

Производительныя силы страны, денежная, налоговая, желѣзнодорожная политика — не дали возможности приспособиться къ измѣнившемуся спросу; съ другой стороны, весь внутренній строй общественныхъ отношеній, дезорганизованность и распыленность, коррупція, взяточничество и пр. усугубили положеніе вещей, создавъ грозный, чреватый самыми разнообразными конфликтами, продовольственный кризисъ. Вотъ главныя пружины кризиса, вокругъ котораго загорѣлась теперь серьезная общественно-политическая борьба.

На этой почвѣ, особенно въ атмосферѣ войны, должна была вырасти и выросла спекуляція. Патріоты торговли и промышленности не измѣнили подъ вліяніемъ войны своей соціальной природы. Банки, торгово-промышленныя организаціи и др. устремились къ крупнымъ барышамъ, рѣшивъ наживаться на народной бѣдѣ. Но роль спекуляціи, въ ряду общихъ причинъ современнаго продовольственнаго кризиса, конечно, очень ограничена. Широкой массѣ не доступно пониманіе продовольственнаго кризиса, спекулянтамъ на народномъ невѣдѣніи — оно не выгодно и очень выгодно многочисленнымъ политическимъ дѣльцамъ, мечтающимъ поживиться на неумѣньѣ народа различать причину отъ слѣдствія. Тѣмъ рѣшительнѣе слѣдуетъ подчеркивать дѣйствительное мѣсто спекуляціи въ нынѣшнемъ продовольственномъ кризисѣ.

Въ виду того, что этотъ послѣдній коренится въ основныхъ условіяхъ нашего экономическаго . . . . уклада, острота продовольственнаго кризиса будетъ, вѣроятно, да-

вать о себѣ знать и послѣ войны. Вѣдь производительныя силы не вырастаютъ въ одинъ день, въ особенности въ обстановкѣ, гдѣ десятковъ лѣтъ не хватало на ихъ развитіе. Роль торговой, финансовой и денежной политики послѣ войны скажется, быть можетъ, болѣе значительно, чѣмъ во время войны.

Продовольственный кризисъ, такимъ образомъ, грозитъ затянуться. Для возможнаго ослабленія его остроты не только во время войны, но и по окончаніи ея необходимо общественное воздѣйствіе на . . . . обстановку, его питающую. Отсюда вытекаетъ важнѣйшій лозунгъ дня — . . . .
. . . .
. . . . Въ той мѣрѣ, въ какой эта мобилизація удастся, ...
. . . . въ той мѣрѣ продовольственный кризисъ станетъ на путь своего дѣйствительнаго разрѣшенія.

Наступили времена, когда глупые становятся умными и слѣпые зрячими. Мысли, слова, лозунги, десятки лѣтъ повторявшіеся и не усваивавшіеся, неожиданно легко воспринимаются. Важнѣйшая мысль, какую обязана усвоить современность, это связь экономики съ политикой. Въ большомъ масштабѣ, въ яркой, выпуклой формѣ — эту мысль даетъ возможность усвоить нашъ продовольственный кризисъ. Законный плодъ соціально-политическихъ условій, онъ предъявляетъ спросъ на соціально-политическія средства... . . . .
. . . .
. . . .

Такимъ образомъ, не только экономически, но и политически современный продовольственный кризисъ ставится во всемъ его объемѣ. Основное и превалирующее должно быть поставлено въ центрѣ вниманія. Пусть политическіе спекулянты спекулируютъ на спекуляціи, какъ на началѣ всѣхъ началъ... Но пусть насъ это не заставитъ изъ-за деревьевъ потерять изъ виду лѣсъ...

* * *

Что же можетъ сдѣлать при такихъ условіяхъ кооперація*, ставшая неожиданно высокой персоной и выдаваемая чуть ли не за универсальное средство разрѣшенія нашего продовольственнаго кризиса? Каково мѣсто ея въ системѣ силъ, способныхъ облегчить остроту послѣдняго?

До войны на кооперацію смотрѣли болѣе или менѣе здраво. Ей удѣлялось серьезное мѣсто въ борьбѣ съ торговымъ капиталомъ.

* Въ дальнѣйшемъ, говоря о кооперацін, я имѣю въ виду только потребительскую кооперацію, единственный видъ ея, который въ той или иной мѣрѣ борется съ дороговизной жизни.

Ей приписывали тенденцію „потѣснить“ капиталъ въ нѣкоторыхъ отрасляхъ хозяйства, вытѣснить торговый капиталъ, и промышленный въ той мѣрѣ, въ какой онъ будетъ работать на опредѣленно-организованный спросъ. Чѣмъ больше развивается кооперація, тѣмъ яснѣе становится, что въ ея теоріи слѣдуетъ отнести къ заблужденіямъ и что къ истинѣ. Капиталистической системы ей не замѣнить и не измѣнить, главныя движущія силы современности остаются въ силѣ и при коопераціи, новыхъ законовъ экономической дѣйствительности ей пока не удалось создать; въ общемъ, капитализмъ остается капитализмомъ и кооперація коопераціей. Пока ей принадлежитъ скромное мѣсто палліатива въ борьбѣ съ торговымъ капиталомъ и особенно отвратительной стороной капиталистической дѣйствительности — спекуляціей.

Въ мирное время эта роль ей удавалась, и тѣмъ болѣе, чѣмъ въ болѣе капиталистически развитыхъ странахъ она дѣйствовала — въ Германіи и Англіи въ большей мѣрѣ, чѣмъ въ Россіи и Франціи. Міровая война подтвердила это. Несмотря на все свое развитіе, ни въ Германіи, ни въ Англіи коопераціи не удалось дѣйственно вмѣшаться въ развертывающіяся тамъ общественно-экономическія событія. И если въ Англіи дороговизна даетъ себя меньше чувствовать, если въ Германіи недостатокъ предметовъ потребленія не развился въ голодъ, то высокоразвитой коопераціи Англіи и Германіи, какъ экономическому фактору, принадлежитъ въ этомъ дѣлѣ очень незначительная роль. Въ Германіи, напримѣръ, кооперація сдѣлала большое дѣло, и въ значительной мѣрѣ ея усиліямъ слѣдуетъ приписать тотъ изумительный выходъ изъ тяжелаго продовольственнаго тупика, въ какой во время войны попала Германія. Но эта заслуга пріобрѣтена коопераціей, не какъ экономической силой, а въ качествѣ хорошо организованной общественности, стоящей на стражѣ интересовъ широкихъ слоевъ потребителей.

Какое же мѣсто могла занять кооперація въ разрѣшеніи нашего продовольственнаго кризиса? Уже изъ сказаннаго о сущности этого послѣдняго слѣдуетъ, что обычная роль коопераціи, какъ экономическаго фактора, могла оказаться въ отношеніи къ нашему продовольственному кризису еще меньше, еще незначительнѣе, особенно, если принять во вниманіе дезорганизованность и распыленность нашей коопераціи, лишенной права объединяться, не находящейся вообще подъ защитой закона. При такихъ условіяхъ не требуется быть пророкомъ, чтобы предсказать, что вести успѣшную экономическую борьбу съ дороговизной, сопротивляться давленію спекуляціи, а тѣмъ болѣе создать нормальное теченіе хозяйственной жизни, ослабивъ „военную“ остроту продовольственнаго кризиса, нашей коопераціи, какъ экономической силѣ, не удастся.

Ужъ если говорить о возможной борьбѣ съ злоупотребленіями, съ „излишествами“, съ спекуляціей, то въ этомъ отношеніи зна-

чительно болѣе серьезную роль могли сыграть муниципалитеты. Широкая постановка муниципальныхъ закупокъ, хорошо развѣтвленная сѣть муниципальныхъ лавокъ, здоровая торговая политика, направленная на пониженіе нездоровыхъ цѣнъ, хотя бы путемъ продажи по цѣнамъ ниже рыночныхъ (что недоступно кооперацін), установленіе монополіи на нѣкоторые продукты, постановка въ широкомъ масштабѣ муниципальнаго производства и др., — все это, при наличности аппарата, средствъ, людей, государственной помощи и участія въ этихъ операціяхъ подлиннаго народа, могло бы оказаться серьезнымъ палліативомъ въ борьбѣ съ продовольственнымъ кризисомъ. Но для этого требуется нѣсколько условій. Во-первыхъ, муниципалитеты должны быть демократическими организаціями; во-вторыхъ, обладать полнотой муниципальной власти; въ-третьихъ, имѣть въ своемъ распоряженіи достаточно много средствъ. Наши муниципалитеты не удовлетворяютъ ни одному изъ этихъ условій. И тѣмъ не менѣе даже они, эти цензовыя и слабыя организаціи, имѣютъ возможность вести болѣе усиленную экономическую борьбу съ дороговизной, чѣмъ наша кооперація.

⁂

Къ сожалѣнію, наша кооперація . . . .
. . . .
. . . . Съ первыхъ дней войны . . . поставила передъ собой, какъ очередную задачу, борьбу съ рѣзко обозначившейся дороговизной.

„Борьба съ дороговизной и спекуляціей, — писалъ въ началѣ войны „Союзъ Потребителей“, — вотъ основной боевой кличъ потребительской коопераціи“. Борьба съ дороговизной, какъ очередная задача, поставлена была коопераціей, конечно, правильно. Безусловно на всѣхъ перекресткахъ слѣдовало кричать, вопить о надвинувшейся бѣдѣ.

Вопросъ въ томъ только, *какъ* поставить эту задачу, какое содержаніе вложить въ этотъ очередной лозунгъ. Уже самая формулировка лозунга: „борьба съ дороговизной и *спекуляціей*“ говоритъ за то, что задача сужена коопераціей. То, что кооперація поставила передъ собою въ военное время борьбу со спекуляціей, какъ очередную задачу, показываетъ, что она совершенно не поняла, не охватила всей широты и глубины вопроса о дороговизнѣ жизни. Вмѣсто экономической . . . .
. . . . . сложности вопроса, о которой я говорилъ выше, получилось шаблонно-кооперативное упрощеніе и сведеніе его до вопроса о преступной роли торговаго капитала и спекуляціи. Задача борьбы съ дороговизной подмѣняется задачей борьбы съ наиболѣе поверхностнымъ явленіемъ ея — спекуляціей.

Въ другое время это было бы правильно. Но въ войну, обострившую продовольственный кризисъ до неслыханныхъ размѣровъ, когда спекуляція, какъ цѣнообразующій факторъ, отодвинута на задній планъ, когда, во всякомъ случаѣ, при общихъ неизмѣненныхъ условіяхъ она непреодолима, ставить очередной задачей борьбу со спекуляціей — значитъ по меньшей мѣрѣ неудачно подмѣнять причину слѣдствіемъ и тѣмъ ослаблять борьбу и съ первой, и со вторымъ.

Я уже не говорю о захудалыхъ провинціальныхъ кооперативахъ, чрезвычайно упрощавшихъ вопросъ, но и идейные, и практическіе центры русской кооперацiи въ начальный періодъ войны систематически занимались такимъ упрощеніемъ своихъ задачъ.

Чрезвычайно показательно въ этомъ отношеніи воззваніе Отдѣла потребительныхъ обществъ при Петроградскомъ Отдѣленіи о сельскихъ ссудо-сберегательныхъ и промышленныхъ товариществахъ (старѣйшее общество содѣйствія кооперацiи). „Неужели и теперь, — говорится въ немъ, — получивъ столько наглядныхъ уроковъ отъ лавочниковъ, потребитель пожелаетъ попрежнему быть жертвою торговыхъ посредниковъ, отравляясь фальсифицированными продуктами, которые приходится оплачивать дорогой цѣной и своимъ здоровьемъ?..“ Эти „наглядные уроки отъ лавочниковъ“ въ высшей степени любопытны и характерны для „кооперативнаго“ трактованія исторіи...

Но далѣе — какими путями собираются разрѣшить поставленную передъ собой задачу? Можно подойти къ рѣшенію продовольственной проблемы съ чисто кооперативной точки зрѣнія, т. е. можно сказать такъ: развивая, углубляя свою экономическую работу, укрѣпляя свою организацію, расширяя ее, кооперація тѣмъ самымъ оказываетъ давленіе на торговый капиталъ и спекуляцію и вводитъ хозяйственную жизнь въ нормальное русло. Въ этомъ случаѣ, очевидно, отметаются всѣ указанныя выше сложности вопроса, и въ центрѣ кооперативной борьбы съ продовольственнымъ кризисомъ будетъ находиться кооперативная организація, кооперативная политика, кооперативная идея.

Можно подойти къ вопросу и съ другой стороны: а именно, признавая всю сложность продовольственнаго кризиса, признавая, что уменьшеніе его тяжести находится въ значительной степени внѣ кооперативныхъ возможностей, что для дѣйственной борьбы съ продовольственнымъ кризисомъ нужны иныя средства, кооперація беретъ на себя иниціативу общественно-экономической борьбы съ продовольственнымъ кризисомъ, формулировку задачъ этой борьбы, организацій ея и т. д.

Въ первомъ случаѣ кооперація, очевидно, не только суживаетъ вопросъ, но и ограничиваетъ силы, способныя воздѣйствовать на благопріятное его разрѣшеніе, замыкаясь въ рамки кооперацiи. Во второмъ случаѣ кооперація сразу переноситъ вопросъ въ болѣе

широкую плоскость и сразу же ищетъ болѣе широкой общественной базы. Наша кооперація, и это приходится признать, пошла первымъ, наименѣе правильнымъ, путемъ.

. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

Въ первые дни войны цѣлый рядъ кооперативовъ обсуждалъ положеніе вещей и приходилъ къ заключенію, что „въ настоящее время плодотворная борьба съ дороговизной жизни возможна лишь при условіи объединенія городского населенія въ потребительскіе кооперативы“ (Кіевъ, Петроградъ и др.). Взваливши на себя задачу борьбы съ дороговизной и низведя ее до борьбы со спекуляціей, при помощи кооперативной организаціи, — кооперація неминуемо должна была попасть въ ложное положеніе.

Состоявшееся въ Москвѣ, въ началѣ сентября 1914 года, совѣщаніе представителей московскихъ потребительныхъ обществъ спеціально обсуждало вопросъ о дороговизнѣ продуктовъ. Было постановлено: 1) отпускать товары изъ лавокъ общества по нормальнымъ рыночнымъ цѣнамъ, 2) поручить коллективу обществъ войти въ сношенія съ городомъ для разработки вопроса о борьбѣ съ дороговизной. Это самочинная попытка борьбы съ дороговизной — ворваться въ гущу спекуляціи и игры на повышеніе и, не мѣняя цѣнъ, сохраняя ихъ на до-военномъ уровнѣ, парализовать дороговизну...

Кооперативы вначалѣ пошли по этому пути. Кое-гдѣ были достигнуты успѣхи. Въ огромнѣйшемъ же большинствѣ случаевъ кооперація, какъ и слѣдовало ожидать, разбилась о стѣну растущей дороговизны. Запасы кооперативовъ были не велики, союзовъ почти нѣтъ, своего производства также не оказалось — результатъ борьбы коопераціи съ дороговизной былъ заранѣе ясенъ. Она еще пыталась не сдавать своей позиціи, прибѣгая къ сокращенію отпуска товаровъ отдѣльнымъ покупателямъ, къ отпуску исключительно членамъ общества. Но... въ концѣ концовъ вынуждалась „поступать, какъ всѣ“. Больше того. Кооперація оказалась не въ состояніи конкурировать съ частными торговцами. Можно указать рядъ случаевъ, когда кооперативы обращались къ власти съ просьбой изъять ихъ изъ-подъ дѣйствія обязательной таксы.

Среди кооперативовъ Москвы и Московской губерніи была произведена анкета о вліяніи войны на кооперацію. Вотъ итоги ея въ части, касающейся дороговизны жизни. Съ 20 іюля 1914 года по 20 февраля 1915 года продажныя цѣны на предметы первой необходимости повысились слѣдующимъ образомъ: на хлѣбъ — 24,5%, на сахаръ — 11,5%, на ядрицу — 50,8%, на пшено — 28%, на соль — 34,2%, на спички — 66%.

По даннымъ Московскаго Союза Потребителей среднія оптовыя цѣны, по которымъ товары отпускались потребительнымъ обществамъ со склада Московскаго Союза, поднялись съ іюля 1914 года по февраль 1915 года на 36,7 %!

Такимъ образомъ, задача, поставленная передъ собой коопераціей, — борьба съ дороговизной и спекуляціей, — поставленная такъ, какъ уже отмѣчалось, оказалась не рѣшенной; получилось еще нѣчто худшее: кооперація пошла по пути повышенія цѣнъ и завертѣлась въ круговоротѣ, вызванномъ дороговизной жизни. Очевидно, упрощеніе задачи не всегда ведетъ къ рѣшенію ея. Слабою, разбитою, безсильною (не взирая на колоссальный ростъ кооперативныхъ учрежденій!) стояла кооперація передъ сложной проблемой нашего продовольственнаго кризиса и, вмѣсто прежней бодрости и увѣренности, еле внятно признавалась въ своемъ безсиліи.

Чрезвычайно интересно въ этомъ отношеніи засѣданіе бюро Московскаго Союза Потребителей 23—25 апрѣля 1915 года, на которомъ обсуждался вопросъ о борьбѣ съ дороговизной. Предсѣдатель Союза г. Коробовъ сообщаетъ, что въ цѣляхъ борьбы съ дороговизной Союзомъ предпринимаются всякія мѣры. Предпринять же р ѣ ш и т е л ь н ы й ш а г ъ Союзъ не могъ. Другой руководитель Союза, В. Н. Зельгеймъ говоритъ, что Союзъ въ предѣлахъ возможнаго дѣлаетъ и будетъ дѣлать в с е, но результаты получаются м и н и м а л ь н ы е. Передъ фактомъ такого безсилія просыпается здоровое чувство самосохраненія. Членъ бюро Б. С. Одеръ высказываетъ соображеніе, что вопросъ дороговизны нельзя рѣшить путемъ закупокъ. Если бы кооперативное движеніе могло громко заявить свое конкретное предложеніе, то изъ этого что-нибудь получилось бы. Закупки же предметовъ продовольствія только п р и б л и ж а ю т ъ къ ц ѣ л и. К о о п е р а ц і я б е р е т ъ н а с е б я б о л ь ш у ю о т в ѣ т с т в е н н о с т ь, н е ж е л а я п р о ш и б и т ь с т ѣ н у и з ъ б о я з н и р а с ш и б и т ь л о б ъ.

Въ началѣ войны, почувствовавъ свое безсиліе, кооперація обращается къ помощи муниципалитетовъ. Кооперативы предлагаютъ свои услуги въ качествѣ распредѣлителей товаровъ, закупаемыхъ городомъ, закупщиковъ предметовъ потребленія, организаторовъ муниципальныхъ продовольственныхъ предпріятій и т. д.

Чѣмъ острѣе становится продовольственный кризисъ, тѣмъ замѣтнѣе вырисовывается, что силъ одной коопераціи для рѣшенія продовольственной проблемы недостаточно, что для этого послѣдняго необходимо о б ъ е д и н е н і е различныхъ общественныхъ силъ, координація ихъ.

Кооперація сама приходитъ къ заключенію, что продовольственный кризисъ она не въ состояніи разрѣшить собственными силами, что для этого нужны иныя силы (не только кооперація) — о б щ е с т в е н н о - п о л и т и ч е с к і я.

Подъ вліяніемъ этихъ итоговъ кооперація начинаетъ все глубже и серьезнѣе смотрѣть на положеніе вещей. Происходитъ пересмотръ прежнихъ положеній. Лозунгъ, объявленія котораго требовалъ на собраніи бюро Московскаго Союза Б. С. Одеръ, повидимому, все больше намѣчается. Вліятельные литературные органы русской потребительской кооперацін все больше и удачнѣе раздѣлываются со своими старыми взглядами. Продовольственный кризисъ усваивается коопераціей съ каждымъ разомъ глубже. Кооперація, какъ средство разрѣшенія кризиса, занимаетъ съ каждымъ разомъ все болѣе скромное мѣсто.

Состоявшееся приблизительно въ это время въ Москвѣ большое совѣщаніе дѣятелей коопераціи сформулировало свои взгляды въ нѣсколько практическихъ предложеній. Главнѣйшія изъ нихъ сводятся къ слѣдующему: 1) согласованіе дѣятельности органовъ правительства, земскихъ, городскихъ учрежденій и кооперативовъ. Лучшею мѣрою было бы образованіе Центральнаго Всероссійскаго, областныхъ и мѣстныхъ комитетовъ въ составѣ представителей подлежащихъ вѣдомствъ, земскихъ, городскихъ, потребительныхъ организацій, въ кругъ вѣдѣнія которыхъ должны входить всѣ мѣропріятія по обезпеченію нормальныхъ цѣнъ на продукты, обслѣдованіе запасовъ продуктовъ первой необходимости, какъ въ городахъ, такъ и въ важнѣйшихъ торговыхъ пунктахъ, на мѣстахъ производства, съ предоставленіемъ этимъ органамъ права ходатайствовать предъ правительствомъ, въ случаѣ крайней необходимости, о реквизиціи; 2) обслѣдованіе запасовъ; 3) признаніе таксировки нецѣлесообразною при отсутствіи единовременно активныхъ мѣропріятій со стороны кооперативовъ, земскихъ и городскихъ учрежденій по регулированію цѣнъ; 4) ходатайство о томъ, чтобы запрещеніе вывоза продуктовъ изъ опредѣленныхъ районовъ не распространялось на продукты, закупаемые общественными организаціями, въ цѣляхъ борьбы съ дороговизной.

Въ заключеніе совѣщаніе рекомендовало кооперативамъ „довести отъ себя до свѣдѣнія подлежащихъ правительственныхъ, земскихъ и городскихъ учрежденій о принятыхъ совѣщаніемъ пожеланіяхъ, принимая посильныя мѣры къ ихъ осуществленію въ предѣлахъ района своихъ дѣйствій“.

Это, конечно, уже крупный шагъ впередъ, по сравненію съ прежнимъ убожествомъ кооперативной борьбы съ дороговизной. Продовольственный кризисъ всталъ уже передъ коопераціей, какъ позже выразился въ своемъ воззваніи Центральный Кооперативный комитетъ, настолько сложно, что „трудно выдѣлить по нему тѣ или иныя отдѣльныя мѣропріятія“. Центръ тяжести кооперативной борьбы съ продовольственнымъ кризисомъ переносится все замѣтнѣе въ соціально-политическую плоскость.

. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

Но, въ то же время, сколько недоговоренности, половинчатости, трусости мысли и дѣла въ этихъ постановленіяхъ!

Кто сказалъ „а", тотъ долженъ будетъ сказать и „б". Опытнымъ путемъ осудивъ свой прежній подходъ къ продовольственному вопросу, кооперація рано или поздно должна была прійти на новыя позиціи.

Пока что, кооперація ощупью намѣчала эти новые пути, при чемъ (изъ пѣсни слова не выкинешь!) большею частью повторяла зады буржуазной мудрости. Особенно замѣтно сказалось это на лѣтнихъ съѣздахъ 1915 года. Рядъ съѣздовъ почти цѣликомъ присоединился къ постановленіямъ городского и земскаго союзовъ, присоединился почти въ тѣхъ же выраженіяхъ, отъ требованія министерства общественнаго довѣрія до „забвенія" прежнихъ споровъ.

. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

Б. Богдановъ.

КЪ СОВРЕМЕННОМУ МУНИЦИПАЛЬНОМУ КРИЗИСУ.

Несмотря на грандіозность происходящихъ событій, съ внѣшней, съ формальной стороны жизнь нашихъ самоуправленій за время войны измѣнилась мало. Въ городахъ и земствахъ все обстояло какъ будто такъ же „безъ перемѣнъ", какъ оставалось все безъ перемѣнъ и въ жизни общегосударственной. Но эта „безперемѣнность" обманчива; за нею въ глубинѣ и въ подпочвѣ зрѣютъ новыя обстоятельства и новыя возможности, рождающіяся подъ вліяніемъ событій міроваго значенія. „Тылъ" обезпечиваетъ „фронтъ", но фронтъ, поглотивъ главное вниманіе тыла, всколыхнулъ его, перетряхнулъ. И это вліяніе войны на внутреннюю жизнь нашихъ муниципалитетовъ оказалось огромно.

Ниже мы остановимся на одной части нашего мѣстнаго самоуправленія, на дѣятельности городскихъ думъ. Но и положеніе земствъ будетъ немногимъ отличаться отъ положенія городовъ.

До 19 мая 1914 года мѣстная жизнь шла вяло и трафаретно. Связанныя по рукамъ и ногамъ устарѣлымъ закономъ 1892 года, городскія думы еле справлялись съ работой въ той ограниченной области, которая имъ предоставлялась. Бюрократія безъ труда подталкивала аморфное тѣло нашихъ буржуазныхъ муниципалитетовъ въ томъ направленіи, въ какомъ ей было желательно. Только немногіе передовые, сознающіе свою силу и значеніе элементы молодой буржуазіи пробовали повернуть направленіе родныхъ городовъ въ другую сторону и влить въ дряхлое тѣло нашихъ муниципалитетовъ новую энергію. Но когда налетѣлъ военный ураганъ, темпъ жизни сразу измѣнился.

Государство, централизованное и всесильное ранѣе, оказалось передъ лицомъ огромной опасности и потребовало помощи. Городамъ надо было откликнуться и подать помощь. Пришлось въ первую голову взять на себя работу, непосредственно связанную съ фронтомъ. Затѣмъ съ каждымъ мѣсяцемъ дыханіе войны проникало все дальше и дальше, въ глубь Россіи, и вскорѣ все многообразіе мѣстной жизни можно было разсматривать только черезъ призму войны. Даже тѣ вопросы, которые всегда являлись повседневными задачами обычной, мирной жизни и по существу нимало не были связаны съ войной, даже они пріобрѣли совершенно особый военный колоритъ и особую, подчасъ катастрофическую остроту.

. . . .

. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

Какъ ни были мало подготовлены органы городского самоуправленія къ той работѣ, которая выпала на ихъ долю вслѣдствіе войны, но все же силою вещей городамъ пришлось взяться за ея выполненіе.

Однако взяться за разрѣшеніе задачи не значило еще справиться съ ней. И мы являемся свидѣтелями того, какъ безпомощны оказались наши муниципалитеты въ борьбѣ съ народнымъ бѣдствіемъ. Ускоренный темпъ жизни потребовалъ огромнаго расширенія дѣятельности городовъ; она же, при огромномъ расширеніи функцій, сокращалась въ объемѣ. Лучше всего замѣтенъ этотъ процессъ на измѣненіяхъ въ городскихъ бюджетахъ. Обычная ежегодная анкета „Календаря-справочника городского дѣятеля" на 1915 годъ слегка приподнимаетъ завѣсу надъ финансовымъ положеніемъ городскихъ управленій *. Изъ 114 отозвавшихся городовъ 38,6 % сократили свои смѣты въ 1915 году; среди же остальныхъ городовъ, увеличившихъ свои смѣты, сокращенію подверглись отдѣльныя статьи расходовъ. Уменьшеніе смѣтъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ произошло за счетъ городского благоустройства и городского строительства; кромѣ того, указывались сокращенія и на нужды народнаго образованія и общественнаго призрѣнія. . . . .
. . . .
. . . . Доходы упали, ибо сократились поступленія отъ трактирныхъ сборовъ (отъ 1 до 6 % всей смѣты), отъ попуднаго сбора и другихъ. Обостреніе финансоваго кризиса побудило городскія думы прибѣгнуть къ новому нажиму на доходность городскихъ предпріятій: повышаются таксы на воду, ассенизаціонные обозы, трамвай, электрическую энергію.

На ряду съ этимъ, однако, по отношенію къ сбору съ недвижимыхъ имуществъ города ведутъ себя очень осторожно.

Строго говоря, городамъ ни въ одной области не удалось развить работу, соотвѣтствующую размѣрамъ обостренныхъ войною потребностей. Ни продовольственный кризисъ, ни квартирный, ни урегулированіе движенія бѣженцевъ, ни медико-санитарныя задачи, ни многія другія нужды и затрудненія городского населенія не были удовлетворены и улажены; только одно дѣло — помощь раненымъ и работа „на фронтѣ" были проведены послѣдовательно и всесторонне. Но эта работа оказалась исполненной не городами, а городскимъ союзомъ...

Причины нашихъ муниципальныхъ неудачъ все тѣ же, зависящія отъ тѣхъ основныхъ началъ, на которыхъ зиждется наше мѣстное самоуправленіе, и отъ которыхъ оно страдаетъ съ первыхъ дней его введенія въ Россіи.

---

* „Гор. Дѣло", 1915 г. № 21.

Лишенныя прочнаго финансоваго базиса, городскія думы, прежде всего, остались безъ средствъ. Денегъ не оказалось. Государство, въ мирные дни централизовавшее въ своихъ рукахъ доходы страны и оставлявшее муниципіямъ ничтожные 8—10% доходовъ, поступающихъ въ государственную кассу, въ критическую минуту оказалось лишеннымъ твердой поддержки мѣстныхъ самоуправленій, съ своей стороны, жаждавшихъ финансовой помощи отъ государственнаго казначейства. Вспомнимъ, что однимъ изъ первыхъ словъ городскихъ представителей на первомъ съѣздѣ въ августѣ 1914 года было заявленіе, ... у городовъ денегъ нѣтъ и что они надѣются на субсидированіе государства.

Но отсутствіе средствъ — это лишь часть бѣды. Работѣ городовъ мѣшала общая конструкція ихъ, крайне урѣзанная и находящаяся подъ неусыпнымъ надзоромъ и опекой центральной и мѣстной администраціи. Хотя, въ общемъ, бюрократическій прессъ былъ одно время отчасти ослабленъ, но основное разномысліе во взглядахъ на сущность мѣстнаго самоуправленія, присущее общественнымъ кругамъ и бюрократіи, оставалось. Въ такихъ важнѣйшихъ вопросахъ, какъ борьба съ дороговизной и недостатокъ продуктовъ, урегулированіе движенія бѣженцевъ, органы мѣстнаго самоуправленія оказались отстраненными на второй планъ. При нашемъ многоначаліи и безвластіи органовъ мѣстнаго самоуправленія, отъ послѣднихъ нечего было и ждать разрѣшенія продовольственнаго и переселенческаго кризисовъ.

Помимо этихъ двухъ причинъ, едва ли не главнѣйшей, вызывавшей неизбѣжную вялость въ работѣ городскихъ управленій, является третья, заключающаяся въ классовомъ составѣ мѣстныхъ самоуправленій. Корыстныя и пристрастныя поползновенія части крупно-буржуазныхъ элементовъ нерѣдко встрѣчали скрытую, а иногда и явную поддержку среди городскихъ гласныхъ. Отсюда произошло своеобразное явленіе, въ родѣ того, что рядъ мѣропріятій для борьбы съ дороговизной продуктовъ и квартиръ былъ осуществленъ городами только по иниціативѣ и настойчивости военныхъ, а подчасъ и гражданскихъ властей. Мѣстныя власти сплошь да рядомъ были принуждены прибѣгать къ содѣйствію широкихъ слоевъ населенія и учреждать особые обывательскіе комитеты и совѣщанія, куда приглашались представители рабочихъ, кооперативныхъ и другихъ общественныхъ, нецензовыхъ организацій. Можно вмѣстѣ съ тѣмъ указать на примѣры, когда сами городскія думы, чувствуя свое безсиліе, прибѣгали къ призыву въ свои комиссіи и комитеты лицъ, не имѣющихъ избирательныхъ правъ. Однако подобныхъ прецедентовъ не много. Число ихъ было къ тому же сокращено усердіемъ администраціи, не допускающей обыкновенно проникновенія въ органы городского самоуправленія представителей широкихъ слоевъ населенія. Безсиліе городскихъ думъ въ борьбѣ съ продовольственнымъ, квартирнымъ и иными кризисами бывало подчасъ такъ очевидно, что вызывало чрезвычайно характерныя для настоящаго времени попытки со стороны самого населенія проникнуть въ муниципальную

цитадель. Горожане собирались на собранія, гдѣ подвергали дѣятельность городскихъ думъ всесторонней критикѣ и выносили резолюціи, требующія реформы Городового Положенія и расширенія избирательныхъ правъ для допущенія къ управленію городомъ всѣхъ классовъ населенія; а иногда, — такъ поступили, напримѣръ, рабочіе вологодскихъ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ, — горожане обращались въ думу съ требованіемъ немедленнаго допущенія представителей населенія въ нѣкоторыя городскія комиссіи; эти требованія не всегда были безрезультатны — такъ, Вологодская дума пригласила въ свой продовольственный комитетъ представителей отъ рабочихъ.

Подводя итоги сказанному, мы можемъ констатировать, что, въ общемъ, положеніе муниципальной Россіи претерпѣло дальнѣйшую эволюцію въ томъ же направленіи, въ которомъ оно двигалось и до войны. Безправное и лишенное средствъ, обладающее весьма ограниченными силами, находящееся въ рукахъ небольшой кучки наиболѣе крупной буржуазіи, городское самоуправленіе все болѣе и болѣе оказывалось изолированнымъ отъ демократическихъ массъ. Населеніе, раздраженное безалаберностью и неустройствомъ тыла, склонно срывать свое негодованіе на органахъ мѣстнаго самоуправленія, идя, такимъ образомъ, по линіи наименьшаго сопротивленія. Бюрократія также, повидимому, склонна свои неудачи переложить на плечи городовъ, разсчитывая въ послѣднихъ найти отдушину и дать желательное направленіе общественной критикѣ.

Въ этомъ отношеніи крайне поучительна исторія съ петроградскими городскими выборами. Министръ Щербатовъ, не желая дискредитировать прогрессивную въ своемъ большинствѣ Петроградскую городскую думу, провелъ вопросъ объ обмѣнѣ предстоящихъ городскихъ выборовъ; онъ и часть городскихъ гласныхъ опасались, чтобы на почвѣ стихійнаго народнаго недовольства авторитетъ городского самоуправленія не получилъ ущерба, и чтобы къ муниципальной власти вновь не получило доступа стародумское большинство. Но министры смѣнились, и новый министръ внутреннихъ дѣлъ полагаетъ, какъ сообщали газеты, что выборы необходимы, ибо городское управленіе нужно освѣжить и дать ему оцѣнку.

. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

Весь этотъ хаосъ, происходящій въ органахъ самоуправленія, все ихъ безсиліе, всѣ нападки какъ бюрократіи, такъ и народныхъ массъ — убѣждаютъ насъ еще и еще разъ въ томъ, что нынѣшней системѣ самоуправленія не подъ силу справиться съ требованіями жизни. Доказательствомъ этой старой истины является хотя бы тотъ фактъ, что въ томъ дѣлѣ, въ которомъ работа городскихъ управленій оказалась наиболѣе успѣшной, — въ дѣлѣ помощи раненымъ воинамъ, — города шли иными путями, — черезъ союзъ городовъ, свободный отъ многихъ путъ,

установленныхъ Городовымъ Положеніемъ. И если бы либеральные буржуазные круги глубже поняли истинное значеніе тыла и оказались способными поступиться частью своихъ преимуществъ и привилегій въ интересахъ страны, они, быть можетъ, употребили бы усиліе къ тому, чтобы начала, столь успѣшно примѣненныя въ городскомъ союзѣ, провести и въ дѣятельности самихъ городскихъ думъ. И кто знаетъ, не оказался ли бы своевременно прозвучавшій голосъ буржуазіи и ея настойчивыя дѣйствія тѣмъ оружіемъ, помощью котораго муниципальный Карѳагенъ могъ быть, если и не разрушенъ, то, во всякомъ, случаѣ поколебленъ.

. . . .

. . . . А силы и средства нашей муниципальной системы остались прежнія; прежнимъ осталось и отношеніе бюрократіи къ самоуправленію. . . . . .

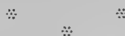
. . . .

М. Петровъ.

БЮДЖЕТЪ 1916 ГОДА И НАШИ ФИНАНСЫ.

Проектъ росписи государственныхъ доходовъ и расходовъ на 1916 годъ внесенъ въ законодательныя учрежденія, какъ и въ прошломъ году, съ опозданіемъ. Объясняется это тѣмъ, что война путаетъ всѣ расчеты, и вѣдомствамъ пришлось не разъ перекраивать свои смѣтныя предположенія. Самъ министръ финансовъ говоритъ въ первой части объяснительной записки къ росписи, что и условія разработки этого проекта должны быть признаны болѣе затруднительными, чѣмъ тѣ, при которыхъ проектировался бюджетъ на текущій годъ. Невозможность предусмотрѣть срокъ окончанія войны, требующей все большаго напряженія силъ и средствъ, и учесть заранѣе съ какой-либо точностью ея угнетающее дѣйствіе на экономическое и финансовое положеніе государства дѣлаетъ многія смѣтныя предположенія, въ особенности въ области доходныхъ погашеній, въ значительной степени условными. Въ частности непродолжительность дѣйствія мѣропріятій, принятыхъ для увеличенія существующаго обложенія и установившихъ новые налоги для замѣны доходовъ отъ казенной винной монополіи, не даетъ возможности съ опредѣленностью судить о томъ, въ какой степени оправдаются ожидавшіеся при установленіи означенныхъ мѣропріятій результаты".

Эта цитата характерна не только для содержанія, но и для всего тона объяснительной записки къ росписи на 1916 годъ. Въ ней нѣтъ уже ни того традиціоннаго финансоваго оптимизма, которымъ были проникнуты записки двухъ предшественниковъ г. Барка, ни безбрежныхъ перспективъ С. Ю. Витте, ни нигилизма и релятивизма В. Н. Коковцова. Тонъ ея сухой и монотонный, содержаніе ультра-дѣловое, ...
. . . .
. . . . Не видно въ новой запискѣ и стремленія подкрасить и нарумянить роспись, ...
. . . .
. . . . При этомъ совершенно ясно, что вся роспись на 1916 годъ составлена подъ знакомъ военныхъ нуждъ. Поэтому будетъ вполнѣ умѣстно предпослать разсмотрѣнію бюджету и росписи предварительный учетъ военныхъ издержекъ и способовъ ихъ покрытія въ 1914 и 1915 гг.



„Военные расходы, — свидѣтельствуетъ министръ финансовъ П. Л. Баркъ, — составившіе съ начала войны до 1 октября 1915 г. свыше 7700 милліоновъ рублей, достигнутъ въ дальнѣйшемъ огромныхъ размѣровъ, но опредѣлить ихъ въ настоящее время съ точностью нельзя по неизвѣстности срока окончанія военныхъ дѣйствій“. Отсюда видно, что за 1 годъ и $2^1/_2$ мѣсяца войны она потребовала 7,7 милліардовъ рублей. Это составляетъ, какъ и ожидалось, около 6 милліардовъ въ годъ т. е. немногимъ менѣе удвоеннаго нашего обычнаго бюджета. Если предположить, что темпъ военныхъ расходовъ будетъ прежній, и война продолжится 1 г. и 3 мѣсяца (до 1 янв. 1917 г.), то она потребуетъ еще 7,7 милліардовъ рублей, а военные расходы достигнутъ колоссальной цифры въ 15,4 милліарда рублей или, говоря другими словами, съѣдятъ столько же, сколько нужно для пяти обыкновенныхъ бюджетовъ. Но и это сравненіе оперируетъ съ слишкомъ крупными цифрами, мало доступными уму средняго человѣка. Поэтому продолжимъ нѣсколько сравненіе военныхъ расходовъ съ болѣе мелкими подраздѣленіями нашего бюджета. Расходъ на культурныя и производительныя потребности составилъ въ бюджетѣ 1914 года 555 милліоновъ рублей, а на просвѣщеніе, науки и искусства, въ частности, 251,7 м. р. На войну же уже истрачено 7,7 милліардовъ рублей, или же, другими словами, больше, чѣмъ тратилось обычно на всѣ культурныя и производительныя потребности, почти въ 14 разъ и въ 30 разъ больше, обычнаго расхода на просвѣщеніе.

Скромность нашего культурно-производительнаго бюджета — фактъ общепризнанный. Она мотивировалась всегда отсутствіемъ достаточныхъ средствъ для того, чтобы быстро увеличивать культурно-производительные расходы, несмотря на ту пріятную въ бюджетномъ отношеніи особенности ихъ, что они скоро возвращаются въ казну въ видѣ повышеннаго поступленія доходовъ. Откуда же, спрашивается теперь, взялись у насъ средства въ 14—30 разъ большія на производство такихъ расходовъ, которые, по ближайшему же свидѣтельству министра финансовъ, и какъ мы увидимъ это еще ниже, дѣйствуютъ на финансовое и экономическое положеніе страны „угнетающе“? Прежде чѣмъ отвѣтить на этотъ вопросъ, констатируемъ тотъ фактъ, что средства для войны такъ или иначе находятся. . . . .

. . . .

Возвращаемся къ вопросу: гдѣ и какъ были добыты средства на войну? Въ виду невозможности, а отчасти и нежеланія

получить ихъ посредствомъ налоговъ *, эти средства были получены частью въ Россіи, частью за границей путемъ всякаго рода кредитныхъ операцій. Эти операціи достаточно раздѣлить, для анализа ихъ на два вида: добровольные займы, куда можно отнести всѣ внѣшніе и внутренніе займы, включая и, такъ называемыя серіи государственнаго казначейства (процентныя деньги), и принудительные займы, куда слѣдуетъ отнести учетъ Государственнымъ Банкомъ краткосрочныхъ векселей Государственнаго казначейства, или, что то же, выпуски бумажныхъ денегъ послѣ пріостановленія размѣна на золото въ интересахъ казны и финансированія войны. Что касается усиленной работы печатнаго станка для бумажныхъ денегъ, то къ этому вопросу существовало до послѣдняго времени самое легкомысленное отношеніе. Всѣ точно забыли о томъ вредѣ, который несутъ съ собой бумажныя деньги. Наконецъ, сознаніе этого вреда проникло въ нѣкоторой степени и въ министерство финансовъ. По крайней мѣрѣ министръ финансовъ П. Л. Баркъ, пригласившій къ себѣ 6 ноября редакторовъ газетъ для бесѣды по поводу послѣдняго внутренняго $5^1/_2{}^0/_0$-наго займа, подчеркнулъ въ заключеніе бесѣды, что „заемъ предназначается для извлеченія изъ частнаго обращенія кредитныхъ билетовъ и уменьшенія количества обращающихся въ странѣ бумажныхъ денегъ, а въ этомъ — по мнѣнію министра — лучшее средство борьбы съ дороговизной, такъ какъ дороговизна въ большей части вызвана обиліемъ бумажныхъ денегъ и нарушеніемъ валютнаго равновѣсія“ **. Это авторитетное свидѣтельство о вредѣ бумажныхъ денегъ не мѣшаетъ хорошо запомнить тѣмъ обывателямъ, которые главную причину дороговизны видятъ не въ бумажныхъ деньгахъ и разстройствѣ транспорта, а въ спекуляціи торговцевъ и лавочниковъ. Поддержанію этого вреднаго заблужденія, ставящаго производное явленіе — спекуляцію — на мѣсто главныхъ — обезцѣненія денегъ и разстройства транспорта, способствуетъ и пропаганда многихъ нашихъ кооператоровъ, видящихъ въ торговцѣ главнаго врага человѣческаго, а въ коопераціи „спасеніе“ чуть ли не отъ всѣхъ золъ ***.

Обратимся къ количественному анализу разныхъ видовъ кредитныхъ операцій. Въ 1914 году было выручено отъ реализаціи: $5^0/_0$-наго внутренняго займа 1914 года 441,7 милліоновъ руб. (вмѣсто 500 мил. руб. нарицательныхъ), отъ $4^0/_0$-ныхъ билетовъ

---

* Мы подразумѣваемъ здѣсь и медлительность въ переходѣ къ совершеннымъ формамъ обложенія и въ частности отказъ отъ немедленнаго введенія военнаго подоходно-поимущественнаго налога.

** Цитировано по № 307 „Рѣчи“ отъ 7 ноября 1915 г.

*** Ср., напримѣръ, статью г-жи Л. Армандъ въ № 1 „Народной Газеты“ въ Москвѣ. То, что крестьяне, организованные въ кооперативы, сами поднимаютъ цѣны, забыто г-жей Армандъ.

Государственнаго казначейства (серій) — 266,8 мил. руб. (вмѣсто 300 мил. руб. ожидавшихся) и отъ учета краткосрочныхъ обязательствъ казны Государственнымъ Банкомъ 886,7 мил. руб. Всѣ эти операціи увеличили намъ государственный долгъ въ этомъ году на 1595,35 мил. руб. Были и другія операціи, какъ, напримѣръ, учетъ, въ Англіи краткосрочныхъ обязательствъ на 12 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ (около 113 мил. руб. по курсу 9 руб. 46 коп.). Погашено уже долговъ было на 61,3 мил. руб. Въ результатѣ перваго полугодія войны нашъ государственный долгъ увеличился съ 8,8 милліарда руб. на 1 января 1914 года до 10 милліардовъ рублей къ 1 января 1915 года. О состояніи его на 1 января 1916 года пока нельзя сказать ничего опредѣленнаго. Въ текущемъ году выпущено: 4%-ныхъ серій, на основаніи Высочайшихъ указовъ: 27 марта — на 300 мил. руб. и 14 августа — на 250 мил. руб. нарицательныхъ — 5%-ный 6 февраля и на 1000 мил. руб. нарицательныхъ — 5½-ный 24 апрѣля. Отмѣтимъ кстати, что уплата процентовъ по этимъ займамъ, дающимъ въ итогѣ 2050 мил. руб. составитъ въ 1916 году 102,2 мил. руб. Кромѣ того, въ текущемъ полугодіи учтено Гос. банкомъ такихъ шестимѣсячныхъ обязательствъ казны, по которымъ придется заплатитъ въ будщемъ году 37,5 мил. руб. процентовъ на сумму въ 1,5 милліарда рублей.

Выше приведены нарицательныя суммы кредитныхъ операцій. Дѣйствительная же выручка отъ нихъ съ 1-го января по 1 октября 1915 года составила:

	Милліоны руб.	Милліоны руб.
Отъ краткосрочныхъ обязательствъ казны . . .		2403,3
а) учтенныхъ Г. Банкомъ	2020,0	
б) пріобрѣтенныхъ частными банками и другими лицами	383,3	
отъ 4%-ныхъ билетовъ Г. к. (серій)		583,3
а) выпуска 1914 г.	33,3	
б) выпуска 1915 г.	550,3	
отъ внутреннихъ займовъ.		1464,4
а) 5%-го 1914 г.	24,8	
б) 5%-го 1915 г.	462,2	
в) 5½%-го 1915 г.	977,4	
отъ кредитныхъ операцій за границей		1181,4
	Всего . . .	5,632,4 мил. руб.

Изъ этой суммы въ 5632,4 мил. руб. слѣдуетъ вычесть 2020,0 мил. руб. принудительныхъ займовъ. Тогда на долю добровольныхъ остается 3612,4 мил. руб. Если къ той же суммѣ 5632,4 мил. руб. выручки отъ всѣхъ кредитныхъ операцій 1915 года прибавить 1595,35 мил. руб. таковой же выручки въ 1914 году, то можно сказать, что къ 1 октября текущаго года государственный долгъ увеличился за это время на 7227,75 мил. руб.

Въ частности, въ этой суммѣ принудительные займы въ формѣ учета краткосрочныхъ обязательствъ Гос. банкомъ составляютъ 2906,7 мил. руб.*, а добровольные — 4321,05 мил. руб. Съ ноября мѣсяца началась подписка на новый $5^1/_2$%-ый внутренній заемъ 1915 года на нарицательную сумму въ 1000 мил. руб. При успѣхѣ его государственный долгъ нашъ увеличится еще на 1000 мил. руб. и достигнетъ къ 1 января 1915 года (при условіи взноса 70%) — 17282,0 мил. руб. (10488,5 + 5632,4 + 461,1 + 700). Въ то же время онъ можетъ сократиться на ту сумму, которая будетъ ассигнована на выкупъ учтенныхъ въ Гос. банкѣ обязательствъ. Насколько это будетъ возможно, легко увидѣть изъ слѣдующаго сопоставленія. Къ концу 1915 года военные расходы, по свидѣтельству министра финансовъ, должны составить около 9659,9 мил. руб., а выручка отъ всѣхъ кредитныхъ операцій къ этому времени должна составить: 7227,75 (къ 1 окт.) + 461,1 (краткоср. об. учт. Гос. банкомъ къ 8 ноября) + 700 мил. руб. (въ случаѣ успѣха отъ новаго займа) — итого 8388,85 мил. руб., если не будетъ дальнѣйшаго учета въ Гос. банкѣ краткосрочныхъ обязательствъ. Изъ этого сопоставленія видно, что выручка этого года отъ новаго займа цѣликомъ уйдетъ на покрытіе военныхъ расходовъ, и обращеніе къ новымъ выпускамъ бумажныхъ денегъ неизбѣжно. Что же касается обращенія на ту же цѣль тѣхъ 300 мил. руб. отъ этого же займа, которые поступятъ въ 1916 году (15 января), то это будетъ возможно лишь въ томъ случаѣ, если не тратить эти 300 мил. руб. на военные расходы. Это же возможно, въ свою очередь, если попрежнему учитывать обязательства казны въ Гос. банкѣ, что признано нежелательнымъ, или же если вести войну на дальнѣйшіе выпуски серій, что невозможно. Словомъ, мы приходимъ къ такому выводу: какъ ни желательно сокращеніе принудительныхъ займовъ, т. е. финансированія войны выпусками бумажныхъ денегъ, оно будетъ возможно лишь въ томъ случаѣ, если добровольные займы всякаго рода будутъ давать выручку, по крайней мѣрѣ, равную ежемѣсячнымъ военнымъ расходамъ. Изъятіе же изъ оборота уже выпущенныхъ бумажныхъ денегъ будетъ возможно лишь въ томъ случаѣ, если дальнѣйшая ежемѣсячная выручка отъ добровольныхъ займовъ будетъ болѣе или менѣе значительно превосходить ежемѣсячные военные расходы. До сихъ поръ она такъ велика не была, почему и накопилось свыше 3 милліардовъ долга казны Гос. банку по краткосрочнымъ обязательствамъ.

Теперь каково вліяніе войны на платежи по государственнымъ займамъ? Эти платежи въ 1914 году составили сумму въ

* По балансу Гос. банка на 8 ноября они возросли уже до 3367,8 мил. руб. или еще на 461,1 мил. руб.

338 мил. руб., поднявшуюся въ 1915 году до 404 мил. руб., а въ 1916 году потребуютъ, по самому скромному подсчету министра финансовъ, 542,8 мил. руб. Всѣ же расходы по системѣ государственнаго кредита (прибавляя уплату капитала, выкупъ безсрочныхъ займовъ, платежи по погашеннымъ займамъ, банкирскіе и хозяйственные расходы по займамъ) равнялись въ 1914 году 365,8 мил. руб. и ожидаются въ 1915 году въ размѣрѣ — 439,7 мил. руб., а въ 1916 году 580 мил. руб. Въ теоріи эти платежи относятся уже къ обыкновеннымъ расходамъ, которые должны покрываться выручкой отъ налоговъ или отъ коммерческихъ предпріятій казны. Послѣднее имѣетъ мѣсто въ случаѣ такъ называемыхъ производительныхъ займовъ, идущихъ на финансированіе такихъ предпріятій. Такъ какъ война не коммерческое предпріятіе, то уплата процентовъ по военнымъ займамъ можетъ производится лишь за счетъ новыхъ налоговъ. Насколько это возможно у насъ во время войны, мы увидимъ ниже. Постановка же этого вопроса приводитъ насъ къ анализу вліянія войны на нашъ бюджетъ обыкновенныхъ доходовъ и расходовъ. Здѣсь къ вліянію войны присоединяется въ неменьшей степени запрещеніе продажи питей.

* * *

Остановимся сначала на вліяніи обоихъ указанныхъ факторовъ на нашъ расходный бюджетъ. Въ слѣдующей табличкѣ мы даемъ сопоставленіе расходовъ на 1914* и на 1916 годъ.

	Въ 1914 году мил. руб.	% къ итогу.	Въ 1916 году мил. руб.	% къ итогу.	Въ 1916 г. болѣе (+) или менѣе (—) чѣмъ въ 1914 г. на: мил. руб.	%%
Расходы общаго управленія	401,8	12,2	414,7	13,1	+ 12,5	+ 3,1
Содержаніе духовенства и церковные расходы	24,7	0,7	24,6	0,8	— 0,1	— 0,4
Платежи по займамъ .	402,1	12,2	580,3	18,3	+ 178,2	+ 44,3
Другія обязательства казны	47,4	1,4	53,3	1,7	+ 5,9	+ 12,4
Пенсіи служащимъ и аренды	118,0	3,6	137,7	4,3	+ 15,7	+ 13,3
Оборона государства . .	794,6	24,0	696,5	22,0	— 98,1	— 12,3
I. Итого расходовъ обще-государственныхъ и по обязательствамъ	**1788,6**	**54,1**	**1907,2**	**60,2**	**+ 118,6**	**+ 6,6**
Просвѣщеніе, науки, искусства	251,7	7,6	247,5	7,8	— 4,2	— 1,7
Врачебная часть . . .	38,3	1,2	38,0	1,2	— 0,3	— 0,8
Землеустройство, переселеніе и сельское хозяйство	106,1	3,2	88,1	2,8	— 18,0	— 17,0

* По несокращенной росписи, утвержденнаго 22 іюня 1914 года.

	Въ 1914 году мил. руб.	% къ итогу.	Въ 1916 году мил. руб.	% къ итогу.	Въ 1916 г. болѣе (+) или менѣе (—) чѣмъ въ 1914 г. на мил. руб	%%
Содѣйствіе казны развитію торговли и промышленности	9,4	0,3	5,5	0,2	— 3,9	— 41,5
Пути сообщенія, кромѣ жел. дор.	63,4	1,9	45,4	1,4	— 18,0	— 28,4
Почта и телеграфъ . . .	86,2	2,6	98,1	3,1	+ 21,9	+ 27,7
II. Итого на культурныя и производительныя потребности	**555,0**	**16,8**	**523,6**	**16,5**	**— 31,4**	**— 5,7**
III. Казенныя операціи	**950,9**	**28,8**	**729,4**	**23,0**	**—221,5**	**—23,3**
IV. Непредвидѣнные расходы	10,0	0,3	10,0	0,3	0,0	0,0
Всего обыкновенныхъ расходовъ	**3304,5**	**100,0**	**3169,1**	**100,0**	**—135,4**	**— 4,1**

Общій итогъ бюджета измѣнился (какъ и въ 1915 году) немного, ставъ менѣе на 135 мил. руб. (4,1 %). Это произошло вслѣдствіе увеличенія расходовъ по однимъ предметамъ назначенія на 234,2 мил. руб. и уменьшенія по другимъ — на 369,6 мил. руб.

Изслѣдуемъ теперь, въ какой мѣрѣ на эти измѣненія вліяла война и въ какой — сокращеніе продажи питей.

Наиболѣе крупное сокращеніе расходовъ видно по казеннымъ операціямъ. Оно объясняется главнымъ образомъ уменьшеніемъ 205 мил. руб. противъ первоначальныхъ предположеній или на 167,7 мил. руб. дѣйствительно расходовъ по казенной продажѣ питей, которая потребуетъ въ 1916 году только 40,5 мил. руб. вмѣсто 208 мил. руб., затраченныхъ на нее въ 1914 году. Эти расходы могли быть, отмѣтимъ кстати, еще меньше, если бы министръ финансовъ не внесъ въ интересахъ нашихъ аграріевъ, какъ и въ прошломъ году, 9,3 мил. руб. на выдачи въ видахъ содѣйствія винокуренной промышленности *. Указаннымъ уменьшеніемъ, почти и исчерпывается вліяніе сокращеніе продажи питей на нашъ расходный бюджетъ. Что же касается ожидаемаго въ 1916 году по сравненію съ 1914 годомъ уменьшенія расхода по казеннымъ желѣзнымъ дорогамъ на 11,3 мил. руб., то онъ объясняется уже вліяніемъ войны. Захватъ нѣмцами Варшавско-Вѣнской и Привислинскихъ желѣзныхъ дорогъ заставилъ министра финансовъ выкинуть изъ росписи 41,6 мил. руб. расхода по эксплоатаціи этихъ дорогъ, да по остальнымъ дорогамъ, частью занятымъ непріятелемъ, на 18,2 мил. руб., а всего на 59,8 мил. руб. **.

* За эту нѣмецкую выдумку (Libesgaben — „дары любви“), наши аграріи держатся не меньше прусскихъ.

** Другія дороги потребовали, подъ вліяніемъ войны и въ частности дороговизны, увеличенія эксплоатаціонныхъ издержекъ на 28 мил. руб.

Такой пріемъ, повидимому, совершенно правиленъ. Совѣтъ министровъ, обсудивъ этотъ вопросъ, пришелъ къ заключенію, что „доходныя поступленія по мѣстностямъ, занятымъ непріятелемъ, а равно непосредственно угрожаемымъ вторженіемъ послѣдняго, не могутъ вообще вноситься въ смѣты, такъ какъ и послѣ вытѣсненія непріятельскихъ войскъ изъ этихъ мѣстностей, постигшее ихъ разореніе лишитъ государственное казначейство возможности получать съ населенія въ полныхъ размѣрахъ налоги и другіе сборы. На этомъ основаніи, между прочимъ, — говоритъ далѣе П. Л. Баркъ, — изъ смѣты Управленія желѣзныхъ дорогъ исключены доходы и расходы, связанные съ эксплоатаціей въ упомянутыхъ мѣстностяхъ желѣзнодорожныхъ путей" (стр. 9 объясн. зап.).

Недавно возникшая въ Петроградѣ „Финансовая Газета" одобряетъ пріемъ невключенія въ смѣты доходовъ отъ мѣстностей, занятыхъ непріятелемъ. „Однако, — замѣчаетъ газета, было политически неправильно слѣдовать такому пріему и въ расходной части. Наоборотъ, примѣръ Франціи, внесшей въ свой бюджетъ кредиты на сѣверные департаменты по нормамъ мирнаго времени и показавшей непреклонную рѣшимость и убѣжденіе въ томъ, что оккупація есть одна изъ случайностей войны, — является достойнымъ подражанія и не можетъ не быть рекомендованнымъ и нашимъ палатамъ; параграфы должны быть сохранены и расходы показаны" *.

Оставляя въ сторонѣ всю романтику этой аргументаціи, мы полагаемъ, что совѣтъ министровъ и министръ финансовъ стоятъ въ этомъ вопросѣ на болѣе реальной почвѣ. Въ частности, сверхъ того, „Финансовая Газета" забыла что Польшѣ обѣщана автономія. А это и въ финансовой области значитъ, что та или иная часть прежнихъ доходовъ отъ нея и прежнихъ расходовъ по ней безслѣдно исчезла изъ нашего бюджета навсегда. Поэтому и въ этомъ отношеніи аналогія съ Франціей не убѣдительна.

Наиболѣе крупное увеличеніе расходовъ мы имѣемъ и по абсолютной суммѣ, а въ %-номъ отношеніи на платежи по займамъ, о которыхъ мы уже говорили выше. Здѣсь можно только добавить, что одинъ послѣдній $5^1/2$%-ный заемъ на 1 милліардъ рублей увеличитъ эти платежи еще на 55 мил. руб. Кромѣ того, потребуются и другія кредитныя операціи, такъ что этотъ расходъ и приростъ дойдутъ соотвѣтственно до 680,3 и 278,2 мил. руб. во всякомъ случаѣ. Возросли подъ вліяніемъ войны и расходы на пенсіи. . . . .

. . . .

* См. № 66 „Финансовой Газеты" за 1915 г.

Въ самомъ дѣлѣ, въ эту графу входятъ, напримѣръ, новые кредиты на полицію въ размѣрѣ 3,7 мил. руб., хотя пьянство и преступность настолько уменьшились, что кредиты по тюремной части уменьшены на 20 тысячъ.

. . . .

Бюджетъ этихъ расходовъ, и самъ по себѣ незначительный — 16,8% общаго итога всѣхъ обыкновенныхъ расходовъ, — сократился до 16,5%. Сокращеніе было бы и больше, если бы не увеличеніе расхода на почту и телеграфъ, все еще мало доступныхъ массамъ сельскаго населенія.

Наоборотъ, расходы общегосударственные и по обязательствамъ увеличиваются съ 54,1% до 60,2% всего итога. Это увеличеніе было бы еще больше, если бы расходы на оборону государства показывались у насъ, какъ и въ другихъ странахъ, въ единомъ бюджетѣ. А то получаются такія несообразности: за время войны военные расходы будто бы уменьшаются на 98 мил. руб. На самомъ дѣлѣ это только своеобразная бухгалтерія предметнаго свода расходовъ. Если обратиться къ смѣтамъ военнаго и морского министерствъ за три послѣднихъ года, то эта бухгалтерія ясно выступитъ наружу:

Расходы.	1914 г.	1915 г.	1916 г.
военнаго министерствъ	410,4 мил. руб.	572,7 м. р.	565,1 м. р.
морского министерствъ	212,3 „ „	197,9 „ „	180,3 „ „
Итого	622,7 мил. руб.	770,6 м. р.	745,4 м. р.

Какъ видите, цифры совсѣмъ другія: для 1914 г. цифры дѣйствительнаго, а не первоначально предполагавшагося расхода въ 794,6 мил. руб. Для 1915 и 1916 годовъ опять смѣтныя предположенія, но для 1916 года цифра въ 745,4 мил. руб. выше той, которою мы пользовались въ таблицѣ всѣхъ расходовъ по предметамъ назначенія. Всѣ эти различія въ цифрахъ объясняются, во-первыхъ, отнесеніемъ части расходовъ на счетъ военнаго фонда; во-вторыхъ, разницей между первоначальными смѣтными предположеніями министра финансовъ, исправленіями законодательныхъ учрежденій и наконецъ дѣйствительнымъ исполненіемъ росписей; въ третьихъ, различіями классификацій: по предметамъ, по вѣдомствамъ. Въ заключеніе по вопросу о сокращеніи расходовъ замѣтимъ, что сокращались преимущественно расходы строительные, на ремонтъ и хозяйственныя операціи.

* * *

Перейдемъ теперь къ доходному бюджету. Прежде всего, посмотримъ, каковъ общій характеръ измѣненій доходнаго

бюджета, для чего сравнимъ опять доходы, исчисленные по росписи на 1914 годъ, съ ожидаемыми въ 1916 году. Цифры второго столбца для 1914 года приводятся для того, чтобы показать, какъ война, въ связи съ прекращеніемъ продажи питей, повліяла на дѣйствительное поступленіе доходовъ въ 1914 году.

	1914 г. Мил. руб.	Въ %	1914 г. Мил. руб.	1916 г. Мил. руб.	Въ %
I. Казенное имущество и капиталы	**1119,9**	**31,9**	**964,5**	**951,2**	**32,8**
Въ томъ числѣ каз. жел. дороги	858,6	24,0	733,4	685,5	23,5
Въ томъ числѣ лѣсной доходъ	103,1	2,9	78,0	75,9	2,6
II. Правительств. регаліи . .	**1070,2**	**30,4**	**646,9**	**234,5**	**8,0**
Въ томъ числѣ винная монополія	936,1	26,2	503,9	49,9	1,7
Въ томъ числѣ почт. доходъ.	82,6	2,3	80,6	94,7	3,
Въ томъ числѣ телеграф. и телефонный	43,9	1,2	46,9	70,6	2,4
III. Косвенные налоги . . .	**731,4**	**20,1**	**661,5**	**802,7**	**27,6**
Въ томъ числѣ таможенный.	370,5	10,4	303,9	314,4	10,8
IV. Прямые налоги	**276,0**	**7,5**	**280,6**	**359,7**	**12,3**
Въ томъ числѣ промысловый.	156,8	4,4	166,3	192,6	6,6
Въ томъ числѣ поземельный.	25,2	0,7	20,6	43,1	1,5
V. Пошлины	**237,9**	**6,6**	**209,1**	**432,6**	**14,8**
Въ томъ числѣ пассажировъ *	32,9	0,9	31,4	236,0	8,1
Въ томъ числѣ гербовый сборъ	119,2	3,3	96,7	115,0	4,0
VI. Остальные доходы . . .	**136,8**	**3,8**	**125,6**	**128,8**	**4,5**
Всего.	**3572,2**	100,0	**2898,1**	**2914,1**	100

Наиболѣе сильный эффектъ произведенъ, конечно сокращеніемъ продажи питей: теперь эта операція, если запретительныя мѣры сохранятся и послѣ войны, можетъ нѣсколько развиваться лишь за счетъ продажи казною спирта для техническихъ надобностей внутри страны и для всякихъ — за границу. — Наиболѣе крупное вліяніе **новыхъ налоговъ**, вызванныхъ войной, замѣтно въ увеличеніи выручки по сбору съ пассажировъ и грузовъ, неправильно отнесенному къ пошлинамъ, тогда какъ эти сборы типичные косвенные налоги. Не останавливаясь пока на болѣе слабыхъ вліяніяхъ войны на разные виды дохода, отмѣтимъ лишь, что казенные имущества и капиталы сохранили свое первое мѣсто (32,8%) въ бюджетѣ; правительственныя регаліи заняли вмѣсто второго (30,4%) пятое (8,0%); косвенные налоги перешли какъ будто только на второе (27,6%), пошлины какъ будто перешли на третье (14,8%), а прямые налоги остались на четвертомъ

* И грузовъ: до военный сборъ въ 15%, временные налоги на перевозку пассажировъ и грузовъ и въ частности на перевозимый хлопокъ (26 + 57 + 120 + 33 м. р.).

(12,3%). На самомъ дѣлѣ, это не такъ, потому что, кромѣ упомянутыхъ уже сборовъ съ пассажировъ и грузовъ, къ налогамъ вообще и косвеннымъ, въ частности, слѣдуетъ относить и части доходовъ отъ продажи спирта, почтово-телеграфныхъ услугъ и т. п. предпріятій, поскольку доходъ отъ нихъ превышаетъ среднюю коммерческую прибыль отъ торговли въ данной странѣ. Но если, даже не заходить такъ далеко, то все же къ косвеннымъ налогамъ надо отнести хотя бы упомянутые сборы. Тогда общая сумма косвенныхъ налоговъ для 1916 года составитъ: 802,7 + 236,0 = = 1038,7 мил. руб. или 35,6% общаго итога росписи, т. е. косвенные налоги займутъ въ бюджетѣ первое мѣсто, казенныя имущества — второе, прямые налоги — третье, регаліи — четвертое, а пошлины — пятое. И что бы ни случилось далѣе въ смыслѣ возврата или не возврата къ непробудному пьянству прежняго времени, косвенные налоги не потеряютъ своего перваго мѣста до полной демократизаціи нашего строя. Однако, имъ трудно будетъ играть въ будущемъ ту абсолютную и относительную роль, которую они играли при безпрепятственной продажѣ питей и. главнымъ образомъ, водки.

Если взять только одни доходы налогового характера въ нашемъ бюджетѣ по проектамъ росписей, причисливъ къ косвеннымъ налогамъ и чистый доходъ отъ винной монополіи, то относительное значеніе разныхъ видовъ доходовъ налогового характера за три послѣднихъ года выразится такими процентными числами:

	1914 г.	1915 г.	1916 г.
Косвенные налоги . .	76,8%	62,1%	60,0%
Прямые налоги. . . .	12,3	20,3	22,5
Пошлины.	10,9	17,6	17,5

Отсюда хорошо видно, что роль прямыхъ налоговъ и пошлинъ имѣетъ тенденцію увеличиваться за счетъ уменьшенія роли косвеннаго обложенія.

Насколько эта тенденція укрѣпится или ослабнетъ въ ближніе годы, будетъ зависѣть отъ самыхъ глубокихъ основъ нашей финансовой политики.

Разсмотримъ теперь, какъ подъ вліяніемъ войны и запретительной алкогольной политики измѣнилось соотношеніе въ бюджетахъ трехъ послѣднихъ лѣтъ доходовъ налогового и хозяйственнаго характера.

	Въ 1914 г.		Въ 1915 г.		Въ 1916 г.	
	Мил. руб.	%	Мил. руб.	%	Мил. руб.	%
Доходы налоговаго характера	1245,4	34,9	1587,7	50,7	1595,0	54,7
Казен. имущ. и капиталы . .	2196,7	61,5	1402,6	44,8	1190,3	40,8
Остальные доходы	130,1	3,6	141,9	4,7	128,8	4,5
	3572,2	100	3132,2	100	2914,1	100

Отсюда видно, что доходы налогового характера заняли въ нашемъ бюджетѣ первое мѣсто уже въ прошломъ году. Въ проектѣ росписи на 1916 годъ имъ отводится еще большая роль. Доходы же хозяйственнаго характера падаютъ и абсолютно и относительно. Переходъ на первое мѣсто доходовъ налогового характера сблизилъ нашъ бюджетъ съ бюджетами другихъ культурныхъ странъ. Послѣ окончанія войны начнется, конечно, опять абсолютный ростъ хозяйственныхъ доходовъ.

До сихъ поръ мы анализировали общіе результаты измѣненія бюджета и картину его за время войны. Теперь обратимъ вниманіе на нѣкоторыя интересныя частности, не видныя прямо изъ предшествующихъ таблицъ. Такъ, въ проектѣ росписи 1916 года увеличились весьма нѣкоторые оборотные доходы чисто бухгалтерскаго характера. Напримѣръ, отъ оплаты казной таможенныхъ налоговъ по привозимымъ для казны же товаровъ увеличивается таможенный доходъ на 100 мил. руб. Расплата казны съ каждыми желѣзными дорогами за воинскія перегонки увеличиваетъ доходъ казенныхъ дорогъ на 150 мил. руб. Итого 250 мил. руб. фиктивнаго дохода за счетъ военнаго фонда, питаемаго займами.

Далѣе можно спросить: какъ повліяло на дорожный бюджетъ занятіе германцами и австрійцами части территоріи страны, какія потери понесъ отъ этого бюджета? Министръ Финансовъ находитъ, что недоборъ доходовъ по губерніямъ Привислинскимъ, Холмской, Виленской, Ковенской, Гродненской и Курляндской „составитъ, по сравненію съ мирнымъ временемъ, 141,2 мил. руб., а по сравненію съ 1915 годомъ 69,0 мил. руб.“ Эта цифра относится ко всѣмъ доходамъ, кромѣ доходовъ отъ винной монополіи, таможенныхъ пошлинъ и желѣзнодорожныхъ сборовъ. Недоборъ послѣднихъ опредѣляется валовой суммой въ 144,8 мил. руб. Если вычесть изъ нея сокращеніе эксплоатаціонныхъ расходовъ занятыхъ нѣмцами казенныхъ желѣзныхъ дорогъ на 59,8 мил. руб., то чистый убытокъ по этой статьѣ опредѣлится въ 95 мил. руб. Всего же бюджетъ на 1916 годъ теряетъ по этой причинѣ, по сравненію съ мирнымъ временемъ, около 236 мил. руб.

Наконецъ, какъ ни интересенъ вопросъ о томъ, сколько даютъ бюджету новые налоги и повышеніе старыхъ, отвѣтить на него сейчасъ нѣтъ возможности, такъ какъ величина возможныхъ новыхъ поступленій пока еще не выяснилась. Извѣстно лишь, да и то по приблизительнымъ вычисленіямъ, что въ первомъ полугодіи 1915 года доходы отъ увеличенія обложенія возросли на сумму отъ 165 до 170 мил. руб. Если даже принять во вниманіе, что бо̀льшая часть выручки отъ налоговъ поступаетъ во второй половинѣ каждаго года, то все же можно сказать съ увѣренностью одно: милліардъ, который остался якобы въ карманахъ населенія отъ невозможности его пропивать и на который возла-

гали столько надеждъ при огульномъ и механическомъ повышеніи всѣхъ налоговъ въ текущемъ и прошломъ годахъ, не вернется въ казну ни въ текущемъ, ни въ будущемъ году. Думается поэтому, что часть его пошла на покрытіе личныхъ расходовъ каждаго, вызванныхъ войною прямо и косвенно (чрезъ дороговизну жизни), а другая — на увеличеніе вкладовъ въ кредитныхъ учрежденіяхъ. Эта часть поступаетъ въ казну въ формѣ уже не налоговъ, а выручки отъ займовъ.

Что касается такихъ доходовъ, которые появляются въ 1916 году впервые, то ихъ три: отъ военнаго налога на лицъ, освобождаемыхъ отъ воинской повинности, — 7,8 мил. руб. и отъ единовременнаго сбора съ телефоновъ за 1915 и 1916 годы — около 4,5 мил. руб., кромѣ того отъ новаго акциза съ виноградныхъ винъ, установленнаго 14 іюля 1915 года, ожидается 6 мил. руб. Итого — сумма совсѣмъ небольшая — 18,3 мил. руб., которая тоже немного поможетъ дѣлу уловленія утеряннаго милліарда.

Такой неуспѣхъ въ дѣлѣ поимки этого милліарда объясняется отчасти и тѣмъ, что было забыто слѣдующее: война даетъ новое перераспредѣленіе цѣнностей и доходовъ между общественными классами и группами; между тѣмъ, никакихъ спеціальныхъ мѣръ, чтобы уловить иначе распредѣлившіеся доходы и цѣнности, до сихъ поръ, какъ мы увидимъ ниже, принято не было.

* * *

Изслѣдуемъ теперь вліяніе войны на балансы нашихъ росписей, что представляетъ самостоятельный интересъ, такъ какъ проливаетъ свѣтъ на финансовое положеніе страны. Здѣсь намъ предстоитъ сдѣлать сопоставленіе нашихъ государственныхъ доходовъ и расходовъ, хотя бы за три послѣднихъ года.

Доходы:	1914 г. милл. руб.	Расходы:	1914 г. милл. руб.
Свободная наличность къ 1 января	514,2	Обыкновенные	2927,1
Обыкновенные	2922,1	Чрезвычайные	276,4
Чрезвычайные	38,6	На войну	1656,9
Итого	3474,9	Итого	4860,4

Въ результатѣ 1914 годъ кончился дефицитомъ въ 1395,5 мил. руб., который былъ покрытъ займами на сумму 1595,3 мил. руб. На 1915 годъ свободной наличности новаго происхожденія за счетъ займовъ осталось 209,8 мил. руб.

Для 1915 года нельзя пока дать такой же точной картины, такъ какъ пока по исполненію росписи 1915 года, имѣются лишь предварительныя данныя.

Согласно съ этими данными дѣло обстоитъ такъ:

1915 года.

Доходы:	милл. руб.	Расходы:	милл. руб.
Свободная наличность къ 1 января	209,8	Сверхсмѣтные	287,5
Обыкновенные	2782,0	Обыкновенныя	3068,1
Чрезвычайные	9,5	Чрезвычайные	134,4
		На войну	8000,0
Итого	3001,3	Итого	11490,0

Такимъ образомъ, дефицитъ 1915 года долженъ составить около 8488,7 мил. руб. Отъ кредитныхъ же операцій выручено уже, какъ мы знаемъ, 6093,5 мил. руб. и отъ ноябрьскаго займа можно ожидать въ 1915 году — 700 мил. руб. Все это даетъ лишь 6793,5 мил. руб. Слѣдовательно, 695,2 мил. руб. придется добыть какимъ-либо инымъ путемъ, о чемъ мы говорили выше. Такъ какъ финансовые результаты 1915 года пока не опредѣлились, то и говорить о размѣрѣ свободной наличности на 1 января 1916 года пока не приходится.

Остается разсмотрѣть балансъ росписи 1916 года:

Доходы:	милл. руб.	Расходы:	милл. руб.
Обыкновенные	2914,1	Обыкновенные	3174,1
Чрезвычайные	9,0	Чрезвычайные	76,8
Итого	2923,1	Итого	3250,9

Отсюда видно, что дефицитъ по невоенной части бюджета можетъ составить въ 1916 году 327,8 мил. руб.* Если не будетъ установлено новыхъ налоговъ, то и этотъ дефицитъ обыкновеннаго бюджета придется покрыть, какъ и дефицитъ текущаго года, кредитными операціями. Въ виду этого печальнаго факта министромъ финансовъ предлагаются контуры нѣкоего плана финансовыхъ реформъ, каковой мы разсмотримъ ниже. Здѣсь же прибавимъ въ заключеніе, что, если война на самомъ дѣлѣ продолжится весь 1916 годъ, то только что упомянутый дефицитъ увеличится еще на 6—7 милліардовъ рублей, что опять потребуетъ обращенія къ кредиту.

* * *

Что же, спрашивается теперь, предлагаетъ министръ финансовъ, — съ опозданіемъ на годъ съ лишнимъ, — для того, чтобы устранить дефициты изъ обыкновенныхъ бюджетовъ?

Этотъ дефицитъ на 1916 годъ будетъ, конечно, больше

* Въ 1914 году было въ этой части + 271,4 мил. руб., въ 1915 году ожидается минусъ въ 488,7 мил. руб.

327,8 мил. руб., такъ какъ, по свидѣтельству самого министра, въ роспись вошли 250 мил. руб. фиктивнаго дохода за счетъ военнаго фонда, и, какъ мы установили выше, дѣйствительный расходъ на уплату процентовъ по новымъ кредитнымъ операціямъ будетъ на 100 мил. руб. выше во всякомъ случаѣ. Все это заставляетъ оцѣнивать дефицитъ суммой около 700 (677,8) мил. рублей.

Главную основу грядущаго преобразованія нашихъ финансовъ П. Л. Баркъ видитъ въ прогрессивно-подоходномъ налогѣ. Естественнымъ дополненіемъ къ этой основѣ можетъ послужить „преобразованіе наслѣдственныхъ пошлинъ и вообще пошлинъ съ безвозмезднаго перехода имуществъ на началахъ прогрессивности ставокъ въ зависимости не только отъ степени родства, но и отъ размѣра наслѣдственной массы“ *.

Все это очень хорошо и убѣдительно. Но вѣдь, это, равно какъ и многія другія преобразованія, предлагаемыя имъ, идетъ противъ интересовъ думскаго, а тѣмъ паче совѣтскаго большинства. Такая программа защищалась у насъ давно уже демократіей и до сихъ поръ отвергалась и старымъ режимомъ, и новыми хозяевами финансовъ въ Гос. Думѣ и Гос. Совѣтѣ. У насъ, вѣдь, „Слава Богу, нѣтъ парламента“, который, какъ въ Англіи, довелъ ставки прогрессивно-подоходнаго налога до $34^1/_6\%$ для лицъ съ доходомъ около 1000 000 рублей. Въ проектѣ же этого налога у насъ г. Баркъ предложилъ, и Гос. Дума приняла максимальную ставку въ $6^1/_2\%$ уже при доходѣ въ 10 разъ меньшемъ (100 000 руб.). Эта разница въ ставкахъ хорошо иллюстрируетъ ту мысль, что и самые совершенные налоги могутъ весьма щадить наиболѣе налогоспособные классы и давать весьма небольшую выручку. И въ то время, какъ Англія уже получаетъ милліардъ рублей отъ подоходнаго налога у насъ все еще спорятъ, дастъ ли онъ хоть 100 мил. руб. . . . . . перерывъ сессіи Гос. Думы и Гос. Совѣта, какъ разъ послѣ принятія перваго проекта упомянутаго налога, лишилъ Гос. Совѣтъ возможности принять его и тѣмъ самымъ дать министру финансовъ возможность внести поступленія отъ этого налога хотя бы въ размѣрѣ около 100 мил. руб. Все это плохія ауспиціи и для скорой реализаціи и для солиднаго характера финансовой реформы.

„Изъ другихъ дѣйствующихъ у насъ реальныхъ налоговъ, — продолжаетъ г. Баркъ, — имѣется въ виду преобразовать промысловый налогъ въ цѣляхъ созданія большаго соотвѣтствія между ставками этого налога и нормальною доходностью облагаемыхъ предпріятій, построить поземельный налогъ (по завершеніи оцѣночныхъ работъ) на началахъ замѣны раскладочнаго способа взиманія окладнымъ, привести существующее поземельное

* Стр. 51 объяснительной записки.

обложеніе въ Туркестанѣ, которое далеко не отвѣчаетъ высокой доходности земель, занятыхъ культурой хлопка, въ уровень съ ихъ дѣйствительною налоговою платежеспособностью. (А почему позабыты высокодоходныя земли подъ сахарной свекловицей, табакомъ, виноградомъ, лѣсами и т. д.? *А. Н.*) Далѣе имѣется въ виду „восполнить существующее обложеніе недвижимостей въ городахъ обложеніемъ строеній въ уѣздныхъ поселеніяхъ. И наконецъ, придать силу постояннаго временному обложенію денежныхъ капиталовъ, ссужаемыхъ подъ залогъ недвижимыхъ имуществъ, равно какъ и военному налогу на лицъ, освобождаемыхъ отъ воинской повинности".

Всѣ эти преобразованія, за исключеніемъ послѣдняго обѣщаютъ увеличить обложеніе буржуазіи крупной, средней и мелкой (промышленниковъ, торговцевъ, сельскихъ хозяевъ, домовладѣльцевъ, ростовщиковъ и т. д.). Намѣреніе прекрасное, но весь вопросъ опять заключается въ размѣрѣ предстоящаго повышенія обложенія ихъ, а также въ томъ, кто будетъ избавленъ отъ этого повышенія (сахарозаводчики, табаководы, виноградари). Въ зависимости отъ этого будетъ, вѣдь, и тотъ или другой размѣръ выручки отъ преобразованіи этой группы. Весьма жаль также, что министръ финансовъ не предлагаетъ обложенія въ 50 % прибылей военныхъ поставщиковъ, что уже сдѣлала Англія и къ чему уже приступила Германія.

Военный налогъ, только что упомянутый, можно смѣло выкинуть, зато можно привѣтствовать проектъ подлиннаго военнаго единовременнаго налога. Къ сожалѣнію, главнаго не говорится и тутъ: а именно, будетъ ли это налогъ на доходы, или на имущества, т. е. на цѣнность, между прочимъ, лежащихъ иногда и умышленно впустѣ земель? Такой налогъ крайне необходимъ, такъ какъ для казны онъ выгоднѣе, чѣмъ дорого оплачиваемые займы. При этомъ онъ долженъ быть сконструированъ такъ, чтобы отъ него легко могъ остаться для мирныхъ временъ поимущественный налогъ. Это облегчитъ передачу земствамъ и городамъ поземельнаго и подомоваго налоговъ.

Далѣе, кромѣ сохраненія и послѣ войны сдѣланнаго повышенія пошлинъ, обѣщается и пересмотръ нашего крайне запутаннаго гербоваго устава въ цѣляхъ созданія большей уравнительности гербовыхъ сборовъ, а также предполагается ввести временный въ пользу казны (лучше отдать его выручку земствамъ и городамъ) налогъ на билеты для входа на публичныя зрѣлища и увеселенія.

Таковы возвѣщенныя преобразованія въ области прямыхъ налоговъ, гдѣ министръ финансовъ призналъ необходимымъ „прежде всего искать источники для усиленія доходныхъ поступленій". Однако не подумайте, что министръ финансовъ расходится съ нами въ скептическомъ отношеніи возможной отъ нихъ

выручки при существующихъ условіяхъ. „При очевидной * недостаточности намѣченныхъ мѣръ въ области прямого обложенія и пошлинъ для доставленія казнѣ необходимыхъ ей средствъ, министръ финансовъ считаетъ неизбѣжнымъ использованіе въ допустимыхъ предѣлахъ и косвеннаго обложенія.

Это уже касается широкихъ народныхъ массъ, и на нихъ-то нынѣшнія законодательныя учрежденія, не желавшія съ 1907 года ввести подоходный налогъ и реформировать наслѣдственный, конечно, и постараются взвалить всю тяжесть новаго обложенія. Тутъ министромъ финансовъ намѣчены уже новые акцизы, а именно на электрическую энергію и ткани**, а также на картофельную патоку и порохъ. Самымъ ненавистнымъ для населенія, которое и безъ того плохо одѣвается, будетъ здѣсь налогъ на ткани, т. е. на бѣлье и одежду.

Далѣе предстоитъ повышеніе акцизовъ на высшіе сорта табака и фруктово-виноградный спиртъ.

„На ряду съ этимъ, — продолжаетъ довольно оригинально министръ,—для огражденія интересовъ потребителей (?!) финансовымъ вѣдомствомъ разрабатываются способы примѣненія къ нѣкоторымъ особенно распространеннымъ подакцизнымъ предметамъ предѣльныхъ продажныхъ цѣнъ, какъ это установлено для табака и табачныхъ издѣлій, а также вопросъ о созданіи казенныхъ запасовъ этихъ продуктовъ для регулированія снабженія ими потребительныхъ рынковъ".

Тѣ, кто дѣйствительно защищаютъ интересы потребителей, давно уже поставили себѣ цѣлью добиваться полной отмѣны косвеннаго обложенія, а пока борются противъ всякаго повышенія косвенныхъ налоговъ.

Что же касается нормировки цѣнъ, то таковая . . . . не обѣщаетъ потребителямъ ничего. Достаточно вспомнить исторію сахарной нормировки или хотя бы послѣднее повышеніе цѣнъ на сахаръ, заставившее „Русскія Вѣдомости" констатировать новую побѣду сахарозаводчиковъ надъ потребителемъ. Или вспомнимъ, наконецъ, новѣйшую исторію нормировки цѣнъ путемъ таксъ во время войны, результаты которой такъ хорошо извѣстны всякому!..

Не скрывая отъ себя „большихъ трудностей" въ новомъ дѣлѣ установленія фискальныхъ монополій, министръ финансовъ проектируетъ ввести прежде всего таковыя по торговлѣ чаемъ и спичками, а затѣмъ и для нѣкоторыхъ другихъ имъ не называемыхъ продуктовъ.

Эта часть програмы финансовыхъ реформъ разрабатывалась

* По видимому, передъ министромъ финансовъ лежали въ это время опредѣленныя данныя, которыя почему-то не произведены въ росписи.

** Отъ налога на ткань ожидается 150 милл. руб.

и пропагандировалась до сихъ поръ главнымъ образомъ проф. П. Мигулинымъ. Если она осуществится, то потребители не выиграютъ ничего. „Большія трудности“ въ формѣ сопротивленія торгово-промышленнаго міра этимъ проектомъ монополіи, конечно, послѣдуютъ. Потому, пока что, министръ финансовъ проектируетъ дальнѣйшее повышеніе фискальныхъ таможенныхъ налоговъ, — прежде всего пошлины на чай. Насколько дорогой чай соотвѣтствуетъ интересамъ потребителей — ясно и безъ разъясненій.

Накопецъ временный налогъ на грузы, неоправдавшій возлагавшихся на него надеждъ, министръ финансовъ предполагаетъ отмѣнить, „съ временнымъ, однако, сохраненіемъ повышеннаго сбора съ пассажировъ и ихъ багажа“. Вмѣсто же этого налога проектируется введеніе „въ дѣйствіе вновь пересмотрѣнныхъ желѣзнодорожныхъ тарифовъ“ на грузы.

Таковъ, въ самыхъ общихъ чертахъ, планъ финансовыхъ реформъ, предполагаемыхъ г. Баркомъ, ...

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

А. Никитскій.

ЕВРЕИ ВЪ ВЫСШЕЙ ШКОЛѢ.

Въ началѣ лѣта нынѣшняго года въ числѣ первыхъ политическихъ вопросовъ всталъ вопросъ еврейскій. Въ Петроградѣ съ началомъ общественнаго оживленія стали обсуждаться новыя мѣры къ облегченію положенія евреевъ въ Россіи вообще. „Уступать" начали сперва по министерству народнаго просвѣщенія — и это совершенно понятно: именно по вѣдомству просвѣщенія были приняты за послѣдніе годы (особливо при Л. А. Кассо) самыя суровыя и . . . . . . мѣры противъ еврейства, — достаточно вспомнить введеніе жеребьевки при поступленіи въ учебныя заведенія или совершенное прекращеніе на нѣсколько лѣтъ пріема евреевъ въ тѣ учебныя заведенія, гдѣ процентная норма была по какимъ-либо причинамъ превзойдена. Въ концѣ іюня газеты обошло извѣстіе, что чины министерства народнаго просвѣщенія выработали новыя условія пріема евреевъ въ университеты (только въ университеты, а не въ другія высшія учебныя заведенія и не въ среднюю школу). И норма, и жеребьевка остаются въ силѣ, но въ первую очередь въ число опредѣленныхъ нормою еврейскихъ вакансій принимаются евреи-участники войны (уволенные по болѣзни или раненію отъ дальнѣйшей службы), затѣмъ сыновья убитыхъ, раненыхъ или получившихъ какія-нибудь отличія на войнѣ. Послѣ же замѣщенія свободныхъ вакансій этими лицами на остальныя вакансіи принимаются евреи, подавшіе прошенія о пріемѣ, по жребію. Министръ гр. П. Н. Игнатьевъ не сразу утвердилъ эти условія: видимо, его смутило то, что подъ видомъ уступокъ подсунули ему чиновники его вѣдомства, и онъ передалъ проектъ на обсужденіе засѣдавшему въ то время совѣщанію ректоровъ россійскихъ университетовъ. Но ректоры не опротестовали этой „реформы", и 9 іюля былъ опубликованъ циркуляръ попечителямъ учебныхъ округовъ, лишь немного измѣняющій проектъ министерскихъ чиновниковъ. Къ числу лицъ, попадающихъ на еврейскія вакансіи, были лишь прибавлены родственники убитыхъ или отличившихся, если они состояли на иждивеніи участниковъ войны; послѣ нихъ могутъ быть приняты дѣти и родственники участниковъ войны, не получившихъ особыхъ военныхъ отличій (см. газеты 9 іюля, а также „Еврейскую Недѣлю", № 9).

. . . .

. . . . . Даже въ тяжелыя времена Плеве правительство допустило дѣтей евреевъ-участниковъ японской войны сверхъ нормы въ высшія учебныя заведенія, а теперь власти въ видѣ особой льготы разрѣшаютъ имъ поступать въ „норму" и закрываютъ этимъ дорогу въ высшую школу для всѣхъ остальныхъ евреевъ. Кромѣ того, теперь положеніе еврейской учащейся молодежи стало гораздо труднѣе, чѣмъ въ годы японской войны: изъ русскихъ университетовъ почти не функціонировалъ Варшавскій, который принималъ 10 % евреевъ (остальные университеты принимаютъ лишь 3 % и только еще Кіевскій 5 % и малолюдный Одесскій 10 %), а огромная масса еврейской молодежи, учившаяся до нынѣшняго года въ заграничныхъ университетахъ, сейчасъ рѣшительно не знала, гдѣ продолжать свое образованіе.

. . . .

. . . .

. . . .

. . . . Совѣтъ Министровъ, въ засѣданіи 24 іюля, „единогласно одобрилъ положеніе министра народнаго просвѣщенія о пріемѣ въ 1915 году въ высшія учебныя заведенія, сверхъ установленной нормы, евреевъ, которые сами участвовали въ настоящую войну въ дѣйствіяхъ противъ непріятеля и затѣмъ, вслѣдствіе раненій или же по состоянію здоровья, были освобождены отъ военной службы, а равно дѣтей евреевъ, призванныхъ въ армію или поступившихъ въ нее добровольно, или же работающихъ по военно-санитарной части и получившихъ при этомъ отличіе, а также убитыхъ и раненыхъ".

. . . .

. . . .

. . . . Уже 4 августа вышелъ историческій циркуляръ министра Щербатова, разрѣшающій евреямъ селиться въ городахъ внѣ черты осѣдлости и юридически закрѣпившій то, что фактически (послѣ занятія германскими войсками половины полосы еврейской осѣдлости) уже сдѣлала сама жизнь — прорывъ пресловутой „черты". А 10 августа Совѣтъ Министровъ вынесъ постановленіе по пріему евреевъ въ учебныя заведенія, которое . . . .

. . . . все же представляетъ собою еще бо́льшую уступку, чѣмъ всѣ мѣры по учебному вопросу до сихъ поръ: оно разрѣшало „пріемъ во всѣ учебныя заведенія Имперіи, въ какомъ бы вѣдомствѣ они ни состояли, дѣтей лицъ, несущихъ службу въ рядахъ дѣйствующей арміи изъ-за пораненій или болѣзней, безъ различія національностей и вѣроисповѣданій внѣ конкурса и не считаясь съ иными существующими ограниченіями, хотя бы сверхъ установленныхъ вакансій или комплекта" („Евр. нед.", № 14).

Хотя уничтоженіе еврейской процентной нормы въ этомъ постановленіи касается только лицъ, связанныхъ съ войной, и принципіальное рѣшеніе еврейскаго вопроса этимъ отнюдь не подвигается впередъ, все же имъ уничтожалась явная несправедливость предшествовавшихъ „уступокъ", и потому постановленіе было привѣтствовано общей и еврейской печатью. Особенно важно было въ немъ совершенно опредѣленное заявленіе, что пріемъ сверхъ нормы разрѣшается во всѣ учебныя заведенія (высшія, среднія и низшія), въ какомъ бы вѣдомствѣ они ни состояли, и при томъ пріемъ, не считающійся съ иными существующими ограниченіями, хотя бы сверхъ установленныхъ вакансій и комплекта. Во исполненіе его министръ народнаго просвѣщенія разослалъ 14 августа по всѣмъ учебнымъ округамъ циркуляръ, повторяющій постановленіе Совѣта Министровъ („Рѣчь" отъ 15 августа „Еврейская Недѣля" № 14), и заодно распорядился продолжить срокъ пріема прошеній въ университеты до 25 августа („Рѣчь", 20 августа). И другіе министры, въ вѣдѣніи которыхъ состоятъ учебныя заведенія, передали это постановленіе по своимъ вѣдомствамъ (министерство торговли и министерство земледѣлія, см. „Еврейскую Недѣлю", № 15). . . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . . На другой же день послѣ изданія постановленія Совѣта Министровъ и министерскихъ циркуляровъ подвѣдомственные центральной власти высшіе чины начали систематическую обструкцію этой скромной льготѣ. Товарищъ военнаго министра генералъ Бѣляевъ, — къ которому обратился сотрудникъ „Рѣчи" съ вопросомъ о возможности допущенія евреевъ въ школы прапорщиковъ и другія военныя учебныя заведенія*, — отвѣтилъ безусловно отрицательно. Дальнѣйшіе шаги не заставили себя долго ждать. Какъ сообщили газеты (см. „Рѣчь" и „День" отъ 5 сентября) въ виду того, что на практикѣ постановленіе Совѣта Министровъ вызвало рядъ недоразумѣній, и многія учебныя заведенія отказываются принять евреевъ указанной категоріи, военный министръ, а также и главноуправляющій учрежденіями Императрицы Маріи вошли въ Совѣтъ Министровъ съ представленіями о необходимости пересмотра упомянутаго журнала и о внесеніи извѣстныхъ коррективовъ въ него. Военный министръ писалъ, что въ словахъ Совѣта Министровъ: „во всѣ учебныя заведенія Имперіи", подъ „всѣ" подразумѣвались, очевидно, только учебныя заведенія министерства народнаго просвѣщенія, ибо разъ лица іудейскаго исповѣданія по закону

---

* „Рѣчь", 20 августа 1915 г.

не могутъ быть офицерами и военными врачами, то тѣмъ самымъ они не имѣютъ и права на поступленіе въ кадетскіе корпуса, юнкерскія училища, военно-медицинскую, юридическую и артиллерійскую академію и академію генеральнаго штаба.

Черезъ нѣсколько дней „Еврейская Недѣля" (№ 17, стр. 39) сообщила, что Совѣтъ Министровъ въ засѣданіи своемъ 5 сентября съ представленіями вѣдомствъ Военнаго и Императрицы Маріи согласился.

. . . . Всякій юристъ и политическій дѣятель знаетъ, что вообще, такъ называемая, „еврейская норма" въ Россіи существуетъ не по закону, а въ силу лишь циркуляровъ отдѣльныхъ министровъ и мнѣній Комитета Министровъ, въ разное время издававшихся безъ санкціи даже дореформенныхъ законодательныхъ инстанцій, и только въ эпоху Столыпина эти отдѣльныя ограниченія были . . . . кодификаціоннымъ путемъ разнесены по отдѣльнымъ статьямъ свода законовъ. Такъ что Совѣтъ Министровъ имѣетъ конечно право постановлять о смягченіи нормы, и ужъ во всякомъ случаѣ и министръ военный и главноуправляющій вѣдомствомъ Имп. Маріи обязаны съ постановленіями совѣта министровъ считаться.

. . . .

. . . . Надо на минуту вспомнить, что эту гуманную мѣру министерству приходилось проводить черезъ учебные округа и попечителей, и тогда становится ясной трудность задачи: за малыми исключеніями, округами сейчасъ управляютъ ставленники Кассо, и въ еврейскомъ вопросѣ, конечно, лозунгомъ ихъ служатъ слова пресловутаго одесскаго попечителя Смольянинова, сказавшаго недавно: „Я радъ, когда могу содѣйствовать, чтобы евреевъ не принимали въ учебныя заведенія". („День", 28 августа).

Надо отдать справедливость самому иниціатору этой скромной уступки, министру народнаго просвѣщенія: онъ приложилъ, по крайней мѣрѣ, искреннее стараніе къ тому, чтобы провести ее дѣйствительно въ жизнь. Кромѣ того онъ былъ единственнымъ, который далъ постановленію нѣсколько расширительное толкованіе (безспорно, впрочемъ, вытекающее изъ смысла самой льготы).

Но, повторяю, подчиненные этому и другимъ министрамъ учебные чины дѣятельно вели обструкцію. Въ газеты проникали свѣдѣнія, что даже въ самыхъ нѣдрахъ министерства народнаго просвѣщенія, среди чиновъ центральнаго вѣдомства гнѣздится оппозиція министру, старающаяся превратить въ мертвую букву многія его распоряженія („Рѣчь" отъ 27 авг., „Министръ и чиновники"). Ближайшее будущее, можетъ быть, позволитъ свести всѣ случаи противодѣйствія на мѣстахъ и въ центрѣ въ общую си-

стему. Но достаточно показательнымъ является тотъ фактъ, что всю вторую половину августа въ министерствѣ народнаго просвѣщенія, въ дни пріема у министра, наблюдалось настоящее нашествіе молодыхъ людей изъ евреевъ, приходившихъ съ прошеніями и жалобами по поводу отказовъ и затрудненій въ пріемѣ въ учебныя заведенія. Установилась очередь, при чемъ стоявшіе въ очереди заполнили не только всѣ коридоры, но стояли даже на Чернышевской площади. Подано было, напримѣръ, за день пріема 27 августа свыше 800 прошеній („Рѣчь", 28 августа)... И такъ было во всѣ дни пріема у министра.

Обратимся теперь къ вопросу, самому больному и тяжелому въ нашемъ очеркѣ. Какъ же отнеслись къ вопросу о допущеніи евреевъ къ источникамъ образованія не министры и не назначенное ими начальство, а тѣ учебныя власти, которыя не могутъ не быть признаны, хотя бы только относительно, представителями общественныхъ круговъ, и которыя, во всякомъ случаѣ, обязаны болѣе чутко прислушиваться къ требованіямъ человѣчности, гражданской справедливости . . . . Я говорю о начальникахъ высшихъ учебныхъ заведеній, выборныхъ ректорахъ и директорахъ, о самихъ совѣтахъ профессоровъ. Не указывалъ ли профессурѣ долгъ научно-общественной и гражданской чести, что надо было использовать этотъ „мѣстный прорывъ" . . . .

Къ сожалѣнію, ректоры по этому стратегическому плану не пошли, хотя имъ представлялся для него прекрасный случай. Мы видѣли, что еще весною самую первую полууступку (пріемъ евреевъ-участниковъ войны въ норму) министръ передалъ на обсужденіе въ засѣдавшій тогда съѣздъ ректоровъ университетовъ. Но ректоры остановились только на технической сторонѣ осуществленія этой министерской мѣры. Такимъ образомъ, они, несомнѣнно, намѣренно уклонились отъ обсужденія министерскаго проекта по существу и этимъ дали моральную санкцію опубликованному вслѣдъ за симъ . . . . . циркуляру 9 іюля. Конечно, съѣздъ ректоровъ не есть полномочное представительство профессуры, но далеко не всѣ ректоры являются представителями реакціонныхъ группъ профессуры, которымъ не дорога ни научная, ни гражданская честь высшей школы Россіи, — и, однакожъ, даже отъ прогрессивныхъ ректоровъ не послѣдовало „особаго мнѣнія" по поводу этой молчаливо проведенной демонстраціи ректорскаго съѣзда.

Къ счастію, какъ мы видѣли, жизнь оказалась сильнѣе: она вскорѣ отмѣнила циркуляръ 9 іюля и властно привела къ уступкѣ болѣе широкой, къ постановленію Совѣта Министровъ, Высочайше утвержденному 10 августа. Въ высшей степени важно бросить взглядъ на то, какъ осуществляли это постановленіе на дѣлѣ тѣ

самыя общественно-учебныя власти, какъ ректоры и директоры высшихъ школъ, и стоящія за ними профессорскія коллегіи. Если они въ свое время не имѣли гражданскаго мужества быть иниціаторами смягченія еврейской нормы, то можно было надѣяться, что, по крайней мѣрѣ, они не будутъ чинить препятствій его осуществленію. Къ сожалѣнію, дѣло оказалось далеко не такъ.

Безукоризненно провелъ льготный пріемъ евреевъ ректоръ Петроградскаго университета, профессоръ Э. Д. Гриммъ. Постановленіе Совѣта Министровъ было выполнено безъ какихъ-либо препятствій, и нѣсколько сотъ еврейскихъ юношей, участниковъ войны, дѣтей участниковъ, родственниковъ, состоявшихъ на иждивеніи участниковъ войны, и, наконецъ, сыновей лицъ, служащихъ по министерству народнаго просвѣщенія, были приняты въ Петроградскій университетъ. Но университеты другихъ городовъ показали иное настроеніе *. Въ Москвѣ ректоръ профессоръ Любавскій сперва долго ссылался на неполученіе офиціальныхъ извѣстій о льготахъ для участниковъ войны; затѣмъ нѣсколько разъ запрашивалъ министерство о разъясненіяхъ отдѣльныхъ пунктовъ министерскаго циркуляра. Потребовалось энергичное вмѣшательство самого министра, и лишь послѣ письма гр. Игнатьева, посланнаго въ Москву, дѣло пріема евреевъ было налажено. Въ такомъ же родѣ была, повидимому, политика и ректора Кіевскаго университета, профессора Цитовича, затягивавшаго пріемъ всякими запросами о толкованіи циркуляра, безспорно яснаго; а, кромѣ того, онъ принялъ дѣтей и родственниковъ евреевъ-участниковъ войны въ н о р м у и, наполнивъ норму исключительно ими, отказалъ въ зачисленіи всѣмъ остальнымъ евреямъ, даже медалистамъ"! ** Объ общей политикѣ Юрьевскаго университета намъ пока не извѣстно, хотя отдѣльные характерные случаи препятствій были („Рѣчь" отъ 14 августа; Хроника). Далѣе, такъ же затягивалъ пріемъ студентовъ-евреевъ и ректоръ университета въ Одессѣ. Онъ слишкомъ поздно сталъ примѣнять циркуляръ министра и потомъ обратился къ самому министру съ запросомъ: что дѣлать, когда университетъ переполненъ, а остались еще около 200 такихъ евреевъ, которые имѣютъ право на пріемъ сверхъ нормы? („Рѣчь" 8 сентября). И вѣдь, сверхъ комплекта, добавимъ мы! Кромѣ этого, ректоръ, повидимому, оттягивалъ разсмотрѣніе ряда безспорныхъ прошеній евреевъ до срока призыва ратниковъ II раз-

* Мы не освѣдомлены еще пока о Казанскомъ, Томскомъ и Саратовскомъ университетахъ.

** „Рѣчь", 27 августа. — До какихъ курьезовъ доходило дѣло въ Кіевскомъ университетѣ, видно изъ обошедшей газеты („Рѣчь" отъ 27 августа и 16 сентября) жалобы 30 студентовъ-евреевъ, принятыхъ еще въ прошломъ году по жеребьевкѣ, но насильно опредѣленныхъ не на тѣ факультеты, куда они просились, и даже теперь добившихся своего стараго желанія лишь по спеціальному распоряженію министра.

ряда („Рѣчь“ 13 сентября). Наконецъ пунктъ постановленія Совѣта Министровъ о томъ, что право на пріемъ сверхъ нормы имѣютъ также и дѣти служащихъ по министерству народнаго просвѣщенія, ректоръ истолковалъ такъ, что сами служащіе, т. е. учителя, не имѣютъ права на поступленіе въ университетъ, и опять пришлось занимать министра жалобой на это благородное буквальное толкованіе („Рѣчь“, 13 сентября).

Если такъ относились къ пріему евреевъ въ гражданскія учебныя заведенія, то нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что военно-медицинская академія въ Петроградѣ тоже не обнаружила никакого желанія подчиниться распоряженію Совѣта Министровъ, объявленному приказомъ по военному вѣдомству самимъ военнымъ министромъ. На другой же день послѣ опубликованія этого приказа ученый секретарь военно-медицинской академіи профессоръ М. Ильинъ заявилъ сотруднику газеты („Рѣчь“, — 20 августа), что, по его мнѣнію, пріема евреевъ въ академію въ нынѣшнемъ году не будетъ, какъ и въ предыдущіе годы, такъ какъ по недавно введенному положенію о военно-медицинской академіи не могутъ быть принимаемы не только евреи, но даже и лица, рожденныя въ еврействѣ; кромѣ того, установленный въ академіи комплектъ уже заполненъ. . . . .

. . . .

. . . .

Такимъ образомъ, слѣдуетъ, къ сожалѣнію, сказать, что учебныя власти казенныхъ высшихъ учебныхъ заведеній, являющіяся представителями не правительства, а общества, оказались далеко не на высотѣ требованій гражданской чести въ больномъ морально-политическомъ вопросѣ и въ серьезнѣйшій политическій моментъ. Они не проявили инициативы и даже, когда жизнь сама его поставила, изъ ихъ среды не раздалось ни одного голоса съ заявленіемъ, что это не еврейскій, а обще-русскій вопросъ, принципіальный вопросъ гражданской свободы Россіи.

Я затронулъ уже выше по одному случаю частныя высшія учебныя заведенія и для заключенія очерка необходимо остановиться еще на ихъ отношеніи къ еврейскому вопросу въ настоящемъ году. Дѣло въ томъ, что ихъ директора и правленія, гораздо менѣе зависимые отъ центральныхъ властей и лучше отражающіе настроеніе избравшей ихъ профессуры, должны были бы, конечно, принять болѣе яркую и энергичную позицію. Ихъ отношеніе является дѣйствительно отношеніемъ русскихъ общественныхъ круговъ. Выдержали ли они этотъ экзаменъ? Къ сожалѣнію, нѣтъ. Во-первыхъ, ни изъ одного частнаго учебнаго заведенія не поднялся голосъ, говорящій о томъ, что именно теперь насталъ моментъ поставить вопросъ о правѣ евреевъ на образованіе болѣе широко. Только одинъ Психо-Неврологическій институтъ въ Петроградѣ съ большимъ достоинствомъ, если и безъ принципіальныхъ декла-

рацій, то на дѣлѣ рѣшилъ за себя еврейскій учебный вопросъ и, пользуясь тѣмъ, что вопросъ о предоставленіи институту всѣхъ правъ (а, слѣдовательно, и „правъ“ еврейской нормы) еще лежитъ на разрѣшеніи въ министерствѣ, принималъ безпрепятственно всѣхъ евреевъ, желавшихъ въ немъ учиться. Нѣкоторую скромную инициативу проявили Московскій Коммерческій институтъ и Харьковскіе курсы. Остальныя частныя высшія учебныя заведенія ограничились исполненіемъ министерскаго постановленія, нѣкоторыя совершенно лойяльно и безъ треній (напримѣръ Высшіе женскіе курсы въ Петроградѣ), нѣкоторыя же не безъ препятствій. Къ сожалѣнію, даже пользующійся прогрессивнымъ именемъ петроградскій Медицинскій Институтъ не былъ вполнѣ лойяленъ къ мѣрѣ министерства народнаго просвѣщенія и вначалѣ не зачислялъ льготнымъ порядкомъ въ число медичекъ тѣхъ еврeекъ, которыя имѣли на то право, состоя на службѣ въ Красномъ Крестѣ, союзахъ земствъ и городовъ и въ другихъ общественныхъ организаціяхъ по эвакуаціи и лѣченію раненыхъ и больныхъ воиновъ („Рѣчь“, 27 августа), и понадобилось вмѣшательство министра для устраненія этого препятствія.

Совершенно безпримѣрно поступило въ еврейскомъ вопросѣ одно частное высшее учебное заведеніе, а именно Петроградскій Институтъ Высшихъ коммерческихъ знаній въ преподавательскомъ составѣ котораго встрѣчаются наиболѣе прогрессивныя имена петроградской профессуры, и даже рядъ именъ еврейскихъ. Совѣтъ профессоровъ института еще весною, изъ-за хлопотъ о полученіи полныхъ правъ высшихъ заведеній, по своей инициативѣ постановилъ впредь до выравненія нормы (еще не введенной!) больше евреевъ не принимать... И вотъ даже теперь, несмотря на постановленіе Совѣта Министровъ отъ 10 августа, пользуясь тѣмъ, что онъ — частное учебное заведеніе, институтъ не отказался отъ своего поистинѣ недостойнаго рѣшенія и не принималъ даже евреевъ-участниковъ войны. . . . . . .
. . . .
. . . .

Мой очеркъ конченъ. Онъ показываетъ, ...
. . . .
. . . . даже и „верхи“ русскаго „общества“ не умѣютъ на этихъ уступкахъ настаивать. Моральная вина за еврейскій вопросъ лежитъ въ Россіи . . . .
. . . . общественные дѣятели . . . .
. . . . как это ни грустно признать, устраиваютъ даже . . . . правительственной уступкѣ тайную или явную обструкцію. Жизнь все-таки возьметъ свое. Но остается глубоко грустнымъ то, что въ медленномъ ходѣ жизни русское „общество“ принимаетъ такое блѣдное и жалкое участіе.

И. Шаскольскій.

НУЖНЫ ЛИ УБѢЖДЕНІЯ?

(ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ)*.

Мудрый и правдивый русскій человѣкъ, Василій Васильевичъ Розановъ, пишетъ въ „Опавшихъ Листьяхъ":

„На „образъ мыслей" я нисколько не хотѣлъ бы вліять; „на убѣжденія" даже „и не подумаю". Тутъ мое глубокое „все равно". Я самъ „убѣжденія" мѣнялъ, какъ перчатки, и гораздо больше интересовался калошами (крѣпки ли), чѣмъ убѣжденіями (своими и чужими)".

За эти простыя русскія мысли, за эту безхитростную исповѣдь русской души почтенный Василій Васильевичъ и подвергся гоненію въ нашей литературѣ.

Настаиваю, — именно за это, а вовсе не за то, что сталъ ругать революціонеровъ. Ибо кто же ихъ не ругалъ, кто же ихъ не лягалъ за послѣдніе годы? Развѣ только лѣнивый. И прилежнѣе другихъ была „Русская Мысль", — та самая, которая съ трескомъ захлопнула дверь передъ носомъ Василія Васильевича.

И по дѣломъ: онъ осмѣлился высказать то, что они чувствовали, назвалъ по имени то, что они скрывали. Боится русскій человѣкъ обнаженія души своей.

Изъ Достоевскаго мы сдѣлали философа, сочинителя и „обоснователя" нашихъ національныхъ убѣжденій, какого-то „нѣмца" русской идеи, почти Смердякова.

---

* *Прим. Редакціи:* Письмо это получено редакціей со слѣдующей припиской: Хотя я совсѣмъ не литераторъ и, уже по своему возрасту, отставной отъ жизни человѣкъ, тѣмъ не менѣе не могъ не взяться на склонѣ дней за перо, не могъ не излить своего горестнаго раздумья въ этомъ „письмѣ въ редакцію". Быть можетъ, думалось мнѣ, голосъ человѣка, одной ногой стоящаго въ могилѣ, будетъ услышанъ. Быть можетъ, мои безхитростныя увѣщанія скорѣе тронутъ сердца заблудшихъ, чѣмъ замысловатая полемика заправскихъ газетчиковъ и журналистовъ. Но куда я ни обращался, ни одна редакція не соглашалась напечатать моего письма. Посмѣиваются и покачиваютъ головами. Прочитавъ въ газетахъ о предстоящемъ выходѣ новаго журнала „Лѣтопись", я рѣшилъ прибѣгнуть къ вамъ. Авось, вы, какъ люди еще не столь закостенѣвшіе въ литературѣ, не откажете старику, не лишите его послѣдняго утѣшенія. Вѣдь, не откажете?"

Редакція, съ своей стороны, считаетъ долгомъ присовокупить, что состраданіе къ почтенному автору явилось однимъ изъ главнѣйшихъ мотивовъ помѣщенія „письма", содержаніе котораго далеко не во всемъ совпадаетъ съ воззрѣніями редакціи.

Ибо что такое Смердяковъ, какъ не рыцарь разумныхъ убѣжденій, поклонникъ ума и умственности? Правда, о Смердяковѣ мало сказать, что онъ почитаетъ умъ; слѣдуетъ еще прибавить: почитаетъ по-лакейски. Однако, и это не всегда такъ.

Какъ всѣ признаютъ, высшую степень лакейства Смердяковъ проявилъ въ своемъ отношеніи къ отечеству. — „Умная нація, — разсуждаетъ, онъ — покорила бы очень даже глупую-съ", — изъ-за чего же тутъ волноваться? — Разсужденіе отвратительное! разсужденіе гнусное! разсужденіе недопустимое! Въ чемъ же, однако, вина Смердякова: въ томъ ли, что онъ холопски исказилъ разумъ, или въ томъ, что примѣнилъ его въ неподлежащемъ мѣстѣ?

Разъ признана большая посылка „торжество разумнаго — всегда благо", разъ дана малая посылка „нація A разумнѣе націи B", то какъ отвертѣться отъ смердяковскаго вывода? Логически отвертѣться едва ли возможно. Итакъ, кто же лакей: Смердяковъ или логика?

Лакейство Смердякова не въ томъ только, что онъ принижаетъ разумъ и логику, а и въ томъ также, что всегда полагается на нихъ, всегда разсуждаетъ, — разсуждаетъ даже тамъ, гдѣ разсужденіе есть преступленіе, гдѣ надо отдаться голосу чувства, нутра, вѣры.

И какъ не вспомнить опять проникновенныхъ словъ Василія Васильевича изъ тѣхъ же „Опавшихъ Листьевъ" (стр. 83):

> — „Счастливую и великую родину любить не велика вещь. Мы ее должны любить именно, когда она слаба, унижена, наконецъ, глупа, наконецъ, даже порочна. Именно, именно, когда наша „мать" пьяна, и вся запуталась въ грѣхѣ, — мы должны не отходить отъ нея".

Вотъ это — подлинное, наше, нутряное! Вотъ это — „единое на потребу"! Любовь нелицемѣрная, любовь преданнаго сына, любовь неразсуждающаго вѣрнаго до гроба раба!

Развѣ Фирсъ — старый, милый Фирсъ „Вишневаго Сада" — развѣ онъ любилъ своего барина по разсудку? За какія нибудь достоинства? Служилъ ему ради выгоды? Нѣтъ. Чѣмъ слабѣе и безпомощнѣе баринъ, чѣмъ ближе онъ къ разоренію, тѣмъ трогательнѣе преданность Фирса, тѣмъ нерушимѣе готовность крѣпостного раба душу свою положить за господина.

Не такъ служитъ лукавый вольный наемникъ. Онъ размышляетъ и высчитываетъ: гдѣ больше жалованья? У кого лучше характеръ? Нанявшись къ одному господину, онъ уже засматривается на другого, и втайнѣ ненавидитъ всѣхъ. Ибо его задушевная мечта — самому стать бариномъ.

Итакъ, только крѣпостная, не разсуждающая, Фирсова любовь къ отечеству надежна, только она никогда не измѣнитъ.

Кто любитъ отечество „по убѣжденію", кто оправдываетъ и доказываетъ свой патріотизмъ, поддерживаетъ его въ другихъ, взывая къ ихъ уму и расчету, — тотъ уже подпалъ подъ власть

Смердякова, и, если сейчасъ еще не измѣнникъ, то въ любой моментъ можетъ стать измѣнникомъ, и въ каждый моментъ — великій соблазнъ для соотечественниковъ.

Значитъ: или Фирсъ, или Смердяковъ? Tertium же, какъ говорится, non datur! Увы, datur: бываетъ и третье, — но избави насъ Богъ отъ него, особенно въ военное время.

Когда знаменитому астроному Тихо Браге пригрозили высылкой изъ отечества, онъ надменно заявилъ: „мое отечество вездѣ, гдѣ видны звѣзды“. Тутъ уже не расчетъ, не голосъ разсудка, а какое-то новое, невѣдомое намъ и ужасное нутро, — не Смердяковская умственность, а сатанинская гордыня. Та же гордыня, — но уже не спокойная, а буйственная, — составляла нутро нашего Бакунина; онъ могъ бы сказать про себя: мое отечество вездѣ, гдѣ пахнетъ бунтомъ.

Аггелы гордого Сатаны не опасны, пока они одиноко блуждаютъ среди народа, чтущаго отечественныя святыни. — Но вотъ, нѣсколькимъ изъ нихъ удалось было привить милліонамъ рабочаго люда свою гордыню, удалось внушить вѣру, что рабочіе не имѣютъ отечества: „пролетаріи всѣхъ странъ соединяйтесь!“ — несся погребальный звонъ по Европѣ.

Къ счастью, великая война разрушила этотъ кошмаръ. „Пролетаріи всѣхъ странъ“ явили себя добрыми патріотами, безъ лести преданными каждый своей родинѣ, любящими свои отечества самоотверженной, безотчетной, истинно-фирсовой любовью. — И, что всего отраднѣе, Фирсъ проснулся не только въ душѣ рабочихъ, но и въ душѣ ихъ руководителей. У революціонеровъ, которые столько лѣтъ клялись именемъ Маркса, мыслили діалектически и требовали всемірнаго соціализма, оказались вдругъ простыя русскія мысли, вѣрныя русскія сердца, добрыя русскія души.

Вотъ — родоначальникъ русскаго марксизма, Г. В. Плехановъ! Онъ призываетъ нашихъ рабочихъ поддерживать правительство въ Думѣ, терпѣливо сносить обиды и притѣсненія фабрикантовъ, забыть о себѣ и помышлять только о побѣдѣ надъ нѣмцами. Вотъ неистовый соціалъ-демократъ и депутатъ второй Думы, Алексинскій! Такъ горяча, такъ беззавѣтна его преданность Россіи, что онъ не въ силахъ даже представить себѣ, чтобы честный человѣкъ могъ питать другія чувства... даже среди австрійскихъ подданныхъ, даже среди членовъ нѣмецкой соціалъ-демократической партіи не допускаетъ онъ иныхъ недоброжелателей нашего отечества, кромѣ лицъ, состоящихъ на жалованіи австро-германскаго генеральнаго штаба. Вотъ — ветеранъ русской революціи, Бурцевъ, не усомнившійся броситься въ объятія своей матери-родины, едва она очутилась въ опасности! И хотя справедливая мать, прежде всякихъ объятій, строго проучила этого сѣдовласаго шалуна за прежніе грѣшки, — чувства его не остыли. Онъ и понынѣ горитъ тѣмъ же восторгомъ,

на крыльяхъ котораго годъ тому назадъ несся по Швеціи къ русской границѣ.

Милые, вѣрные, родные Фирсы! — Какъ было бы хорошо, какъ было бы отрадно и легко жить патріоту, если бы языкъ ихъ во всемъ соотвѣтствовалъ чувствамъ. Но, увы, этого нѣтъ. Не оставили они своего революціоннаго языкоблудія; даже святую любовь къ родинѣ стараются „обосновать" лжеученіями международнаго соціализма.

Не малую смуту поселяетъ это въ умахъ. И болѣе другихъ повиненъ въ ней милѣйшій изъ Фирсовъ, Георгій Валентиновичъ Плехановъ. — На первой же страницѣ своей брошюры „О войнѣ" напоминаетъ онъ: „Я соціалъ-демократъ школы Маркса-Энгельса". Марксъ и Энгельсъ разрѣшали служить отечеству, если оно ведетъ войну оборонительную. Поэтому и Плехановъ встаетъ на защиту нашей родины, поскольку она обороняется. На страницѣ 56 читаемъ: „я сочувствую своей родинѣ, когда она подвергается нападенію, я не сочувствую ей, когда она нападаетъ". Ей Богу! Такъ и напечатано, да еще курсивомъ: „я не сочувствую ей, когда она нападаетъ".

Какъ же это такъ? Изъ помѣтки подъ эпиграфомъ видно, что авторъ писалъ вторую часть своей брошюры ранней весной. Въ это время часть нашей арміи отражала натискъ нѣмцевъ въ Польшѣ, часть, присоединивъ къ нашимъ владѣніямъ Галицію, нападала на австрійцевъ въ Карпатахъ. Что же, сочувствовалъ намъ тогда Георгій Валентиновичъ, или не сочувствовалъ? — По духу брошюры ясно, что сочувствовалъ вполнѣ, желалъ побѣды русскому оружію, воодушевлялъ рабочихъ къ борьбѣ за эту побѣду. По буквѣ брошюры выходитъ, что и сочувствовалъ, и не сочувствовалъ, — сочувствовалъ „постольку", не сочувствовалъ „поскольку".

Повторяю еще разъ: какъ же это такъ? и возможно ли такое чувство? Конечно, я не философъ: привыкъ думать по просту, порусски, а не по правиламъ нѣмецкой діалектики, — и, быть можетъ, поэтому не способенъ понять всей тонкости чувствъ и мыслей Георгія Валентиновича. Пусть такъ.

Но, голубчикъ, Георгій Валентиновичъ! Для кого же написана ваша брошюра, расходящаяся уже вторымъ изданіемъ? Неужели только для людей, посвятившихъ себя діалектикѣ? Вѣдь не „мыслить" только о войнѣ, не „сочувствовать" ей издали приходится тѣмъ сотнямъ рабочихъ, которые васъ читаютъ! Имъ надо дѣйствовать: своими руками, своей грудью отстаивать отечество. Какъ же дѣйствовать-то діалектически? — вотъ этого вы и не объяснили.

Представьте себѣ, что вашъ ученикъ-рабочій призванъ въ армію и сражается гдѣ-нибудь на юго-западномъ фронтѣ. Онъ знаетъ, что „поскольку мы обороняемся", наше дѣло правое, — и дерется геройски, показываетъ своимъ товарищамъ образецъ воинской доб-

лести. Но вотъ, военное счастье опять улыбнулось нашей арміи, она тѣснитъ врага, она снова занимаетъ Галицію. Всѣ радуются, всѣ торжествуютъ побѣду. Но чѣмъ сильнѣе ликованіе простыхъ русскихъ воиновъ, тѣмъ болѣе смущается душа ихъ товарища-плехановца...

Правда, Галиція уже тысячу лѣтъ тому назадъ принадлежала намъ. Слѣдовательно, присоединяя ее къ своимъ владѣніямъ, мы еще не ведемъ наступательной войны, а только охраняемъ, „обороняемъ" отъ чужеземцевъ исконное достояніе Владиміра Святого. Правда, „Новое Время" разъяснило, что и за Карпатами лежатъ не чужія намъ страны, а наша же „Угорская Русь". Такъ что, для человѣка, свѣдущаго въ наукахъ, не составляетъ большого труда подвести подъ Маркса-Энгельса и наши Червонныя, и наши Угорскія, и многія другія земли.

Но, вѣдь, это для васъ все столь легко и просто, почтенный Георгій Валентиновичъ, — для кабинетскаго ученаго, у котораго всегда подъ рукой и „Новое Время", и разныя другія научныя пособія. — Откуда же узнать все это простому рабочему? Да и его ли дѣло заниматься географіей и народовѣдѣніемъ, когда нужно итти въ атаку. Какъ партійный вождь, вы сами человѣкъ не совсѣмъ штатскій и хорошо понимаете, что такое дисциплина, особливо воинская. Какъ же не подумали вы о томъ, что ваши неосторожныя слова о нападеніи и оборонѣ могутъ заронить въ душу воина ужасное сомнѣніе въ правотѣ его святого дѣла, могутъ героя превратить въ раба лѣниваго и лукаваго и даже, чего оборони Богъ, въ измѣнника и предателя.

Но оставимъ окопы. До нихъ далеко, до нихъ, надо надѣяться не дойдетъ ваша брошюра. Загляните къ намъ въ глубокій тылъ, гдѣ ваши послѣдователи заняты мирной, но не менѣе важной работой. Вотъ они обтачиваютъ шрапнельные стаканы. Какъ же тутъ-то имъ примѣнить ваше ученіе? Взять что ли расписку съ интендантскаго вѣдомства, что снаряды ихъ изготовленія будутъ посылаться только на польскій или латышскій фронтъ, а отнюдь не на галиційскій?

Вѣдь это же смѣху достойно. Вотъ что значитъ на мѣсто Минина и Пожарскаго поставить Маркса и Энгельса!

Не ужасный и грозный Марксъ, а лукавый лакей Смердяковъ нашепталъ Георгію Валентиновичу эту хромую, эту, словно на костыляхъ ковыляющую, защиту отечества. — И, вѣдь, ясно, что не свои слова онъ здѣсь говоритъ. Подлинный, не мудрствующій лукаво, крѣпкій патріотизмъ чувствуется всюду между строкъ, прорывается мѣстами и на самыя строки:

> „За кого же принимаютъ они меня! Я еще не опредѣлился на службу къ акуламъ германскаго имперіализма; я еще не вступилъ въ „Союзъ освобожденія Украйны". (Стр. 71.)

Вотъ, онъ вопль русской души! Вотъ онъ, неподдѣльный крикъ патріотическаго сердца! — Но нѣтъ сердцу простора, — такъ опутано оно Смердяковскими оговорочками, такъ оплетено Смердяковскими оглядочками... якобы, на Маркса.

И повторяется снова грустная библейская исторія. Какъ нѣкогда подслѣповатый Исаакъ, недоумѣваютъ патріоты земли русской: кто же это передъ нами? Душа и сердце Фирсовы, а голосъ Смердякова. Любимый ли это нашъ Исавъ, или лукавый Іаковъ, искусно прикрывшійся овечьей шкурой?

Скорбное и тяжкое раздумье!

Одинъ изъ недоумѣвающихъ.

КЪ ИСТОРІИ ВЕЛИКАГО СЕРДЦА.

Философъ-мистикъ Юнгъ-Штиллингъ писалъ про Гете: „Сердце Гете знали немногіе, но оно было такъ же велико, какъ и его умъ, который знали всѣ.“

Это опредѣленіе еще съ бо̀льшимъ правомъ можетъ быть примѣнено къ Л. Н. Толстому. Выдержки изъ его дневниковъ, печатаемыя здѣсь, могутъ служить этому самымъ яркимъ доказательствомъ.

Сестра Льва Николаевича, монахиня Марія Николаевна, разсказывала мнѣ, что въ дѣтствѣ Л. Н. былъ удивительно нѣжнымъ и жизнерадостнымъ. Когда онъ, бывало, вбѣгалъ въ комнату, все лицо его свѣтилось, какъ будто онъ готовъ былъ сообщить какую-то удивительную и огромную радость. Въ то же время онъ былъ чрезвычайно впечатлителенъ, и впечатлительность эта очень часто выражалась слезами, за что онъ и получилъ отъ братьевъ прозвище: „Лева-рева“.

Долгіе годы жизни, военная служба, пытливая работа ума, все подвергавшаго безпощадной критикѣ, казалось, должны были безъ остатка уничтожить въ мужественномъ сердцѣ міроваго писателя былую дѣтскую нѣжность и страстную жажду любви и ласки, какъ утѣшенія. И, дѣйствительно, въ глазахъ читателей Левъ Толстой представлялся большею частью суровымъ пророкомъ-обличителемъ, или человѣкомъ, поднявшимся выше земныхъ страстей и съ высоты своего величія прощающимъ грѣшнымъ людямъ ихъ заблужденія.

Когда мнѣ въ первый разъ пришлось быть у Толстого, я нѣсколько боялся, что увижу въ немъ эту снисходительность да еще вдобавокъ съ оттѣнкомъ елейности. Къ моей великой радости, елейности не оказалось и слѣда, но все-таки увидѣлъ я тогда только внѣшняго Толстого. Увидѣлъ энергичнаго, живого человѣка, съ непрекращающейся работой мысли, увидѣлъ большой своеобразный умъ и въ то же время нѣкоторую суровость. Такимъ дѣловымъ человѣкомъ и оставался онъ долго въ моемъ представленіи.

На самомъ же дѣлѣ за этой строгой внѣшностью скрывалась голодная и жаждущая любви и ласки душа. Дѣтская нѣжность гдѣ-то сохранилась въ душевныхъ тайникахъ и, не удовлетво-

ренная, напоминала иногда о себѣ и томила многогранную душу Толстого.

Въ записной книжечкѣ Льва Николаевича 1906 года находимъ слѣдующія строки, помѣченныя 10-мъ марта:

„Цѣлый день тупое, тоскливое состояніе. Къ вечеру состояніе это перешло въ умиленіе — желаніе ласки-любви. Хотѣлось, какъ съ дѣтьми, прильнуть къ любящему, жалѣющему существу и умиленно плакать и быть утѣшаемымъ.

„Но кто такое существо, къ которому бы я могъ прильнуть такъ? Перебираю всѣхъ любимыхъ мною людей, — ни одинъ не годится. Къ кому же прильнуть?... Сдѣлаться маленькимъ и — къ матери, какъ я представляю ее себѣ. Да, да, маменька, которую я никогда не называлъ, еще не умѣя говорить. Да, она высшее мое представленіе о чистой любви, но не холодной, божеской, а земной, теплой, материнской. Къ этой тянулась моя лучшая, уставшая душа. Ты, маменька, ты приласкай меня.

„Все это безумно, но все это правда."

Записныя книжечки у Толстого являлись какъ бы преддверіями дневника. Мысль, пришедшая въ голову во время прогулки, въ дорогѣ или даже дома, записывалась сперва въ книжечку, а потомъ, если продолжала оставаться цѣнной для автора, переписывалась и, часто перерабатываясь, появлялась въ дневникѣ. Поэтому въ дневникахъ и встрѣчаются такъ часто выраженія: „Записано слѣдующее... Хотѣлъ записать изъ книжечки... Не выписываю изъ книжечки, но запишу то, что особенно живо пришло на умъ" и т. д.

Къ дневникамъ у Толстого было особенное отношеніе. Это была, съ одной стороны, не работа, которую онъ считалъ себя обязаннымъ исполнить, какъ это было при писаніи статей религіозно-философскаго характера, въ которыхъ онъ стремился передать людямъ результаты своихъ исканій истины. Съ другой стороны, это не походило и на художественное творчество. Относительно работы беллетристическаго характера въ одномъ изъ своихъ писемъ ко мнѣ Толстой писалъ: „Напрашивается художественная работа, но ею надо заниматься мнѣ только тогда, когда она такъ же неустранима, какъ кашель".

Дневникъ былъ на особомъ положеніи, — его можно было и писать, и не писать. Онъ былъ какъ бы подведеніемъ итоговъ душевной жизни за извѣстный періодъ или промежутокъ времени. Подведеніе итоговъ, конечно, можно откладывать на тотъ или иной срокъ

Но дневникъ былъ очень дорогъ Толстому. Въ сознаніи его постепенно укоренилась сама собою мысль, что и дневникъ есть нѣчто обязательное, и мы встрѣчаемъ иногда въ немъ такія выраженія: „Ровно мѣсяцъ не писалъ... Страшно подумать, сколько прошло времени: полтора мѣсяца... Батюшки, сколько дней пропустилъ".

Непріятно бывало Толстому, когда окружающіе его читали

его дневникъ, узнавая такимъ образомъ, какая работа совершалась въ душевныхъ тайникахъ. Онъ отмѣчаетъ коротко: „Испортили мнѣ и дневникъ, пишу въ виду возможности чтенія живыми.“ Но человѣкъ ко многому приспособляется. Толстой все-таки не прекратилъ дневника и даже не измѣнилъ его характера. Только самое интимное не проходило изъ записной книжечки въ дневникъ. Толстой былъ болѣе чѣмъ скромнаго мнѣнія о своихъ писаніяхъ. Онъ говорилъ, что лишь въ рѣдкихъ случаяхъ являлся какъ бы проводникомъ высшей силы, проводникомъ несовершеннымъ, искажающимъ по своей слабости ея велѣнія. Но онъ не могъ не сознавать, что, какъ бы онъ ни былъ плохъ въ своихъ глазахъ, все-таки его душевный опытъ, его умственная работа за послѣднія тридцать лѣтъ въ освѣщеніи его религіознаго жизнепониманія можетъ быть полезной людямъ. А такъ какъ все это отражалось изо дня въ день въ дневникахъ, то онъ и не могъ не придавать имъ самаго серьезнаго значенія. Поэтому онъ очень дорожилъ дневниками и завѣщалъ своему другу В. Г. Черткову издать изъ нихъ то, что можетъ быть полезно людямъ.

Въ этихъ дневникахъ съ особенной яркостью вырисовывается та душевная драма, которая десятки лѣтъ мучила Толстого и, въ концѣ концовъ, привела его къ уходу изъ Ясной Поляны.

Чужимъ и одинокимъ чувствовалъ себя очень часто Толстой среди того класса общества, къ которому онъ принадлежалъ, и въ то же время его тянуло къ простому народу, который онъ любилъ всѣми силами своей жаждущей правды души. За годъ до своей смерти, онъ писалъ мнѣ:

„Отъ того ли, что то, что я испытываю, обще моему старческому возрасту, или отъ того, что интересы мои ничего не имѣютъ общаго съ тѣми, которые движутъ людьми, совершающими тѣ дѣла, отъ которыхъ и вы, между прочимъ, должны лишиться внѣшней свободы, или отъ того, что ужъ очень безсмысленна жизнь людей, дѣлающихъ эти дѣла, я все чаще и чаще испытываю желаніе уйти изъ этого неловкаго положенія не только непониманія, но сознанія совершенной невозможности понять мотивъ дѣятельности разумныхъ существъ и быть понятому ими.

Если бы я былъ молодъ, это было бы побужденіемъ къ художественному изображенію, которое одно возможно при такихъ условіяхъ. Теперь же хочется только уйти.“

Это желаніе уйти, это „святое недовольство“, это тяготѣніе къ рабочему народу красной нитью проходитъ черезъ дневники Толстого. Появленіе въ печати этихъ дневниковъ является однимъ изъ послѣднихъ необходимыхъ штриховъ для выясненія истиннаго образа великаго писателя и человѣка.

А. Хирьяковъ.

ДНЕВНИКЪ Л. Н. ТОЛСТОГО.

ИЗВЛЕЧЕНІЯ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ А. М. ХИРЬЯКОВА *.

Продолжаю [1] *28 октября 1895. Ясная Поляна.* —

Думалъ одно: то, что жизнь та, которую мы видимъ вокругъ себя, есть движеніе вещества по опредѣленнымъ, извѣстнымъ законамъ; въ себѣ же мы чувствуемъ присутствіе совершенно другого, не имѣющаго ничего общаго съ тѣми, закона, требующаго отъ насъ выполненія своихъ требованій. Можно сказать, что мы видимъ, познаемъ всѣ другіе законы только потому, что въ насъ есть этотъ законъ. Если бы мы не сознавали этого закона, мы не познавали бы и тѣхъ.

Законъ этотъ отличается отъ всѣхъ остальныхъ, главное, тѣмъ, что тѣ законы внѣ насъ и принуждаютъ насъ къ своему повиновенію; этотъ же законъ въ насъ самихъ, — больше чѣмъ въ насъ: онъ есть сами мы, и потому онъ не принуждаетъ насъ, когда мы слѣдуемъ ему, а, напротивъ, освобождаетъ насъ, потому что, слѣдуя ему, мы становимся сами собою. И потому насъ влечетъ къ тому, чтобы исполнить этотъ законъ, и мы неизбѣжно рано или поздно исполнимъ его. Въ этомъ и состоитъ свобода воли. Свобода эта состоитъ въ томъ, чтобы признать то, что̀ есть, — именно то, что этотъ внутренній законъ есть мы сами.

Внутренній законъ есть то, что̀ мы называемъ разумъ, совѣсть, любовь, добро, Богъ. Слова эти имѣютъ различныя значенія, но всѣ, съ разныхъ сторонъ, опредѣляютъ одно и то же. Въ этомъ признаніи собою этого внутренняго закона, сына Божія, и состоитъ сущность христіанскаго ученія.

На міръ можно смотрѣть такъ: существуетъ міръ, управляемый опредѣленными, извѣстными законами, и среди этого міра есть существа, подчиненныя этимъ законамъ и вмѣстѣ съ тѣмъ носящія въ себѣ другой, несогласный съ прежними законами міра, высшій законъ, и законъ этотъ неизбѣжно долженъ восторже-

* Полностью дневникъ печатается В. Г. Чертковымъ въ отдѣльномъ изданіи съ обширными примѣчаніями, изъ которыхъ нѣкоторыя взяты и въ поясненіе печатаемыхъ здѣсь отрывковъ.

ствовать въ этихъ существахъ и побѣдить законъ низшій. И въ этой борьбѣ и постепенной побѣдѣ высшаго закона надъ низшимъ, въ этомъ только жизнь и людей, и всего міра.

29 октября 95. Ясная Поляна. Е. б. ж. [2]

5 ноября 95. Я. П.

Какъ будто приближаюсь къ ясному и простому выраженію того, чѣмъ живу. Какъ хорошо, что я не кончилъ катехизиса [3]! Похоже, что напишу иначе и лучше, если хочетъ Отецъ. Понимаю, почему нельзя этого сказать скоро. Если бы сказалось это сразу, то чѣмъ бы жить въ области мысли? Дальше этой задачи уже мнѣ не пойти.

7 декабря 95. Москва.

Думалъ за это время много — по значенію.

1) Я часто желалъ пострадать, желалъ гоненія. Это значитъ, что я былъ лѣнивъ и не хотѣлъ работать, а чтобы другіе за меня работали, мучая меня, а мнѣ только терпѣть.

2) Ужасно то извращеніе разума, которому для своихъ личныхъ цѣлей подвергаютъ (1)* дѣтей во время ихъ воспитанія. Царство сознательнаго матерьялизма объясняется только этимъ. Ребенку внушаются такія безсмыслицы, что потомъ матерьялистическое, ограниченное, ложное пониманіе, не доведенное до своихъ, обличающихъ невѣрность пониманія, выводовъ, представляется огромнымъ пріобрѣтеніемъ разума.

3) Записано: *Насиліе освобождаетъ, и* что-то было очень ясное и важное, и теперь совсѣмъ не помню что̀.

Вспомнилъ. 23 декабря. Насиліе соблазнительно потому, что оно освобождаетъ отъ усилія вниманія, отъ работы разума. Надо потрудиться развязать узелъ; оборвать — короче.

4) Обычное извращеніе разума, совершаемое насильственно навязанной вѣрой, таково, что человѣкъ довольствуется либо идолопоклонствомъ, либо матерьялизмомъ, что̀ въ сущности одно и то же. Вѣра въ реальность нашего представленія есть вѣра въ идола, и послѣдствія тѣ же: надо приносить ему жертвы.

5) Я могу себѣ представить до такой степени перенесенное на жизнь духа сознаніе, что страданія тѣла встрѣчаются радостно.

6) Красивая женщина улыбается, и мы думаемъ, что потому, что она улыбается, правда и хорошо, то что̀ она говоритъ, когда она улыбается. А часто улыбка приправляетъ совсѣмъ гнилое.

---

* Гнутыми скобками ( ) съ цифрами въ рединѣ обозначено количество словъ пропущенныхъ редакторами дневниковъ по цензурнымъ соображеніямъ.

7) Воспитаніе. Стòитъ заняться воспитаніемъ, чтобы увидать всѣ свои прорѣхи. А увидавъ, начинаешь исправлять ихъ. А исправлять самого себя и есть наилучшее средство воспитанія своихъ и чужихъ дѣтей и большихъ людей.

Сейчасъ читалъ письмо Шкарвана[4] о томъ, что медицинская помощь не представляется ему добромъ, что продолженіе многихъ пустыхъ жизней на многія сотни лѣтъ гораздо меньше важно, чѣмъ самое слабое *дутіе,* какъ онъ пишетъ, (дуновеніе) на искру божеской любви въ сердцѣ другого. Вотъ въ этомъ *дутіи* и лежитъ все искусство воспитанія. А чтобы раздуть въ другихъ, надо раздуть въ себѣ.

8) Любить значитъ желать того, чего желаетъ любимый предметъ. Желаютъ предметы любви противоположнаго, и потому любить можно то, что желаетъ одного и того же. Желаетъ же одного и того же — Богъ.

9) Человѣкъ, начиная жить, любитъ только себя и отдѣляетъ себя отъ другихъ существъ тѣмъ, что онъ любитъ не переставая то, чтò составляетъ только его существо. Но какъ только онъ сознаетъ себя отдѣльнымъ существомъ, онъ сознаетъ и свою любовь и не довольствуется любовью къ себѣ и начинаетъ любить другія существа. И чѣмъ больше онъ живетъ сознательной жизнью, тѣмъ большее и большее количество существъ онъ начинаетъ любить, хотя и не такой прочной и неперестающей любовью, которой онъ любитъ себя, но все-таки такъ, что онъ желаетъ блага всему тому, чтò онъ любитъ, и радуется этому благу и страдаетъ отъ зла, которое испытываютъ любимыя имъ существа, и соединяетъ воедино все то, чтò онъ любитъ.

Такъ какъ жизнь есть любовь, то почему не предположить, что мое я, то, чтò я считаю собою и люблю исключительной любовью, не было такое же соединеніе любимыхъ мною предметовъ въ прежней жизни, какъ и то соединеніе этихъ предметовъ, которое я дѣлаю теперь? То совершилось уже, а это совершается.

Жизнь есть увеличеніе любви, расширеніе своихъ предѣловъ, и это расширеніе совершается въ разныхъ жизняхъ. Въ теперешней жизни это расширеніе представляется мнѣ въ видѣ любви. Это расширеніе нужно для моей внутренней жизни, и оно же нужно для жизни этого міра. Но жизнь моя можетъ проявляться не въ одной этой формѣ. Она проявляется въ безчисленномъ количествѣ формъ. Мнѣ видна только эта.

А между тѣмъ, движеніе жизни, понятное мнѣ въ этомъ мірѣ увеличеніемъ любви во мнѣ и единеніемъ существъ любовью, въ то же время производитъ и другія, одно или многія, невидимыя мною дѣйствія. Какъ, напримѣръ, я составляю 8 кубиковъ въ картину на одной сторонѣ ихъ, и не вижу другихъ сторонъ составного куба, но на другихъ сторонахъ составляются такія же правильныя, невидимыя мнѣ картины.

Все это было очень ясно, когда пришло мнѣ въ голову, теперь же все забылось, и вышла чепуха.

10) Много думалъ о Богѣ, о сущности своей жизни и, казалось, только сомнѣвался и въ томъ и въ другомъ и повѣрялъ свои доводы; и потомъ, недавно, разъ просто захотѣлось опереться на вѣру въ Бога и въ неистребимость своей души, и, къ удивленію моему, почувствовалъ такую твердую, спокойную увѣренность, которую никогда прежде не чувствовалъ. Такъ что всѣ сомнѣнія и провѣрки, очевидно, не только не ослабили, но въ огромной степени утвердили вѣру.

11) Разумъ данъ не на то, чтобы познать, что̀ надо любить: этого онъ не покажетъ, а только на то, чтобы указать, чего не надо любить.

12) Какъ во всякомъ мастерствѣ главное искусство не въ томъ, чтобы правильно работать заново извѣстные предметы, а въ томъ, чтобы поправлять всегда неизбѣжныя ошибки неправильной, испорченной работы, такъ и въ дѣлѣ жизни главная мудрость не въ томъ, что̀ дѣлать сначала и какъ правильно вести жизнь, а въ томъ, чтобы поправлять ошибки, освобождаться отъ заблужденій и соблазновъ.

13) Счастье есть удовлетвореніе требованій существа человѣка, живущаго отъ рожденія и до смерти только въ этомъ мірѣ; благо же есть удовлетвореніе требованій вѣчной сущности, живущей въ человѣкѣ.

14) Сущность ученія Христа въ томъ, чтобы человѣкъ узналъ, кто онъ; чтобы онъ, какъ птица, не пользующаяся своими крыльями, бѣгающая по землѣ, понялъ, что онъ — не смертное животное, зависящее отъ условій міра, а какъ птица, понявшая, что у нея есть крылья, и повѣрившая въ нихъ, понялъ бы, что онъ, самъ онъ, никогда не рождался и не умиралъ, а всегда есть, и проходитъ въ этомъ мірѣ только одну изъ безчисленныхъ формъ жизни для исполненія воли Того, Кто послалъ его въ эту жизнь.

Нынче *23 декабря 95. Москва.*

Думалъ за это время:

1) Особенно ясно думалъ уже много разъ высказанное: то, что все зло міра только отъ того, что люди считаютъ себя, свою личность достойной цѣлью сознательной жизни, — себя или совокупность личностей, все равно.

Пока человѣкъ живетъ для себя безсознательно, онъ не дѣлаетъ зла. Если и есть борьба, то борьба безсознательная, которая сейчасъ же кончается, какъ кончается борьба съ средой: человѣкъ приспосабливается къ ней или погибаетъ, — и борьба эта не жестока и не есть зло. Борьба начинаетъ быть жестока только тогда, когда человѣкъ на нее направляетъ свое сознаніе,

приготавливаетъ ее, усиливаетъ, удесятеряетъ, усотеряетъ ея энергію.

2) Все дѣло въ томъ, чтобы всегда помнить, кто ты. Нѣтъ такого труднаго положенія, изъ котораго сейчасъ бы не представился выходъ, если только вспомнишь, что ты — не временное матеріальное проявленіе, а вѣчная, вездѣсущая сущность. «Я воскресеніе и жизнь. Вѣрующій въ меня не умретъ во вѣкъ, а если и умретъ — оживетъ. Вѣришь ли ты сему?»

Я шелъ по улицѣ. Нищій жалкій проситъ. Я забылъ, кто я, и прошелъ мимо. И потомъ вдругъ вспомнилъ, и такъ же естественно, какъ голодный станетъ ѣсть, усталый сядетъ, я вернулся и подалъ. То же въ поползновеніяхъ ссоры, обиды, тщеславія.

3). Нельзя перестать по своей волѣ бодрствовать, т. е. заснуть. Точно такъ же нельзя по своей волѣ перестать жить. Жизнь главнѣе воли, желанія. (Неясно).

4) Наслажденія плоти бери съ благодарностью, всѣ, какія попадаются тебѣ на пути, если только они не грѣшны, — короче, не противны твоему сознанію, не заставляютъ его страдать. Усилія же воли, свободу свою употребляй только на служеніе Богу.

23 января 1896. Москва.

Записано за это время:

1). Истинное художественное произведеніе — заразительное — производится только тогда, когда художникъ ищетъ, стремится. Въ поэзіи эта страсть къ изображенію того, что̀ есть, происходитъ отъ того, что художникъ надѣется, ясно увидавъ, закрѣпивъ то, что̀ есть, понять смыслъ того, что̀ есть.

2). У всякаго искусства есть два отступленія отъ пути: пошлость и искусственность. Между обѣими — только узкій путь. И узкій путь этого опредѣляется порывомъ. Есть порывъ и направленіе, то минуешь обѣ опасности. Изъ двухъ страшнѣй: искусственность.

3) Нельзя заставить умъ разбирать и уяснять то, чего не хочетъ сердце.

4). Дурно, когда умъ хочетъ дать эгоистическимъ стремленіямъ значеніе добродѣтели.

26 января 96. Москва.

Всегда ново и значительно — смерть. Подумалъ: на театрѣ изображаютъ смерть, — производитъ ли она $^1/_{1\,000\,000}$ того впечатлѣнія, которое производитъ близость настоящей смерти?

Сегодня 13 февраля. Москва. 96.

Думалъ за это время (многое забылъ и не записалъ):

1) Ахъ, кабы ни на минуту не забывать смерть, въ которую всякую минуту можешь соскользнуть. Коли бы помнить, что мы не стоимъ на ровной плоскости (если думать, что стоимъ, то тогда

только представляется, что ушедшій оборвался, и самъ боишься оборваться), а катимся, не переставая, сталкиваясь, обгоняя и будучи обгоняемы, туда, за завѣсу, которая скрываетъ отъ насъ уходящихъ и скроетъ насъ отъ остающихся. Если помнить это всегда, то какъ легко и радостно жить и вмѣстѣ катиться туда, по той же покатости, во власти того же Бога, у котораго были, во власти котораго мы теперь и будемъ послѣ и всегда. Очень живо чувствовалъ это.

2) Нѣтъ болѣе убѣдительнаго доказательства существованія Бога, какъ свойство души, по которому мы можемъ переноситься въ другія существа. Изъ этого свойства вытекаетъ и любовь и разумъ. А и то, и другое не въ насъ, а внѣ насъ, и мы только совпадаемъ съ ними. (Неясно.)

3) Возможность убить себя есть просторъ, данный людямъ. Богъ не хотѣлъ рабовъ въ этой жизни, а свободныхъ работниковъ. Если остаешься въ этой жизни, то, значитъ, условія для тебя выгодны. А выгодны — работай. Если же уйдешь отъ условій здѣсь, убьешься, то тамъ опять предложатъ тебѣ такія же. Такъ что уйти некуда.

Хорошо бы написать исторію того, что̀ переживаетъ въ этой жизни тотъ, кто убилъ себя въ предшествующей: какъ онъ, натыкаясь на тѣ же требованія, которыя ему предлагались въ той, приходитъ къ сознанію, что надо исполнить. И въ этой жизни понятливѣе другихъ, помня данный урокъ.

Нынче *22 февраля 96. Никольское, у Олсуфьевыхъ* [5].

Уже больше недѣли чувствую упадокъ духа. Нѣтъ жизни, ничего не могу работать. Отецъ моей и всякой жизни! Если дѣло мое кончено здѣсь, какъ я начинаю думать, и испытываемое мною прекращеніе духовной жизни означаетъ совершающійся переходъ въ ту, иную жизнь, — что я уже начинаю жить тамъ, а здѣсь понемногу убирается этотъ остатокъ, — то укажи мнѣ это явственнѣе, чтобы я не искалъ, не тужился; а то мнѣ кажется, что у меня много задуманныхъ хорошихъ плановъ, а мнѣ нѣтъ возможности не только исполнить все, — это я знаю, что не нужно думать, — но хоть дѣлать что-нибудь доброе, угодное Тебѣ, пока я живу здѣсь. Или дай мнѣ силы работать съ сознаніемъ служенія Тебѣ. Впрочемъ, да будетъ Твоя воля. Если бы только я всегда чувствовалъ, что жизнь только въ исполненіи Твоей воли, я бы не сомнѣвался. А то сомнѣніе оттого, что я закусываю удила и не чувствую поводьевъ.

Нынче *27 февраля 96. Никольское.*

Думалъ:

1) Записано о томъ, что есть два искусства. Теперь обдумываю и не нахожу яснаго выраженія своей мысли. Тогда думалъ

я то, что есть искусство, какъ вѣрно опредѣляютъ его, происшедшее отъ игры, отъ потребности всякаго существа играть. Игра теленка — прыжки, игра человѣка — симфонія, картина, поэма, романъ.

Это — одно искусство, искусство играть и придумывать новыя игры, исполнять старое и сочинять. Это — дѣло хорошее, полезное и цѣнное, потому что увеличиваетъ радости человѣка. Но понятно, что заниматься игрою можно только тогда, когда сытъ. Такъ и общество можетъ заниматься искусствомъ только тогда, когда всѣ члены его сыты. И пока всѣ члены не сыты, не можетъ быть настоящаго искусства, а будетъ искусство пресыщенныхъ—уродливое, [и] * искусство голодныхъ—грубое, жалкое; какъ оно и есть. И потому въ этомъ первомъ родѣ искусства — игры — цѣнно только то искусство, которое доступно всѣмъ, увеличиваетъ радости всѣхъ.

Если оно таково, то оно не дурное дѣло, въ особенности если оно не требуетъ увеличенія труда угнетенныхъ, какъ это происходитъ теперь.

(Можно бы и нужно бы лучше выразить).

Но есть еще другое искусство, которое *вызываетъ въ людяхъ лучшія и высшія чувства.* Сейчасъ написалъ это, — то, что̀ я говорилъ не разъ, — и думаю, что это неправда. Искусство только одно и состоитъ въ томъ, чтобы увеличивать радости безгрѣшныя, общія, доступныя всѣмъ, — благо человѣка. Хорошее зданіе, веселая картина, пѣсня, сказка даетъ небольшое благо; возбужденіе религіознаго чувства — любви къ добру, производимое драмой, картиной, пѣніемъ, даетъ большое благо.

2-е), что̀ я думалъ объ искусствѣ, это то, что ни въ чемъ такъ не вредитъ консерватизмъ, какъ въ искусствѣ. Искусство есть одно изъ проявленій духовной жизни человѣка, и потому, какъ если животное живо, оно дышитъ, выдѣляетъ продукты дыханія, такъ если человѣчество живо, оно проявляетъ дѣятельность искусства. И потому въ каждый данный моментъ оно должно быть современно, — искусство нашего времени. Только надо знать, гдѣ оно (не въ декадентахъ музыки, поэзіи, романа); но искать его надо не въ прошедшемъ, а въ настоящемъ. Люди, желающіе себя показать знатоками искусства и для этого восхваляющіе прошедшее искусство классическое и бранящіе современное, этимъ только показываютъ, что они не чутки къ искусству.

3) Рачинскій говоритъ: «Замѣтьте, что въ одно время съ распространившимся употребленіемъ наркотиковъ, съ 17-го вѣка, начались и поразительные успѣхи наукъ, въ особенности естественныхъ». — Не отъ этого ли, я говорю ему, и произошло ложное направленіе науки, изученіе того, что̀ ненужно человѣку, а

* Въ простыя прямыя скобки включены редакціонныя вставки.

есть предметъ празднаго любопытства, или нужно, но не есть единое на потребу? Не отъ этого ли заброшено такъ именно съ этого времени единое на потребу, т.-е. рѣшеніе вопросовъ нравственныхъ и приложеніе ихъ къ жизни?

4) Знаніе историческое того, какъ возникаютъ различные миѳы и вѣрованія въ народахъ, въ различныхъ мѣстахъ и въ различное время, казалось бы, должно уничтожить вѣру въ то, что тѣ миѳы и тѣ вѣрованія, которые намъ привиты съ дѣтства, составляютъ абсолютную истину; а между тѣмъ, такъ называемые образованные люди въ это вѣрятъ. Какъ, значитъ, поверхностно образованіе такъ называемыхъ образованныхъ!

Нынче *6 марта 96. Никольское.*

Очень важное. Лежалъ, засыпая; вдругъ точно что-то оборвалось въ сердцѣ. Подумалъ: такъ приходитъ смерть отъ разрыва сердца, и остался спокоенъ, — ни огорченія, ни радости, но блаженно спокоенъ: здѣсь ли, тамъ ли, я знаю, что мнѣ хорошо, то, что должно, какъ ребенокъ на рукахъ матери, подкинувшей его, не перестаетъ радостно улыбаться, зная, что онъ въ ея любящихъ рукахъ.

И подумалъ: отчего это такъ теперь, а прежде не было? Оттого, что я прежде не жилъ жизнью всей, а жилъ только жизнью здѣшней. Чтобы вѣрить въ безсмертіе, надо жить безсмертной жизнью здѣсь. Можно идти ногами и не видѣть передъ собой пропасть, которую нельзя перейти, и можно подняться на крыльяхъ . . .

(Не выходитъ, и не хочется думать).

3 мая 96. Я. П.

Нынче работалъ изложеніе вѣры.

1) «Приди и вселися въ ны и очисти ны отъ всякія скверны...» Напротивъ: очисти самъ свою душу отъ скверны, и Онъ придетъ и вселится въ тебя. Онъ только и ждетъ этого, — какъ вода втекаетъ въ тебя по мѣрѣ освобожденія мѣста. «Вселися въ ны». Какъ мучительно одиноко безъ Тебя, испытывалъ это эти дни, — и какъ спокойно, твердо, радостно, никого и ничего не нужно съ Тобой. Не оставляй меня!

Нельзя молиться. Его языкъ другой, чѣмъ тотъ, на которомъ я говорю, но Онъ пойметъ и переведетъ на свой, когда я говорю: помоги мнѣ, приди ко мнѣ, не оставляй меня.

Тутъ же и впалъ въ противорѣчіе. Говорю: надо очиститься, тогда Онъ войдетъ; а я, не очистившись еще, зову Его.

4 мая. Е. б. жить еще здѣсь. Я. П.

5 мая.

Та же общая отчаянность. И мнѣ грустно. Причина одна: выставлено высшее нравственное требованіе. Во имя его отверг-

нуто все, что ниже его. А ему не послѣдовано. Я 15 лѣтъ тому назадъ предлагалъ отдать большую часть имѣнія, жить въ четырехъ комнатахъ.

Нынче ѣхалъ мимо Гиля [6], думалъ: съ малымъ капиталомъ невыгодно никакое предпріятіе. Чѣмъ больше капиталъ, тѣмъ выгоднѣе: меньше расходовъ. Но изъ этого никакъ не слѣдуетъ, чтобы, по Марксу, капитализмъ привелъ къ соціализму. Пожалуй, онъ и приведетъ, но только къ насильственному. Рабочіе будутъ вынуждены работать вмѣстѣ, и работать будутъ меньше, и плата будетъ больше, но будетъ то же рабство. Надо, чтобы люди свободно работали сообща, выучились работать другъ для друга, а капитализмъ не научаетъ ихъ этому, напротивъ, научаетъ ихъ зависти, жадности, эгоизму. И потому изъ насильственнаго сообщенія черезъ капитализмъ можетъ улучшиться матеріальное положеніе рабочихъ, но никакъ не можетъ установиться ихъ довольство. Довольство можетъ установиться только черезъ свободное сообщеніе рабочихъ. А для этого нужно учиться общаться, нравственно совершенствоваться, охотно служить другимъ, не обижаясь на то, что не встрѣчаешь возмездія. А учиться этому можно никакъ не при капиталистическомъ соревновательномъ устройствѣ, а при совершенно другомъ.

17 мая 96. Я. П.

2) Читалъ о Грановскомъ. У насъ въ литературѣ принято говорить, что въ царствованіе Николая были такія условія, что великія мысли не могли проявляться. (Грановскій плачется на это и другіе). Да мыслей-то не было настоящихъ. Это все самообманъ. Если бы всѣ Грановскіе, Бѣлинскіе и прочіе имѣли что сказать, они сказали бы, несмотря ни на какія препятствія. Доказательство — Герценъ. Онъ уѣхалъ за границу и, несмотря на свой огромный талантъ, что же онъ сказалъ новаго, нужнаго? Всѣ эти Грановскіе, Бѣлинскіе, Чернышевскіе, Добролюбовы, произведенные въ великіе люди, должны благодарить правительство и цензуру, безъ которыхъ они бы были самыми незамѣтными фельетонистами.

Можетъ быть, въ нихъ, въ Бѣлинскомъ, Грановскомъ и другихъ неизвѣстныхъ, и было что-нибудь настоящее, но они все въ себѣ задушили тѣмъ, что воображали, что имъ надо служить обществу въ формахъ общественной жизни, а не служить Богу исповѣданіемъ истины и проповѣданіемъ ея безъ всякой заботы о формахъ общественной жизни. Было бы содержаніе, а формы сами собой сложатся.

Люди, поступающіе такъ, т.-е. свое стремленіе къ истинѣ пріурочивающіе къ существующимъ формамъ общества, подобны существу, которому даны были бы крылья для того, чтобы летать, не зная препятствій, и которое бы употребляло эти крылья для того, чтобы помогать себѣ ходить. Такое существо не до-

стигло бы своей цѣли, — всякое препятствіе остановило бы его, — и крылья бы испортило. А потомъ это существо жаловалось бы на то, что его задержали, и съ грустью говорило бы (какъ Грановскій), что оно далеко бы пошло, если бы его не задержали препятствія.

Свойства истинной духовной дѣятельности таковы, что ее нельзя задержать. Если она задерживается, то это значитъ только то, что она не настоящая.

5) Человѣку кажется, что его животное, это — самое его существо, а духовная жизнь есть произведеніе этого животнаго, — такъ же, какъ человѣку, плывущему на лодкѣ, кажется, что онъ стоитъ, а бѣжитъ берегъ со всей землей.

6) Есть доброта, которая хочетъ пользоваться выгодами доброты, а не нести невыгоды ея. Это доброта животная.

7) Христіанская истина, говорятъ, не можетъ быть доказана, надобно вѣрить. Точно какъ будто легче убѣдиться въ истинности безсмысленнаго, чѣмъ разумнаго. Зачѣмъ лишать христіанство убѣдительности? Зачѣмъ?

8) Природа, говорятъ, экономна своими силами: при наименьшемъ усиліи достигаетъ наибольшихъ результатовъ. Такъ же и Богъ. Для того, чтобы установить въ мірѣ Царство Божіе, — единенія, служенія другъ другу, — и уничтожить вражду, Богу не нужно дѣлать это самому. Онъ вложилъ въ человѣка свой разумъ, освобождающій въ человѣкѣ любовь, и все, чего Онъ хочетъ, будетъ сдѣлано человѣкомъ. Богъ дѣлаетъ свое дѣло черезъ насъ. А времени для Бога нѣтъ, или есть безконечное. Вложивъ въ человѣка разумную любовь, Онъ уже все сдѣлалъ.

Для чего Онъ сдѣлалъ это такъ, черезъ человѣка, а не самъ? Вопросъ глупый и такой, который никогда не пришелъ бы въ голову, если бы мы всѣ не были испорчены нелѣпымъ суевѣріемъ (3).

9) Одно изъ мучительнѣйшихъ духовныхъ страданій есть непониманіе тебя людьми, когда чувствуешь себя безнадежно одинокимъ съ своими мыслями. Утѣшеніе въ томъ, что знаешь, что то самое, чего не понимаютъ въ тебѣ люди, понимаетъ Богъ.

16) Почему люди такъ страстно держатся семейнаго начала: произведенія и воспитанія дѣтей? Потому что для человѣка, не перенесшаго свое сознаніе изъ отдѣльнаго существа въ Бога, это — единственное, кажущееся удовлетворительнымъ, объясненіе смысла жизни.

17) Смыслъ жизни открывается человѣку, когда онъ признаетъ собою свою божественную сущность, заключенную въ тѣлесную оболочку. Смыслъ этотъ въ томъ, что существо это, стремясь къ своему освобожденію, расширенію области любви, совершаетъ этимъ расширеніемъ дѣло Божіе, состоящее въ установленіи Царства Божья на землѣ.

18) Насиліе не можетъ ни ослабить, ни усилить духовное движеніе. Воздѣйствовать на духовную дѣятельность силой — все равно, что ловить лучи солнца: чѣмъ бы ни закрыли ихъ, они будутъ сверху.

22) Въ послѣднее время я сталъ чувствовать такую твердость и силу — не свою, а того дѣла Божья, которому хочу служить, что мнѣ странно раздраженіе, укоры, насмѣшки надъ людьми, враждебными дѣлу Божьему: они жалки, трогательны.

23) Міръ, живущій безсознательно, и человѣкъ въ періодъ своего дѣтства дѣлали безсознательно дѣло Божье. Пробудившись къ сознанію, онъ дѣлаетъ его сознательно. При столкновеніи двухъ способовъ служенія, человѣкъ долженъ знать, что безсознательное переходитъ и перейдетъ въ сознательное, а не наоборотъ, и что поэтому надо отдаваться будущему, а не прошедшему. (Глупо).

28 мая 1896. Ясн. Пол. 12 час., полдень.

Уже нѣсколько дней бьюсь съ своей работой[7] — и не подвигаюсь. Сплю. Хотѣлъ кое-какъ начерно довести до конца, но никакъ не могу. Дурное расположеніе духа, усиливаемое пустотой, бѣдной, самодовольной, холодной пустотой окружающей жизни.

За это время думалъ:

1) Удивительно, какъ много людей видятъ какой-то неразрѣшимый вопросъ въ злѣ. Я никогда не видѣлъ вопроса. Для меня теперь совершенно ясно, что то, что мы называемъ зломъ, есть то благо, дѣйствія котораго мы еще не видимъ.

2) Стихотворенія Малларме и др. Мы, не понимая ихъ, смѣло говоримъ, что это — вздоръ, что это — поэзія, забредшая въ тупой уголъ. Почему же, слушая музыку непонятную и столь же безсмысленную, мы смѣло не говоримъ того же, а съ робостью говоримъ: да, можетъ быть это надо понять, подготовиться и т. п. Это — вздоръ. Всякое произведеніе искусства только тогда произведеніе искусства, когда оно понятно, — не говорю: всѣмъ, но людямъ, стоящимъ на извѣстномъ уровнѣ образованія, томъ самомъ, на которомъ стоитъ человѣкъ, читающій стихотворенія и судящій о нихъ.

Это разсужденіе привело меня къ совершенно опредѣленному выводу о томъ, что музыка раньше другихъ искусствъ (декадентства въ поэзіи и символизма и пр. въ живописи) сбилась съ дороги и забрела въ тупикъ. И свернувшій ее съ дороги былъ геніальный музыкантъ Бетховенъ. Главное — авторитеты и лишенные эстетическаго чувства люди, судящіе объ искусствѣ.

Гете? Шекспиръ? Все, что подъ ихъ именемъ, все должно быть хорошо, и on se bât les flancs, чтобы найти въ глупомъ, неудачномъ прекрасное, и извращаютъ совсѣмъ вкусъ. А всѣ эти

большіе таланты: Гете, Шекспиръ, Бетховенъ, Микель-Анджело,— рядомъ съ прекрасными вещами производили не то что посредственныя, а отвратительныя. Средніе художники производятъ среднее по достоинству и никогда не очень скверное. Но признанные геніи производятъ или точно великія произведенія, или совсѣмъ дрянь: Шекспиръ, Гете, Бетховенъ, Бахъ и др.

3) Представить себѣ самое сложное, запутанное дѣло, въ которомъ требуется мое участіе. Со всѣхъ сторонъ кажется, что стоятъ неразрѣшимыя диллемы: и такъ нехорошо, и такъ дурно. И стоитъ только перенести вопросъ изъ области внѣшней въ область внутреннюю, въ свою жизнь: понять, что это — только поприще для моего внутренняго совершенствованія, что это — экзаменъ, — мѣрка моего нравственнаго развитія, опытъ, насколько я могу и хочу дѣлать дѣло Божье, увеличенія любви, — и все разрѣшается такъ легко, просто, радостно.

4) Ошибка (грѣхъ), это — употребленіе разума, даннаго мнѣ на то, чтобы познать свою сущность въ любви ко всему существующему, — на то, чтобы добывать благо своему отдѣльному существу. Пока человѣкъ жилъ безъ разумнаго сознанія, онъ исполнялъ волю Бога, добывая благо себѣ и борясь за него, и не было грѣха; но какъ только пробудился разумъ, такъ — грѣхъ.

5) Шорникъ Михайло говоритъ мнѣ, что онъ не вѣритъ въ будущую жизнь, что онъ думаетъ, что когда человѣкъ помретъ, то духъ выйдетъ изъ него и уйдетъ. А я говорю ему: «Вотъ ты съ этимъ духомъ-то уйди, вотъ ты и не умрешь».

8 іюня 1896. Я. П.

Третьяго дня былъ жандармъ, шпіонъ, который признался, что онъ подосланъ ко мнѣ. Было и пріятно и гадко [8].

19 іюнь 96. Я. П.

Разъ вышелъ за Заказъ [9] вечеромъ, и заплакалъ отъ радости благодарной за жизнь. Очень живо представляются картины изъ жизни самарской: степь, борьба кочевого патріархальнаго съ земледѣльческимъ культурнымъ. Очень тянетъ [10]. *Коневская* не во мнѣ родилась; отъ этого такъ туго.

Думалъ:

Очень важное объ искусствѣ: чтò такое красота? Красота — то, чтò мы любимъ. *Не по хорошу милъ, а по милу хорошъ.* Вотъ въ томъ и вопросъ: почему милъ? почему мы любимъ? А говорить, что мы любимъ потому, что красиво, это все равно, что говорить, что мы дышимъ потому, что воздухъ пріятенъ. Мы находимъ воздухъ пріятнымъ потому, что намъ нужно дышать; и такъ же находимъ красоту потому, что намъ нужно любить. И кто не умѣетъ видѣть красоту духовную, видитъ хоть тѣлесную и любитъ.

26 іюля 1896. Я. П. Утро.

Всю ночь не спалъ. Сердце болитъ не переставая. Продолжаю страдать и не могу покорить себя Богу. Не овладѣлъ гордостью и возмущеніемъ, и не переставая болѣю сердцемъ. Одно утѣшаетъ: я не одинъ, но съ Богомъ, и потому какъ ни больно, чувствую, что что-то совершается. Помоги, Отецъ.

Вчера вышелъ въ Бабурино [11] и невольно (скорѣе избѣгалъ, чѣмъ искалъ) встрѣтилъ 80-лѣтняго Акима пашущимъ, Яремичеву бабу, у которой во дворѣ нѣтъ шубы и одинъ кафтанъ, потомъ Марью, у которой мужъ замерзъ и некому рожь свозить, и моритъ ребенка, и Трофимъ и Халявка, и мужъ и жена умирали и дѣти ихъ. А мы Бетховена разбираемъ. И молился, чтобы Онъ избавилъ меня отъ этой жизни. И опять молюсь, кричу отъ боли. Запутался, завязъ, самъ не могу, но ненавижу себя и свою жизнь.

30 іюля 1896. Ясн. Пол.

Много еще страдалъ и боролся и не побѣдилъ ни того, ни другого. Но лучше. Испортили мнѣ и дневникъ, пишу въ виду возможности чтенія живыми [12].

Сегодня *19 іюля 96.*

Дома за это время переживалъ много тяжелаго. Господи, Отецъ, избавь меня отъ моего гнуснаго тѣла. Очисти меня и не дай погибнуть и заглохнуть Твоему духу во мнѣ. Молился два раза просительно: разъ, чтобы Онъ далъ мнѣ быть орудіемъ Его, и второй — чтобы спасъ меня отъ меня животнаго.

Буду выписывать, что записано:

1) Вчера иду по передвоенному черноземному пару. Пока глазъ окинетъ, ничего, кромѣ черной земли, — ни одной зеленой травки; и вотъ на краю пыльной, сѣрой дороги кустъ татарника (репья). Три отростка: одинъ сломанъ, и бѣлый, загрязненный цвѣтокъ виситъ; другой сломанъ и забрызганъ грязью черной, стебель надломленъ и загрязненъ; третій отростокъ торчитъ вбокъ, тоже черный отъ пыли, но все еще живъ и въ серединкѣ краснѣется. Напомнилъ Хаджи-Мурата. Хочется написать. Отстаиваетъ жизнь до послѣдняго, и одинъ среди всего поля, хоть какъ-нибудь, да отстоялъ ее.

3) Любовь къ врагамъ. Трудна она, рѣдко удается... какъ и все вполнѣ прекрасное. Но зато какое счастье, когда достигаешь ея! Есть чудная сладость въ этой любви, даже въ предвкушеніи ея. И сладость эта какъ разъ въ обратномъ отношеніи привлекательности предмета любви. Да, духовное сладострастіе любви къ врагамъ.

4) Другой человѣкъ заставляетъ меня страдать. Какъ только я думаю о себѣ, о своемъ страданіи, страданіе все растетъ и рас-

стетъ, и находитъ ужасъ передъ мыслью о томъ, до чего оно можетъ дойти. Стоитъ подумать о томъ человѣкѣ, отъ котораго страдаешь, подумать объ его страданіи, — и мгновенно исцѣляешься. Иногда это легко, когда уже любишь мучителя; но, хотя и трудно, всегда можно.

5) Вчера, гуляя, думалъ о томъ, что̀ такое тѣ предѣлы, которые отдѣляютъ насъ, одни существа отъ другихъ? И подумалъ: не суть ли пространство и время условія этихъ дѣленій, или, скорѣе, послѣдствія этихъ дѣленій? Если бы я не былъ отдѣленъ, для меня бы не было ни пространства, ни времени, какъ его нѣтъ для Бога. Но какъ только я не все, то я могу понимать себя и другія существа только черезъ пространство и время.

(Чувствую, что тутъ что-то есть, но не могу еще ясно выразить).

6) Споръ о томъ, хорошо ли влюбленье. Для меня рѣшеніе ясно: если человѣкъ живетъ уже человѣческой, духовной жизнью, то влюбленье, любовь, бракъ будетъ для него паденіе, онъ долженъ будетъ отдавать часть своихъ силъ женѣ, семьѣ, или хоть только предмету влюбленья. Если же онъ на степени животной: ѣстъ, пьетъ, работаетъ, служитъ, пишетъ, играетъ, — то влюбленье будетъ для него подъемъ, какъ для животныхъ, для насѣкомыхъ во время р...

8) Вчера переглядѣлъ романы, повѣсти и стихи Фета. Вспомнилъ нашу въ Ясной Полянѣ неумолкаемую, въ 4 фортепіано, музыку, и такъ ясно стало, что все это: и романы, и стихи, и музыка, — не искусство, какъ нѣчто важное и нужное людямъ вообще, а баловство грабителей, паразитовъ, ничего не имѣющее общаго съ жизнью: романы, повѣсти о томъ, какъ пакостно влюбляются, стихи о томъ же или о томъ, какъ томятся отъ скуки. О томъ же и музыка. А жизнь, вся жизнь кипитъ своими вопросами о пищѣ, размѣщеніи, трудѣ, о вѣрѣ, объ отношеніяхъ людей... Стыдно, гадко. Помоги мнѣ, Отецъ, разъясненіемъ этой лжи послужить Тебѣ.

9) Иду отъ Чертковыхъ 5-го іюля. Вечеръ, и красота, счастье, благо на всемъ. А въ мірѣ людей? Жадность, злоба, зависть, жестокость, похоть, развратъ. Когда будетъ въ людяхъ то же, что̀ въ природѣ? Тамъ борьба, но честная, простая, красивая. А тутъ — подлая. Я знаю ее и ненавижу, потому что самъ человѣкъ.

(Не вышло).

14) Часто удивляются на то, что люди неблагодарны. Надо удивляться, какъ они могутъ быть благодарны за сдѣланное имъ добро. Какъ бы мало ни дѣлали люди добро, они знаютъ несомнѣнно, что дѣланье добра есть величайшее счастье. Какъ же людямъ благодарить другихъ за то, что эти другіе напились, когда въ этомъ великое наслажденіе?

17) Эстетическое наслажденіе есть наслажденіе низшаго порядка. И потому высшее эстетическое наслажденіе оставляетъ неудовлетворенность. Даже чѣмъ выше эстетическое наслажденіе, тѣмъ бо̀льшую оно оставляетъ неудовлетворенность. Все хочется чего-то еще и еще. И безъ конца. Полное удовлетвореніе даетъ только нравственное благо. Тутъ полное удовлетвореніе, дальше ничего не хочется и не нужно.

20) Не можетъ жить человѣкъ плотской жизнью, если не будетъ считать себя правымъ, и не можетъ жить духовной жизнью, если не будетъ считать себя грѣшнымъ.

Иду спать. $^1/_2$ 1-го ночи 30-го іюля.

31 іюля 96. Я. П. Е. б. ж.

31 іюля 1896. Я. П.

Живъ. Сейчасъ вечеръ, 5-й часъ. Лежу и не могу заснуть. Сердце болитъ. Измученъ. Слышу въ окно — играютъ въ теннисъ, смѣются. С. уѣхала къ Шеншинымъ [13]. Всѣмъ хорошо, а мнѣ тоска, и не могу совладать съ собой. Похоже на то чувство, когда St. Thomas [14] заперъ меня, и я слышалъ изъ своей темницы, какъ всѣ веселы и смѣются. Но не хочу. Надо терпѣть униженіе и быть добрымъ. Могу.

Продолжаю выписывать:

1) Невѣріе въ разумъ — источникъ всего зла. Невѣріе это достигается преподаваніемъ обмана вѣры съ дѣтства. Повѣрь въ одно чудо — и погублено довѣріе разуму.

3) Не счастье даетъ христіанство, а безопасность: опускаетъ на дно, съ котораго некуда падать.

4) Ѣхалъ верхомъ изъ Тулы и думалъ о томъ, что я — часть Его, извѣстнымъ образомъ отдѣленная отъ другихъ такихъ частей, а Онъ — все, Отецъ, — и почувствовалъ любовь, прямо любовь къ Нему. Теперь, особенно теперь не могу не только возстановить, но вспомнить это чувство. А было такъ радостно, что я сказалъ себѣ: вотъ думалъ, что я не узнаю уже новаго, а вотъ узналъ удивительное, блаженное, новое чувство, именно чувство.

1 августа 96. Ясн. Пол. Е. б. ж., — что̀ сомнительно. Очень сердце болитъ.

Страшно подумать, сколько прошло времени: полтора мѣсяца. Нынче *14 сентября 96. Я. П.*

Да: за это время было письмо отъ Индуса Тода и прелестная книга индійской мудрости Joga's Philosophy.

За это время думалъ:

1) Есть много людей, особенно Европейцевъ, и особенно женщинъ, которые не только говорятъ, но и пишутъ умныя какъ будто вещи, такъ же, какъ нѣмые говорятъ: собственно, ему не

свойственно думать, такъ же какъ нѣмому — говорить, но и того и другого, и глупаго и нѣмого, научили.

2) Для того, чтобы любить отдѣльнаго человѣка, надо быть ослѣпленнымъ. Безъ ослѣпленія можно любить только Бога, а людей жалѣть, что̀ и значитъ любить по-Божьи.

4) Сначала поражаешься, почему людямъ глупымъ свойственны такія увѣренныя, убѣдительныя интонаціи. Но такъ и должно быть. Иначе ихъ бы никто не слушалъ.

11) Варварство мѣшаетъ единенію людей, но то же дѣлаетъ и слишкомъ большая утонченность безъ религіозной основы. Тамъ разъединяетъ физическое, а тутъ — духовное.

12) Человѣкъ, это — орудіе Бога. Сначала я думалъ, что это — орудіе, которымъ призванъ работать самъ человѣкъ; теперь же я понялъ, что это — орудіе, которымъ работаетъ не человѣкъ, а Богъ. Дѣло человѣка только въ томъ, чтобы себя держать въ порядкѣ. Какъ топоръ, который бы долженъ былъ держать себя всегда чистымъ и наточеннымъ.

13) Отчего негодяи стоятъ за деспотизмъ? Оттого, что при идеальномъ правленіи, воздающемъ по заслугамъ, имъ плохо. При деспотизмѣ же все можетъ случиться.

Нынче *10 октября 96. Я. П.*

Почти мѣсяцъ не писалъ, а казалось, что только вчера. За это время, хоть въ очень дурномъ видѣ, но окончилъ изложеніе вѣры. За это время были Японцы съ письмомъ отъ Кониси[16]. Они, Японцы, къ христіанству несомнѣнно ближе, чѣмъ наши церковные христіане. Очень я ихъ полюбилъ.

Нынче *20 октября 96. Я. П. Утромъ.*

Хочется записать три вещи:

1) Въ художественномъ произведеніи главное — душа автора. Отъ этого изъ среднихъ произведеній женскія лучше, интереснѣе. Женщина нѣтъ-нѣтъ да и прорвется, выскажетъ самое тайное души; оно-то и нужно; видишь, что̀ она истинно любитъ, хотя и притворяется, что любитъ другое. Когда авторъ пишетъ, мы, читатели, прикладываемъ ухо къ его груди и слушаемъ и говоримъ: «Дышите. Если есть хрипы, они окажутся». И женщины не умѣютъ скрывать. А мужчины выучатся литературнымъ пріемамъ, и его уже не увидишь изъ-за его манеры, только и знаешь, что онъ глупъ. А что̀ у него за душой — не увидишь.

(Нехорошо: зло.)

2-ое хотѣлъ записать то, что вчера, потушивъ свѣчу, сталъ щупать спички и не нашелъ, и нашла жутость. «А умирать собираешься! Что жъ, умирать тоже будешь со спичками?» сказалъ я себѣ, и тотчасъ же увидалъ настоящую свою жизнь въ темнотѣ, и успокоился.

Что̀ такое этотъ страхъ темноты? Кромѣ страха невозможности справиться въ случаѣ какого-нибудь случая, это — страхъ отсутствія иллюзіи главнаго изъ чувствъ — зрѣнія, это — страхъ передъ созерцаніемъ своей истинной жизни. У меня уже нѣтъ теперь этого страха, — напротивъ: то, что̀ было страхомъ, стало успокоеніемъ, осталась только привычка страха; но у большинства людей страхъ именно передъ тѣмъ, что̀ одно можетъ дать успокоеніе.

4) Утонченность и сила искусства почти всегда діаметрально противоположны.

5) Правда ли, что произведенія искусства добываются усидчивымъ трудомъ? То, что̀ мы называемъ произведеніемъ искусства — да. Но настоящее ли это искусство?

6) Японцы запѣли, мы не могли удержаться отъ смѣха. Если бы мы запѣли у японцевъ, они бы смѣялись. Тѣмъ болѣе, если бы имъ играли Бетховена. Индійскіе и греческіе храмы всѣмъ понятны. Всѣмъ понятны и статуи греческія. Понятна и живопись наша лучшая. Такъ что архитектура, скульптура, живопись, дойдя до своего совершенства, дошли и до космополитизма, общедоступности. До того же дошло, въ нѣкоторыхъ своихъ проявленіяхъ, искусство слова: въ поученіяхъ Будды, Христа, въ поэзіи Сакіа-Муни, Якова, Іосифа [16]. Въ драматическомъ искусствѣ: Софоклъ, Аристофанъ — не дошли. Доходятъ въ новыхъ. Но въ музыкѣ совсѣмъ отстали.

Идеалъ всякаго искусства, къ которому оно должно стремиться, это — общедоступность; а оно, особенно теперь музыка, лѣзетъ въ утонченность.

7) Главное же то, что̀ хотѣлось бы сказать объ искусствѣ, это — то, что его нѣтъ въ томъ смыслѣ какого-то великаго проявленія человѣческаго духа, въ которомъ его понимаютъ теперь. Есть забава, состоящая въ красотѣ построекъ, въ изваяніи фигуръ, въ изображеніи предметовъ, въ пляскѣ, въ пѣснѣ, въ игрѣ на разныхъ инструментахъ, въ стихахъ, въ басняхъ, сказкахъ; но все это — только забава, а не важное дѣло, которому можно сознательно посвящать свои силы.

Такъ всегда и понималъ и понимаетъ это рабочій, неиспорченный народъ. И всякій человѣкъ, не удалившійся отъ труда и жизни, не можетъ смотрѣть на это иначе. Надо бы, надо бы высказать это. Сколько зла отъ этой важности, приписываемой паразитами общества своимъ забавамъ!

Нынче, должно быть, *23 октябрь 96. Я. П.*

Всѣ эти дни разладился въ работѣ. Написалъ вчера письмо иркутскому начальнику дисциплинарнаго батальона объ Ольховикѣ [17].

Сейчасъ вечеръ, сажусь писать, потому что чувствую особенную важность и серьезность остающихся мнѣ часовъ жизни. И не знаю, что мнѣ должно дѣлать, но чувствую назрѣвшее во мнѣ и просящееся наружу выраженіе воли Бога.

Перечелъ «Хаджи-Мурата» — не то. За «Воскресенье» и взяться не могу. Драма занимаетъ *.

6 ноября 1896. Я. П.

Думалъ:

1) Естественныя науки, когда хотятъ опредѣлить самую сущность вещей, впадаютъ въ грубый матеріализмъ, т. е. невѣжество. Таковы, кромѣ турбильоновъ Декарта, и атомы, и эѳиръ, и происхожденіе видовъ. Все, что могу сказать, это то, что представляется мнѣ такъ, — точно такъ же, какъ представляется мнѣ сводъ небесный круглымъ, но я знаю, что онъ *не* круглый, а представляется мнѣ такимъ только потому, что мое зрѣніе во всѣ стороны хватаетъ на одинъ и тотъ же радіусъ.

2) Высшее совершенство искусства — это его космополитизмъ. А у насъ теперь, напротивъ, оно все больше и больше обособляется, хоть не по народамъ, то по сословіямъ.

3) Утонченность искусства и сила его всегда обратно пропорціональны.

17 ноября 1896. Я. П.

Въ газетахъ борьба изъ-за рѣпинскаго опредѣленія искусства, какъ забавы. Какъ подходитъ къ моей работѣ. Все не выяснилось вполнѣ значеніе искусства. Ясно, и могу написать и доказать, но не кратко и просто. До этого не могу довести.

Забава хорошо, если забава не развратная, честная, и изъ-за забавы не страдаютъ люди. Сейчасъ думаю: эстетика есть выраженіе этики, т. е. по-русски: искусство выражаетъ тѣ чувства, которыя испытываетъ художникъ. Если чувства хорошія, высокія, то искусство будетъ хорошее, высокое, и наоборотъ. Если художникъ нравственный человѣкъ, то и искусство его будетъ нравственное, и наоборотъ. (Ничего не вышло.)

Думалъ нынче ночью:

1) Мы радуемся на успѣхи наши техническіе — паръ . . ., фонографы. И такъ довольны этими успѣхами, что если намъ скажутъ, что успѣхи эти достигаются только при погибели человѣческихъ жизней, то, пожимая плечами, говоримъ: «надо постараться, чтобы этого не было: 8-мичасовой день, страхованіе рабочихъ и т. п.; но изъ-за того, что нѣсколько людей гибнутъ, нельзя отказываться отъ тѣхъ успѣховъ, которыхъ мы достигли», т. е. fiat [18] зеркала, фонографы и т. п., pereat [19] нѣсколько людей.

* Драма: „И свѣтъ во тьмѣ свѣтитъ“.

Стòитъ только допустить этотъ принципъ — и нѣтъ предѣла жестокости, и очень легко добывать всякія техническія усовершенствованія. У меня былъ знакомый въ Казани, который въ свою Вятскую деревню, за 130 верстъ, ѣздилъ вотъ какъ: онъ покупалъ на конной пару лошадей за 20 рублей (лошади были очень дешевы), запрягалъ ихъ и гналъ 130 верстъ до мѣста. Иногда они добѣгали до мѣста, и у него оставались лошади и стоимость проѣзда. Иногда не добѣгали части пути, и онъ нанималъ. Но все-таки ему обходилось дешевле, чѣмъ нанимать ямскихъ. Еще Свифтъ предлагалъ ѣсть дѣтей. И это было [бы] очень выгодно. Въ Нью-Іоркѣ компаніи желѣзныхъ дорогъ по городу давятъ каждый годъ нѣсколько человѣкъ прохожихъ и не передѣлываютъ переѣзды такъ, чтобы не было возможности несчастій, потому что передѣлка эта стòитъ дороже, чѣмъ уплата семьямъ ежегодно раздавленныхъ. То же происходитъ и въ техническихъ усовершенствованіяхъ нашего вѣка. Они дѣлаются жизнями человѣческими. А надо цѣнить каждую жизнь человѣческую — не цѣнить, а ставить ее выше всякой цѣны, и дѣлать усовершенствованія такъ, чтобы жизни не гибли и не портились, и прекращать всякое усовершенствованіе, если оно вредитъ жизни человѣческой.

18 ноября. Е. б. ж., то Москва. 96.

22 ноября 96. Москва.

4-й день въ Москвѣ. Недоволенъ собой. Нѣтъ работы. Запутался въ статьѣ объ искусствѣ и не подвинулся впередъ.

Нынче *2 декабря 96. Москва.*

Пять дней прошло, и очень мучительныхъ. Все то же.

Мое чувство: я узналъ на себѣ страшную, гніющую рану. Мнѣ обѣщали залѣчить ее и завязали. Рана такъ отвратительна мнѣ, такъ тяжело мнѣ думать, что она есть, что я постарался забыть про нее, убѣдить себя, что ея не было. Но прошло нѣкоторое время — рану развязали, и она, хотя и заживаетъ, все-таки есть. И это мучительно мнѣ было больно, и я сталъ упрекать — и несправедливо — врача. Вотъ мое положеніе. Главное — приставленный ко мнѣ бѣсъ. Ахъ, эта роскошь, это богатство, это отсутствіе заботы о жизни матеріальной! Какъ переудобренная почва. Если только на ней не выращиваютъ, выпалывая, вычищая все кругомъ, хорошія растенія,—она зарастетъ страшной гадостью и станетъ ужасна. А трудно, — старъ и почти не могу. Вчера ходилъ, думалъ, страдалъ и молился, и, кажется, не напрасно.

Нынче *19 или 20 декабря 1896. Москва.*

5) Читаю исторію музыки: изъ 16-ти главъ объ искусственной музыкѣ есть одна коротенькая глава о народной музыкѣ. И о ней почти ничего не знаютъ. Такъ что исторія музыки не есть

исторія того, какъ зарождалась и распространялась, развивалась настоящая музыка: музыка мелодій, — а исторія искусственной музыки, т. е. того, какъ уродовалась настоящая, мелодичная музыка.

6) Искусственная господская музыка, музыка паразитовъ, чувствуя свое безсиліе, свою безсодержательность, прибѣгаетъ, чтобы замѣнить настоящій интересъ искусственнымъ, то къ контрапункту, фугѣ, то къ оперѣ, то къ иллюстраціи.

7) Церковная музыка потому и была хороша, что она была доступна массамъ. Несомнѣнно хорошо только то, что всѣмъ доступно. И потому навѣрное, чѣмъ болѣе доступно, тѣмъ лучше.

8) Различные характеры, выражаемые искусствомъ, только потому трогаютъ насъ, что въ каждомъ изъ насъ есть возможности всѣхъ возможныхъ характеровъ. (Забылъ.)

9) Исторія музыки, какъ и всѣ исторіи, написана по тому плану, чтобы показать, какъ она понемногу достигала того положенія, въ которомъ находится то, чего пишется исторія теперь. Теперешнее же состояніе музыки или того, чего пишется исторія, предполагается высшимъ. А что, какъ, оно не только низшее, но совсѣмъ уродливое, случайное уклоненіе въ уродливость?

10) Вѣра въ авторитеты дѣлаетъ то, что ошибки авторитетовъ берутся за образцы.

11) Говорятъ, музыка усиливаетъ впечатлѣніе словъ — въ аріи, пѣснѣ. Неправда. Музыка перегоняетъ Богъ знаетъ насколько впечатлѣніе словъ. Арія Баха: какія слова могутъ съ ней тягаться во время ея воспроизведенія? Другое дѣло — слова сами по себѣ. На какую музыку ни положи нагорную проповѣдь, музыка останется далеко позади, когда вникнуть въ слова. «Crucifix» Фора: музыка жалка подлѣ словъ. Совсѣмъ два разныя чувства и несовмѣстимыя. Въ пѣснѣ они сходятся только потому, что слова даютъ тонъ.

(Неточно. Объ этомъ въ другомъ мѣстѣ.)

14) Поэзія народная всегда отражала и не только отражала — предсказывала, готовила народныя движенія: крестовые походы, реформацію. Что можетъ предсказать, подготовить поэзія нашего паразитнаго кружка? — Любовь, развратъ; развратъ, любовь.

15) Народная поэзія, музыка, вообще искусство — изсякло потому, что все даровитое переманивалось подкупами въ скомороховъ богатыхъ и знатныхъ: камерная музыка, оперы, оды и . . .

16) Во всѣхъ искусствахъ — борьба христіанскаго съ языческимъ. Христіанское начинаетъ побѣждать, и набѣгаетъ новая волна 15-го вѣка — возрожденія, и только теперь, въ концѣ 19-го, опять поднимается христіанство, и язычество, въ видѣ декадентства, дойдя до послѣдней степени безсмыслія, уничтожается.

17) Кромѣ того, что даровитѣйшіе люди изъ народа подкупами переманивались въ лагерь паразитовъ, причиной уничтоженія

народной поэзіи и музыки были: сначала закрѣпощеніе народа, а потомъ, самое главное — книгопечатаніе.

Теперь 2-й часъ. Та же слабость. Но духомъ бодръ, когда помню о значеніи всей жизни, а не этой одной, которую я прожилъ Львомъ Николаевичемъ. Помоги мнѣ, Господь, дѣлать всегда, вездѣ Твою волю, быть съ Тобою. Но не моя, но Твоя да будетъ воля.

21 декабря. М. 96. Е. б. ж.

Пишу еще *20 декабря 1896 . Москва.*

Все такъ же тяжело. Помоги, Отецъ. Облегчи. Усилься во мнѣ, покори, изгони, уничтожь поганую плоть и все то, что черезъ нее чувствую.

22 декабря. Москва. 96. Е. б. ж., что начинаетъ быть очень сомнительно: не переставая болитъ сердце. Нѣтъ отдыха ни на чемъ почти. Гадко, что хочется плакать надъ собой, надъ напрасно губимымъ остаткомъ жизни. А можетъ быть, такъ надо. Даже навѣрное такъ надо.

25 декабря 96. Москва.

9 часовъ вечера. Мнѣ душевно лучше. Но нѣтъ работы умственной, художественной, и я тоскую. Сейчасъ испытываю это особенное святочное размягченіе, умиленіе, поэтическую потребность. Руки холодныя, хочется плакать и любить.

5 января 1897. Москва.

Началъ перечитывать «Воскресеніе» и, дойдя до его рѣшенія жениться, съ отвращеніемъ бросилъ. Все невѣрно, выдуманно, слабо. Трудно поправлять испорченное. Для того, чтобы поправить, нужно: 1) поперемѣнно описывать его и ея чувства и жизнь, и 2) положительно и серьезно ея, и отрицательно и съ усмѣшкой его. Едва ли кончу. Очень все испорчено.

3) Читалъ письмо Никашидзе о съѣздѣ духоборовъ, гдѣ они рѣшали общественные вопросы. Это образецъ возможности управленія безъ насилія. Нужно одно условіе, — нѣтъ, два условія: уваженіе младшихъ или вообще слабыхъ духовно къ рѣшеньямъ избираемыхъ старшихъ, болѣе сильныхъ духовно, — старичковъ, какъ духоборы называютъ; и второе условіе, чтобы эти старички были разумны и любовны. На съѣздѣ этомъ говорили о соединеніи (общности) имущества, и старички совѣтовали, но постоянно повторяли: «Только, чтобы не было насилія, чтобы добровольно».

Въ народѣ и у духоборовъ это уваженіе и признаніе необходимости исполнять рѣшенія стариковъ есть. И все безъ формы: и выборъ стариковъ, и способы соглашенія.

4) Какъ ни толки кристаллъ, какъ ни распускай, ни жми, онъ сложится при первой возможности опять въ тѣ же формы. Такъ и складъ общества будетъ всегда тотъ же, какимъ измѣненiямъ ни подвергай его. Измѣнится форма кристалла только тогда, когда въ немъ произойдетъ химическое измѣненiе, внутреннее; то же и съ обществомъ.

18 января. Москва. 97.

Уныло, гадко. Все отталкиваетъ меня въ той жизни, которой живутъ вокругъ меня. То освобождаюсь отъ тоски и страданья, то опять впадаю. Ни на чемъ такъ не видно, какъ я далекъ отъ того, чѣмъ хочу быть. Если бы жизнь моя была точно вся въ служенiи Богу, — ничто бы не могло нарушить ея.

4 февраля 97. Никольское у Олсуфьевыхъ.

Выпишу, что думалъ за это время.

1) Въ концѣ концовъ, всегда властвуютъ тѣ, надъ которыми производится насилiе, т. е. тѣ, которые исполняютъ законъ непротивленiя. Такъ, женщины ищутъ правъ, а онѣ властвуютъ именно потому, что онѣ подчинены — и были и еще суть — силѣ. Учрежденiя во власти мужчинъ, а общественное мнѣнiе во власти женщинъ. И общественное мнѣнiе въ миллiонъ разъ сильнѣе всякихъ законовъ и войскъ. Доказательство того, что общественное мнѣнiе въ рукахъ женщинъ, — то, что не только устройство жилищъ, пища опредѣляются женщинами, — расходуютъ богатство, слѣдовательно, руководятъ работами людей женщины, успѣхъ произведенiй искусства, книгъ, даже назначенiе правителей опредѣляется общественнымъ мнѣнiемъ; а общественное мнѣнiе опредѣляется женщинами. Хорошо кто-то сказалъ, что мужчинамъ надо искать эмансипацiи отъ женщинъ, а не наоборотъ.

2) Записано: «вредъ искусства, въ особенности музыки», и хотѣлъ написать, что забылъ, но покуда писалъ, вспомнилъ. Вредъ искусства тотъ главный, что оно занимаетъ время, скрываетъ отъ людей ихъ праздность. Знаю, что оно вредно и для производящихъ, и для воспринимающихъ, когда оно поощряетъ праздность, но я не вижу яснаго опредѣленiя того, когда оно позволительно, полезно, хорошо. Хотѣлось бы сказать, что только тогда, когда это есть отдыхъ отъ труда, какъ сонъ, но не знаю еще, такъ ли.

Былъ живъ, но не записалъ 2 дня. Нынче *10 февраля 97.*

Ничего, ничего, молчанiе. Былъ у Стасова и Толстой. Дурного не дѣлалъ, но и хорошаго тоже. Скорѣе хорошее. Помоги Богъ не сглазить, а лучше. Ничего не думаю.

17 февраля. Никольское. 97.

1) Въ средніе вѣка, въ XI вѣкѣ поэзія была общая — народа и господъ, les courtois et les vilains [20]; потомъ раздѣлилась, и les

vilains стали поддѣлываться подъ господскую, а господа — подъ народную. Надо, чтобы пришло опять соединеніе.

18 февраля 1897. Никольское.

45 лѣтъ тому назадъ былъ въ сраженіи [21].

25 февраля 1897. Никольское.

Вчера, гуляя, молился и испыталъ удивительное чувство, вѣроятно подобное тому, которое возбуждаютъ въ себѣ мистики духовнымъ дѣланіемъ: почувствовалъ себя — одного духовнаго, свободнаго, связаннаго иллюзіей тѣла.

29 февраля 1897. Никольское.

1) Я обтиралъ пыль въ комнатѣ и, обойдя кругомъ, подошелъ къ дивану и не могъ вспомнить, обтиралъ ли я его или нѣтъ. Такъ какъ движенія эти привычны и безсознательны, я не могъ и чувствовалъ, что это невозможно уже вспомнить. Такъ что если я обтиралъ и забылъ это, т. е. дѣйствовалъ безсознательно, то это все равно, какъ не было. Если бы кто сознательный видѣлъ, то можно бы возстановить. Если же никто не видалъ или видѣлъ, но безсознательно; если цѣлая сложная жизнь многихъ людей проходитъ безсознательно, то эта жизнь какъ бы не была. Такъ что жизнь — жизнь только тогда, когда она освѣщена сознаніемъ.

Что̀ же такое сознаніе? Что̀ такое поступки, освѣщенные сознаніемъ? Поступки, освѣщенные сознаніемъ, это такіе поступки, которые мы совершаемъ свободно, т. е., совершая ихъ, знаемъ, что мы могли бы поступать иначе. Такъ что сознаніе есть свобода. Безъ сознанія нѣтъ свободы, и безъ свободы не можетъ быть сознанія. (Если мы подвергаемся насилію и не имѣемъ никакого выбора о томъ, какъ мы перенесемъ это насиліе, мы не будемъ чувствовать насилія.)

Память есть не что иное, какъ сознаніе прошедшаго, прошедшей свободы. Если бы я не могъ стирать и не стирать пыль, я бы не сознавалъ того, что я стираю пыль; если бы я не сознавалъ того, что я стираю пыль, я не могъ бы имѣть выбора: стирать или не стирать. Если бы у меня не было сознанія и свободы, я бы и не помнилъ прошедшаго, не связывалъ бы его въ одно. Такъ что самая основа жизни есть свобода и сознаніе — свободо-сознаніе.

(Казалось яснѣе, когда я думалъ.)

Нынче *4 апрѣля 97. Москва.*

Почти мѣсяцъ не писалъ (20 дней) и дурно прожилъ это время тѣмъ, что мало работалъ. Все писалъ объ искусствѣ, запутался послѣдніе дни. И теперь два дня не писалъ.

Спокойствіе не потерялъ, но душа волнуется, но я владѣю ею. О, Боже! Если бы только помнить о своемъ посланничествѣ, о томъ, что черезъ тебя должно проявляться (свѣтить) божество!

Но то трудно, что если это помнить только, то не будешь жить; а надо жить, энергически жить и помнить. Помоги, Отецъ.

Молился много послѣднее время о томъ, чтобы лучше была жизнь. А то стыдно и тяжело отъ сознанія незаконности своей жизни.

Вчера думалъ о Хаджи-Муратѣ, — о томъ, что въ немъ, главное, надо выразить обманъ вѣры. Какъ онъ былъ бы хорошъ, если бы не этотъ обманъ. Тоже чаще и чаще думаю о воззваніи.

Шекспира стали цѣнить, когда потеряли нравственный критерій.

9 апрѣля 97. Москва.

Былъ боленъ. Спокойно думалъ, что умру. Нынче хорошо писалъ объ искусствѣ.

17 іюля 1897. Я. П.

Ѣздилъ на велосипедѣ въ Ясенки. Очень люблю это движеніе. А совѣстно.

Письмо отъ Черткова: онъ очень боленъ. Я очень дорожу имъ. Да и какъ же не дорожить.

9 августа 1897. Я. П.

1) Прислуга дѣлаетъ жизнь ложной и развратной. Какъ только прислуга, такъ увеличиваешь потребности, усложняешь жизнь и дѣлаешь ее тяжестью: изъ радости, когда дѣлаешь самъ, дѣлается досада, а главное, отрекаешься отъ главнаго дѣла жизни: исполненія братства людей.

2) Эстетическое и этическое — два плеча одного рычага: насколько удлиняется и облегчается одна сторона, настолько укорачивается и тяжелѣетъ другая сторона. Какъ только человѣкъ теряетъ нравственный смыслъ, такъ онъ дѣлается особенно чувствителенъ къ эстетическому.

4) Обычное явленіе, что старики любятъ путешествовать, уѣзжать далеко и перемѣнять мѣсто. Не предвидѣнье ли это и готовность къ послѣднему путешествію?

15 августа 97. Я. П.

Былъ Ломброзо — ограниченный, наивный старичокъ.

Нынче *14 октября 97. Я. П.*

1) Нѣтъ бо̀льшаго подспорья для эгоистической, спокойной жизни, какъ занятіе искусствомъ для искусства. Деспотъ, злодѣй непремѣнно долженъ любить искусство. (Записано что-то въ этомъ родѣ, теперь не помню.)

5) Когда люди восхищаются Шекспиромъ, Бетховеномъ, они восхищаются своими мыслями, мечтами, вызываемыми Шекспи-

ромъ, Бетховеномъ, какъ влюбленные любятъ не предметъ, а то, что онъ вызываетъ въ нихъ. Въ такомъ восхищеніи нѣтъ настоящей реальности искусства, но зато есть полная безпредѣльность.

6) Только тогда можно понять и почувствовать Бога, когда ясно понялъ нереальность всего матерьяльнаго.

7) Недавно, лѣтомъ, въ первй разъ ясно почувствовалъ Бога, то, что Онъ есть, и я въ Немъ; что только и есть, что я въ Немъ: въ Немъ, и какъ ограниченное въ неограниченномъ, въ Немъ, и какъ ограниченное существо, въ которомъ Онъ.

(Ужасно скверно, неясно. А почувствовалъ ясно и особенно живо въ первый разъ въ жизни.)

Вообще, не знаю, отчего, нѣтъ у меня того религіознаго чувства, которое было, когда прежде писалъ дневникъ ни для кого. То, что его читали и могутъ читать, губить это чувство. А чувство было драгоцѣнное и помогало мнѣ въ жизни. Начну сначала съ нынѣшняго, 14-го числа писать опять попрежнему, — такъ чтобы никто не читалъ при моей жизни. Если будутъ мысли, стоящія того, могу ихъ выписывать и посылать Черткову.

10) Всѣ бѣдствія, порождаемыя половыми отношеніями, влюбленностями, происходятъ только отъ того, что мы смѣшиваемъ плотскую похоть съ духовной жизнью, съ — страшно сказать — любовью; употребляемъ нашъ разумъ не на то, чтобы осудить и опредѣлить эту страсть, а на то, чтобы разукрасить ее павлиньими перьями духовности. Вотъ гдѣ les extrêmes se touchent. Приписывать всѣ влеченія между полами половой похоти кажется очень матерьяльнымъ, а напротивъ, это — самое духовное отношеніе: выдѣлить изъ области духовной все, что не принадлежитъ ей, чтобы мочь высоко цѣнить ее.

14) Сердишься на женщину, что она не понимаетъ, — или понимаетъ, но не дѣлаетъ того, что ей говоритъ разумъ. Она не можетъ этого дѣлать. Какъ магнитъ дѣйствуетъ на желѣзо и не дѣйствуетъ на дерево, такъ и выводы разума для нея не обязательны — не двигательны. Для нея обязательно чувство и выводы разума только тогда, когда они передаются авторитетами, т. е. чувствомъ желанія не отставать отъ другихъ. Такъ что она не повѣритъ и не послѣдуетъ очевидному требованію разума, если оно не подтверждено авторитетомъ, а повѣритъ и послѣдуетъ величайшей нелѣпости, если только это всѣ дѣлаютъ. Она не можетъ иначе. А мы сердимся. Много и мужчинъ есть такихъ — женоподобныхъ.

15) Служить надо другимъ, а не себѣ, уже только потому, что въ служеніи другимъ есть предѣлъ, и потому тутъ можно поступать разумно: построить домъ неимущему, купить корову, одежду; а въ служеніи себѣ нѣтъ предѣла: чѣмъ больше служить, тѣмъ хуже.

18) Ѣхалъ мимо закутъ. Вспомнилъ ночи, которыя я проводилъ тамъ [22], и молодость и красоту Дуняши (я никогда не былъ въ связи съ ней), сильное женское тѣло ея. Гдѣ оно? Ужъ давно однѣ кости. Что̀ такое эти кости? Какое ихъ отношенiе къ Дуняшѣ? Было время, когда эти кости составляли часть того отдѣльнаго существа, которое была Дуняша. Потомъ это существо перемѣнило центръ, и то, что было Дуняша, стало частью другого, огромнаго, по величинѣ своей недоступнаго мнѣ, существа, которое я называю землею. Мы не знаемъ жизни земли и потому считаемъ ее мертвой такъ же, какъ живущее одинъ часъ насѣкомое считаетъ мертвымъ мое тѣло, потому что не видитъ его движенiя.

Нынче *21 октября 1897. Я. П.*

Сейчасъ, оставшись одинъ послѣ занятiй, спрашивалъ себя что̀ мнѣ дѣлать, и, не имѣя никакого личнаго желанiя (кромѣ тѣлесныхъ потребностей, поднимающихся только, когда ѣсть, спать хочется), такъ ясно почувствовалъ радость сознанiя воли Бога, что мнѣ ничего не нужно и не хочется, какъ дѣлать то, что̀ Онъ хочетъ. Чувство это возникло вслѣдствiе вопроса, который я самъ себѣ задалъ, оставшись одинъ въ тишинѣ: кто я? зачѣмъ я? И такъ ясно отвѣтилось само собой: кто и что̀ бы я ни былъ, я кѣмъ-то посланъ что̀-то дѣлать. Ну, и давай это дѣлать. И такъ радостно и хорошо почувствовалъ свое слiянiе съ волей Бога.

Это — второе мое живое чувство Бога. То я почувствовалъ прямо любовь къ Богу. Теперь не могу вспомнить, какъ это было; помню только, что было это радостное чувство.

О, какое счастье — уединенiе! Нынче такъ хорошо: чувствуешь Бога.

Нынче *10 ноябрь 97. Я. П.*

2) Самое обыкновенное сужденiе о христiанствѣ, особенно у новыхъ ничшiанскихъ разсудителей, что христiанство, это — отреченiе отъ своего достоинства, слабость, покорность. Какъ разъ напротивъ: истинное христiанство прежде всего требуетъ высшее сознанiе своего достоинства, страшную силу и непоколебимость. Какъ разъ напротивъ: поклонники силы должны подличать передъ силой.

3) Шелъ по деревнѣ, заглядывалъ въ окна. Вездѣ бѣдность и невѣжество. И думалъ о рабствѣ прежнемъ. Прежде видна была причина, видна была цѣпь, которая привязывала; а теперь не цѣпь, а въ Европѣ — волоски, но ихъ такъ же много, какъ и тѣхъ, которыми связали Гулливера. У насъ еще видны веревки, ну — бечевки; а тамъ волоски, но держатъ такъ, что великану-народу двинуться нельзя.

Одно спасеніе: не ложиться, не засыпать. Обманъ такъ силенъ и такъ ловокъ, что часто видишь, какъ тѣ самые, которыхъ высасываютъ и губятъ, съ страстью защищаютъ этихъ высасывателей и набрасываются на тѣхъ, кто противъ нихъ.

14 ноября 97. Я. П.

1) Читалъ о дѣйствіи англичанъ въ Африкѣ. Все это ужасно. Но пришло въ голову: можетъ быть, это неизбѣжно нужно для того, чтобы къ этимъ народамъ проникло просвѣщеніе. Сначала задумался и подумалъ, что это такъ надо. Какой вздоръ! Почему же людямъ, живущимъ христіанской жизнью, не пойти просто, какъ Миклуха-Маклай, жить къ нимъ, а нужно торговать, спаивать, убивать? Говорятъ: «Если бы люди жили по-христіански, имъ бы дѣлать нечего было». Вотъ дѣло, и дѣло огромное: пока Евангеліе проповѣдуется всей твари.

2) Наука, потерявъ религіозную основу, стала изучать пустяки, — главное, перестала изучать важное. Съ тѣхъ поръ и составилась теорія опытной науки, Беконъ.

3) Думалъ въ pendant къ Хаджи-Мурату написать другого русскаго разбойника, Григорія Николаева. Чтобы онъ видѣлъ всю незаконность жизни богатыхъ, жилъ бы яблочнымъ сторожемъ въ богатой усадьбѣ съ lawn-tennis'омъ [23].

Нынче *17 ноября 97. Я. П.*

Второй день думаю съ особенной ясностью вотъ о чемъ:

1) Моя жизнь, мое сознаніе моей личности все слабѣетъ и слабѣетъ, будетъ еще слабѣе и кончится маразмомъ и совершеннымъ прекращеніемъ сознанія личности. Въ это же время, совершенно одновременно и равномѣрно съ уничтоженіемъ личности, начинаетъ жить и все сильнѣе и сильнѣе живетъ то, что сдѣлала моя жизнь, послѣдствія моей мысли, чувства; живетъ въ другихъ людяхъ, даже въ животныхъ, въ мертвой матеріи. Такъ и хочется сказать, что это и будетъ жить послѣ меня.

Но все это лишено сознанія, и потому я не могу сказать, что это живетъ. Но кто же сказалъ, что это лишено сознанія? Почему я не могу предположить, что это все объединится новымъ сознаніемъ, которое я справедливо могу назвать *моимъ* сознаніемъ, потому что оно все составится изъ моего? Почему не можетъ это другое, новое существо жить вмѣстѣ съ тѣми существами, которыя теперь живутъ? Почему не предположить, что мы всѣ — частицы сознанія другихъ, высшихъ существъ, такихъ, какими мы будемъ?

2) Еще думалъ нынче же совсѣмъ неожиданно о прелести, — именно прелести, — зарождающейся любви, когда на фонѣ веселыхъ, пріятныхъ, милыхъ отношеній начинаетъ вдругъ блестѣть эта звѣздочка. Это — въ родѣ того, какъ пахнувшій вдругъ за-

пахъ липы или начинающая падать тѣнь отъ мѣсяца. Еще нѣтъ полнаго цвѣта, нѣтъ ясной тѣни и свѣта, но есть радость и страхъ новаго, обаятельнаго. Хорошо это, но только тогда, когда въ первый и послѣднiй разъ.

3) Еще думалъ о той иллюзiи, которой всѣ подвержены, особенно люди, дѣятельность которыхъ отражается на другихъ, — иллюзiи, состоящей въ томъ, что, привыкнувъ видѣть дѣйствiе своихъ поступковъ на другихъ, этимъ воздѣйствiемъ на другихъ повѣряешь вѣрность своихъ поступковъ.

4) Еще думалъ: для гипнотизацiи нужна вѣра въ важность того, что̀ внушается (гипнотизацiя всѣхъ художественныхъ обмановъ). Для вѣры же нужно невѣжество и воспитанiе довѣрiя.

21 ноября 1897. Я. П.

Думалъ и записалъ:

Думалъ о смерти, — о томъ, какъ странно, что не хочется умирать, хотя ничто не держитъ, — и вспомнилъ объ узникахъ, которые такъ обживутся въ своихъ тюрьмахъ, что имъ не хочется и даже боятся покидать ихъ для свободы. Такъ и мы обжились въ своей тюрьмѣ этой жизни и боимся свободы.

24 ноября. Я. П. 97.

1) Странная судьба: съ отрочества начинаются тревоги, страсти, и думается: женишься — и пройдетъ. У меня и прошло, и былъ длинный перiодъ, лѣтъ 18, спокойствiя. Потомъ стремленiе измѣнить жизнь и отпоръ обратный. Борьба, страданiя и наконецъ какъ будто гавань и отдыхъ. Не тутъ-то было. Самое тяжелое начинается и продолжается и, должно быть, проводитъ въ смерть.

2) Легко бы было кротко, терпѣливо, съ состраданiемъ относиться къ заблуждающимся людямъ, если бы эти люди не разсуждали, и не разсуждали похоже на правду. Надо какъ-нибудь отвѣтить на эти разсужденiя, и тутъ-то не выдержишь.

3) Всякiй изъ насъ въ такомъ положенiи, что хочешь — не хочешь надо дѣлать, работать. Каждый всегда на топчакѣ. Вопросъ только въ томъ, на какой стать топчакъ.

Нынче *28 ноября 97. Я. П.*

Думалъ:

1) Часто, бывало, говоришь съ человѣкомъ, и вдругъ у него дѣлается ласковое, радостное лицо, и онъ начинаетъ говорить съ вами такъ, что, кажется, онъ сообщитъ вамъ нѣчто самое радостное для васъ; оказывается — онъ говоритъ о себѣ.

Когда человѣкъ говоритъ объ очень близкомъ ему, онъ забываетъ, что другой — не онъ. Если люди не говорятъ объ отвле-

ченномъ или духовномъ, они непремѣнно каждый говоритъ о себѣ. И это ужасно скучно.

2) Мечешься, бьешься, — все оттого, что хочешь плыть по своему направленію. А рядомъ не переставая и отъ всякаго близко течетъ божественный, безконечный потокъ любви все въ одномъ и томъ же вѣчномъ направленіи. Когда измучаешься хорошенько въ попыткахъ сдѣлать что-то для себя, спасти, обезпечить себя, — оставь всѣ свои направленія, бросься въ этотъ потокъ — и онъ понесетъ тебя, и ты почувствуешь, что нѣтъ преградъ, что ты спокоенъ навѣки и свободенъ и блаженъ.

3) Только бы себя не любить, себя, своего Л. Н., — и будешь любить и Бога и людей. Ты зажженъ и не можешь не горѣть; а горя, будешь зажигать другихъ и сливаться съ другимъ огнемъ. Себя любить — значитъ: жалѣть свою свѣчу и тушить огонь.

4) Если человѣкъ говоритъ очевидную неправду или брань на тебя, то вѣдь онъ это дѣлаетъ не отъ радости: и то, и другое очень тяжело. Если онъ это дѣлаетъ, то, очевидно, ему нельзя иначе, и онъ дѣлаетъ это, страдая. А ты, вмѣсто того, чтобы жалѣть, сердишься на него. Напротивъ, надо постараться помочь ему.

5) Трагизмъ человѣка умиленнаго, желающаго только добра, когда онъ въ этомъ состояніи, за это свое состояніе, которое онъ не можетъ не считать хорошимъ, встрѣчаетъ шипящую злобу и ненависть людей.

29 ноября 97. Е. б. ж. Я. П.

Нынче *2 декабря. Я. П. 97.*

Разговаривалъ съ Душаномъ [24]. Онъ сказалъ, что такъ какъ онъ невольно сталъ моимъ представителемъ въ Венгріи, то какъ ему поступать? Я радъ былъ случаю сказать ему и уяснить себѣ, что говорить о толстовствѣ, искать моего руководительства, спрашивать моего рѣшенія вопросовъ — большая и грубая ошибка. Никакого толстовства и моего ученія не было и нѣтъ, есть одно вѣчное, всеобщее, всемірное ученіе истины, для меня, для насъ особенно ясно выраженное въ Евангеліяхъ. Ученіе это призываетъ человѣка къ признанію своей сыновности Богу и потому своей свободы или рабства (какъ хотите назовите): свободы отъ вліянія міра и рабства Богу, волѣ Его. И какъ только человѣкъ понялъ это ученіе, онъ свободно вступаетъ въ непосредственное общеніе съ Богомъ и спрашивать ему уже нечего и не у кого.

Это похоже на плаваніе человѣка по рѣкѣ съ огромнымъ разливомъ. Пока человѣкъ не въ серединномъ потокѣ, а въ разливѣ, ему нужно самому плыть, грести, и тутъ онъ можетъ руководится направленіемъ плаванія другихъ людей. Тутъ и я могъ руководить людей, самъ приплывая къ потоку. Но какъ только

мы вступили въ потокъ, такъ нѣтъ и не можетъ быть руководителя. Всѣ мы несомы силою теченія, всѣ въ одномъ направленіи, и тѣ, кто были назади, могутъ быть впереди. Если человѣкъ спрашиваетъ, куда ему плыть, то это доказываетъ только то, что онъ еще не вступилъ въ потокъ, и то, что тотъ, у кого онъ спрашиваетъ, плохой руководитель, если онъ не умѣлъ довести его до того потока, т. е. до того состоянія, въ которомъ уже нельзя — потому что безсмысленно — спрашивать. Какъ спрашивать, куда плыть, когда потокъ съ неотразимой силой влечетъ меня по радостному для меня направленію?

Люди, которые подчиняются одному руководителю, вѣрятъ ему и слушаютъ его, несомнѣнно бродятъ впотьмахъ вмѣстѣ съ своимъ руководителемъ.

Кажется, кончилъ Искусство.

3 декабря. Я. П. 97. Е. б. ж.

Моя работа надъ Искусствомъ многое уяснила мнѣ. Если Богъ велитъ мнѣ писать художественныя вещи, онѣ будутъ совсѣмъ другія. И писать ихъ будетъ и легче, и труднѣе. Посмотримъ.

21 декабря. Москва.

Вчера получилъ анонимное письмо съ угрозой убійства, если къ 1898 году не исправлюсь; дается срокъ только до 1898 года. И жутко и хорошо.

Бѣгаю на конькахъ. Признакъ недѣятельнаго состоянія духа, что ничего не записано.

Сейчасъ прочелъ разсказъ Чехова «На подводѣ». Превосходно по изобразительности, но риторика, какъ только онъ хочетъ придать смыслъ разсказу. Удивительно прояснилось у меня въ головѣ благодаря книгѣ объ искусствѣ.

Нынче *29 декабря 97. Москва. Утро.*

Думалъ о Хаджи-Муратѣ. Вчера же цѣлый день складывалась драма-комедія: *Трупъ*. Все еще нездоровится.

Получены угрожающія убійствомъ письма. Жалко, что есть ненавидящіе меня люди, но мало интересуетъ и совсѣмъ не безпокоитъ.

Прошло два дня. *1-ое января 1898. Москва.*

Очень грустно, уныло, нездорово встрѣчаю новый годъ. Не могу работать, и все болитъ животъ.

Получилъ письмо отъ Федосѣева изъ Верхоленска о духоборахъ, очень трогательное [25].

Еще письмо отъ редактора «The Adult» о свободной любви. Если бы было время, хотѣлось бы написать объ этомъ предметѣ.

Должно быть, и напишу. Главное, показать, что все дѣло въ выгораживанiи для себя возможности бóльшаго наслажденiя безъ думы о послѣдствiяхъ. Кромѣ того, они проповѣдуютъ то, чтò уже есть и очень дурно. И почему отсутствiе внѣшней restraint поправитъ все дѣло?

Я, разумѣется, противъ всякой регламентацiи и за полную свободу, но только идеалъ есть цѣломудрiе, а не наслажденiе.

Нынче *13 января 98. Москва.*

Огромной важности, и надо будетъ хорошенько изложить. Организацiя, всякая организацiя, освобождающая отъ какихъ-либо человѣческихъ, личныхъ, нравственныхъ обязанностей. Все зло мiра отъ этого. Засѣкаютъ, развращаютъ, одуряютъ людей — и никто не виноватъ. Въ разсказѣ о возстановленiи ада это — главное, новое средство [26].

3 февраля 1898. Москва.

1) Въ минуты уныния хочется просить помощи у Бога. И можно просить. Но только такой помощи, которая бы помогла мнѣ и не помѣшала бы никому другому. И такая помощь есть только одна: любовь. Всякая другая, матерьяльная помощь не только можетъ, но должна стать въ разрѣзъ съ матерьяльнымъ благомъ другого. Только одна любовь — увеличенiе въ себѣ любви — удовлетворяетъ всему, чтò можно желать, и не становится въ разрѣзъ съ благомъ другихъ. *«Приди и вселися въ ны»*.

2) Женщины употребляютъ слова не для выраженiя своихъ мыслей, а для достиженiя своихъ цѣлей. Такой же смыслъ онѣ ищутъ и въ словахъ другихъ. И отъ этого онѣ такъ навыворотъ часто понимаютъ людей. И это очень непрiятно.

3) Смыслъ жизни только одинъ: самосовершенствованiе — улучшать свою душу. «Будьте совершенны, какъ Отецъ вашъ небесный».

5) Неорганическое есть только то, жизнь чего мы не можемъ понять. Для блохъ неорганическое есть мой ноготь. Точно такъ же и зло есть непонятое добро.

8) Одно изъ самыхъ обычныхъ заблужденiй состоитъ въ томъ, чтобы считать людей добрыми, злыми, глупыми, умными. Человѣкъ течетъ, и въ немъ есть всѣ возможности: былъ глупъ, сталъ уменъ; былъ золъ, сталъ добръ, и наоборотъ. Въ этомъ величiе человѣка. И отъ этого нельзя судить человѣка, какой [онъ]. Ты осудилъ, а онъ уже другой. Нельзя и сказать — не люблю: ты сказалъ, а онъ другой.

12) На колѣняхъ перевернулся разрѣзной ножъ отъ тяжести и мнѣ показалось, что это — живое, и я вздрогнулъ. Отчего? Оттого, что ко всему живому есть обязательства, и я испугался, что, не исполняя ихъ, я раздавилъ, прижалъ живое существо.

Нынче *19 февраля 1898. Москва.*

Начну загадывать въ пасьянсъ, услышу раздражающіе разговоры, противорѣчіе, недоволенъ своимъ писаніемъ, осужденіемъ людей, жалѣю что-нибудь, — и вдругъ вспомню, что это мнѣ такъ кажется потому, что я согнулся и копаюсь подъ поломъ, а стòитъ только выпрямиться во весь ростъ, и все непріятное, раздражительное не только исчезло, но помогаетъ радости торжества надъ своей человѣческой слабостью.

Не испыталъ еще этого при физическихъ сильныхъ страданіяхъ. Выдержитъ ли? Должно выдержать. Помоги, Господи.

А то очень радостно.

Радостно то, что положительно открылось въ старости новое состояніе большого, неразрушимаго блага. И это — не воображеніе, а ясно сознаваемая, какъ тепло, холодъ, перемѣна состоянія души, переходъ отъ путаницы, страданія къ ясности и спокойствію, и переходъ, отъ меня зависящій. Вотъ именно выросли крылья. Какъ только тяжело, больно идти ногами, распускаешь крылья. Почему же не всегда на крыльяхъ? А видно, слабъ еще. Не пріучился еще; а можетъ быть, необходимъ отдыхъ.

Интересно узнать, есть ли это состояніе — свойство старости, могутъ ли молодые испытывать его? Я думаю, что могутъ. Къ этому надо пріучить себя. Это-то есть молитва.

«Надо что-то скрывать, чего-то бояться, что-то мучаетъ, что-то недостаетъ», — и вдругъ: нечего скрывать, нечего бояться, нечему мучиться, нечего желать. Главное то, что переносишься отъ суда людского на судъ Божій.

Охъ, кабы это удержалось до смерти! Но и за то, что̀ испытывалъ, благодарю Тебя, Отецъ.

19 марта 98. Москва.

2) Хотятъ завладѣть Китаемъ — русскіе, Японія, Англія, нѣмцы, ссоры, дипломатическая борьба, будетъ и военная. И все это — только совершающееся заквашиваніе желтой расы въ одну христіанскую квашню, разнесеніе и усвоеніе идеи, какъ Крестовые походы, войны Наполеона.

4) Чѣмъ больше живешь, тѣмъ меньше становится время жизни. Для безконечно продолжительной жизни — жизни совсѣмъ бы не было.

Нынче *21 марта 98. Москва.*

6) Соціалисты никогда не уничтожатъ бѣдность и несправедливость, неравенство способностей. Сильнѣйшіе, умнѣйшіе всегда будутъ пользоваться слабѣйшими, глупѣйшими. Справедливости и равенства благъ нельзя достигнуть ничѣмъ меньшимъ христіанства, т. е. отреченьемъ отъ себя и признаніемъ смысла своей жизни въ служеніи другимъ.

8) Умные соціалисты признаютъ, что для достиженія ихъ цѣли главное дѣло въ томъ, чтобы поднять умственно и физически рабочихъ. Сдѣлать это можно только религіознымъ воспитаніемъ, а этого они не признаютъ, и потому вся ихъ работа тщетна.

Всѣ согласны, что мы живемъ не такъ, какъ должны бы и могли бы. Лѣкарство однихъ: фатализмъ религіозный и еще хуже — научный, эволюціонный. Другіе утѣшаются тѣмъ, что постепенно все само собой лучше и лучше установится: постепеновцы. Третьи утверждаютъ, что все устроится, когда дойдетъ до послѣдней крайности (соціалисты), — правительство и богатые классы завладѣютъ вполнѣ всѣми, т. е. рабочими, и тогда власть какъ-то перескочитъ не только къ рабочимъ, но къ не ошибающимся, безкорыстнымъ, самоотверженнымъ рабочимъ, которые поведутъ уже все дѣло безъ ошибки, безъ грѣха. Четвертые говорятъ, что исправить все дѣло можно только истребленіемъ злодѣевъ, дурныхъ. Но гдѣ кончаются дурные и начинаются хоть не добрые, но безвредные — нѣтъ указанія. То не истребятъ всѣхъ дурныхъ, то, какъ въ большую революцію, захватятъ въ дурные ужъ и хорошихъ. Только начать строго судить — никто правъ не останется. Какъ же быть? А есть только одно средство: религіозное измѣненіе душъ людей. И вотъ этому-то измѣненію мѣшаютъ всѣ воображаемыя лѣкарства.

11) Тѣло мое есть не что иное, какъ та часть всего существующаго, которой я могу управлять.

12) Весь міръ есть то, что̀ я ощущаю. Но что̀ такое я? Это — то, что̀ дѣйствуетъ.

13) Какъ бы хорошо написать художественное произведеніе, въ которомъ бы ясно высказать текучесть человѣка: то, что онъ, онъ одинъ и тотъ же, то злодѣй, то ангелъ, то мудрецъ, то идіотъ, то силачъ, то безсильнѣйшее существо.

22) Говорилъ съ П. о женскомъ вопросѣ. Вопроса женскаго нѣтъ. Есть вопросъ свободы, равенства для всѣхъ человѣческихъ существъ. Женскій же вопросъ есть задоръ.

12 апрѣль 1898. Москва.

Съ вчерашняго дня состояніе душевное очень тяжелое. Не сдаюсь, не высказываюсь никому, кромѣ Бога. Я думаю, что это очень важно. Важно молчать и перетерпѣть. То страданія перейдутъ къ другимъ и заставятъ ихъ страдать, а то перегорятъ въ тебѣ. Это дороже всего.

Много помогаетъ мысль о томъ, что въ этомъ моя задача, мой случай возвыситься, приблизиться немного къ совершенству. Приди и вселися въ меня, чтобы затихли мои скверны. Пробудись во мнѣ.

Все хочется плакать.

1) Нашелъ записаннымъ: «Всякая побѣда надъ врагомъ есть увеличеніе своей силы». Помнить это особенно нужно мнѣ теперь. Идетъ борьба между духовнымъ и животнымъ я, и все, что̀ я пріобрѣту для перваго, на все это я ослаблю второго. Съ одной чашки вѣсовъ перекладываю на другую. Разъ еще подпалъ искушенію, это — накатываніе дороги ко злу; устоялъ, это — начало накатыванія новой дороги — къ добру.

Нынче *29 апрѣля. Утро. Гриневка. 1898.*

Читалъ Боккачіо — начало господскаго, безнравственнаго искусства.

4 мая 1898. Гриневка. (Вечеръ.)

Думалъ:

1) Какъ слѣдитъ атлетъ за увеличеніемъ мускуловъ, такъ слѣди ты за увеличеніемъ любви или хоть, по крайней мѣрѣ, за уменьшеніемъ злобы и лжи, — и будетъ полная, радостная жизнь.

2) Вчера былъ споръ о старомъ вопросѣ: что̀ лучше — участвовать въ злѣ, стараясь уменьшать его, или отстраняться отъ него? Вѣчное возраженіе: — «Будетъ анархія». — Да, но теперь хуже анархіи: несправедливость. — «Такъ что же, начинать все съ начала: опять сильный обидитъ слабаго . . .» — Да, все съ начала, но съ той разницей, что теперь мы продолжаемъ жестокости и несправедливости, установленныя во времена языческія, варварскія, а теперь мы живемъ въ свѣтѣ христіанства, и жестокости и несправедливости не будутъ уже такъ жестоки и несправедливы . . . (Не то, а было хорошо.)

Нынче *11 мая 98. Гриневка.*

Съ помощью моихъ гимнастическихъ опытовъ убѣдился въ первый разъ, что я старъ и слабъ, и физическія упражненія надо совсѣмъ оставить. Это пріятно даже.

2) Вчера думалъ о томъ, что̀ формъ мышленія — категорій — не семь, не четыре: причинности, матеріи, пространства, времени, а только одна: движеніе, включающее въ себя все. Движеніе есть перемѣна мѣста, стало быть — пространство; перемѣна же мѣста можетъ быть скорѣе и медленнѣе — время; движеніе предшествующее — причина, послѣдующее — слѣдствіе; то, что̀ перемѣщается — матерія. Все — движеніе. Человѣкъ самъ непрестанно движется, и потому все ему объясняется только движеніемъ.

Нынче, кажется, *12 іюня. Ясная Поляна. 1898.*

6) Смерть есть переходъ отъ одного сознанія къ другому, отъ одного представленія міра къ другому. Какъ бы изъ одной сцены съ декораціями переносишься въ другую. Въ моментъ перехода видно, что то, что̀ мы считали дѣйствительностью, есть только представленіе, такъ какъ мы переходимъ отъ одного представле-

нія къ другому. Во время этого перехода видна или хоть чувствуется самая настоящая реальность. Этимъ важна и дорога минута смерти.

12) Какъ странно и тяжело на меня дѣйствуетъ видъ [[2]]* владѣющихъ землею и заставляющихъ работать народъ. Какъ угрызеніе совѣсти. И это не разсужденіе, а чувство очень сильное. Виноватъ я былъ, не отдавъ землю мужикамъ? Не знаю.

Нынче *28 іюня 98. Я. П. Вечеръ.*

2) Мнѣ бываетъ особенно непріятно, когда люди, мало жившіе и думавшіе, мнѣ не вѣрятъ и, не понимая меня, спорятъ въ вопросахъ нравственныхъ. Это оттого же, отчего ветеринару было бы досадно, если бы съ нимъ спорили люди, не свѣдущіе въ его искусствѣ. Разница только въ томъ, что ветеринарное, поварское, самоварное, какое хотите искусство или знаніе признается искусствомъ или знаніемъ, въ которомъ компетентны только изучавшіе эту область; въ дѣлѣ же нравственности всѣ считаютъ себя компетентными, потому что каждому нужно оправдывать свою жизнь, а жизнь оправдывается только теоріями нравственности. И каждый составляетъ себѣ ихъ.

3) Я часто думалъ о влюбленіи, о хорошемъ, идеальномъ, исключающемъ всякую чувственность влюбленіи, и не могъ найти ему мѣста и значенія. А мѣсто это и значеніе очень ясное и опредѣленное: оно въ томъ, чтобы облегчать борьбу похоти съ цѣломудріемъ. Влюбленіе должно у юношей, не могущихъ выдержать полнаго цѣломудрія, предшествовать браку и избавить юношей въ самые критическіе годы, отъ 16 до 20 и больше лѣтъ, отъ мучительной борьбы. Тутъ и мѣсто влюбленія. Когда же оно врывается въ жизнь людей послѣ брака, оно неумѣстно и отвратительно.

4) Меня часто спрашиваютъ совѣта въ вопросахъ владѣнія землей. Я, по старой привычкѣ, отвѣчаю; тогда какъ на такіе вопросы такъ же неприлично отвѣчать, какъ было бы неприлично отвѣчать на вопросы о томъ, какъ воспользоваться владѣніемъ, или трудами, или оброкомъ крѣпостного раба.

6 іюль. Я. П. 98.

Совсѣмъ здоровъ. Очень дурно живу. Не могу примириться съ волей Бога.

Нынче думалъ:

Жизнь Христа особенно важна, какъ образецъ той невозможности человѣка видѣть плоды своихъ трудовъ. И тѣмъ меньше, чѣмъ важнѣе дѣло. Моисей могъ войти съ своимъ народомъ въ обѣтованную землю, но Христосъ никакъ не могъ бы видѣть плодовъ

* Двойными прямыми скобками съ цифрами въ срединѣ обозначено количество словъ, выпущенныхъ редакторами Дневника вслѣдствіе интимнаго ихъ содержанія.

своего ученія, если бы онъ жилъ и до сихъ поръ. Вотъ этому надо учиться. А то мы хотимъ [дѣлать] дѣло Божье, а награду получать людскую.

17 іюля. Я. П. 98. Утро.

Особеннаго ничего не было за эти 11 дней. Рѣшилъ отдать свои повѣсти: «*Воскресенье*» и «*Отца Сергія*» въ печать для духоборовъ.

Внутренняя борьба. Мало вѣрю въ Бога. Не радуюсь экзамену, а тягочусь имъ, признавая впередъ, что не выдержу. Всю ночь нынче не спалъ. Рано всталъ и много молился. Взялся за *Воскресенье* и сначала шло хорошо, но съ тѣхъ поръ, какъ встревожился, два дня ничего не могу дѣлать. Ходилъ гулять очень хорошо. Написалъ письмо Ернфельду [27] и приготовилъ добавленіе. А силъ нѣтъ противостоять привычному соблазну. Приди и вселися въ ны. Возбуди воскресенье во мнѣ.

1) Помыслы ведутъ къ мечтаніямъ, мечтанія — къ страстямъ, страсти — къ бѣсамъ. (Изъ Добротолюбія.)

2) Эстетическое наслажденіе, получаемое отъ природы, доступно всѣмъ. Всѣ различно воспринимаютъ его, но на всѣхъ оно дѣйствуетъ. Такъ же должно дѣйствовать и искусство.

3) Какъ трудно дѣйствительно жить только для Бога. Думаешь, что живешь для Бога, а какъ только встряхнетъ жизнь, откажется та жизненная подпорка, на которой держался, чувствуешь, что нѣтъ державы въ Богѣ, и падаешь.

4) Къ «*Отцу Сергію*»: одинъ хорошъ, съ людьми падаетъ.

3 августа 1898. Пирогово.

Опять все по-старому, опять такъ же гадка моя жизнь. Пережилъ очень много; экзамена не выдержалъ. Но не отчаиваюсь и хочу переэкзаменовки. Особенно дурно держалъ экзамены потому, что имѣлъ намѣреніе перейти въ другое заведеніе. Вотъ эти мысли надо бросить, тогда будешь лучше учиться.

3) Совершенно ясно, что выгоднѣе все дѣлать сообща, но разсужденія для этого недостаточно. Если бы разсужденія было достаточно, то это давно бы уже было. То, что это видно по капиталистамъ, не можетъ убѣдить людей жить сообща. Кромѣ разсужденія о томъ, что это выгодно, надобно, чтобы сердце было готово такъ жить (чтобы міровоззрѣніе было такое, которое совпадало бы съ указаніями разума), а этого нѣтъ и не будетъ, пока не перемѣнятся желанія сердца, т. е. міровоззрѣніе людей.

4) Если бы даже случилось то, что предсказываетъ Марксъ, то случилось бы только то, что деспотизмъ переходилъ бы. То властвовали капиталисты, а то будутъ властвовать распорядители рабочихъ.

5 Ошибка марксистовъ (и не однихъ ихъ, а всей матерьялистической школы) въ томъ, что они не видятъ того, что жизнью человѣчества движетъ ростъ сознанія, движеніе религіи, — все болѣе и болѣе ясное, общее, удовлетворяющее всѣмъ вопросамъ пониманіе жизни, а не экономическая причина.

6) Главная недодуманность, ошибка теоріи Маркса — въ предположеніи о томъ, что капиталы перейдутъ изъ рукъ частныхъ лицъ въ руки правительства, а отъ правительства, представляющаго народъ, въ руки рабочихъ.

7) Ничто такъ не размягчаетъ сердца, какъ сознаніе своей вины, и ничто такъ не окаменяетъ его, какъ сознаніе своей правоты.

11) Большое заблужденіе думать, что разумъ человѣка совершененъ и можетъ открыть ему все. Ограниченность разума виднѣе, очевиднѣе всего изъ того, что человѣкъ не можетъ разрѣшить (и ясно видитъ, что не можетъ) задачи безконечности: за всякимъ временемъ есть еще время, за всякимъ пространствомъ есть еще пространство, за всякимъ числомъ еще число, такъ что все временное, пространственное — непознаваемо.

13) Я молюсь Богу о томъ, чтобы Онъ избавилъ меня отъ того страданія, которое *меня* мучаетъ. А страданіе это послано мнѣ Богомъ для того, чтобы избавить меня отъ зла. Хозяинъ стегаетъ кнутомъ скотину, чтобы выгнать ее изъ горящаго двора и спасти ее, а скотина молится о томъ, чтобы ее не стегали.

14) Есть обычныя, иногда умышленныя, иногда не умышленныя недоразумѣнія о моихъ взглядахъ, которыя, признаюсь, раздражаютъ меня.

а) Я говорю, что Богъ — не Богъ, а что Богъ есть то, что одно есть, — не постижимое благо, начало всего: противъ меня говорятъ, что я отрицаю Бога;

б) Я говорю, что не надо насиліемъ противиться насилію: противъ меня говорятъ, что я говорю, что не надо бороться со зломъ;

в) Я говорю, что надо стремиться къ цѣломудрію, и на этомъ пути будетъ въ первой степени дѣвственность, во второй — чистый бракъ, въ третьей — не чистый, т. е. не единственный бракъ: противъ меня говорятъ, что я отрицаю бракъ и проповѣдую прекращеніе рода человѣческаго;

г) Я говорю, что искусство есть дѣятельность заражающая, и чѣмъ болѣе заразительно искусство, тѣмъ оно лучше. Но что эта дѣятельность хороша или дурна независимо отъ того, насколько она удовлетворяетъ требованіямъ искусства, т. е. заразительности, еще и по тому, насколько она удовлетворяетъ требованіямъ религіознаго сознанія, т. е. нравственности, совѣсти: противъ меня говорятъ, что я проповѣдую тенденціозное искусство, и т. п.

15) Женщина, — такъ и говорятъ легенды, — орудіе дьявола. Она вообще глупа, но дьяволъ даетъ ей на подержаніе свой умъ, когда она на него работаетъ. Смотришь, сдѣлала чудеса ума, дальновидности, постоянства, чтобы сдѣлать гадости; а какъ только нужна не гадость, не можетъ понять самой простой вещи, не соображаетъ дальше настоящей минуты, и нѣтъ ни выдержки, ни терпѣнія. (Кромѣ дѣторожденія и дѣтоухаживанья.)

16) Все это относится къ женщинѣ не христіанкѣ, не цѣломудренной женщинѣ, каковы всѣ женщины нашего христіанскаго міра. Охъ, какъ хотѣлось бы показать женщинѣ все значеніе цѣломудренной женщины. Цѣломудренная женщина (недаромъ легенда Маріи) спасетъ міръ.

17) Люди всѣ заняты тремя дѣлами: 1) кормиться, т. е. поддерживать свое существованіе, 2) плодиться, — поддерживать существованіе рода, и 3) исполнять то, для чего они посланы въ міръ: устанавливать Царство Божіе, для чего одно средство — совершенствовать себя. Люди заняты почти всѣ первыми двумя дѣлами, забывая послѣднее, которое въ сущности есть одно настоящее дѣло.

18) Упадокъ нравственнаго сознанія человѣчества въ томъ, что бо̀льшая часть людей поставлена въ такое положеніе, что весь интересъ ихъ жизни только въ томъ, чтобы кормиться и плодиться. Это все равно, какъ если бы хозяинъ содержалъ скотину, заботясь только о томъ, чтобы она была накормлена или, скорѣе, не умерла съ голоду и плодилась бы, а никогда не получалъ бы никакого дохода: ни шерсти, ни молока, ни работы — отъ этой скотины. Хозяинъ, пославшій насъ въ міръ, требуетъ отъ насъ, кромѣ существованія и продолженія его, еще и нужной ему работы.

19) Къ *Воскресенью.* Нельзя было думать и помнить о своемъ грѣхѣ и быть самодовольнымъ. А ему надо было быть самодовольнымъ, чтобы жить, и потому онъ не думалъ, забылъ.

20) Нельзя требовать отъ женщины, чтобы она оцѣнила чувство своей исключительной любви на основаніи нравственнаго чувства. Она не можетъ этого сдѣлать, потому что у нея нѣтъ истиннаго, т. е. стоящаго выше всего, нравственнаго чувства.

2 ноября 1898. Я. П.

Страшно посмотрѣть, сколько времени не писалъ: больше двухъ мѣсяцевъ. И не только не было ничего дурного, а скорѣе, все хорошее. Юбилей былъ не такъ противенъ и тяжелъ, какъ ожидалъ [28]. Продажа повѣсти и полученіе 12-ти тысячъ, которыя отдалъ духоборамъ, устроилась хорошо. Дѣла очень много, но я весь поглощенъ *Воскресеньемъ,* берегу воду и пускаю только на *Воскресенье.* Кажется, будетъ недурно. Люди хвалятъ, но я не вѣрю.

Все, что̀ записалъ — все очень важное — то запишу послѣ, но сейчасъ хочется записать то, что̀ сейчасъ, вечеромъ, гуляя по дорожкѣ, я ясно не только думалъ, но чувствовалъ:

1) Подъ ногами морозная, твердая земля, кругомъ огромныя деревья, надъ головой пасмурное небо, тѣло свое чувствую, чувствую боль головы, занятъ мыслями о *Воскресеньи;* а между тѣмъ я знаю, чувствую всѣмъ существомъ, что и крѣпкая, морозная земля, и деревья, и небо, и мое тѣло, и мои мысли, — что все это — только произведенiе моихъ пяти чувствъ, мое представленiе, мiръ, построенный мной, потому что таково мое отдѣленiе отъ мiра, какое есть. И что сто̀итъ мнѣ умереть, — и все это не исчезнетъ, но видоизмѣнится, какъ бываютъ превращенiя въ театрахъ: изъ кустовъ, камней сдѣлаются дворцы, башни и т. п. Смерть есть не что̀ иное, какъ такое превращенiе, зависящее отъ другой отдѣльности отъ мiра, другой личности: то я себя, свое тѣло съ своими чувствами, считаю собою, а то̀ совсѣмъ иначе выдѣлится въ меня. И тогда весь мiръ станетъ другимъ. Вѣдь мiръ такой, а не иной, только потому, что я считаю собой то, а не другое. А дѣленiй мiра можетъ быть безчисленное количество.

(Не совсѣмъ ясно для другихъ, но для меня — очень.)

3 ноября 1898. Е. б. ж.

14 ноября 1898. Я. П.

12) Смерть есть перемѣна сознанiя, перемѣна того, что̀ я могу сознавать собою. И потому страхъ смерти есть ужасное суевѣрiе. Смерть есть радостное событiе, стоящее на концѣ каждой жизни. Страданiя затѣмъ и посланы людямъ, чтобы удерживать ихъ отъ смерти. А то всѣ бы, понимающiе жизнь и смерть, стремились бы къ смерти. Теперь же къ смерти нельзя прiйти иначе, какъ черезъ страданiя.

15) Нравственный прогрессъ человѣчества происходитъ только отъ того, что есть старики. Старики добрѣютъ, умнѣютъ и передаютъ то, что̀ они выжили, слѣдующимъ поколѣнiямъ. Не будь этого, человѣчество бы не двигалось; а какое простое средство!

16) Если человѣкъ смотритъ на жизнь матерьяльно, то старики не лучшаютъ, а хужѣютъ, и прогресса нѣтъ.

17) Техническiй прогрессъ всѣ привѣтствуютъ, всѣ подгоняютъ; нравственный же, религiозный прогрессъ задерживаютъ жрецы. Оттого главныя бѣдствiя жизни.

Сейчасъ *26 ноябрь 98. Утро. Я. П.*

Не спалъ и думалъ:

1) Зло есть матерьялъ любви. Безъ зла нѣтъ и не можетъ быть проявленiя любви. Богъ есть любовь, т. е. Богъ проявляется намъ въ побѣдѣ надъ зломъ, т. е. въ любви. Вопросъ о происхожденiи зла такъ же нелѣпъ, какъ вопросъ о происхожденiи мiра.

Не «откуда зло?» надо знать, а — какъ его поборать? какъ прилагать любовь?

Нынче *21 февраля 1899. Москва.*

Студенческая стачка. Они все меня втягиваютъ [29]. Я совѣтую имъ держаться пассивно, но писать письма имъ не имѣю охоты.

26 іюня 1899. Ясная Поляна.

21) Кажется страннымъ и безнравственнымъ, что писатель, художникъ, видя страданія людей, не столько сострадаетъ, сколько наблюдаетъ, чтобы воспроизвести эти страданія. А это не безнравственно. Страданія одного лица есть ничтожное дѣло въ сравненіи съ тѣмъ духовнымъ — если оно благое — воздѣйствіемъ, которое произведетъ художественное произведеніе.

23) Мнѣ тяжело, я прошу Бога помочь мнѣ. Да вѣдь мое дѣло служить Богу, а не Ему служить мнѣ.

30) Будущаго нѣтъ. Оно дѣлается нами.

31) Безконечность времени и пространства не есть признакъ величія ума человѣческаго, а напротивъ, признакъ его неполноты, неизбѣжной ложности.

32) Мы думаемъ о будущемъ, устраиваемъ его; а ничто будущее не важно, потому что важно дѣлать творческое дѣло любви, которое можно дѣлать во всѣхъ возможныхъ условіяхъ; а потому совершенно безразлично, какое будетъ будущее.

41) Разумной убѣжденности никогда не бываетъ полной. Полная убѣжденность бываетъ только неразумная, въ особенности у женщинъ.

42) Отвѣчай добромъ на зло — и ты уничтожишь въ зломъ человѣкѣ все удовольствіе, которое онъ получаетъ отъ зла.

43) Богъ есть любовь. Мы знаемъ Бога только въ любви, соединяющей все. Въ себѣ узнаешь Бога въ стремленіи къ этому соединенію.

44) Безпрестанно думаешь о томъ, что мнѣ будетъ хорошо отъ добра. А добро есть, или его нѣтъ, — а не *будетъ*.

45) Все дѣло въ мысляхъ. Мысль — начало всего. И мыслями можно управлять. И потому главное дѣло совершенствованія: работать надъ мыслями.

Нынче *28 сентября 1899. Я. П.*

1) Женщины, требующія для себя труда мужского и такой же свободы, большей частью безсознательно требуютъ для себя свободы разврата и спускаются, вслѣдствіе этого, гораздо ниже семьи, думая стать выше ея.

3) Я сорвалъ цвѣтокъ и бросилъ. Ихъ такъ много, что не жалко. Мы не цѣнимъ этой неподражаемой красоты живыхъ существъ и губимъ ихъ, не жалѣемъ не только растеній, но живот-

ныхъ, людей. Ихъ такъ много. Культура, цивилизація, есть не что̀ иное, какъ загубленіе этихъ красотъ и замѣненіе ихъ... чѣмъ же? Трактиромъ, театромъ...

5) Дороже всего на свѣтѣ добрыя отношенія между людьми; а устанавливаются эти отношенія не вслѣдствіе разговоровъ, — напротивъ, отъ разговоровъ портятся. Говорить какъ можно меньше и въ особенности съ тѣми людьми, съ которыми хочешь быть въ хорошихъ отношеніяхъ.

8) Братство — естественно, свойственно людямъ. Небратство, раздѣленіе старательно воспитываютъ.

16) То я — простой человѣкъ, Л. Н., животное, а то я — посланникъ Бога. Все тотъ же человѣкъ, но то — публика, а то — самъ судья въ цѣпи при исполненіи своихъ высшихъ обязанностей. Почаще надѣвать цѣпь.

Я послѣднее время отвыкъ, ослабъ. Сейчасъ только вспоминаю.

17) Человѣкъ есть внѣвременное и внѣпространственное существо, которое сознаетъ себя въ условіяхъ пространства и времени.

20) Желаютъ, волнуются, страдаютъ только изъ-за пустяковъ, или изъ-за дурного. Хорошее совершается безъ волненія. Отъ того и слово «сердце» значитъ — злость».

Сегодня *2 октября 1899. Я. П.*

Все нездоровъ, — не страдаю, но чувствую постоянную угрозу. Нравственно лучше, — больше помню Бога въ себѣ и смерть. Кажется, выбился изъ труднаго мѣста *Воскресенья*.

2) Анархія не значитъ отсутствіе учрежденій, а только отсутствіе такихъ учрежденій, которымъ людей заставляютъ подчиняться насильно, а такія учрежденія, которымъ люди подчиняются свободно, по разуму. Казалось, иначе не могло и не должно бы быть устроено общество существъ, одаренныхъ разумомъ.

4) Совѣсть есть память общества, усвояемая отдѣльными лицами.

5) Въ старости чувствуешь то же, что̀ въ путешествіи: сначала мысли въ томъ мѣстѣ, изъ котораго ѣдешь, потомъ въ самомъ путешествіи, потомъ въ томъ мѣстѣ, куда ѣдешь.

Я испытываю это все чаще и чаще, думая о смерти.

Нынче *13 октября 99. Я. П.*

Все не вполнѣ здоровъ. Такъ и надо. Но это не мѣшаетъ жить, думать и двигаться къ назначенному предѣлу.

Еще важная, радостная мысль, хотя и старая, но которая мнѣ пришла, какъ новая, и радуетъ меня очень, а именно:

1) Главная причина семейныхъ несчастій — та, что люди воспитаны въ мысли, что бракъ даетъ счастье. Къ браку прима-

ниваетъ половое влеченье, принимающее видъ обѣщанія, надежды на счастье, которое поддерживаетъ общественное мнѣніе и литература; но бракъ есть не только счастье, но всегда страданіе, которымъ человѣкъ платится за удовлетворенное половое желаніе. Страданіе въ видѣ неволи, рабства, пресыщенія, отвращенія, всякаго рода духовныхъ и физическихъ пороковъ супруга, которые надо нести: злоба, глупость, лживость, тщеславіе, пьянство, лѣнь, скупость, корыстолюбіе и развратъ, — всѣ пороки, которые нести особенно трудно не въ себѣ, а въ другомъ, и страдать отъ нихъ, какъ отъ своихъ; и такіе же пороки физическіе: безобразіе, нечистоплотность, вонь, раны, сумасшествіе и прочіе, которые еще труднѣе переносить не въ себѣ. Все это или хоть что̀-нибудь изъ этого всегда будетъ, и нести приходится всякому тяжелое. То же, что̀ должно выкупать: забота, удовлетвореніе, помощь, — все это принимается, какъ должное; всѣ же недостатки — какъ не должное, и отъ нихъ страдаютъ тѣмъ больше, чѣмъ больше ожидалось счастья отъ брака.

NB. Жаль, что не до конца проведена мысль.

Нынче *18 декабря 1899. Москва.*

Испытываю чувство успокоенія, удовлетворенія, когда заболѣваю, когда совершается разрушеніе предѣловъ моей личности. Когда только выздоравливаю, испытываю обратное: безпокойство, неудовлетворенность. Не есть ли это явные признаки того, что разрушеніе предѣловъ личности въ этомъ мірѣ есть вступленіе жизни въ новые предѣлы?

РЕДАКЦІОННЫЯ ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ТЕКСТУ.

[1] Словомъ „Продолжаю" Л. Н-чемъ начата новая тетрадь дневника: этой тетради предшествовала другая, которая, какъ сказано въ предисловіи, имѣется у редакціи настоящаго изданія дневника только въ отдѣльныхъ отрывкахъ.

[2] „Е. б. ж." означаетъ: „Если буду живъ". Этими словами Л. Н. часто заканчивалъ въ Дневникѣ то, что записывалъ за день, выставляя впередъ число слѣдующаго дня.

[3] „Катехизисомъ" Л. Н. называлъ тогда начатое имъ около того времени систематическое изложеніе своего жизнепониманія въ формѣ вопросовъ и отвѣтовъ.

[4] А. А. Шкарванъ прислалъ Л Н-чу свое письмо, озаглавленное: „Почему нельзя служить военнымъ врачемъ". Впослѣдствіи это письмо въ передѣланномъ видѣ вошло въ его книгу: „Мой отказъ отъ военной службы. Записки военнаго врача" (Изд „Свободнаго Слова", 1898, Англія, глава IV.)

[5] Никольское, подмосковное имѣніе графовъ Олсуфьевыхъ, близъ станціи Подсолнечной, Николаевской ж. д

[6] Цементный заводъ Гиля въ 7 верстахъ отъ Ясной Поляны.

[7] „Изложеніе вѣры" (впослѣдствіи названное „Христіанское ученіе").

[8] Въ письмѣ къ гр. Л. Л. Толстому отъ 7 іюня 1896 г. Л. Н. такъ разсказывалъ про этотъ случай: „Вчера у меня было удивительное событіе.

Раза три ко мнѣ приходилъ штатскій молодой человѣкъ изъ Тулы, прося дать ему книги. Я давалъ ему мои статьи нѣкоторыя и говорилъ съ нимъ. Онъ по убѣжденіямъ нигилистъ и атеистъ. Я отъ всей души говорилъ ему, что думаю. Вчера онъ пришелъ и подалъ мнѣ записку. „Прочтите, — говоритъ, — потомъ выскажите, что вы думаете обо мнѣ". Въ запискѣ было сказано, что онъ — жандармскій унтеръ-офицеръ, шпіонъ, подсланный ко мнѣ, чтобы узнать, что у меня дѣлается, и что ему стало невыносимо совѣстно, и онъ вотъ открывается мнѣ. Очень мнѣ было и жалко, и гадко, и пріятно."

9 „Заказъ" — часть яснополянскаго лѣса, неподалеку отъ дома. Тамъ впослѣдствіи былъ погребенъ Л. Н.

10 Т.-е тянетъ изобразить эти картины въ художественной формѣ.

11 Деревня въ четырехъ верстахъ отъ Ясной Поляны.

12 Л. Н-ча тяготило то, что нѣкоторыя лица, которымъ онъ не желалъ показывать свой дневникъ, все же читали его. Послѣдніе годы своей жизни онъ вынужденъ былъ прятать свой текущій дневникъ гдѣ-нибудь въ своихъ комнатахъ, а законченныя тетради — отдавать на сторону на храненіе.

13 С. — гр. С. А. Толстая. Шеншины — тульскіе помѣщики, жившіе въ своемъ имѣніи Судаковѣ, въ 5 верстахъ отъ Ясной Поляны.

14 Prosper St. Thomas, гувернеръ Л. Н-ча и его братьевъ. Случай, упоминаемый въ Дневникѣ, произвелъ на Л. Н-ча огромное впечатлѣніе. „Едва ли этотъ случай не былъ причиною того ужаса и отвращенія передъ всякаго рода насиліемъ, которые испытываю всю жизнь", писалъ впослѣдствіи Л. Н. въ своихъ воспоминаніяхъ. (См. П. Бирюковъ: „Біографія Л. Н. Толстого", М., 1911, изд. „Посредника", т. I, 99—100.) Въ повѣсти Л. Н-ча „Отрочество" St. Thomas изображенъ подъ именемъ St. Jérome. Случай, упоминаемый здѣсь, описанъ въ гл. 14, 15 и 16 этой повѣсти.

15 Даніилъ Павловичъ Конисси, японецъ, перешедшій въ православіе, обучался въ Кіевской Духовной академіи, затѣмъ пріѣхалъ въ Москву и здѣсь познакомился со Л. Н-чемъ.

16 Подъ „поэзіей Якова и Іосифа" Л. Н., очевидно, разумѣлъ библейскіе разсказы о жизни Іакова, младшаго сына патріарха Исаака, и любимаго сына Іакова, — Іосифа.

17 Крестьянинъ Харьковской губ., Сумского уѣзда, Петръ Васильевичъ Ольховикъ, отказавшійся отъ военной службы 15 октября 1895 г. на призывѣ въ г. Бѣлопольѣ, Харьк. губ.

18 Да будетъ.

19 Да погибнетъ.

20 Дворяне и чернь.

21 Л. Н-чъ ошибся на одинъ годъ: сраженіе противъ кавказскихъ горцевъ, въ которомъ онъ участвовалъ въ качествѣ „уноснаго фейерверкера", происходило 18 февраля 1853 г.

22 Здѣсь Л. Н. вспоминаетъ холостые годы своей жизни.

23 Такой типъ былъ впослѣдствіи изображенъ Л. Н. въ разсказѣ „Фальшивый купонъ" подъ именемъ дворника Василія (см. Посмертныя художеств. произв. Л. Н. Толстого изд. А. Л. Толстой, т. I).

24 Душанъ Петровичъ Маковецкій, одинъ изъ ближайшихъ друзей Л. Н., жившій послѣдніе 6 лѣтъ безотлучно при немъ въ качествѣ домашняго врача.

25 Николай Евграфовичъ Федосѣевъ — политическій ссыльный, ѣхавшій этапомъ вмѣстѣ съ сосланными въ Сибирь духоборами. Въ письмѣ своемъ Федосѣевъ сообщилъ Л. Н-чу переданныя ему самими духоборами свѣдѣнія о тѣхъ страданіяхъ, какія пришлось перенести тѣмъ изъ нихъ, которые были заключены въ екатериноградскій дисциплинарный батальонъ, а также

данныя о положеніи духоборовъ въ Сибири. Письмо это было напечатано въ „Листкахъ Свободнаго Слова" 1898, № 1.

[26] Задуманное и написанное Л. Н-чемъ лишь въ 1902 г. художественное произведеніе: легенда о разрушеніи ада Христомъ и о возстановленіи его дьяволомъ, передѣлавшимъ ученіе Христа такъ, что оно оправдывало дурную жизнь людей.

[27] Арвидъ Александровичъ Ернфельдъ (Arvid Järnfelt), извѣстный финскій писатель, единомышленникъ Л. Н.

Письмо Л. Н-ча къ Ернфельду, упоминаемое въ Дневникѣ, было слѣдующее.

„Хотя мы и никогда не видались, мы знаемъ и любимъ другъ друга и потому я смѣло обращаюсь къ вамъ съ просьбой оказать мнѣ большую помощь. Дѣло, которое я имѣю къ вамъ, должно остаться никому неизвѣстнымъ, кромѣ васъ, и потому никому не говорите и про это письмо, а отвѣтьте мнѣ (Моск.-Кур. дор., ст. Козловка), гдѣ вы теперь и готовы ли помочь мнѣ? Пишу такъ кратко, потому что мало надѣюсь, чтобы при недостаточномъ адресѣ письмо дошло до васъ. Левъ Толстой".

Въ поясненіе этого письма А. А. Ернфельдъ сообщилъ редакціи слѣдующее:

„На вопросъ Л. Н-ча я отвѣтилъ немедленно. Я былъ увѣренъ въ томъ, что онъ хочетъ оставить Ясную и устраиваетъ бѣгство. Но когда мы потомъ, въ 1899 году, увидѣлись въ Москвѣ, Л. Н. сейчасъ же сказалъ: „Да, да, вы поняли меня, но соблазнъ миновалъ на этотъ разъ". — И потомъ, оглянувшись, съ глубочайшимъ вздохомъ скорби сказалъ: — „Вы извините мнѣ, А. А., что я такъ живу, но, должно-быть, такъ надо". И больше мы объ этомъ дѣлѣ ничего не говорили".

Также въ письмѣ къ Ернфельду отъ 16 декабря 1898 года, т.-е. еще до этого свиданія съ нимъ, Л. Н-чъ писалъ: „Если увижусь съ вами когда, чего желаю очень, то разскажу вамъ, какой я ждалъ отъ васъ помощи. Теперь соблазнъ, который заставлялъ меня искать этой помощи, миновалъ".

Въ письмѣ же къ В. Г. Черткову отъ 21 іюля того же года, т.-е. черезъ три дня послѣ вышеприведенной записи въ Дневникѣ, Л. Н-чъ писалъ:

„*Никому не читать.* Я плохъ. Я учу другихъ, а самъ не умѣю жить. Ужъ который годъ задаю себѣ вопросъ, слѣдуетъ ли продолжать жить, какъ я живу, или уйти, — и не могу рѣшить. Знаю, что все рѣшается тѣмъ, чтобы отречься отъ себя, и когда достигаю этого, тогда все ясно. Но это — рѣдкія минуты".

[28] Семидесятилѣтіе Л. Н-ча, исполнившееся 28 августа 1898 г.

[29] Въ серединѣ февраля 1899 г. студенты Петербургскаго университета, въ видѣ протеста рѣшили прекратить занятія. Къ нимъ вскорѣ присоединились студенты другихъ высшихъ учебныхъ заведеній Петербурга, а затѣмъ Москвы, Кіева, Харькова, Юрьева, Одессы, Томска, Казани, Риги и Новой Александріи. Такимъ образомъ, прекратили занятія нѣсколько десятковъ тысячъ студентовъ и курсистокъ. См. сборникъ „Студенческое движеніе 1899 г." изд. „Своб. Сл." (1900, Англія), впослѣдствіи перепечатанный и въ Россіи.

У Л. Н-ча были представители московскаго и петербургскаго студенчества съ цѣлью привлечь его вниманіе и симпатіи къ студенческому движенію. См. объ этомъ воспоминанія П. Е. Щеголева: „Л. Н. Толстой и студенты въ 1896 г." въ газетѣ „День", 1912, № 36.

БИБЛІОГРАФІЯ.

УТРАТЫ И ТРУДЫ ФРАНЦУЗСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Въ эти дни судьба уберегла французскую литературу отъ невосполнимыхъ утратъ. Правда, еще въ одномъ изъ первыхъ столкновеній палъ великодушный и глубокомысленный Шарль Пеги, идеологъ культуры, выпѣстовавшій цѣлое поколѣніе большихъ писателей, но эта искупительная жертва, принесенная литературой войнѣ, словно умиротворила на время гнѣвную стихію. Въ скорбныхъ бюллетеняхъ штаба не промелькнуло болѣе ни одного изъ славныхъ именъ сегодняшней Франціи. Но кто въ силахъ измѣрить потери, понесенныя Франціей завтрашняго дня, кто сочтетъ невидимыя раны и безвѣстныя надежды, которымъ не дано уже осуществиться никогда? Повелительный зовъ войны не коснулся старости или зрѣлой мужественности признанныхъ мастеровъ слова: вѣдь слава подобна вечернему солнцу: она озаряетъ лишь закатъ писательской жизни. Но та безыменная рать молодой литературы, чередъ которой еще не насталъ, почти безъ исключенія призвана къ оружію. Списки ея утратъ растутъ непрерывно. Не стало Эрнеста Псикари, внука Эрнеста Ренана, католическаго воина, Поля Аккера, принадлежащаго къ старѣйшему поколѣнію, посредственнаго писателя, но искренняго печальника „отторженныхъ провинцій", Андрэ Лафона, идиллическаго лирика, первые сборники котораго были уже замѣчены избранной критикой, — одного изъ братьевъ де Кассаньякъ, пылкаго Донъ-Кихота монархической реставраціи; всѣ эти потери возможно взвѣсить и хоть приблизительно измѣрить понесенный ущербъ. Но что извѣстно намъ объ этихъ, все равно что анонимныхъ для русскаго читателя, да и во Франціи мало кѣмъ замѣченныхъ писателяхъ: романистахъ и драматургахъ Дю Рурѣ, Дакрѣ, Де Фовиллѣ, А. Иванъ, Дерурѣ, Форестье, Лео Бирамѣ, о критикѣ Ривассо или военномъ историкѣ Корнэ, о Пьерѣ Жинисти и Максѣ Думикѣ, наслѣдникахъ громкихъ именъ, о либреттистѣ „Русскихъ Балетовъ" Роберѣ д'Юмьеръ или историкѣ музыки Экоршвиллѣ и о столькихъ другихъ, павшихъ на полѣ брани? Между тѣмъ я перечислилъ лишь нѣкоторыхъ изъ тѣхъ, кто успѣлъ отмѣтить хоть первою вѣхою свой творческій путь, связать свое еще негромкое имя хоть съ одною единственной книгой. Но мы никогда не узнаемъ даже именъ тѣхъ, кому не привелось еще сказать своего слова, когда ихъ уста запечатлѣла смерть. Кто скажетъ, что унесли они съ собою? Памяти этихъ невѣдомыхъ избранниковъ, высокое призваніе которыхъ навѣки останется тайной, — колосьевъ, побитыхъ желѣзнымъ градомъ еще накапунѣ жатвы, — и подобаетъ лѣтописцу посвятить первыя же строки воспоминанія и скорби.

Между тѣмъ, вдали отъ ужаса и паѳоса битвы, въ обыденной обстановкѣ тыла смерть продолжаетъ дѣлать положенное ей дѣло. Такъ въ мудрой тишинѣ своей кельи „литературнаго бенедиктинца" заключилъ, 57 лѣтъ отъ роду, свои дни Реми де-Гурмонъ, поэтъ, романистъ, фило-

софъ, естествоиспытатель, языковѣдъ, историкъ и критикъ литературы, переводчикъ, публицистъ, редакторъ „Обозрѣнія идей" и дѣйствительный руководитель двухнедѣльника „Mercu e de France". Историческій смыслъ этой смерти въ томъ, что она завершаетъ только что пройденный кругъ той спирали, которую образуетъ линія развитія литературныхъ формъ: она знаменуетъ, на нашъ взглядъ, развязку замѣчательнаго движенія, извѣстнаго подъ названіемъ французскаго символизма. Для полусознательныхъ и разнорѣчивыхъ устремленій названной группы отважная и точная мысль Гурмона служила въ теченіе четверти вѣка интеллектуальнымъ центромъ, объединяющимъ, направляющимъ и сдерживающимъ. Чѣмъ объяснить столь чрезвычайное воздѣйствіе?

По широкому захвату своихъ интересовъ, по числу областей знанія и творчества, куда сумѣло проникнуть его неистребимое любопытство, Реми де Гурмонъ можетъ быть отчасти приравненъ къ величайшему „дилетанту" Франціи — Вольтеру. Но не одна лишь „амплитуда" его энциклопедическихъ знаній приближаетъ Гурмона къ столь прославленному мастеру: онъ раздѣляетъ съ создателемъ „Кандида" также и даръ ироніи, раскрѣпощающей мысль, а главное — добродѣтель сомнѣнія, скептицизмъ ума, безошибочно чуткаго ко всякой условной лжи. Поэтому-то Реми де-Гурмонъ всего меньше былъ фанатическимъ идеологомъ литературной партіи. Онъ всегда оставался противникомъ всякой эстетической догмы, всякой тираніи преемственныхъ и притязающихъ на непогрѣшимость художественныхъ правилъ. Его боевымъ лозунгомъ была автономія творческой личности; его единственнымъ критеріемъ оцѣнки — подлинность выявленія этой личности въ произведеніи искусства; иными словами — самобытность и новизна.

Такимъ образомъ, скептицизмъ его заподозрѣваетъ всякую предустановленную теорію, а научная совѣсть біолога побуждаетъ чтить и лелѣять всякое проявленіе жизни. Онъ не желаетъ ничего принимать на вѣру, отказывается выкраивать себѣ одежду по плечу изъ рухляди традиціонныхъ міровоззрѣній. Онъ равно преслѣдуетъ своимъ отточеннымъ сарказмомъ: въ литературѣ — пользованіе готовыми сочетаніями словъ и образовъ, а въ отвлеченномъ мышленіи — привычныя сцѣпленія идей. На всѣхъ путяхъ, открытыхъ для его пытливости, онъ ведетъ борьбу съ упорной стихіей косности. Его призваніе — разрушать то, что непрочно, дабы расчистить площадь для возведенія новыхъ цѣнностей.

Но самъ Гурмонъ не былъ причастенъ благодати творчества. Даже въ произведеніяхъ Гурмона-романиста преобладаетъ свойство виртуознаго и ироническаго анализа „комедіи пола" („Греза женщины", „Дѣвическ е сердце"); его орудіе — не рѣзецъ ваятеля, а лезвіе ланцета, проникающаго въ самыя непримѣтныя скважины души. Поэтому-то его драгоцѣннѣйшее наслѣдіе заключено въ рядѣ сборниковъ критическихъ очерковъ („Литературныя прогулки", „Философскія прогулки", „Книги масокъ"); рядомъ съ этими антологіями, почерпнутыми изъ журнальныхъ статей и рецензій Гурмона, слѣдуетъ поставить его сужденія „О проблемѣ стиля", изслѣдованіе о „Половомъ инстинктѣ", ранній, но капитальный трудъ о „Мистической латыни" (средневѣковой религіозной лирикѣ), утопію „Ночь въ Люксембургскомъ саду" а главное — циклы діалоговъ на темы литературы и жизни. Я уже упомянулъ о романахъ Гурмона; „Святыя рая", циклъ стихотвореній, написанныхъ „свободнымъ стихомъ" и проникнутыхъ „готической мистикой" и пасторальная поэма „Симона" характеризуютъ его, какъ поэта, и дополняютъ его сложный и значительный обликъ. Но смысла его литературной жизни слѣдуетъ, быть можетъ, искать не столько въ перечисленныхъ произведеніяхъ, сколько въ его непосредственномъ воздѣйствіи на свер-

стниковъ и современниковъ, въ его просвѣтительной и освободительной миссіи.

Мы заключимъ эту памятку утратъ однимъ лишь упоминаніемъ объ историкѣ Мезьерѣ, разсмотрѣніе чьихъ трудовъ выходитъ за предѣлы настоящей замѣтки, и объ академикѣ Полѣ Эрвье. Скромная заслуга послѣдняго писателя заключается въ попыткѣ углубить великосвѣтскій романъ и салонную драму психологическимъ анализомъ и постановкой этическихъ проблемъ. Въ добросовѣстномъ, но неглубокомъ подходѣ къ этой задачѣ онъ руководствовался, повидимому, примѣромъ скандинавскаго театра и, пожалуй, русскаго романа.—Воздавъ долгъ памяти умершихъ, мы въ правѣ перейти къ дѣламъ и словамъ живущихъ.

* * *

Можно утверждать безъ преувеличенія, что вся дѣятельность французской литературы протекаетъ нынѣ въ „планѣ" войны. Это по преимуществу отрывочная и патетическая литература воззваній, памфлетовъ и надгробныхъ словъ, зарождающихся какъ бы нечаянно, подъ повелительнымъ напоромъ событій. Ея настоящая арена есть газета или даже „летучка". Ея методъ и задача — обращеніе къ массамъ, непосредственное воздѣйствіе на подвижную психику толпы; ея главный пріемъ — упрощеніе и подчеркиваніе. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда писатели воплощаютъ свое переживаніе момента въ формахъ художественныхъ и завершенныхъ, вымыселъ ихъ представляется лишь прозрачнымъ иносказаніемъ. Художникъ стремится придать своему повѣствованію сокровенный, но убѣждающій смыслъ притчи.

Къ произведеніямъ, слѣдующимъ по этому пути косвенной пропаганды, слѣдуетъ отнести романъ Поля Буржэ „Смыслъ смерти"; романъ этотъ есть прежде всего апологія католичества, скрытая подъ маской художественной объективности и безстрастныхъ показаній экспериментальной психологіи. Такъ, въ своей пьесѣ „Баррикада" Бурже, въ свое время, съ видимостью безпристрастія противопоставилъ притязаніямъ труда священное право собственности, призывая имущихъ къ самозащитѣ; такъ, въ новомъ своемъ романѣ онъ пытается обосновать, съ точки зрѣнія позитивиста и скептика, цѣлесообразность вѣры. Романъ могъ бы называться „Двѣ смерти"; онъ построенъ на разительной антитезѣ. Знаменитый хирургъ д'Ортэгъ, одинъ изъ князей науки, вѣрующій только въ опытъ, умираетъ, сраженный неизлѣчимой болѣзнью, въ отчаяніи, униженіи и одиночествѣ. Смерть есть для него лишь великое ничто, послѣднее уничтоженіе; мысль о ней для него непереносима и приводитъ его къ нравственному опустошенію. Рядомъ съ нимъ — простодушный воинъ, раненый офицеръ Ле-Галликъ принимаетъ страданіе и смерть радостно и торжественно, ибо они освѣщаются для него религіознымъ смысломъ, готовностью къ искупленію. Изъ подобнаго сопоставленія герой романа, врачъ Марсаль, дѣлаетъ слѣдующій утилитарный выводъ: кто бы изъ нихъ ни былъ правъ, Ортегъ или Ле-Галликъ, гипотеза второго „примѣнима" передъ лицомъ смерти, гипотеза перваго — нѣтъ. Таковъ путь, которымъ Буржэ, самъ обращенный лишь недавно и непрочно, пытается привести своихъ читателей—раціональными доводами—къ подножію креста.

Если романъ Буржэ представляется, при всей неприкрытой своей тенденціозности, самымъ сосредоточеннымъ и значительнымъ художественнымъ усиліемъ, созрѣвшимъ въ атмосферѣ войны, его попытка воплотить въ образахъ психологическій сдвигъ, душевное перерожденіе своихъ соотечественниковъ подъ угрозою нашествія и національнаго уничтоженія не осталась единственной. Романъ Марсель Тинейръ

„Бдѣніе передъ боемъ“ является какъ бы анекдотической хроникой первыхъ дней войны; писательницѣ не удалось выпростать намѣченныхъ ею образовъ изъ стремительнаго потока дѣйствительности, надѣлить ихъ самостоятельной жизнью; намѣренія ея не воплощены съ достаточной четкостью. Абель Эрманъ, ироническій бытописатель новыхъ хозяевъ жизни, крупныхъ буржуа, соразмѣряетъ въ злободневной книгѣ („Семейство Валадье во время войны“) жалкій міръ интересовъ своихъ излюбленныхъ героевъ и жертвъ съ грандіозными масштабами всенароднаго героизма и самопожертвованія. Характернымъ эпизодамъ, героическимъ, сантиментальнымъ или просто картиннымъ, почерпнутымъ изъ жизни тыла и фронта посвящены „Разсказы военнаго времени“ Ренэ Базена, автора „Семейства Оберлэ“ (извѣстнаго романа, доказывающаго органическое тяготѣніе „аннексированнаго“ Эльзаса къ своей французской „пріемной“ родинѣ), циклъ разсказовъ Леона Фрапье, („Contes de la guerre“) обычнаго изобразителя быта народной школы, книги де-Ніона и нѣсколькихъ другихъ. Особое мѣсто слѣдуетъ отвести замѣчательной книгѣ бретонскаго поэта, романиста и историка литературы Шарля Ле-Гоффика. Если писатели, подобные названному Базэну, строятъ свои очерки по слишкомъ извѣстному у насъ типу „военныхъ разсказовъ“, хотя и съ болѣе гибкимъ, чѣмъ у русскихъ собратьевъ, техническимъ умѣніемъ, книга Гоффика „Диксмюде“ внушаетъ уваженіе своей чрезвычайной, строгой простотою. „Диксмюде“ воспроизводитъ одинъ лишь мѣсяцъ изъ боевой жизни морской пѣхотной бригады; авторъ стремится изъ сопоставленія показаній очевидцевъ, сообщеній штаба и опредѣленій капитула Почетнаго Легіона, изъ записей походныхъ дневниковъ и отрывковъ писемъ къ близкимъ извлечь объективное изображеніе одного изъ эпизодовъ эпической борьбы. Онъ воздерживается отъ риторическихъ прикрасъ и отъ идеологическихъ надстроекъ. Онъ накопляетъ лишь достовѣрные матеріалы для будущаго создателя народной эпопеи. Отозвался на событія дня также и Поль Аданъ, еще задолго до войны воплощавшій въ своихъ многосложныхъ, внушительныхъ и напряженныхъ романахъ идеи воинствующаго имперіализма; ему принадлежитъ напечатанный въ „Revue des deux mondes“ очеркъ „Дрожащій воздухъ“, рисующій потрясающую, „апокалиптическую“ обстановку современной артиллерійской борьбы.

Надлежитъ упомянуть также и объ импровизированныхъ писателяхъ, выдвинувшихся преимущественно изъ военной среды; я отмѣчу среди множества подобныхъ непосредственныхъ отголосковъ, книгу артиллериста Марселя Дюпона „Въ походѣ“. Она, какъ нельзя лучше, рисуетъ складъ ума французскаго офицера-гражданина и тайну нравственной спайки арміи: братство между начальниками и подчиненными, такъ ярко выразившееся также въ „Исторіи морской пѣхоты“ Гоффика.

Отыскали для себя примѣненіе въ трагически преобразившихся условіяхъ жизни также и юмористы; объ этомъ свидѣтельствуетъ хотя бы единолично составляемый Тристаномъ Бернаръ шуточный журнальчикъ („Le poil civil“), предназначенный „иммобилизованнымъ“ писателемъ для „героевъ тыла“ и патріотовъ на словахъ. Журналъ этотъ занимателенъ, какъ курьезная, проведенная до подробностей пародія на заправскую „газету военнаго времени“.

Подводя итоги художественнымъ отраженіямъ войны въ изящной литературѣ Франціи, нельзя обойти молчаніемъ и вклада поэтовъ. Послѣдніе, если и не вовсе безмолвствуютъ, то все же предпочитаютъ молчать, вопреки брошенному у насъ недавно извѣстному лозунгу. Достоинъ вниманія сборникъ свѣтскаго поэта съ нѣкоторымъ уклономъ къ творческимъ пріемамъ символистовъ — Робера де Монтескіу, вы-

шедшій подъ нѣсколько аффектированнымъ и почти непереводимымъ названіемъ „Les offrandes blessées“ („Раненныя приношенія“) и преслѣдующій цѣль „запечатлѣть память о великихъ мертвецахъ, облагороженныхъ лицахъ и трепетныхъ голосахъ“. Циклъ виртуозныхъ и риторическихъ сонетовъ Эдмона Ростана завершаетъ бѣгло начертанную мною картину.

* * *

Я уже упомянулъ о томъ, что большинство французскихъ художниковъ слова предпочло претворенію дѣйствительности въ отраженные образы вымысла — боевое служеніе публициста. Даже ученые, подобные Фредерику Массону или Эрнесту Лависсу, и философы, какъ, напримѣръ, Анри Бергсонъ или Эмиль Бутру, ощутили—безъ сомнѣнія, впервые за всю свою жизнь—потребность высказаться на столбцахъ газеты. Академикъ-гуманистъ Жозефъ Рейнакъ ведетъ изо дня въ день свои „Комментаріи Полибія“ — хронику войны. Обозрѣватель получаетъ возможность ознакомиться съ этими выступленіями, ибо наиболѣе показательныя изъ нихъ переизданы въ формѣ книгъ. Характеризуетъ эти книги очевидное единство тона: всѣ онѣ призываютъ къ борьбѣ съ воинствующимъ германизмомъ. Но въ этомъ единствѣ обозначаются степени и оттѣнки. Для идеологовъ націонализма и милитаризма настали „большіе дни“; воплощается многолѣтняя мечта о реваншѣ; наступилъ моментъ, когда ихъ узкая партійная доктрина совпала въ нѣкоторыхъ своихъ положеніяхъ со стихійнымъ порывомъ цѣлаго народа. „Священное единеніе“ обращается для нихъ въ часъ торжества завѣтнѣйшихъ вожделѣній. Таковы Морисъ Баррэсъ, замѣчательный стилистъ и парадоксальный мыслитель, смѣнившій пресловутаго Деруледа на посту предсѣдателя монархической и клерикальной „лиги патріотовъ“, поэтъ академикъ Жанъ Ришпэнъ „травящій звѣря“ въ рядѣ фельетоновъ (см. его „Proses de guerre“), другой академикъ, салонный разсказчикъ и убѣжденный милитаристъ Анри Лавданъ и многіе другіе. Они безусловно и восторженно пріемлютъ войну, поощряютъ всемѣрно законную ненависть къ чуждой и враждебной расѣ. Требованія ихъ не ограничиваются избавленіемъ родины отъ врага и возвратомъ отторженныхъ провинцій; они ставятъ себѣ цѣлью отбросить германцевъ за Рейнъ и положить конецъ нѣмецкому государственному единству. Лейтмотивомъ ихъ наиболѣе яркихъ страницъ является старый катоновскій лозунгъ: delenda est, — должна быть уничтожена! И многіе изъ нихъ грезятъ наяву о возрожденіи, въ день народной побѣды, старой и истинной на ихъ взглядъ Франціи, — Франціи креста, шпаги и королевскихъ лилій. Таковы тѣ „обертоны“, которые слышатся намъ въ торжественныхъ фанфарахъ, призывающихъ къ единенію. Въ этомъ воинственномъ хорѣ сравнительно малочисленны голоса тѣхъ, кто, признавая желѣзную необходимость борьбы за національную независимость, не поддается все же соблазну оправданія „войны, какъ таковой“.

Писателемъ, давшимъ наиболѣе совершенное выраженіе точкѣ зрѣнія на войну, принятой парламентскими руководителями,—точкѣ зрѣнія, представляемой въ профессіональной публицистикѣ Эрве и Реноделемъ, — явился Анатоль Франсъ въ сборникѣ „На славномъ пути“. Книга эта, извѣстная русскому читателю по множеству извлеченій и ссылокъ, выросла не столько изъ ненависти къ врагу, сколько изъ любви къ своему народу и вѣры въ него. Въ замѣчательной парафразѣ одного изъ эпизодовъ Геродотовой исторіи („Ксерксъ и Демаратъ“; остальныя письма и статьи, вошедшія въ сборникъ лишены подобной художественной убѣдительности) онъ предвѣщаетъ торжество свободной республиканской Франціи надъ механической громадой Германской имперіи.

Позицію проповѣдника культурнаго братства народовъ избралъ Ромэнъ Ролланъ, но скоро изнемогъ въ одинокой борьбѣ на два фронта; послѣ ряда статей въ нейтральной женевской газетѣ, собранныхъ въ книгѣ „Au dessus de la mêlée" („Надъ схваткою") и вызвавшихъ во Франціи бурю негодованія, авторъ „Жанъ-Кристофа" отказался отъ благородной, но безнадежной роли посредника, чтобы возвратиться къ частной жизни и уединенному творчеству

Въ заключеніе надлежитъ упомянуть и о дѣлѣ пропаганды, совершаемомъ эльзасскими выходцами и бѣженцами, Эмилемъ Энзеленъ или аббатомъ Ветерлэ, недавнимъ депутатомъ рейхстага, давшимъ въ своихъ „Бесѣдахъ о войнѣ" (Propos de guerre) рядъ саркастическихъ очерковъ германской культуры и общественности.

Андрей Левинсонъ.

ДѢТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА ВЪ 1915 ГОДУ.

Приступая къ краткому обзору литературы для дѣтей за истекшій годъ, мы считаемъ необходимымъ указать тѣ отправныя точки зрѣнія изъ которыхъ мы будемъ исходить при оцѣнкѣ книгъ. Прежде всего мы должны вполнѣ опредѣленно заявить, что считаемъ необходимой особую, спеціально дѣтскую литературу; само собой разумѣется, мы не отказываемся и отъ соотвѣтствующихъ развитію дѣтей произведеній общей литературы. Достоинствами беллетристическихъ произведеній мы считаемъ ихъ художественность, реализмъ, правдивость изображенія дѣйствительности, отсутствіе прописной морали и тенденціозности, соотвѣтствіе съ запросами самихъ дѣтей. Отъ научно-популярныхъ книгъ, кромѣ того, мы требуемъ научности изложенія, т. е. мы хотимъ отъ книги свѣдѣній провѣренныхъ, научно точныхъ.

Условія переживаемаго времени не могли не отразиться на дѣтской литературѣ, какъ отразились они на всей жизни страны. Вліяніе этихъ чрезвычайныхъ обстоятельствъ выразилось въ томъ, что количество выпущенныхъ дѣтскихъ книгъ, въ общемъ, сократилось. Въ концѣ прошлаго года даже временно прекратили свое существованіе нѣкоторые дѣтскіе журналы, но съ начала 1915 года они снова стали выходить въ свѣтъ. Зато появились дѣтскія и популярныя книги, вызванныя къ жизни интересами момента: появилась дѣтская военная беллетристика, появились популяризаціи на темы, близкія войнѣ.

Беллетристика.

Дѣтская беллетристика за прошлый годъ * не дала много новаго. Несмотря на это нельзя сказать, чтобы она не принесла ничего цѣннаго. Какъ на весьма интересный и утѣшительный фактъ, укажемъ на то обстоятельство, что въ этомъ году на дѣтскомъ книжномъ рынкѣ появился цѣлый рядъ дѣтскихъ книгъ, написанныхъ извѣстными писателями-беллетристами.

Отмѣтимъ появленіе книгъ для дѣтей А. С. Серафимовича, И. Шмелева, И. Бунина, А. Куприна, А. Вережникова, П. Сурожскаго, С. Елпатьевскаго. Въ высшей степени ненормальнымъ слѣдовало бы считать то положеніе, при которомъ для дѣтей писали какіе то спеціалисты по части дѣтскихъ разсказовъ. Отъ дѣтскихъ книгъ и разсказовъ мы требуемъ прежде всего художественности, — и кто же, какъ не признанные беллетристы должны пойти навстрѣчу дѣтямъ! Пойти, не сюсюкая, не

* Съ осени 1914 до осени 1915 года.

пришепетывая, не коверкая своего языка, но выбирая сюжеты, близкіе пониманію дѣтей, и говоря простымъ, сдержаннымъ и цѣломудреннымъ языкомъ. Вкусы литературные воспитываются еще въ дѣтствѣ. Въ высшей степени удачно было сказано однимъ изъ дѣтскихъ писателей, что „отъ Чарской въ дѣтствѣ одинъ лишь путь — къ Вербицкой въ юности". Хотѣлось бы, чтобы и люди, слѣдящіе за чтеніемъ дѣтей, не руководствовались только предложеніемъ въ магазинахъ, а предъявляли бы опредѣленный спросъ на дѣйствительно художественную литературу.

Разсказы А. Серафимовича (А. Серафимовичъ. Морской Волкъ и др. разсказы. „Народно-школьная библіотека" Книгоиздательства писателей въ Москвѣ, ц. 60 к.) весьма пригодны для средняго возраста. Они художественны, написаны простымъ и яснымъ языкомъ, безъ всякой поддѣлки подъ дѣтскій языкъ; фабула, по большей части, интересна. Отмѣтимъ появленіе отдѣльныхъ разсказовъ г. Серафимовича въ изданіи „Юной Россіи".

Книгу И. Бунина (И. Бунинъ. Избранные разсказы. Въ томъ же изд-ствѣ, ц. 80 к.) слѣдуетъ усиленно рекомендовать для юношества. Взрослому читателю разсказы, вошедшіе въ эту книгу, извѣстны по собранію сочиненій, но тамъ они теряются, не замѣтны среди другихъ болѣе значительныхъ произведеній; здѣсь же, собранные вмѣстѣ, они даютъ удивительно тонкаго и чистаго рисунка картину нашей природы и нашей деревни. Изящество и образность языка, тонкое чувство природы придаетъ этимъ разсказамъ большую цѣну, какъ матеріала для воспитанія художественнаго вкуса дѣтей старшаго возраста. Однако слѣдуетъ пожалѣть о томъ, что писатель не имѣлъ въ виду непосредственной цѣли дать разсказы для дѣтей, — тогда они имѣли бы еще бо̀льшую цѣнность.

Въ томъ же издательствѣ вышли и разсказы С. Елпатьевскаго: „Гекторъ и разсказы о прошломъ" (ц. 50 к.). Достоинства ихъ общеизвѣстны.

Хорошимъ дѣтскимъ писателемъ является И. Шмелевъ. Онъ не только талантливый художникъ, но и художникъ дѣтства, которое ему понятно и близко. Его разсказы для средняго возраста горячо рекомендуемъ читателю. Послѣднія произведенія г. Шмелева для дѣтей вышли въ изд. „Юной Россіи". („Мой Марсъ", ц. 15 к.; „Солдатъ Кузьма", ц. 12 к.; „Письмо безъ марки и штемпеля", ц. 15 к.; „Полочка", ц. 20 к.)

Разсказы А. Вережникова „Всѣмъ солнышко свѣтитъ" (Изд. библ. „Тропинки", изд. Т-ва Сытина, ц. 75 к.) проникнуты истиннымъ гуманнымъ чувствомъ, лишь въ рѣдкихъ случаяхъ переходящимъ въ сентиментальность. Подходящи для средняго возраста. Тому же автору принадлежитъ хорошее описаніе золотыхъ пріисковъ Амурскаго края („Золотое дно". Изд. Луковникова, ц. 25 к.).

Для средняго возраста можно рекомендовать также книжку П. Сурожскаго: „Зеленый шумъ" (изд. „Жизнь и Знаніе", ц. 85 к.). Разсказы просты, задушевны. Въ нихъ нѣтъ особенной художественной выразительности, но всѣ они написаны языкомъ понятнымъ для дѣтей, и во всѣхъ видно пониманіе авторомъ дѣтской психологіи.

С. Кондурушкинъ выпустилъ хорошую книгу разсказовъ для старшаго возраста „Звонарь" (Библіотека „Тропинки", издательство Сытина, ц. 75 к.).

Вторымъ изданіемъ вышли въ „Московскомъ Издательствѣ" разсказы А. Куприна. (ц. 2 р. 25 к.) для средняго и старшаго возраста.

Менѣе посчастливилось младшему возрасту. Изъ присяжныхъ беллетристовъ, если не считать С. Городецкаго, никто не написалъ для него

ничего. Это вполнѣ понятно, но въ то же время и обидно. Именно для этого возраста нужна своя, спеціальная, художественно и просто написанная литература. Правда, вышли книжечки Мамина-Сибиряка, но онѣ не являются пріобрѣтеніемъ послѣдняго года.

Въ теченіе года вышло нѣсколько книгъ по исторической и зоологической беллетристикѣ. Среди книгъ перваго рода наиболѣе крупнымъ явленіемъ нужно считать книгу Н Манассенной „Царевны“ (Книгоизд-ство „Тропинка“, ц. 3 р. 50 к.): это историческая повѣсть, удивительно выпукло рисующая жизнь русскую и нравы конца XVII столѣтія; внѣшность книги великолѣпна; очень хороши рисунки и фотографіи въ текстѣ. — Менѣе удачна книга Алтаева „Король и инфантъ“, историческая повѣсть изъ временъ Филиппа II, (изд. Сытина, ц. 90 к.) сгущены мрачныя краски, внѣшность изданія (рисунки) плоха, однако при изученіи исторіи можетъ служить пособіемъ для дѣтей старшаго возраста. Перу того же автора принадлежатъ біографіи Жуковскаго. Лермонтова и Надсона („Поэты юности. В. А. Жуковскій. М. Ю, Лермонтовъ. С. Я. Надсонъ“, ц. 1 р. 75 к.; „Пѣвецъ страданья и свободы“, — жизнь М. Ю. Лермонтова, — ц. 1 р.; „Юноша-поэтъ“, — жизнь и творчество С. Я. Надсона, — ц. 50 к. Изд. „Жизнь и Знаніе“.). Біографіи написаны въ полубеллетристической формѣ, въ видѣ дополненія къ нимъ приводятся или частично, или полностью лучшія стихотворенія названныхъ поэтовъ. Больше всего „беллетристики“ въ біографіи Лермонтова Если даже не касаться вопроса о допустимости и возможности беллетристическаго изображенія этого и до сихъ поръ не вполнѣ въ его личной жизни разгаданнаго поэта, то слѣдуетъ, однако, требовать возможно большей точности фактовъ, приводимыхъ біографомъ-беллетристомъ. Основные факты точны, но есть такія досадныя описки (или опечатки?), какъ „Кайе“ (воспитатель Лермонтова) вмѣсто Капэ. Порою авторъ слишкомъ свободно толкуетъ сомнительные вопросы въ біографіи поэта. Книжки могутъ заинтересовать дѣтей старшаго возраста и приблизить къ нимъ нашихъ поэтовъ. Изложеніе живое, языкъ хорошій. Рисунки удовлетворительны, кромѣ рисунковъ на обложкахъ г. Пѣтухова

Зоологическая беллетристика была въ истекшемъ году представлена переводами изъ Сетонъ-Томпсона, Робертса, оригинальными произведеніями гг. Рагозы, Покровскаго и Шведера и нѣкоторыхъ другихъ. Всѣ названные авторы довольно хорошо извѣстны русскому читателю. Кромѣ одного (Шведера), всѣ они могутъ быть рекомендованы (см. ниже).

Вышло нѣсколько книгъ географическаго содержанія. Изъ нихъ обращаемъ вниманіе на Миккельсена („По слѣдамъ жертвъ ледяной пустыни“. Изд. Девріена, ц. 4 р. 50 к.), на пересказъ Миккельсена, сдѣланный Пименовой („Полярный Робинзонъ“, „Библ. Юн. Чит.“, ц. 40 к.) и второе изданіе книги Григорьева „Вокругъ южнаго полюса“ (изд. „Задруги“, ц. 1 р. 20 к.). Указанныя книги рекомендуемъ для старшаго возраста.

Ниже мы приводимъ краткій списокъ книгъ беллетристическаго характера, которыя заслуживаютъ вниманія руководителей дѣтскимъ чтеніемъ:

Изданія Горбунова-Посадова.

Робертсъ. Ребята дикихъ. Ц. 80 к. (Ср. возр.)

Н. Рагоза. Лѣсная мышь. Ц. 15 к. (Ср. возр.)

Ю. Дарлимпль. Маленькій „Я то же“. (Младш. возр.) — Поѣхали! Ц. 15 к. (Мл. возр.) — Друзья-пріятели. Ц. 15 к. (Хороши для дошк. возр.)

И. Горбуновъ-Посадовъ. Герои-рудокопы. (Средн. и старш. возр.)

В. Дункапъ. Садикъ Мери. (Ср. возр., отчасти и старш.)

Издательство „Медвѣженокъ“:

Разсказы и пѣсни дяди Миши. Разсказы, сказки и пѣсенки для дѣтей младшаго возраста съ нотами. Ц. 45 к.

Ефимъ Честняковъ. Чудесное яблоко. Три сказки для мал. дѣтей. Ц. 35 к. Просты, бодры и веселы. (Младш. возр.)

Юнгъ. Цыганенокъ. Ц. 25 к. Хорошій разсказъ. (Ст. возр.)

Внѣшность изданій большею частью очень изящна, подборъ издаваемыхъ книгъ — хорошъ.

Дѣтская библіотека подъ ред. Тумима. Серія первая. Андрейкины сотенки. Цѣна шести книжекъ 80 к. Рекомендуется для младш. возраста. Живыя веселыя книжки съ загадками, ребусами, китайскими тѣнями, шутками, образцами для срисовыванія.

Дм. Львовичъ. По киргизской степи. Путевые очерки. Изд. Девріена. Ц. 2 р. 25 к. (Старш. возр.)

М. Ю. Лермонтовъ. Казачья колыбельная пѣсня. Изд. Т-ва Сытина и К⁰. Ц. 50 к.

Его же. Лирическія картины. Изд. Т-ва Сытина и К⁰. Ц. 50 к.

Двѣ названныя книжки представляютъ собою музыкальныя и художественныя иллюстраціи къ Лермонтовскому тексту. (Старш. возр.).

М. Моравская. Стихи для дѣтей. Апельсинныя корки. Ц. 1 р. Своеобразно построенныя дѣтскія стихотворенія. (Младш. возр.).

О. Бѣляевская. Золотой поясокъ. Библіотека „Тропинки“. Изд. Т-ва Сытина и К⁰. Ц. 50 к. Недурныя картины природы въ стихахъ. (Ст. и ср. возр.)

Ив. Наживинъ. Стуканъ, ц. 5 к. (Ср. возр.)

Его же. Слава человѣческая, ц. 5 к. (Ср. возр.).

Ив. Бѣлоусовъ. И. З. Суриковъ и его стихи. Изд. Т-ва Сытина и К⁰. Ц. 20 к. Просто, тепло написанный біографическій очеркъ и нѣсколько стихотвореній поэта. (Ст. возр.)

Н. Рагоза. Похожденія Чернушки. Разсказъ изъ жизни бѣлки. Ц. 21 к. Авторъ — одинъ изъ тѣхъ писателей для дѣтей, который сумѣлъ избѣжать слащавости и очеловѣчиванія животныхъ, какъ это дѣлаютъ въ своихъ произведеніяхъ гг. Ѳедоровъ-Давыдовъ, Шведеръ и П. Соловьева.

Робертсъ. Домикъ подъ водой. Ц. 35 к. Изд. Читальни „Нар. Школы“. Весьма удачный новый переводъ разсказа. (Средн. возр.)

С. Покровскій. Черная царица и ея народъ. — Болото и его обитатели. — Сарычъ. — Неуловимый. Изд. „Юной Россіи“. Ц. отъ 10 до 25 к. Рядъ хорошихъ очерковъ изъ жизни природы. (Ср. возр.)

В. Мурзаевъ. Творческая сказка. Сказки складки для маленькихъ дѣтей. Изд. журн. „Малютка“. Ц. 30 к. Цѣль книги — дать матеріалъ для дѣтскаго чтенія, соединеннаго съ рисованіемъ. Очень полезное пособіе для занятій съ дѣтьми дошкольнаго возраста.

Пименова. Горы и ихъ побѣдители. Библіотека „Тропинки“, изд. Т-ва Сытина и К⁰. Ц. 85 к. Интересно и живо составленная исторія восхожденій на горныя вершины. (Ср. и ст. возр.)

Э. Розенъ. Какъ я нашелъ свою дорогу въ жизни. Изд. „Юнаго Читателя“. Ц. 40 к. (Ст. возр.).

С. Венцель. Вмѣстѣ скучно, а врозь тѣсно. Разсказы для дѣтей. Ц. 30 к. Изд. Ступина. (Младш. возр.).

А. Заринъ. Нашъ журналъ. Ц. 35 к. (Ср. возр.)

Н. Казминъ-Вьюговъ. Рожокъ пастуха. Библіотека „Тропинки“ ц. 1 р. (Мл. и ср. возр.).

Считаемъ нужнымъ указать на рядъ книгъ не подходящихъ для дѣтей:

Е. Шведеръ. Мишка Топтыгинъ и его семейство. Изд. Вольфа. Очень плохая, нехудожественная передѣлка сказки о трехъ медвѣдяхъ.

Его же. Поводырь. Изд. Клюкина. Ц. 50 к.

Его же. Черемуха цвѣтетъ. Изд. „Юной Россіи". Ц. 20 к.

И двѣ послѣднія книжки написаны такъ же неудачно, какъ и первая.*

Е. Ардовъ. Волшебное стеклышко. Изд. Стасюлевича. Ц. 1 р. 50 к. Весьма неудачная книга въ духѣ разсказовъ г. Шведера

М. Пороховщикова. Когда Шурикъ былъ маленькій. Изд. Девріена.

Ея же. Варенькина доля.

Фальшивыя и по тону и по содержанію книги.

М. И. Демковъ. Уголокъ дѣтской жизни. Плодовитый авторъ компиляцій по педагогикѣ, естествознанію, сельскому хозяйству и пр. издалъ свои дѣтскіе разсказы. Они на рѣдкость бездарны, нехудожественны. Особенно противно стремленіе автора къ морализированію.

Мы не коснулись беллетристическихъ произведеній, посвященныхъ войнѣ. Ихъ сравнительно немного. Конечно, здѣсь все тотъ же г. Шведеръ, та же Клавдія Лукашевичъ. Кромѣ нихъ мы встрѣчаемъ имена гг. Ульянова, Баранова, Малиновской, Шкляра и нѣкоторыхъ другихъ. По всей вѣроятности, въ будущемъ количество беллетристики этого характера увеличится, — поэтому остановимся на этомъ вопросѣ нѣсколько подробнѣе.

Какъ только началась война, передъ всѣми воспитателями и педагогами всталъ вопросъ объ отношеніи дѣтей къ войнѣ. Можно сказать съ увѣренностью, что бо́льшая часть мыслящихъ руководителей дѣтей пришла къ тѣмъ выводамъ, которые выражены въ извѣстной резолюціи Петроградскаго Педагогическаго общества. Мы позволимъ себѣ привести нѣкоторыя мѣста этой резолюціи: „Признавая понятія о культурѣ, о международной солидарности въ защитѣ слабыхъ народностей, о необходимости самоотверженной борьбы за право человѣка и гражданина" „весьма важными и положительными факторами воспитанія", собраніе нашло необходимымъ „пользоваться фактами историческаго момента для гуманитарнаго воздѣйствія на молодежь". „Вліяніе ужасовъ войны, сопутствующихъ ей всегда и вездѣ, расшатывающихъ психику не только дѣтей, но и взрослыхъ, и вызывающее огрубѣніе чувства и сознанія, должно быть, насколько возможно, ослаблено". „Нужно бороться противъ лубочныхъ представленій о войнѣ, противъ издѣвательства и униженія противниковъ".**

Казалось бы, задачи дѣтской литературы по отношенію къ войнѣ были вполнѣ выяснены. Однако нашлись дѣтскіе писатели, которые совершенно забыли объ „использованіи историческаго момента для гуманитарнаго воздѣйствія" и необходимости „ослабить вліяніе ужасовъ войны" Такъ, г-жа Лукашевичъ, небезызвѣстная сочинительница многихъ дѣтскихъ разсказовъ и хрестоматій, выпускаетъ рядъ книгъ, посвященныхъ войнѣ и ея ужасамъ. Съ какой цѣлью были составлены эти книги? Что онѣ должны были дать дѣтямъ? И чего хочетъ г-жа Лукашевичъ отъ дѣтей? На обложкахъ книгъ указано, что цѣль ихъ благотворительная. Пусть такъ. Но освобождаетъ ли это книги отъ обязанности быть хорошими? Мало — набрать рядъ военныхъ разсказовъ, стиховъ и газет-

---

* Обращаемъ вниманіе читателей на обзоръ книгъ Шведера, сдѣланный В. Рихтеромъ въ № 10 журнала „Что и какъ читать дѣтямъ".

** Цитировано по журналу „Что и какъ читать дѣтямъ". Январь, 1915 г.

ныхъ выдержекъ, чтобы составить хорошую книгу. Надо подумать, для чего это дѣлается. Дѣлается это, повидимому, для того, чтобы вовлечь и дѣтей въ работу по войнѣ. По крайней мѣрѣ, г-жа Лукашевичъ прямо пишетъ: „Дѣти, опять у насъ война. Опять нужна ваша помощь: принимайтесь за дѣло и несите свой трудъ, свою помощь всюду, гдѣ возможно, и вы исполните свой долгъ передъ родиной". Вотъ образецъ пустой и непонятной, а потому вредной „патріотической" риторики. Что должны дѣлать дѣти, конкретно, опредѣленно? Объ этомъ не говорится ни слова. Въ другомъ мѣстѣ одной изъ книгъ г-жи Лукашевичъ нѣкій П. М. совѣтуетъ ходить и просить: „Выпросите пожертвованіе у сосѣда, у знакомаго. Не стыдитесь просить. Сама церковь теперь ходитъ съ протянутой рукой и проситъ на раненыхъ". Ничего другого не сумѣла предложить г-жа Лукашевичъ. Не объ ослабленіи вліянія войны говоритъ авторъ, а предлагаетъ „вмѣсто обычныхъ дѣтскихъ праздниковъ устраивать патріотическія литературныя утра", на которыхъ слѣдуетъ заучивать наизусть или по книгѣ статьи, въ которыхъ есть слѣдующія высоко-гуманныя мѣста: „Уничтожить противника—вотъ въ чемъ задача всякой войны, привести непріятеля въ состояніе ужаса — вотъ въ чемъ цѣль всякаго боя. Можно ли тутъ говорить о чемъ-нибудь другомъ кромѣ жестокости и безпощадности?"

Мы не хотимъ сказать, что все, находящееся въ книгахъ г-жи Лукашевичъ, вредно. Наоборотъ, многое въ нихъ совершенно безвредно, — и въ газетахъ дѣти встрѣчаютъ то же самое. Но въ томъ-то и дѣло, что дѣти достаточно захвачены войной и очень больно чувствуютъ ее, чтобы еще нужно было подогрѣвать это чувство.

Мы не находимъ нужнымъ останавливаться на разборѣ беллетристики остальныхъ упомянутыхъ авторовъ, такъ какъ ни у кого изъ нихъ мы не нашли стремленія „использовать событія съ гуманитарной цѣлью". Беллетристики же, живописующей ужасы войны, въ настоящій моментъ для нашихъ дѣтей не нужно, — довольно съ нихъ газетъ и фактовъ дѣйствительности.

Научно-популярныя книги.

Въ этой области послѣдній годъ не далъ чего-либо выдающагося. Книги гг. Ягодовскаго, Павловича, Покровскаго, * книги дѣйствительно прекрасныя, вышли еще въ срединѣ прошлаго года. Отмѣтимъ, второе изданіе книги г. Ягодовскаго „Лѣтнія работы по естествознанію" (Изд. Тен. Учил., ц. 1 р.), затѣмъ книги, Золотницкаго: „Въ мірѣ прѣсныхъ водъ" (Изд. Горбунова-Посадова, ц. 30 к.) и „Живая природа въ школѣ". Толковая брошюра о собираніи растеній дана С. Порѣцкимъ (Собираніе растеній и составленіе гербарія. Изд. Горбунова-Посадова, ц. 20 к.). Е. Игнатьевъ далъ интересную астрономію для дѣтей: „Въ царствѣ звѣздъ и свѣтилъ" (ц. 1 р. 50 к.).Всѣ названныя книги пригодны для старшаго и средняго возраста.

Книги географическаго характера были уже указаны выше.

Изъ историческихъ книгъ заслуживаетъ полнаго вниманія читателей книга проф. Ростовцева „Изъ прошлаго Греціи и Рима" (Библіотека „Тропинки", изд. Т-ва Сытина, ц. 60 к.), вышедшая, впрочемъ, также въ прошломъ году.

Война вызвала интересъ къ исторіи и географіи воюющихъ странъ.

---

* Ягодовскій. Въ странѣ полуночнаго солнца. Изд. „Жизнь и Знаніе". Ц. 2 р. 50 к.

С. Павловичъ. Простѣйшіе работы по изготовленію коллекцій въ школѣ и дома. Изд. „Жизнь и Знаніе". Ц. 1 р. 30 к.

С. Покровскій. Среди природы. Изд. Горбунова-Посадова. Ц. 1 р.

Появились цѣлыя серіи маленькихъ популярныхъ брошюръ. Нѣкоторыя, правда, очень немногія, могутъ служить и для чтенія дѣтей старшаго возраста.

Таковы брошюры:

Масловъ. Экономическія причины войны. Изд. Сытина. 65 стр., ц. 25 к. (Старш. возр.)

Гольденбергъ. Бельгія. Изд. „Жизнь и Знаніе", ц. 10 к. (старш. возр.)

Веселовскій. Трагедія турецкой Арменіи. Изд. „Звѣзда" 47 стр., ц. 25 к. (старш. возр.)

Огановскій. Отчего загорѣлась великая европейская война? 31 стр. № 1 серіи „Война и трудъ" въ изд. Тов. „Задруга", ц. 8 к. (Стар. воз.)

Сивковъ. Великая европейская война сто лѣтъ тому назадъ и теперь. 31 стр. № 2 серіи „Война и трудъ", изд. „Задруга", ц. 8 к. (Старш. воз.)

Заслуживаютъ вниманія изданія исторической комиссіи О. Р. Т. З. подъ общимъ заголовкомъ „Война и Культура". Далеко не всѣ онѣ равноцѣнны по качеству, однако, рядъ книгъ можетъ быть использованъ руководителями дѣтскимъ чтеніемъ.

Таковы:

А. М. Гурвичъ. Политическій строй Германіи. 29 стр. Ц. 10 к. (Старш. воз.)

Его же. Политическій строй Англіи и Франціи. 30 стр. Ц. 10 к. (Старш. воз.)

Н. Ѳ. Легковъ. Голландія. 37 стр. и карта. Ц. 12 к. (Старш. возр.)

С. Червяковъ. Евреи въ Россіи. 34 стр. Ц. 10 к. (Старш. возр.)

А. В. Чаяновъ. Война и крестьянское хозяйство. 16 стр. Ц. 8 к. (Старш. возр.)

Н. Я. Казиміровъ. Земство и Всероссійскій союзъ. 39 стр. Ц. 12 к. (Старш. возр.)

А. М. Ладыженскій. Красный Крестъ. 36 стр. Ц. 10 к. (Старш. возр.)

Издательства Некрасова, Сытина также выпустили не мало научно-популярныхъ книгъ. Къ сожалѣнію, далеко не всѣ изданія удовлетворительны. Авторы слишкомъ часто вмѣсто объективнаго тона популяризатора принимаютъ тонъ негодующій и полемическій и слишкомъ часто выходятъ за предѣлы поставленныхъ темъ. Такова брошюра изд. Сытина: „Какъ началась война?" или „Современные варвары" въ изд. Некрасова.

Въ заключеніе укажемъ на два дѣтскихъ критико-библіографическихъ журнала, ведущихъ обзоры вновь выходящихъ книгъ: „Что и какъ читать дѣтямъ" (подписная цѣна 2 р. въ годъ; Петроградъ, Гесслеровскій пер., 29) и „Новости дѣтской литературы" (подп. цѣна 2 р. 50 к., Москва, Б. Кисловскій пер., 1). Оба эти журнала ведутся очень толково и даютъ много матеріала.

Въ качествѣ пособій при изученіи дѣтской литературы изъ числа вышедшихъ за два послѣднихъ года назовемъ слѣдующія книги:

В. Родниковъ. Дѣтская литература. Съ указаніемъ важнѣйшихъ книгъ для дѣтскаго чтенія. Изд. второе Самоненко. 1915 г. Ц. 1 р. 20 к.

Евгеній Елачичъ. Сборникъ статей по вопросамъ дѣтскаго чтенія. Изданіе автора. 1914 г. Ц. 1 р. 25 к.

Систематическій указатель для дѣтей и юношества. Ч. I. Сказки. Изд. Подвижного музея. 1915 г. Ц. 1 р 25 к.

Миссъ Сара Брайэнтъ. Какъ и что разсказывать дѣтямъ. 1915 г. Ц. 1 р.

Э. Н. и Дж. Э. Партриджъ. Какъ и что разсказывать дѣтямъ въ школѣ и дома. Изд. Т-ва „Міръ". 1914 г. Ц. 1 р. 20 к.

Н. В. Чеховъ. Введеніе въ изученіе дѣтской литературы. Изд. Сытина. 1915 г. Ц. 30 к.

А. П.

В. В. Маяковскій. *Облако въ штанахъ.* Стр. 64. Цѣна 1 р.

..."Пусти, Марія!
Я не могу на улицахъ!.." (Стр. 51).
..."Открой.
Больно...
Видишь, натыканы
въ глаза изъ дамскихъ шляпъ булавки!.." (стр. 55).
..."Скоро крикомъ издерется ротъ... (Стр. 19).
..."Скажите сестрамъ Людѣ и Олѣ (стр. 19).
что ему уже некуда дѣться..."

И еще. И еще. Крикъ отчаянія, ужасъ „каторжанина города", у котораго „пожаръ сердца", — который „прекрасно боленъ", котораго задавили желтыя стѣны каменныхъ громадъ, и которому страшно, до сумасшествія страшно въ этомъ страшномъ городѣ въ этотъ изступленный годъ...

И отъ боли, отъ невыносимой муки — ненависть, отточенная, „нахальная и ѣдкая".

Стихи — „какое-то варево изъ соловьевъ и любовей", поэтъ — „сѣренькій, какъ перепелъ".

„Какъ смѣете Вы чирикать?" Люди — „лопались, проѣвшись насквозь, и сочилось сквозь трещины сало"... „Уличныя тыщи — студенты, проститутки, подрядчики"...

И съ отчаянья „невѣроятно себя нарядивъ", „чтобъ нравился и жегся" — онъ идетъ по землѣ, крича „въ зубы эшафота" — „пейте какао Ванъ Гутена!"

Даже бунтъ, даже мятежъ — съ отчаянья. Оттого что больно, оттого, что „не могу — на улицахъ!" — кощунственный крикъ небу:

— „Эй, Вы!
Небо!
Снимите шляпу!
Я иду..."

Дикая, нелѣпая, жестокая книга! И когда въ футуризмѣ окончательно ликвидируется скандалъ, — тогда уйдутъ тѣ недостатки и непріятности, которыхъ много въ трагическихъ стихахъ г. Маяковскаго.

Вѣдь настоящій, подлинный трагизмъ его стиховъ отъ ненужнымъ и неумнымъ иногда пустяковъ превращается въ трагикомизмъ.

Хочется вѣрить, что настанетъ день, когда г. Маяковскій свое нужное скажетъ безъ гримасы и буффонады.

Натанъ Венгровъ.

Ив. Шмелевъ. *Карусель.* Разсказы. Т. VI. Книгоиздательство Писателей въ Москвѣ.

„Невозвратно прошло, чему суждено пройти въ этотъ день, — большое и мелкое". Всюду оно проходитъ, оставляя липкій слѣдъ свой, и не всегда замѣчаетъ его присмотрѣвшійся глазъ и оглушенное ухо, а г. Шмелевъ замѣчаетъ. Правда, онъ никогда не говоритъ о томъ слѣдѣ, который остается послѣ „гомозливой бѣготни", о „суетливой пестротѣ дневного человѣческаго кочевья". Онъ говоритъ о самой бѣготнѣ, онъ рисуетъ тщательно и детально, иногда слишкомъ детально, именно „хлопотню" именно день, но тѣмъ сильнѣе читатель чувствуетъ, какъ авторъ ждетъ, что изъ тихой весенней ночи выйдетъ невѣдомое, радостное. Это невѣдомое встаетъ предъ г. Шмелевымъ, какъ должное и желанное. Передъ нами новый томъ его разсказовъ. Они не равны по исполненію, но въ нихъ авторъ такъ проникается „дневнымъ человѣческимъ кочевьемъ", такъ каждый разъ по особому рисуетъ это кочевье, что передъ вами встаютъ живыя фигуры, и о нихъ думаешь.

какъ о живыхъ, и видишь за дневной суетой каждаго большую тихую ночь, когда яснѣе дневной слѣдъ.

Самыми характерными разсказами въ сборникѣ являются „Карусели", „По природѣ" и „Гости". Три уголка жизни, каждый со своимъ своеобразіемъ, мелочами и невидимымъ „лишнимъ слѣдомъ".

Вотъ чашкинскій лавочникъ Иванъ Акимычъ съ его дневными заботами, и весь день его хлопотливой жизни выдѣляется контрастомъ на золотѣ вечера. Тишь. Карусель завтра завертится, а пока чего-то ждетъ. „Или еще не все, чего стоитъ ждать, затопталось въ дѣлѣ, не все еще растерялось въ гомозливой хлопотнѣ". Всѣми своими разсказами г. Шмелевъ отвѣчаетъ: „не все". И хлопотня пріобрѣтаетъ какое-то значеніе, какъ будто черезъ нее что-то открывается, и только слѣпые не видятъ, — да и то слышатъ невидимое солнце.

„Солнышко вонъ. Солнышко-то не видишь. — Не-э... сказалъ слѣпой. — Слышу... Во-онъ...

„И показалъ къ солнцу надъ лѣсомъ". („Слѣпые".)

Погруженіе г. Шмелева въ детали описаній (способность такая ненужная у другихъ писателей!) у него имѣетъ особое значеніе. Въ мелочахъ для г. Шмелева скрытъ большой смыслъ: мелкая деталь возстановляетъ крупную черту, и растетъ передъ нами человѣкъ въ своемъ своеобразіи, въ отдѣльности и въ своемъ сходствѣ съ другими. Такими мелкими чертами нарисованы протопопъ, податной инспекторъ въ разсказѣ „Поѣздка", да и всѣ остальные персонажи разсказовъ.

Тѣмъ и дорогъ г. Шмелевъ, что онъ чутокъ къ внѣшнему, что онъ заставляетъ заглядывать внутрь и, даже больше, онъ отожествилъ внѣшнее съ внутреннимъ и поставилъ передъ нами большую проблему, которая еще не затронута въ литературѣ, но о которой уже говорятъ. Это проблема о новой внѣшней культурѣ, о значительности тѣхъ мелкихъ чертъ, изъ которыхъ складываются человѣкъ, его міръ, его желанія, его стремленія. Къ сожалѣнію, нѣтъ возможности остановиться сейчасъ на этомъ вопросѣ.

И то хорошо, что г. Шмелевъ заставляетъ задуматься надъ нимъ подъ шумъ печальной суеты жизни.

Л. Щеглова.

Л. Добронравовъ. *Горькій цвѣтъ.* Разсказы.

Рѣзко-обличительныя тенденціи, составляющія паѳосъ большинства разсказовъ Л. Добронравова, всегда законны и умѣстны, но далеко не всегда интересны. Слишкомъ ужъ проторена эта дорожка; слишкомъ много слѣдовъ оставлено на ней, такъ много, что спутываются слѣды вновь вступившаго на нее со старыми, — и не отличить ихъ. Очень сильнымъ нужно быть, чтобъ, идя по этой дорожкѣ, оставить свои слѣды. Л. Добронравовъ не настолько силенъ. Болѣе того, онъ совсѣмъ не силенъ. Чувство гнѣва чуждо ему, чувство, дѣлающее старое новымъ. Впрочемъ, кому знакомъ нынѣ святой гнѣвъ? Теперь вѣдь все это проще; сильныя страсти не въ модѣ.

Потому такъ прѣсны даже лучшіе разсказы г. Добронравова: „Диспутъ" и „Профессоръ богословія". Они хорошо задуманы и недурно выполнены. Есть въ нихъ и наблюдательность, и горькій юморъ, и умѣніе обрисовать типъ. Но этого мало. Этого достаточно, быть можетъ, для того, чтобы писатель хорошо написалъ, но слишкомъ мало для того, чтобы читатель хорошо, по-настоящему прочелъ. Путь обличительной литературы — самый трудный путь. Тутъ нужна талантливая, горящая и зажигающая душа. Въ противномъ случаѣ — это правдиво, мѣтко, даже нужно, но скучно!

Но когда г. Добронравовъ отходитъ отъ столь знакомой ему среды духовенства, онъ теряетъ свои достоинства и становится обычнаго типа разсказчикомъ, нѣсколько выдѣляющимся, правда, чистотой

и изяществомъ языка и честнымъ отношеніемъ къ темѣ. Совершенно никчемны и безсильны попытки г. Добронравова откликнуться на колоссальную и волнующую тему — жизнь въ войнѣ. Непріятною, фальшивою почти, слащавостью вѣетъ отъ военныхъ разсказовъ г. Добронравова. Война вызываетъ у него умиленіе предъ человѣческой хорошестью. Не слишкомъ ли это прекраснодушно?

Но за всѣмъ тѣмъ разсказы г. Добронравова изъ среды духовенства — нужно прочесть. Слишкомъ много мѣста въ нашей жизни занимаетъ теперь лицемѣрное христіанство. Нынѣ это — мечъ въ рукахъ гг. Эрновъ, Булгаковыхъ и прочихъ, борющихся съ „гнилымъ, атеистическимъ Западомъ“. Полезно поэтому познакомиться съ тѣмъ, какъ этотъ мечъ выковывается, и кто его куетъ. Разсказы г. Добронравова вполнѣ даютъ это знакомство.

Мих. Левидовъ.

Г. Гребенщиковъ. *Въ просторахъ Сибири.* Повѣсти и разсказы.

Въ полуэтнографическихъ разсказахъ г. Гребенщикова не найти захватывающей фабулы, острыхъ психологическихъ моментовъ, ярко выраженныхъ проблемъ. Но онъ умѣетъ видѣть, слышать и о видѣнномъ и слышанномъ интересно, подчасъ красиво и образно разсказать. Запасъ наблюденій его весьма великъ. То онъ разсказываетъ о жизни киргизовъ, вырождающихся отъ пьянства, выгоняемыхъ голодомъ и людьми изъ своихъ необъятныхъ степей; то даетъ яркій типъ плотника Тихоныча, который послѣ больного запоя становится передъ иконой и даетъ клятву не пить до такого-то срока, и клятву свою строго держитъ, пока не приходитъ срокъ, а тогда снова пьетъ по цѣлымъ недѣлямъ и, протрезвѣвъ, назначаетъ новый срокъ трезвости; то рисуетъ стильную картину жизни заброшеннаго, людьми и Богомъ позабытаго сибирскаго рудника, жители котораго, сидя безъ хлѣба, безъ дровъ и огня, все ожидаютъ откуда-то „манифеста“ о возобновленіи горныхъ работъ; то въ сжатомъ, сильномъ и жуткомъ разсказѣ описываетъ онъ совершенно особый бытъ „лѣсныхъ королей“, лѣсную любовь лѣсничаго къ молодой женѣ стараго, будто изъ желѣза выкованнаго кержака и лѣсную трагическую смерть лѣсничаго...

И несмотря на разнообразіе разсказовъ г. Гребенщикова, во всѣхъ нихъ слышится одинъ основной мотивъ: природа прекрасна, сурова и величава, человѣкъ несчастенъ, жалокъ, не умѣетъ жить. Сумѣетъ ли? Робкими намеками г. Гребенщиковъ обнаруживаетъ свою вѣру, что сумѣетъ...

А природу сибирскую, дико-прекрасную, г. Гребенщиковъ понимаетъ, чувствуетъ и умѣетъ воссоздавать на страницахъ своихъ разсказовъ. Талантъ его, напоенный дыханіемъ сибирскихъ лѣсовъ и грустью широкихъ сибирскихъ степей, — не глубокъ, не блестящъ, но крѣпокъ и устойчивъ.

Мих. Левидовъ.

Андрей Соболь. *Пыль.* Романъ. Изд. „Сѣверные Дни“. Москва.

Романъ г. Соболя — одинъ изъ тѣхъ, что вызваны были къ жизни тягостными переживаніями послѣреволюціонной эпохи. Онъ пріуроченъ къ опредѣленному моменту, интересенъ, какъ показатель душевныхъ настроеній нѣкоторыхъ дѣятелей, оторванныхъ отъ дѣятельности. Въ этой пріуроченности — сила такихъ произведеній, но и ихъ слабость. Сила — потому, что, явившись во-время, они приковываютъ вниманіе, волнуя самой жизнью взволнованныя души; слабость — потому, что они теряютъ всякую интересность, лишь только времена, ихъ вызвавшія, уходятъ въ прошлое. Своевременность появленія создала успѣхъ „Коню Блѣдному“ г. Ропшина, нѣкоторымъ вещамъ г. Винниченки и инымъ, менѣе значительнымъ, произведеніямъ. Подобная удача ожидала бы, пожалуй, романъ Андрея Соболя,

появись онъ года на два, на три пораньше.

Русскіе эмигранты, разгромленная революція, парижскія кафе, женщины, самоанализъ, тоска, скептицизмъ, кислыя слова, вопросы: „что Конъ конкретнымъ силамъ революціи и что онѣ ему?“, утвержденія: „огромный могильный холмъ, и на немъ мы, да еще вразбродъ“ — и такъ далѣе, и такъ далѣе... Все это очень грустно, все это очень вѣрно, но, Богъ мой, какъ все это надоѣло, потеряло остроту, ибо давнымъ-давно изжито и пережито! Съ этой стороны (эмигрантскихъ настроеній) романъ г. Соболя не даетъ ничего новаго и, пожалуй, могъ бы пройти незамѣченнымъ, если бы не имѣлъ нѣкоторыхъ чертъ, отличающихъ его отъ прочихъ. Герои г. Соболя не просто русскіе революціонеры это революціонеры-евреи. Въ попостановкѣ на первый планъ ихъ крови, еврейскаго ихъ происхожденія — вся оригинальность Андрея Соболя.

Дѣло извѣстное. Революціонеръ Бергманъ говоритъ: „... девять лѣтъ твердилъ: Россія, русскій народъ. Вѣдь девять лѣтъ отдалъ на это. Молодость всю, весь пылъ, а потомъ вдругъ въ одну ночь увидать, что все это миѳъ“. Но почему все это оказалось миѳомъ? Потому, что революція проиграна; потому, что онъ одинокъ; еще потому (это самое главное въ переживаніяхъ персонажей г. Соболя), что въ немъ проснулось національное чувство; потому, что даже въ революціонной средѣ оказались Петры Николаевичи и Бузулуковы, проводящіе грань между русскимъ и евреемъ; потому, наконецъ, что, почувствовавъ въ себѣ еврея, онъ оскорбился, ибо Россія оказалась пропитанной нелюбовью къ еврею. Въ концѣ концовъ: „нѣтъ живого бога, а только пустота“ и дальше: „надо крестъ поставить надъ нами, надъ нашимъ народомъ, надъ всѣмъ тѣмъ, что такъ или иначе связано съ нами. Нѣтъ и не можетъ быть правды у тѣхъ, чей народъ — пыль летающая, чей народъ всегда и всюду иностранецъ“.

Выводы очень грустные, но они нисколько не убѣдительны, т. е. романъ г. Соболя даже въ малой степени на эти выводы не наводитъ. Они висятъ въ воздухѣ, подобно многому множеству утвержденій очень горькихъ и обидныхъ, которыя высказывались людьми въ минуты тяжкихъ душевныхъ состояній, когда приходилось говорить подъ диктовку подавленнаго (и оскорбленнаго) сердца. За такими утвержденіями есть, разумѣется, большая психологическая цѣнность. Оживленныя перомъ романиста, облеченныя плотью и кровью, они затрепетали бы подлинной жизнью, потрясая и волнуя простой своей очевидностью, однимъ фактомъ художественнаго своего воплощенія, независимо отъ того, правильны они или нѣтъ, есть ли за ними сила логики, или они логически безцѣнны.

„Пыль“ такого воплощенія не даетъ. Если авторъ намѣревался въ живыхъ образахъ представить нашему взору трагедію еврейства (революціонеры — случайность), сдѣлать это ему не удалось. Въ романѣ мы слышимъ разныя слова на эту тему, но не ощущаемъ самой трагедіи просто потому, что тамъ ея не существуетъ. Трагедія еврейскаго народа — быть можетъ, самая потрясающая (и позорная) страница въ исторіи нашей современности. Достойная остраго вниманія, она оказалась въ произведеніи г. Соболя лишь случайно пристегнутой къ основной темѣ, которую онъ хотѣлъ, повидимому, сдѣлать второстепенной. Трагедія, которую пережили его герои, заключается вовсе не въ ихъ еврействѣ. Кровь ихъ здѣсь не при чемъ; она только покрыла ихъ размышленія налетомъ оскорбленнаго національнаго чувства. Бѣда ихъ была тою же самой бѣдой, что постигла ихъ русскихъ, польскихъ, украинскихъ и иныхъ товарищей.

В. О. Ключевскій въ своемъ „Курсѣ“ замѣтилъ какъ-то про од-

наго крупнаго человѣка нашего прошлаго: „Это былъ — сказалъ онъ,—словно парусъ, который только въ бурю бываетъ самимъ собой, а въ затишье треплется безполезной тряпкой". Великолѣпныя слова! Лучшими, пожалуй, и не опредѣлишь, въ чемъ была бѣда нашей послѣреволюціонной интеллигенціи. Паруса безъ вѣтра. Если бы парусъ могъ говорить, онъ, вѣроятно, насказалъ бы намъ много горькихъ словъ о своей невеселой долѣ. Такому парусу нельзя не посочувствовать, пожелавъ ему при этомъ нѣкотораго мужества. Но было бы жестокимъ заблужденіемъ повѣрить вмѣстѣ съ нимъ, будто безвѣтріе продолжится вѣчно, будто оно обрекло насъ болтать всякій пессимистическій вздоръ о томъ, что мы умерли, а вмѣстѣ съ нами погибло и будущее человѣчества. Иной парусъ не вынесетъ долгаго штиля и придетъ въ ветхость, — онъ заслуживаетъ всяческаго сожалѣнія: сдѣланъ былъ изъ плохого матеріала. Но при чемъ тутъ тѣ трагедіи, покаянія и разочарованія, о которыхъ твердили наши беллетристы?

Пишетъ г. Соболь легко и плавно. Въ его легкости, однако, не чуется самостоятельность. Большое вліяніе на него (слишкомъ большое) оказалъ „Конь Блѣдный". Нѣкоторыя фразы кажутся даже выхваченными изъ г. Ропшина; Александръ Яковлевичъ обрисованъ какъ бы наподобіе Жоржа. Но у г. Соболя все это потеряло Ропшинскую сжатость и экспрессивность. Хочется даже сказать: Андрей Соболь — притупленный и переиначенный г. Ропшинъ, при этомъ разбавленный водой. Извиненіемъ автору можетъ служить то, что „Пыль" — первое крупное его произведеніе. Въ будущемъ, весьма возможно, онъ избавится отъ подражательности. Но несмотря на несамостоятельность, несмотря даже на общую неудачу замысла, „Пыль" обнаруживаетъ даровитость автора и позволяетъ ждать отъ него хорошихъ произведеній. **Вяч. Полонскій.**

Нагродская. *Злые духи.* Изд. М. И. Семенова. Цѣна 1 р. 50 к.

Г-жѣ Вербицкой грозитъ серьезная опасность: ея слава, кажется, начинаетъ переходить къ г-жѣ Нагродской. Это серьезная конкурентка ея на литературныхъ задворкахъ, гдѣ имъ обѣимъ мѣсто. По части пошлости г-жа Нагродская не уступитъ г-жѣ Вербицкой, а, можетъ быть, и превзойдетъ... Послѣднее произведеніе г-жи Нагродской „Злые духи" написано по тому же рецепту бульварныхъ романовъ, по которому она готовила и первые. Конечно, герой романа — неотразимый красавецъ, съ змѣиной улыбкой, съ необыкновенными глазами. И, конечно, онъ съ ума сводитъ всѣхъ женщинъ, одна даже говоритъ ему:

„— Вы, какъ злой духъ, мучаете людей".

Тянется, тянется на сотняхъ страницъ скука, пошлость, убожество духовное... И все это покупаютъ, читаютъ, и гдѣ-нибудь, въ Чухломѣ, это считаютъ литературой... Ахъ, настанетъ ли скоро та пора, когда мужикъ не Милорда глупаго, не пошлую Нагродскую,—„Бѣлинскаго и Гоголя съ базара понесетъ!"

С. Ас—овъ.

„Жатва". Книга 6—7.

Послѣдній сборникъ „Жатвы" насыщенъ современностью, многоликой, смутной, противорѣчивой... Надуманно и крикливо разсказываетъ С. Городецкій, авторъ центральной повѣсти сборника — *„Адамъ"*, о „средней русской дѣвушкѣ", о тѣхъ трехъ, кто добивается ея, и кого авторъ такъ безжалостно обличаетъ, и о четвертомъ, героѣ своемъ, „понимающемъ въ жизни что-то, чего никто не понимаетъ". Цѣль повѣсти—дать на нѣсколькихъ страницахъ квинтъ-эссенцію современныхъ, умонастроеній и, заклеймивъ огненнымъ словомъ современность и дѣтей ея, провозгласить синтезирующій лозунгъ, лозунгъ будущаго... Ужъ одно заданіе это, такъ ясно проглядывающее, болѣе того, — такъ откровенно

и усердно навязываемое читателю, говоритъ не въ пользу г. Городецкаго, какъ художника-беллетриста. Тамъ, гдѣ сперва сочиняются символъ, идейка, а ужъ потомъ подгоняются къ нимъ живые якобы люди, чтобъ символъ этотъ сверкнулъ „внезапно" передъ читателемъ, какъ естественный, — тамъ подлинное искусство беллетриста и не ночевало. Столь же сомнительна идейная цѣнность повѣсти г. Городецкаго. „—Дай собакѣ дурное имя и убей ее". Этому удобному совѣту слѣдуетъ г. Городецкій. Къ тремъ основнымъ типамъ должно, по его мнѣнію, свести современную (до войны) молодежь. „Гоби — обидчикъ, Викторъ — мертвый, бумажный, а Михаилъ — слѣпой", такъ характеризуетъ эти типы авторъ. Въ лицѣ Гоби г. Городецкій борется съ ненавистной его христіанско-акмеистской душѣ скверной матеріализма и атеизма. Но достаточно ли для побѣды надъ матеріализмомъ нарисовать фигуру заядлаго ординарнаго прохвоста и заставить его произносить матеріалистическія рѣчи? Точно такъ же для сведенія счетовъ съ символическимъ міроощущеніемъ врядъ ли достаточно и умѣстно — высмѣять глуповатаго студента, пишущаго скверные „символическіе" стихи подъ Блока, какъ то дѣлаетъ второй по г. Городецкому „представитель" современной молодежи. — „Они еще не пришли, твои женихи... Но они придутъ, достойные" говоритъ г. Городецкій, обращаясь къ „средней русской дѣвушкѣ"... Какимъ путемъ придутъ? И что принесутъ съ собой? Косвенно, полунамекомъ отвѣчаетъ на это г. Городецкій, не побрезговавъ пророчествомъ заднимъ числомъ: „Эхъ бы, война хорошая! Встряхнула бы Россію. Гниль вѣдь только на поверхности. Вглуби прозрачные ключи, подземные, подводные"... Вотъ, оказывается, въ чемъ новый лозунгъ, разрѣшающій всѣ проблемы! Что жъ, нынче онъ въ модѣ. Недаромъ г. Городецкій на страницахъ „Лукоморья" прославляетъ въ прозѣ и стихахъ „очищающій пламень войны"!

У г. Городецкаго много сторонниковъ въ современности, правда, не столь искреннихъ, сколь одурманенныхъ. Но мало-по-малу дурманъ разсѣивается, появляются робко на горизонтѣ и тѣ, кто насчетъ „очищающаго пламени" держатся особаго мнѣнія. Одинъ изъ таковыхъ даже фигурируетъ рядомъ съ г. Городецкимъ на страницахъ „Жатвы" въ разсказѣ Б. Пильняка *„О Севкѣ"*. „И ты почувствовалъ, Севка, что этого безсмысленнаго, обезумѣвшаго крика жестокаго ужаса и боли не простишь ты войнѣ. Твое маленькое сердце, не знавшее лжи, поняло, что не смѣетъ быть война, ибо этого крика, этихъ воспаленныхъ глазъ не должно быть". Основной тонъ мягкаго, грустнаго, лирическаго юмора, въ которомъ выдержанъ разсказъ г. Пильняка, напоминаетъ слегка Б. Зайцева въ его первыхъ вещахъ и весьма удачно сочетается съ напряженнымъ, захватывающимъ читателя полуимпрессіонистскимъ стилемъ. Настроенія лирическаго юмора съ почти неизбѣжной необходимостью приводятъ къ пессимизму. Пессимистическимъ аккордомъ звучитъ заключительная фраза разсказа г. Пильняка: „Но въ жизни есть только рабы".

Но рабъ ли тотъ, кто, подобно Александру Зорину, герою одноименной повѣсти В. Ляпунова, помѣщенной на страницахъ „Жатвы", заявляетъ: „Непобѣжденнаго насилія не можетъ быть на землѣ. Это законъ. Огненная утроба земли разрываетъ свою оболочку... человѣкъ — цѣпи. Насиліе вызываетъ насиліе, и тѣмъ страшнѣе, чѣмъ непреодолимѣе было препятствіе. Можетъ ли быть иначе?" В. Ляпуновъ, умершій въ молодомъ возрастѣ, былъ однимъ изъ видныхъ представителей новой, пробуждающейся деревни, и его полуавтобіографическій разсказъ о нарожденіи жизнетворческой народной интеллигенціи, съ рѣзко выраженными

реальными настроеніями, особенно цѣненъ.

Вышеприведенныя слова, которымъ придется, быть можетъ, еще не разъ зазвучать,—свидѣтельствуютъ о томъ, что не весь русскій народъ — тотъ „путешественникъ“, о которомъ съ такимъ фальшивымъ, наигравнымъ восхищеніемъ повѣствуетъ г. Чулковъ въ своихъ трагикомическихъ сценахъ *„Поединокъ“*. Сцены эти долженствуютъ символизировать собою столкновеніе двухъ культуръ-нѣмецкой, представленной въ образѣ „Инженера“, и русской, о которой говоритъ „Путешественникъ“. Конечно, у инженера плоская, механическая, матеріалистическая душа; конечно, у него гипертрофія мускулатуры; конечно, онъ наглъ, безсовѣстенъ и жестокъ и т. д., и т. д. — вѣдь „несложная сущность германизма“ нынѣ установлена, изслѣдована и зафиксирована глубочайшими изслѣдованіями гг. Эрна, Булгакова и Розанова, и художникамъ въ родѣ гг. Городецкаго и Чулкова нѣтъ ничего легче, какъ изобразить германскую душу... По обычному рецепту стряпается ими и русская душа: благородный романтикъ, мечтатель, полумистикъ-полускептикъ — таковъ Чулковскій „Путешественникъ“. Не стоитъ труда опровергать эту идеологію „цвѣта хаки“. Не стоитъ защищать и русскій народъ отъ любви гг. Чулковыхъ и Городецкихъ: не такъ ужъ опасны они, не такъ ужъ долго продлится надъ русской душой засиліе смиренія, — вѣдь встрѣчаемъ мы въ сборникѣ „Жатва“, рядомъ съ гг. Чулковымъ и Городецкимъ, и чуждый паѳоса „очищающаго пламени“ разсказъ Б. Пильняка, и далеко не „смиренную“ повѣсть В. Ляпунова.

Остальныя вещи сборника совершенно незначительны.

Мих. Левидовъ.

Петроградскіе вечера. *Книга 4-ая.* Изд. М. И. Семенова. Цѣна 1 р. 50 к.

Четвертая книга?.. Значитъ, первыя три имѣли нѣкоторый успѣхъ, если продолжается ихъ выходъ. Четыре книги,—это по нынѣшнимъ временамъ почтенно. Однако, чему приписать успѣхъ этихъ книгъ, лишенныхъ оригинальности, таланта, свѣжести, — словомъ, всего того, что даетъ книгѣ право на успѣхъ?.. Останавливаться на нихъ не стоитъ, ибо никакого литературнаго значенія онѣ не имѣютъ... Стряпня г-жи Нагродской и ея коллегъ надоѣла. Неизмѣнно всѣ эти „онъ“, „она“, сердцеѣды-гвардейцы, знаменитыя артистки, общественные дѣятели(?)... — объ этомъ раньше и лучше написали французскіе литературныхъ дѣлъ мастера... Есть въ сборникѣ и стихи, но о нихъ лучше умолчать.

С. Ас—овъ.

В. Евгеньевъ. *Николай Алексѣевичъ Некрасовъ.* Сборникъ статей и матеріаловъ. Москва. Цѣна 2 рубля.

В. Евгеньевъ давно зарекомендовалъ себя, какъ добросовѣстный и пытливый изслѣдователь жизни Некрасова, поэта, чья личность долго служила предметомъ ожесточенныхъ споровъ. Изслѣдованій о Некрасовѣ, достойныхъ его имени, не было въ русской литературѣ. Этотъ пробѣлъ восполнить взялся В. Евгеньевъ. Статьи, вошедшія въ сборникъ, печатались ранѣе въ журналахъ отдѣльно, и оттого между ними нѣтъ органической связи. Сборникъ этотъ—не монографія, это матеріалы для будущаго біографа Некрасова, цѣнныя свѣдѣнія, изысканія, безъ которыхъ ни одинъ пишущій о поэтѣ „гнѣва и печали“ не обойдется. Это также не критическая оцѣнка поэзіи Некрасова, хотя именно теперь, въ дни быстрыхъ возвышеній „властителей думъ“ и столь же быстрыхъ паденій ихъ, слѣдовало бы отдать великій долгъ русскаго общества Некрасову... Впрочемъ, не будемъ несправедливы: примемъ пока съ благодарностью то, что намъ даетъ В. Евгеньевъ.

Очень подробно разсказываетъ авторъ изслѣдованій всѣ мытарства

и борьбу съ цензурой Некрасова, его отношенія къ современному обществу; выясняя, насколько были несправедливы упреки въ лицемѣріи, направленные противъ поэта, насколько заблуждались тѣ, кто обвинялъ его въ скупости и кулачествѣ (напримѣръ, Тургеневъ), В. Евгеньевъ разрушаетъ весь этотъ вздоръ. Онъ тщательно разбираетъ отношенія Некрасова къ литераторамъ своего времени и ихъ къ нему. Большой интересъ представляютъ въ первой части сборника свѣдѣнія о предкахъ Некрасова, также о юности его въ Ярославлѣ... Какъ первый шагъ къ будущей исчерпывающей біографіи Некрасова, книга В. Евгеньева должна быть привѣтствуема, и не только за ту рѣдкую любовь, съ которой она написана, но и за тѣ цѣнные результаты, что она даетъ.

С. Астровъ.

Роменъ-Роланъ. *Жизнь Толстого.* Переводъ съ французскаго І. Гольденберга. Изданіе М. И. Семенова, Петроградъ. 1915. 248 стр. Цѣна 1 р. 50 к.

Если разсматривать книгу Ролана, какъ біографію „великаго писателя земли Русской", какъ исторію обстоятельствъ, при которыхъ протекала его долголѣтняя жизнь, то цѣнность книги не велика.

Никакими новыми, еще не опубликованными рукописями Толстого Роланъ не располагаетъ, фактическую основу для своего изложенія беретъ изъ книгъ, всѣмъ извѣстныхъ и всѣмъ доступныхъ. Множественнымъ числомъ здѣсь едва ли даже правильно и выражаться, ибо почти единственнымъ источникомъ біографическихъ данныхъ о Толстомъ для Ролана служитъ трудъ Бирюкова. Нѣсколько разъ французскій писатель ссылается еще на Тенеромо, источникъ сомнительнаго характера. Несравненно интереснѣе ссылки на беседы Толстого съ Полемъ Буайе, опубликованныя во французской періодической печати и у насъ мало извѣстныя.

Но главный интересъ книги Ролана о Толстомъ все-таки не въ фактическихъ данныхъ, а въ оцѣнкахъ, какія даетъ этотъ писатель отдѣльнымъ произведеніямъ Толстого и всему его творчеству вообще.

На протяженіи сравнительно небольшой книжки Роланъ охватываетъ всю дѣятельность Толстого, какъ писателя, и успѣваетъ дать хотя и краткія, но часто интересныя характеристики многимъ его произведеніямъ. Характеристики эти находятся въ зависимости отъ пониманія Роланомъ жизни и личности Толстого, пониманія, по нашему мнѣнію, правильнаго.

Дѣло въ томъ, что существуетъ дуалистическое пониманіе какъ жизни, такъ и личности Толстого. Многіе думаютъ, что есть два Толстыхъ: одинъ до кризиса 1879 года, другой послѣ этого. И еще: одинъ— художникъ и язычникъ, другой — моралистъ и христіанинъ. На этомъ противопоставленіи построена книга Мережковскаго о Толстомъ (и Достоевскомъ). И это противопоставленіе сдѣлалось весьма популярнымъ. Но Роланъ въ своей книгѣ не принимаетъ его. Онъ, правда, думаетъ, что о единствѣ мысли Толстого говорить не приходится. Но это само собой понятно и безспорно, какъ безспорно то, что у каждаго самостоятельно мыслящаго человѣка мысль не остается навсегда одиной, всегда одной и той же, самой себѣ равной, застывшей, окаменѣвшей.

Нѣтъ единства въ разумѣ и даже въ сердцѣ Толстого, но оно существуетъ „въ бурной борьбѣ страстей въ немъ", въ „трагедіи его творчества и его жизни". Въ натурѣ Толстого, въ природѣ его души противорѣчія нѣтъ. Если въ Толстомъ была борьба страстей съ нравственнымъ началомъ души, то это и есть исходный пунктъ его спасенія; если Толстой пришелъ къ религіи, то это не отъ безсилія, не подъ внѣшними какими-нибудь вліяніями, а вполнѣ самостоятельно и отъ избытка силъ. „Его отрече-

ніе отъ личной жизни—крикъ страсти, распаленной жаждой жизни вѣчной".

О единствѣ личности Толстого Роланъ говоритъ въ общемъ мало, но это единство отражается на всей его книгѣ. А если Толстой единъ въ своей жизни и въ своемъ творчествѣ, то его можно только всего принять или всего отвергнуть. И Роланъ принимаетъ всего Толстого, принимаетъ его любовно, пожалуй, даже восторженно. И это пріятіе полное, пріятіе всего Толстого, отъ начала и до конца обширной литературной дѣятельности.

Мало того, — Роланъ готовъ отдать преимущество произведеніямъ Толстого, написаннымъ за послѣднія тридцать лѣтъ его жизни: „его творчество глубоко видоизмѣнилось, благодаря рисунку болѣе чистому, сильному, отчетливому, болѣе яркимъ ракурсамъ характеровъ, болѣе сгущеннымъ драматическимъ положеніямъ, сжатымъ словно хищное животное, приготовившееся сдѣлать прыжокъ".

Столь же благосклонно относится авторъ къ Толстому какъ къ мыслителю, въ особенности за его книгу объ искусствѣ: „Нигдѣ не выразилось такъ ярко благороднѣйшее исповѣданіе вѣры художника, который творитъ своей кровью, восторженная хвала самопожертвованію и страданію, составляющимъ „удѣлъ мыслителя", презрѣніе къ олимпійскому искусству въ духѣ Гете".

И наконецъ выступленія Толстого по общественнымъ и религіозно-философскимъ вопросамъ Роланъ оцѣниваетъ такъ: „Пророкъ-утопистъ; онъ видитъ отсюда, съ земли, жизнь вѣчную; и то, что это видѣніе явилось намъ, что намъ дано было видѣть среди насъ послѣдняго изъ пророковъ; то, что величайшій изъ нашихъ художниковъ осѣненъ такимъ ореоломъ,— это, думается мнѣ, явленіе болѣе оригинальное и важное, чѣмъ новая религія или новая философія. Слѣпцы тѣ, которые не видятъ чуда этой великой души, — воплощенія братской любви въ вѣкѣ кровавой ненависти народовъ".

Къ числу наиболѣе интересныхъ страницъ книги надо отнести тѣ, которыя даютъ намъ свѣдѣнія о глубокомъ вліяніи Толстого на широкіе круги французскаго общества.

П. Березинъ.

М. Н. Покровскій. *Очеркъ исторіи русской культуры.* Часть I. Изд. т-ва „Міръ". Москва, 1915. V + 283 стр. Цѣна 2 руб.

М. Н. Покровскій принадлежитъ къ числу немногихъ нашихъ ученыхъ, послѣдовательно примѣняющихъ въ своихъ изслѣдованіяхъ методъ „историческаго матеріализма". Въ первой главѣ „Очерка исторіи русской культуры" авторъ отмѣчаетъ, что ожесточенная борьба противъ этого „марксистскаго" метода, кипѣвшая еще 20—25 лѣтъ тому назадъ, въ настоящее время уже отбушевала. Матеріалистическое объясненіе исторіи, сведеніе всѣхъ ся процессовъ къ хозяйственной жизни, практикуется все шире и шире, къ нему все чаще и чаще прибѣгаютъ даже такіе изслѣдователи, которые отнюдь не считаютъ себя сторонниками экономическаго матеріализма. До конца непримиримыми противниками этой точки зрѣнія остаются, въ сущности, лишь тѣ теоретики, которые отрицаютъ вообще возможность научнаго пониманія исторіи, которые, какъ, напримѣръ, Риккертъ и Виндельбандъ, находятъ, что въ исторіи нѣтъ мѣста необходимости и закономѣрности, ибо она изучаетъ лишь единичное, не повторяемое въ явленіяхъ человѣческой жизни. Но разъ мы станемъ на точку зрѣнія исторической необходимости, можно спорить только объ одномъ: является ли экономическое объясненіе наилучшимъ съ этой научной точки зрѣнія? „Само собой разумѣется, — замѣчаетъ авторъ, — отвѣтъ на это могутъ дать только спеціальныя изслѣдованія". Такимъ образомъ, по мнѣнію М. Н. Покровскаго, историческій матеріализмъ никакого особаго оправданія,

кромѣ оправданія примѣнимости къ исторіи научныхъ методовъ вообще, не требуетъ. Въ предѣлахъ же научныхъ методовъ онъ является лишь „рабочей гипотезой", которая до сихъ поръ всегда оказывалась на практикѣ наиболѣе надежной, наиболѣе плодотворной.

Съ такимъ ограниченіемъ вопроса можно, конечно, и не соглашаться. Какъ извѣстно, многіе послѣдователи историческаго матеріализма, не довольствуясь указаніемъ на его плодотворность въ качествѣ рабочей гипотезы, пытались дать философское обоснованіе этой гипотезѣ, подвести подъ нее теоретико-познавательный фундаментъ. Несомнѣнно, однако, одно: какъ бы ни были удачны попытки такого философскаго обоснованія, доставить историческому матеріализму торжество на практикѣ могутъ не онѣ, а лишь плодотворное примѣненіе этого метода въ конкретныхъ историческихъ изслѣдованіяхъ. Вѣдь одно изъ очень популярныхъ обвиненій противъ марксистской теоріи состоитъ именно въ томъ, что теорія эта даетъ предвзятые трафареты и шаблоны, которые сковываютъ свободу научнаго изслѣдованія. Для того, чтобы парировать это обвиненіе, надо показать на дѣлѣ, что историческій матеріализмъ — не шаблонъ, а гибкій, живой методъ, подсказываемый свободному изслѣдованію самой логикой фактовъ, и что тѣ якобы не предвзятыя точки зрѣнія, которыя этому методу противопоставляются, зачастую оказываются какъ разъ традиціонными трафаретами, мертвящими историческую науку.

М. Н. Покровскій, мастерски владѣющій оружіемъ историко-матеріалистическаго анализа, разрушаетъ цѣлый рядъ трафаретовъ, безпощадно уродовавшихъ русскую исторію до самаго послѣдняго времени. Исторія Россіи въ томъ видѣ, какъ ее представляло себѣ большинство нашихъ ученыхъ XIX вѣка, какъ она и до сихъ поръ еще преподается въ школахъ, не только глубоко отлична отъ европейской исторіи, но и совершенно не сравнима съ этой послѣдней. Въ Европѣ все болѣе или менѣе ясно и просто: мы видимъ, какъ развитіе хозяйственныхъ формъ выдвигаетъ сплоченныя единствомъ интересовъ общественныя группы, какъ эти группы — сословія или классы — создаютъ соотвѣтствующій ихъ нуждамъ политическій строй, сначала феодальный, потомъ абсолютно-монархическій и, наконецъ, конституціонный. У насъ все таинственно и загадочно: сословія и классы имѣются, но не играютъ активной политической роли; всѣ эти людишки и животишки со своимъ скарбомъ, со своими жалкими интересами стелются по землѣ, а высоко надъ ними, направляя ходъ ихъ исторіи, витаетъ . . . . государственность. Уже наши отдаленные предки, едва доросшіе до племенного быта, какъ оказывается, жаждали государственнаго порядка, съ каковою цѣлью отдали себя подъ власть норманскихъ князей съ ихъ дружинами. Норманы, спеціальность которыхъ въ тѣ времена заключалась отнюдь не въ созиданіи государствъ, а въ лихихъ разбойничьихъ набѣгахъ, попавъ на нашу мистическую почву, проникаются новыми идеалами и въ лицѣ Владиміра Святого, Ярослава и, въ особенности, Владиміра Мономаха даютъ образцы высокой государственной мудрости и заботливости. Нашествіе дикихъ татарскихъ полчищъ на нѣкоторое время пресѣкаетъ столь блестяще начатое развитіе, но вскорѣ Москва даетъ идеѣ государства еще болѣе ослѣпительное воплощеніе. Московское государство распоряжается всѣми общественными группами русскаго народа, какъ пластичнымъ матеріаломъ своей автономной политики; оно не знаетъ феодализма; въ смутную эпоху закрѣпощаетъ себѣ всѣ сословія, чтобы затѣмъ, достигнувъ величія и могущества, превратившись въ первоклассную державу, начать ихъ снова мало-по-малу раскрѣпощать.

За послѣднее время появилось

не мало работъ, пробившихъ глубокія бреши въ этомъ наивномъ построеніи; было доказано существованіе феодализма въ Московской Руси, была выяснена активно-политическая роль отдѣльныхъ общественныхъ классовъ въ отдѣльныя историческія эпохи. Но традиція въ цѣломъ все еще продолжала держаться. Систематическое преодолѣніе ея является по преимуществу заслугой М. Н. Покровскаго. Въ своей пятитомной „Русской Исторіи" онъ показалъ, что предразсудокъ сверхъ-хозяйственнаго и сверхъ-классоваго происхожденія отечественной политики, на ряду со многими другими предразсудками, не имѣетъ реальныхъ опорныхъ пунктовъ ни въ одномъ изъ періодовъ нашей исторіи.

Прекраснымъ дополненіемъ къ этой большой работѣ является разсматриваемый „Очеркъ". Читатель его убѣдится, что норманскіе, или „варяжскіе", князья менѣе всего заботились о насажденіи государственности среди приднѣпровскихъ славянъ, но видѣли въ этихъ послѣднихъ лишь источникъ прибыльной добычи, и, прежде всего, рабовъ, которыхъ особенно выгодно было сбывать на византійскомъ и другихъ восточныхъ рынкахъ того времени. „Дикія татарскія орды" оказываются, наоборотъ, не только опустошителями, но и несомнѣнными основоположниками нѣкоторыхъ формъ нашей культуры. Но особенный интересъ представляетъ выясненіе той роли, которую игралъ нашъ городской торговый капиталъ, сначала въ борьбѣ съ феодализмомъ, затѣмъ въ дальнѣйшемъ усовершенствованіи московскаго единодержавія, въ Петровскихъ реформахъ и вообще въ строительствѣ нашей бюрократической системы.

Вышедшая въ свѣтъ первая часть „Очерка" заключаетъ въ себѣ обзоръ хозяйственнаго и государственно-правового развитія Россіи; религія, идеологія и искусство составятъ содержаніе второй части. Сжатость изложенія не всегда даетъ возможность автору представить исчерпывающее фактическое оправданіе своихъ оригинальныхъ взглядовъ; поэтому нѣкоторыя его положенія носятъ характеръ гипотезъ, лишь слегка иллюстрированныхъ фактами. Этотъ неизбѣжный недостатокъ всякихъ обобщающихъ обзоровъ въ значительной мѣрѣ восполняется тщательно подобранными указаніями литературы.

Что касается формы изложенія, то, какъ и другія работы М. Н. Покровскаго, „Очеркъ" написанъ живымъ, яснымъ языкомъ, дѣлающимъ книгу вполнѣ доступной для читателя, лишеннаго спеціальной подготовки.

В. Б.

А. Нѣмовъ. *Идея славянскаго возрожденія.* Москва, 1915. 60 стр. Цѣна 40 к.

„Идея славянскаго возрожденія", съ такой помпой возвѣщенная годъ тому назадъ кружкомъ московскихъ славянофиловъ, отцвѣла, не успѣвши расцвѣсть. Жизнь сыграла съ проповѣдниками этой идеи одну изъ самыхъ злыхъ своихъ шутокъ. Пока писались, печатались и разсылались по книжнымъ магазинамъ брошюры на тему; „время за насъ", „сама исторія славянофильствуетъ" и т. п., — коварная исторія самымъ рѣшительнымъ образомъ перестала славянофильствовать. И когда читатель получилъ возможность познакомиться съ произведеніями славянофильской музы, ея самодовольный ликующій тонъ звучалъ уже, какъ непроизвольное, по тѣмъ болѣе жуткое, глумленіе надъ дѣйствительнымъ ходомъ событій, производилъ впечатлѣніе неумѣстнаго ерничества, какой-то разухабистой арлекинады посреди трагедіи.

Великая война, какъ и всякій великій общественный кризисъ, прежде всего обнажаетъ дѣйствительность, вскрываетъ тѣ реальныя отношенія, которыя до сихъ поръ маскировались различными иллюзіями. Въ числѣ такихъ сокрушенныхъ войною иллюзій, нѣтъ, кажется, погибшей болѣе безвоз-

вратно, чѣмъ панславизмъ. Не удивительно, что побѣдоносная славянофильская литература не нашла своего читателя-друга: она раздражала, сердила, оскорбляла людей родственнаго славянофиламъ настроенія чуть ли еще не больше, чѣмъ сторонниковъ западнической традиціи. Подъ вліяніемъ столь неблагопріятной атмосферы, выступленія какъ самихъ корифеевъ московскаго старовѣрчества, такъ и ихъ довольно многочисленныхъ вначалѣ послѣдователей быстро пошли на убыль и въ настоящее время почти совершенно прекратились.

Брошюра А. Нѣмова, устарѣвшая, подобно многимъ другимъ, еще до своего выхода въ свѣтъ, не заслуживала бы особаго упоминанія, если бы она была простымъ перепѣвомъ московскихъ мелодій. Но у А. Нѣмова подъ покровомъ ходячихъ славянофильскихъ лозунговъ чувствуется иное міроотношеніе, — гораздо болѣе глубокое и требовательное, чѣмъ ура-правовѣріе обычнаго московскаго типа.

Подобно ортодоксальнымъ славянофиламъ, А. Нѣмовъ находитъ, что современная европейская культура находится въ состояніи глубокаго кризиса и даже распада, что новый культурный подъемъ можетъ быть созданъ обращеніемъ къ традиціямъ Востока, къ ученію о Логосѣ, и что мы, русскіе, болѣе, чѣмъ какой-либо другой народъ, призваны стать проводниками этого возрожденія. Но въ то время, какъ для ортодоксовъ европейскій кризисъ начинается съ крушенія средневѣкового уклада мысли и жизни, такъ что вся культура новой Европы представляется сплошнымъ распадомъ, для Нѣмова европейскій Ренессансъ, и, въ особенности, воскрешенный германскимъ Возрожденіемъ эллинскій геній, сохраняетъ всю свою притягательную силу. Грѣхъ современной Европы — не въ томъ, что она вообще осмѣлилась провозгласить абсолютную свободу человѣческаго разума, а въ томъ, что эта гордая культура самодовлѣющей человѣчности въ настоящее время исчерпала себя, уже не зажигаетъ сердца энтузіазмомъ, не создаетъ широкихъ идеаловъ, и, несмотря на блестящіе частные успѣхи, безсильно гибнетъ въ лабиринтѣ противорѣчій.

Подобный же расцвѣтъ отдѣльныхъ знаній при общемъ распадѣ культуры античный міръ уже пережилъ въ Александрійскій періодъ поздняго эллинизма: „Вмѣстѣ съ растущимъ сознаніемъ границъ личнаго начала возникалъ и критическій вопросъ о тщетѣ всякаго человѣческаго знанія, о безсиліи разума, неспособнаго дать послѣднія основанія для здѣшней и будущей жизни“. Избавленіемъ явилось тогда ученіе о воплощеніи Логоса, примиреніе Божественнаго и человѣческаго начала въ единомъ понятіи богочеловѣчества. Подъ знаменемъ этого ученія и должна возродиться современная Европа, при чемъ, однако, возрожденіе это рисуется автору не какъ пассивное „женственное“ пріятіе откровеній и обѣтованій грядущей полноты бытія, а какъ новое торжество человѣческаго „разума и самосознанія“, „интеллектуализма“ и „раціонализма“. Г. Нѣмовъ — отнюдь не поклонникъ „смутной области предчувствій, сновъ и страстныхъ экстазовъ“. „Не въ тѣ минуты сознаемъ мы себя особенно активными, — пишетъ онъ, — когда наше сознаніе разсѣивается, и мы вступаемъ въ сумерки мысли, а въ тѣ минуты, когда наше сознаніе напрягается, когда ясность его достигаетъ высшихъ предѣловъ, когда въ немъ отчетливость почти математическая, когда мысль быстра и мѣтка, какъ стрѣла, не могущая минуть цѣли“. Какимъ же образомъ мысль, отчетливая почти математически, сможетъ осуществлять мистическое ученіе о Логосѣ? Не при помощи ли его посильной разработки въ понятіяхъ человѣческаго разума? Но вѣдь этимъ уже давно занимается европейская и наша теологія. Быть можетъ, она еще не сказала своего послѣдняго слова, но, во всякомъ случаѣ, этотъ

древній, вѣками наѣзженный и заѣзженный путь, очевидно, нельзя разсматривать, какъ какой-то новый, возрождающій культуру, принципъ. Но если выходъ изъ противорѣчій, созданныхъ „сознаніемъ границъ личнаго начала“, не можетъ открыть намъ ни философское размышленіе о Логосѣ, ни стихійный порывъ къ нему въ „снахъ“ и „страстныхъ экстазахъ“, то остается, повидимому, лишь одинъ путь: внутреннее, „имманентное“ преодолѣніе личнаго начала силами человѣческаго генія, фактическій ростъ самого поля человѣческаго сознанія и соотвѣтственное углубленіе его оріентирующаго центра. Такой духовный переворотъ, если бы онъ совершился, еще далеко не сдѣлалъ бы насъ богами, однако онъ былъ бы грандіознѣйшимъ изъ синтезовъ, до которыхъ когда-либо возвышалось человѣчество, и радикально устранилъ бы источники современнаго культурнаго кризиса. И, само собой разумѣется, мы русскіе, дальше, чѣмъ кто-нибудь, отъ этого дѣйствительнаго ренессанса. Какъ справедливо отмѣчаетъ А. Нѣмовъ, начиная съ Петра и вплоть до настоящаго времени, мы цѣнили преимущественно „полезные результаты“ европейскаго творчества, забывая, что усвоеніе ихъ „невозможно безъ постояннаго горѣнія общей культуры, безъ борьбы и труда надъ началами, которыя сами по себѣ кажутся безполезными, но въ своихъ послѣдствіяхъ оказываются благодѣтельными и спасительными“.

А. Нѣмовъ принадлежитъ къ числу многихъ, заблудившихся въ лабиринтѣ современнаго кризиса; онъ — одинъ изъ тѣхъ, о которыхъ сказано: „не знаете, какого вы духа“. Желая доставить торжество разуму, возродить къ новой жизни „мужественное аполлоновское начало“, онъ не находитъ ничего лучшаго, какъ обратиться къ колдовству, къ заклинанію тѣхъ силъ, которыя по существу своему враждебны живой мысли, всему ясному, отчетливому и человѣчески-творческому. **В. Базаровъ.**

Ш. Депере. *Превращенія животнаго міра.* Переводъ Ю. Жемчужникова, подъ редакціей и съ предисловіемъ А. Борисяка. Петроградъ. 1915. Цѣна 1 р. 75 к.

Накопленіе огромнаго описательнаго матеріала въ палеонтологіи дѣлаетъ въ настоящее время особенно цѣннымъ появленіе книги, пытающейся дать идейный пересмотръ этого матеріала. Такой книгой и является переведенная на русскій языкъ работа французскаго палеонтолога Ш. Депере, выдержавшая два изданія во Франціи и переведенная уже на англійскій и нѣмецкій языки. Авторъ даетъ въ ней (первая часть) сжатый и оригинальный обзоръ „исторіи развитія палеонтологическихъ ученій“ (новая характеристика воззрѣній Кювье). Будучи неоламаркистомъ, Ш. Депере не раздѣляетъ ученія Дарвина объ естественномъ отборѣ и придерживается мало доказанной еще теоріи „взрывовъ“ голландскаго ученаго де-Фриза, но обстоятельство это нисколько не умаляетъ значенія талантливой картины развитія органическаго міра, нарисованной авторомъ.

Во второй части Ш. Депере излагаетъ „законы палеонтологіи“, разсматривая: 1) измѣнчивость видовъ въ пространствѣ и времени, 2) причины ихъ вымиранія, 3) механизмъ появленія новыхъ формъ и 4) роль миграцій. Послѣднимъ Депере отводитъ весьма большое значеніе, оправдывающееся, однако, всѣми нашими современными познаніями въ области палеонтологіи.

Послѣдняя глава книги занята вопросомъ о появленіи жизни на земномъ шарѣ, вопросомъ, къ которому авторъ подходитъ крайне осторожно, указывая, что расширеніе нашихъ палеонтологическихъ изслѣдованій все болѣе и болѣе отдаляетъ отъ насъ надежду на его разрѣшеніе.

Переводъ книги сдѣланъ довольно хорошо; книга полезна, какъ для студентовъ, такъ и для лицъ, самостоятельно работающихъ въ области біологіи (зоологовъ и па-

леонтологовъ), а также и для самообразованія. **А. Рябининъ.**

Артуръ Шустеръ. *Прогрессъ физики.* Пер. В. Чулановскаго и С. Покровскаго подъ ред. И. И. Боргмана. Книгоиздательство „Естествоиспытатель“ Петроградъ. 1915. Цѣна 1 р. 50 к.

На глазахъ нашего поколѣнія происходитъ грандіозный переворотъ въ области физико-математическихъ знаній. Исторія науки не знаетъ другого періода, столь богатаго самыми неожиданными идеями, сколь нашъ.

Эти идеи такъ многочисленны и разнообразны, что было бы пустой попыткой даже простое перечисленіе ихъ въ небольшой замѣткѣ. Идея о сверхъ-конечныхъ числахъ и, такъ называемая, логистика въ математикѣ, электромагнитныя волны и лучи Рентгена въ физикѣ, радій, посягнувшій на верховный міровый законъ, уму непостижимыя превращенія элементовъ въ химіи и многое, многое другое уже намъ кажется устарѣлымъ, когда рядомъ съ этимъ ставишь пріобрѣтенія перваго десятилѣтія двадцатаго вѣка.

Одинъ знаменитый физикъ, коснувшись послѣднихъ открытій въ области естествознанія, характеризовалъ ихъ приблизительно слѣдующей фразой. Онъ говорилъ, что революція, которую произвелъ Коперникъ въ умахъ людей своимъ ученіемъ, — дѣтскій лепетъ, ничто по сравненію съ тѣмъ могучимъ натискомъ идей, который въ началѣ двадцатаго столѣтія неожиданно хлынулъ и опрокинулъ, казалось, прочный фундаментъ, заложенный еще двѣсти лѣтъ тому назадъ самимъ Исаакомъ Ньютономъ.

Такимъ образомъ, начало двадцатаго столѣтія ознаменовалось еще болѣе неожиданными открытіями, нежели конецъ прошлаго. Но чтобы понять новое, чтобы не потеряться въ этомъ стремительномъ потокѣ новаго и новаго, нужно вернуться къ его истокамъ, которые берутъ свое начало въ послѣдней четверти прошлаго столѣтія.

Въ „Прогрессѣ физики“ читатель найдетъ лучшее изложеніе „успѣховъ научной мысли за этотъ промежутокъ времени“. Задача автора „заключается не въ историческомъ отчетѣ о рядѣ открытій, сдѣлавшихъ памятнымъ протекшее время, но въ изслѣдованіи измѣненій, происшедшихъ въ нашихъ воззрѣніяхъ въ его теченіи“. Артуръ Шустеръ самъ является выдающимся физикомъ, его имя знакомо всякому, имѣющему какое-либо отношеніе къ этой наукѣ, и, конечно, его авторитетъ удваиваетъ интересъ къ книгѣ, тѣмъ болѣе, что его собственныя изслѣдованія нерѣдко переплетаются съ общимъ развитіемъ науки.

Эта книга представляетъ изложеніе лекцій, прочитанныхъ авторомъ по приглашенію Калькуттскаго университета. И хотя эти лекціи передъ печатью подверглись обработкѣ и измѣненію, но лекціонный стиль, живость изложенія отъ этого нисколько не пострадала. Въ первой лекціи авторъ бросаетъ взглядъ назадъ, на состояніе физики до 1875 года, знакомитъ съ общей методологіей и традиціями, царившими въ физикѣ той эпохи. Вторая лекція представляетъ замѣчательно интересное изложеніе развитія нашихъ взглядовъ на электричество: здѣсь читатель узнаетъ, какое широкое значеніе имѣетъ для всей физики ученіе о прохожденіи электричества черезъ газы. Въ третьей лекціи авторъ касается ученія о рентгеновыхъ лучахъ (что представляетъ продолженіе второй лекціи); затѣмъ онъ обращается къ открытію радія и связаннымъ съ нимъ вопросамъ о разрушеніи атомовъ и превращеніи химическихъ элементовъ; наконецъ въ заключеніе разсматриваются опытъ Майкельсона, приведшій къ извѣстной теоріи относительности, и слѣдствія электронной теоріи. Четвертая, послѣдняя, лекція посвящена разнообразнымъ вопросамъ изъ физики. Здѣсь особаго вниманія заслуживаютъ послѣднія страницы, посвященныя „той универсальной силѣ

природы, которая въ настоящее время находится внѣ связи со всѣми другими силами—силѣ тяготѣнія".

Издана книга, какъ всѣ изданія „Естествоиспытателя", удовлетворительно. Но цѣна, что опять свойственно этому издательству, нѣсколько высока.

Vartho.

Проф. Н. Н. Шапошниковъ. *Протекціонизмъ и свобода торговли.* Изд. Министерства финансовъ. Петроградъ 1915. 90 стран. Цѣна 1 рубль.

Н. Н. Шапошниковъ — одинъ изъ очень немногихъ нашихъ экономистовъ, работающихъ въ области абстрактной политической экономіи. Названная его книга, несмотря на крайнюю „актуальность" избранной имъ темы въ настоящій моментъ, также является продуктомъ чистой теоріи. Книга не содержитъ въ себѣ никакихъ фактовъ, никакого эмпирическаго изслѣдованія; въ ней нѣтъ даже никакихъ фактическихъ иллюстрацій и никакихъ аргументовъ, исходящихъ отъ реальной дѣйствительности. Автора интересуетъ „проблема въ ея общетеоретической постановкѣ; вопроса же о томъ, насколько цѣлесообразна та или иная система международной торговой политики въ данныхъ конкретныхъ рамкахъ мѣста и времени", —авторъ совершенно не затрагиваетъ. Конечно, изслѣдованіе этой проблемы подъ такимъ отвлеченнымъ угломъ зрѣнія представляетъ не одинъ академическій интересъ. Авторъ правъ въ томъ, что „такой анализъ можетъ помочь оцѣнить по достоинству всѣ тѣ аргументы общаго теоретическаго характера, которые выдвигаются при всякомъ обсужденіи какого-нибудь практическаго мѣропріятія въ области таможенной политики и которыми не пренебрегаютъ и „люди практики", часто имѣющіе весьма отдаленное представленіе о научной теоріи международной торговли". Однако, правъ авторъ и въ томъ, что его абстрактными разсужденіями нельзя рѣшить контректныхъ вопросовъ торговой политики.

Но что же даетъ намъ г. Шапошниковъ въ области теоріи международнаго торговаго обмѣна? Большая часть книжки занята изложеніемъ существующихъ фритредерскихъ и протекціонистскихъ теорій, болѣе или менѣе извѣстныхъ интеллигентному читателю. Признавая, что съ точки зрѣнія потребителя всегда выгодна свобода торговли, авторъ совершенно не раздѣляетъ того положенія классической школы, что протекціонизмъ всегда вреденъ съ точки зрѣнія производства. Мнѣніе, что свобода внѣшней торговли есть залогъ наилучшаго использованія производительныхъ силъ страны, что она обезпечиваетъ максимумъ производства, — покоится на несостоятельной предпосылкѣ, будто бы всѣ производительныя средства страны всегда въ полной мѣрѣ используются, и весь наличный капиталъ (и трудъ) цѣликомъ занятъ въ національномъ производствѣ. Въ этомъ случаѣ дешевый ввозъ, освобождая менѣе производительный капиталъ внутри страны, даетъ ему болѣе выгодное употребленіе и создаетъ излишекъ продукта. Но на самомъ дѣлѣ производительныя средства страны никогда не бываютъ использованы въ производствѣ въ полной мѣрѣ. И именно таможенная охрана, способствующая созданію болѣе выгодной рыночной конъюнктуры, можетъ дать толчокъ къ ихъ болѣе полному использованію и созданію новаго продукта. Таковъ центръ теоретической схемы автора.

Какъ видимъ ничего существеннаго „теоретическій анализъ" не прибавилъ къ ходячимъ представленіямъ о значеніи протекціонизма и свободы торговли. Въ той же мѣрѣ неоригинальны и другія, болѣе частныя заключенія автора. И если „люди практики" дѣйствительно могли бы многому научиться изъ изслѣдованія предмета новымъ для нихъ методомъ, то данное примѣненіе этого метода едва ли существенно расширитъ ихъ кругозоръ. „Вреда или пользы протекціонизма, — говоритъ авторъ, — въ его

конкретномъ проявленіи въ жизни нельзя доказать общими соображеніями; для этого необходимъ детальный эмпирическій анализъ каждаго таможеннаго мѣропріятія въ отдѣльности". Особенно необходимъ такой анализъ для выводовъ о нашей таможенной политикѣ, представляющей собою эксцессъ протекціонизма. И тутъ ужъ, во всякомъ случаѣ, теоретическія построенія рѣшительно ничему не помогутъ.

Наибольшій теоретическій интересъ въ работѣ г. Шапошникова представляетъ разборъ оригинальной схемы Р. Шюллера, иллюстрирующей выгоды и невыгоды свободнаго ввоза отдѣльныхъ товаровъ, въ зависимости отъ внутреннихъ условій производства этихъ товаровъ. По существу эта схема, наиболѣе убѣдительная для сторонниковъ „австрійской школы", покоится на болѣе чѣмъ сомнительныхъ основаніяхъ.

Тяготѣя къ таможенной охранѣ промышленности, авторъ относится отрицательно къ аграрному протекціонизму; въ частности, подобно г. Гольдштейну, онъ считаетъ необходимымъ парализовать дешевый заграничный ввозъ „премированныхъ" товаровъ усиленіемъ таможеннаго обложенія.

Н. С.

Общество имени А. И. Чупрова для разработки общественныхъ наукъ. *Труды комиссіи по изученію современной дороговизны.* Москва 1915. Вып. I. 527 стр. Цѣна 3 руб. — Вып. II. 294 стр. Цѣна 2 руб. — Вып. III. 310 стр. Цѣна 2 руб.

Въ первомъ же своемъ засѣданіи послѣ начала войны дѣятельное Чупровское общество постановило изслѣдовать вліяніе войны на народное хозяйство. Въ сентябрѣ 1914 года имъ была организована комиссія для изученія финансовыхъ мѣропріятій въ связи съ войной; въ октябрѣ того же года образовалась комиссія о положеніи труда въ Москвѣ. Въ мартѣ 1915 года обществомъ были начаты труды по изученію дороговизны — въ огромномъ масштабѣ и по чрезвычайно широкой программѣ.

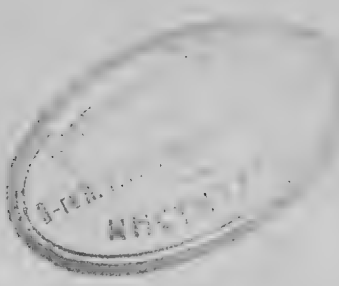
Правда, фактическія проявленія дороговизны и причины, ее обусловливающія, представляютъ собою тему почти неисчерпаемую, и, располагая ограниченнымъ количествомъ времени, комиссія отказалась отъ непосильной задачи — изслѣдовать вопросъ во всемъ его объемѣ. Но то, что сдѣлано экономистами Чупровскаго общества въ 5—6 мѣсяцевъ для изученія коренной экономической проблемы современности, представляетъ собой не только единственное явленіе, не имѣющее себѣ подобныхъ среди частныхъ, общественныхъ и казенныхъ литературныхъ трудовъ, но и дѣйствительно монументальное изслѣдованіе дороговизны, которое будетъ служить исходнымъ пунктомъ и для теоретическихъ работъ, и для дальнѣйшихъ монографій, и для компиляцій, и для практическихъ мѣропріятій.

Программа изслѣдованія расчленяется на три группы вопросовъ. Первая группа объединяетъ собой вопросы, связанные съ проявленіемъ дороговизны. Общее изслѣдованіе движенія цѣнъ на предметы массоваго потребленія, а также спеціальное изученіе сельскохозяйственнаго рынка (производство, вывозъ, потребленіе) — дополнены рядомъ монографій о положеніи на рынкѣ многихъ отдѣльныхъ продуктовъ. Во вторую группу вопросовъ включены темы, посвященныя выясненію причинъ и слѣдствій дороговизны (денежное обращеніе, кредитъ и банки съ ихъ кредитными и коммерческими операціями, транспортъ, мѣропріятія администраціи, финансовая политика и новые налоги, отмѣна продажи питей, закупка для арміи, положеніе рабочаго рынка). Третья группа затронутыхъ изслѣдованіемъ вопросовъ касается практическихъ мѣръ борьбы съ дороговизной, примѣняемыхъ правительственными органами, муниципальными организаціями и кооперативами.

Конечно, мы здѣсь не можемъ по существу разбирать огромное изслѣдованіе и отдѣльные его элементы (отдѣльныя статьи), Что же касается его общаго плана и общаго характера его выполненія, то по этому поводу можно было бы замѣтить слѣдующее. При всей цѣнности отдѣльныхъ очерковъ, составляющихъ три большихъ тома, самый подборъ ихъ нельзя не признать нѣсколько случайнымъ. Объясняется это, вѣроятно, тѣмъ, что участники изслѣдованія, помимо личныхъ склонностей и спеціальностей, естественно, шли по линіи наименьшаго сопротивленія и брались за выполненіе тѣхъ отдѣловъ, по которымъ можно было найти наибольшее количество матеріала. Въ результатѣ получилась довольно значительная несоразмѣрность частей изслѣдованія. Такъ третья группа вопросовъ, сравнительно съ первой, обслужена крайне скудно. Въ самой программѣ вопросовъ, приведенной выше, среди причинъ, вліяющихъ на дороговизну и подлежащихъ выясненію, мы не встрѣчаемъ такого важнаго фактора, какъ спекуляція торговцевъ. Наконецъ, еще болѣе важному фактору дороговизны, состоянію желѣзнодорожнаго транспорта въ періодъ войны, посвящена только небольшая статья А. М. Арцимовича, занимающая меньше полутора листовъ. Въ то же время, напримѣръ, монографія В. П. Милютина о сельско-хозяйственныхъ рабочихъ, имѣющая и освоему содержанію довольно отдаленное отношеніе къ дороговизнѣ, занимаетъ около $2^1/_2$ листовъ, а статья Д. Н. Иванцова объ урожаѣ 1914 года занимаетъ цѣлыхъ 5 печатныхъ листовъ.

По характеру исполненія работы сборника не однородны: однѣ изъ нихъ имѣютъ строго дѣловой видъ, другія построены на широкомъ теоретическомъ базисѣ. Особенно богаты теоретическимъ содержаніемъ работы П. П. Маслова, В. Г. Громана, Ѳ. А. Липкина и З. С. Каценеленбаума.

Н. С.



КНИГИ, ПОСТУПИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ.

Алтаевъ, А. А. *Пѣвецъ страданья и свободы.* Жизнь М. Ю. Лермонтова. Кн-во „Жизнь и Знаніе". П. 1915. Стр. 325. Ц. 1 р.

Алтаевъ, А. Л. *Поэты юности* В. А. Жуковскій. М. Ю. Лермонтовъ. С. Я. Надсонъ. Кн-во „Жизнь и Знаніе". П. 1915. Стр. 445. Ц. 1 р. 75 к.

Алтаевъ, Ал. *Юноша-поэтъ.* Жизнь и творчество С. Я. Надсона. Кн-во „Жизнь и Знаніе". П. 1915. Стр. 93. Ц. 50 к.

Афанасьевъ, К. В. *Маленькіе разсказы.* Кн-во „Славянская лира". М. 1915. Стр. 85. Ц. 30 к.

Ашевскій, С. *Русскіе писатели и война.* Изд. „Задруга". М. 1915. Стр. 127. Ц. 50 к.

Бёккъ, Р. М., д-ръ. *Космическое сознаніе.* Кн-во „Новый Человѣкъ". П. 1915. Стр. 373. Ц. 2 р. 50 к.

Букшпанъ, Я. М. *Проблема чайной монополіи и міровой чайный рынокъ.* П. 1915. Стр. 133.

Вагнеръ, Германъ. *Разсказы о разныхъ замѣчательныхъ растеніяхъ.* Пер. съ нѣм. В. Величкиной. Кн-во „Жизнь и Знаніе". П. 1915. Стр. 174. Ц. 65 к.

Винниченко, В. *Божки.* Ч. I. Т. 7 и ч. II. Т. 8. Изд. „Московскаго Книгоиздательства". М. 1915. Стр. 243 × 243. Цѣна каждой части по 1 р. 25 к.

Вознесенскій, С. *Русская литература о славянствѣ.* (Опытъ библіографическаго указателя.) Изд. Карбасникова. П. 1915 г. стр. 229. Ц. 1 р.

Война и Костромская деревня. (По даннымъ анкеты статистическаго отдѣленія.) Изд. оц.-стат. отд. Костр. губ. Зем. Управы, Кострома. 1915 г. Стр. 142.

Войтинскій, Вл. и Горнштейнъ, А. *Евреи въ Иркутскѣ.* Изд. Хоз. Правл. Ирк. Евр. Молит. Дома и Ирк. Отд. Общ. Распр. просв. между евреями въ Россіи. Иркутскъ. 1915 г. Стр. 393. Ц. 2 р. 50 к.

Гаазе, Е. *Земная кора.* Введеніе въ изученіе геологіи. Пер. Б. П. Дитмара, съ пред. С. Г. Григорьева. Кн-во „Космосъ". М. 1906. Стр. 210. Ц. 2 р. 50 к.

Галати, Екатерина. *Тайная жизнь.* Стихотворенія. Скл. изд.: въ кн. маг. Т-ва Н. О. Вольфъ. П. 1906. Стр. 85. Ц. 1 р.

Гаршинъ, Всеволодъ. *Сигналъ.* Разсказъ. Кн-во „Жизнь и Знаніе". П. 1905. Стр. 21. Ц. 6 к.

Гаршинъ, Всеволодъ. *Сказаніе о гордомъ Аггеѣ.* Кн-во „Жизнь и Знаніе". П. 1915. Стр. 22. Ц. 6 к.

Гаршинъ, Всеволодъ. *То, чего не было.* Разсказъ. Кн-во „Жизнь и Знаніе". П. 1915. Стр. 14. Ц 5 к.

Гемпель, Р. *Подъ огненнымъ дождемъ.* Пер. съ нѣм. А. Острогорской. Изд. 3-е. Изд. „Библіотеки юнаго читателя". П. 1915. Стр. 111. Ц. 35 к.

Герцовскій, Ив. *Каскадъ любви.* Первый сборникъ стиховъ. Изд. автора. Ростовъ на Дону 1915. Стр. 32. Ц. 35 к.

Горькій, М. *О писателяхъ самоучкахъ.* Кн-во „Жизнь и Знаніе" П. 1915. Стр. 63. Ц. 25 к.

Гребенщиковъ, Георгій. *Въ просторахъ Сибири.* Т. II. Изда-

тельское Т-во Писателей. П. 1915 г. стр. 293. Ц. 1 р. 25 к.

Джivелеговъ, А. К. *Нѣмецкая культура и война.* Изд. т-ва Кушнерева и Ко. М. 1915. Стр. 63. Ц. 18 к.

Дѣевъ-Хомяковскій, I. *Бездорожье и На межѣ. Разсказы.* Изд. „Дружба". М. 1913 г. Стр. 32 Ц. 7 к.

Дѣевъ-Хомяковскій, I. *О созданіи крестьянскихъ университетовъ въ Россіи.* Изд. Сурикъ. Лит.-Муз. Кружка. М. 1915 г. стр. 29.

Евреиновъ. *Театръ для себя.* Часть I. Изд. Н. И. Бутковской. П. 1915 г. стр. 208. Ц. 1 р. 75 к.

Елеонская, Е. *Соединенные Штаты* Изд. Т-ва Кушнеревъ и Ко. М 1915. Стр. 35. Ц. 10 к.

Елеонская, Е. *Турція.* Изд. Т-ва Кушнеревъ и Ко. М. 1915 г. Стр. 40. Ц. 12 к.

Елпатьевскій, С. *Гекторъ и разсказы о прошломъ.* Кн-во Писателей въ Москвѣ. М. 1916. Стр. 87. Ц. 50 к.

Елпатьевскій, С. *Разсказы о прошломъ.* Т. 3-й. Изд. 2-е. Кн-во Писателей въ Москвѣ. М. 1916. Стр. 269. Ц. 1 р. 25 к.

Ишенецкій, А. *Горныя вершины.* Драматическая фантазія. Изд. автора. П. 1915 г. Стр. 86. Ц. 1 р.

Кикасъ, Э. и Рейзенбукъ, М. *Французскій иллюстрированный словарь.* Вып. I. Для младшихъ и среднихъ классовъ среднеуч. заведеній. Скл. изд. въ кн. маг. Т-ва М. О. Вольфъ. Юрьевъ. 1915. Стр. 86. Ц. 40 к.

Кондратьевъ, Н. Д. *Развитіе хозяйства (кинешемскаго земства, Костромской губерніи.* (Соц.-Экон. и финанс. очерк.). Съ пред. проф. П. П. Мигулина, подъ ред. прив.-доц. А. I. Буковецкаго. Изд. Кинешемскаго уѣзд. земства, Кинешма. 1915. Стр. 403. Ц. 1 р. 50 к.

Кунъ, Н. А. *Магометъ и магометанство.* Изд. Т-ва Кушнеревъ и Ко. М. 1915 г. Стр. 48. Ц. 15 к.

Лазаревъ, Вл. *Безъ дороги.* Разсказъ. Изд. „Дружба". М. 1913 г. Стр. 19. Ц. 3 к.

Лёвбергъ, Марія. *Лукавый странникъ.* Стихи. Изд. автора П. 1915. Стр. 43. Ц. 60 к.

Лермонтовъ, М. Ю. *Вѣтка Палестины и др. стихотворенія.* Кн-во „Жизнь и Знаніе". П. 1915. Стр. 48. Ц. 6 к.

Лермонтовъ, М. Ю *Мцыри.* Кн-во „Жизнь и Знаніе". П. 1915. Стр. 32. Ц. 4 к.

Лермонтовъ, М. Ю. *Пѣсня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова.* Кн-во „Жизнь и Знаніе". П. 1915. Стр. 22. Ц. 3 к.

Лермонтовъ, М Ю. *Узникъ и др. стихотворенія.* Кн-во „Жизнь и Знаніе". П. 1915. Стр. 32. Ц. 4 к.

Литинскій, I. А. д-ръ мед. *Аэро-Соляріи.* (Воздушно-солнечныя галлереи). Изд. автора. Ялта. 1916. Стр. 20. Ц. 30 к.

Лукохинъ, Д. А. *Графъ С. Ю. Витте, какъ министръ финансовъ.* Изд. автора. П. 1915. Стр. 40. Ц. 50 к.

Марголинъ, С. О. *Матеріалы и изслѣдованія о еврейской ремесленной промышленности.* Т. II. Портняжное производство. Изд. О-ва ремесленнаго и земледѣльческаго труда среди евреевъ въ Россіи. П. 1915 г. Стр. 152. Ц. 75 к.

Могилянскій, Мих. *О культурномъ творчествѣ (Украинская проблема).* Скл. изд.: Петроградъ, Петр. Сторона, Большой пр., № 1. П. 1916. Стр. 23. Ц. 20 к.

„Молодые побѣги". *Пѣсни — стихи.* Изд. „Дружба". М. 1913 г. стр. 16. Ц. 3 к.

Наркирьеръ, С. *Египетъ.* Изд. Т-ва Кушнеревъ и К°. М. 1915. Стр. 48. Ц. 15 к.

Никандровъ, Н. *Береговой вѣтеръ.* Разсказы. Кн-во Писателей въ Москвѣ. М. 1915. Стр. 231. Ц. 1 р. 25 к.

Новь. *Стихи.* Сб. I. Скл. изд.: Петроградъ, Калашниковскій, 4, кв. 33. П. 1915 г. Стр. 59. Ц. 75 к.

Орловъ, А. С. *Кооперація въ Россіи наканунѣ и во время войны.* Изд. Т-ва Кушнеревъ и К°. М 1915 г. Стр. 71. Ц. 20 к.

„Очарованный Странникъ". *Альманахъ зимній.* Т-во Эго-футуристовъ. П. 1915. Стр. 16. Ц. 35 к.

Павловичъ, С. А. *Простѣйшія ра-*

боты по изготовленію коллекцій въ школѣ и дома. Краткое практическое руководство для начинающихъ натуралистовъ и пособіе для руковод. занятіями по естеств. и ручному труду. Кн-во „Жизнь и Знаніе. П. 1915. стр. 360. Ц. 1 р. 30 к.

Первовъ, П. Д. *Очерки по методикѣ преподаванія латинскаго языка сравнительно съ русскимъ.* М. 1913. Стр. 583. Ц. 3 р. 50 к.

Пименова, Э. *Природа и люди Африки.* Изд. 4-е. Изд. „Библіотеки юнаго читателя". П. 1915. Стр. 160. Ц. 50 к.

Пименова, Э. *Японія „страна тысячи острововъ".* Изд. 4-е. Изд. „Библіотеки юнаго читателя". П. 1915. Стр. 112. Ц. 50 к.

Покровскій, Н. *У родныхъ пенатовъ и жизненная проза.* Разсказы. Изд. „Дружба". М. 1913 г. Стр. 32. Ц. 7 к.

Поповъ, А. А. *Популярныя таблицы по исторіи философіи,* составленныя по В. Виндельбанду, кн. С. Н. Трубецкому и др. источникамъ. Ч. I. Древняя и средневѣковая философія. (Табл. I и II.) Ч. II. Новая философія до Канта и отъ Канта до Ницше. Табл. III и IV. П. 1916 г. Цѣна кажд. части 75 к.

Родныя пѣсни. *Сборникъ стихотвореній Н. А. Некрасова.* И. С. Никитина. Ю. В. Шадовской. И. З. Сурикова. С. Я. Надсона. Д. С. Дрожжина и др. Составилъ Вл. Бонъ-Бруевичъ. Изд. 3-е. Кн-во „Жизнь и Знаніе". П. 1915. Стр. 80. Ц. 20 к.

Рославлевъ, Александръ. *Сквозь цвѣтныя стекла.* Изд. Лукоморье. П. 1915. Стр. 249. Ц. 1 р. 50 к.

Сентъ-Ивъ д'Альвейдръ, А. *Миссія Индіи въ Европѣ.* Кн-во „Новый Человѣкъ". П. 1915. Стр. 157. Ц. 1 р.

Серафимовичъ, А. *По рѣкѣ.* Разсказы. Т. IV. Изд. 2-е. Кн-во Писателей въ Москвѣ. М. 1915. Стр. 191. Ц. 1 р. 25 к.

Слезкинъ, Юрій. *Святая радость.* Изд. „Лукоморье". П. 1915 г. Стр. 255. Ц. 1 р. 75 к.

Содомовъ, А. Н. *Болгарія.* Изд. Т-ва Кушнеревъ и К°. М. 1915. Стр. 43. Ц. 15 к.

Содомовъ. А. Н. *Сербія.* Изд. Т-ва Кушнеревъ и К°. М. 1915. Стр. 52. Ц. 18 к.

Содомовъ, А. Н. *Славяне, ихъ прошлое и настоящее.* Изд. Т-ва Кушнеревъ и К°. М. 1915. Стр. 58. Ц. 18 к.

Содомовъ, А. Н. *Черногорія.* Изд. Т-ва Кушнеревъ и К°. М. 1915. Стр. 27. Ц. 10 к.

Содомовъ, А. Н. *Чехія.* Изд. Т-ва Кушнеревъ и К°. М. 1915. Стр. 37. Ц. 15 к.

Спасскій, Сергѣй. *Колдунъ.* Поэма. Изд. „Дружба". М. 1916. Стр. 16. Ц. 10 к.

Сумъ, Н. Э. *Почему дѣйствительно нельзя пить денатурированный спиртъ, политуру и одеколонъ?* Кн-во „Жизнь и Знаніе". П. 1915. Стр. 37. Ц. 8 к.

Сургучевъ, И. *Осеннія скрипки и разсказы.* Т. III. Кн-во Писателей въ Москвѣ. М. 1915. Стр. 25 Ц. 1 р. 25 к.

Тимковскій, Н. *Сергѣй Шумовъ.* Разсказы. Изд. 3-е. Кн-во Писателей въ Москвѣ. М. 1915. Стр. 293. Ц. 1 р. 50 к.

Толстой, гр., А. Н. *Приключенія Растегина.* Т. VII. Кн-во Писателей въ Москвѣ. М. 1915. Стр. 190. Ц. 1 р. 25 к.

Труды *комиссіи по изученію современной дороговизны.* Вып. I. — Стр. 527. Ц. 3 р. Вып. II. — Стр. 295. Ц. 2 р. Вып. III. — Стр. 310. Ц. 2 р. Изд. Об-во имени А. И. Чупрова для разраб. общ. наукъ при Имп. Моск. Унив. М. 1915.

Тулубъ, Павелъ. *Изъ судейской практики рѣшенія по гражданскимъ дѣламъ.* Вып. I. Кн-во Н. И. Самопенко. Кіевъ. 1916. Стр. 134. Ц. 1 р. 50 к.

Филатовичъ, Борисъ. *Галиція.* Мѣсто возможнаго столкновенія съ Австріей. Изд. Спб. Военнаго издательства. П. 1913. стр. 32.

Филатовичъ, Борисъ. *Разсказы.* Книга 2-я. Изд. автора. Нижній-Новгородъ. 1912. Стр. 202. Ц. 65 к.

Филатовичъ, Борисъ. *Родное.* Разсказы офицера. Книга 1-я. Изд. автора. Нижній-Новгородъ. 1910. Стр. 128. Ц. 45 к.

Хинтонъ, С. Х. *Четвертое измѣреніе и новая эра мысли.* Кн-во „Новый Человѣкъ". П. 1915. Стр. 256+8. Ц. 1 р. 75 к.

Чулковъ, Георгій. *Вчера и сегодня.* Очерки. Изд. „Сѣверные дни". М. 1916. Стр. 166. Ц. 1 р. 25 к.

Чулковъ, Георгій. *Люди въ туманѣ.* Книга разсказовъ. Изд. „Сѣверные дни". П. 1916. Стр. 177. Ц. 1 р. 25 к.

Шевцовъ. Петръ. *Бельгійцы.* Трагедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ. Изд. Келлеева. П. 1915. Стр. 75. Ц. 1 р.

Шмелевъ, Ив. *Карусель.* Разсказы. Т. VI. Кн-во Писателей въ Москвѣ. М. 1916. Стр. 226. Ц. 1 р. 25 к.

Шмелевъ, Ив. *Распадъ.* Т. I. Изд. 2-е. Кн-во Писателей въ Москвѣ. М. 1915. Стр. 223. Ц. 1 р. 25 к.

Эрвинъ Розенъ (Карлэ). *Изъ воспоминаній добровольца.* (Изъ эпохи войны 1898 г. между Америкой и Испаніей). Пер. съ нѣм. А. Острогорской. Изд. „Библіотеки юнаго читателя". П. 1915. Стр. 136. Ц. 45 к.

Редакторъ А. Ѳ. Радзишевскій. Издатель А. Н. Тихоновъ.

